

НОВОБИТЪ МИТОСЪ

4

1954

НОВОБИТЪ

Абрамъ

1954

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXX

№ 4

Апрель, 1954 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
М. ГАНИНА — Первые испытания, повесть	3
АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ — Заречье, стихи	77
Г. ТРОПОЛЬСКИЙ — Соседи, рассказ	80
СТЕПАН ЦИПАЧЕВ — Тень облачка скользит по раме... Стихи	99
ФЕДОР ГЛАДКОВ — Лихая година, повесть. Окончание	100
ПРОБЛЕМЫ НАУКИ	
Академик А ВИНТЕР, инженер А. МАРКИН — Энергетика в борьбе за избыток	143
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
Д. КРАМИНОВ — Американские встречи. Окончание	154
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Ф. АБРАМОВ — Люди колхозной деревни в послевоенной прозе (Литературные заметки)	210
Трибуна читателя	
О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ	232
КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	237
Н. Леонтьев. Альманах «Север». — И. Козлов. «Когда крепости не сдаются». — И. Трофимов. Художник слова. — Вл. Николаев. Новый друг. — А. Наркевич. Детская литература в изложении А. Гречишниковой. — В. Лакшин. О мастерстве драматурга. — В. Гура. Литература и библиография. — Л. Лозинская, Е. Фрадкина. Роман о рабочих демократической Германии.	267
<i>Политика и наука</i>	267
В. Завадский. По твердому курсу. — Л. Баграмов. Слово очевидцев. — В. Дворцов. Америка в прошлом и настоящем. — Кандидат экономических наук В. Дмитриев. Русские новаторы железнодорожной техники. — Инженер-геолог Ф. Бублейников. Советская наука о строении земли. — А. Асеев. Основоположник научного степного лесоразведения.	
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	286

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

М. ГАНИНА

★

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Сквозь открытое окно была видна мокрая, тепло дымящаяся под солнцем мостовая. Спешили прохожие, одетые кто по-зимнему, кто по-весеннему: погода ещё не установилась. У края тротуара стоял, нагнувшись, мальчишка лет шести и внимательно следил, как другой, поменьше, перепруживал поток весенней воды. Вода, зятанутая серой морщинистой плёнкой, медленно поднималась, потом хлынула поверх запруды. Мальчишка отскочил, сел прямо на тротуар и принялся выливать воду из калоши.

«Попадёт ему от матери!» — подумал Лавренюк и отошёл от окна.

В большой райкомовской комнате, заставленной столами, было пусто, чисто. До начала заседания пленума оставалось три часа. Сегодня должен был слушаться отчёт комсомольской организации завода, секретарём которой был Лавренюк. Собственно, он и пришёл сюда пораньше, чтобы привести в порядок и переписать заново материалы отчёта. Но ничего не хотелось делать. На душе было смутно.

Днём, когда Лавренюк подошёл к станку Михаила Звездина, чтобы спросить о чём-то, тот хмуро взглянул на него и неожиданно сказал:

— Ну вот, Петро, мы квиты. Варька-то теперь и не моя. Разошлись мы с ней...

Первое, что ощутил Лавренюк тогда, была радость. Он, наверное, не сумел скрыть этого, потому что Михаил невесело усмехнулся, покачал головой, потом сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вот с квартирой устроюсь, сынишку к себе возьму.

«Он и не любил её. Это точно уже, что не любил, — размышлял Лавренюк, рассеянно чиркая пером по бумаге. — Разошлись... И двух лет не прожили. Только что сына нажили».

Думал он о Варе со всё возрастающей нежностью.

«Подожду немножко, пока забудется у неё. А там поговорю серьёзно. Захочет — вместе будем. Мальчонка не помеха. Маленький, привыкнет: папа и папа. А там... свои будут...»

Лавренюк даже поёжился: по телу прошёл лёгкий озноб, будто он опять ощутил рядом мягкие варины руки, губы, глаза — всю её, ласковую и неуклюжую.

«Чем же ты присушила меня, нескладёха эдакая! — Лавренюк уронил голову на руки, запустил пальцы в густые светлые волосы. — Или натура у меня такая нелепая? Существуют, говорят, на свете однолюбы... Эх, если бы не Михаил...»

Покатилась по столу и упала, брызнув чернилами, вечная ручка. Лавренюк поднял голову, встряхнулся.

«Ну, хватит. Размечтался...»

Он опять занялся отчётом. «Проведено концертов самодеятельности для избирателей во время выборов... Особенно активное участие...»

Подмосковный заводик, на котором работал Лавренюк, — небольшой, но молодёжи тут много. Лавренюк привык к своей работе комсомольского секретаря, любил её. Приятно было чувствовать свою ответственность за судьбу каждого парня, каждой девчонки, поступающей на завод.

Сколько их за шесть послевоенных лет пришло и ушло из комсомольской организации! Кончали школы рабочей молодёжи, шли в техникумы, институты... Не ему ли в какой-то степени была обязана и Варя тем, что кончила вечерний техникум и работает теперь конструктором?..

Дверь распахнулась. Лавренюк поднял голову. На пороге стояла долговаяя, по-юному угловатая девушка с короткими пушистыми волосами.

— Наташа? — Лавренюк встал. — Ты зачем?

Девушка вспыхнула, улыбнулась, доверчиво шагнула навстречу.

— Ой, Петя...

Лавренюк ласково взял обе наташины руки в свои, заглянул ей в глаза.

— Косички отрезала?

— Я уже давно... — Наташа насупилась и независимо подняла голову.

— Ну, правильно. Ты же теперь взрослая. — Лавренюк отпустил её руки, прошёл к столу, сел.

— Я давно взрослая, — вслед ему неуверенно проговорила Наташа.

— Да ну? — Лавренюк, чувствуя, как у него становится веселее на душе, как уходят прочь грустные и сумбурные думы о Варе, улыбаясь, разглядывал Наташу. Она и правда выросла, стала длинноногой и худенькой, подурнела. С Наташей Лавренюк чувствовал себя легко и свободно. Наверное потому, что она была значительно моложе, он, не замечая в Наташе девушки, относился к ней ласково и немного снисходительно, как взрослый.

— А мне жалко твоих косичек, — сказал Лавренюк. — Ты с ними была красивей. Сколько мы с тобой не виделись, год?

— Ну и пусть! — Губы у Наташи обиженно дрогнули. — Я и не хочу быть красивой.

— Рассказывай! — Лавренюк рассмеялся.

Сам по натуре не слишком застенчивый, Лавренюк всегда питал симпатию к застенчивым людям. Пожалуй, этой чертой и привлекла его к себе Наташа, когда он впервые с нею встретился. Это было три года назад. Лавренюк, тогда инструктор райкома, присутствовал на комсомольском собрании в машиностроительном техникуме. Ему понравилось горячее выступление девочки-подростка. — судя по внешности, ей можно было дать лет четырнадцать-пятнадцать. Форменное коричневое платье, толстые косички, колечки волос на висках — совсем школьница. В перерыве Лавренюк заговорил с ней. Неожиданно она застеснялась, взглянула на него дичком и поскорее отошла за спины подруг. Это рассмешило и тронуло Лавренюка. В следующее посещение техникума он опять отыскал эту девочку и попытался «войти к ней в доверие», как он мысленно назвал это своё настойчивое стремление вызвать её на разговор. Потом Наташа стала относиться к нему просто и доверчиво, как к старшему брату. Но вот уже с год примерно они не виделись, и Наташа отвыкла от него. Лавренюк опять улыбнулся и поманил её.

— Ну, ты что там прилипла? Иди, садись.

Наташа подошла, села в кресло напротив Лавренюка и, встретившись с ним взглядом, опять покраснела, нахмурилась, стала смотреть в окно.

— Зачем ты зашла?

— Я — спросить. Уже нет никого?

— Как видишь. Кроме меня...

— А ты не знаешь? — Наташа повернулась к нему и, серьёзно глядя в глаза, спросила: — Я вот техникум кончила. Мне с учёта сниматься или нет?

— Кончила? — Лавренюк даже привстал со стула. — Ого! Так ты и вправду взрослый человек? Здорово.

— Я и диплом уже получила. — Наташа вынула из кармана пальто темнокрасную кожаную книжечку с белым тиснёным гербом и надписью «Диплом техника». — Нам сегодня вручали.

«Надо же, девчонка такая, а туда же, техник!» — Лавренюк покачал головой и раскрыл книжечку.

Перевидал их на своём веку Лавренюк множество, потому что едва ли не каждый из его комсомольцев, кончая техникум или институт, заходил к нему похвастаться дипломом, а кто постарше — и «спрыснуть» окончание учебного заведения.

«Интересно, как же сложится жизнь у этой смешной девчонки? Сейчас ведь у неё самое-самое...» — думал Лавренюк.

— А работать ты куда хочешь идти? — спросил он вслух.

— В цех, — неуверенно ответила Наташа. — К людям ближе.

Видно было, что она не задумывалась над этим, полагаясь во всём на распределительную комиссию.

— Да... в цех... — Лавренюк прикрыл лицо рукой. — Ну что ж. Если ты всерьёз, иди-ка к нам на завод мастером.

— Мастером? — Наташа широко раскрыла глаза.

— Ну да! — поддразнил её Лавренюк. — Как же, с образованием и вдруг — мастер! Так?

— Нет, я знаю, сейчас даже практики-мастера на специальных курсах учатся... Только я не хочу мастером. Вот ещё!.. — Она взмахнула рукой.

— Понимаешь, Наташка, — Лавренюк отложил диплом в сторону и перегнулся через стол, чтобы быть поближе к ней, — понимаешь, есть у нас на заводе мелкоточкарная группа, рабочие в этой группе большей частью из учеников да из ремесленного училища. А мастера там второй месяц нет...

— Ну его, не буду! — Наташа упрямо покачала головой. — Стану я с ремесленниками возиться, они хулиганы такие... Мы на практике были, так всё время дразнятся! Они меня и слушать не будут.

— Не хочешь? А зря. Я бы помог тебе. — Лавренюк положил руку поверх руки Наташи и настойчиво заглянул ей в глаза. — Ты же ещё сама не знаешь, что тебе нужно! Поработай, посмотри...

Лавренюк не знал, прав ли он, желая устроить по-своему судьбу этой девочки, но ему казалось, что так нужно и что Наташа всё-таки поступит так, как он хочет.

— Работа эта живая, интересная, как раз по тебе... Ну?

Наташа, помедлив, ответила:

— Не знаю я, Петя...

— Подумай. — Лавренюк откинулся на спинку стула, взял диплом и посмотрел в окно. Вспомнилось, что Варя так и не пришла к нему похвастаться дипломом, потому что тогда уже у них с Михаилом готовилась свадьба... Лавренюк вздохнул.

Наташа, наверно, приняла вздох на свой счёт и тревожно взглянула на него.

— Ты сердисься? Я знаю, я дура, что не соглашаюсь; наверное, это и правда интересно — воспитывать людей... рабочих... Но ведь я такая несдержанная, Петя. Я сейчас же накричу, со всеми перессорюсь. Я когда комсоргом в группе была — и то часто с ребятами ругалась.

Лавренюк улыбнулся.

— Эх ты, ребёнок! Сдержанности учатся ведь... — Он взглянул на часы. — До начала пленума полтора часа, так что ты уходи, ладно? А то я отчёт не кончу.

Наташа поднялась и медленно взяла со стола диплом.

— А летом ты куда? — Лавренюк поймал её за кисть руки и шутливо потянул к себе через стол. — Давай, кто сильней.

— Ну тебя! — Наташа смущённо выдернула руку. — В лагерь поеду, вожатой.

— Это здорово! — Лавренюк хлопнул рукой по столу. — Вот там ты и научишься... сдержанности. — Он засмеялся. — Поезжай в наш лагерь, заводской. Я скажу тут, в райкоме.

— Ладно, мне всё равно в какой... — Наташа посмотрела на него исподлобья, повернулась и пошла к дверям. Со спины она совсем походила на взрослую девушку. Красный высокий беретик, сдвинутый немного набок, пышные короткие волосы, сильные ноги в тонких чулках и красивых туфельках. Вот только пальто уже заметно коротковато, Наташа от этого кажется длинноногой, и худые руки с крупными кистями далеко высовываются из рукавов.

— До свидания! — Наташа обернулась и, перехватив взгляд Лавренюка, сердито покраснела.

— До свидания... — Лавренюк сделал вид, что он очень занят отчётом. — Так ты обязательно заходи через недельку... прямо на завод. Позвонишь из проходной, я тебе пропуск выпишу.

2

Главный инженер Сайко провожал сына в лагерь.

Солнце прокалило асфальт платформы так, что он полз под каблучками и обжигал даже сквозь подошву.

Провожających было много: они теснились у самых окон украшенных флажками вагонов, пытаясь разглядеть своих, на долгий срок — на месяц с лишним — покидающих дом детей.

Какая-то женщина — Сайко плохо знал её, кажется, работница цеха ширпотреба — всё просила:

— Юра, да позови же мне моего, пусть хоть выглянет. Сказать ему надо...

Сайко стоял в стороне, не лез в толпу: и так жарко. Светлая шёлковая рубашка пошла тёмными пятнами, липла к спине и груди. Больше всего ему хотелось сейчас снять ботинки, носки, опустить горячие, отёкшие ноги в холодную воду... Раздражало всё: и суeta на платформе, и шум, и жара, и вообще всё, даже молодая пара, прощавшаяся неподалёку от него.

Маленькая, очень полная девушка в светлом платье и тапочках на босу ногу стояла рядом с высоким парнем в белой рубашке с закатанными до локтей рукавами и красным галстуком на загорелой шее и, глядя ему в лицо карими влажными глазами, что-то быстро говорила. Парень слушал полуотвернувшись.

Сайко присмотрелся и покачал головой: по всей видимости, там происходило нечто серьёзное. Он хорошо знал обоих — это были муж и жена. Варя Козлова работала у них на заводе техником-конструктором, Михаил Звездин — токарем в механическом цехе и теперь уезжал в лагерь старшим вожатым.

Варя что-то требовательно сказала мужу. Михаил вздохнул, пригладил свои прямые, рассыпающиеся на обе стороны волосы, и Сайко увидел, что в глазах его вдруг мелькнул холодный, жёсткий огонёк. Губы явственно произнесли:

— Нет.

Он отвернулся от Вари и, видимо, колебался — уйти ему или остаться, потом искоса взглянул на неё, тряхнул головой и, неловко притянув к себе, быстро поцеловал её чёрные прямые волосы.

— Ладно, мне идти надо. — Он поправил галстук и ушёл к вагонам. Варя медленно побрела куда-то мимо Сайко, глядя прямо перед собой невидящими глазами, не вытирая расплывающихся по щекам слёз.

«Что такое? — Сайко встревоженно проводил глазами коротенькую фигурку в светлом платье. — Вроде только жить начали».

Он выпил стакан тёплой кисловатой газированной воды, сердито сказал продавщице: «Будто из лужи зачерпнули!» — и, не глядя на неё, что-то обиженно объяснявшую, пошёл по перрону. У первого вагона он остановился и стал смотреть на окна, машинально приглаживая серые от седины, ершистые волосы, закрывая начинающую поблёскивать на тмении кожу.

«Выйдет Лёвка попрощаться?» — вдруг подумал он и понял, что всё время об этом думает и зол на всё тоже только поэтому. Любит ли его сын, привязан ли к нему? С каждым годом определить это было всё труднее. Сайко мог быть доволен: у Лёвы складывался характер отца, сдержанный и скрытный. Сам того не сознавая, Сайко ревновал сына ко всему, что его окружало. К педагогам и к вожатым, к товарищам и даже к футболу, которым неожиданно увлёкся сын. Сам Сайко футболом не интересовался, считал его пережитком времён древнеримских зрелищ, и его неприятно поражало пристрастие Лёвки к этому виду спорта. Но вмешиваться Сайко не хотел. Пусть растёт, пусть сам отбирает, что хорошо и что плохо. Парень должен быть самостоятельным.

Из первого вагона сначала выглянул, потом медленно сошёл по ступенькам Лёва. Поднялся на цыпочки, разыскивая взглядом отца, и побежал, расталкивая провожающих. Невысокий, худенький, с крепкой упрямой головой на тонкой шее. Увидев отца, он пошёл тише, небрежной походкой, равнодушно шуря глаза.

— Сбежал? — Сайко улыбнулся чуть насмешливо и тоже прищурился, с привычной жадностью разглядывая сына.

Лёва поднял на него светлые, с зелёными ободками и необыкновенной глубины глаза. Сайко всегда смущал взгляд сына — какой-то не по-детски прямой и пристальный.

— Что там делать-то! Поезд ещё через пятнадцать минут отходит. — Лёва независимо сунул руки в карманы длинных брюк и улыбнулся.

Сайко услышал голос, начальнически строго назвавший его фамилию, удивлённо обернулся и понял, что обращаются не к нему, а к сыну.

Сквозь возбуждённо переливающуюся перед вагонами толпу ярко и разнообразно одетых провожающих пробиралась высокая девушка со сбившимся вбок красным галстуком и короткими пушистыми волосами.

— Сайко! — повторила она, подойдя ближе и поправляя галстук. — Почему ты ушёл из вагона не спросившись?

Лёва ничего не ответил, только глаза у него помрачнели, и он враждебно исподлобья взглянул на девушку.

Сайко рассердилось, что «эта девчонка» обратилась к Лёве так, будто отца здесь и не было. Потом, увидев, как она нервно тербит кончики галстука, смурит широкие брови и как ярко начинают гореть у неё щёки, понял: «Смущается. Ишь, бука какая. И что неумёх каких-то посылают.

Воспитатели! Её самое воспитывать надо, сколько ей: семнадцать, восемнадцать?»

Девушка повернулась боком к Сайко и сердито спросила Лёву:

— Где твой галстук?

Потом, верно, сообразив, что делает неловкость, подняла на Сайко обиженные, сердитые глаза и сказала очень официально:

— Простите, вы его отец?

Сайко рассмешила эта подчёркнутая официальность, он улыбнулся и сказал тоном, каким говорят с маленькими:

— Да, по всей вероятности, я его отец.

Сквозь вокзальный гам донёлся жалобный и настойчивый детский плач:

— Ой, мамочка, не уходи! Мама, я хочу с тобой!

Девушка прислушалась, вздохнула и резко убрала льнувшие к влажному и горячему лицу прядки каштановых, на вид очень мягких волос. Сайко даже показалось, что он слышит их запах, тонкий, едва уловимый, — так пахнет высохшая ромашка.

— Простите, но вашему сыну нужно итти. — Девушка, нахмурившись, смотрела на Сайко. — Вы должны знать, что после посадки пионерам из вагона выходить запрещается.

Сайко ничего не ответил. Тяжело положив Лёве на плечо руку, он притянул его к себе. Подумал, что прощание теперь всё равно испорчено. Поклебался: поцеловать сына или нет — при этой девчонке не хотелось. Протянул сыну руку. Тот по-взрослому крепко пожал руку отца. Сайко увидел, как что-то жалобное и тревожное мелькнуло в глазах сына, не выдержал, быстро нагнулся и неловко поцеловал его куда-то между светлым чубчиком и неглубоким шрамом на бледном лбу. Лёва вырвался и быстро пошёл, почти побежал к вагонам. Уже входя в дверь, он оглянулся на отца и сердито вытер глаза маленьким тёмным кулаком.

Сайко смотрел в сторону так, будто он забыл о присутствии девушки. Надоедливо звенел в ушах горн. Трубили сбор.

«Ну что она не уходит?» — думал он смущённо и недовольно. Наконец он посмотрел на девушку. Она стаяла, неловко вздёгнув подбородок, и глаза у неё были очень широкими, по-детски доверчивыми и жалостливыми. Сайко увидел смешную маленькую родинку на тонкой, как у подростка, шее, худые загорелые руки. Ему опять подумалось: «Ну, куда такой в воспитатели? Сама-то ещё...»

Девушка, вдруг решившись, быстро сказала:

— Ему хорошо в лагере будет. Вы беспокоитесь за него? Вы не беспокойтесь. — И будто по секрету, покраснев, тихо прибавила: — Я за ним буду смотреть.

— Смотреть? — Сайко улыбнулся. Смотреть за Лёвкой, который самостоятельно готовил себе обед и даже ездил в Москву за покупками! Чуть, конечно.

— Ну да, смотреть. — Девушка кивнула. — Смотреть и вообще...

Видно, она сама-то ещё не представляла себе, что же будет она делать со своими питомцами в лагере.

— Не смотреть... — Сайко вдруг подумалось, что, верно, не хватает всё-таки Лёвке женской, материнской ласки. Двенадцать лет, не такой уж он и большой, только старается казаться большим. Он помолчал, потом сухо сказал: — Смотреть что ж? Не иголка, не пропадёт. — И добавил: — Трудно вам с ним будет. Жалуются на него. И в лагерях и в школе. — Он усмехнулся. — Требуется особого подхода. Без матери вырос-то.

Сайко взглянул на неё. Поняла? Нет, не поняла.

Девушка вздохнула, лицо у неё помрачнело.

— Ладно уж, — сказала она, и опять это у неё прозвучало обиженно и по-детски. — Наговорили мне сегодня. Не отряд, а не поймёшь что. Тот — трудный, этот — баловник, другой — ещё что-нибудь.

Она повернулась и, уже уходя, про себя сказала:

— И зачем только я поехала?..

3

Машины шли в затылок друг другу.

Справа от дороги проплыло назад, краснея рядами молодой ботвы, свекольное поле. Женщины в светлых, туго, по брови, повязанных платках разогнулись и, прикрывая рукой глаза от солнца, провожали машины взглядом.

Местность была неровной. Зелёные, с седоватым отливом пшеничные и ржаные поля то ровно тянулись до горизонта, то плавно выгибались, проваливались, а дальше опять широко поднимались на взгорье и шли, шли — без конца и края. День был ветреный, по небу бежали серые клочья облаков, и по пшенице, пружинящей под ветром, косо проносились лёгкие длинные тени.

Михаил сидел рядом с шофёром в головной машине и смотрел в боковое стекло. Было ему сейчас так тошно и тоскливо, что минутами хотелось бросить всё, вылезть из грузовика, лечь тут, у дороги, и лежать не двигаясь.

Жизнь не удалась. Это было ясно. Неясно было одно — куда девалась его маленькая ласковая Варька, покорно и с обожанием глядевшая на него, и откуда взялась эта издёрганная, быстро раздражающаяся женщина, которую не только не радовали его ласки, но, пожалуй, даже были иногда и в тягость. Всю домашнюю работу она делала неохотно, с надрывом. Конечно, Михаил понимал, что Варя было трудно одновременно работать, управляться с домашними делами и возиться с Никитушкой, но и Михаилу было не легче. Ведь кроме всего прочего, он ещё и учился в вечернем институте.

«Эх, Варька, Варька!» — Михаил вздохнул. Он всё ещё любил её почти так же, как в ту далёкую и хорошую весну, два года назад, когда он вдруг понял, что вот эта толстогубая и некрасивая девушка и есть та самая, которая нужна ему, наконец, больше всех людей на свете, и надо сделать так, чтобы они уж теперь с нею не разлучались.

Он-то всё ещё любил её, а Варя? Любила ли она его? Да, любила, очевидно. Вот пришла на вокзал провожать, сказала шёпотом: «Приезжай обратнo к нам...» — и расплакалась. Правда, Михаила теперь уже мало трогали варины слёзы. Плакала она часто, и происходило это, наверное, от расстроенных нервов, от всей их торопливой, неуютной жизни, где некогда было остановиться, взглянуть на самих себя со стороны...

И только два месяца назад, перед самым маем, Михаил вдруг посмотрел на всё это своё житьё чужими глазами незаинтересованного человека и сказал: «Хватит. Так больше жить нельзя...»

Михаил ушёл на первое время к товарищу, соседу по станку Серёжке Орлову. Ни он, ни Варя никому ещё о разводе не говорили. Матери Сергея и друзьям Михаил объяснял свой уход тем, что надо заниматься, сдавать экзамены, а дома, в тесной комнате, рядом с сынишкой, работать трудно. Язык не поворачивался сказать, что он разошёлся с женой, не ужился, значит... разлюбил! Свою Варьку, Варю, Варёжку... И прожили-то всего два года...

Только Петру Лавренюку, бывшему своему неудачливому сопернику, горяча, в первый же день после ухода, сказал Михайл о случившемся.

И теперь, вспоминая об этом, он чувствовал, как неприятно щемит сердце. Мысль, что Варя может, в конце концов, сойтись с Петром, томил. Видно, ещё где-то глубоко в сердце оставалась надежда, что пройдёт время — может быть, год, может быть, больше — и Варя изменится. Станет навсегда такой, какой знал её Михаил до замужества. Ласковой, весёлой, неутомимой...

Ребята в кузове машины пели. Ветер доносил обрывки песни: «У дороги чибис, у дороги чибис...»

Нет, всё равно бы не ужиться. Только Никитушка... Маленький, неуклюжий, смешной человечек, его сын... Конечно, надо было бы взять его у Вари, всё равно как следует воспитать его она не сможет, слишком уж характер у неё скверный... Останавливала только неустроенность с жильём и мысль о том, что если когда-нибудь он женится на другой, то каким бы хорошим человеком ни была эта женщина, хорошей мачехой Никитушке она вряд ли будет.

— Да, надо забыть. Всё забыть, — произнёс Михаил вслух.

— Ты что? — повернулся к нему шофёр.

— Я говорю, лагерь скоро. — Михаил достал папиросу, закурил. — Три года вот не курил, опять начал. Хочешь?

Шофёр покачал головой.

— За рулём не курю. Что же начал?

— Так как-то.

Дорога круто завернула. Машины прогрохотали по бревенчатому хилому мосту, шурша и вминая гравий в дорогу, въехали на гору. Михаил приподнялся; за верхушками высоких лип мелькнула белая, серебристая-ся на солнце звезда мачты — лагерь!

В кузове заорали, засвистели мальчишки, завизжали девочки. «Зис» въехал в липовую аллею. Сразу по лицу запрыгали широкие солнечные блики, сливаясь, пронеслись мимо низкорослый кустарник, высокие, разлапистые деревья, темнозелёная изгородь. Внизу, под горкой, покачивался пруд, и в его зеленоватой воде так же медленно покачивался и покрывался рябью белый дом с колоннами и фигурный арочный мост.

Машины остановились.

Вожатые строили отряды, считали ребят, уводили их по песчаным дорожкам к зелёным дачкам. Лето начиналось.

В лагерь Михаил ездил уже третье лето — посылала комсомольская организация, но старшим вожатым он согласился ехать впервые.

Теперь он должен был отвечать за всё: за чистоту, за здоровье ребят, за то, что если даже выдаться дождливое лето, оно должно пройти интересно, со всеми положенными кострами, спартакиадами, походами...

В прошлом году было легче: ездил он вожатым отряда, которым теперь будет заправлять Наташа, длинноногая неуживчивая девушка. То, что Наташа неуживчива, Михаил понял ещё в инструкционном лагере, где они вместе проходили практику. Уж слишком ясно показывала Наташа людям, как она к ним относится. Она, например, не выносила Игнатова, инструктора райкома комсомола, невысокого человека с жёлтыми больными глазами. Как-то Игнатов проходил мимо них, и Наташа, глядя на него, громко сказала: «Ух, ненавижу!» Михаил дёрнул её тогда за руку. «Ты что? С такими твоими выходками наш лагерь районное начальство заранее в отстающие переведёт».

Ей, оказывается, кто-то рассказал, что Игнатов пишет свои отчёты о лагерях, которые он посещает, в зависимости от приёма, оказываемого ему, и немаловажную роль при этом играет качество обеда и количество поданных согревающих напитков. А то, что ребята, может, спят на грязных простынях, что в столовой расхищаются продукты и теорятся иные безобразия, этого он после хорошего приёма старается не замечать.

Михаил считал, что дружить с людьми, которые не нравятся, не обязательно, но и не обязательно показывать им, что они тебе не нравятся. Вопрос о коммунистической совести Игнатова был делом серьёзным, но такие дела, считал Михаил, нужно либо доводить до конца, либо вообще молчать о них. Легче всего эта красивая откровенность — «ненавижу!» Самой себе Наташа от таких фраз, верно, интереснее кажется. А дальше что?

Наташа о том, что дальше, как водится, не задумывалась, а ему сейчас впутываться в эту историю, ходить в райком, говорить, ругаться, доказывать не хотелось...

Михаил вошёл в маленькую полутёмную комнатку с одним окном, выходящим на заросшие крапивой и бурьяном задворки. Здесь он должен был провести лето. Сюда будут приходить провинившиеся ребята, тут он будет им делать выговоры, «воспитывать».

«Неприятно здесь как-то, — подумал Михаил. — Сыровато, темно...» Он сунул чемодан под кровать, подвинул поближе жёлтенькую тумбочку, вынул карандаш, листок бумаги.

Через два часа, когда ребят накормят и они отдохнут немного, состоится общелагерный сбор отрядов, на котором выберут совет лагеря.

Михаил любил повторять, что совет — это нервная система лагеря. Правда, иногда эта нервная система начинала действовать независимо от мозга лагеря — администрации, воспитателей — и даже вопреки его распоряжениям. Михаил помнил, как в прошлом году совет настоял-таки, чтобы убрали физкультурника. А ведь так не хотели этого и начальник лагеря, и предзавкома, и вожатые. Сезон — нового не скоро найдёшь, а этот худо — хорошо, а работу ведёт. Утром зарядку проводит; спартакиаду, пирамиду там подготовит — есть о чём в отчёте писать. Но ребята настояли — и физкультурник уехал. Михаил тогда поддерживал ребят, его отряд главным образом и поднял бунт.

Хорошие ребята были в совете в прошлом году, умные, заводилы. Уж что решит совет — лагерь сделает. В этом году никто из них в лагерь не поехал — переросли. Нужно из бывших «малышей», которых ещё в прошлом году «большие» не очень-то всерьёз принимали, выбирать теперь совет. Хотя выбирать должны были сами ребята, Михаилу хотелось угадать, кого именно выдвинут, и, по возможности, отвести нежелательные кандидатуры.

Вошла Наташа, подала Михаилу листок и сказала:

— Список отряда. Все налицо.

Она встала у двери, прислонилась к стенке, будто к тёплой печке. Обвела комнату своими широкими, как осторожные зверьки выглядывающими из-под нависающих век, глазами, покачала головой.

— Нехорошо как у тебя. Пасмурно, как перед дождём. Душно.

Михаил толкнул раму, окно с треском распахнулось. В комнате стало светлее. Просмотрел список, спросил внешне равнодушно:

— Как, освоилась с мальчишками?

— А что тебе-то? — Наташа ревниво, исподлобья взглянула на него.

— Ничего. — Михаил отложил список. — Я тебя по-хорошему спрашиваю.

— По-хорошему! — Наташа иронически покивала головой. — А сам, небось, рад будешь, если я с ними не полажу.

— Что ты ерунду мелешь?..

— Не ерунду. Сам говорил, когда ещё не знал, кому их дадут, что ревновать будешь.

— Да брось ты!

Наташа выбежала из комнаты и уже с террасы крикнула:

— Не освоилась, так освоюсь. Не бойся!

Оставшись один, Михаил снял ботинки, лёг на кровать. Отчасти Наташа была права, пожалуй. Не то что он рад был бы, если она не поладит с его мальчишками, но, наверное, ему будет неприятно, если они привяжутся к ней так же, как в прошлом году к нему.

Прошлым летом его самого любили в лагере все — от маленькой танцовки, октябрёнка пятого отряда Гали Комаровой до нескладного, долговязого Бориса Авдеева.

Михаил видел, что мальчишки подражают ему в манере повязывать галстук, закатывать рукава рубашки, даже в походке и привычке сплёвывать в сторону.

Почему так получалось? Михаил сам не знал. Ему-то это, во всяком случае, ничего не стоило. Может, потому, что Михаил всегда был самым сильным, самым умелым, самым красивым и из «своих» и из «чужих» вожатых. Может, потому, что он всегда был спокоен и весел. Может, потому, что иногда он разрешал своим мальчишкам делать то, чего не разрешали лагерные правила: купаться в неположенное время, таскать морковь с колхозных огородов, читать, накрывшись простынёй, в мёртвый час.

Хотя и далеко ушёл Михаил по возрасту от своих ребят, но всё-таки прекрасно понимал, что такое лишние десять—пятнадцать минут купанья в день для настоящего мальчишки. Знал он, что и морковь, тайком выдернутая из гряды, не мытая, не чищенная, а просто обёртая ботвой, имеет совсем иной вкус, чем та, что подают в столовой. Ну, а что касается чтения под простынёй, то Михаилу тоже было абсолютно непонятно, как может здоровый человек, не особенно измученный работой, не только спать днём, но даже хотя бы просто провалиться час без дела.

На улице зашумели, заспорили ребята, потом чей-то голос требовательно крикнул:

— Миша, выдь на минутку!

Михаил вышел на террасу. Внизу, перед крыльцом, столпились пионеры из первого отряда и впереди всех — высокий и темноглазый Юра Корнеев, любимец Михаила, капитан футбольной команды лагеря. Когда Юра бил пенальти, гол был верный, кто бы ни стоял в воротах. Пожалуй, Михаил и полюбил его сначала за этот точный и красивый удар с одиннадцати метров. Из-за его плеча выглядывал Вовка Седин, отрядный остряк и артист, позади возвышался Борис Авдеев; немного в стороне, сбоку, засунув руки в карманы, стоял Лёва Сайко. Лёву Михаил не любил.

— Ну, что у вас? — спросил Михаил, удобно усаживаясь на ступеньки и кладя руки на колени.

— У нас с вожатой тут вышло... — сказал Юра, оглядываясь на мальчишек. Ребята заговорили все разом.

Михаил привык уже к этой манере вести разговор и быстро вник в суть дела.

— Ну что же, — он поднялся, — пойдёмте разберёмся. Мне кажется, она погорячилась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Раньше Наташе всегда влетало за дружбу с мальчишками. «Сорванцом ты растёшь! Солдат, прямо солдат какой-то», — жаловалась мать.

Сейчас в Наташе мало что осталось от сорванца. Разве только то, что в девятнадцать лет в ней не было ещё женственной мягкости. Так и оставалась она диковатым и угловатым подростком.

И вот теперь Наташе не хочется, боязно идти к мальчишкам, которые не так уж намного моложе её и которых она должна воспитывать. Легко сказать!

Наташа нарочно шла медленно. Размаривала мягкая жара, густые свежие запахи молодой листвы, нагретой земли. Здесь когда-то был графский парк. Высоченные, толстые — не обхватишь! — липы стояли в строгом отдалении друг от друга. Густозелёная перепутанная трава полегла, в ней капельками солнца скромно светились одуванчики. Узенькие, в один след, стёжки в траве вдруг обрывались у какого-нибудь пня или бугорка. Стрекозы в раздумье перебирали на месте крыльями и вдруг, решившись, стремительным зигзагом уносились вниз, туда, где поблёскивал солнцем пруд.

«Михаил, конечно же, будет рад, если мальчишки не станут слушаться меня... Он злой...» — Наташе вспомнился вокзал и маленькая заплаканная девушка рядом с Михаилом. Девушка тянула Михаила за рукав и — было видно — жалко просила его о чём-то, а Михаил слушал её с лицом недовольным и даже, как показалось Наташе, презрительным. Вспомнив об этом, Наташа гневно сжала руки: гадко обижать женщину, которая тебя любит.

Клава, вожатая второго отряда, сказала Наташе, что это Варя, жена Михаила, и что, вероятно, они перед отъездом поссорились. Клава рассказывала равнодушно: она сама была замужем и считала, очевидно, ссоры между мужем и женой делом обычным. А Наташа всю дорогу думала об этом.

По всей видимости, Михаил разлюбил Варю, а может быть, даже любил уже кого-нибудь ещё. Иначе он никогда не смог бы разговаривать с нею с таким лицом, никогда бы не смог уехать не помирившись... Но ведь если он её не любит, как же она может его любить? Наташе казалось, она бы и минуты не жила с человеком, который её разлюбил, и уж, конечно, ни за что не стала бы его просить ни о чём.

«А Петя... Он бы смог так поступить с женой? — вдруг подумала она. — Нет, он хороший, Петя! — Наташа вздохнула. — За всех переживает...» На вокзале с Вари глаз не спускал, хмурился, распрощался наскоро, как только Варя ушла... Наташе ни капельки не обидно... Он же комсомольский секретарь, это его обязанность — утешать всех.

Наташа вышла на песчаную дорожку к дачке, в которой разместился её отряд. Издали она услышала дружный смех, потом шум, потом всё стихло. «Что они там?» — подумала Наташа и ускорила шаги.

Первое, что ей бросилось в глаза, когда она взошла по ступенькам на террасу и заглянула в окно палаты, были взъерошенные, сдвинутые в угол койки. Сдвинули их, вероятно, второпях, одним общим и дружным усилием. В противоположном углу она увидела сбившихся в кучу мальчишек, их странно неподвижные затылки. Потом она услышала голос Юры Корнеева:

— Эй, Седой, ты скоро там?

«Кто это «Седой»? — подумала Наташа и увидела, как на кровать в углу залез паренёк с круглой головой и толстыми, как-то смешно опущенными книзу щеками. — Это Седин Володя».

Вовка стоял в одних трусах, с узорами на голой груди, наспех нарисованными углем, и накручивал на голову полотенце на манер чалмы. Потом он сделал жест заправского конференсье, просящего внимания, и объявил:

— Следующим номером нашей программы — танец «Курочка»!

Наша тётенька Наташа —
Точно добрая мамаша!

Ах ты, курочка моя,
Не кудакай на меня! —

запел Вовка и в такт ритму заплясал на кровати, высоко поднимая колени и двигая перед лицом согнутыми в локтях фуками. Ребята засмеялись. Очевидно, у Вовки была установившаяся репутация остряка, и ребята с готовностью смеялись всему, что бы он ни сказал и ни сделал.

«Дурацкий какой-то припев, — улыбнулась Наташа. — Сам он, что ли, сочиняет? Тоже ещё — талант!»

Витька ходит вслед за Лёвкой,
Точно связанный верёвкой.
Ах ты, курочка моя...

«Лёвка? Это, наверное, тот, Сайко, — подумала Наташа, высматривая его среди ребят; она и забыла про него, он как-то не попадался на глаза. — Отец у него славный, кажется».

Лёвка стоял с краю, вполборота к певцу, и насмешливо улыбался.

Наташа вошла в палату. Вовка, начавший новый куплет, остановился на полуслове, засмеялся, спрыгнул на пол, ломаясь, крикнул:

— Концерт окончен! Следующее отделение в нашем отделении!

— Что же? — Наташа весело смотрела на него. — Я бы тоже послушала. У тебя здорово получается. Ты сам сочиняешь?

— Сам, — ответил за него Борис Авдеев. У Бориса было продолговатое спокойное лицо с белой кожей, тёмные, широкие брови и тёмный пух над губами. Всё это делало бы его лицо взрослым, если бы не постоянно щенячье-растерянное выражение серых навывкате глаз. — Он у нас талант.

— Тебя, Музыкант, не спрашивают! — Вовка сердито ткнул Бориса кулаком в бок.

— Почему «Музыкант»? — Наташа засмеялась. У Вовки «Музыкант» прозвучало почти как ругательство.

— А как же? Конечно, Музыкант! — удивлённо ответил Вовка. — Видели, какую ему музыку привезли? Вот он на ней всё лето пиликать будет, тогда узнаете!

Наташа вспомнила, что действительно кому-то из её мальчишек везли на автомашине виолончель, которую ребята презрительно называли «музыкай» или «вслынкай».

— Да ладно там с Музыкантом! — сказал Юра Корнеев. Наташа ещё в Москве отметила его среди ребят, когда не знала, что он и есть Юра Корнеев, о котором ей говорил Михаил. Юра был на голову выше любого из ребят и худ характерной худобой спортсмена. Лицо у него ещё сохранило, несмотря на свою серьёзность, наивное выражение, из-под чёлки вьющихся тёмных волос глядели тоже тёмные, немного раскосые глаза.

Он был у мальчишек вожаком, и сегодня его выбрали председателем совета отряда.

— Наташа, — Юра говорил немного певуче, — пойдёмте с нами в футбол? Судить будете.

— Ну... — Наташа чуть поморщилась. Она не любила футбола. — Пойдёмте, пожалуй. Только я судить не умею.

— Не умеете? — Вовка удивлённо и с откровенным презрением посмотрел на неё.

— Ну, болеть будете, — примиряюще решил Юра.

Они вышли на поляну с притоптанной седоватой травой. Четыре вороха одежды — по два с каждого края поля — обозначали границы ворот. В воротах, что были ближе к Наташе, встал Вовка в чьём-то длинном чёрном свитере и лыжных брюках. Он чуть согнулся, упёр руки в коле-

ни и остановился выжидая. На поле стремительно полетел мяч, шлёпнулся в самую гущу игроков. Мяч взял Борис и повёл, тяжело отрывая от земли ноги, в сторону, параллельную вражеским воротам.

— Не водись, не водись, Сундук! — завопили, засвистели откуда-то взявшиеся болельщики из других отрядов. Мяч у Бориса перехватил Лёва Сайко и быстро повёл, лишь иногда отводя его от других, жадно и бестолково толкущихся возле ног. Лицо у Лёвы побледнело, волосы взъерошились, заметно намокли от пота, в глазах появилось холодное азартное выражение. Вот он вырвался вперёд, сделал лёгкое движение ногой, будто споткнулся. Мяч понёсся к воротам.

— Ой! — Наташа невольно вскрикнула и обрадованно хлопнула в ладоши. Чёрное, обтянутое свитером тело Вовки вытянулось, оторвалось от земли, сведённые над головой руки встретили мяч, и он скользнул по ним, теряя силу, вниз.

Болельщики, среди которых теперь было много девочек, подняли оглушительный визг.

— Тише, вы! — недовольно и властно бросил им Вовка, и они послушно затихли.

Игра шла. Наташа, забыв, что она вожатая, акала и взвизгивала, когда мяч летел к тем воротам, где она стояла, и радостно хлопала в ладоши, когда забивали гол в противоположные.

Объявили перерыв. Ребята поменялись воротами, и Наташа, переходя вместе со своей партией болельщиков к другим воротам, вдруг вспомнила, что палату они так и не убрали.

Она даже остановилась среди поля. Вот что значит плыть по течению! Не она руководит ребятами, а они ею. И ведь она знает, что первый день задаёт тон всему сезону!

Наташа раздумывала. С одной стороны, попробуй она сейчас вернуть ребят, они, пожалуй, не пойдут или пойдут очень неохотно. С другой стороны... через час сбор, а там — ужин, значит до вечера палата не будет прибрана. Не дело!

Наташа решительно остановила Юру Корнеева. Тот смотрел на неё непонимающими, возбуждёнными игрой глазами.

— Палату? Что палату? Да ну, Наташа, мы потом приберём, сейчас пока всё равно за чистоту очков не ставят.

— Что это значит — очков не ставят? Не из-за очков же мы тут живём. — Наташа сдвинула брови. — Надо убрать, Юра, — настойчиво повторила она.

— Ну, ладно, — с нескрываемой досадой сказал Юра и поднялся с земли. — Ребята! Пошли палату убирать, вон вожатая велит.

— Чего убирать... — нехотя отозвался кто-то из ребят. — После приберём. Надо уж доиграть.

Остальные молчали.

— Не приберём после, а доиграем после. Ясно? — Наташа чуть повысила голос.

— Пошли! — хмуро сказал Юра, мальчишки догнали его.

Наташа шла позади. У неё билось сердце и немного дрожали руки, словно она только что несла что-то очень тяжёлое. Когда она подходила к дачке, ребята уже возвращались обратно.

— Мы прибрались! — на ходу бросил ей Вовка.

Наташа вошла в палату. На бревенчатых стенах, покрытых слоем пыли, косо покачивались от ветерка из растворённых окон прошлогодние лозунги. Кровати, уютно приткнувшись к стенам, смотрели на неё то тёмным углом матраца, вылезшим из-под торопливо заправленной простыни, то свесившимся из-под матраца мятым чулком. Посреди палаты одиноко распустил усы шнурков чей-то позабытый ботинок...

На поле уже шла игра. Наташа вышла на середину поля. Ребята, намеренно не обращая на неё внимания, продолжали играть.

— Эй, кто тут? Посторонись, зашибу! — крикнул Лёва Сайко и будто нечаянно толкнул Наташу плечом.

— Слеп, мальчик? — насмешливо спросила она. — Давай сюда мяч.

— Какой мяч? Что вы... — с нарочитой наивностью сказал Лёва, пасуя мяч в гущу игроков. Мяч снова пошёл к воротам.

Бегать за мячом было бы бессмысленно и смешно. Наташа выхватила за руку из цепочки наступающих Юру Корнеева.

— Вот что, Корнеев. Они пусть пока поиграют, а ты пойди приберись, да так, чтобы было прибрано.

— Чтой-то я-то? — почти зло сказал Юра, дёргая руку.

Игра остановилась.

— Убрались же мы, — недовольно сказал Вовка.

Наташа не ответила и потянула Юру за руку.

— Ну, Корнеев, пойдём. Уж так и быть, я тебе помогу. Один ведь не справишься.

— Пустите, я сам пойду. — Юра выдернул руку и пошёл рядом с Наташей. За ними потянулись ребята.

Наташа принесла ведро и тряпку, стала вытирать стены.

— Ладно. Давайте я. — Юра взял у неё из рук тряпку и начал ловко протирать бревенчатые стены. Витя Архипов, тот самый, о котором пели, что он ходит за Лёвкой, заправлял кровати, укладывая подушки в одну линию, кверху белым толстым ухом, и повязывая на это ухо галстук. Вовка мыл пол, разводя по полу моря, заливы и реки, по которым поплыли обрывки бумаги, скорлупки семечек и застарелая пыль.

— Не балуйся, Володя, — ласково сказала ему Наташа. — А ты, Сайко, почему руки — в брюки?

— Я убрался, — спокойно взглянул на неё Лёва.

— Да? — не нашлась Наташа. — Ну что же.

Она вышла на террасу, села на свою кровать. Ей было грустно.

Из палаты один за другим выходили мальчишки, толкались, мылись под умывальником, довольные, в конечном счёте, что в палате так здорово убрано и что этот хороший порядок — дело их рук.

— Ну, — миролюбиво сказал Юра. — Мы убрались, Наташа. Можно нам теперь доиграть? — Он, очевидно, был уверен в утвердительном ответе.

— Нет. — Наташа внимательно смотрела, как рыжий муравей тащит большую дохлую муху. — Нет, сегодня вы играть не будете.

— Почему? Вель мы же убрались! — огорчённо нажимая на последнее слово, сказал Вовка Седин. — Как же, Наташа?

— Я сказала. — Наташа не сводила глаз с муравья. Он наткнулся на тапочку и, бросив муху, растерянно бегал, стараясь обойти препятствие. — А почему не будете — пойдите, посидите, подумайте.

— Да ведь как же, Наташа, — решив, что, очевидно, без него её никто не убедит, вступился Борис, — ведь...

— Ладно! — Юра двинул плечами и пошёл с террасы. За ним нехотя потянулись ребята.

Наташа сжала руками лицо, посидела так немного, потом встала, прошлась по террасе.

«А ведь надо было разрешить им играть, — запоздало мелькнуло у неё. — Как же быть?»

Она вышла на поляну перед террасой, остановилась, ещё не зная как, но уже решив, что всё-таки она позволит сейчас ребятам доиграть.

Навстречу ей шли мальчишки, шумели обрадованно и победно.

— А нам разрешили, а нам разрешили! — закричал, подбегая к ней, маленький, подвижной Витя Архипов.

— Что разрешили? — уже угадывая, в чём дело, разочарованно сказала Наташа.

— Доиграть разрешили, — пояснил Витя и отступил за спины подошедших ребят. Среди них Наташа увидела Михаила.

— Ты что их урезаешь? — покровительственно-добродушно спросил он. — Разреши им доиграть. Всё равно до сбора делать нечего.

— Не разрешаю, — сердито сузив глаза, сказала Наташа. — И не вмешивайся, пожалуйста. — Потом, поняв, что при ребятах разговаривать так со старшим вожатым не полагается, скучно повторила: — Не разрешаю. У нас тут свои счёты. Я тебе потом объясню.

— Принципиальничаете? — Михаил пожал плечами. — Ну что ж, — обратился он к ребятам. — Сами виноваты, сами и разбирайтесь. Я мешать не буду. — Повернулся и пошёл.

— Да ведь ты старший, Миша! — разочарованно и просяще протянул кто-то из ребят.

— Да ладно! — Юра хмуро покосился на Наташу из-под чёлки тёмных курчавых волос. — Ладно. мы тоже...

— Вот так Наташа! — уже с улицы донёсся до Наташи простодушно удивлённый вовкин голос. — Милиционер какой-то!

Мальчишки засмеялись.

Заглянув на террасу, Наташа увидела светлоголового паренька, стоявшего на коленях возле её тумбочки и что-то рисовавшего углем. Возле него на корточках сидели ещё несколько мальчишек. В дверях палаты стоял Лёва Сайко с таким видом, будто ему было абсолютно наплевать на то, чем заняты ребята, но Наташа, ещё не разглядев, почувствовала, что делают они сейчас что-то скверное и делают потому, что так хочется Лёве Сайко.

Возка Седин, наблюдавший за ребятами из окна палаты, неуверенно сказал:

— Кончайте, ребята. Нехорошо. Ругаться она станет. Наябедничает начальнику — влетит всем.

Лёвка обернулся к нему.

— А ты-то что испугался? Не нравится — ну и давай отсюда!

Рисовавший поднял голову, и Наташа узнала Витю Архипова. На жёлтенькой дверце тумбочки она увидела свой очень похожий портрет. Только лицо её на портрете было перекошено зверской гримасой и одета она была в милицейскую форму.

Густо покраснев, Наташа поднялась на террасу. Лёвка первый увидел её, вздрогнул, потом, должно быть, понял, что всё равно уж ничем не можешь, и окликнул Витю:

— Кончай работу! Хозяин пришёл!

Витя обернулся, и Наташа заметила, как вдруг побледнело его худенькое личико.

«Эх ты!» — подумала Наташа, чувствуя, как пропадает обида и появляется какая-то невольная симпатия и жалость к перепугавшемуся мальчишке.

Она покачала головой и сказала ребятам:

— Выйдите все с террасы, а ты, Архипов, останься.

Лёва с насмешливым видом превосходства, в котором Наташа, однако, почувствовала тревогу за товарища, сказал:

— И мне тогда остаться? Я ведь его научил.

Наташа усмехнулась, в упор посмотрела Лёвке в глаза.

«Что, жалко товарища? Боишься, что вот ему, такому маленькому и безобидному, влетит вместо тебя?» — подумала она и сказала:

— А ничего. Как-нибудь без тебя разберёмся. Иди.

Когда все ушли, Наташа присела перед тумбочкой и стала рассматривать рисунок, дивясь верности руки.

Она повернулась к Вите. Тот сидел на табуретке, и лицо его изображало упрямую готовность принять любое наказание, но Наташа-то понимала, как скверно у него на душе. С минуту они смотрели друг на друга, потом Наташа улыбнулась.

— Ты здорово рисуешь! Я тоже рисовать люблю, но, пожалуй, ты лучше... — Наташа посидела на корточках, покачалась, подумала, потом полезла в тумбочку, достала тетрадь с хорошей ватманской бумагой, которую она берегла для записей и рисунков. — На-ка вот, рисуй. Я тебе у Михаила ещё красок коробочку попрошу. Карандаш-то есть?

— Есть, — тихо сказал Витя. — Спасибо.

— Не стоит. А то, что ты здесь изобразил, сотри как следует.

Витя опустил на колени перед тумбочкой и рукавом стал ожесточённо стирать рисунок.

— На! тряпку! — Наташа бросила ему тряпку. — Намочи только. Вон в кружке вода.

Витя стёр рисунок и остановился перед ней.

— Иди. — Наташа подняла брови, будто удивляясь, что он ещё чего-то ждёт от неё. Витя переступил с ноги на ногу, потом повернулся и вышел.

Наташа вздохнула и прильнула лбом к перекладине рамы. «Ну вот и прозвище заработала. Гордись. Теперь прилипнет».

2

— Сайко! Ты зачем кидаешься?

— Это гнилая была картошка, — спокойно врёт Лёва. — Я хотел просто бросить, а попал в Бориса.

Наташа ничего не отвечает. Надоело ей без конца одёргивать ребят. Наверное, всё-таки на некоторые вещи надо смотреть сквозь пальцы. Иначе невозможно.

Наташа сегодня дежурная по лагерю. С ней дежурит первое звено её мальчишек. Остальные ушли с физкультурником готовиться к спартакиаде.

Дежурные расположились на небольшой полянке позади кухни. Сквозь приоткрытую дверь видна плита, на ней исходят паром и вкусными запахами белые алюминиевые бачки. Ребята сидят на краю корзины с картошкой, которую они чистят к обеду. Картошки много, надо начистить полный бачок. Наташа в таком дома бельё кипятит. Ребята работают неохотно, ещё ведра, наверное, не начистили.

— Ты не так держишь ножик, Борис, — говорит Наташа.

Борис некоторое время чистит так, как показала ему Наташа, потом поворачивает нож по-своему. Руки у него большие, грязь от картофельной кожуры ещё не впиталась в кожу, а лежит сверху неровными мазками. Борис смотрит на свои руки, потом на Наташу, вздыхает.

— Наташа...

— Что?

— Можно, я позаниматься пойду? Я уже много начистил.

Наташа молчит. Действительно, Борис чистит усерднее всех. Остальные больше балуются, перекидываются картошкой, толкаются.

— Иди.

Борис обрадованно бросает нож и бежит.

Мальчишки переглядываются, потом Гена Рубцов, чистенький, незаметный мальчик, говорит:

— А почему Борис ушёл? Я тоже уйду.

— Правда, — поддерживает его Лёва Сайко и смотрит на Наташу вызывающе. — И мы тоже уйдём.

Картошка крупная, её чистить легко и приятно. Наташа чистит быстро, картошка так и вертится в её руках, кожура из-под ножа идёт длинной спиралью.

В дверях кухни появляется тётя Соня — шеф-повар. Она улыбается.

— Как дела, помощники? Кончите чистить — по стакану компота.

Это на некоторое время всоудушевляет ребят. Руки начинают двигаться быстрее. Вдруг Лёва Сайко говорит:

— Наташа, я руку порезал. Можно, я пойду к врачу?

— Покажи, — недоверчиво хмурится Наташа.

Лёва протягивает руку. Около основания указательного пальца — глубокий порез, из него медленно сочится тёмная кровь, смешиваясь с покрывающей ладонь глинистой грязью.

— Ну иди... — Наташа долго смотрит на него. Она сильно подозревает, что Лёва нарочно порезал руку. Лёва спокойно выдерживает взгляд и уходит.

— Да ну! — вдруг вскакивает Гена Рубцов. — Что мы, каторжные, что ли! Надоело мне картошку чистить, лучше я пойду дорожки подметать.

— А я песком посыпать их буду, — вскакивает за ним нескладный и большеносый Коля Комаров.

Ребята убежали. Остались двое — Витя Архипов и Миша Понежа, оба маленькие и безропотные. Миша, вздыхая, заглядывает в бачок и робко говорит:

— Мы его, наверно, никогда не начистим...

В бачке картошки — едва до половины.

— Конечно, никогда, — жалеет Наташа ребят. — Идите, вымойте столы в столовой да пол песком посыпьте. Потом нарвите цветов и на столах расставьте.

— Ладно, Наташа, мы всё хорошо-хорошо сделаем! — радостно обещает Витя Архипов.

Наташа остаётся одна и чистит, чистит, чистит эту картошку, будь она неладна! Выходит тётя Соня, ахает.

— Где же ваши помощники? Убежали? Ну, конечно, мальчишки, им надо какую-нибудь живую работу. — Тётя Соня раздумывает, потом машет рукой. — Ладно, я каши для гарнира сварю. Пошлите только мне кого-нибудь из мальчиков дров наколоть.

Наташа идёт к своей дачке. Гена и Коля старательно отделяют дорожки. Они натолкли кирпич и присыпают сверху песок красной кирпичной пылью. Так красивее.

Наташа идёт и думает, что, пожалуй, такую скучную работу, как чистка картошки, действительно нечего поручать ребятам. От труда человек должен получать удовлетворение, а какое же удовлетворение от чистки картошки?

У дачки — визг. Прямо к Наташе с криком летят семилетки из пятого отряда с испуганными рожищами.

— Что такое?! — Наташа задерживает первую попавшуюся девочку Это Галя Комарова.

— Ты что, Комарик?

— Нас Музыкант бьёт! — счастливо улыбаясь и глядя на Наташу возбуждёнными от пережитой опасности глазами, сообщает Комарик. — Прямо по голове палкой...

— Не палкой, а смычком! — поправляет подоспевший Борис. — А что они, Наташа, мне заниматься не дают? Пришли и дразнятся: «Музыкант! Музыкант!» Ну я им и дал...

— Ты же большой парень! — стыдит его Наташа. — Связался с малышами. Иди на кухню, наколи дров.

Борис молчит.

— Я не умею, — смущённо говорит он потом.

— Что же ты умеешь? — любопытно спрашивает Наташа. — Есть умеешь? Дома-то кто за тебя делал всё?

— Мама.

— Ма-ама! — передразнивает Наташа. — Тринадцать лет ребёночку, а он всё «мама»! Растят себе смену, детку-белоручку. Кем твой отец-то работает?

— Токарем. — Лицо Бориса хвастливо вспыхивает. — Мой отец — токарь Авдеев. Только он не простой токарь, а скоро будет лауреатом Сталинской премии!

Наташа молчит.

— Ну, хорошо, — говорит она потом. — Отец твой хорошо работает, значит. А ты за его спиной жить думаешь? Сын лауреата — и всё? Самому-то ведь надо что-нибудь делать?

Борис смотрит куда-то в сторону, его серые выпуклые глаза задумчивы.

— Я тоже буду лауреатом, — говорит он помедлив. — Выучусь хорошо на виолончели играть и буду лауреатом.

Наташа смеётся.

— Кто тебе такие вещи внушил? Зачем это?

— Я не знаю, — обидчиво хмурится Борис. — Это мама сказала.

На доске объявлений возле столовой висит молния: «Первый отряд — БАРЧУКИ!» Сообщается, что первое звено первого отряда сорвало работу кухни, не выполнив порученное им задание — чистку картошки. Подпись: «Совет лагеря».

Возле объявления, конечно, толпа, смех, шум.

После ужина первый отряд в полном составе набивается в комнату Михаила.

— Не буду я больше председателем! — кричит Юра Корнеев, потом, как-то весь обмякнув, садится на койку. — Ну почему же, Миша? Первое звено картошки не начистило! О них пусть и пишут! А мы...

— Правда! — перебивает его Вовка Седин. — Почему? Сайко не хочет картошку чистить, а я, выходит, барчук?

— А ты, выходит, барчук, — говорит Михаил. Он сидит на своей кровати, откинувшись на подушку, в спокойной позе. Его зелёные, глубоко посаженные глаза смотрят лениво, только где-то далеко посверкивает живая искорка. Такие сцены ему знакомы и не пугают. — Вы отряд? А в коллективе, знаешь, правило — один за всех, все за одного.

— У, ты! — зло лезет Вовка с кулаком к носу Лёвы Сайко. Тот, не двигаясь, говорит:

— Убери.

Вовка ворчит что-то, но кулак убирает.

— А ты, Юра, больше всех виноват. — Михаил смотрит на своего любимца мягко и немного насмешливо. — Ведь ты председатель.

— Не было его, — вступает Наташа. — Я виновата, я тебе после объясню. Но, по-моему, ты, Михаил, действительно не прав. Нельзя из-за шести лентяев порочить весь отряд.

— Отряд отвечает за каждого человека. Понимаешь? За каждого! Потом, — он пожимает плечами, — это решение совета лагеря. Если хотите, созовём совет, пусть вам объяснят...

Но это предложение не прельщает мальчишек. Ворча, они начинают расходиться.

У крыльца их встречает хор семилеток.

— Барчуки! Барчуки! — звонко выпевает Комарик. Глазёнки её сверкают, она бежит за братом и в спину ему кричит: — Барчук! Барчук! Вот я скажу маме.

— Отстань, Галка! — расстроено и незлобно отзывается Коля Комаров.

— Не отстану, Барчук!

Коля поворачивается, протягивает руку, чтобы схватить девочку, но та уже убежала далеко и издали звонко кричит:

— Не отстану! Барчук!

Наташа входит к Михаилу, садится в угол на табуретку. Михаил и Нина Малькова, председатель совета лагеря, сидят рядом и составляют расписание следующего дня.

— Ты что? — Михаил кладёт руку на тумбочку и, опираясь подбородком на карандаш, зажатый между пальцами, смотрит на Наташу.

Михаил Наташе теперь чем-то нравится, и она немного стесняется его. Наверное для того, чтобы он не догадался об этом, разговаривает она с ним всегда грубовато и вызывающе смело.

— А тебе не кажется, что чистка картошки — не совсем тот труд, которым следует воспитывать ребят?

— Чудачка ты, Наташа! А каким же трудом? Таким, что — тыр-фыр и сделал? Быстро и красиво?

Нина Малькова сидит очень прямо и внимательно слушает. Как и все ребята в лагере, она боготворит Михаила.

— Именно будничным трудом надо воспитывать, — продолжает он. — Здесь ведь ещё воля должна присутствовать... Желание довести дело до конца.

— А удовлетворение от труда? — насмешливо спрашивает Наташа. Ей не нравится, что Михаил при Нине «читает ей лекцию».

— Это — сознание, что твою картошку ест весь лагерь.

Михаил с внезапным сочувствием смотрит в лицо Наташи.

— Трудно с ними? А твоя вина не в том, что ты не заставила их, а в том, что ты им вот этой цели не объяснила. — Михаил молчит с минуту, потом улыбается. — А иной раз и заставить не грех. Правда, Нина?

Нина серьёзно кивает головой.

— Они думали, — говорит Нина, — это так: не начистим — ну и всё! Тогда, пожалуй, никто распоряжений совета выполнять не станет.

«А она красивая будет», — думает Наташа, глядя на Нину. У Нины хорошее русское лицо: полные спокойные губы, короткий, чуть вздёрнутый нос и серые глаза. Пепельные волосы, собранные сзади в толстую косу, на висках вьются мелкими мягкими колечками.

Совсем недавно Наташа стала обращать внимание на внешность людей. Раньше, глядя на человека, Наташа видела только то, что скрывалось за его внешностью: характер, привычки, способности. Теперь она ревниво отмечала у людей красивые глаза, цвет лица, брови, волосы, завидовала и жалела, что у неё всё не такое. Разобрав однажды себя перед зеркалом и выслушав мнение подруг, Наташа нашла, что она некрасива: у неё странные глаза — не маленькие и не большие, а какие-то широкие. Она худовата, у неё нескладная фигура. И самое главное: у неё очень некрасивые, «не женские» руки — крупные, худые, с вечно

обветренной кожей. Она даже стала прятать их при разговоре за спину или в карманы.

Наташа опять смотрит на Михаила, и кажется он ей в вечерних сумерках очень красивым. Зачёсанные назад гладкие волосы, чёрные ровные брови, крепкая загорелая шея.

«Нет, наверное, они тогда всё-таки случайно поссорились, — думает Наташа. — И он жалеет об этом, конечно... Ведь он добрый — Михаил, и ребята его любят... Не станут же ребята любить плохого человека».

Михаил встречает наташин взгляд и отводит глаза.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

В Москве можно прямо с центральных шумных улиц, где высятся многоэтажные дома, текут вереницы машин, снуют потоки людей, свернуть в тихий переулок, с бульжной, густо заросшей травами мостовой, посредине которой расхаживают голуби и греется, развалившись на солнцепёке, толстобрюхая кошка. Стоят в этом переулке одноэтажные и двухэтажные дома с цветущими палисадничками. Там ближе к вечеру нередко можно увидеть солидного дядю в пижаме и с лейкой.

В одном из таких тихих переулков, неподалёку от Арбата, и живёт Варя Козлова с тех пор, как вышла замуж за Михаила. Несмотря на то, что дом деревянный, в квартире есть все удобства: газ, ванная, телефон. Кроме Вари, в квартире живут слесарь Леонидов с женой и двумя сыновьями и семья юриста Давида Бернардовича Таранова, именуемого в тесном кругу знакомых «дядей Давой». У него две взрослые дочери, близнецы Елизавета и Ксения, которых до сей поры все зовут Лизка и Сюнька. Жена его, Цецилия Петровна, властвует и на кухне и во всей квартире.

В школе Михаил и дочери дяди Давы учились в одном классе, и он рассказывал, что Лизка и Сюнька готовили уроки поочерёдно. Они были до того похожи, что учителя обычно путали их, и на вызов шла та, которая лучше знала урок.

Сейчас они совсем не похожи друг на друга. Сюнька стала высокой и полной, с тяжёлой косой и красивой грудью. Она носит очки в роговой оправе, считая, что это делает её лицо значительным.

Лизка так и осталась тоненькой, плоскогрудой, моложавой. Когда Михаила дома не было, она заходила к Варе, рассказывала последние семейные новости, играла с Никитушкой или помогала Варе чертить очередную курсовую проект для Михаила.

Лиза когда-то училась в консерватории, но со второго курса ушла и теперь работала вместе с Варей на заводе в конструкторском бюро, где благодаря протекции начальника бюро Анисима Ивановича Годика довольно быстро продвинулась и стала из копировщицы чертёжницей, а потом конструктором. Жить на свете с её весёлым характером было, вероятно, очень легко.

Время близилось к вечеру. Варя учила сына ходить. Она поставила Никитушку шага за три от себя, присела на корточки и звала, шевеля пальцами вытянутых рук:

— Сбючка, Никитушка, ну, иди, иди к маме!

Никитушка то нерешительно поднимал одну толстую ножку в мягкой, с картонной подошвой пинетке, то опять ставил. Он вот-вот готов был решиться сделать первый шаг, но в самый последний момент постыдно трусил. Дышал он взволнованно и тяжело.

— Ну, иди, иди! — опять позвала Варя и опустила руки.

— Бух-бух! — убеждённо сказал сын и присел на корточки, важно полжизь руки на толстые колени, обтянутые голубыми чулками.

— Я тебя, жулик! — Варя погрозила ему пальцем. — Ходить надо! Десять месяцев лентяю, он всё ещё не ходит. Ну-ка, вставай! — Она потянула Никитушку за руку, но тот тоненько и капризно запищал, попятился назад и тяжело плюхнулся на пол.

— Ну, ладно. Не хочешь ходить — не надо.

Она вдруг почувствовала себя страшно усталой, будто со времени отъезда Михаила прошли не сутки, а целая жизнь.

Лучик заходящего солнца попал Никитушке в глаза. Он зажмурился, наклонил голову и, играя с солнцем, кокетливо протянул:

— А-а!

Варя вздохнула. Даже смешные выходки сына не радовали её сегодня. Ещё несколько месяцев тому назад ей и в голову не приходило, что Михаил может бросить их, разлюбить её и Никитушку, какой бы она ни была, а теперь...

Никитушка дотронулся толстым пальчиком до туфли на вариной ноге и вдумчиво произнёс:

— Тяп-тяп! Тапы.

— Тапы, сыночка, — подтвердила Варя, подняла его, усадила в кровать, набросала игрушек. Никитушка взял розового попугая на кольцо в одну руку, резинового зайца — в другую. Зайца он тотчас же принялся жевать: у него резались зубы. Изредка он взглядывал на попугая, сильно встряхивал его и испуганно моргал, когда начинала грохотать фасоль, которой щедро был начинён попугай.

Варя села дочитывать «Мартина Идена» и зачиталась. Глотая слёзы, она забыла о самой себе, о сыне, о Михаиле — обо всём. Всё это слилось, соединилось с горькой судьбой Мартинэ, его неудачная, непонятная любовь казалась похожей на её собственную.

«Вот и я так же», — оторвавшись от книги и положив подбородок на сцепленные пальцы, думала Варя. За окном темнело, через дорогу ленивой вереницей шли грязные долговязые гуси. «Одна, совсем одна... Подруги до первого разу только. Ни одна не придёт», — думала Варя, забывая о том, что ещё ни одной из подруг не сказала она об уходе Михаила.

«Но, конечно, я виновата, — продолжала она размышлять, рассеянно глядя за окно. — Мне всегда было некогда, трудно, и я чувствовала только то, что мне трудно, забывая, что Миша со мной, помогает мне, как может, и поэтому мне должно быть легко... Миша...»

Навсегда врезался Варя в память тот последний вечер, последний их разговор после ссоры. Это было перед маем.

...у зари у зореньки много ясных звёзд,
а у тёмной ноченьки им и счёту нет...

Варя помнит, что она пела тихо — просто бормотала себе под нос, иногда пугая слова песни. Но слова были и не важны, важно было то, что под её мурлыканье Никитушка наконец уснул...

Варя забралась с ногами на кровать и смотрит не на Михаила, а на его неподвижную, расплывшуюся по всей стене тень. Горит настольная лампа, в комнате темно, только вокруг стола нечёткий, постепенно переходящий в мрак круг света.

Михаил скрипит стулом, откашливается и очень серьёзным — не своим — голосом говорит:

— ...Мне надоело. Ну, понимаешь, просто я устал уже. И мне и тебе надо делом заниматься, работать... времени и так не хватает, а ты из-за всякого пустяка, из-за пустяка, вот что хуже всего...

Варя слушает его раздражённый, прерывающийся голос и вдруг пугается. Так Михаил говорит с нею впервые. Голос у него чужой, безучастный к его и её судьбе, к судьбе Никитушки.

А всё началось действительно с пустяка, с тапочки.

Утром Варя проспала, вскочила, торопясь, стала одевать Никитушку. Собрала завтрак, потом села кормить сына. Михаил тоже проснулся, но не встал: он уходил из дому позже Вари — ей надо было ещё завести сына в ясли.

— Ты на тапочку села, — сказал он вдруг.

Варя сначала не поняла.

— На тапочку? — Она растерянно оглянулась.

— Ну да. Ножка стула на тапочку попала. — Михаил зевнул.

— Ну что ты ко мне со всякой ерундой лезешь! — почти со слезами в голосе сказала Варя и даже бросила кормить Никитушку. — Я спешу, дёргаюсь, а он, будто слепой!.. На тапочку!

И она наговорила ему множество ненужных, обидных слов, чувствуя, как с каждым новым словом поднимается между нею и Михаилом стена отчуждения, но не находя уже в себе силы остановиться.

— Совести у тебя просто нет. Хоть бы раз в жизни поднялся, помог ребёнку одеть!

— Ты забываешь, в котором часу я каждый день ложусь, — сказал Михаил и сердито отвернулся к стене.

Варя осеклась и замолчала. Действительно, Михаил ложился не раньше двух-трёх часов ночи; каждый вечер он что-то вычерчивал, рассчитывал, вычислял...

Весь день Варю мучили угрызения совести. Конечно, она неправа была, что испортила и себе и Михаилу настроение на целый день. Но ведь трудно ей, очень трудно...

Варя пришла домой и всё ждала: придёт Михаил, они помирятся, и опять будет всё хорошо. Но Михаил пришёл хмурый, очевидно не забывший и не простивший утренней ссоры. Когда Варя начала укладывать Никитушку, он сказал, что им надо серьёзно поговорить. И вот...

— ...Я всё ждал, может, ты одумаешься, возьмёшь себя в руки. Но уже скоро два года, как мы живём, и изо дня в день одно и то же. По пустякам, по мелочам ссоры, ссоры... Понимаешь, как бы я к тебе и... — Михаил взглянул на кровать Никитушки, — ни относился, но от такой жизни всё пропадёт.

Варя сидела неподвижно и зачем-то теснее стягивала на плечах шерстяной платок.

Никитушка завозился в кровати и сразу же, не просыпаясь, перевернулся на живот, поднялся на четвереньки и пополз из-под одеяла. Обычно Варю всегда умилял вид сына с заспанной, ничего не соображающей мордашкой, толстым животом, вылезавшим из-под короткой распашонки, блестящими и сморщенными — «незахоженными» — пяточками. Сейчас она упрямо не глядела на сына, будто не видела, что он проснулся.

Михаил подошёл к кровати, ласково и ловко приподнял Никитушку и уложил на бок, плотно закрыв одеялом. Никитушка раза два проскрипел сонным голосом, потом повертел головой, угнездился и мерно задышал.

Варе вдруг захотелось подойти к Михаилу и, как в хорошие дни, спрятать голову у него на груди, шепнуть:

— Миша, Мышонок, хороший мой...

Сделай она так, наверное, их разговор на этом бы и кончился. Но она подумала:

«Вот ещё, пусть он сам первый. Я, что ли, одна виновата...»

— Ладно. Давай спать. — Михаил со вздохом собрал со стола учебники. — Позанимался! Ещё один вечер пропал. Теряем время без толку...

Михаил взял с кровати подушку, бросил её на диван, лёг и укрылся пальто. Потом встал спать, выключил свет.

— Ложись, — сказал он сидевшей неподвижно Варе. — Завтра ведь не воскресенье... Так я пока у Серёжки Орлова поживу, а устроимся с комнатой — возьму Никиту к себе...

Утром он ушёл и домой уже больше не возвращался...

Теперь, когда она осталась одна, Варя часто вспоминала всю их недолгую совместную жизнь, перебирала в памяти всё ласковое, что, забываясь, шептал ей суховатый и сдержанный Михаил, и у неё начинала кружиться голова...

Первый год принёс ей мало разочарований. Правда, их счастье омрачалось тем, что вместе им удавалось бывать не часто — три раза в неделю Михаил занимался по вечерам в институте. Но Варя принималась в эти дни ходить по магазинам, управляться с домашними делами, чтобы всё то время, когда Михаил бывал дома, принадлежало только им.

Родился Никитушка. Михаил поначалу не проявлял особенной нежности к сыну, а потом стал возиться с ним не меньше Вари. Пеленал его, купал, играл...

Это было летом. А с осени начались у Михаила занятия в институте — и Варя захлебнулась заботами. С завода она бежала за сыном в ясли, оттуда с ним в магазины. Приезжала домой уже затемно; надо было готовить, возиться с сыном, убирать комнату. Маленький Никитушка был очень криклив, и у Вари сердце разрывалось от жалости, когда она слышала его издрывный захлёбывающийся плач, переходящий в хрип.

Приходил Михаил из института, его надо было накормить, надо было постирать ему бельё — в цехе оно так мазалось, даже под спецовкой!

Михаил всё принимал, как должное, и теперь ни в чём не помогал ей. Каждую свободную минуту он отдавал занятиям. И Варе казалось, что он даже не понимает, как трудно ей, работая на заводе, ухаживать за ним и маленьким сыном. Это было горше всего.

Она стала раздражительной, нервной. Сначала ссоры были редки, потом стали повторяться всё чаще и чаще. Скоро Варя перестала смотреть на Михаила глазами любящей женщины, а во время ссор она почти ненавидела его и стремилась наговорить ему как можно больше обидного, злого, оскорбительного. Михаил такие вещи запоминал надолго и не прощал.

А дел с каждым днём становилось всё больше. Близилась весна — начались экзамены у Михаила. Рос сын, меньше спал, больше требовал времени. Варя, покормив сына в обеденный перерыв, оставшиеся полчаса спала, положив голову на чертёжный стол. Ходила она всё время, будто в тумане. Ещё чаще стали ссоры — ещё меньше приходилось спать, потому что начинали ссориться они вечером, а кончали обычно далеко за полночь.

Варя и сама понимала, что дальше так жить невозможно. Но о том, чтобы расстаться с Михаилом, она и подумать не могла: несмотря ни на что, где-то глубоко в душе она продолжала любить его... Когда случалась какая-то передышка и у неё светлела голова, она скучала по нём на работе, не могла дождаться, пока он придёт из института, старалась приготовить ему что-нибудь повкуснее, нетерпеливо обнимала его, едва входил он в комнату. Но Михаил никогда уже больше не

ласкал её так, как прежде, никогда не говорил ей тех хороших слов... Видно, крепко оседали у него на душе её злые упрёки...

Варя взглянула на часы.

«Девятый час... Всё пылью заросло — и часы, и вещи, и книги... Надо убраться да Никитушку выкупать...»

Никитушку Варя купала каждый вечер: врачи говорили, лучше будет расти. Сын и на самом деле рос крепким и здоровым, с рождения не болел ни разу.

Варя взяла Никитушку, мохнатое полотенце и пошла в ванную. В коридоре на неё налетела Лизка в длинных ситцевых брюках и поло-сатой пижамной кофточке. Все волосы на голове у неё были закручены в тугие бумажные свёртки. Лизка звонко хлопала Никитушку по голым ногам, сделала ему «козу» и побежала дальше, напевая:

— Никита, Никита, разбитое корыто...

Уже входя в ванную, Варя услышала, как Лизка на кухне взяла какую-то очень высокую и визгливую ноту, и дядя Дава заворчал:

— Ну-ну, ты, певица неудавшаяся!

— Папулечка, не ворчать! — Послышался шлепок, дядя Дава сердито фыркнул, и лизкины тапочки прошаркали мимо ванной обратно в комнату.

Варя налила тёплой воды в ванночку и усадила в неё Никитушку. Тот приоткрыл рот и учащённо задышал. Варя стала тереть ему губкой спину и грудь, Никитушка блаженно жмурился, повизгивал и шлёпал ладошкой по воде.

Раньше они купали сына вместе с Михаилом. Это повелось ещё с той поры, когда Никитушка был таким маленьким и слабым, что не держал головку, и Варя боялась мыть его одна.

«У-ух! — Варя сердито сжала зубы. — Всё текут и текут слёзы... Слезами делу не поможешь».

Сын весело хлопал по воде грохочущим попугаем, ловил уплывающую губку. По воде расходилась мыльная пена, пузыри отливали золотыми и радужными разводами.

За дверью уже несколько минут слышались шаги дяди Давы, его нетерпеливые вздохи и, наконец, громкий ворчливый голос:

— Ну, к нам в ванную теперь, как в Большой театр, не скоро попадёшь!

Перед сном он обычно принимал хвойную ванну.

Варя хотела сказать ему что-нибудь резкое, потом раздумала:

«Надо сдерживаться, хватит кухонных ссор».

Она намылила Никитушке голову и стала смывать, тот заорал, начал тереть мыльными кулачками глаза, заорал ещё больше и полез из ванночки. Варя наскоро ополоснула его, завернула в полотенце, собрала игрушки и открыла дверь.

Дядя Дава вошёл, сразу занял собой всю ванную, по-хозяйски огляделся, положил на полочку мыло, присел на край ванны, поманил пальцем Никитушку и полез в карман:

— На-ка, жених, что я тебе припас. — Он достал из кармана «миш-ку». Никитушка сердито высвободил обе руки и потянулся за конфетой.

— Расти, — сказал дядя Дава и вздохнул. — Может, мою Лизку замуж возьмёшь. — Он повторил свою излюбленную остроту. — Вам-то что, дорогая моя. Вы ему — ботинки, штаны — он и пошёл! Вот мне какво было! Платьев — два, туфель — две пары, пальто — два. А чулок... и не наготовишься.

Дядя Дава опять тяжело вздохнул и начал сыпать в ванну хвойный экстракт.

2

Солнце даже сквозь затянутые калькой окна умудрялось прогревать огромное помещение конструкторского отдела. Окна не открывали, потому что сквозняк срывал с досок листы ватмана, ворошил и трепал сброшюрованные комплекты чертежей, перекатывал на столах карандаши и ручки... Работать было трудно.

У чертёжного архива стояли несколько человек и лениво перебирали комплекты чертежей. Другие молча склонились над своими досками. Карандаши двигались медленно, будто преодолевая сопротивление бумаги. Лень было даже разговаривать.

Неподалёку от Вари находился стол начальника отдела. Анисим Иванович клевал носом. Его жирные тяжёлые кулаки ползли вниз по книжке заводских стандартов, косо лежавшей на его коленях, срывались и опять тынулись вверх. У корней его седых волос изморосью выступил пот.

Варя встретила с Лизой глазами и показала на Анисима Ивановича. Лизка фыркнула так, что Анисим Иванович очнулся, сдвинул на лоб очки в тяжёлой, кораллового цвета оправе и первым делом посмотрел, нет ли поблизости кого-нибудь из высшего начальства, потом поднялся, улыбнулся и, чуть подрагивая на ходу бёдрами, прошёлся по отделу.

Лиза сделала серьёзное лицо и невозмутимо принялась чертить, передвигая тонкими пальцами угольник вдоль рейшины и легко взмахивая карандашом. Жара на неё не действовала.

Анисим Иванович подошёл к варинному столу, заглянул в её чертёж, потом подошёл к Лизе, отечески положил руку на её спину и, прощупывая сквозь кофту пуговку от лифа, сухо сказал Варя:

— Сидим? Мы сидим, а она идёт?

Под «ней» в данном случае Анисим Иванович подразумевал зарплату.

— Я не сижу, я думаю, — холодно возразила Варя и положила карандаш.

— Над детализовкой? — удивился Анисим Иванович. — Чему же обучали вас в техникуме, если вам над простой детализовкой размышлять приходится?

— Я как раз и размышляю над тем, зачем нас в техникуме учили. Второй год от вас, кроме детализовки да разной бумажистики, вроде спецификаций да сводок, никакой работы не получаем.

Лиза вскочила со своего места и легла животом на стол, рядом с Варей. Она любила ссоры в отделе и всегда принимала сторону противника Анисима Ивановича.

— Правда, дед. — Лизка фамильярно называла 'Анисима Ивановича «дедом». — Чтой-то вы нам никакой работы по проектированию не даёте? Хотя бы кондуктор какой-нибудь завалиющий.

Открылась дверь. По отделу прокатилась струя прохладного воздуха; быстрее задвигались карандаши, чертежи в комплектах стали переворачиваться не так лениво. Вошёл Сайко.

Покручивая за спиной большими пальцами крепко стиснутых рук, он быстро прошёл на середину отдела, оглянулся по сторонам и, увидев Анисима Ивановича, уже медленнее пошёл к нему.

— Я к тебе, Анисим Иванович, — начал было он, потом остановился, взглянул на расстроенное варино лицо, на гневно сведённые брови Анисима Ивановича, спросил: — У вас спор? О чём? А вы что там удобно пристроились? — Он сердито посмотрел на Лизу и подошёл к её чертежу.

Лиза моментально вернулась на место и доверчиво подняла на Сайко свои красивые глаза. Сайко раздражала эта кокетливая девушка, ему всегда хотелось наговорить ей резкостей. Он хмурился, смотрел на чертёж, но постепенно лицо его смягчалось. Чёткая рамка, прилежно вычер-

ченный штамп завода, красиво расположенная на листе схема — общий вид автомата. Линии чётки и тонки, закончены. Всё аккуратно, всё видно. Чертёж походил на красиво сделанную картинку. Сайко никогда не мог отругать Лизу за её многочисленные грехи в дисциплине — уж очень красиво она чертила. Стараясь сохранить суровый вид, он вглядывался в чертёж. Потом ткнул пальцем в схему и сердито буркнул:

— Что ж вы, барышня, третий узел не на тот вал повесили? Он ведь ниже.

Лиза вспыхнула, уставилась в чертёж и, не поняв, о чём он говорит, виновато пробормотала:

— Ой, Николай Иванович, вы всегда что-нибудь увидите!

— О чём спор? — опять спросил Сайко Анисима Ивановича.

— Да всё о том же. — Анисим Иванович усмехнулся. — Просит проектирование, говорит, что унижает её простая работа.

— Не унижает, а надоела. — Варя заволновалась, хотела сдержаться, но не смогла, и голос её прозвенел громко, на весь отдел. Оглянулись сидевшие поблизости конструкторы.

— Надоело! Я уж, верно, забыла, чему меня в техникуме учили! Корнеев делает, а я детализую... Ни расчётов, ничего не надо.

— Она права, Николай Иванович, — вступил в разговор молодой конструктор Володя Быков. — Мы здесь буквально засыхаем на корню... Я работаю пятый год, однако проектированию меня никто не учит.

— Ну, ладно. — Сайко нахмурился. — Об этом надо разговаривать всерьёз, не сейчас и не таким тоном... Вот что, Анисим Иванович... — Он обнял Годика своей короткой сильной рукой и повёл в другой конец отдела. — Как у нас с паркетным станком? Из министерства сейчас звонили, вылили мне на голову целый ушат угроз.

— Да вот так, товарищ главный инженер, — всё ещё сердито сказал Анисим Иванович, — сколько раз я просил: докомплектуйте мне бюро опытными конструкторами! Ведь на проектировании у меня всего пять человек, а каждые три-четыре месяца новый тип станка дают из министерства. Они-то что-нибудь думают?

— А это ты их спроси. — Сайко с удовольствием засмеялся.

— Ну, как же! — начал опять горячиться Анисим Иванович. — Ведь на каждом производственном собрании, на каждом совещании у вас и у директора меня греют! А изволите ли вы знать, что я не виноват?

Сайко нетерпеливо кивал головой, и было непонятно, то ли он соглашается с Анисимом Ивановичем, то ли не слушает и думает о своём.

— За два-три месяца спроектировать новый станок — это не шутка, знаете ли! — Анисим Иванович поскрёб пятернёй в сальных волосах и снял очки. Лицо его от этого стало не таким грозным и официальным, он сделался похожим на толстого рождественского деда из детской книжки. — Вот с начала года мы спроектировали и полностью оснастили приспособлениями шипорезный станок, рейсмусный станок, станок для тарной дощечки... Уже спроектирован и паркетный, но ещё кальки не отсинены.

— Ну, вот что: — Сайко взглянул на часы. — Давайте мне тогда пока оригиналы чертежей на паркетный. Я их технологам передам, пусть технологию пишут побыстрее. А как придут синьки из светоконии, спешно спускайте в цехи.

— Корнеев в отпуск просится опять, — сказал Анисим Иванович, доставая из ящика шкафа кипу оригиналов. — Вот. Вам девочку дать отнести?

— Ничего, я как-нибудь без девочки, — усмехнулся Сайко, удобнее устраивая подмышкой тяжёлый свёрток. — Ну что ж, отправьте его в отпуск. Ведь у него язва... Пускай в Ессентуки едет.

— Да как же я его пушу, если у меня на очереди к проектированию ленточная пила! — Анисим Иванович возмущённо ссутулился и растопырил руки.

— А вот приучайте девочек к проектированию... — Сайко указал рукой на отдел. — Ведь у вас молодёжи-то, молодёжи-то — целый цветник!

За конструкторскими столами в самом деле тут и там пестрели нарядные платья девушек, белые, салатные, голубые рубашки парней.

— Приучать девочек! — Анисим Иванович фыркнул. — Приучатся со временем. А пока есть сколько хочешь приученных, натрелых конструкторов. У нас неопытный начальник отдела кадров, к нему идёт одна зелень. Хоть бы один старый кит-конструктор за три года! Поневолье приходится набирать эту кильку. Хотя, — Анисим Иванович остановился, — и ей дела хватает. Не сидят.

— Ну так вот. — Сайко помолчал, о чём-то подумал, потом махнул рукой. — Ладно, об этом после.

Завод, на котором работал Сайко, выпускал станки для деревообрабатывающей промышленности. Станки эти в большинстве случаев шли мелкими сериями по двадцать пять — тридцать штук в квартал. Иногда, выпустив сотню освоенных в производстве станков, завод передавал их дальнейший выпуск заводам периферии и уже больше никогда к ним не возвращался. Почти каждый квартал в очень жёсткие сроки приходилось осваивать новые станки. Из этих-то особенностей производства и вытекала та сложность и неравномерность заводской жизни, которая людям, работавшим раньше на крупных заводах с массовым производством, казалась подчас неумением наладить равномерный ритм работы, кустарщиной.

Рабочие на заводе почти все были высокой квалификации, универсалы. Им ежедневно приходилось обрабатывать самые разнообразные детали небольшими партиями. Нужно было иметь немалую практику, чтобы каждый раз суметь обработать деталь наивыгоднейшим способом, почти без приспособлений, облегчающих и упрощающих обработку. Не было смысла оснащать цех и автоматами, станки в цехе были тоже универсальными.

Но наиболее сложной была работа конструкторского бюро. Почти каждые два-три месяца в конструкторском бюро совершалось рождение нового станка и в эти же два-три месяца проектировались инструмент и самые необходимые приспособления к нему. Станок обрастал многочисленной документацией: ведомостями на литьё, которое заказывалось на других заводах, спецификациями деталей, множеством сводок.

Самым узким местом в бюро оставалось проектирование. Обучать молодёжь Анисим Иванович не хотел и не умел. Он считал, что говорит всегда очень ясно и если кто-нибудь из сотрудников не понимает его, то только потому, что невнимателен или неспособен. Поэтому, когда его не понимали, он начинал раздражаться и кричал.

3

Непривычный человек, едва войдя в ворота цеха, ощущал специфический цеховой воздух: смешавшиеся запахи горячего металла, душной чугунной пыли, машинного масла и эмульсии... Варё, как и всякому, кто долго проработал в цехе, воздух этот казался совершенно особенным, каким кажутся запахи дома, где прошло детство.

Звуковой фон у цеха тоже был совершенно особенный. Сначала цех оглушал. Человек воспринимал отдельно рабочий грохот каждого станка, окрики крановщиц, рабочих на автокарах. Но скоро все звуки слива-

лись, и человек переставал их замечать, привыкал к ним, как привыкаешь к стрекоту кузнечиков или шелесту леса.

Варя любила и шум цеха и воздух его. Так же, как она знала давно привычное и постоянное место каждого стула, каждой вещи в своей комнате, она знала и привычное расположение станков в цехе. Она ушла из цеха в конструкторское бюро недавно: когда окончила вечерний техникум. Четыре года проработала она на токарном станке, рядом с Михаилом. Варя тогда относилась к Михаилу, как ко всем остальным в цехе, а Михаил немножко ухаживал за нею, хотя в бригаде были девушки интереснее Варе, например, Любка Малькова. Сейчас Варе кажется, что тогда было самое счастливое время её жизни и никогда оно больше не повторится.

— Варя! — Сергей Орлов уж который раз окликал её, но она не слышала: не о нём сейчас думала Варя...

Сергей был не в духе: мастер дал ему грубую работу — обдирку длинных валиков, а Сергей любил работу точную, где надо было кропотливо ловить микроны. Такую работу ему давали не часто, так как Сергей работал на старом токарном станке типа «Вотан». Станок был расхлябанный, и Сергей иногда запарывал детали.

— Серёжка? — Варя подошла к нему. — Ты что?

— Всё-таки едет Авдеев. — Сергей сумрачно посмотрел на Варю.

— Да? — рассеянно переспросила она. Её сейчас больше интересовало, сказал ли Михаил Сергею, когда жил у него, что они разошлись, или не сказал. Но по внешнему виду Сергея определить это было трудно.

— А зря. — Сергей вздохнул. — Мишка токарь не чета Авдееву — художник! Потом, одно дело, когда человек и для души старается, а другое дело, когда только копейку гонит...

Будто сговорившись, они одновременно взглянули через пролёт, где за массивным красивым станком работал высокий смуглый человек, похожий на цыгана.

— Ну и пусть! — Варя махнула рукой. — Разве Лещ или Анисим Иванович Мишку пошлют? Они в Авдеева влюблены по уши!

Ей сделалось из слёз обидно за Михаила, вспомнилось, как ещё зимой, когда стало известно, что их завод должен выделить лучшего токаря для экскурсии по заводам Советского Союза, Михаил неуверенно и мечтательно — совсем на себя не похожее — сказал: «Может, меня пошлют? Да нет, Лещ Авдеева пошлёт. А ведь такая поездка на всю жизнь запомнится».

• — Лещ сказал, что Звездина, мол, рискованно посылать. Молод ещё. Авдеева — спокойнее, он и поговорить умеет с достоинством... — Сергей сплюнул и отвернулся. — Даже думать не хочется! Будто и нет правды на свете больше...

— Загнул! — Варя улыбнулась. — А поговорить да себя похвалить Авдеев умеет, это правда.

Авдеев приходился Варе родственником: он был мужем её тётки, и Варя звала его «дядей». Это он устроил Варю на завод, дал ей первые навыки токарного дела. Вначале он относился к ней доброжелательно, и Варя часто бывала у них дома. Тётка была женщиной гостеприимной — она любила показать своё умение вкусно готовить. Если за обедом присутствовал кто-нибудь посторонний, к столу обычно подавались необыкновенно вкусные блюда, домашние варенья, пироги из сдобного, тающего во рту теста. Однако это хлебосольство уживалось в ней с поразительной жадностью, и обычно после того, как гости уехали, сразу же, при Варе, начинались подсчёты — сколько истрачено на обед, сколько закусок не съедено и должно пропасть.

Тётка всё время мечтала о том, чтобы муж её в конце концов «вышел в люди», удивлялась, почему его не сделают хотя бы мастером.

— Я на станке побольше начальника цеха зарабатываю,— сказал как-то Авдеев.— Что мне мастер! А потом,— он развернул газету,— теперь и токарям стали золотые медальки давать. Видишь, Борткевич, Быков...

Тётка недоверчиво взяла у него газету из рук, прочитала несколько раз, потом, захлёбываясь, стала доказывать, что ему просто необходимо стать лауреатом.

— Представляешь,— говорила она, и в выцветших глазах её загорался молодой огонёк,— приходим мы к Симке, а у тебя на костюме медаль! Никто ничего не знает — и вдруг: Матвей Ильич! Откуда это у вас? А?!

Авдсев старался сохранить невозмутимый вид, но было очевидно, что такие разговоры ему приятны.

— У нас на заводе разве получишь! — качал он головой.— Не на виду. Масштаб не тот! Мне бы с моим мастерством в Москве на ЗИСе работать...

Сына своего, Бориса, длинного и, как казалось Варя, довольно неумного, тётка тоже готовила в лауреаты. Она так и заявила: «Боречка мой непременно будет лауреатом!»

Для достижения этой цели Бориса третий год безуспешно обучали игре на виолончели. В музыкальную школу его не приняли за полным отсутствием слуха. Обучался он у частного педагога, который смотрел на дело оптимистически и убеждал тётку, что если даже нет природного слуха, то постепенно его можно развить и довести до совершенства. Тётка не теряла надежды...

Авдеев перестал жаловать Варю с тех пор, как она стала женой Михаила. Узнав, что она собирается выйти за Михаила замуж, Авдеев поймал Варю в цехе и долго уговаривал не связываться с этим выскочкой Мишкой, «не в масть он нашему роду», предлагал «склестить» её с рыжим Лёшкой, своим племянником, работавшим тут же в цехе.

— Я вам и деньги на обзаведение дам. А ты ему нравишься.

— Нет, дядя,— смущённо сказала Варя,— это уже дело решённое.

— Ну, как желаешь. Нет так нет,— недовольно нахмурился Авдеев.

С той поры он Варю в цехе не замечал.

— О чём вы мечтаете? — услышала Варя над своим ухом голос Сайко и вздрогнула. Она сообразила, что обеденный перерыв давно кончился и пора ей быть на своём месте. Ожидая выговора, она покорно опустила голову и молчала.

— Так... Смотрю,— сказала она потом.

— Пойдёмте в сборочный цех, там рейсмусный станок испытание проходит. Посмотрите,— категорическим тоном сказал Сайко и, легко положив Варя руку на спину, подтолкнул её вперёд. — Ну?

Они пошли по пролёту рядом. Варя думала, что Сайко сейчас заговорит об их ссоре с Анисимом Ивановичем, но Сайко молчал. Варя смотрела под ноги и видела только его белые ботинки с широкими мазками заводской грязи и холстинковые серые брюки, обившиеся внизу.

«Небось, жена была бы, так подшила бы давно. Ходит кое-как... — Варя с внезапным сочувствием взглянула на Сайко и вздохнула. — Тоже один остался. Легко ли? И не женится уж лет семь, наверное. В войну жена умерла. Значит, любил».

Так близко, как сейчас, Варя не видала Сайко ещё ни разу. Лицо его было усталым, от уголков глаз к вискам по желтоватой коже прочертились лучи мелких морщинок. Это делало его лицо добрым и старым. Почувствовав на себе варин взгляд, Сайко обернулся и с минуту смотрел на неё, верно продолжая ещё думать о чём-то своём, грустном, потом сказал:

— Вот забыл, положил я сыну платки носовые? Будет в кулак сморкаться...

— Эй, эй, спите там, черти! — услышала Варя оклик крановщицы, инстинктивно отскочила в сторону и потянула за собой Сайко. Мимо, едва не задев их, проехала по воздуху чугунная коробка редуктора. Крановщица высунулась из своей будки, чтобы ещё раз как следует обругать их, но, увидев, что имеет дело с главным инженером, нырнула обратно. Сайко смущённо улыбнулся.

— Так-то оно и бывает...

Сборочный цех находился позади механического, в большом, просторном павильоне. На грузовике, выезжавшем из ворот, стоял огромный, неплотно сбитый ящик, покрытый серыми листами толя. К другому грузовику кран тащил такой же, тяжело раскачивающийся в воздухе ящик. Неподалёку длинным солидным рядом стояли выкрашенные рыжей грунтовкой шипорезные станки. Их тоже подготавливали к сдаче. Месяц близился к концу.

По другую сторону прохода, где толпились слесари-сборщики, стоял один-единственный приземистый станочек, казавшийся отлитым из одного куска. Это был пробный рейсмусный станок. Тут же, возле станка, Варя увидела директора, главного технолога завода Леща, начальника механического цеха Седина и его заместителя Архипова. Все они следили за испытанием.

Молоденький синеглазый сборщик брал из кучи заготовок брусок, клал его на движущуюся конвейерную цепь станка, чуть прижимал рукой. Режущие головки подхватывали заготовку, мгновение слышалось жужжание и потрескивание, из жестяной трубы вентилятора вихрем неслась мелкая стружка, и заготовка, бессильно скользнув по конвейеру, падала на кучу таких же, лимонно-жёлтых, пахнущих смолой и сыроватой свежестью заготовок.

Сайко прошёл вперёд и остановился рядом с директором, заложив назад руки и теребя вышитые обшлага белой рубахи.

— Как отклонения? — спросил он у пожилого сборщика в комбинезоне.

— Пока два миллиметра, — смущённо ответил тот. — Регулируем.

— Плоховато. — Сайко покачал головой.

Он ещё что-то спрашивал, приподнимал и опускал режущие головки, потом велел снять их, стал осматривать ножи. Варя со стыдом чувствовала, что она плохо понимает, что и зачем делает Сайко.

Сайко вытер текстильными концами грязные руки и с опозданием засучил замаравшиеся обшлага рубахи.

— Пускай! — сказал он, отходя назад. Сборщик нажал пусковую кнопку, по конвейеру опять медленно поползли одна за другой заготовки.

— Ну, — обратился Сайко к Варе, — а вы что же участия не принимаете? Ведь это ваш станок, вы конструктор?

— Нет, не я, Корнеев. — Варя смущённо поёжилась и обхватила ладонями свои голые локти. — Я только детализовала узел станины...

Привлечённые разговором, в их сторону взглянули слесари и директор завода, Архипов сочувственно улыбнулся ей. Сайко замолчал, отвернулся от Вари и продолжал следить за испытанием. А Варя, хмурясь, думала, что она ещё совсем не конструктор, что смотрит она на испытание станка, выпущенного их конструкторской группой, бессмысленно, не умея различить в нём даже те детали, которые она механически перечертила с узлового чертежа, сделанного Корнеевым.

Если бы хоть маленький узелок в этом станке был полностью сделан её рукой, нёс бы в себе частичку её ума, её фантазии! Тогда, конечно, и весь станок стал бы для неё роднее, она могла бы тогда, так же как

Сайко, со знанием дела спросить что-нибудь у слесаря-сборщика и, так же как он, искренне волновалась бы из-за того, что отклонение никак не уменьшается до допуска.

Она тихонок отступила назад, потом ещё и хотела было уйти, но Сайко, не оборачиваясь, погрозил ей пальцем и поманил.

— Чаше бывайте в цехе, — сказал он ей, обернувшись, — если вы действительно хотите стать конструктором. Ясно?

— Ясно. — Варя почувствовала, что привлекла всеобщее внимание, и отступила назад. — Я пойду, Николай Иванович.

— Идите. — Сайко наморщил лоб и сделал своей короткой рукой предостерегающий жест. — Годика скажите, что это я вас вызывал. Ясно?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

«А солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает...» — вспоминает Наташа бабушкину сказку. Наташа разгибается и стоит, положив ладони на поясницу, поводя худенькими плечами, обтянутыми шёлковой майкой.

Солнце одиноко висит среди пустого неба, и, когда смотришь на него, кажется, что оно чуть вздрагивает, — это струится раскалённый воздух. Вообще, не очень и жарко — в лесу наверняка прохладно; но тут, среди голого поля, после двух часов работы накалилась даже одежда. Кожа на руках тоже горячая и пахнет почему-то вялой берёзкой.

До половины поле тянется чёрными, начинающими уже сереть гребнями. По ним распластала вялые красноватые ушки свекольная ботва. Дальше, до самой опушки леса, поле зелёное и пушистое от буйно разросшихся сорняков. На границе чёрного и зелёного неровно рассыпались фигурки ребят. Большинство полет сидя, и только некоторые работают по-крестьянски, кланаясь в пояс земле.

Недалеко от Наташи — Нина Малькова. Она работает легко, наверное, совсем не думая о работе. Голову Нина стянула белым платочком, из-под него тяжело свисает через плечо толстая коса. При каждом наклоне корпуса коса гибко и весомо раскачивается, пушистый конец её метёт по земле. Нина, конечно, могла бы повязать косу вокруг головы, но не хочет. Так красивее. Лицо её серьёзно, руки быстро и внимательно подхватывают сорную траву под корень, но Наташа кое-что знает, и поэтому ей легко поймать нинин взгляд искоса в сторону Юры Корнеева.

У Юры сегодня работа не клеится. Ему всё хочется забежать вперёд, он так и делает: начинает быстро, обеими руками рвать траву — и вот он впереди всех. Потом оглядывается и видит позади, на сером гребне гряды, зеленоватый налёт — это мелкий и цепкий сорняк. Юра возвращается, опускается на колени и начинает сердито выщипывать с корнем эту, как он её называет, «поросычью травку».

Далеко впереди всех покачивается на фоне зелёного леска светлая голова Лёвы Сайко. Он работает стоя, его невысокая фигурка легко склоняется над грядой и, тут же распрямляясь, продвигается вперёд.

«Ему легко работать, — думает Наташа. — Он невысокий, не то, что Юра».

Вовка Седин работает рядом с девочками. Он подвязал цветастый платочек по-бабьи, концами вперёд, и теперь похож на курносую большеглазую девчонку с ямочками на щеках. Девочки смеются громче всех хохочет Мила Уварова, маленькая толстуха с широким носиком и крупными, как сливы, глазами. Это её платок надел Вовка. Мила хохочет, поглядывает на Вовку хитро и немного смущённо. Он ей нравится.

Вовка старается вовсю. Вот он собрал лицо в морщинистый комочек, простуженно покашливает, подслеповато щурится, дёргает сорняк и начинает его рассматривать со всех сторон, приговаривая: «И-и, милый, кажишь, вместо молочая морковину выдернула! О-ой, стара, дурна голова...» Потом Вовка моментально преображается и, подпрыгивая на ходу, что, очевидно, должно изображать резвость молоденькой внучки, начинает быстро полоть и крикливо ругаться: «Бабуся, вы бы уж дома, что ли, сидели! Сорняк оставляете, а овощ удаляете!»

Девочки смеются. Нина улыбается и смотрит на Вовку. Она старше его на два года, и Вовка кажется ей поэтому совсем мальчишкой.

— Ну ты, артист! — одёргивает Вовку Юра Корнеев. — Ты поли давай чище, а то опять из-за тебя что-нибудь...

Вовка не обращает на его слова внимания. Он и так впереди всех.

Наташа знает, почему Юра одёрнул Вовку. Работает тот, как всегда, хорошо. Не улыбнись Нина, Юрка и не подумал бы его задеть. Однако она на всякий случай идёт проверить. Уж очень подозрительно быстро полет этот «артист». Не оставляет ли он корней? Но Вовка полет чисто, даже, кажется, ботву нигде не прихватил.

Воздух дрожит от зноя. Кучи сорняков по бороздам на глазах темнеют, обмякают и начинают исходить тонким, сладковатым и влажным ароматом. Скоро кажется, что им пропиталось всё насквозь — руки, воздух, волосы, солнце...

«А это чья же гряда? — думает Наташа. — Ловко придумано: все корни в земле, только головки оборваны». — Она идёт вдоль гряды до границы чёрного и зелёного.

Густо поднял сухие ремешки листьев мятлик, покачиваются среди них облетающие лёгкой жёлтой пылью тугие щёточки тимофеевки, сочно возвышаются темнозелёные стебли молочая с робкими оранжевыми корзиночками соцветий. Гнётся под ветром, закрываясь серыми исподами суховатых резных листьев, жёлтый клоповник. Под солнечными лучами всё это дышит горячим и горьким, сонно дурманящим голову ароматом.

Здесь, в траве, лежит, закинув под голову руки, Лёва Сайко и смотрит в небо. Глаза его, зеленюватые и прозрачные, широко открыты, губы медленно шевелятся. Он смеяет ресницы, и глаза поблёскивают глубоко и таинственно, как родник в тени.

— Лёва, — почему-то тихо говорит Наташа и садится рядом с ним, — ты что?

— Ничего. — Лёва с неудовольствием переводит глаза с неба на Наташу и тоже садится. — Отдыхаю.

— Не рано ли?

— А что же? — Лёва косится на Наташу, потом тычет крепкой небольшой рукой в сторону работающих ребят. — Подожду. Пусть догонят.

— А так ли, как сни, ты работаешь? — опять спрашивает Наташа и улыбается серьёзно и доброжелательно.

— Конечно. — Лёва исподлобья взглядывает на Наташу и отводит глаза. — А как же?

— Не так. — Наташа молчит, тоже смотрит куда-то в сторону, потом спрашивает: — Ты кем будешь, когда вырастешь?

— Ну, этого я вам не скажу, — решительно отвечает Лёва.

— Как хочешь. — Наташа пожимает плечами. — Наверное, тоже лауреатом хочешь быть, как Борис?

— Вы меня с Борисом не равняйте! — вспыхивает Лёва; и уже спокойнее спрашивает: — А что ж? Разве это плохо — быть лауреатом?

— Видишь ли... — Наташа задумывается. — Конечно, неплохо. Только ведь у нас нет такой профессии — лауреат Сталинской премии. Нужно своё дело делать очень хорошо, лучше всех. И тогда только, может быть...

А если человек заранее решил: буду лауреатом! — и из кожи вон лезет, только чтобы как-нибудь этого добиться, — это паршивый человечишка. — Наташа молчит, потом улыбается и, взглянув Лёве в глаза, говорит: — А я тебе по правде скажу. Сначала я думала, что из тебя плохой человек вырастет. А сейчас знаю — нет. Может быть, тебе трудно в жизни придётся, но ты будешь хорошим и честным гражданином.

Лицо Лёвы медленно розовеет, он низко опускает голову, тихо, стараясь сказать поглубже, говорит:

— Ну вас! Да ладно, я пойду переполую свою грядку снова. Долго ли... — Встаёт и, не глядя на Наташу, уходит. Наташа сидит некоторое время ещё и слушает, как поют девочки. В небе плывёт, напряжённо развернув широкие крылья, какая-то птица — ястреб, наверное.

Над деревьями в сером вечернем небе проходили розовые облака. Тёмный и длинный флаг, выделяясь на их фоне, плескался по ветру на верхушке лагерной мачты. Шла вечерняя линейка.

Правильным квадратом замерли отряды по команде «смирно», а на трибуне, у мачты, стоял Михаил в белой шёлковой рубашке с красным галстуком.

— На прополке, — читал Михаил, — первое место занял второй отряд девочек.

Михаил сделал паузу, отряды дружно и щедро похлопали.

— Второе место занял первый отряд мальчиков. Совет лагеря объявляет обоим отрядам благодарность, — сказал Михаил, красиво стряхивая назад с загорелого лба чёрные прямые волосы. Ему нравились такие торжественные минуты. — В общем итоге дня первое место занял третий отряд мальчиков. Набрали двадцать восемь очков из тридцати возможных.

— Второе место занял второй отряд девочек. Набрали...

— Третье...

— Четвёртое...

— Последнее место занял первый отряд мальчиков. Набрали семнадцать очков из тридцати возможных.

Наташа покраснела, чувствуя, как обратились в её сторону взгляды начальника лагеря, врача и обслуживающего персонала, стоявшего на краю линейки.

Михаил тоже, чуть прищурясь, глянул в сторону Наташи и кончил:

— Поздравим сегодняшних победителей! Третий отряд, налево! Кругом по линейке, шагом марш!

Вожатый третьего отряда, Коля, худой и невзрачный паренёк лет девятнадцати, вывел с линейки своих мальчишек, и они медленно прошли строем мимо отрядов. Наташа видела, как неохотно горнит им под ногу Лёва Сайко, как весело пляшут палочки у толстого коротенького барабанщика — пионера третьего отряда.

«Не нравится? — горько подумала Наташа. — Эх, Лёвка, а твоей вины тут большая доля...»

Она вглядывалась в цепочку проходивших мимо пионеров третьего отряда. Лица у них были такие же, как и у её ребят, — озорные и хитрые, обычные мальчишечьи лица. Дело, конечно, не в самих ребятах... Наташа с уважением взглянула в сосредоточенное и хмуроватое лицо вожатого Коли.

А Наташа своих никак не может заставить подтянуться. То на зарядку опоздают, то в столовой зашумят, то споткнётся кто-нибудь, когда на линейку выходят, — в строю смех. Вот и получается, что у них всегда меньше всех очков.

— А теперь,— сказал Михаил,— полюбуемся на самых старших и самых недисциплинированных пионеров нашего лагеря. Первый отряд, нале-ево! По линейке кругом, шагом марш!

Наташа шла мимо молчаливо вытянувшихся отрядов, низко опустив голову. Ей казалось, что она идёт так вот, впереди своих мальчишек, уже давно и итти им ещё далеко, что кругом тихо-тихо и все слышат, как стучит у неё в висках кровь.

Будто сквозь сон, она слышала, как прогорнил два такта и вдруг резко оборвал марш Лёва, слышала, как назойливо и громко выбивали дробь барабанные палочки.

«Скорее, скорее!» — думала она.

Вот они обошли круг и стали на место.

Кто-то спустил флаг, потом отряды пошли умываться. Наташа брела медленно, не глядя по сторонам, и скорее чувствовала, чем видела, как жмутся за нею её мальчишки, так же потерянно отводя глаза от насмешливых и вопросительных взглядов.

Возле палаты её догнал Михаил.

— Слушай, Наташа! — Его зеленоватые и всегда будто хмельные глаза смотрели сейчас, пожалуй, даже участливо. — Ты-то что так расстроилась? Ведь это для ребят вся процедура! Тебе-то нужно себя крепче в руках держать. Пойми,— Михаил наклонился и сказал протяжно, как маленькой: — у тебя самый трудный отряд в лагере. Са-амый трудный!

Ночью, когда её мальчишки заснули, Наташа заплакала, тоненько повизгивая и всхлипывая, уткнувшись носом в подушку, чтобы её не было слышно в спальне.

Заскрипела чья-то кровать. Наташа примолкла, прислушалась. Кровать скрипнула ещё, потом Наташа услышала, как две босые ноги опустились на пол и зашлёпали к двери.

«Кто там? — испуганно подумала Наташа. — Вот-те на! Лунища такая, светло, как при прожекторе, а у меня, наверное, глаза распухли, нос тоже. Материал для очередной карикатуры...»

На террасу кто-то вышел, и она узнала высокий, с тонкой мальчишечьей шеей, силуэт Юры Корнеева. Наташа быстро спрятала лицо в подушку. Юра подошёл к её кровати, постоял, послушал, потом позвал:

— Наташа!

Наташа нехотя отозвалась:

— Ты что, Юра?

Он потёр одну босую ногу о другую, потом сел на край кровати и сказал:

— А я думал, вы во сне. Вы что, плачете? Вы из-за нас плачете? Охота вам! — Он смешно дёрнул головой, потом зевнул и потёр руками глаза.

«Умный какой! — сердито подумала Наташа. — Из-за нас плачете! Будет завтра разговору».

А вслух сказала:

— Ладно, иди спать. Вовсе не из-за вас я плачу. Подумаешь, герои!

— Да я и не хочу спать,— сказал Юра и опять зевнул. — Это я по привычке зеваю. Вы не думайте, что это мы вам назло или потому, что вы нам не нравитесь. У нас и хуже бывали вожатые.

«Ничего себе комплимент!» — огорчилась Наташа и как можно равнодушнее спросила:

— Чем же хуже?

— Нет, вы хорошая,— смеясь, поправился Юра. — Была у нас одна такая Лиза, в позапрошлом году. Та за ухо возьмёт, перевернёт так, что ой-ой-ой! Только всё равно ребята баловались.

«Знаю я, что ни криком, ни силой вас не возьмёшь», — грустно подумала Наташа и вздохнула:

— Ладно, ложись спать.

Юра нехотя поднялся и уже из окна палаты сказал:

— Нет, Наташа, мы правда хотим хорошо себя вести. Только как-то всё не выходит...

— Воли нет у вас... — отозвалась Наташа. — Не для меня же, в конце концов, это нужно.

Но из палаты ей уже никто не ответил.

«Они, конечно, и правда хотят лучшими быть, — думала Наташа, — тем более, что им стыдно — это заметно, — стыдно перед всеми. Вот, например, на прополке второе место заняли — почему? Потому, что там на глазах у всего лагеря, да ещё перед колхозниками — почему не поработать хорошо? Как на подвиг... А ежедневные мелочи выполнять образцово — это нудно, терпения не хватает, характера...»

Наташа перевернулась на живот и задумалась, подперев голову кулаками. Ветерок медленно шевелил её волосы.

В ту ночь Михаил тоже долго не мог уснуть. Лежал на кровати поверх одеяла, сосал папиросу, смотрел на синеватое квадратное пятно лунного света на стене. Было отчего-то неприятно и неуютно.

Варька прислала открытку. Пишет — живёт хорошо, на заводе всё в порядке, в поездку выделили Авдеева.

«Эх!» — Михаил закрыл глаза и крепче стиснул зубами папиросу. Конечно, если бы он сам был на заводе, то... Да нет, всё равно решающий голос в этом вопросе — главного технолога завода Леща. А Лещ-то как раз его и недолюбливает.

Михаил сел на кровать, сунул ноги в тапки. В комнату залетел комар и назойливо зудел где-то, тыкаясь об стену.

«Ну и пусть. Точка. — Михаил улыбнулся. — Забыть и наплевать. Авдеев работает, чтобы орден получить, а комсомольцы — люди бескорыстные». Он даже попробовал засвистеть какую-то мелодию. Однако неприятное ощущение не проходило.

Сегодня ему по-настоящему стало жалко Наташу. И дёрнула же её нелёгкая взять старших мальчишек! А всё Петя настоял. Трудно ей. Какая она сегодня шла на линейке... Ссутулилась, лицо вытянулось, похудо... Надо бы заняться первым отрядом.

Михаил снова закурил. Лёва Сайко, наверное, баламутит там. В прошлом году он был единственным пионером, в душу которого Михаил так и не нашёл тропки. И расстались они осенью вроде не враги, но и не друзья...

Станным казался Михаилу этот парень, замкнутый, холодный, осторожный. Когда разговаривают с ним, так и чувствуется всё время, что он будто боится проговориться, сказать лишнее. Иной раз, без видимой причины, ходит как в воду опущенный, ребят сторонится. Станешь выспрашивать по-хорошему: «Что, мол, с тобой?» — взглянет на тебя искоса, как на врага: «Ничего. Голова болит». Михаил таким людям не верил. Всегда от них какой-нибудь пакости можно ждать.

Наташа не совсем и виновата, что с отрядом справиться не может. Возраст сейчас у них такой: камешек брось, бурю поднимешь. Чтобы ими управлять, нервы надо иметь крепкие, взрослого человека туда надо, чтобы они железную руку чувствовали.

А так, кроме первого отряда, всё идёт мирно. Остальные шалят, конечно, на то они и дети, но не так громогласно.

Вожатые в лагере подобрались как будто хорошие. Жаль только, что начальник лагеря не помощник Михаилу в деле воспитания. На заводе

он ведал хозяйственным отделом, и с хозяйственной стороны лагерь действительно хорошо обеспечен. А вот приведёшь к нему какого-нибудь провинившегося парнишку — у того трепет благоговейный: как же, начальник лагеря! — а начальник на него кричать начнёт или какие-нибудь прописные истины втолковывать, вроде того, что шалить нехорошо. Ну, у парня весь страх и пропал.

Кричать на них бесполезно. Нужно два слова сказать, но только таких, чтобы душу перевернули. Тогда ребята тебя не только побаиваться, но и любить будут, за одно твоё слово в огонь и воду пойдут...

Михаил смял папиросу, встал. «Пойду проветрюсь. Всё равно не уснуть». Оделся, вышел. Было тепло. Поблѣскивали какие-то камни в песке дорожки, слышно было, как журчала вода у стока пруда. Откуда-то из-за дачки упал жёлтый язык света, скользнул по траве и закачался на кустарнике.

«Это дежурный», — догадался Михаил.

— Коля! — окликнул он.

— Ага! — На дорожку вышел вожатый третьего отряда. — Не спится?

— Так что-то. — Михаил махнул рукой. — Ты в обход? Пойдём вместе.

От жёлтого дрожащего луча на дорожке стало темнее. Раздражало жужжание динамика.

— Притуши-ка фонарь, — сказал Михаил. — Что ты его жмёшь?

Луч пропал. Опять холодно заблестели камешки в песке. Застрекотал кузнечик, потом ещё один. Криво метнулась какая-то тень.

— Летучая мышь, — сказал Коля. — Это они на белое. Накинь пиджак, а то вцепится.

— Ладно, не вцепится. — Михаилу не хотелось возвращаться.

Издали послышалась гармошка и визгливые голоса девчат.

— На деревне гуляют, — сказал Михаил. — Сходить бы?

— Мне нельзя. — Коля с сожалением чмокнул губами. — Пойди.

— Да нет, не пойду. Сейчас обход сделаем, спать лягу. Уже захотел...

— Ну что ж.

Зашли в первую дачку. Крепко спала Клава, мертво вытянув по одеялу полную белую руку. Дружно сопели малыши.

— Все тут?

Коля заскользил жёлтым лучом по кровати.

— Все.

Вышли. Похолодало. От травы шёл тонкий свежий запах. Влажный от росы песок негромко скрипел под ногами. На деревне пропели петухи.

— Ну, теперь в первый отряд. Я за них больше всего боюсь, — сказал Коля. — Бесшабашный у них возраст сейчас.

— Да. — Михаилу не хотелось говорить.

— Второй год ездю в лагерь, — опять начал Коля, — а если бы можно было. Наверное, лет до шестидесяти так и ездил бы вожатым. Интересно. А тебе нравится?

— Нравится. — Михаил зевнул. — Помолчи, Никола, охота тебе...

— Ладно.

Коля помолчал немного, потом сказал:

— И ещё как-то чувствуешь, что вот эта-то работа — дело будущего. Ведь при коммунизме самая важная сторона жизни будет воспитание молодого поколения. А как же!

— Ну да. — Михаил кивнул головой. — Это ты прав, пожалуй. Тогда, наверное, уже не будет ни ОТК, ни милиции. — Он засмеялся. — И людей надо такими растить, чтобы каждый сам очень здорово понимал, что — хорошо, а что — плохо.

Коля взошёл на террасу, зажѣг фонарик.

— Ты что не спишь, Наташа?

— Так.

Наташа лежала, положив подбородок на руки, и смотрела на Михаила грустными сузившимися глазами.

— Все у тебя?

— Все... кажется.

— Дай-ка.— Михаил взял фонарик и вошёл в палату.

Раскинувшись на кровати, крепко спал Юра Корнеев. На кровати рядом спал, приоткрыв рот и запрокинув назад голову, Вовка Седин.

«Ишь, «артист»!» — Михаил направил ему на мгновение в глаза луч фонарика. Вовка только поморщился и качнул головой, не просыпаясь. «Разбудишь тебя, как же!» — усмехнулся Михаил.

Совсем по-детски, сжавшись в комочек и подложив руку под голову, спал Витя Архипов. Рядом солидно посапывал Борис, бормотал что-то во сне Коля Комаров.

«Совсем на отца не похож,— подумал о Борисе Михаил.— Тот — хитрый мужик и умный... для себя. А этот проще. Только глуповат ещё малость. А в общем, может, выправится, человеком будет».

Михаил подошёл к кровати Лёвы Сайко. Он спал, чутко вздрагивая длинными ресницами, неудобно извернув светлую голову и свесив с кровати тонкую руку с широкой ладонью. Михаил постоял, вглядываясь в его лицо, на котором непрерывно подрагивали какие-то мельчайшие мускулы, пробегали тени.

«Дёрганый очень парень,— подумал Михаил.— Что из него вырастет, пока и не видно. Ленив. Не в отца. Тот — работник!»

— Ты что там застрял? — тревожным шёпотом спросил Коля, заглядывая в палату.

— Так. Смотрю. — Михаил вышел на террасу.— Изменились они как с прошлого года. Выросли.

Он присел на койку к Наташе, кивнул головой Коле.

— Ты иди, нам с ней поговорить надо.

— Ну-ну...— Коля понимающе поглядел на них и пошёл к выходу.— Ладно.

Михаил молчал, не зная, с чего начать. Он чувствовал, что Наташу начинает тяготить его молчание, взглянул на её мягкий профиль, по-детски припухшие сонные губы, щёку с дорожками слёз, голую руку и плечо. Такая она напомнила ему Варю в её хорошие минуты. Михаил начал волноваться, закурил.

— Я тебе скажу, Наташа: воспитательного секрета никакого открыть нельзя. Каждый, у кого душа лежит к этому делу, по-своему подходит. Я вот первым делом стараюсь среди ребят главных выделить. К ним подойти так, чтобы они помощниками, а не врагами были. А потом и к остальным присматриваюсь — кто и чем хорош. У каждого человека есть своя хорошая струнка в душе. Тронул её — и человек на тебя добрыми глазами смотрит и пойдёт за тобой.

Михаил ещё долго говорил Наташе о том, над чем думал он сам не раз и в прошлое и в это лето.

Наташа молча слушала; только когда Михаил заговорил о Лёве Сайко, она встряхнула головой и задумчиво сказала:

— Нет, по-моему, он хороший парень. Только немножко жизнь его уже задела. Потому он такой. Приласкать его надо, а я не умею.

Михаил вздохнул. Вот чего он тоже не умел, так это — быть ласковым с людьми. В душе, например, он мог к человеку и нежность чувствовать и приласкать иной раз хотелось, а наружу это не выходило. Всё боялся смешным и фальшивым показаться. Варя сколько раз обижалась на него

за это, а пересилить себя он не мог. Редко-редко прорвётся у него ласковое слово. Но у Михаила это уже на всю жизнь, пожалуй, а Наташа... в ней ещё детского много. Вырастет, выровняется...

2

Был родительский день. С утра Наташа всё волновалась, нервничала. Начальник лагеря собрал у себя всех вожатых и строго-настрого приказал им детей с родителями отпускать только под расписку.

— Мало ли что может случиться, — говорил начальник и расстроено качал головой, — а отвечать нам. Мне в первую очередь ведь отвечать. Так что уж прошу...

Наташа представляла себе всё примерно так: вот приедут родители, почему-то обязательно все сразу. Она построит отряд и прямо по алфавиту начнёт отпускать ребят и тут же будет брать расписки.

На самом деле всё вышло совсем по-другому. Не успели ребята позавтракать, как уже раздался визг, писк, чужие голоса: кое-кто из родителей не выдержал, приехал к малышам с утра пораньше. Какой уж тут завтрак! Вожатые махнули рукой — баллы сегодня нечего и думать выставлять, все, даже старшие девочки, вертятся, смотрят, не появится ли в дверях столовой мама или папа.

А как вышли из столовой — тут уж совсем ничего не разобрать, разбрелись с родителями по всему парку. Наташины мальчишки ещё подбегают, говорят, что, мол, я уйду: папа с мамой приехали, а малыши — те просто бегут сломя голову к маме, зарываются в её подол, а потом и мама и малыш куда-то исчезают.

Вожатым оставалось только наблюдать. Наташа заметила, что ребята поменьше сначала изливали маме с папой свои восторги по поводу их появления, а потом уже заглядывали в сумки с подарками. Её же мальчишки обычно смущённо здоровались с родителями, терпеливо принимали от мамы положенное число поцелуев и всем своим видом показывали, что их главным образом интересует не столько сама мама, сколько те конфеты и яблоки, что она привезла.

«Ишь, большие! — улыбалась про себя Наташа. — Притворяются, небось, только, а сами рады бы маме в подол уткнуться».

К ней подбежал Борис Авдеев.

— Наташа, вас мама зовёт.

Родители Бориса сидели на берегу пруда. Мамаша копалась в большой коричневой сумке с блестящим замком и вынимала оттуда разные свёрточки, коробочки, пакетики. Отец сидел немного поодаль, на расстеленной газете, широко поставив ноги в синих бостоновых брюках и жёлтых сандалетах. Сиреневая шёлковая майка плотно обтягивала большой живот; под шейным вырезом обильно курчавились густые чёрные волосы. Ещё чернее и гуще были волосы на голове.

«Прямо цыган какой-то, — подумала Наташа. — Борис на него и не похож вовсе».

Мамаша недоуменно уставилась на Наташу и всплеснула руками.

— Это вы их вожатая? Такая молодая? — Она повернулась к мужу и, поджимая большие дряблые губы со следами бордовой помады, сказала: — Матюша, я тогда ничему не удивляюсь.

Авдеев невозмутимо пожал широкими плечами.

— Не удивляйся.

Наташа обиделась, но не показала виду.

— Что случилось? — спросила она официальным тоном.

Мать Бориса возмущённо подняла руки и двумя пальцами взяла сына за разорванный рукав рубахи.

— В чём мальчик ходит? Это же оборванец какой-то. И брюки все в земле.

Наташа покраснела.

— Я ему три раза говорила вчера, чтобы он или зашил, или сменил рубаху. И брюки тоже сегодня все чистили, а он не стал.

Мамаша всплеснула руками.

— Зашил, почистил! А жена его что будет делать? Я его не приучаю ни к чему. У него совсем другая жизнь будет... Музыканту некогда заниматься штопаньем носок.

— А у нас нет няnek зашивать ему рубаху да чистить брюки, — разозлилась Наташа.

Борис что-то хотел объяснить, но мать зажала ему рот рукой и предостерегающе произнесла:

— Матюша...

Авдеев повернулся, смерил Наташу сердитым взглядом и сказал раздражённым тоном:

— Няnek нет, но некоторым детям, которые сами зашить не умеют, можете и вы зашить. На то вы и приставлены к ним, чтобы наблюдать за этим.

— Ну, ладно. — Мамаша покопалась в сумке, достала оттуда коробку конфет «Пастила рябиновая», протянула Наташе. — Вот, специально для вас везла.

— Не надо, на что они мне... — Наташа сердито отвернулась. — Я и не люблю пастилу.

Это была неправда. Наташа пастилу любила.

Мамаша растерянно посмотрела на «Матюшу» и открыла рот.

Подбежал Вовка Седин.

— Наташа, можно — мы с папкой пойдём рыбку ловить?

— Чем же вы будете ловить? — недоверчиво спросила Наташа, глядя на подхитившего вслед за Вовкой сутулого пожилого человека с впалой, узкой грудью, низким лбом и широким утиным носом. «Ой, какой у Вовки отец!» — подумала она. — У вас же удочки нет.

— Найдём чем ловить, — весёлым сипловатым голосом сказал вовкин отец. — Был бы рыбак да была бы рыбка, а удочка да крючок — бери любой сучок! — Он улыбнулся, показывая вставные зубы.

Мамаша Бориса, всё ещё переживая отказ Наташи, всплеснула руками и обратилась к Седину:

— Нет, я говорю, Виталий Тимофеевич: почему моему мальчику дали такую молодую вожатую? Я непременно буду жаловаться Сайко.

— Это не его дело, — солидно сказал Авдеев, здороваясь с Сединым за руку. — Начальнику привет!

— Я тоже удивляюсь, Пелагея Ивановна, — в тон ей своим весёлым тенорком сказал Седин, — почему такую молоденькую симпатичную вожатую дали моему сыну, а не мне? Так как же, девушка, отпускаете Владимира со мной? Мы с ним заядлые любители половить рыбку спиннингом. Ну?

— Идите, — сказала Наташа, невольно подчиняясь этому весёлому человеку. — Только к обеду, Володя...

— Буду, буду! — весело закричал Вовка, вприпрыжку догоняя отца.

Наташа пошла к своей даче. Навстречу попадались её мальчишки с папами и мамами. Родители останавливали Наташу, расспрашивали её о поведении сыновей, иногда жаловались, иногда ругали её за что-нибудь.

На центральной аллее, ведущей к воротам, она увидела Лёву. Тот стоял в напряжённой позе ожидающего человека. Увидев Наташу, он посмотрел на неё расстроено и озабоченно.

— Не приехал, — сказал он, будто Наташа спросила его об этом. — Ну, конечно, у него столько дел... Он и так устаёт.

«Это он отца ждёт! — ахнула про себя Наташа. — А я...»

— Лёвушка, — весело сказала она, — а я-то тебя ищу! Пойдём, посмотрим, может, ты сумеешь помочь мне стенгазету оформить. Ты ведь неплохо рисуешь.

— Это не я, это Витька, — смущённо сказал Лёва, однако пошёл за Наташей. — А как же... — Он обернулся.

— А если папа приедет, он же зайдёт ко мне. — Наташа, сразу почувствовав себя значительно старше этого мальчика, ласково обняла его за плечи и на мгновение ощутила, как он бессильно и слабо приник к ней.

3

Наташа возвращалась из Москвы, с распределительной комиссии. Было раннее утро, дорога, прибитая росой, почти не пылила, низко летали ласточки. Солнечное розовое тепло было ещё желанным и нужным.

В лагере шла утренняя линейка. Возле мачты, разукрашенной разноцветными флажками, стояли Михаил, дежурный вожатый и председатель совета лагеря Нина Малькова. Чуть в стороне застыл барабанщик; горниста не было.

«А Лёвка где? — подумала Наташа. — Уж не заболел ли?»

Нина подняла рупор и, обведя взглядом длинный прямоугольник выстроившихся на линейке отрядов, скомандовала:

— Лагерь, равняйся!.. Смирно!

Прямоугольник из двухсот человек чуть шевельнулся, равняя носки, потом застыл. Впереди каждого отряда, выступив с линейки на полшага, замерли председатели советов отрядов и вожатые.

— Вольно. Первый отряд, сдать рапорт!

Наташа подвинулась на скамейке, освобождая место подошедшему начальнику лагеря, и мельком заметила, что он, усаживаясь рядом, опять как-то косо взглянул на неё.

Наташа любила смотреть, как её Юра сдаёт рапорт.

Вот он вытянулся, чётко, чуть задержав сзади ногу и прищёлкнув каблуками, повернулся к отряду. Мгновение постоял, будто проверяя, готовы ли ребята слушать его команду. Потом шевельнул бровями, негромко, нараспев сказал:

— Ра-авняйся!.. Смирно!..

Быстро прошёл мимо линейки отряда, повернулся, вытянулся, отдал салют.

— Товарищ председатель совета лагеря, в отряде по списку тридцать восемь человек, на линейке присутствуют тридцать пять. Двое дежурных, один отсутствует по неуважительной причине...

«...По неуважительной, — подумала Наташа, — значит, не болен».

Начальник наклонился к ней и тихо сказал:

— Видите, Михаил был прав, предупреждая меня, что нужно особое внимание обратить на Сайко. Вчера он совершил проступок.

Наташа подняла на него глаза.

— Какой проступок?

— Побег из лагеря. — Начальник осуждающе посмотрел на Наташу. — Вот так. Это ему грозит ни более ни менее, как исключением.

Наташа, нервничая, дожидалась конца линейки. Слушала и не слышала рапорта других отрядов, общий рапорт. Слушала, как вызывали поднимать флаг.

— ...Лучший пионер лучшего отряда лагеря... на флаг!

Смотрела, как «всухую», без горна, под один только барабан, поднимался флаг, а в голове вертелось: «Ну почему, почему это всё в моём отряде? И что ему вдруг вздумалось?..»

Ребята возвращались с линейки, увидели Наташу, бросились навстречу. У Наташи что-то сжалось в горле, она обхватила кого-то за плечи, кого-то потрепала по волосам. Посыпались вопросы:

— Ну, Наташа, куда вас?

— Наташа, кем?

— На ваш завод, мастером, — коротко ответила Наташа. Она нашла глазами Юру. — Ну, что у вас тут случилось?

— Случилось... — сразу помрачнев, ответил тот. — Лёвка это всё...

Наташа хотела что-то сказать, потом махнула рукой.

— Ну вас! Вроде уже и большие, а всё хуже маленьких. Пошлите мне Сайко, а сами стройтесь на завтрак.

Наташа прошла в палату, села на койку, задумалась. Вошёл Лёвка, маленький и хмурый, остановился у двери.

— Иди сюда.

Он подошёл.

— Садись.

Медленно опустился на кровать, поднял на Наташу светлые холодные глаза.

— Ну, рассказывай.

— Будто не знаете. — Лёвка отвернулся и стал смотреть в сторону.

— Знаю. Я хочу от тебя услышать. — Наташа вздохнула, облокотилась на подушку и устало сказала: — Объясни, пожалуйста, почему у тебя вечно какие-нибудь истории? Чем тебе в лагере плохо?

— Да теперь уж всё равно. — Лёвка нервно потёр руки и вздёрнул подбородок, не желая показывать, что ему тяжело и что он жалеет о случившемся.

— Мне не всё равно. — Наташа наклонилась к нему. — У тебя, может, что-нибудь дома случилось?

— Ничего не случилось. — Лёвка дёрнул плечом и отодвинулся в сторону.

— Значит, — сказала Наташа, — это ты мне назло сделал? Зачем? Лёвка поднял на неё удивлённые глаза.

— Назло? Нет.

— Я же вижу. — Голос Наташи обиженно дрогнул. — Эх, Лёвка, я же вижу... Только не пойму. Кажется, кроме хорошего...

— А что я!.. — Глаза у Лёвки стали тёмными и сердитыми, потом Наташа увидела, как они вдруг заблестели. Лёвка нахмурился, отвернулся и стал тереть глаза кулаком.

— Ну, ты что? — тихо спросила Наташа, села рядом с ним и крепко взяла его за плечи. — Эх ты! Глупый ты ещё мальчишка, а взрослым казаться хочешь.

Лёвка молча и как-то зло плакал, ожесточённо тёр глаза и всё дёргался в сторону от Наташи; потом затих, насухо вытер лицо рукавом клетчатой рубашки.

Наташа сидела на кровати, хмуро смотрела в пол. «Неужели прав Михаил, не переделать Лёвку? Уж я теперь и не знаю...»

В дверь заглянул Витя Архипов.

— Вы здесь, Наташа? А вас завтракать ищут.

Наташа кивнула.

— Сейчас иду.

Витя присел на табуретку.

— Наташ...

Наташа взглянула на него. Витя покраснел и, глядя куда-то в угол, сказал:

— А я тоже...

— Что — тоже? — со скептическим интересом спросила Наташа.

— С Лёвкой я тоже...

— Тоже убежать хотел? — догадалась Наташа. — Час от часу не легче! Плохо вам, что ли, здесь? Или, может, есть не дают?

— Нет, мы не убежать, — пояснил Витя. — Мы встречать вас вечером с Лёвкой к рожице ходили. Думали, вы вчера приедете. Я говорю: уж линейка, наверно, сейчас будет, пойдём в лагерь. А Лёвка говорит: ты иди, а я ещё чуть подожду. Ну, он и не успел на линейку. Стали искать, а он — на дороге. И подумали, что убежать хотел...

— Вот, будьте вы неладны! — всплеснула руками Наташа. — И что вам вздумалось встречать-то меня? Что, я без вас дороги бы не нашла?

— Это Лёвка, — хмуро сказал Витя и вздохнул. — Говорит, пойдём, может, придет, а вы не приехали... — Витя помолчал, потом тихо добавил: — Я ему говорю, давай скажем, что мы Наташу встречать ходили, а он говорит: если скажешь — убью. Честное пионерское, говорит, убью! — Витя опасливо взглянул на Наташу. — А вы, Наташа, тоже не говорите никому. Ладно?

— Ладно. — Наташа вздохнула. «Эх, Лёвка, Лёвка! Не везёт тебе в жизни пока, друг. Думаешь сделать лучше, а выходит...»

Наташа сама не знала, как поступить. Конечно, проще всего было рассказать Михаилу и начальнику лагеря, что произошла ошибка. Будь Наташа тремя—пятью годами старше, она, наверно, так бы и сделала, тогда бы всё на этом и кончилось. Но Наташе казалось, что Михаил не поверит ей, скажет, что она сама это выдумала, чтобы выгородить мальчишку. В самом деле, иногда и самой Наташе эта история казалась неправдоподобной.

Между тем время шло. Начальник и Михаил совещались и пока никакого решения относительно судьбы Лёвы не выносили.

Ребята как-то отгородились от вожатых, тоже шушукались между собой, выдумывали разные варианты решений в пользу и не в пользу Лёвы. Наташа заметила, что если раньше некоторые из ребят относились к Лёве довольно хладнокровно, то теперь весь отряд, даже такие, как Юра Корнеев и Вовка Седин, с тревогой ждали, что же сделают с Лёвкой.

А Лёвка стал ещё более замкнутым, сторонился взрослых, горнить не выходил, объясняя это тем, что у него болит горло.

Наташа ещё издали услышала, что в столовой что-то неладно. Она ускорила шаги, вбежала в столовую и остановилась оглушённая.

Шёл завтрак. На чистых белых клеёнках на столах, за которыми сидел её отряд, она увидела лужи пролитого какао, куски мокрого хлеба, яичную скорлупу, рассыпанную соль. Рёв, хохот, свист, визг тридцати восьми ртов заполняли столовую, и среди этого гама нельзя было разобрать ни звука из того, что кричал малиновый от гнева дежурный вожатый, беспомощно и смешно мечущийся от одного конца стола к другому. Остальные отряды притихли и быстро допивали какао.

Наташа почувствовала, что нужно сейчас же что-то сделать: ещё минута — и будет поздно. Инстинктивно, ещё не зная зачем, она взяла толстую ореховую палку, оставленную кем-то у входа, и подошла к столам.

Мгновение ещё перед нею мелькали хохочущие, искажённые гримасами лица мальчишек, зажмуренные глаза, руки, хлопающие по лжам какао, по столам, по спинам товарищей...

Наташа подняла палку и со всей силой ударила ею по столу.

— Прекратить! — крикнула она, перекрывая голосом гам в столовой. Всё смолкло. Ошеломлённые неожиданностью, мальчишки затихли, повернулись к ней. Наташа бросила палку и уже совершенно спокойно и негромко сказала:

— Сейчас же прекратить всё.

— Я сейчас начальника лагеря приведу! Пусть полюбуется, — охрипшим голосом сказал дежурный вожатый и выбежал из столовой.

Другие вожатые торопливо строили и уводили отряды.

— Эх вы, герои! — сказала Наташа и, сощурившись, провела взглядом по ряду.

Вошёл дежурный, следом за ним — начальник лагеря. Он прошёл по столовой, и лицо у него начало медленно краснеть. Дежурный объяснил, что всё получилось из-за того, что кто-то из ребят бросил хлеб и попал в какао другому, тот опрокинул чашку у соседа, а дальше все пошли швыряться.

— Безобразие! — крикнул начальник, и его добродушное лицо перекосила судорога. — За такую вещь из лагеря мало исключить! Базар устроили...

Наташа видела, как жаль ему зря загубленных продуктов.

— Кто первый кинул хлеб? — спросил он наконец. Ребята молчали, не поднимая глаз.

Начальник медленно прошёл вдоль столов, настойчиво вглядываясь в лица мальчиков, подождал ещё немного, потом вынул часы.

— Ну, вот. Даю вам три минуты сроку. Если никто не скажет, расплачиваться будет весь отряд. Известим родителей и в школу всем разошлём соответствующие характеристики.

Ребята шевельнулись и опять застыли неподвижно.

«Не скажут, — думала Наташа. — Зря он так горячится. Они сейчас его врагом считают и не выдадут товарища». Ей стало жалко начальника, она знала, что он был контужен на фронте и, если сильно нервничал, у него случались припадки. «Ещё доведут», — испугалась она.

— Хорошо. — Начальник опустил часы, и лицо его стало тёмным и злым. — Кто вожатый?

— Я. — Наташа вышла на середину столовой.

Начальник вспыхнул гневом.

— Распустили отряд! И что только райком комсомола смотрит? Посылают! — Он помолчал, потом сухо спросил: — Почему отряд не сознаётся?

— Наверное, потому, Кузьма Николаич, — стараясь говорить как можно спокойнее, сказала Наташа, — что вы не совсем так спросили.

— Спроси ты, — усмехнулся дежурный вожатый. — То-то они тебе скажут.

Наташа на секунду закрыла глаза, собираясь с мыслями, потом повернулась к отряду и, ощущая на себе пристальный взгляд начальника, спросила:

— Ну-ка, ребята, кто первый начал кидаться хлебом?

Молчание. Ребята съёжились, стараясь казаться меньше.

Наташа стояла посередине столовой, не смея дышать, чувствуя себя одинокой, ужасно одинокой.

«Ну их всех, уеду в Москву! — горько подумала она и в наступившей тишине услышала, как бьётся у неё сердце. — Раз, два, три...» — стала она считать удары.

Медленно поднялся Лёва Сайко. Очень бледными, почти бескровными губами он выговорил два слова:

— Это я.

И сразу все как будто вздохнули одновременно. Ребята зашевелились, зашептались. Наташа прислонилась к стенке. «Зачем он сознался?» — мелькнуло у неё.

Начальник стал задавать Лёвке обычные вопросы: «почему», «понимает ли он» и т. д. Лёва, уже спокойно глядя на него своими насмешливыми глазами, отвечал.

— Ну, хорошо, — решил наконец начальник. — Это дело мы прибавим к твоему предыдущему проступку и сегодня обсудим на совещании. — Он оглянулся на Наташу, улыбнулся, извиняясь: «Чего, мол, не наговоришь сгоряча» — и вышел.

— Эх вы! — тихо сказала Наташа. — Человек на фронте здоровье потерял, а вы... Оправдали вы своё прозвище, полностью оправдали. Барчуки и есть! Сайко, — позвала она.

Лёвка встал.

Наташа молчала, глядя на него, и под её пристальным взглядом Лёва медленно опустил голову и слабо покраснел, потом быстро и сердито взглянул на неё исподлобья, и Наташе показалось, что он хочет что-то сказать.

«Ещё оправдываться будет! — сердито подумала она. — После всего и такую вещь сделать!»

— Скажи, — спросила она таким тоном, будто к происшедшему её вопрос не относился, — тебе ни разу не приходилось видеть, как хлеб делят?

Лёвка поднял на неё глаза, и Наташа на мгновение увидела их без обычно насмешливого выражения. Просто обыкновенные мальчишеские и немного растерянные глаза.

— Нет, — тихо ответил он.

— А я видела. — Голос у неё дрогнул, и она быстро кончила: — Видела, как взрослый сильный человек получал на день три вот таких ломтика — и всё.

Наташа подняла с полу кусок мокрого, грязного хлеба.

— Откуда у вас такие барские замашки? — Она покачала головой и пошла к выходу.

У двери она остановилась и посмотрела на сконфуженные лица ребят. Юра Корнеев сидел, нахмутив широкие брови, вертел ложку и смущённо отводил взгляд; Вовка Седин бездумно и безразлично смотрел в одну точку; Лёвка сидел с напряжённым и бледным лицом, — казалось, что для него сейчас решается что-то очень важное; Витя Архипов смотрел на Наташу преданными и тревожными глазами.

«Дошло», — подумала Наташа и уже обыкновенным голосом закончила:

— А теперь уберите как следует всё, что вы здесь натворили. Вымойте клеёнки, посуду. Пол подметите.

Выходя, она услышала, как зашумели, заспорили мальчишки.

«Ах, Лёвка, — сердито и грустно подумала Наташа, — какой у тебя всё-таки характер! Ведь, казалось бы, надо сейчас так следить за собой, так следить...»

Её догнал Витя Архипов.

— Наташа, — оглянувшись по сторонам, сказал он.

— Что ты? — Наташа остановилась, с досадой глядя в его возбуждённое лицо заговорщика.

— А ведь это не Лёвка.

— Что не Лёвка? — Наташа насторожилась.

— Не Лёвка кинул-то, а Генка Рубцов. Ему сегодня вечером ребята «тёмную» устроят.

— Я вам устрою! — сердито прикрикнула Наташа. — И вы не меньше Гены виноваты. Самим вам «тёмную» надо... — Она остановилась. — Погоди, ну зачем же Лёва тогда вылез? Кто его просил?

— Я не знаю. — Витя пожал плечами, потом предположил: — Похвалиться, может, хотел? Все боятся, а я храбрый. Это он любит.

— Да ведь исключать его хотят! Думать надо! — Наташа нахмурила брови и пошла к Михаилу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

«Что, Петушок, небось, уж давно разлюбил ты меня? А помнишь, как ты мне сказал, когда мы смотрели с тобой «Каменный цветок», что я для тебя навсегда одна и что бы ни случилось...»

Машину уютно покачивает, в боковое стекло задувает ветерок, треплет чёрные лёгкие варины волосы. Петя сидит, откинувшись назад, сцепив на колене пальцы, и толкает носком белого полуботинка спинку переднего сиденья. Варя осторожно взглядывает на Петю. «Да, он всё ещё «красивый», — думает она. — Может, лучше Мишки».

У Пети крепкие скулы, большой красивый рот, только верхняя губа посередине рассечена неглубоким шрамом. Варя помнит, что когда-то ей очень нравились петины волосы, густые и до того тонкие и мягкие, что всегда казались перепутанными, как войлок.

«О чём он думает? Всё равно. Мне ведь он не нужен ни хороший, ни плохой». — Она прижимается лбом к стенке машины, потом отстраняется: трясёт очень.

«Конечно, мне было бы приятно, если бы он всё ещё любил меня. Но нужно ли? Всё равно, кроме Миши, даже если он не вернётся ко мне, никогда и никто... Как он меня встретит?»

Они едут в лагерь с ревизией от комитета комсомола. Варя смутно догадывается, что включена она в комиссию по инициативе кого-то, кто знает о том, что происходит у них с Михаилом... «Ну и пусть, — думает она, — пусть знают. Хотя бы и все... Мне всё равно».

Варя чувствует, что Петя смотрит на неё, но не поворачивает головы, продолжая глядеть в одну точку. Мысли теперь у неё путаются, щёки, шея, лоб начинают гореть.

Она на мгновение ловит беспокойный, спрашивающий взгляд петиных светлых глаз, потом они оба отвёртываются друг от друга и уж до самого лагеря смотрят в разные стороны.

«Он ещё любит меня!» — думает Варя, и сердце у неё часто-часто колотится.

Варя издалека увидела у ворот лагеря Михаила. Он сердито ругал за что-то маленькую курчавую девочку. Девочка стояла, опустив голову, и быстро перебирала за спиной худенькими пальчиками.

Шофёр дал гудок. Михаил обернулся, девочка подпрыгнула на месте и помчалась в противоположную сторону.

«Мишенька, Миша мой...» — Сердце у Вари так и рванулось, руки и ноги сразу ослабели. Не было даже сил выйти из машины.

Михаил подошёл всё ещё сердитый, заглянул в машину. Лицо у него вдруг стало растерянным. Потом он натянуто улыбнулся и со знакомой Варе деланной весёлостью начал здороваться.

— Оба начальника к нам? Просим, просим... Плохо нам придётся, тем более, что дела и так невесёлые.

— Что такое? — спросил Петя. Он вышел из машины и стоял, небрежно опираясь плечом о забор, засунув большие пальцы за пояс и неза-

висимо поглядывая по сторонам.— Хорошо тут у вас,— сказал он.— Надо бы почаще с ревизией ездить сюда. Правда, Варя?

Михаил внимательно посмотрел на Петю, потом на Варю, потом ещё раз на Петю, потёр переносицу и нахмурился.

«Какой он стал тут...» — думала Варя, неотрывно глядя ему в лицо, жадно ощупывая глазами знакомую родинку на щеке, тень тонких волосков над переносьем, темнорозовые крепкие губы.

«Чьи вы? — спросила Варя его губы.— Мои ещё?..»

Солнце садилось, и в комнате у Михаила было светло, уютно, чисто. Аккуратно заправленная кровать, салфетка на жёлтенькой тумбочке, букетик васильков.

— У тебя тут, как в больнице. — Петя оглянулся по сторонам, подёрнул брюки на коленях и сел прямо на кровать.

— Будет, как в больнице, небось, старший вожатый,— недовольно буркнул Михаил и посмотрел на остановившуюся в дверях Варю.— Пройди. Что ты встала?

Варя села на кровать рядом с Петей, взглянула на свежую, чуть примятую с угла подушку.

«Ну да, это он и дома так спит. Плечом снизу её подтолкнёт и носом в угол уткнётся». — У Вари больно ёкнуло сердце, она закрыла глаза и на мгновение прижалась лицом к этой подушке. Петя и Михаил невольно переглянулись, в комнатке наступила неловкая тишина. Варя выпрямилась и сидела отвернувшись.

В комнату вбежала Наташа. Она, очевидно, не ожидала застать здесь кого-нибудь ещё, кроме Михаила, и растерянно остановилась.

«Как она по-хозяйски,— мелькнуло у Вари.— Видно, часто заходит». Наташа с озабоченным видом присела на табуретку.

— Миша, мне с тобой поговорить надо.

— Срочно? — недовольно спросил Михаил.— Видишь, тут с завода приехала ревизия. Об отряде твоём будем вечером, на совещании разговаривать.

— Что, зашилась? — весело спросил Петя и сощурился.

— Ну тебя! — Наташа отмахнулась от него.— Это не насчёт отряда. Это важно... и нужно сейчас.

— Валяй! — сказал Петя и похлопал рукой по кровати рядом с собой.— Садись сюда, вместе будем на Мишку нажимать. Ты его побаиваешься, я вижу.

«Нет,— облегчённо подумала Варя,— Мише такая не понравится...»

Наташа села между Варей и Петей и, волнуясь, начала рассказывать о каком-то мальчике, что он вовсе не хулиган, что все ошиблись, и ещё что-то.

«Ну да! — думала Варя.— Только одна ты и узнала правду, остальные все глупенькие».

— Бывает,— задумчиво подтвердил Петя.— Бывает, что и напрасно...

«А Петя к ней...» — Варя осторожно взглянула на Петю и увидела, что Петя смотрит на Наташу внимательно и ласково.

— Всё выдумываешь ты, Наташа,— устало сказал Михаил.— Ведь факты налицо? Сказать по правде, я был против крайних мер. Начальник настаивал на исключении, ему не хочется отвечать, если что случится. А я был против. Но после этого случая... Знаешь, мне надоело уже. Ведь всё-таки он не ребёнок, должен понимать — если уж за тобой что замечено, старайся держаться... А это просто наглость. Плевать ему на нас.— Михаил замолчал.

«Он и правда устал здесь, с этими противными ребятами.— Варя ревниво насупилась.— К сыну и не зашёл с тех пор ни разу, а с чужими...»

— Но это не он! — сказала Наташа и дёрнула себя за концы шёлкового галстука. — Понимаешь, это не он! Это всё ошибка, тогда и сейчас. Она опять начала рассказывать про мальчика, потом назвала фамилию.

— Сайко! — вскрикнула Варя. — Нашего главного инженера сын? Она стала внимательно прислушиваться к этой сумбурной и непонятной истории со встречей и побегом, с чужой виной, взятой на себя странным мальчиком.

«Надо узнать, положил ли ему отец платки, а то я дам ему свои».

Когда Наташа кончила, Петя сказал:

— Ты мне покажи его обязательно. Интересный парень... — Он взял наташину руку в свою и похлопал по ней своей широкой большой ладонью. — Знаешь, почему он вместо Генки сознался? Он почувствовал, как плохо стоять тебе там, посреди столовой, он помочь тебе хотел.

Михаил задумчиво закурил и в первый раз прямо и долго взглянул на Варю.

— Так тебе, Петро, эта история кажется правдоподобной?

— Конечно! Ведь он же без матери рос! — убеждённо ответила вместо него Варя.

Михаил коротко вздохнул и отвернулся.

Вокруг неяркой электрической лампочки трепыхали крыльями какие-то мошки, серые ночные бабочки и огромные длинноногие насекомые, похожие на комаров. Табачный дым тянулся плотной клубящейся полосой к форточке, застаивался по углам. Заседание администрации лагеря было очень бурным.

Врач, Вера Николаевна, полная немолодая женщина, стряхивала на пол пепел так, чтобы не попасть на халат, и говорила низким хриловатым голосом:

— Дело обстоит следующим образом... У Сайко здоровье неважное, лагерь ему необходим. С другой стороны, побег из лагеря — это серьёзно, а следующее его поведение говорит о том, что он не раскаялся.

Михаил переглянул с Петей.

— По лагерным правилам, — сказал он, — за побег полагается исключение из лагеря. Но там сказано: учитывать обстоятельства. Вот и вопрос — как быть?

— Ну, а вы как считаете? — спросил Петя у врача. Он сидел на кровати, рядом с Михаилом, неудобно откинувшись назад. Когда он сводил брови, на лбу у него обозначались две тоненькие кривые морщинки; выражения его глаз Наташа не могла разглядеть, потому что он низко опустил веки, и иногда казалось, что он дремлет.

— Как я считаю? — Вера Николаевна развела руками. — Тут сложное дело. Как человеку, мне парня жалко. А как педагогу...

— Значит, вы за исключение? — уточнил Петя.

Вера Николаевна помялась, потом сказала:

— Да.

Начальник лагеря быстро вскинул глаза.

— Ты что, Лавренюк, голоса считаешь?

— А как же? — Петя улыбнулся. — Сколько «за» и сколько «против».

— Я — «за». — Начальник стиснул руками виски. — Мне его жалко, а пуще жалко отца. Хороший человек Сайко и... главный инженер, к тому же. Но... — начальник вздохнул, — приходится быть объективными.

— Объективными, — нервно засмеялась Наташа. Она сидела в углу ксмантки, очень красная, и всё время сжимала и разжимала руки так, что хрустели пальцы. — Ничего себе объективность, за чужой счёт! Вы себя жалеете... — она обращалась сейчас прямо к врачу, — а вы его.

Лёвку, пожалуйста! Разобраться надо, он же хороший мальчишка, может, лучше всех... А вы не видите ничего.

— Выдумки всё это ваши, — сказал начальник, — и женская мягкотелость.

Наташа обиженно передёрнула плечами, но Петя положил ей руку на локоть, и она промолчала. Что-то начал говорить массовик. Наташа не слушала, потому что не уважала этого пустого, крикливого человека.

«И ведь вроде хорошая женщина, — подумала Наташа о враче. — Поёт хорошо, песни хорошие знает. Весёлая... И такая жестокая, только о себе...»

Дверь приоткрылась, потом в неё кто-то постучал.

— Да? — крикнул Михаил. — Кто там?

Вошла Нина Малькова и остановилась у притолоки двери. Обвела всех взглядом, чуть приподняв голову, как осматривала отряды на линейке, и заговорила, немного торопясь, смущённая общим недоброжелательным вниманием.

— Мы узнали, что у администрации происходит заседание по поводу Сайко. Так вот, мне совет лагеря и вообще все пионеры... — Она запнулась и поправилась: — Ну, не все, а четыре отряда только. Мы семилеток не спрашивали, всё равно они ничего не понимают. Так вот, они мне поручили передать, что коллектив пионеров и совет лагеря берут Сайко под свою ответственность.

— Это очень мило, конечно, — сердито сказала Клава и махнула на Нину рукой. — Спать вам давно пора. Ты, небось, весь лагерь переполошила?

Нина надменно нахмурилась.

— Лагерь спит, — сказала она и вышла.

Вожатые переглянулись. Начальник солидно гмыкнул, готовясь что-то сказать.

— Ну, Миша! — требовательно вырвалось у Наташи, она жалобно посмотрела на него и досказала глазами: «Ведь ты же обещал...»

Михаил спросил полушутливо:

— Так, по-моему, ясно? «Против» — двести человек. Я тоже «против». Сегодня выяснились некоторые смягчающие вину обстоятельства. — Он серьёзно добавил: — Мы с Наташей берём его под личную ответственность.

В комнате стало тихо, потом начальник неуверенно произнёс:

— Как это «под личную»? Ведь это документально оформить нельзя?

— Почему же? — серьёзно возразил Петя. — Всё заносится в протокол, а в случае чего — мы свидетели.

— Я очень хочу, чтобы ты вернулся, — сказала Варя. — Очень! Знаешь, я последнее время, как во сне дурном, хожу... За что ни возьмусь: он это брал, это делал, так говорил... Я не могу больше без тебя! — Варя крепко взяла Михаила за сгиб руки и, страдальчески сведя брови, взглянула на него.

Михаил тяжело облокотился о плетёную стенку беседки. Стенка сухо затряслась, шурша дранкой; сильнее запахла настурция, обвивавшая беседку.

Варя почувствовала, как всё тело её начинает бить мелкая нервная дрожь.

— Что же ты молчишь? — тихо и почему-то хрипло спросила она.

— Думаю, — тоже тихо ответил Михаил. — Так всё это сложно... — Он вздохнул, крепко стиснул голову руками и выпрямился. — Нет.

— Нет... — повторила Варя. — А ведь я же тебе сказала...

Михаил закурил. Когда он чиркал спичкой о коробок, руки у него дрожали.

— Я верю, что ты хочешь этого. Но ведь ничего не изменилось...

— Я буду сдерживаться... — неуверенно сказала Варя. — Вот увидишь.

— Да! Два месяца или полгода в лучшем случае. Если бы я не учился на вечернем... или ты не работала. Если бы у нас хотя бы была большая комната, тогда мы, может, жили бы спокойнее. А так... — Михаил резко повернулся к Варе, и глаза его показались ей сейчас чёрными и злыми. — Ведь нам жить надо обоим, жить! Не только дома с тобой да у детской кровати... Я хочу вперёд итти! Кем я буду? Может быть, главным инженером? Ну, да это не важно. А эти ссоры постоянные столько сил, крови, мозга уносят... — Михаил отодвинулся от Вари и уже спокойнее продолжал: — Один умный человек сказал, что если ты идёшь по неверной дороге. — поверни назад! Ибо, чем дальше ты идёшь, тем дальше уходишь от правильного пути... Я считаю, что продолжать клеить заплатки на нашу жизнь — неверный путь. Надо попробовать итти поодиночке. Если бы не Никитушка...

— Я не отдам тебе его! — Варя поднялась и враждебно взглянула на Михаила. — Ты нашёл, наверное, себе тут уже... поэтому так и... — Она закрыла лицо косынкой и быстро вышла из беседки.

— Варя! — расстроено крикнул Михаил и шагнул за ней, потом остановился. — «Всё равно... — сказал он себе. — Как-нибудь кончать надо».

Он смял в руке папиросу и не заметил боли от ожога.

Наташа любила бродить ночью по парку, мечтать, обдумывать дневные происшествия. И сейчас, после совещания, она не пошла сразу к себе в палату, а направилась в парк.

Над тёмными чёткими вершинами сосен плыла, прикрываясь рыжими облаками, луна. Звёзд не было. Чёрное и рыхлое небо низко спустилось на макушки деревьев, сливаясь с поднимавшейся снизу сыроватой, пахнущей земными испарениями тьмой. В лесу слышались осторожные шорохи, тонкое потрескивание сучьев. Потом всё стихло и от пруда донёсся какой-то звук — не то стон, не то вскрик.

Наташа замерла и прижалась к стволу дерева. Было похоже, что кто-то очень маленький и слабый одновременно жалуется и радуется чему-то.

«Можно подумать, что русалки поют...» Наташа шагнула с дорожки в сторону, направляясь к пруду. Звук раздался снова, но теперь уже невозможно было определить, откуда он идёт. Вдруг впереди Наташа увидела голубоватое неподвижное сияние. Ничто земное, определённо, не могло излучать такой свет, и Наташа, слабо вскрикнув, присела.

Из-под ног что-то выкатилось и побежало.

«Ежик!» — Наташа сдёрнула с плеч косынку и, едва не упав, набросила на ежа. Тот моментально свернулся в твёрдо ошетилившийся иглами шар и зафукал, как утюг, на который попала вода. Наташа закатала ежа в косынку и поднялась: «Будет с нами жить. Мальчишкам забава».

Она оглянулась. Светящийся предмет был теперь совсем недалеко от неё, и она поняла, что это просто гнилой, совсем рассыпавшийся от старости пень.

«Ну вот. Испугалась!» — Наташа облегчённо вздохнула, повернулась и пошла к себе. Пора было спать.

Из беседки, находившейся в самом конце парка, неподалёку от наташиной дачки, доносились голоса. «Кто это так поздно?» — Наташа остановилась. Неожиданно из беседки выскочила Варя и, всхлипывая, про-

бежала мимо Наташи. Следом вышел Михаил, постоял, посмотрел и ушёл обратно в беседку.

«Она утопится! — мелькнуло у Наташи. — Ну, конечно, утопится!» — Она выпустила из рук ежа вместе с косынкой и побежала обратно в парк, туда, где, судя по треску сучьев, пробиралась сквозь кустарник Варя.

Треск смолк. Наташа обеспокоенно побежала влево, потом вправо, выскочила на полянку, слабо освещённую луной, и увидела Варю. Она стояла, прикинув телом к дереву, и плакала. Услышав, повидимому, что на полянку кто-то вышел, Варя оглянулась. На лице её отразилось такое явное разочарование, что Наташа смутилась.

— Я слышу, кто-то бежит... Я тут гуляла... ну и пошла — думала кто-нибудь из ребят... — пробормотала она.

Теперь смутилась Варя. Она даже не нашлась, чем объяснить свои слёзы, вытерла глаза и сухо сказала:

— Я — в Москву. Мне в Москву надо. Проводи меня к выходу.

Наташа молча протянула ей руку, и они пошли к воротам. Варя шла, не разбирая дороги, словно ей доставляли удовольствие удары веток. Наташа старалась, как могла, уберечь её от них.

— А я ежа тут поймала, — неизвестно к чему вдруг сказала она, — и уронила... вместе с косынкой.

— Да? — Варя оживилась. — Жаль. Я бы сыну отвезла. И мыши у нас есть.

— Жалко... Я не знала... — искренне огорчилась Наташа. — Может, он недалеко убежал? Или не вылез ещё из косынки? Я ведь завязала его. Поищем?

— Пойдём. А где?

— Да там... — Наташа запнулась. — У беседки...

Варя хмуро посмотрела на неё, отвернулась и, помолчав, сказала:

— Да нет... а то я на последний поезд не успею.

Они подошли к воротам. Сторож, узнав Наташу, выпустил их, лениво поинтересовавшись: «Поголудить на деревню?»

Они пошли мимо пруда по пыльной дороге на станцию. Когда они миновали пруд, из воды опять донёсся жалобный полустон. Похоже было, что где-то глубоко под водой медленно переключивают серебряные колокольчики.

— Что это? — Варя вздрогнула и остановилась.

— Это лягушки, — тихо сказала Наташа. — Не бойся — это лягушки.

2

— Значит, вот как дело повернулось? — задумчиво сказал Сайко и побарабанил по зелёному сукну стола короткими пальцами с бледными ногтями. — Ну что ж, спасибо ей! — Он поднялся и быстро заходил взад-вперёд по маленькой комнате парткома.

— Ну, забегал! — Секретарь парторганизации завода Семёнов засмеялся и кивнул Пете. — Надо было тебе рассказывать! Расстроил человека...

Семёнов встал, достал из несгораемого ящика маленькую печать и ведомость взносов.

— На вот, бери. — Он протянул Сайко партбилет. — Да не нервничай ты! Разве можно так из-за мальчишки переживать?

— Ладно. — Сайко сел на диван, облокотившись на валик.

Семёнов сел рядом с ним, закинул ногу на ногу, вытянул носок сапога.

— Жмут. Новенькие.

— Бросать надо военную шкуру, а ты всё... — Сайко оглядел невысокую тучноватую фигуру Семёнова в полувоенном кителе, брюках галифе и блестящих маленьких сапожках. — Штатское надо.

— Два месяца ведь только, как демобилизовался... Привык. Да и не идёт. — Семёнов вздохнул и провёл платком по обритой наголо голове. — В военном я ещё на человека похож, а в штатском? Безликий толстячок — не больше. А ты что худеешь всё, комсомольский вождь? — обратился он к Пете.

Петя пожал плечами и нехотя улыбнулся.

— Ему жениться надо, — сказал Сайко. — Пора уже. Сколько тебе?

— Двадцать восемь. — Петя покачал головой. — Где уж мне жениться!

— Ну? — весело удивился Семёнов и даже наклонился вперёд, обхватив толстыми намозоленными ладонями колени. — Давай мы тебя женим! Займёмся, Николай Иванович? — спросил он Сайко.

— Займёмся, — медленно и с усмешкой сказал Сайко. — Что у тебя, комсомолок, что ли, нет? Или...

— Комсомолку ему несолидно! — перебил Семёнов.

— Была одна. — Петя улыбнулся краем губ. — Да вот товарищ женился.

— А ты знаешь, — спросил вдруг Семёнов, повернувшись к Сайко всем корпусом, — сколько твой Фомин неликвидов набрал?

— На два миллиона, — ответил Сайко. — Он не подчинён мне, Фомин. Он же заместитель директора по хозяйственной части.

— Эт-то великолепно! — Семёнов покрутил головой и расстегнул пуговицы кителя. — Жарковато. Я сегодня специально всё ходил с Зиночкой по складу, смотрел. Моторы — всех марок. Подшипники — редчайшие, мы их в год, может, десяток используем, а они ящиками стоят. Надо распродавать, мы так зашёмся.

— Уже зашились! — Сайко опять заходил по комнате. — На текущем счету — ни копейки! Рабочим зарплату нечем платить.

— Вот то-то и оно! — Семёнов наклонил голову и стал смотреть себе под ноги. — Что, потребители со счетов не перевели?

— И со счетов тоже. А главное, работаем всё-таки нерентабельно. — Сайко вздохнул. — Нам рейсмусовка, допустим, обходится в сто двадцать пять тысяч, а отпускная цена — сто двадцать. И почти все станки так.

— Почему?

— Почему, спрашиваешь ты? — Сайко вытянул вперёд руку, загнул палец и начал сердитым голосом перечислять прорехи, куда утекали заводские деньги. — Во-первых, те необходимые приспособления, которыми волей-неволей приходилось оснащать станок, шли после того, как станок снимали с выпуска, на мёртвый склад и лежали там без движения. Во-вторых, старое оборудование, невысока производительность, много потерь и, значит, высоки накладные расходы. — А в-третьих... — Сайко задумался. — Собственно, относительно этого я и хотел с тобой говорить. Когда новый станок проектируется, приходится часть работы на сторону отдавать, любителям подзаработать «налево». Платим огромные деньги, а результат? Половина станка спроектирована чужими недобросовестными руками, приходится наспех что-то доделывать, латать... Поэтому в цехе и много неприятностей, когда идёт станок. — Сайко помолчал. — Своих надо учить проектированию. Вот что.

— Мне Козлова говорила, Николай Иванович... — хмурясь, начал Петя.

— Она и мне говорила, — кивнул Сайко. — А что толку? Сам я не могу её обучать, а Годик не хочет... или тоже не может...

— Почему же непременно Годик? — Семёнов недоуменно приподнял толстые плечи. — Разве там, кроме него, опытных конструкторов нет?

— На других нечего и рассчитывать. Они и так загружены, дохнуть некогда.

— Дохнуть некогда... — Семёнов встал и прошёлся по комнате. Стоя он казался выше ростом, собраннее и стройнее. — Но, однако, дальше-то что?

— Что дальше! — Сайко нахмурился. — Я не могу лично заниматься конструкторским бюро, а приказом тут ничего не сделаешь.

Семёнов подошёл к нему, осторожно взял под руку, нагнулся и заговорщически прошептал:

— Смени Годика.

Сайко невесело рассмеялся.

— Давно бы сменил — в главке против. Заместитель начальника главка ему братом, что ли, приходится...

— Вон оно что! — Семёнов поднял густые брови и погладил себя по лысине. — Ну, с этим делом, я думаю, мы справимся... А насчёт времени... Пусть-ка твоя Козлова, — обратился он к Пете, — поговорит об этом на партийно-комсомольском собрании. На очередном. Ты, Николай Иванович, поговори о мерах снижения себестоимости станков. Обращайся, — Семёнов поднял палец, — и к комсомольцам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Когда Варя подошла к станку Любки Мальковой, уже ревел гудок. Любка стояла спиной к ней, согнувшись, и мыла руки в ведре с машинным маслом.

— Люба!

Любка глянула на Варю через плечо и, разведя чуть в стороны руки, с которых капало на серый цементный пол масло, пошла к ней.

— Ты обедать? — спросила она. — Я сейчас.

Любка присела перед железным инструментальным шкафчиком, достала чистые концы, стала вытирать отдельно каждый палец.

— У тебя тенниска поползла, — сказала Варя. Раньше ей очень нравилась голубая шёлковая любкина тенниска. Сейчас она приобрела постоянный грязноватый оттенок и на плече широкой дорожкой спустились две петли.

— Это на плече-то? — Любка, смешно оттопырив твёрдые яркие губы, заглянула себе на спину, повела сильным маленьким плечом. — Ничего, зашью. Она уже старая.

Любка вдруг присела на край стеллажа.

— Рыжий-то мой... — сказала она полушёпотом, оглядываясь. — Всё у нас с ним ведь...

— Всё? — с тревожным любопытством переспросила Варя и тоже быстро присела рядом с Любкой. — А почему?

— Так. — Красивое лицо Любки с коротким вздёрнутым носом и капризными, неровно поднятыми бровями стало грустным.

Она опустила глаза, а когда подняла их, на чёрных ресницах, густо опушивших синие глаза, качнулись слезинки.

— Ну тебя! — Варя обняла Любку за шею и, целуя в мягкие, мелко завитые волосы, сказала: — Ты не притворяйся! Всё равно ты его не любишь.

Любка вздохнула, улыбнулась.

— Не люблю... Что ж, что не люблю. А одной ещё хуже...

Она бросила концы в шкафчик и звонко захлопнула дверцы.

— Пойдём.

Они пошли по широкому пролёту. Любка — выше Вари, с тонкой талией и мягко вздрагивающей под выцветшим шёлком кофточки высокой грудью.

— Ну, а что же рыжий-то твой?

— Да ну его! — Любка равнодушно шевельнула губами. — Поругались мы. Характер мой ему не нравится. Тебе, говорит, попадись в руки! Пусть.

— Да ведь вы пожениться хотели!

— Что ты! Разве б я за него, за рыжего, пошла бы? — Любка вздёрнула нос. — Ещё родится какой-нибудь рыжик...

— Правда. — Варя вздохнула. — Если мальчишка — пусть. А девочка — плохо. Мне тогда Авдеев тоже говорил: выходи, мол, за него, за рыжего...

— Не люблю я его. — Любка обняла Варю за плечи. — Никого я, кроме твоего Мишки, не люблю. А он вот видишь... И что он в тебе нашёл? — искренне удивилась Любка. — Ведь ты некрасивая, Варюха! Губы у тебя — толстые, нос — широкий. — Любка критически оглядела Варю, потом улыбнулась. — Вот глаза у тебя — да! Как у Анны Карениной.

— Глаза у тебя ещё лучше, — робко сказала Варя, сама до сих пор не понимавшая, почему Михаил предпочёл её. Обе ведь его любили, и неизвестно, кто сильнее... Может, Михаил ещё вспомнит о Любке? Варя нахмурилась. «Пусть. Пусть любит, кого хочет. Теперь мне всё равно».

— Кто их разберёт... — Лицо Любки приняло спокойно-добродушное выражение. — Ну, буду любить твоего Мишку безнадежно.

Она раскинула руки, завертелась по пролёту. В цехе было пусто, отдыхающие станки мертво прислушивались к голосам девчат. Любка звонко и, нарочно повизгивая, запела:

Ой, подружка дорогая,
Люблю милого твоего.
Ведь порою так бывает
Любят двое одного-о...

Последнее слово Любка пропела медленнее и протянула, слушая, как идёт по цеху повторённый гулкими отзвуками её голос.

2

Лавренюк опустил голову так, что видел свои светлые волосы, густым, тяжёлым завитком свисающие со лба. Время подходило, наверное, уже к девяти часам, разговор с Варей затянулся.

Вначале Варя делала вид, что не понимает его осторожных расспросов, а теперь разговорилась и торопливо выкладывала всё, что накопилось у неё на душе за эти три с половиной месяца, рассказывала всю свою жизнь с Михаилом, начиная от первой ссоры до последней.

— Конечно, и я во многом виновата, Петушок, — доверчиво глядя на Лавренюка своими тревожными тёмными глазами, говорила Варя. — Но, видишь, одно дело, когда парень с девушкой встречаются, а другое — когда муж с женой живёт. У него — один характер, у неё — другой, и покориться никто не хочет. А потом, — Варя вздохнула, — слишком много ещё в нашей жизни мелких неприятностей: и времени не хватает, и денег, и комната тесная... **И вот поэтому** тоже недоразумения.

Когда Варя рассказывала про дразги в их семейной жизни, у Лавренюка мелькнула мысль: «А у неё, оказывается, плохой характер... да...»

— Это он тебе рассказал, почему я убежала тогда из лагеря? — спросила Варя. — Или Наташа?

— Что? — Лавренюк поднял голову. Он не слушал, думая о своём. — А!.. Нет, я никого не спрашивал, сам догадался.

— Ну вот. — Варя покорно кивнула. — Между нами — всё. Больше ничего быть не может... Не вернёшь. — Последние слова она произнесла шёпотом. Лавренюк почувствовал, что Варя сейчас заплачет, и беспокойно приподнялся, не зная, чем её отвлечь. Но Варя продолжала уже более ровным голосом: — Ну и пусть. У него будет своя жизнь, пусть он будет счастлив, а мы с Никитушкой... — Варя прижалась лбом к столу и расплакалась. — Нет, я вру, я не хочу, чтобы он был счастлив с другой!.. — Она беззащитно взглянула на Лавренюка и продолжала тихо плакать, вытирая глаза скомканным платком.

Лавренюк почувствовал, как что-то мягко и больно взяло его за сердце.

«Эх ты! — ласково подумал он. — А ещё мать и жена... Глупая ты девчонка, вот ты кто».

— Ну ладно, Варя, — сказал он каким-то не своим, тонким и срывающимся голосом. Он ласково взял её маленькую, выпачканную карандашным грифелем и машинным маслом руку, чувствовал, как она вздрагивала каждый раз, когда Варя всхлипывала. Ему сейчас очень хотелось по-своему, по-мужски пожалеть её.

— Я помочь хотел тебе, — задумчиво сказал он, поглаживая косточки на её безвольно разжатой руке. — Да, видно, помощь моя ни к чему... пока... Ну, что ж... Ты не в Москву сейчас? Поедем вместе?

Варя молча покачала головой.

Лавренюк вышел.

После разговора с Варей у Лавренюка осталось смутное чувство досады и разочарования. Он впервые посмотрел на неё сегодня со стороны, новыми глазами, и увидел, что она очень изменилась за эти два года. Раньше он как-то не замечал этого.

Он знал, что она некрасива, и привлекала его в ней постоянная жизнерадостность, женственная теплота, естественность, с которой она разговаривала с мужчинами. Была Варя всегда чистой, подтянутой; из-под чёрного халата — беленький воротничок, волосы — под цветной косыночкой. Пете она казалась похожей на смешную девочку-подростка. В цехе Варю звали любовно и насмешливо «Утюжок».

После замужества она стала совсем другой. Петя с удивлением отметил, что и лицо у Вари изменилось — будто заплыло чем-то. Наверное, казалось это потому, что исчез из её глаз постоянный огонёк сознания, что её все любят и что жить хорошо. Глаза потухли — лицо стало слепым, как дом с тёмными окнами.

«Неужто я люблю её?» — растерянно, как о чужой, подумал Петя. Потом, будто убеждая себя в чём-то, произнёс:

— Ничего. Отдышитесь немножко — опять будет прежней. Ничего...

«Но ведь она Мишку любит, — продолжал он размышлять. — Значит, даже если бы между нами что-нибудь и произошло, — всё равно. Будет жить и смотреть на меня, как на чужого, сравнивать... И сын его ведь». — Петя поёжился. Вообще-то он готов был любить и чужого малыша только потому, что это её ребёнок. И всё-таки, конечно, это было не то...

Обычно, когда Петя думал о своей будущей жене, ему хотелось, чтобы это была девушка, гораздо менее его смыслящая в делах интеллигентских, чтобы он для неё всегда был старшим. Он представлял себе иногда, как они

вместе будут ждать ребёнка, как родится у них девочка... большеглазая и кудрявая девочка...

Петя встал в хвост очереди, дожидавшейся автобуса. Впереди себя он увидел бритую голову и толстый красный затылок Семёнова. Секретарь был сегодня в светлой рубашке, штатских брюках и туфлях на босу ногу. Петя подошёл.

— В Москву?

— Становись. становись! — Семёнов подвинулся, пропуская Петю впереди себя в очередь. — Ох, не могу! — Он показал ему мокрый от пота платок. — Жара — смерть моя. Даже носки снял — спасу нет.

— Жарко, — подтвердил Петя. — Это хорошо, что жарко, а то всё дождливые последнее время лета были. Прошлый год — дожди да дожди... Так и не отогрелись.

Ему хотелось сейчас говорить, говорить, чтобы освободиться от того тяжёлого и томящего, что легло на душу.

Подошёл автобус. Семёнов занял место у открытого окна, поставил Пете на колени сумку с продуктами.

— Подержи, дружок. Семья на даче, вот и таскаюсь, как верблюд.

Он высунулся в окно, подставляя толстое разгорячённое лицо встречному ветру. Петя нетерпеливо теребил кручёные ручки сумки, думал.

— Иван Степаныч! — позвал он.

Семёнов медленно и с неудовольствием втянул голову обратно.

— Ну, надоела, что ли, уже? — Он протянул руку, собираясь взять сумку. — Что ты ручки теребишь, оборвёшь, пожалуй...

— Нет, я не об этом. — Петя отвёл его руку. — У меня тут с комсомольцем моим случай один вышел... — нерешительно начал он и остановился.

— Случай? — переспросил Семёнов и с любопытством заглянул Пете в лицо. — Ну-ну.

— Он... — Петя поколебался, потом махнул рукой. «Да не догадается! Ведь никто не знает ещё, что Мишка Варю бросил». — Он любил одну девушку, а та вышла замуж. Потом муж бросил её. Ну, и он меня спрашивает, что, мол, делать. Жениться на ней, если пойдёт она, или что?

— А он любит её? — серьёзно спросил Семёнов.

— Любит... — поколебавшись, ответил Петя.

— Так... — Семёнов вздохнул. — А муж, значит, её совсем бросил?

— Кто их знает... Верно, совсем.

— Ну, если и она сама поняла, что промахнулась, ошиблась в выборе, пусть женится. — Семёнов засмеялся и дружески похлопал Петю по колену. — Я сам на разведённой женат. И вот — не жалуемся. Дочке уже двадцать три года.

Петя задумался, глядя мимо Семёнова в окно. Почему-то ему казалось, что Семёнов должен был сказать какие-то другие слова, от которых в петиной душе всё пришло бы опять в равновесие.

— А что... дети... Нет у них детей? — спросил Семёнов, опять втягивая голову из окна.

— Есть. Сын... — рассеянно ответил Лавренюк.

— О-о! Тогда мы тут с тобой напутали. Тут надо думать сначала. — Семёнов как-то непонятно заволновался, опять начал тереть голову платком. — Что же муж? Законченный сукин сын или нет ещё?

— Да нет, он хороший парень. — Петя вздохнул. — Так, жить было трудно, вот и не ужились.

— Да? Ну что же, это хорошее рассуждение... — Семёнов замолчал, достал из сумки огурец и начал сосредоточенно хрустеть им.

«Он смеётся надо мной, чёрт! — Петя вздохнул. — Вот и наговорились досыта, всё ясно...»

— Мне сходить на следующей. Пропускай. — Семёнов с трудом протиснул свои толстые ноги в узкий проход и начал пробираться к выходу. — А относительно ребят этих, — Семёнов обернулся, — сам думай. Не маленький!

Автобус свернул на Ленинградское шоссе и поехал быстро, так что только ветер летел в окна да тонко звенели по асфальту машины.

«Что говорить... — Петя вздохнул и тоже высунулся в окно. — Конечно, тут всё ясно. Только путать не надо. Мелочи тут всё путают...»

3

«Свободный час». Мальчишки разбрелись кто куда. На турнике шесть раз подряд делает «солнце» Юра Корнеев, потом спрыгивает и, чуть покачиваясь, идёт к волейбольной площадке. Вовка Седин лежит на поляне у турника и читает толстую книгу.

Наташа идёт к своей дачке. Надо написать домой, а то мать, верно, с ума сходит. Больше полумесяца — ни строчки.

У поворота дорожки — куча сору. Поверх неё брошены грабли. Верно, кто-то «причёсывал» песок и бросил, не доведя дела до конца. Наташа видит впереди, посредине дорожки, маленькую фигурку на коленях, брюки наискосок от кармана грубо зашиты крупными стежками.

— Лёва? — Наташа склоняется к нему. — Ты что? Потерял что-нибудь?

Лёва поднимает голову. Лицо у него покраснело от напряжения, корогкий светлый чубчик растрёпан, глаза озабочены.

— Я мусор выбираю, Наташа, — говорит он. — А то граблями — широко очень. Остаётся. Спички вот. — Он разжимает ладонь, на ней — кучка сору: спички, обрывки бумаг, стекло.

— А... — говорит Наташа таким тоном, будто не видит в этом ничего особенного. — Ты дежурный, что ли? — спрашивает она как бы невзначай.

— Нет, я так. — Глаза Лёвки напряжённо, словно отыскивая что-то, смотрят в её лицо. — Шёл, вижу — мусор в песке. Делать сейчас мне нечего — убираю.

— Ну и правильно. — Наташа серьёзно кивает головой. — Самому же приятней, когда красиво.

— Ага. — Лёва опять начинает выбирать мусор.

— Кто тебе брюки-то зашивал? Сам, что ли? — спрашивает Наташа.

— Отец, — говорит Лёва, не поднимая головы.

— Отец! — ахает Наташа. — И ты дождался, пока он зашьёт тебе? Что, у него времени больше?

Лёвка садится на песок, густо краснеет.

— Я ещё тогда не умел, — говорит он. — А теперь — вот, видите?

Наташа смотрит. У фисташковой рубахи вырван клоч углом на плече и ладно вшит на место чьими-то довольно умелыми руками. Наташа недоверчиво смотрит на Лёву. Он поднимается с земли, хмуро взглядывает на Наташу исподлобья.

— Не верите? — вызывающе спрашивает он. — Думаете, девчонки зашили? Ну и не верьте.

Он идёт вниз по дорожке, туда, где валяются на куче мусора грабли, оборачивается и бросает через плечо:

— Спросите у Нины Мальковой, она мне показывала-то.

Наташа не выдерживает и улыбается ему. Потом она идёт к себе. На тумбочке — букет цветов, от него на террасе сладко пахнет табаком, флоксами, левкоями.

«Где это мои сорванцы набрали? — думает Наташа. — Вот ведь народ! Взгреет меня Михаил...»

Наташа разглядывает букет, потом выдёргивает пышный большой георгин и втыкает в волосы сбоку, под заколку. Смотрится в зеркало. Она похудела за последнее время и осунулась, но всё равно яркий цветок очень идёт к её загорелому лицу и светлым глазам.

К терраске мало-помалу стягиваются все мальчишки, рассаживаются на ступеньках, на пороге, бесцеремонно разглядывают Наташу.

— Наташа сегодня красивая! — заключает Вовка.

— Как всегда! — не смущаясь, говорит Наташа и гонит мальчишек. — Идите, идите отсюда! Мне письмо написать надо, мешаете.

Мальчишки выходят, потом кто-то кричит.

— А мы сегодня первое место заняли!

Наташа с сомнением качает головой и видит, что на неё с любопытством и насторожённо — как она примет? — уставились тридцать восемь пар разноцветных глаз.

— Вот на линейке услышите! — уже серьёзно и обиженно говорит Вовка.

— Случайность, — осторожно говорит Наташа.

— Случа-айность! — возмущённо тянет Юра. — Мы как старались-то! Во втором отряде, небось, девчонки, как мухи, тихие, так мы в столовой ещё тише их сидели. Видели, как Вовка ложкой по лбу получил?

— За-амнём! — Вовка громко начинает петь что-то, но нельзя разобрать ни слов, ни мотива — одно сплошное гудение.

Наташа улыбается. Конечно, она всё заметила.

Наташа вошла в палату и прикрыла за собой дверь. По насторожённой и неестественной тишине, заполнявшей тёмную комнату, Наташа почувствовала, что ребята ещё не спят. Она прислонилась к косяку двери.

— Это Наташа, — услышала она чей-то осторожный шёпот, и сразу все зашевелились, заворочались, негромко заговорили.

— Наташа, расскажите что-нибудь!

— Книжку какую-нибудь, как вчера рассказывали...

— Наташа, на мою койку садитесь!

— Наташа, ко мне...

— Тихо! — сказала Наташа. — Сейчас куда-нибудь сяду и что-нибудь расскажу. Только тихо.

Она прошла вперёд и, не разбирая, опустилась на чью-то кровать. Последнее время у них вошли в обычай эти короткие вечерние разговоры. Наташа вообще любила разговоры в темноте. Можно говорить обо всём, что в голову приходит, и говорится легко, откровенно.

— Наташа, — сказал Витя Архипов из дальнего угла, — вы знаете, почему теперь Михаил скучный ходит?

— Почему? — насторожённо спросила Наташа и потрогала рукой одеяло. — Кто тут? Я не на ноги тебе?

— Это я, — почему-то шёпотом ответил Борис. — Я ноги поджал, Наташа, сидите.

— Ну, ладно, — сказала Наташа. — Так что же, по-вашему, с Михаилом?

— Его в поездку не послали, — опять заговорил Витя Архипов. — Должны были его послать, а послали Авдеева, музыкантова отца.

— А-а, — с облегчением протянула Наташа. — Но при чём тут отец Бориса?

— Он ведь токарь, Миша-то, — раздался из темноты голос Юры Корнеева. — Ну, они там соревновались. Миша сюда уехал, а Авдеев в это время его и перегнал. Ну, вот и решили его послать.

— А Михаилу обидно. — Это, кажется, Коля Комаров сказал. — Он ведь хороший токарь. Мой папа тоже токарь. А мамка подсобной рабо-

тает. А я, пожалуй, тоже токарем буду. В том году семилетку кончу и в ФЗО пойду.

— Ну, токарем! — опять раздался голос Юры Корнеева. — На заводе работать — духота и ни с места. Я геологом буду, по горам лазить, ездить везде... Только отец не хочет. Он хочет, чтобы я конструктором был, как он. Говорит, иди на станок токарем и в вечерний техникум поступай.

— А я артистом Малого театра буду, — тихо сказал Вовка Седин.

— Я — инженером, — неуверенно проговорил Витя Архипов. — И буду на папином заводе работать. Правда, Лёвка, твой отец примет меня на завод?

— Да уж он, может, и не будет главным инженером. Или на этом заводе работать не будет. — Лёва помолчал. — А я лётчиком буду, как Чкалов.

— Ты по здоровью не пройдёшь, — откуда-то от двери бросил Гена Рубцов.

— Пройдёт! — бездумно пообещал Вовка Седин. — Только хвастать ты любишь, Сайко. «Как Чкалов!»

— Я или, как Чкалов, буду, или совсем не буду лётчиком, — упрямо возразил Лёвка, потом усмехнулся. — Ты-то, небось, тоже, как Игорь Ильинский, хочешь быть?

— Я? — Вовка долго молчал, потом медленно и серьёзно сказал: — Нет, я, как Станиславский и Немирович-Данченко, хочу быть. И играть буду только серьёзные роли. А то что! Как всё равно клоун в цирке.

— Нет, смех — это хорошо, — сказала Наташа, молча слушающая разговор. — Смех людям жить помогает.

— Нет, я всё равно буду серьёзные роли играть. — Вовка вздохнул. — Если только меня примут в театр.

— А, может, я художником буду... — очень тихо и робко предположил Витя Архипов.

— Ну, художником...

— А что, он здорово рисует, — с ревнивыми нотками в голосе сказал Лёва. — Может, и будет.

— Может, и будет, — согласился Юра Корнеев. — Может, и я конструктором буду, а не геологом... Ещё ничего не известно.

— Наташа! — Борис вытянул ноги, толкнув Наташу. — А я лучше буду скрипачом или капитаном парохода...

— Что ты брыкаешься? — сердито сказала Наташа, потирая бок. — Скрипачом! Капитаном парохода! Как это всё легко!.. Профессия человеку должна подходить, знаешь, как? — Наташа поискала слово. — Ну, как ботинок ноге. Жмут тебе ботинки или, наоборот, велики — и ты несчастный человек. Профессию себе нужно с душой выбирать. Так, чтобы и ты для неё подходил и она для тебя. Мы ведь работе половину своей жизни отдаём.

Наташа вздохнула и опустила голову на руки. Мастер... Её ли это работа? Сможет ли она стать таким мастером, как говорил Петя? И захочет ли?..

Мальчишки засыпали. Расплывчато прошла по потолку и исчезла полоса света: наверное, проехали на лодке с фонарём. Мягко уронил руку и ровно задыхал Лёва. Кто-то забормотал во сне, заворочался, потом затих.

Наташа вышла из палаты, остановилась на крыльце, всматриваясь в темноту ночи.

— Иди к нам, Наташа! — негромко позвали её из беседки. Она подошла, задержалась у входа, взглядываясь в лица вожатых, потом села рядом с Колей.

— Эх, на лодочке бы сейчас прокатиться! Спеть...— тихо сказала Клава, помолчала и запела сочным голосом:

Чудный месяц плывёт над рекою,
Всё объято ночной тишиной...

— Скоро уезжать, — грустно вздохнул Коля, — разъедутся наши сорванцы и не вспомнят нас.

— Вспомнят...

— Скучать я по ним буду! — неожиданно для себя заключила Наташа.— Привыкаешь.

— Эх, да как привыкаешь! — Клава хлопнула себя рукой по колену. — Потом целый год всё забыть не можешь. То то вспомнишь, то другое, и каждый раз — чуть не до слёз.

— В учителя, что ли, пойти? — опять вздохнул Коля.

От клумбы сладко повеяло табаком, флоксами и ещё каким-то тёплым вечерним запахом. Откуда-то издалека донеслись звуки баяна, потом они стали слышнее, чей-то сильный женский голос пел, бездумно заливаясь на верхах.

Ты раздо-ольна-ая...

От пруда потянуло сыростью. Слышнее стало пошлёпывание волн о борта лодки, быстрое поскрипывание вёсел в уключинах. Опять мяукнул баян, и тот же голос озорно выкрикнул:

А-ах, нету лета без июля,
Д'нету саду без цветов,
Нет любви без поцелуя,
В поцелуях вся любовь...

Наташу позвали.

— Вас мужчина какой-то спрашивает, — заговорщицеским шёпотом сообщила ей повариха тётя Соня.— Он к начальнику сейчас пошёл.

Наташа, недоумеваая, кто бы это мог быть, побрела к дачке начальника лагеря. В темноте парка, впереди неё, возникло белое пятно. Очевидно, кто-то шёл навстречу. Фигура приблизилась, и Наташа узнала Сайко.

— А, это вы? — не удивляясь, произнёс он негромко. — Вы мне нужны.

Он взял её под руку, и они пошли между тёмными силуэтами деревьев по направлению к пруду. Непривычно громко шелестела трава под ногами, трещали сучки. У пруда они остановились. Наташа прислонилась к шершавому и тёплому стволу липы и осторожно посмотрела Сайко в лицо.

Он был в лёгком чесучёвом костюме и светлой рубашке с отложным воротником. Волосы у него немного растрепались, и над самым лбом свисала тёмная короткая прядь.

«Красивый он...» — с неожиданным волнением подумала Наташа, и сразу же ей стало совестно, будто она подумала вслух. Сайко взглянул в наташино вдруг похорошевшее лицо и коротко вздохнул.

— Я за Лёвой приехал, — сказал он. — Возьму его на три дня раньше. А то я в командировку уехать должен, пристроить его надо.

— Ну, что же.— Наташа чувствовала себя почему-то очень неловко. Сайко опять посмотрел ей в лицо, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Я вас поблагодарить должен,— сказал вдруг Сайко,— за сына...— Он подошёл к ней ближе, взял её руку и не крепко сжал в своей.

Наташа смотрела мимо Сайко и глупо улыбалась.

— Ну ладно.— Он смущённо потёр седоватую пушистую бровь.— Это всё лирика. Будем про себя знать, сколько кто людям хорошего сделал.— Он помолчал.— Я слышал, вас к нам на завод работать определили. Кем?

— Мастером.

— Ах, вот как? — удивлённо сказал Сайко и скептически прищурился.— Почему же вдруг мастером?

— Так.— Наташа отвернулась, вздохнула.— Ну... просто мастером. Сменным мастером участка...

Сайко усмехнулся.

— Выбор профессии — ответственное дело. Чтобы уважать себя, человек должен делать то дело, какое он считает полезным и важным. Как же вы так?

— Я знаю,— сердито сказала Наташа и подумала про себя, что Лёвка очень похож на отца и лицом и повадками.— Что вы думаете, я раз два и решила? Небось, я думала всё-таки. А вот сейчас я, правда, не знаю — правильно это или нет...

Сайко наклонил голову.

— Ну ладно,— сказал он.— Ближе к делу — будет видно. Сменить человека, когда он не на месте, не поздно, если ему столько лет, сколько вам.

Он протянул ей руку.

— До встречи на заводе.

— До встречи,— тихо сказала Наташа, пожимая протянутую руку.

4

Варя прибежала из цеха злая, сердито поставила на стол тяжёлую чугунную деталь, для которой ей нужно было спроектировать кондуктор, и задумалась.

Анисим Иванович не забывал обид. Партийно-комсомольское собрание приняло решение уделять конструкторской молодёжи больше внимания, отмечать наиболее талантливых, воспитывать из них самостоятельных конструкторов. Было решено для составления технических ведомостей выделить двух-трёх человек из конструкторов, не способных к творческой работе.

Анисим Иванович, прочитав решение, насупился. Выделить двух человек он, конечно, мог. Например, Алину Борисовну, уже пятнадцать лет занимавшуюся вычерчиванием метчиков, потому что ей ничего, кроме этого, нельзя было поручить — напутает. Вторым человеком можно было выделить Лизу. Но ему совсем не улыбалось поручать молодым самостоятельную работу, а значит тратить на них бесполезно, как считал Анисим Иванович, золотое время. «Какая пряткая!» — сердито подумал он, когда ему рассказали о варином выступлении на собрании.

Кондуктор, который Анисим Иванович поручил спроектировать Варю, был достаточно сложен. Даже Корнеев, посмотрев на чертёж детали, покачал головой: «Вот это да! Нет, Варюша, сразу не соображу. Думай пока. А то у меня самого приспособление пятый день на мёртвой точке. Кончу, вместе думать будем». Он помнил постановление собрания: помогать молодым.

Варя долго тёрла покрасневшие грязные руки, морщила лоб, разглядывая деталь. Наконец она села, некоторое время сосредоточенно вер-

тела деталь, думала о чём-то. Потом бегом бросилась мыть руки, села за доску, начала что-то тереть резинкой, перечёркивать.

Подошёл Сайко.

— Ну, как двигается?

— Да вот! — Варя сердито повела плечами. — Ничего не выходит.

Сайко посмотрел на чертёж.

— Да это не приспособление, а убудок какой-то! Его надо спрятать и никому не показывать.

Губы у Вари задрожали, она опустила голову и хмуро сказала:

— Верно и вправду рано нам братья за серьёзную работу.

— Верно и вправду, — повторил Сайко. — Что же, попробуйте вот так.

Он набросал на полях чертежа схему кондуктора и, уже отходя, сказал:

— А вообще имейте в виду, что из человека никогда хороший конструктор не выйдет, если он при первом сложном случае в панику впадает.

Варя смущённо посмотрела ему вслед и вздохнула. Рядом, у своей доски, Корнеев вполголоса разговаривал с Анисимом Ивановичем

— Да... А мы пятый день с этим приспособлением бьёмся. Если бы он знал! — тихо говорил Корнеев.

— И что ты тянешь? — Анисим Иванович нервно поскрёб живот толстыми пальцами. — Сделал бы так, как я говорил, и всё.

— Всё! Приспособление-то чуть ли не дороже самого станка обойдётся. Легко сказать!

— Ну, жди тогда, что хозяин скажет. — Анисим Иванович кивнул головой куда-то в сторону. — Да вон он, кстати, обход делает. Скоро и до тебя доберётся.

— Николай Иванович! — позвал Корнеев.

Сайко подошёл, и они все втроём начали разглядывать чертёж детали, для которой делалось приспособление. Сайко насмешливо покачал головой.

— Ну, так в чём же дело?

Корнеев принял обстоятельно разъяснять, какие варианты предлагал он, какие — Анисим Иванович и почему ни один из них не подошёл.

Сайко медленно приглядел свои тёмные, с обильной проседью волосы. — Помните, в тридцать седьмом году мы ступно-долбёжный станок делали? Были там подобные детали. Посмотрите кальки приспособлений. Возможно, эти приспособления на мёртвом складе в металле сохранились, кое-что использовать можно.

— Основной его козырь — это память. Феноменальная память, — убеждённо сказал Анисим Иванович, когда Сайко ушёл. — Как можно держать в голове все типы и все варианты приспособлений, которые когда-либо делались в бюро! Без своей памяти он того бы не стоил, это ясно.

— Ну зачем же заново выдумывать то, что выдумано? — Корнеев присел на табуретку и стал медленно снимать кнопки с листа ватмана, наколотого на доску. — Просто он умный мужик. Вот что.

Перед обедом Сайко опять зашёл в отдел.

— Ну как? — спросил он у Вари.

— Так, — неопределённо ответила она и упрямо наклонила голову. — Лучше я на четыре точки сделаю опору в кондукторе, Николай Иванович, чем на три, как у вас тут.

— Думайте, думайте, думайте! — Сайко даже ладонью по столу похлопал.

— Ну, Николай Иванович, ведь вот, например, когда у табуретки четыре ноги — сиди себе да сиди. — Варя для убедительности даже попрыгала на табуретке. — А попробуйте на трёхногий.

У Сайко глаза зажглись тёмным смешливым огоньком, он заложил руки за спину и осторожно спросил:

— Что определяет плоскость?

— Три точки,— с недоумением ответила Варя.

— Так вот.— Сайко улыбнулся.— Если у вашей табуретки две ножки, она стоять не будет ни при каком условии. При наличии трёх ножек,— конечно, соответственным образом расположенных,— она будет наиболее устойчива, потому что все три точки соприкосновения ножек с полом будут находиться в одной плоскости. Если же будет четыре ножки, то ваша табуретка не будет шататься при условии, если и плоскость пола и плоскость соприкосновения ножек с полом будут идеально ровны и параллельны. Да она, кстати, качается у вас. — Сайко шутиливо наступил ногой на перекладинку табуретки.— Так и в кондукторе вашем. Одна точка из четырёх может оказаться вне плоскости, деталь качнётся, потеряет жёсткость, и отверстия пойдут вкось.

Варя смущённо кашлянула и отвернулась. Когда она снова взглянула на Сайко, то увидала, что он улыбается одними глазами и приглаживает свои непокорные волосы.

— Ничего,— сказал он.— Это хорошо, что вы думаете, что вы не сразу соглашаетесь. Только думать-то лучше надо и знать больше. Так?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1.

По небу стлался дым. Он выходил из высокой кирпичной трубы теплоэлектроцентрали, извивался пыльной тропинкой по холодному голубому небу и где-то далеко над рекой, откуда вставало неяркое осеннее солнце, повисал тёмными лохматыми клоунами.

Со всех сторон к заводу стягивались густые цепочки рабочих. Они задерживались у маленькой проходной, запруживая тротуар и мостовую перед заводом, и капля за каплей, по-одному просачивались на территорию завода. Редкие автомобили замедляли скорость в начале улицы, ползли сквозь толпу, тревожно и настойчиво погукивая.

Наташа, подчиняясь медленному и непрерывному движению, приближалась к проходной. Её коричневое пальто и вязаная красная шапочка выделялись среди промасленных телогреек рабочих, синих и чёрных спецовок учеников ФЗО и ремесленных училищ. Она чувствовала это, хмурилась, вертела головой: хотелось скорее увидеть знакомых.

Впереди, у стены дома, где было посвободнее, чуть расставив ноги в рыжих сапогах, стоял высокий человек в бурой промасленной шинели и низко надвинутой на высокий лоб чёрной кепке. Два паренька в форменных ватниках учеников ФЗО поздоровались с ним.

— Здравствуйте, Филипп Васильич!

Тот приветливо кивнул и, подняв руку, прикоснулся к кепке. Это был Архипов, заместитель начальника того цеха, в котором Наташа должна была теперь работать мастером. Вчера она приходила к нему для переговоров.

— Наташа! — окликнул её неуверенный ребячий голос.

Она обернулась.

— Витюша! Ты как сюда попал? — Наташа выбралась из толпы и остановилась у стены дома, обрадованно сжимая холодные руки мальчика.

— Я на заводе работаю теперь.— Витя прильнул щекой к замаслившейся шинели отца и, улыбнувшись, застенчиво посмотрел в его рябоватое некрасивое лицо с тёмными пятнами веснушек.

— На заводе? — переспросила Наташа.

— Здравствуйте! — Архипов протянул ей руку. — На заводе, — подтвердил он. — К себе в цех его взял, токарёнком, учеником, — вздохнул и, как бы оправдываясь, добавил: — Учится он плохо, десятилетку всё равно не вытянет. А у меня он сам-пятый... Пусть поработает, жизни хлебнёт. Захочет — и от станка инженером будет. Вон Звездин у нас не сегодня-завтра институт кончит.

— Да... конечно, — смущённо подтвердила Наташа. Ей было почему-то жалко Витю.

— К тому же дружки его тут с месяц тоже работают. Вот и пусть он с ними. Вместе повеселей.

— Дружки? Кто же это?

— Юра Корнеев да Вовка, — сказал Витя. — Они уж сами токарят, а мне не дают ещё.

— В вашу группу мы их всех определили. — Архипов улыбнулся, показывая неровные, бурые от табака зубы. — Мы с Тимофеичем прикинули, думаем — и вам с ними проще договориться будет, и им привычней.

Наташа вздохнула. После возвращения из лагеря она всё время ходила в каком-то неопределённом настроении, и чувство у неё было такое, будто между той Наташей, что бегала по платформе вокзала, собирая свой отряд, и вот этой, которая идёт сейчас по заводскому двору, легли долгие-долгие годы.

Цех показался Наташе большим, холодным и очень неудобным. Производственную практику Наташа проходила в Москве, на автозаводе имени Сталина. Там она привыкла к огромным светлым цехам, к ровным пролётам однотипных, умных станков, работающих почти без помощи человека, к непрерывающемуся ритму потока.

Здесь ей сначала всё время казалось, что попала она в какую-то кустарную мастерскую. Рабочие делали своё дело с виду неторопливо, больше времени затрачивали на установку и наладку, чем на самую обработку деталей, работали почти без приспособлений.

Станки в цехе тоже были средние, разнокалиберные, в большинстве своём некрасивые.

«Ну, ведь это так и должно быть, — успокаивала себя Наташа, — производство на заводе мелкосерийное, значит автоматическим станкам тут делать нечего, каждую деталь массой приспособлений оборудовать тоже не имеет смысла. Дорого». Но от этого было не легче, и чувство какого-то разочарования не покидало её всё время.

А самое главное — работа мастера на заводе такого типа была очень сложной. На заводе имени Сталина Наташа работала на участке, где из года в год шла одна деталь — ведущая шестерня дифференциала. На участке было двенадцать или пятнадцать станков, и на них ежедневно обрабатывалась только эта шестерня. Мастер сразу определял, неисправность ли станка или промах рабочего является причиной брака, — он знал технологический процесс своего участка до тонкостей.

Здесь — другое дело. Каждый день на участке проходило большое количество разных деталей, при обработке которых могло возникнуть множество затруднений, и выходить из них она должна была, по возможности, самостоятельно.

Первыми, кого Наташа увидела, придя в цех, были её ребята. Юра стоял за крайним станком в позе работающего человека, но станок не был включён и заготовка для детали хотя и была вставлена, но не была зажата в патроне. Сбоку патрона торчал большой торцовый ключ. Рядом с Юрой, привалившись к задней бабке станка, стоял Вовка Седин и, размахивая правой рукой, что-то рассказывал.

«Весело работают! — подумала Наташа. — Ещё и не начинали, а с начала смены уже сорок минут прошло. Да и остальные не лучше. Вот

что значит четыре месяца без мастера... Старший-то мастер когда заглянет, а когда и мимо проскочит».

Рабочие на участке и в самом деле не очень спешили начинать работу. Включены были из шестнадцати десять станков, да и то два работали вхолостую. Какая-то девушка стояла у станка своего соседа, красивого высокого парня в чёрной рубашке ученика ФЗО, а в патроне её станка, очевидно давно, впустую вращался зажатый кусок чёрного толстого проката. Молоденький паренёк с растрёпанными волосами что-то записывал на своём рабочем столике и не обращал внимания на свой станок, тоже работавший вхолостую.

«Это, наверное, Ваня Кузнечик. — Наташа вспомнила, как Архипов говорил ей, что один из её рабочих пишет стихи. — А та девушка, верно, Любка Малькова.. Нет, Любка должна быть старше и красивей... Ведь она нинина сестра, говорят, ещё лучше Нины... Это Машенька Рубцова».

Вовка поднял голову, потом сразу опустил её, и по его губам Наташа поняла, что он сказал: «Наташа идёт».

Юра ткнул пальцем в пусковую кнопку, мотор заработал, патрон повернулся, ключ и заготовка полетели в разные стороны. Ребята отскочили.

— Ах, ты! — Наташа еле удержалась, чтобы не вспылить. — Видишь, — сказала она, выключая станок, — так убить могло кого-нибудь. Подними ключ.

Вовка быстро подобрал ключ и заготовку, положил на рабочий столик и пошёл к своему станку.

— Я забылся, — смущённо сказал Юра. — Вовка тут картину рассказывал.

— В другой раз не забывайся. — Наташа вставила заготовку в патрон и, придерживая её одной рукой, начала уверенно вращать ключ. Четыре ступенчатых кулачка медленно поползли по пазам круглого патрона к заготовке, подхватили её, и заготовка, вздрогнув, прочно встала между ними.

— Давайте, я затыну. — Юра засучил рукава, как бы ненарочно обнажив свои сильные загорелые руки. — У меня не вырвется.

— Ну что, — спросила Наташа, наблюдая, как Юра умело подвёл резец к детали и начал работу, — освоился ты уже, нравится?

— Нет, — откровенно ответил он. — Не нравится. Как работать, я быстро понял, только плохо тут. Неинтересно. И вставить рано надо.

— Это ты не привык ещё, — сказала Наташа и вздохнула. В лагере она убеждала ребят осторожнее подходить к выбору профессии, чтобы не промахнуться и не испортить тем свою жизнь. Здесь же в её обязанности входило убедить рабочего, что профессия, которую он избрал, прекрасна. Но была ли уверена в этом сама Наташа?

Наташа подошла к большому, неуклюжему токарному станку со шкивами один другого меньше, — как кольца на детской пирамидке. Возле станка, бокom к ней, стоял человек. Наташа не сразу узнала Михаила в этом рабочем с грязными полосами на лице, в промасленной спецовке. Даже глаза у него были другие, немножко напряжённые, серьёзно-сосредоточенные. Казалось, что Михаил никого вокруг не замечает, ни о чём не думает.

Наташа засмотрелась на него. То ли Михаил похудел с тех пор, как вернулся из лагеря, то ли это показалось от грязного налёта, покрывавшего лицо, но оно у него как-то заострилось, черты стали тоньше, чётче.

«Ну и интересно же в жизни получается, — подумала Наташа, — то я у Мишки под началом была, а теперь наоборот... И, кроме него, вон ещё сколько...» Она с чувством, похожим на гордость, посмотрела на

свой участок. Он был расположен в конце цеха, в углу, поэтому показалось Наташе здесь уютнее, чем в любом другом месте цеха.

«Ничего, — подумала Наташа, — работать тут можно. А то, что станки здесь не больно новые, это даже лучше. С новенькими-то всякий сумеет...»

На участке было шестнадцать станков. Три из них надо было ставить немедленно в капитальный ремонт, это Наташа поняла при самом поверхностном осмотре. Остальные тоже нуждались в ремонте, хотя бы по мелочам.

— Ну, как тебе у нас? — спросил Михаил, наклоняясь за заготовкой.

— Смотрю, — осторожно ответила Наташа и, поправив косыночку, под которую она собрала свои непослушные волосы, подошла ближе.

Михаил низко склонился над станком, и Наташе был виден его высокий лоб, перерезанный двумя тонкими морщинками, и жёсткие длинные ресницы. Работал Михаил неторопливо, будто враскачку, но Наташа видела, что движения его уверенны и точны. Вот он покрутил ручку поперечного суппорта, и резец осторожно ткнулся носиком в болванку. Та вжикнула, будто от боли, и на её тёмном боку ничоткой заблестела полоска. Михаил осторожно постучал большим чумазым кулаком по другой ручке, не глядя, нажал пальцем пусковую кнопку и отошёл. Резец опять прикоснулся к детали, но теперь уже уверенно, как к знакомой, и не носиком, а будто приложился щекой. Прямо на него полезла короткая, туго закручивающаяся стружка, словно кто-то выдавливал из тубика густой синеватый крем.

— Мастер!

Наташа оглянулась. К ней подходила девушка-токарь, держа в руках чертёж детали, наклеенный на грязный картон.

— Не знаю, как вас звать... — сказала девушка и, искоса, испытующе взглянула Наташе в лицо.

— Наташа.

— Я хотела вас спросить... — Девушка положила чертёж на инструментальный столик и провела пальцем по контуру детали. — Как вы мне посоветуете начинать обработку детали: с этой стороны, а крепить за больший диаметр, или же с противоположной?

Наташа взглянула на чертёж. Деталь была простая: обыкновенная небольшая ось с обработкой по второму классу точности. Начинать обрабатывать её можно было с любой стороны. Вопрос был явно задан с целью испытать её.

«Ах, если бы я была старше! — горько подумала Наташа. — А то ведь меня рабочие всерьёз не принимают. И Архипов всё допытывался вчера, сколько мне лет. Технологом или конструктором, конечно, легче было бы в этом отношении. Ну, да ничего!»

Она посмотрела девушке в лицо, та выдержала её взгляд, не улыбувшись, только глаза её чуть-чуть округлились и приняли нарочито наивное выражение.

«Ну ладно же!» — подумала Наташа и начала объяснять задание девушке так, будто та была ещё ученицей, а не Любой Мальковой, одним из лучших токарей цеха.

— Ну вот, спасибо, теперь понятно, — сказала Любка и взяла чертёж. — А то, я вижу, вы всё возле нашего Миши стоите. Парень он, конечно, красивый... да ведь нам завидно. — Она опять посмотрела на Наташу искоса, насторожённым взглядом.

— У меня в первые дни вообще задача — смотреть, — стараясь казаться невозмутимой, ответила Наташа. — А Михаила я немножко знаю... Вот погодите, освоюсь — поработаем.

— Что же. — Любка пожала плечами. — Посмотрим.

2

Наташа опустила в таз и опять вынула, чуть отжав, большую лохматую тряпку, плюхнула её на пол и быстро повезла назад, ловко и крепко протирая квадраты паркета.

Мать, как обычно по воскресеньям, отправилась в прачечную за бельём, в магазин, на рынок. Отец сидел на диване, поджав ноги, читал газету. В вымытом углу комнаты бабушка со строгим выражением лица вязала Ленке варежки.

Наташа взглянула на неё через плечо и усмехнулась. Каждый раз, когда к ним наезжала бабушка, дома начиналось мытьё, чистка, суэта. Бабушка любила порядок, в особенности, если он создавался не её руками. Хорошо, пожалуй, что бабушка после войны навещалась к сыну редко, предпочитая жить одиноко и независимо в Звенигороде на свою довольно большую персональную пенсию. Дедушка Наташи при жизни был генералом.

Бабушка была низенькая, очень толстая, поэтому двигалась с трудом, переваливаясь с боку на бок на коротеньких ножках. Не в пример другим бабушкам, сказки она рассказывала неохотно, после долгих просьб и так, будто снисходила до этого вида литературы. Зато бабушка сочиняла стихи и иногда посылала их в крупные столичные журналы и газеты. Литературные консультанты уклончиво отвечали бабушке, что ей нельзя отказать в некоторой поэтической грамотности, но стихов не печатали. Бабушке было семьдесят три года, но возраст она никогда не указывала, кокетливо подписывая свои произведения «Людмила Ильина»...

Однажды бабушка написала ко дню Октябрьской годовщины стихотворение, в котором, как ей показалось, было несколько мыслей воспитательного характера. Она послала стихотворение в «Пионерскую правду» и стала регулярно просматривать номера газеты. Скоро на имя бабушки из редакции пришло письмо, начинавшееся словами: «Дорогая Люда!» Бабушка возмутилась и стихи в редакции посылать перестала, продолжая, однако, накапливать их в папке и собираясь со временем издать небольшой сборник.

Отец Наташи работал конструктором на авиационном заводе. Наташе казалось, что отец всегда был таким — не старым и не молодым, в военном кителе и брюках галифе, всегда одинаковым, только погоны снял, когда вернулся из Германии. Лишь иногда, когда отец болел, Наташа вдруг замечала, что у него появилось много морщин вокруг глаз — мелких, будто кто-то острой палочкой исчиркал дрябловатую, как тесто, кожу; что он лысеет — больше становится лоб, всё дальше заползая в редующие седые волосы. Но болел отец редко, вернее, редко лежал и, даже когда чувствовал себя плохо, всё что-то делал, двигался, сердился... Отец был категорически против поступления Наташи мастером в цех, и в эти первые дни её работы он всё хмуро приглядывался к ней, надеясь увидеть, как разочаруется Наташа, как поймёт, что он был прав.

Наташа последний раз отжала тряпку, посмотрела на свои покрасневшие босые ноги в грязноватых потёках. И зимой и летом она мыла пол босиком.

— Можно ходить? — спросил отец, спуская ноги на пол.

— Ходи, — сказала Наташа и пошла на кухню мыться. Она спешила кончить с уборкой до прихода Пети — он обещал сегодня зайти к ней.

Пришла с улицы Ленка. Бабушка слезла с круглого мягкого стульчика и, настигнув Лену в углу, потащила умываться.

Ленка была маленькая, худенькая, с редкой чёлкой мягких тёмных волос и тёмными, чуть раскосыми глазами на остреньком личике. Умываться она любила, потому что на кухне было интересно.

— Бабушка, я сама.

Бабушка поковыляла за полотенцем, а Ленка медленно мылила руки и прислушивалась, как гудит газовая горелка, толкая чайник упругими синими язычками. Ленке казалось, что газ говорит чайнику:

— Кати-шшь! Убирай-ш-ша от-ш-шшудова!

Чайник постоял, подумал, потом захлопал крышкой и засипел:

— Не кипяти-с-сь! Не уберу-с-сь!

Крышка у него съехала набок, как кепка у соседского Васьки со двора. Чайник вздрогнул, ручка упала, он начал плевать, потом вздохнул и вылился на газ.

Газ полыхнул раза два красным огнём и потух. Кухня начала наполняться тяжёлым сладковатым запахом.

Приковыляла бабушка, хлопнула себя по бокам маленькими ручками, заохала.

— Елена! Ты же большая девочка! Можно было сказать, что чайник убежал?

— Он не убежал, он оплюнулся! — радостно улыбаясь, пояснила Ленка, поднимая вверх мокрые ладони.

Петю, конечно же, усадили пить чай. Наташа видела, что он чувствует себя не совсем уверенно; сидит неудобно на краю стула, чай почти не пьёт, по привычке прикрывая сверху стакан ладонью.

— Так это вы Наталью уговорили мастером итти? — сухо спросил отец, пристально разглядывая Петю оценивающим взглядом. В каждом мужчине, приходившем к дочери, Владимир Иванович подозревал и боялся жениха.

— Да, я. — Петя отодвинул стакан. — Вам не нравится?

— Нет, почему же, — уклончиво ответил отец. Он не любил спорить.

— Мастер — это хорошая должность, — сказал Петя. — Здесь Наташа сразу же, просто в силу обстоятельств, должна сделаться самостоятельной, ну а молодые конструктора и технологи, к сожалению, ещё лет по пять-шесть в молодых ходят. Вы, наверное, знаете об этом?

— Возможно, возможно, — опять закивал головой отец и закрылся газетой.

— Вам налить ещё стаканчик? — спросила бабушка, стараясь отвлечь внимание гостя от неучитного жеста сына. — Елена, сиди смирно.

Ленка в это время пыталась скопировать, как Петя пил чай. Она закрыла ладонью свою чашку, но пар обжёг руку, рука отдёрнулась, чашка задумчиво качнулась и легла набок, выливая содержимое на колени бабушки.

— Елена!.. — возмущённо и многообещающе произнесла бабушка.

Они сидели на диване, и Наташа чувствовала себя очень неловко под наблюдающим строгим взглядом бабушки, а Петя уже освоился и полужелал, опираясь на локоть, расстегнув верхние пуговицы клетчатой ковбойки. Белые полосы ковбойки уже заметно замазались, и Наташа вдруг подумала, что она никогда не интересовалась, как Петя живёт, кто ему стирает, женат ли он. Наташа собрала в кулаки длинные рукава своей вязаной домашней кофточки и вытянула руки, обдумывая, как бы поделикатнее расспросить Петю обо всём этом.

— Наталья, не вытягивай кофту, — негромко сказала бабушка и выпрямилась на стуле.

Наташа удивлённо взглянула на неё, покраснела.

— Да ну тебя, бабушка! Всегда ты...

Петя засмеялся.

— Бабушка права. К чему портить вещи?

— Вот видишь... — Бабушка собралась было прочитать Наташе небольшое нравоучение, но с кухни раздался грохот падающих кастрюль и визг Ленки, бабушка поспешно сползла со стула и заковыляла в кухню.

— Петя, скажи... — Наташа смутилась и выпалила: — У тебя дети есть?

— Дети? Какие дети? — не понял Лавренюк. — Ах, дети... — Он улыбнулся, с интересом и мужской хитрецей посмотрел в смущённое лицо Наташи. — Да нет... Как-то всё не соберусь завести... А относительно экономии средств, — продолжал он серьёзно, — боюсь, что ты пока ничем не сможешь помочь. Тут надо с ушами в заводскую жизнь влезть, а ты ещё со стороны глядишь. А жаль... На заводе у нас пока мелкие дела идут безалаберно, и приводить их в порядок надо тем, кто к ним ближе.

— Ну, я присматриваться буду. — Наташа подошла к окну. Ей не хотелось, чтобы Петя увидел, что её, собственно, не очень-то интересует эта экономия средств.

День был серый, пасмурный, невесёлый. В окно было видно се-ребряную крышу маленького дома напротив, двор, где разворачивался санитарный автомобиль, и плоскую крышу больницы со стеклянным цилиндрическим куполом.

Десять лет назад... Это было, кажется, в августе. Душная, тревожная ночь, горячий, дымный воздух, розовый от отблесков пламени. Воздушная тревога... Трое мальчишек и она вместе с ними дежурят во дворе дома. По мостовой жаркий ветер гонит рваные клочья чёрного бумажного пепла. Гулко стреляют зенитки; о мостовую цвенькают красные, быстро темнеющие осколки снарядов.

— В подвал больницы зажигалка попала! — крикнул с улицы Колька Филатов. — Загорелось уже!

Они побежали. Из крайнего подвального окна и в самом деле шёл густой бурый дым...

Наташе тогда было десять лет, и казалась она себе взрослой, сильной, бесстрашной. Она и в самом деле была тогда бесстрашной, наверно потому, что многого не понимала.

Она услышала, как чьё-то дыхание защекотало ей шею, обернулась. Петя тоже смотрел в окно, и глаза у него были далёкие, вспоминающие. Наташа быстро отвернулась, но с минуту у неё перед глазами ещё стояло петино лицо.

И вдруг Наташа поняла, что она уже совсем взрослая, а Петя вовсе не старше её, как привыкла она всё время думать, а равный, и что нравится ей он уже давно, а в эту минуту так нестерпимо близок, что ей хочется взять сейчас откатнуться назад и прижаться щекой к его плечу.

Наташе очень хотелось полюбить. Проявлялось это пока каким-то тревожным ожиданием в сердце, неожиданно подступающей тоской от незатейливых лирических песенок, подсознательным вниманием к новым знакомым: «Не он ли?» Но обычно Наташа почти сразу убеждалась, что это вовсе не «он», и всё оставалось попрежнему... Вот только к Пете она уже четыре года относилась с постоянным интересом и симпатией. Но Пете было двадцать восемь лет, — он десять лет уже был членом партии, — да и вообще Наташа сомневалась, помнил ли Петя, когда разговаривал с ней, что она девушка.

Наташа отошла от окна, и всё стало прежним, обыкновенным.

«Нет, эт. наверное, всё-таки не то... — подумала она, опять садясь на диван и украдкой глядя на Петю испытующим, изучающим взглядом. — Только я не знаю, когда же будет «то»...

В патроне выкрашенного зелёной краской станочка Машеньки Рубцовой закреплена круглая и плоская, как блин, планшайба. К верхней её половине четырьмя большими болтами привёрнуто приспособление для расточки подшипников, похожее на небольшую стальную полочку. Внизу планшайбы тяжело покачивалось какое-то массивное ступенчатое устройство.

На инструментальном столике Машеньки выстроились вымазанные мелом после разметки маленькие головастые подшипники.

Наташа взяла подшипник, попробовала поместить его в приспособление. Подшипник упирался головкой в верхнюю ступеньку устройства и на подставку не становился.

— Да... — Наташа поставила подшипник на место и, вытирая концами вымазанные мелом руки, хмурясь, смотрела на планшайбу.

«Для чего эту ступенчатую железину сюда прикрепили? — прикидывала Наташа. — Если как противовес, чтобы при вращении не бил подшипник, то слишком тяжела. Она перевешивает подшипник вместе с подставкой. Кроме того, не должен же противовес мешать обработке деталей... Что за ерунда!»

Из маленького, обмотанного тряпкой краника, укрепленного на высокой стойке, бежала тоненькая струйка эмульсии.

— А ты шифр-то правильно посмотрела? — спросила Наташа Машеньку и привернула краник; струйка стала тоньше, потом пресеклась, стали падать частые, расплзающиеся по смазке капли. — Эта планшайба-то?

— Эта, эта! — торопясь и будто оправдываясь, заговорила Машенька. — Я два раза смотрела. Эта.

Наташа пошла в инструментальную раздаточную, взяла чертёж на планшайбу, села, разглаживая хрустящую кальку. Но и на общем виде эта планшайба была изображена вместе со ступенчатой железинной.

— Может, эта планшайба и на другую ещё деталь рассчитана? — предположил контрольный мастер. — Надо позвонить конструктору в бюро, пусть придёт, объяснит. Это Володи Быкова работа.

Пока звонили конструктору, да пока он пришёл, станок Машеньки Рубцовой простаивал.

«Вот так и уходит золотое время! — нервничая, думала Наташа. — Безголовые всё-таки эти конструктора!»

Пришёл Володя Быков — невысокий, худенький, в очках, с небольшими усиками щёткой над верхней губой.

— Ну, и вы не могли догадаться? — сердито спросил он. — Конечно, планшайба рассчитана ещё на одну деталь. Надо было снять это основание. А ещё мастер! — Володя гаечным ключом легко отвернул болты, и основание оказалось у него в руках. — Вот и всё.

Наташа вспыхнула. Действительно, привести приспособление в рабочий вид оказалось довольно просто.

— Иди, установи. — Она отдала планшайбу Машеньке.

— Ну, я, допустим, не догадалась, — сказала Наташа, сердито глядя на володины очки, когда Машенька ушла. — А неужели вы не могли указать хоть где-нибудь, что эту штуку снять надо? Или неужто нельзя было сделать отдельные приспособления, ведь время надо, чтобы снять основанье! Золотые рабочие минутки тратятся!

Наташа чувствовала себя виноватой и одновременно злилась на конструктора за то, что он поставил её в смешное положение перед рабочим.

Володя снял очки и вытер глаза платком.

— А вы не видели, сколько у нас на «мёртвом» складе лежит никому не нужных приспособлений?

Володя вздохнул, и Наташа подумала, что, несмотря на очки и усики, Володя ещё очень молод — ему не больше двадцати двух лет.

— Производство у нас, девушка, серийное, — продолжал Володя, протирая стёкла очков. — Сняли станок с серии — и вся масса приспособлений, что изготовливались к нему, идёт на «мёртвый склад». Это же тысячи рублей там законсервированы! А я, — лицо Володи вдруг стало откровенно гордым, — я использовал старую планшайбу с «мёртвого склада», да ещё переделал её на обработку не одной, а двух деталей! Ну, конечно, — Володя снисходительно и великодушно посмотрел на Наташу, — конечно, девушка, вы правы, надо было указать, что второе приспособление снимается. Старый рабочий догадался бы, а молодёжь, она, конечно, ещё неопытна... — Володя достал из кармана коричневого, в клетку, костюма вечную ручку и на общем виде чертежа вынес стрелочкой от ступенчатого основания надпись: «Съёмная».

— Наташа! Можно вас...

Она обернулась. Перед ней стоял Юра Корнеев и расстроено дёргал себя за чуб.

Они отошли в сторону. Наташа, даже не расспрашивая, почувствовала, что у Юры что-то случилось: глаза беспокойные, смотрят куда-то мимо, и всё выражение лица мучительно смятённое.

— Что случилось?

— Мне сейчас позвонили... — Юра замялся и переступил с ноги на ногу. — Мама у меня тяжело заболела, дома нет никого... Можно, я домой пойду?

Наташа некоторое время размышляла. По правилам полагается рабочему написать докладную записку, её подписывает мастер, даёт на подпись начальнику цеха, и только после этого рабочего можно отпустить домой. Нарушать установленный порядок строго воспрещалось.

«Но ведь это очень долго, — подумала Наташа. — Мало ли что может случиться?»

— Иди, — сказала она. — Напиши только докладную, а завтра мы оформим её задним числом.

Юра обрадованно кивнул головой, переглянулся с Вовкой Сединым и побежал одеваться. Наташа заметила, что Вовка обеспокоенно посмотрел вслед Юре и нахмурился.

«Переживает за друга, — подумала она. — Это хорошо».

На следующий день Юра принёс ей докладную записку.

— Ну что? Как здоровье мамы? — спросила Наташа, подписывая бумажку.

— Ничего, лучше. — Юра свёл вместе широкие брови и скосил в сторону глаза. — Она ничего уже...

Наташа недоверчиво оглядела его худощавую фигуру в лыжных синих брюках и комбинированной — серый верх, синий низ — курточке.

— Что с ней было? — спросила она. «Может, мама — только предлог? Да нет, — успокоила она себя, — не мог Юра меня обмануть, он же честный парень».

— Сердце у неё плохое. — Юра вздохнул. — Старая она, верно потому.

Наташа пошла к начальнику оформлять докладную. Она заранее ёжилась, представляя, как Седин станет выговаривать ей за нарушение

правил, и с опозданием пожалела, что не оформила записку вчера. «Всё равно у Юры ничего не случилось, — подумала она. — Эх! Ну, ладно, снявши голову...»

Седина не было. Записку взял Архипов, сказал, что передаст. Напротив него сидел довольно молодой мужчина, но с лысой, лишь кое-где заросшей редкими чёрными волосками головой.

На лице его выделялись узкие лукавые глаза неопределённого цвета да большой тяжёлый нос.

— Познакомьтесь, Наташа, — сказал Архипов. — Это токарь Виктор Маслов, к вам в группу на девяносто седьмой станок. Раньше он работал на первом ГПЗ по седьмому разряду, так что пополнские неплохое.

Маслов надел на голову кепку и поднялся.

— Пойдёмте, — сказала Наташа, с уважением глядя снизу вверх на Маслова. Он оказался высокого роста и, идя рядом с ней, всё пригибался, чтобы слышать в шуме цеха наташины пояснения.

Токарей седьмого разряда у неё в группе ещё не было. Михаил и дядя Ваня Куприянов работали по шестому разряду, хотя иногда им и приходилось делать работу вышних разрядов. Из токарей седьмого разряда Наташа знала только Авдеева, имя его на заводе, особенно после двухмесячной поездки по заводам Союза и выступлений на митингах в цехах, было окружено ореолом славы. А теперь у неё в группе будет свой токарь седьмого разряда! Наташа размяталась: «Наладим учёбу ребят... Участок выйдет из средних...»

«Дам-ка я ему, — подумала Наташа, — расточку сложных подшипников. Станок хороший, так что можно».

Она выписала Маслову наряд, показала, где чертёжная, где инструментальная раздаточная, сама же пошла в сборочный цех. Там начиналась сборка первого паркетного станка, и Наташа хотела посмотреть на месте, куда идут и как работают детали, которые делаются у неё на участке.

По дороге её догнал Петя.

— Ты куда? — спросил он, здороваясь на ходу, и по привычке заглянул ей в лицо. — Невыспавшаяся ты какая-то сегодня. Некрасивая, глаза опухли...

— Ну и ладно! — Наташа остановилась и обиженно передёрнула плечами. — Тебе-то что? Всегда пристаёт: некрасивая... Что я за тебя, замуж, что ли, прошусь?

— А вдруг? — сказал Петя и, сам испугавшись этого «вдруг», критически осмотрел Наташу. — Нет, ну тебя! — Он покачал головой. — Ты, наверно, злой женой будешь.

— Почему? — серьёзно и встревоженно спросила Наташа, потом махнула рукой, засмеялась: — Ну и пусть злой.

— Знаешь что? — Петя пошёл с ней рядом, укорачивая свой шаг по её шагам. — Всё-таки и ты со своими ребятами потолкуй насчёт экономии средств. Сама ты ещё не сможешь заметить где что, а все вместе... Ребята у тебя хорошие. Серёжка Орлов, например. Или Любка... Михаил.

— Потолкую, — равнодушно согласилась Наташа.

— Потолкуй, — ещё раз повторил Петя и внимательно посмотрел на Наташу. С минуту он о чём-то размышлял, потом сказал: — Не знаю, может, тебе и всё равно, а мне, например, спать не даёт то, что наш завод уже столько времени на государственной дотации сидит.

— Как на государственной дотации?! — Наташа остановилась.

— Так. — Петя вздохнул, сощурился, кого-то высматривая впереди, в пролёте. Наташа тоже посмотрела туда и увидела Варю, о чём-то разговаривающую с мастером фрезерной группы.

— Нерентабельно работаем, — продолжал Петя, внезапно помрачнев и уже глядя мимо Наташи. — Станки делаем в убыток, а не в прибыль. Отпускная цена, например, сто двадцать тысяч, а нам он стоит сто двадцать восемь, а то и сто тридцать. Текут где-то в производстве государственные денежки между пальцами. Тут копейка, там рубль... А всё вместе тысячами оборачивается.

-- Я сегодня же поговорю с ребятами. — Наташа смущённо почесала переносицу. — Я как-то не понимала, что это так важно... Я поговорю обязательно.

— Давай. — Петя взял её сзади за локти и, осторожно продвинув вперёд, пошёл к выходу из цеха.

«Конечно, — размышлял он, засунув руки за борта пальто и медленно шагая по пролёту цеха, — надо бы мне обязательно с Михаилом поговорить. Только всё не решусь никак. Уж наперёд знаю — буду говорить с ним, а думать стану о том, что он знает о моём отношении к Варе и прочее такое... Ну и не получится ничего». Он поднялся по лестнице и стал открывать дверь в комитет.

Подошли Михаил и Федя, мастер ремонтного цеха. Следом за ними шагал парень, очень широкий в плечах и сутулый. Из-под надвинутого на глаза лба глядели голубые и по-детски наивные глаза.

--- Мы к тебе, --- сказал Михаил.

Они вошли в кабинет. Лавренюк прислонился к стене, ребята сели на длинную лавку, закурили.

— Вот они пришли ко мне, — сказал Михаил, стряхивая пепел на ободок шестерёнки, лежавшей на столе. — Интересное дело... Хотят начать с нашей группы... Повысить срок службы станков за счёт своевременного профилактического ремонта. Андрей предложил. — Михаил указал на сутулого парня. — Ты его знаешь, он в прошлом году из ФЗО к нам пришёл.

Лавренюк Андрея знал плохо. Видел несколько раз в цехе — и всё. Сейчас он с интересом взглянул на привлекающее чистым детским выражением лицо парня.

— Его мысль, -- подтвердил Федя. — По-моему, дельная. Тебе как? — Он с сомнением посмотрел на Лавренюка.

— Дельная, это так, -- осторожно сказал Лавренюк. — Только... в вашей группе стоит ли это делать? Во фрезерной группе — надо, там станки выпуска последних лет, а ваши... Менять пора станочный парк, а не штопать.

— Как ты здорово придумал! — Пете показалось, что Михаил произнёс это почти злорадно. В глубине его зелёных продолговатых глаз мелькнула какая-то искорка и исчезла, потушенная взмахом ресниц. — Пробрасаешься, — продолжал Михаил, глядя уже мимо Пети.

— Нет, почему же, — Петя старался говорить спокойно, — я не говорю, всё выбросить. Только подновлять токарный парк пора.

-- Пока до конца не износится, подновлять не будут, — сказал Михаил после некоторой паузы. — Наш завод третьестепенной важности. На ЗИСе вон всё время парк подновляют. Там, небось, и не найти давно «Красных пролетариев» с ремённым приводом. А у нас — семь штук. И так всегда будет, а чем дальше, тем больше... Ведь техника вперёд идёт, один станок хороший сделали — потом серию выпустили. А через год, смотришь, новый изобрели, в десять раз экономичней и быстрходней. Так и получается: на большие заводы — всё время новейшие станки, а оттуда старые на другие заводики, вроде нашего. Не бросать же...

Петя понимал, что Михаил прав, но признавать это ему не хотелось.

-- Ну, с этим делом мы уладим, я думаю, — серьёзно сказал он. — Вы идите, а ты, Михаил, останься. Поговорим.

Ребята переглянулись. Федя и Андрей вышли. Михаил достал папиросу, закурил и медленно, с усмешкой спросил:

— Н-ну, что там ещё у тебя?

Петя молчал, думая, с чего лучше начать. Михаил поднял на него удивлённые глаза, потом судорожно и громко глотнул.

«Волнуется», — подумал Петя и вдруг понял, что Михаил знает, о чём он с ним собирается сейчас говорить, Петя сразу растерял все умные вступительные слова, которые хотел сказать Михаилу, бухнул без подготовки:

— Ты что, домой возвращаться совсем не собираешься?

Михаил провёл внимательным взглядом по его лицу. Губы у него дрогнули не то в усмешке, не то от нервной гримасы.

— Нет, — сказал он и сделал рукой неуклюжий и широкий жест. — Путь свободен.

— Ну, если понадобится, Варьку спрашивать придётся, а не тебя.

— Вот-вот. Её спроси, — уже овладев собой, лениво согласился Михаил. Однако чувствовалось, что разговор болезненно интересен ему, что он и хотел бы уйти, да не может.

— Да уж, конечно, её, — согласился Петя. — В конце концов, бывает, конечно, пожилы, видят — не то! Ну, разошлись, опять с кем-то живут. Но вот сын?

Михаил взглянул на Петю, в глазах его мелькнуло что-то злое, и он отвернулся.

— Представь себе, — продолжал Петя, — будем мы с Варей жить, и Никита меня «папой» звать станет. Ну, а ты?

Михаил вскинул голову.

— Да что... да что ты... — Он, не находя слов, мямл в руке папиросу. — Иди ты!.. — Он вышел, резко хлопнув дверью.

«Поговорили! — Петя расстроено и насмешливо покачал головой. — Чёрт знает что! А всё это дурацкое двойное положение... Ведь умею же я с людьми разговаривать, в конце концов».

После обеда Наташа подошла к станку Виктора Маслова.

«Сразу видно, — подумала она, — что квалифицированный токарь. У станка — порядок, резцы заточены, как надо, даже доводочным бруском лезвие зачищено».

— Как дела? — спросила она.

— Да так... — Маслов недоуменно развёл руками. — Не клеится что-то. Вот до обеда две детали только и сделал, а по норме четыре надо.

— Почему? — удивилась Наташа. — Станок, что ли?..

— Да и станок... Вроде и ничего, да как-то не клеится...

Подошёл Михаил.

— Ты сообразила! — сердито бросил он Наташе. — Сразу дала человеку такую работу! Он и деталь сам закрепить не умеет, надо показать было. Я уж закрепил ему.

— Да ведь он по седьмому... — Наташа спохватилась. — Я не подумала, что вы операционник! Тогда, конечно, вам месяца два по пятому разряду работать придётся.

— Да, придётся, видно. — Маслов, смущённо ссутулившись, снимал деталь. — Хитрая штука! Двадцать шесть минут на установку трачу. Так немного выработаешь!

— Сами-то вы что же мне не сказали? — упрекнула Наташа. — Я за была. Мол, седьмой разряд...

— Да неудобно как-то... Я посмотрел, ну, думаю, может, слажу. А вот получилось... — Маслов медленно покачал головой. — Там, на «Шарике»,

я на автомате работал. Каждый день одно и то же, я так приноровился, что у меня — раз-раз — только отлетали детали...

— Корнеев и Ильина — к начальнику цеха, — громко сказала над ухом Наташи секретарша.

Наташа позвала Юру Корнеева и пошла с ним к начальнику цеха.

У входа в конторку механического цеха они столкнулись с главным технологом завода Лещом и Сединым в коричневой кожаной куртке на молнии. У него, будто от холода, были приподняты плечи, большая и тяжёлая голова высывалась из них как-то неловко и неудобно. Шагал он своими длинными, покачивающимися в коленях ногами широко и чуть подпрыгивая.

— Ну, а вчера ездил? — спросил он у Леща быстрым тенорком.

— Ездил. Что там, ерунду одну привезли, — махнул Лещ рукой.

— Нет, удочкой не признаю. Разве это ловля? Вот спиннингом! А? — Седин заметил Наташу и приветливо помахал ей рукой, приглашая: — Сюда, сюда!

— Не по мне. — Лещ неловко одёрнул на себе широкий, мешковатый пиджак и ушёл. Седин остановился перед Наташей.

— Ну вот вы и тут, — удовлетворённо оказал он и даже руки потёр от удовольствия. — Что ж, пойдёмте.

Они вошли в конторку. Седин поместился за широким столом, покрытым замазлившимся и грязным картоном, на котором с краю были сложены лохматой стопкой такие же замазлившиеся и грязные чертежи. Он подвинул к себе какую-то бумажку — Наташа узнала в ней докладную, — и улыбка медленно сошла с его лица.

Некоторое время он многозначительно молчал, постукивая костяшками пальцев по краю стола, потом стремительно спросил Юру:

— А что, молодой человек, какой вчера был праздник?

Юра ничего не ответил. Он стоял, опустив голову, и всё время тёр пальцем уголок картона.

— А вы не знаете? — в том же темпе обратился Седин к Наташе.

Наташа недоуменно покачала головой.

— Не знаю... Никакого как будто...

— Значит, молодой человек, — Седин снова повернулся к Юре, — это вы самовольно себе праздник Симона-Гулимона устроили?

— Это я виновата, Виталий Тимофеевич, — растерянно вступилась Наташа. — У него мама заболела, и я не хотела задерживать его...

— О вас особый разговор. — Седин резко взмахнул рукой, обрывая Наташу. — А мама его здорова и чувствует себя великолепно, как сообщил мне его отец. Вот!

Наташа вспыхнула и гневно посмотрела на Юру. Тот, не поднимая глаз от стола, продолжал тереть пальцем картон.

— Я не знаю, зачем вы уходили. — Седин стукнул по столу кулаком. — И не хочу знать. Ясно — пустяки! Объявляю выговор. Вам, — Седин указал подбородком на Наташу, — за нарушение дисциплины. А вам, — он ткнул пальцем в сторону Юры, — за самовольный уход с работы! Можете идти. Всё!

Наташа вышла, чувствуя, как пылают у неё лицо, шея, уши.

— Выговор, выговор, выго-во-ор!

Ей становилось всё жарче, кровь прилиwała к лицу.

(Окончание следует)

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

★

ЗАРЕЧЬЕ

ЗЕМЛЯКИ

Земляки — народ такой,
По воде не тужат,
Распрощаются с рекой —
Сразу с морем дружат.

— До свиданья, до свиданья!
Вслед летит письмо-страданье:
— Милый, где ты,
Милый, где ты?
...Милый шлёт
Свои портреты.

Милый снят
На всех портретах
В бескозырке,
У лафета.

Сжаты губы
Черноморца,
Шинель блещет
Чёрным ворсом.

Шинель блещет,
Море плещет...
Сердце девичье
Трепещет.

Земляки — народ такой,
По воде не тужат,
Распрощаются с рекой —
Сразу с морем дружат.

НА СОЛНЕЧНОМ ПЛЕСЕ

На солнечном плёсе,
У самой дороги,
Мыла Марусенька
Белые ноги.

И песенку пела —
Хорошее дело,
Далёко над речкой
Она полетела.

Далёко, высоко
Прошла над лесами,
Над русским раздольем
До самой Рязани.

С косою золотою,
С большими глазами,
Её услышала
Девчушка в Рязани.

Запомнила сразу
И сразу запела...
Лети дальше, песня,
Хорошее дело!

Зима идёт в платке по брови
И сеет первые снега.
Заречье милое в обнове:
На нём дебелие стога
Стоят, что башни вековые,
И всем видны издалека,
На нём дубы, что часовые,
Которым шапкой—облака!
Всё по Заречью в белом,
 в белом,
И лишь, что крапинки зари,
В лесу, заметно поределом,
Порхают стайкой снегири.
Зима молодкой краснощёкой
Проходит там, где ветер взвил
Снега,
 где дятел, птичий щёголь,
На ёлке «кузницу» открыл.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Ещё снежных туч гряда
Не боялась ветра,
Ещё талая вода
Не была заметной;

Ещё, полные угроз,
По снегам летели:
В рукавицах — мороз.
В варежках — метели.

Но уже расцветал
Над излучкой дальней
Чернотал,
Краснотал,
Белотал —
Тальник!

Перехода к весне
Это не решало,
Но река в полусне
Глубже задышала.

И казалось ей,
Грустной, одинокой,
Что до радостных дней
Уж не так далеко!

РАДУГА

Над крутыми берегами,
Над широким валом,
Над полями и лугами
Радуга вставала.

И тогда, водой пыля,
Наша речка синяя
И заречные поля
Стали всех красивее!

Вся внезапная вода
Отливала оловом,
Все мальчишки, как всегда,
Задирали головы.

Радугой разбужены,
Шли мальчишки лужами
С криком:
— Радуга-дуга,
Перебей дождя!

Этим чудом по весне
Край был так обрадован:
Даже капля на весле
Отражала радугу!

Г. ТРОЕПОЛЬСКИЙ

★

СОСЕДИ

Рассказ

Пожалуй, не каждый в селе скажет, где живёт Макар Петрович Лучков. Но только произнеси «Макар-Горчица» — любой младенец укажет путь к его хате. Почему такое прозвище ему дано, не сразу сообразишь, но колхозник он по всем статьям приметный. Главное, работает честно. Пьянства за ним никогда не замечалось, но годовые праздники он справляет хорошо, прямо скажем, совсем не так, чтобы лизнул сто грамм — да и язык за щёку. Нет. Например, за первое и второе красное число майского праздника литра три-четыре самогонки он ликвидировал полностью. При этом говаривал так: «Попить её, нечистую, всю, пока милиционер не нанюхал». И, правда, выпивал всю. Однако сам Макар Петрович никогда самогонки не гнал, а обменивал на свёклу без каких-либо денежных расходов. В компанию большей частью он приглашал соседа, Павла Ефимыча Птахина. В таком случае он говорил жене Софье Сергеевне:

— Сергевна-а! Покличь-ка Пашку-Помидора.

Та никогда не перечила — знала, что раз праздничное дело, то Макар обязан «попить всё». Павел Ефимыч приходил. Приносил с собою либо бутыль, либо кувшин, заткнутый душистым сеном или чебрецом, завернутым в чистую тряпицу, и говорил степенно и басисто:

— С праздником, Макар Петрович!

Он ставил кувшин на лавку, снимал фуражку, разглаживал обеими руками белёсые волосы, заправлял украинские усы, но пока ещё не садился.

— С праздником, Пал Ефимыч! — отвечал Макар Петрович. — А что это ты принёс, Пал Ефимыч? — спрашивал он, указывая на кувшин.

В ответ на это Павел Ефимыч щёлкал себя по горлу и, широко улыбаясь, добавлял:

— Своего изделия.

— А-а!... Ну, милости просим!

После этого Павел Ефимыч садился за стол. Они пили медленно, долго. Два дня пили. Ложились спать, вставали и снова сходились. Начиналось это обычно после торжественного заседания, на которое, к слову сказать, ни тот, ни другой никогда не приходили выпивши. Наоборот, там они всегда сидели рядом в полной трезвости, следили за всем происходящим внимательно, с удовольствием слушали хор или смотрели постановку, а уходили оттуда уже в праздничном настроении.

Надо заметить также, что никто из них никогда пьяным не валялся. А так: чувствуют — захмелели, — переждут, побеседуют, попоют согласно, потом продолжают, но опять же по норме. Но при обсуждении любых вопросов они оба избегали в эти дни говорить о большой политике, даже

если это приходилось косвенно к разговору. Иной раз, правда, Макар Петрович и расходится:

— Я, Пал Ефимыч, пятнадцать лет работаю конюхом. Понимаешь: пятнадцать! — Он поднимал палец вверх, вздёргивал волосатые брови, наклонял голову, будто удивившись, и сердито продолжал: — Были председатели за это время разные, но такого... Ты ж понимаешь, Пал Ефимыч, какое дело: конопля на путы не могут приобрести — из осоки вью путы. А? Свил сегодня, а через три дня оно порвалось. Я этих пут повил тыщи — счёту нет. И просил, и говорил, и на заседании объявлял им прямо: «Что ж вы, говорю, так и так, не понимаете, что в ночном без пута — не лошадь, а обыкновенная скотина. Я ж, говорю, все посева могу топтать». Где там! Не берут во внимание.

— Не берут? Ай-яй-яй! — поддёрживал Павел Ефимыч.

— А вот если я, — горячился Макар Петрович, — напишу в центр: так и так, мол, из осоки заставляют путы вить, не могут гектара конопля посеять. Знаешь, что ему будет?

— Кому?

— Да председателю.

— А что ему будет, Макар Петрович? Он мужик неплохой.

— Осоковым путем да вдоль...

— Эге, Макар Петрович! Мы с тобой уговор имеем — при выпивке о политике ни-ни! А ты — в центр. Об этом надо в трезвости.

— И то правда, — успокаивался Макар Петрович.

Одним словом, в праздничные дни никаких разногласий у них не было. Даже если и возникал какой-нибудь спор (чаще со стороны Макара Петровича), то прекращался он как-то неожиданно.

— Ну об чём речь, Макар Петрович? — скажет Павел Ефимыч. — Да разве ж нам в такой праздник перечить друг другу? А?

Тогда Макар Петрович вдруг встряхивал головой, закрывал глаза и затыкивал сразу на высокой ноте:

— Шу-умел ка-амы-ыш, де... (тут он делал короткую паузу и набирал полные лёгкие воздуха)... ре-е-евья гну-у-улись!

А Павел Ефимыч склонял голову набск и подхватывал:

— ...де-е-евья гн-ну-улись...

Люди услышат такое и говорят промежду собою: «Вот, дескать, соседски живут. Добрые соседи — Макар-Горчица и Пашка-Помидор. Добрые!»

Но как ни говорите, а это всё одна сторона жизни. А вообще-то во многом у них с Павлом Ефимычем разница. И большая разница: и по характеру и по хозяйству. И к председателю колхоза относятся по-разному, что, как мы уже заметили, проскальзывает даже при выпивке, не смотря на обоюдный уговор.

И лицом они разные.

Макар Петрович усов не носит. Нос у него длинный, глаза чистые, светлые, прямодушные, а брови волосатые. Так что, если вы его встретите первый раз, то из-за своих бровей он покажется суровым; а взгляните ему в глаза получше — и вы сразу скажете: «Чистая душа — человек». И по обуви его можно приметить: на нём всегда сапоги сорок пятого номера, потому что ни в валенках, ни в ботинках в конюшне или в ночном работать не будешь. Росту он высокого, чуть сутуловатый и весь какой-то костистый, — сразу видно, что кость у него прочная, выносливая; на такую кость чёрт знает что можно навалить — выдержит. Нет, если разобраться до тонкости, то, ей-богу же, ничуть не зазорно, что Макар Петрович два дня в году пьёт по-настоящему за все свои остальные трудовые дни.

Павел же Ефимыч, наоборот, усы, как уже известно, носит по-украински, а бороду бреет; глаза у него остренькие, серые, хитроватые, брови жиденькие; лицо круглое, красное, можно сказать, сладкое. За такое обличье он и прозвище получил в юности — «Помидор». Весь он какой-то круглый со всех сторон. Думается, положи ему мешок на плечи — соскочит. И руки у него не такие крупные, как у Макара Петровича. И обувается не так, как Макар Петрович: летом — ботинки солдатского покроя, зашнурованные ремешком, а зимой — валенки.

Кроме всего прочего, Павел Ефимыч совсем не курит, а Макар Петрович никогда не расстаётся с трубкой.

Теперь о хозяйстве. Главное, конечно, — корова. Корова была и у того и у другого. Но это очень и очень разные животные.

У Макара Петровича коровёнка немудрящая. Ростом — подумаешь: телушка; длинношёрстая, пузатая, но всё-таки особенная. Не по молоку особенная, а по характеру. Иной раз взберётся по навозной горке к самой крыше сарая, станет под солнышком и, пережёвывая жвачку, смотрит на окружающий мир. Иногда ляжет на тёплом навозе, который свален в кучу для кизяков. Ляжет там и шумно пытит, закрывши глаза. Однако, если её испугать — крикнуть или свистнуть, — то она бешено вскакивает и во всю мочь мчитса, задравши хвост, вниз и дальше. В общем, корова нервная, с телячьим характером, — бывают такие коровы, хотя, правда, и редко. Сергеевна доила эту корову, только спутав ей ноги. Иначе, если и надойт какую пару литров молока, то коровёнка обязательно разольёт его одним выбрыком.

У Павла Ефимыча корова была самая обыкновенная: молока давала много, на навозную кучу не лазила, а по характеру была такая, что даже от ружейного выстрела не вильнёт хвостом. Ну просто — корова, в ней только и интересу — молоко. Может, конечно, кто-нибудь скажет, что это и есть главный интерес в корове — молоко. Так-то оно так, но не всегда. Более того, в этом самом вопросе между соседями были довольно большие расхождения.

Сидели как-то наши добрые соседи на завалинке рядом. День был воскресный. А в такие дни они частенько беседовали меж собою не только о каких-нибудь мелочах, а и о политике, и о коровах вообще, и о том, какой главный интерес в корове, в частности. Тут шёл душевный разговор. Так было и в тот день. Макар Петрович подошёл к хате Павла Ефимыча и сказал:

— Сидишь, значит.

— Сижу. Гуляй со мной.

— И то правда — отдохнуть. — Он сел и первым делом начал набивать трубку самосадам.

— И что ты её, Макар Петрович, сосёшь, непутёвую? — спросил Павел Ефимыч. — Курил бы хоть цыгарку. А то — ишь ты! — сипит, как форсунка.

Правда, когда Макар Петрович посасывал трубку, то она действительно «сипела». Но он возражал так:

— А что? То сипит смак, есенец самый. (Он иногда любил вставлять ловкие, по его мнению, словечки.) А что насчёт цыгарки говоришь, то по душам скажу: не накурюсь я ею досыта.

— А не всё равно?

— Э, не-ет. Цыгарка, та берёт одну поверхность. А из трубки потяну: чувствую, берёт. Если же ещё приглотнуть малость, то и вовсе хорошо, берё-ёт! То есть самый витамин из трубки доходит, чувствую.

— Ну, кури, — согласился Павел Ефимыч. — Кури, раз душа требует. Само собой: кому что идёт. Вот финагент наш тоже трубку курит.

Слово «финагент» сразу навело собеседников на размышления. Макар Петрович приглотнул из трубки и заговорил, будто продолжая когда-то начатый разговор:

— Дак вот я — о коровах. Это ж получается неправильно... И моя корова, по-ихнему, даёт доход в три тысячи и твоя. И я за неё плати четырёста налога, и ты за свою — четырёста. Возражаю. Это политически неправильно.

— А ты заведи хорошую, ярославку, как у меня.

— Э, нет, Пал Ефимыч. Я докажу. Я, может, и сам понимаю, что моя корова не соответствует действительности. Так. Но учти: ни свет ни заря я ухожу на конюшню, а затемно прихожу домой. Если же еду в ночное, то забегая только поужинать. Сергевна тоже: раненько — в колхоз, а домой — вместе со стадом. Кто будет держать уход за хорошей коровой? Некому. Девку замуж отдал, парень на сверхсрочную остался.

— А я что ж, по-твоему, не работаю в колхозе? — уже хмурился Павел Ефимыч.

— Работаешь, слов нет. Но ты же, Пал Ефимыч, даже от ездовой должности отказался — без коней на работу ходишь.

— А как же? У меня хозяйство — корова, овчénки, куры, свинка, пчёлки. Кто ж будет ухаживать?

— Нет, Пал Ефимыч. Это в корне не верно. Алёнка у тебя прицепица, Володька — на элеваторе, на зарплате, сам — хочешь выйдешь на работу, хочешь — нет. Баба — до минимума дошла, и хорошо.

— Это как то есть?

— А так: в хозяйство больше вникаешь. У тебя курс в личное дело.

— А ты дай мне десять рублей на трудовень. Может, я тогда...

— А где я тебе их возьму? — уже слегка горячился Макар Петрович.

— Не ты, а они.

— Кто — они?

— Ну, правление, что ли... Тот же председатель.

— Дак это ж мы и есть! — воскликнул Макар Петрович и ещё энергичнее потянул из трубки. — Все гуртом если, как один, на работу, тогда, может, и трудовень будет прочный.

— Будет! Держи карман шире, — осаживал Павел Ефимыч. — А тут, — он показал пальцем через плечо, во двор, — тут дело надёжное. А налог — что? Купи хорошую корову — оправдает... Слов нет, налог, конечно, большой.

— Да мне больше четырёх литров молока и не требуется. Зато моя корова — золотая по выносливости. Она и под кручу к речке сама спустится, напьётся, сама же и выскочит обратно наверх и — во двор. А твоей надо носить воду за полкилометра.

Но Макар Петрович чувствовал, что говорит совсем не то, что надо, и от этого ещё больше горячился. Однако настоящих слов для опровержения соседа не находил. К тому же, откуда ни возмись, подошёл финагент Слепушкин.

— Здорово были, соседшкы! — поздоровался он и сразу раскрыл записную книжку. — До вас, Макар Петрович. Должок по налогу значится — триста.

А Макар Петрович и так уже был не в себе.

— Ты мою корову видал? — спросил он с сердцем. — За что я плачу? Она сама стоит семейство, а за неё налогу четырёста. Аль вы не понимаете самого коренного вопроса?

— Не наше дело политику переиначивать. Не нужна корова — продай. Мы должны личное хозяйство того... к уклону. И налогу будет меньше.

— Налог того... — вздохнул Павел Ефимыч. — Трудноват, конечно. Ну я-то расплатился.

— А я возражаю! — закричал Макар Петрович. — Понимания у тебя, товарищ Слепушкин, нету.

— Я что... Моё дело — взыскать.

— А! Взыскать! Ну взыщи, взыщи. Где я тебе столько денег возьму?

— Не знаю. Это не моё дело, а твоё.

— Я тоже не знаю. Почему мало денег на трудодни дают? Я день и ночь работаю в колхозе. Я пятнадцать лет у коней живу.

— Вот я и говорю, — вмешался Павел Ефимыч. — Если на трудодень надёжи нету, то без хозяйства нельзя.

— Как это так надёжи нету? — рассердился Макар Петрович. — Не в том дело. Председатель наш не соответствует действительности. Настоящего надо выбирать.

— Ну, это ты далеко заходишь! — возразил Павел Ефимыч, посматривая, однако, на Слепушкина. Он при этом подумал: «Передаст ещё наш разговор председателю — хлопот не оберёшься и отношение может портиться».

— Не-ет. Не далеко захожу, а в самый раз. Ты ж понимаешь, товарищ Слепушкин: пута — несчастного пута! — не может организовать, вью из осоки. Разве ж с ним будет трудодень! — Макар стучал трубкой по ладони и говорил всё горячее. — Я по любой подводе — приезжай она за сто километров — председателя узнаю. Узда хорошая, сбруя хорошая, путо на грядке привязано дельное — значит и председатель того колхоза дельный. А у меня сердце разрывается, когда я начну лошадей обращаться в тряпичные узды да осоковые путы вязать. Не можно так дальше! — воскликнул он. — Где я возьму, Слепушкин, денег? Негде.

Макар замолк неожиданно и засипел трубкой. Слепушкин не наседал — знал, что Макар заплатит, — и тоже молчал и сосал трубку, но с удивительным спокойствием. А Павел Ефимыч кряхтел и потирал бока. Так же неожиданно Макар Петрович сказал:

— Заплачу. Нельзя не платить, сам понимаешь.

— А говоришь — где деньги взять? — уже с улыбкой сказал Слепушкин.

— Это не твоё дело, а моё, — угрюмо ответил Макар Петрович.

— А и правда, Макар. Где ж ты столько денег возьмёшь? — участливо спросил Павел Ефимыч.

— Я свою обязанность нутрём сознаю... должен я найти.

— То правильно. Хозяин знает, где гвоздь забить, — согласился сосед.

— Знаю. Конечно, знаю. Но только, — он выпрямился, стукнул трубкой о колено так, что посыпалась зола с искрами, — только неправильно это. В корне неверно: и за мою корову четырёста, и за твою столько же, да прибавь ещё за усадьбу. Ты, Пал Ефимыч, не обижайся. Но это вопрос самого главного интереса в корове.

Павел Ефимыч и правда задумался. Посидел, посидел и говорит:

— А кто её знает... Оно, наверно, неправильно. Но ты ж не Верховный Совет?

— Как так — не Верховный? Я — народ. Мы это понимаем. И там понимают. — При этом Макар Петрович указал вверх трубкой. — Должны они правильную линию надумать. Там люди-то — во какие головы! — Он растопырил руки над головой и добавил: — Ум! Если туда написать всё это, товарищ Слепушкин, то поймут, ей-бо, поймут.

Но Слепушкин встал, попрощался и ушёл, не говоря ни слова: он, видимо, боялся дальнейшего углубления вопроса. «Макар-Горчица наговорит, — подумал он. — Макар и секретарю обкома скажет, что захочет. С ним и влипнуть недолго».

А Макар Петрович продолжал своё:

— Если добавить про рваные узды да про осоковые путы — тоже поймут.

Павел Ефимыч явно не верил Макару Петровичу и тут же высказал это:

— Пока туда-сюда, то да сё, а своё хозяйство надёжнее... А там посмотрим.

— Ну посмотри, посмотри, — сказал Макар Петрович сердито. Он сдвинул брови, сунул трубку в карман, буркнул: — Прощевай покедова, — и ушёл.

Вот так они поспорили и разошлись. Разговор, конечно, крупный, разногласия большие.

Обычно не проходило и нескольких дней, как соседи снова сходились, снова спорили и обсуждали. Но на этот раз Макар Петрович отпросился в правлении на два дня и, никому ничего не сказав, ушёл ночью. Сосед вроде бы ненароком спросил у Сергеевны:

— Мужик-то где?

— В городе. Повёл корову продавать.

— Корову! — ужаснулся сосед. — Продавать?!

— Продавать.

— И ты допустила?

— Обоюднo согласились.

— А как же дальше?

— А там дело покажет, — уклонилась она от прямого ответа.

Павел Ефимыч покачал, покачал головой и ушёл в задумчивости, тихо разговаривая сам с собою:

— Корову продавать... Продать корову... Мыслимое ли это дело — без коровы?.. А может, купит хорошую?.. Да где он денег-то возьмёт!.. А? Как это так — продать корову!

Тем временем Макар Петрович продавал корову на базаре. Один базар прошёл — никто не купил. Вывел на второй базар. Продавал он её прямо-таки артистически.

— Ты подумай, — говорил он покупателю, такому же, как и он, костистому колхознику, но с окладистой бородой, — это ж не корова, а мысль! Корму ей — горстку, тёплого не пьёт — давай из речки или прямо колодезную, ключевую; холод ей нипочём. С такой коровой всей семьёй в колхозе будешь работать, а молочка — само мало — чегыре-пять литров в день. Молоко жирное... Смотри хвост — перхоть жёлтая! Ребром прочная. Корова ласковая, правильная корова: двор знает, шататься не любит. И не то чтобы тугососая, а в самый раз для бабьих пальцев сиськи приделаны. В самый раз. Все статьи правильные. Я бы её и в жисть не продал, но финансовый мой вопрос не соответствует действительности.

А покупатель ходил вокруг коровы, щупал её, гладил. Он уходил и снова возвращался, снова щупал и всё повторял одно и то же:

— Не оманешь — не продашь... Не оманешь — не продашь...

Макар Петрович не возражал против такой базарной истины и говорил: — Смотри сам! Свой глазок — смотрок, своя рука — правда. Рукой не пощупаешь да глазами не полупаешь — молочка не покушаешь.

Такие слова действовали на покупателя положительно. Он наконец решился приступить к пробе доения — самому важному во всей процедуре купли-продажи коровы. Тут совсем не то, как, скажем, купить автомобиль. Там так: паспорт сунул в карман, и давай газ. А тут — извините! Животное со своим индивидуальным характером, который может и соответствовать, а может и не соответствовать требованиям покупателя. И Макар Петрович понимал это отлично. Поэтому он, зная характер коровы, сказал вопросительно:

— А может, спутаем? На всякий случай.— И показал путо, но не осоковое, а настоящее конопляное.

— А зачем? — будто удивился покупатель.— Разве ж она — того?

— Да не то чтобы того, а, как говорится, всё может быть... Человек ты новый и, главное, — не баба. Корова к бабе привычна. Сам знаешь, у нас с тобой дух такой есть, который корове не по нюху приходится.

— А може, без пута?..

Макар Петрович не ответил, а смотрел куда-то на чужую свинью, будто очень она ему понравилась. Покупатель же стоял в раздумье и говорил:

— Конечно, мужик — не баба, дух не тот.— Ему вдруг что-то пришло в голову. Он энергично почесал живот и произнёс: — Не оманешь — не продашь. Давай без пута пробовать. Цена для меня подходяща, должен я пробовать по-всякому.

Макар Петрович гладил корову, уговаривал, заглядывал в глаза. Он чувствовал, что в решительный момент дойки она может подвести, а может и не подвести, в зависимости от настроения. И, конечно, при первом же прикосновении покупателя к соску последовал выбрык ногой...

— А она того? — ехидно спросил покупатель.

— Немножко того,— смущённо ответил Макар, опустивши руки и отдавшись весь на усмотрение покупателя. Больше ему уже нечего было говорить.

Прикоснуться к вымени корова не позволила ни разу.

— Ну давай путай.— сказал покупатель.

После того, как задние ноги коровы спутали, он начал доить. И — удивительное дело! — корова стояла, как вкопанная: привычна к путо. Молоко зажурчало струйками. Макар Петрович слушал. Жжих, жжих! Жжих, жжих!.. --- звенели струи о ведро. Грустно стало Макару Петровичу. Жжих, жжих! Жжих, жжих! — хлестало его что-то по самой душе. Он вздохнул и отвернулся, глядя на пожарную каланчу.

Попутатель напился молока, пробуя его медленно, с причмоком; при этом он, когда отрывался от ведра, смотрел в землю, будто сосредоточившись весь на ощущении вкуса. Так курильщики на базаре пробуют рассыпной самосад: затынется раз и стоит, потупившись, решая — «берёт или не берёт».

— Ну как? — тихо спросил Макар Петрович.

— Она хоть и того — насчёт дойки, но зато молоко... скусное, ох, скусное!

— Не молоко, а форменные сливки,— уже веселее подтвердил Макар Петрович.— Ну, а насчёт этого... путанья-то, как скажешь? Не купишь, наверно? — почти уныло спросил он.

— Оно, вишь, какое дело,— заговорил скороговоркой покупатель,— я тебе прямо скажу. Была у меня корова. Та, батенька мой, как зверь: ка-ак даст, даст! И ведро летит, и баба — с копыльев долой. Во какая была корова! А эта стоит, спутанная, смирно. Этак можно. Вполне выносимо. И цена подходящая, а это главное дело. Уступишь сотню — возьму корову.

Но Макар Петрович уступил только четвертную. Сладили они за семьсот рублей и по семь с полтиной на магарыч с каждого. Макар Петрович и не хотел тратить деньги на магарыч, но правила того требуют — выпили по сто пятьдесят граммов.

И вот уже поводок обрывка, накинутого на рога, оказался в руках нового хозяина. Вот он повёл корову по базару. А вскоре и совсем скрылся в толпе. Но Макар Петрович, прижимая карман с деньгами, всё смотрел и смотрел в гущу базара. Базар шумел. Урчали автомашины, мычали коровы, блеяли овцы, хрюкали свиньи, кричали, споря, городские

торговки. Продавцы и покупатели торговались то слишком громко, с азартом, то, наоборот, почти молча, перебрасываясь односложными замечаниями. И все эти звуки сливались в общий гул. Вдруг вырвался из общего гомона поросичий визг и долго висел над толпой, пронзительный, истошный, висел до тех пор, пока новый хозяин не засунул поросёнка в мешок. Зато на смену визгу взвился аккорд гармони. Невидимый гармонист ударил «Барыню», хлестнул по толпе перебором и, кажется, пошла плясовая и над головами и под ногами, подталкивая к переплясу. Какой-то подвыпивший колхозник, видимо удачно закончив продажу, рывком положил одну ладонь на затылок, вытянул другую перед собой и забарабанил каблучной дробью так, что из-под сапог пыль полетела клубом! Макар Петрович даже и не повернул головы в сторону плясуна, хотя и был от него близко. Потом замолкла и гармонь. Базар шумел и шумел. Мощный радиорепродуктор тоже говорил в тон общему гулу, перекрывая всё. Но вдруг из того же репродуктора заструились звуки хорошей, сердечной музыки. А Макар всё стоял и стоял неподвижно и всё смотрел и смотрел в ту сторону, куда увели его корову. Он видел громадную толпу, в которой смешались люди, лошади, коровы, автомашины... Кому какое дело до того, что Макар Петрович продал корову? Никому.

А базар всё шумел. Макар Петрович стоял, опустив голову. Кто-то толкнул его мешком. Он оглянулся. Высокий и сильный парень в новеньком ватнике, сердито глядя на Макара, выразился непристойно и добавил для пояснения:

... Что стоишь на дороге? Забыл, что базар? Иль налился?

Но Макар Петрович был совершенно трезв. Он посмотрел своими светлыми и добрыми глазами на парня, поднял мохнатые брови и сказал безутешно:

— Я, брат... корову продал...

— Видишь ты, дело-то какое! — участливо сказал парень, поставив мешок на землю. — Дошло, что ли? Или заменять думаешь?

— Как тебе сказать... Финансовый мой вопрос не соответствует действительности.

— Аль ваш колхоз бедный?

— По правде сказать — плохой.

— Понятное дело! Отсюда и финансовый вопрос.

— А ты откуда? — спросил Макар, совсем не обижаясь на первые ругательства парня.

— Из Алёшина. Колхоз Чапаева слыхал?

— Слыхал. Это у вас по семь рублей на трудовень?

— У нас. Да ещё по три кило хлеба. А ты откуда?

— И зачем тебе, паря, знать? Не желаю, чтобы ты и знал. Плохо у нас, председатель не соответствует...

— Ну хоть скажи, по сколько денег дали на трудовень?

— Дали... по сорок копеек, — смутился Макар.

Парень рассмеялся громко, на весь базар. Он присел на свой мешок и сквозь смех говорил:

— Какого же вы чёрта сами-то смотрите! Небось, по хатам отсиживаетесь да за личное хозяйство зубами уцепились. Кто их вам привезёт, деньги-то? Вы же без настоящего колхоза посохнете, как подсолнечные будылы перед зимой.

— Это ты, паря, не мне говори: я, брат ты мой, пятнадцать лет конюхом работаю. Изо дня в день работаю. Не обижай так-то.

Макару Петровичу очень хотелось поговорить. Но парень поднял мешок на плечо и, уходя, сказал уже без смеха:

— Десятеро будете работать, а сто в окошко выглядывать — ничего у вас не будет.

— Да ты постой, постой!

— Некогда мне с тобой... с сорокакопеешным. Ты корову продал, а я четыре тыщи за пшено наторговал — последний мешок несусь на весы.

— Правда?!

— Аль тебе денег дать? — шутил парень. — Не да-ам. Сами делайте. Мы за таких, как ваш брат, четыре года поставки выполняли. — Потом обернулся и добавил душевно: — Да ты не обижайся. Может, и налаживаетесь.

Макар пробовал итти за ним и говорил:

— Ты ж учти: ты ж мне громадное дело сказал. Я, понимаешь...

Но тот уже нырнул в толпу и вскоре скрылся из виду.

Макар Петрович теперь всматривался в толпу, различая каждого. Для него это была уже не безликая масса людей, снующих между бричками или продающих. Вот в рваном колушке стоит совсем не старый колхозник и продаёт двух кур, которых держит подмышкой. «Сорокакопеешный», — подумал Макар. А вот румяный мужчина — фуражка набекрень — держит целую связку разной мануфактуры и две пары новеньких сапог и спокойно смотрит на Макара. «Семирублёвый», — решил он. — Накупил, как... (он мысленно никак не находил подходящего слова) ...как юрист», — заключил Макар Петрович. Но мысль эта была не только беззлобной, а скорее доброжелательной.

Вечером того же дня Макар приехал с попутной автомашиной домой и зашёл в хлев. Грустным бывает хлев ночью, когда там никто не дышит — ни корова, ни овца. Пусто было и внутри, что-то сосало под ложечкой, и в ушах всё звенели струйки: жжих, жжих! Жжих, жжих!.. Макар только сейчас почувствовал, что он с самого утра ничего не ел. И сразу же решил мысленно: «Человек, который голодный, весёлым быть не может».

Он вошёл в хату.

Сергеевна обрадовалась и воскликнула:

— Да где же ты пять дней пропадал?

Он ответил не сразу. Разделся, повесил фуражку на гвоздь, осмотрел хату, сел за стол и только после этого ответил:

— Два базара продавал.

— И что же?

— Да такую корову где хошь продать можно.

— За сколько же?

— За семьсот.

— А не дешёво?

— Какая сама, такая и цена. На базаре цены не продиктуешь. Покупатель-то, сама знаешь, прахтикованный пошёл.

Сергеевна собрала ему на стол еду. Он съел полную миску борща, такую же миску каши. После этого по привычке протянул руку к полочке, что висела над столом, — там всегда стояла литровая банка молока, приготовленная для хозяина к ужину из вечернего удою. Макар машинально взял эту банку и поставил на стол. Банка была пуста. Он торопливо сунул её обратно на полочку.

Сергеевна посмотрела на него и вдруг, приложив фартук к глазам, заплакала. Макар Петрович крикнул и встал из-за стола. Он постоял в раздумье перед Сергеевной, глядя в пол, потом поднял на неё глаза и заговорил:

— Ты, слышь, Сергеевна... Ты этого... брось. Гляди на меня, что скажу.

Сергеевна подняла лицо и посмотрела ему в глаза. Она любила эти прямодушные глаза своего Макара, глаза, в которых видна вся его душа.

— Проживём, Сергевна, — утешал он. — Я тебе докажу, как пять пальцев. Парнягу я одного встретил, из «Чапаева». Алёшино знаешь?

— Знаю.

— Оттуда он. Четыре тыщи за пшено наторговал. Во! У них семь рублей и три кило на трудодень. Во, Сергевна! Ты прикинь сама. Я-то доро́гой сосчитал. Если на наши с тобой восемьсот трудодней по три килограмма да по семь рублей, то слушай: пять тыщ шестьсот рублей чистых денег, да хлеба — можно двенадцать центнеров продать. Допустим, это будет просо. А мы его таким манером на пшено перерушасм... Это тебе, само мало, сорок пудов пшена или четыре тыщи. Да там пять тысяч шестьсот. Это сколько будет? Без малого десять тысяч. Во, Сергевна!

— Да ведь это ж в «Чапаеве». А мы-то с тобой триста двадцать рублей за весь прошлый год получили.

— Ага! Поняла? Сорокакопеешный наш колхоз! Без настоящего колхоза нам — труба. Корснь-то у нас с тобой в колхозе.

— В колхозе, Макар. Правда.

Легли спать они всё-таки в каком-то раздумье. Макар долго не мог уснуть и время от времени говорил:

— Я им, сукиным сынам, сделаю стыдно.

Или так:

— Я тебе покажу, как каждый день водку глушить... Праздников не понимаешь, толстый чёрт...

Потом помолчит, помолчит и снова:

— Мыслимое дело: за пшено — четыре тыщи! Значит, там у них всё соответствует действительности.

— Да спи ты, неуёмный, — засыпая, увещевала Сергевна.

А он своё:

— Эх! Про путы у него не спросил. И про сбрую бы надо... Убёг от меня... «Сорокакопеешный...»

Так он и уснул с этими мыслями, вернее — с одной мыслью, которая засела у него в голове гвоздём.

...Рано утром следующего дня Макар пошёл, как обычно, на конюшню. Несколько часов подряд он ворчал, проклинал кого-то, а больше отводил душу на других двух конюхах:

— У вас всегда так: уйди на два дня, так вы навозом обрастёте. В дверях — куча навоза, в стойлах мокрость развели. Иль уж у вас понятия о порядке нету? Ну что стоишь, чешешься! Чисти хорошенько!

Макар увидел во дворе председателя колхоза Черепкова.

Низкого роста, пузатенький, председатель стоял посреди двора и отчитывал доярку:

— Ты мне дай рекорд хоть с одной коровы. Другим уменьши норму, а с «Милки» дай пять тысяч литров. Безобразия! В прочих колхозах по две-три коровы дают рекорды, а у тебя хоть бы единственная...

— У нас стойла развалились, где уж там до лекорда! — возразила доярка.

— Я тебе не о стойлах... Мне в район стыдно показываться. «Лекорда!» Даже слова этого не сумеешь сказать... С вами надоишь пять тысяч.

Тут подошёл к нему Макар Петрович и без обиняков сказал, указывая на конюшню:

— Так и в зиму пойдём? Крыша-то горбом осела: перекрывать надо.

— Надо, — ответил тот, глядя на Макара снисходительно и покровительственно.

Но когда Макар Петрович почуял от председателя запах водки, то и совсем осерчал.

— А это что? — показал он рваное осоковое путо.— Что это есть, товарищ Черепков?

— Трава,— ответил тот всё тем же тоном.

— Срам это для колхоза. И это срам на весь район.— Он показал рваную узду.

— А что ж, я тебе ещё путами да уздами буду заниматься? У меня хлопот полно: досок достань, гвоздей достань, в поле досмотри... За вами такими — глаз да глаз...

— Ага,— сказал Макар Петрович.— Досок достань, гвоздей достань... водки достань.

— Как ты сказал? Как сказал? — вскипятился председатель.

— Как сказал, так и вылетело... Не воробей — не поймаешь. Меня теперь хоть в морду бей — я сказал.

Председатель молчал, что-то соображая. А Макар заговорил быстро, отрывисто:

— У людей... по семь рублей на трудодень, а мы... мы прошлой осенью всю овощь поморозили. У людей по три килограмма, а у нас подсолнух попрел. А ты водку глушишь... Веры в тебе нету, веры нету, председатель... У самого у тебя нету веры... А это мой корень.— Макар сбился с тона, заговорил тише: — Мы ж так дальше не можем... А ты — водку...

Черепков вдруг выпалил:

— Дали тебе прозвище «Горчица» — ты и есть горчица! Указывать — вас много, а работать — «выходи десятый». Ишь ты! Что ты понимаешь? Я директором маслозавода был! «Веры!» Тебя отпустили на два дня, а ты прошатался пять дней. Я т-тебе пропишу «веру».

Макар стоял и смотрел в упор на Черепкова. Удила рваной узды повязки той же дрожью, что и Макар. Он неожиданно опустил голову вниз и тихо проговорил:

— Я, брат... корову продал... А ты — водку...— Он вдруг резко повернулся и зашагал к конюшне. Там он зашёл в лошадиный станок и опёрся грудью о перекладину. Лошадь повернула к нему голову и потрогала за щёку мягкими, как бархат, губами. Макар повернулся к ней, погладил, обошёл её вокруг и дрожащей рукой потрещал холку.

Вскоре было заседание правления. Стоял вопрос об отводе из конюхов Макара Петровича Лучкова за прогул. Макар сидел в углу со связкой узд и пут. В полутёмном углу лица его не было видно. Когда Черепков объявил вопрос о Лучкове, то и тогда Макар не пошевелился. Но вдруг он услышал голоса:

— Это кого? Макара Петровича?!

— Да он пятнадцать лет...

— Лучшего колхозника у нас и нету!

— Как это так — Макара...

Все присутствующие загалдели, перебивая друг друга, говорили с возмущением. Кто-то крикнул:

— Человек корову продал!

Черепков чувствовал себя явно неловко. Он наконец понял, что хоть и председательствует больше года, а Макара Лучкова не заметил. Торчит человек целыми днями в конюшне, суёт всем к носу осоковые путы — и всё. А чёрт его знает, какой он! Что у него дома? Чем он дышит? До всего этого Черепков не дошёл. Он навёл порядок и обратился к Макару Петровичу:

— Что ты скажешь, Лучков?

— Ничего не скажу, — ответил тот.

— А если снимем?

— Я с конюшни не пойду, — ответил он угрюмо. — Я без коней не могу.

Конечно, Макара не уволили. Даже и вопроса этого не обсуждали, а просто взгалделись ещё раз дружно и сняли с повестки дня, без последствий. Но когда все притихли, Макар Петрович встал. Он подошёл к столу, положил связку рваных узд и истрёпанные осоковые путы перед счетоводом и, не глядя на председателя, сказал:

— Заприходи амуницию. Пушай потомство в музей изучает. А я вам сделал стыдно: для своих закреплённых лошадей купил узды новые и верёвку для пут. Новое стоит оно сто восемьдесят рублей. Отдадите деньги — хорошо, не отдадите — ещё лучше: стыда больше. — Тут он выволок из угла мешок, развязал его, вынул несколько ремённых недоузтков, показал всем при общей тишине, затем снова всё запрятал, взял мешок подмышку и вышел.

Все долго молчали. Курили и молчали. Молчали и курили. Кто-то наконец сказал:

— Давайте расходиться.

— Давайте, — поддержало несколько голосов.

Заседание закрылось само собой. Так бывает всегда в любом колхозе, когда дело заходит в тупик. А счетовод — пожилой, симпатичный человек с поднятыми на лоб очками — обратился к уходящим, минуя взглядом Черепкова:

— Куда же я буду девать... амуницию?

— Сказано — в музей, — ответил совсем дряхлый дед. — Напиши год, число и в царствие какого председателя.

Черепков пробовал встать, но почему-то не решился.

— А мы где? А вы где, товарищи правленцы? — вскричал счетовод. — Копейку добыть не умеем, а добудем — беречь не умеем. У меня с вами за каждую сотню рублей война, а на дело денег нет. — Теперь он смотрел только на председателя. — Глазу у нас хозяйского нету, а от этого и касса, как решето.

— Ну, разошёлся, — оборвал его председатель. — Слышал твою ноту. Ты и в хозяйстве развернуться не даёшь.

— Брошу! Ей-богу, брошу! Лучше в тюрьму сажайте, а брошу! — счетовод хлопнул книгой о стол, сунул её в ящик и вышел.

Черепков остался один. Он сидел за столом и стучал карандашом.

Вот ведь, товарищи, что может натворить корова Макара Петровича! Помните, мы говорили о том, что интерес в корове — только молоко? А оно вон что вышло. Не продай Макар корову — может, и не было бы всего того, что произошло на этом заседании. Однако теперь не вернёшь, корова продана. Макар Петрович, конечно, уплатил остаток налога — триста рублей, а остальные деньги отдал Сергеевне, в том числе и полученные от правления за «амуницию», всего — четыреста рублей. Из этих денег Макар Петрович не пропил ни копейки. Да и никогда он не тратил денег на водку, а употреблял, как мы уже знаем, местного изделия — только в особо торжественные дни.

Подходила осень. Лошади стали шерстистые, а поэтому и хлопот с ними стало больше, на одну только чистку надо два-три часа. В ночное ездить перестали — значит четыре раза задай корму да воды накачай вручную два раза в день на двенадцать голов. Это ведь сказать только легко! Да конюшню вычистить утром и вечером. Очень много работы у колхозного конюха. А день стал меньше. Приходилось Макару Петровичу выходить из дому задолго до рассвета, а возвращаться домой совсем поздно, с фонарём. Но чем ближе к осени, чем больше работы в конюшне, тем как-то живее он становился. К соседу Павлу Ефимычу Птахину он

забегал лишь изредка и то только в тех случаях, если тот сидел на зава-
линке.

— Зашёл бы, Макар Петрович! — окликнул он однажды.

— Здорово, Пал Ефимыч! Некогда мне. Ну, чуть посижу, на пол-
трубки — не больше.

— Значит, хлопочешь? — как-то неопределённо и, как показалось Ма-
кару Петровичу, с чуть заметной улыбкой спросил сосед.

— Хлопочем. Как же, хлопочем. Скоро осень. Это, брат, время важ-
нецкое.

— А авансу и по килограмму не дали.

— Должны дать.

— Ой ли?

Макар вместо ответа сказал:

— На отчётном председателя надо менять. Не соответствует.

— Мне какое дело, какой там председатель! Что ни поп, то батька.
Этот нехорош, да известный характером... Потрафь ему и — порядок!
А другой-то неизвестно ещё — то ли лучше будет, то ли хуже. Сколько
их было-то? Не меньше, как десять аль одиннадцать.

— Рассуждение у тебя, Пал Ефимыч, не в ту сторону. Без настояще-
го колхоза нам никак невозможно. А председатель — всему голова.

— А этот разве не голова? А что водочку любит, дак то не вещь. Кто
её не любит! Оно даже нам и сподручнее.

— Ка-ак? — удивился Макар Петрович.

— Я, к примеру, хочу в лес поехать, — продолжал Павел Ефимыч. —
Что я должен делать?

— Ну?

— Ясно, перво-наперво — достать подводу. У иного председателя
умри, не выпросишь, а нашему «полмитрича» поставил и — с богом!
Насчёт этого он простой человек, обходительный... И сенца можно добыть
таким манером побольше. По мне — он неплох.

— А по мне — дрянь! — воскликнул Макар Петрович.

— Опять своё! — развёл руками Павел Ефимыч. — Ты покорись ему.
Покорись, Макар Петрович. Позови, угости, помирись. Чего ты встрял
против него?

— Ты ж пойми! Нам голова нужна для колхоза, а не пивной котёл.
Пропадём мы этак. Что ж ты-то думаешь?

Павел Ефимыч не ответил, видимо, оставаясь при своём мнении. Он
помолчал немного, подумал, а потом сказал:

— Опять же вот морозы пойдут — плохо это. И дожди если — тоже
плохо.

— Это что же так: и морозы — плохо, и дожди — плохо?

— Дожди если — хлеб попреет в ворохах, а морозы — всё овощи
могила.

— А ты не допускай.

— А при чём тут я?

— Не допускай, — повторил Макар Петрович. — Тормоши председа-
теля, сам работай понатужней.

— Иль ты, Макар Петрович, думаешь, мне дома делать нечего? —
спокойно возразил Павел Ефимыч. — В колхозе я и так работаю по силе
возможности.

После этих слов Макар Петрович встал. Полтрубки времени уже про-
ходило, а опровержение соседу надо было дать, без этого он уйти не мог
по своей натуре. Он посмотрел на соседа и неожиданно сказал:

— А ну встань, Пал Ефимыч.

Тот хотя и в недоумении, но встал. Макар Петрович нагнулся над тем
местом, где сидел сосед, как бы взглядываясь, и сказал:

— Нету червонца — не высидел, Пал Ефимыч. Садись ещё. Да всей мякотью прижимай — может, десятку на трудодень и высидишь. — И ушёл.

А Птахин стоял в ошеломлении и только произнёс:

— Горчица и есть горчица. — Помолчал, почесался и добавил: — Каплю её в рот положи, а она тебе и в нос шибает и в глаза бьёт. — Но сказал он всё это тихо, про себя, — Макар Петрович не слышал.

Тот шёл и тоже про себя бурчал:

— Помидор и есть помидор. Сидит, округляется, наливается, зреет, сукин кот. Три выходных в неделю — два дня на работе, один день дома.

Долго после этого разговора они не сидели рядом на завалинке. Встретяся, поздороваются — и дальше. Что-то такое похожее на настоящую ссору и недружелюбие началось меж соседней, началось и всё углублялось. Больше того, даже и бабы ихние поссорились из-за пустяка: петух на чужой насест сел.

Дело с этим петухом получилось так. У Павла Ефимыча — как на грех! — петух подох. А макаров-то петух, как птица, всегда охочая до чужих кур, стал кое-когда садиться на чужом дворе ночевать. Он, петух-то, небось, так думает: чтобы не обидно было всем курам, сегодня сяду там, а завтра тут. Может, он и прав — определить трудно. Но ведь это же суший пустяк! Это же обыкновенный птичий вопрос, не стоящий выеденного яйца. Ни в жизнь не поссорились бы жёны соседней, если бы между мужьями не пробежала кошка. А петух взят, можно сказать, для придиру. Макар Петрович всё это понимал и даже однажды, при очередном препирательстве соседок, сказал так:

— Петух — птица нахальная. Курица — глупая птица. Или вы хотите, чтобы я сказал, что и бабы похожи на них? Брось, Сергеевна, в глупости вникать.

Сергеевна немедля ушла от плетня. Но Степаниха — жена Птахина — ещё долго кричала:

— Если у нас беда случилась — петух подох, то вам и горя мало. А ещё соседи! Жалко им петуха на время дать — попользовать для чужих кур. Не отвалится ничего у вашего петуха! Он и петух-то, ни к чему не способный, — разве такие бывают петухи!

— А ну, наддай, наддай, Степаниха, подбавь перцу! — пошутил Макар Петрович и, сняв петуха, вошёл во двор к соседу. Он посадил петуха в их насест и сказал Степанихе:

— Когда купите кочета, они подерутся с моим и разойдутся по своим супружницам. Только и делов.

— На что он нужен мне, твой петух! Куды ты его принёс?! — надрывалась соседка. — Не желаю твоего петуха пользоваться.

— Цыц! — рыкнул басом Павел Ефимыч на жену, выходя из хлева. — Пушай сидит, где ему хочется.

Соседи поздоровались и разошлись. Нет! Нету былой дружбы, а одна неприятность. Чем бы всё это кончилось, трудно сказать; какую линию взяла бы эта ссора, тоже предположить невозможно. Но очень уж к тому времени великие дела стали твориться на селе, чтобы разногласие соседней нельзя было забыть.

В воскресный сентябрьский день Макар Петрович шёл из правления с газетой подмышкой. Шёл быстро, непохоже на свою походку, будто боялся опоздать. Завернул он прямо к Птахину во двор, минуя свою хату. Тот тесал какой-то кол и обернулся не сразу. Макар Петрович зашёл ему наперёд и, постукивая громадным пальцем по газете, спросил:

— Слыхал, Пал Ефимыч?

— Чего там? — Он воткнул топор в бревно и выпрямился. Вся его фигура говорила: «Опять пришёл, Горчица».

— Ну, брат ты мой, и головы там! — Макар Петрович развернул газету и стал читать вслух.

Читал он, правда, медленно, но правильно, с толком, поймёт и малый ребёнок. Птахин от удивления встал. Макар Петрович тоже встал, не отрываясь от газеты.

— А ну, дай-ка — я сам почитаю, — неожиданно сказал Птахин.

Они сели теперь уже на бревно, прямо среди двора. Птахин читал тоже не очень бойко. Он время от времени останавливался, поднимая палец вверх, давая себе поразмыслить. Потом снова читал Макар Петрович. Потом — опять же Павел Ефимыч. В течение трёх последующих дней они несколько раз сходились уже поздно вечером и снова читали. Газета уже разлезлась по складкам, но её склеили и знали точно, что там написано, под клейкой. И снова и снова принимались читать и обсуждать.

— Я тебе говорил, Пал Ефимыч: там надумают?

— Говорил. Правильно, говорил. Не отрицаю.

— Я ж тебе и ещё скажу: там они мою душу чувствуют.

— И мою! — тыкал себя в грудь Птахин.

— И твою, — согласился на радостях Макар Петрович. — Тут и тебе хорошо и мне ловко. Значит, теперь получается так: заплати налог с сотки — и крышка. Есть у тебя скотина, нет ли скотины, хорошая у тебя корова или плохая — не важно. Сотка определяет налог. И до чего же это правильно!

— И не только в том, Макар Петрович. А льготы-то какие! Налогу вполтину меньше, молока — вполтину. Да всё напололам меньше.

Что-то такое сблизило соседей: это была общая радость, общая уверенность в лучшем, общая благодарность правительству и партии. Оба соседа неразлучно посещали собрания, где ставились доклады о решениях сентябрьского Пленума ЦК партии, а после собраний усаживались на завалинку и засиживались за полночь. Днём им невозможно сойтись, потому что Макар Петрович всё время был в конюшне и работал там с каким-то особым усердием. А Павел Ефимыч ни с того ни с сего частенько стал наведываться в город и наконец привёз какие-то железные трубы. Вскоре и Макар Петрович отправился в город и привёл очень хорошую телушку — породистую, смирную, ласковую. Для этой покупки он прибавил к своим четырёмстам рублям аванс, полученный из колхоза на трудодни. Казалось бы, пришёл мир между соседями: главный спорный вопрос решён. Но опять-таки получилось не так.

Однажды вечером сидели они, как и полагается, на завалинке. Сидели и беседовали. По улице «шла гармонь». Девчата и парни пели частушки непрерывно. Сначала наши соседи не слушали песен, увлечшись беседованием. (Макар Петрович рассказывал о том, какой золотой характер у его телушки, и убеждал соседа в том, что характер у скотины — это тоже очень большой интерес.) Но когда молодёжь поравнялась с ними, девичий голос под переборы гармошки пропел:

Ой, товарищ Черепков!
Разведём теперь коров.
А ещё будем просить,
Чтоб и сено нам косить.

— Слышь, Макар Петрович, что поёт моя Алёнка?

— А к чему это она? — не сразу сообразил Макар Петрович.

— Они, слышь, все наши пересуды в песни складывают. Значит, я и говорю: скотину разведём, слов нет, но корму нам надо теперь много.

Вот, к примеру, про себя скажу. По уставу я буду иметь корову, тёлку, овец... — Тут он подумал немного. — Овец десяток, пчёл, скажем, ульев пятнадцать, свинью, допустим, кормлёную да поросёнка малого на смену... Свинью забил — поросёнка корми... Налог всё равно такой же, имей я или не имей ничего. Значит, тут ещё бы остаётся так сделать: половину лугов колхозу, а половину — нам.

Макар засипел трубкой.

— Эге-е! Во-он ты что-о! — Он подумал и вдруг с усмешкой сказал: — Ты ж воды не натаскаешься на такую ораву скотины.

— А я и таскать не буду. Я трубчатый колодезь прямо во дворе пробью. Трубы и насос уже купил. Ясно, разве ж мыслено бабе столько воды носить. Ей и без этого теперь в колхозе не придётся работать, дома хватит по горло.

— Как так не работать? — вскочил Макар Петрович.

— А так, что и самому теперь придётся подумать: то ли пойти, то ли нет.

— А ты читал, как написано? Там сказано: кто не будет работать в колхозе — налогу больше на пятьдесят процентов.

— Это написано неправильно.

— Как неправильно?

— А так — неправильно. Не разорваться же мне надвое — и там и тут.

— А! Вон как! — Макар то заходил на одну сторону от соседа, то на другую, а тот поворачивал за ним голову, не видя его лица в темноте.— А! Вон как! Значит, и от колхоза и от правительства тебе всё дай, а ты колхозу — ничего! Ты что? Ты что? — всё больше горячился он. — Ты ж говорил, что тебя о н и понимают. А сам-то ты и х понимаешь? Ты куда гнёшь?

— Но! Раскричался, как на пожаре.

— И буду кричать! На собрании даже буду кричать: Пашка-Помидор не в колхозе хочет разводить скотину, а у себя во дворе.

— Да ты пойми, садова голова! — уже с сердцем говорил Павел Ефимыч. — Если будет большой трудодень, я, может, тогда и сокращу скотину, а сейчас буду разводить.

— А! Жлать будешь, когда другие добьются большого трудодня. Не-е! Не будет так, кричать буду! Я твою нутренность увидал. Всю, как есть, увидал. У тебя корень во дворе, а сухие сучья в колхозе.

— Ты что кричишь на всю улицу! — рыкнул вдруг Помидор. — Что кипишь, Горчица?! — И придвинулся вплотную к Макару.

Тот не отодвинулся ни на сантиметр и воскликнул:

— Где же твоя совесть колхозная, чёртов Помидор!

— Горчица! — сказал Птахин.

— Гнилой Помидор! — сказал Макар Петрович.

— Я ещё за петуха с тебя стребую: твой петух моему голову всю раздолбал — нового опять покупать. Я ещё...

— Возьми и моего петуха, чёрт с тобой! — Макар добавил пару крепких, неписанных слов, плюнул и ушёл домой.

Вот ведь как оно получилось! Никогда так не было, никогда не ругались так, чтобы бросать друг другу прозвище в глаза.

Больше того, доподлинно известно, что Птахин ходил к председателю колхоза Черепкову, с которым у него сложились неплохие отношения, и говорил ему, что «Макар-Горчица стоит против сентябрьского Пленума и не даёт ему разводить скотину». Известно также, что Макар Петрович посетил секретаря колхозной партийной организации и сказал так: «Пашка-Помидор — гнилой колхозник, и он, Помидор чёртов, не соответствует действительности».

Если ко всему этому добавить, что болтает народ, то просто невозможно предположить, во что выльется вся эта заваренная каша. А народ вот что промеж себя говорит: будто председателем колхоза и секретарём партийной организации — большая неприятность; будто насчёт председателя имеется в районе нехороший слух и что его будут заменять на непьющего или хотя и пьющего, но по норме, а не без числа. А ещё был слух — это уж точно, — что Макар Петрович самолично ходил к секретарю райкома партии и полчаса разговаривал с ним о председателе колхоза; один ходил, по своей воле, взял палку в руки и пошёл, как в своё правление. Что ж, всё это могло быть — народ зря болтать не будет.

На Октябрьскую Макар Петрович выпил, как и требуется, — за два дня «попил всё» и кричал в колхозном дворе, что он и в область мог бы пойти, да смыслу нет — в районе тоже не дураки: «политику знают и Макара понимают». Но ни он не пригласил Павла Ефимыча в гости на праздник, ни Павел Ефимыч не позвал Макара Петровича. Даже кланяться друг другу перестали. Вот до чего дошёл конфликт! Так продолжалось до самого отчётного собрания.

А там получилось у них несколько иначе.

Когда открыли собрание, то Птахин посмотрел, кто сел с ним рядом. Оказалось — Макар Петрович! Он пришёл перед самым открытием, потому что задержался на вечерней уборке в конюшне. Они оба так привыкли к своим местам, что независимо друг от друга оказались рядом.

Председатель колхоза Черепков отчитался. Все цифры, конечно, запомнить нельзя, но то, сколько выдали на трудодень и сколько ещё будут давать за этот год, было очень ясно: получилось по два с половиной килограмма пшеницы и по семьдесят копеек на трудодень. Это уже хорошо. Докладчик напирал на то, что он добился высокой оплаты хлебом, он «намечил дальнейший рост зажиточной жизни колхозников». Но Макар Петрович просто перебил его и, не вставая, прокричал: — Правительство с нас половину поставок скостило, а то бы ты дал нам «зажиточную»!

Ну, конечно, тут все немножко посмеялись, и многие сказали себе под нос: «Макар-Горчица высказался правильно». Потом обсуждали доклад, ругали правление, говорили, как надо действовать дальше. Когда всё переговорили, то председателя сняли уже без всякой критики; просто кто-то из задних рядов сказал: «Заменять надо» — и все дружно согласились. Черепков поглядывал на Птахина, ожидая поддержки, но тот так и промолчал.

Но когда выбирали нового председателя, то вопросов ему было несть числа: сколько лет отроду, сколько имеет детей, разводился ли с женой, сколько классов окончил, как насчёт водки — с утра пьёт или только вечером, в нерабочее время; где работал, почему ушёл оттуда, и много, много других вопросов. Час целый отвечал кандидат на вопросы. Человек он, видно, скромный, в гимнастёрке, с виду суховатый, но голос твёрдый. И фамилия, как показалось Макару Петровичу, подходящая, простая — Телегин, а зовут — Пётр Иванович. Из ответов выяснилось: окончил семилетку, работал после этого бригадиром восемь лет, заочно кончил сельскохозяйственный техникум; значит, теперь по званию — агроном со средним образованием.

— Я, — говорит Пётр Иванович, — от вас и живу-то не особенно далеко — из Алёшина я...

Тогда Макар Петрович вскочил и спросил:

— Из Алёшина?

— Из Алёшина.

— Из «Чапаева»?

— Из «Чапаева».

— Это у вас по семь рублей и по три кило на трудодень? — продолжал Макар Петрович.

— У нас.

Все притихли, затаив дыхание, и слушали вопросы Макара Петровича и ответы Петра Ивановича.

— Значит, я понимаю так: если на мои трудодни вместе с Сергеевой получить так, то выходит без малого десять тысяч.

Телегин согласился с этим и подтвердил, что в колхозе имени Чапаева так и есть.

— Слышь, Пал Ефимыч? — спросил Макар Петрович. — А ты — колодезь во дворе! — Последние слова он сказал тихо — одному соседу, забыв вгорячах ссору.

Только Павел Ефимыч его уже не слушал, а встал сам и задал вопрос так:

— Как ты понимаешь, Пётр Иванович, сентябрьский Пленум?

— Очень уж вопрос большой — сразу и не ответишь, — улыбнулся Телегин.

— Я уточню, — сказал Птахин. — Как ты понимаешь сентябрьский Пленум по вопросу скота у колхозников?

— А-а! Догадался, о чём речь. — Он чуть подумал в общей тишине, а Макар Петрович и Павел Ефимыч даже привстали от напряжённого ожидания. — Главное в том, чтобы улучшить жизнь колхозников...

— Правильно! — перебил его Птахин.

— Постояйте минутку. Я попросту вам скажу: у нас в «Чапаеве» девяносто процентов своего дохода колхозник получает от колхоза... Наши личные интересы там зависят от колхоза и отчасти от своего хозяйства. Богаче колхоз — мы богаче, беднее колхоз — мы беднее. Так и сентябрьский Пленум надо понимать: сделать все колхозы богатыми. Если же разводить скот в одном только личном своём хозяйстве, то это будет извращение решений партии.

— Очень правильно! — сказал теперь Макар Петрович. — Это соответствует действительности.

А Птахин задумался. Он опустил голову вниз и молчал. Макар Петрович тихонько толкнул его локтем и сказал, указывая кивком на трибуну, где всё ещё стоял Телегин:

— Человек! А?

Павел Ефимыч промолчал.

Через некоторое время Макар Петрович, вытирая пот со лба, произнёс:

— Духота!

— Духота, — ответил, как эхо, Павел Ефимыч. А это всё равно, что промолчал, и даже хуже.

Макар Петрович слушал, следил за всякими предложениями и высказываниями, но оттого, что сосед не пожелал разговаривать с ним, он внутренне начинал горячиться. «Молчит, — думал он, — и разговаривать не хочет, чёртов Помидор». А Павел Ефимыч тоже думал: «Лезет с разговорами, Горчица».

Уже после того, как проголосовали за Телегина и он поблагодарил за доверие, Макар Петрович вышел прямо на сцену. Он стал перед столом президиума, но обратился к новому председателю:

— Пётр Иванович! Управляй нами правильно. — Он с секунду помолчал, подыскивая слова. Знал Макар Петрович, что слова эти должны быть важные, что они должны быть сильнее самой длинной речи, поэтому и приостановился чуточку, обдумывая. — Будешь управлять, как диктует партия, — мы тебя на руках будем носить. Не будешь — так прогоним. Прямо говорю: прогоним. Ты требуй от нас, требуй, пожалуйста

ста, но... имей к нам уважение. Плохо у нас было. Ведь до чего дошло: пута — несчастного пута! — не могли добыть. Понимаешь, пута! На одной-единственной корове рекорды делали. Учти, Пётр Иванович, скотина рогатая у нас гиблая, а такие колхознички, как Пал Ефимыч Птахин, собираются разводиться её не в колхозе, а у себя во дворе. — Как и всегда, Макар не выдержал долгой речи, смешался и совсем тихо сказал: — Должен ты понимать: были «сорокакопеешные», не сразу будем «семирублёвые». Трудно будет тебе. — Тут он прижал шапку к груди и отчётливо, громко, на весь клуб, спросил: — Вера в тебе есть, что сделаешь?

— Есть, — ответил Пётр Иванович, не задумываясь.

— Тогда всё! — И Макар Петрович под бурные аплодисменты сошёл со сцены.

С собрания соседи вышли каждый сам по себе. Макар Петрович пошёл вдоль одной стены, а Павел Ефимыч пересек зал и пошёл вдоль другой. Но опять же — вот ведь штука! — в дверях они столкнулись вместе. Тут уж назад не пойдёшь — надо вперёд. Пошуршали они кожурами друг о друга и вышли на улицу. Волей-неволей некоторое время шли рядом. Идут и молчат.

— Луна-то, — наконец сказал первым Макар Петрович.

— Луна, — отозвался и Павел Ефимыч.

— На мороз, надо быть.

— На мороз.

Идут и молчат снова.

— Снегу-то нынче — ого-го! К урожаю, — произнёс Макар.

— К урожаю, — всё так же угрюмо откликнулся Павел Ефимыч.

Нет настоящего разговора, да и только! Далеко зашла ссора. Трудно жить молча, когда прожил рядом с человеком всю жизнь. Очень трудно. Оба чувствовали это. Но куда денешься от неприязни, если она есть!

«Значит, далеко разошлись», — подумал Макар Петрович.

«Как и не соседи», — подумал Павел Ефимыч и вдруг решительно направился на другую сторону улицы.

Макар Петрович постоял, постоял, посмотрел соседу в спину, дождался того, как он перешёл улицу, и пошёл своей тропой.

Так они и пошли домой: на одной стороне улицы хрустят по снегу сапоги Макара Петровича, а на другой — валенки Павла Ефимыча. Сапоги хрустят гулко, со звонким скрипом, и звук ударяет о стены хат хлётко, по-хозяйски. Валенки — эти похрустывают с шепотком, namного тише сапог.

Хр-р-руст, хр-р-руст! — слышится с одной стороны.

Хр-р-ристь, хр-ристь! — доносится с другой.

По этому звуку в зимнюю ночь соседи узнали бы друг друга за полкилометра и в былое время заскрипели бы навстречу. А теперь... Кто ж знает, как оно будет у них теперь!

А ведь всё началось с коровы.

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

★

★ ★

★

Тень облачка скользит по раме.
Высоко в доме

их окно,
И прямо в звёзды вечерами
Всегда распахнуто оно.

Светла их комната большая,
Куда друзей они зовут,
Где, в спорах многое решая,
Они в согласии живут.

Уж сколько песен перепели
И поизъездили земли.
Качали сына в колыбели
И вместе в первый класс вели.

Весь мир, с листвою, с весенним громом,
С нелёгким каждым днём своим,
Неповторимый и огромный,
Для радости открылся им.

И счастью радуясь такому,
Печально тут же слышать речь
О тех соседях и знакомых,
Что не смогли любовь сберечь;

Где крики, слёзы, боль всё резче,
Где верх берёт житейский хлам,
Где и окно — не только вещи —
Фанерной стенкой — пополам.

ФЕДОР ГЛАДКОВ

★

ЛИХАЯ ГОДИНА

Повесть *

XXXIV

Всегда беспокойная и чуткая ко всяким слухам и пересудам, мать стала болезненно насторожённой после того, как Максим Сусин пригрозил на людях расправиться с нами, обвиняя нас в бегстве тёти Маши из деревни, а меня — в том, что писал за неё письма конторщику Горохову и относил их к нему на барский двор. Я не чувствовал за собой никакой вины: записочки от Маши я действительно писал и вручал их Горохову, но ведь я писал письма и другим женщинам. Ещё малолеток, я многого не постигал в сложных людских отношениях. Я только просто-душно и послушно выполнял их просьбы и желания как письмописец. А Машу я любил и сочувствовал ей и с охотой посредничал между нею и Гороховым, с которым она жила, как жена с мужем. И мне казалось чудовищным, что самодур-свёкор хочет насильно запереть её в своей избе и укротить её истязаниями до возвращения Фильки. Она приходила ночью из Ключей, с барского двора, опять одетая по-городски, высокая, красивая, гордая, непримиримая, и усаживалась вместе со мною за стареньким столиком. Она уже не плакала, не мучилась, как, бывало, раньше, когда жила под свирепой властью свёкора, не застывала в отчаянии с жёстким, страдальческим лицом. Теперь она смело, мужественно, высоко подняв голову без бабьего волосника и с вызывающим упрямством говорила:

— Никто не возьмёт меня голыми руками. На душегубство пойду. Ни свёкор, ни муж — враги мои — не дотронутся до меня. Мой истинный муж — Михайло Григорьич, с ним я до смерти связана. Моя любовь, Федя, сильнее всех ихних законов. И никакие страхи мне не страшны. Пиши, милый, и ни одного моего слова не пропускай. Твоя грамота — как огонь, а огонь этот у меня здесь вот...

И она прикладывала руку к сердцу.

Последнюю записку я писал с волнением: Маша сообщала Горохову, чтобы он приехал в Ключи проститься с нею.

— А ты, нянька, — приказала она матери, — тоже уезжай. Из-за меня тебе не одобровать. Свёкор — мстительный, он сорвёт свою злость на тебе, не пощадит и Федю. Все богатеи да старики заодно с ним, а новый поп сам всякое коварство выдумает. Ему надо староверов раздавить, и он готов ко всякой неурядице прицепиться. Боюсь, что он и Федю погубит.

Она простилась с матерью как-то жёстко, с каменным лицом, словно таила против неё неприязнь в душе. Я вышел вместе с нею в ночную

* Окончание. См. «Новый мир» №№ 1, 2 и 3 с. г.

тьму, мерцающую звёздами: мне нужно было сейчас же отнести записку на барский двор — Горохову. Она поднялась со мною на гору, к барскому пряслу, и горячо прошептала:

— Берегись, Федя. Не ходи один по селу, а по вечерам будь дома. Ночью сидите на запоре и никого к себе не пускайте. Страсть я боюсь, как бы из-за меня беда с вами не приключилась.

Она торопливо обняла меня и, всхлипнув, побежала вниз, во мрак.

Лёсынька часто прибежала к нам, прилипчиво болтала с матерью и каждый раз сплетничала, захлёбываясь от весёлого волнения: Максим Сусин с ума сходит — рвёт на себе волосы от досады, что Машарка сумела улизнуть из-под его бороды.

И этот её горячий шёпот с оглядками, с горестными вскриками и улыбочками тревожил мать; она вздрагивала, как от ожогов, бледнела и судорожно ломала пальцы.

— Беспременно приходи к нам, Настенька! — страстно вскрикивала Лёсынька с порога. — Матушка наша ждёт тебя с парнишкой не дождётся. Она и утешит тебя и на путь наставит.

Мать долго сидела после неё неподвижно, как в столбняке, с застывшим страхом в глазах, и молчала. Потом вздыхала, жалко улыбаясь, протягивала ко мне руки.

И когда я подходил к ней, она прижималась ко мне и растерянно спрашивала:

— Чего же нам делать-то, Федя?

Мне было до боли жалко её, я чувствовал нашу беззащитность и одинокость. Но я храбрился и ободрял её.

— А помнишь, мама, как Раиса да Прасковья наставляли тебя: не бойся, с волками волчихой будь! Робкими рыбу кормят.

— Да ведь это, Федя, в городе да на ватаге... Там, чай, артель: люди-то скопом держатся — рука с рукой. А здесь, как в лесу, — из-за каждого дерева зверь глядит.

Но я упрямо спорил с нею:

— А кто тётю Машу вызволил? Ищи ветра в поле!

Она вспыхивала от улыбки, слушая мои горячие возражения.

И я чувствовал себя победителем, наблюдая, как мать понемногу приходила в себя и успокаивалась.

Ульяна Подгорнова являлась почему-то по вечерам, в сумерки. Входила она не со стороны крутого спуска, не в сенную дверь, а со двора, словно крадучись. Мать зажигала висячую лампу под жестяным кругом и сдвигала чёрные занавесочки. Я не понимал, зачем приходила к нам эта почерневшая женщина, похожая на старуху, и думал, почему она такая страшная, словно постоянно терзает себя жгучей думой о том, чтобы отомстить кому-то, не жалея себя. Мать тихонько спрашивала её, помогает ли ей муж, не думает ли она уехать к нему, ежели любит его, до каких же пор она будет тянуть ляжку в чужой семье.

Ульяна не шевелилась, словно заколдованная, с окаменевшим лицом, и молчала. Потом как будто просыпалась и вспыхивала от улыбки. Сразу она менялась — молодела, глаза яснили и голос сердечно вздрагивал.

— Ничего мне не надо. Я сама себе хозяйка. А живу в чужой семье по своей воле — себе на утешение.

Помню один из таких вечеров, когда она, словно в бреду, рассказывала:

— Мужа нет у меня... и детей нет... обездолили меня... Муж без вести пропал, а детей бог похитил. Ограбили меня. Сама знаешь, Настя, терзали меня в семье — и работницей и побоями... Как раба, ублажала и свёкора, и свекровь, и золовок, и деверьёв... Места живого не осталось, душу распинали. Родила себе на утешение двоих ребёнков — и те сгибли без

материнского глаза: у одного прыслом голову расколело, а другой в горячке сгорел. Пометался, помучился, покричал без памяти: «Мамынька! Мамынька!..» И угас. Мне бы побить около него, сердцем своим исцелить, а меня туда-сюда туркают: баню топи, свёкора со свекровью парь, золовку причеши да обряди, да корову подои, да холсты бели, да хлебы затевай... А муж — бродяга, по чужой стороне мыкается. За какие грехи господь наказание на меня наложил? Чем я богородицу прогневала? Стала я сама не своя, весь свет вихрем закружился. Закричала истошно и не помню, как со своей горы сбежала да через речку на ту сторону помчалась. Очнулась у колодца и диву даюсь: чего это я в колодец-то гляжу да наплакаться не могу? И не я плачу, а лицо моё там скорбит. И не надивуюсь, Настя, — словно не плачу, а глядит на меня волчиха да зубы скалит. И слышу — гудит, стонет и за душу хватает: «Не убивайся, цвет мой гречишный! Душеньку свою не терзай! Горе-то тебя не убило, силы-то оно не вымотало, а очистило от чёрных помыслов. Не держи нож да топор за пазухой, а долю свою из юдоли на яр-свет вызволи. Будет тебе тосковать-то! Ты — баба самосильная: сама своей судьбой распоряжайся, сама дорожку себе проложи к солнышку. Я тоже во младости под гнётом жила, а себя не потеряла — в жертву себя карачуну не отдала. Не витязь меня спас, а человека в себе почувала. А коли человек-то взбунтуется, нет ему удержу: ничего он не боится — ни ужастей, ни напастей...» Очухалась я, оглянулась, а передо мной — Паруша. И не то чтобы приголубила аль поплакала со мной, а «коромыслом по земле стучит и гневается. С той минуты, Настя, я другая стала, словно она живой водой меня обмыла.

Она и пугала меня своей затаённой мстительной страстью, которая кипела у неё в глазах и опалила её лицо в минуты странного оцепенения, и в то же время привлекала к себе улыбкой, которая сглаживала морщины на её лице. Мать обнимала её и торопливо говорила заветные песенные слова:

— Уедем, Улинька, улетим, как на облачках. Вырвемся из этой берлоги, из загона этого. А там — воля да содружье. Ты и без пачпорта проживёшь. Был бы ум, да сила, да смелость — а пачпорт на лету поймать можно.

Так мечтали они об отъезде каждый вечер, а после ухода Ульяны мать выкладывала из сундука бельишко, одежду, холсты и зашивала их в дерюгу. Потом что-то шила и напевала песенки без слов.

XXXV

На двух телегах мы поехали в Славкино на экзамен. На одной телеге, впереди, тряслись мы, парнишки, а на другой, на охалке соломы, покрытой тёплой серой шалью, сидела Елена Григорьевна. Она была нарядная — в белом платье, в кургузенькой безрукавке, расшитой бисером. Я любовался ею издали и не мог оторвать от неё глаз. В эти минуты я не боялся экзамена, который представлялся мне до сих пор грозным судом: этот суд будет проводить длинный и тощий инспектор народных училищ с чёрным клочком бороды, без усов, в ледяных очках, в темносинем сюртуке с золотыми нашлёпками на плечах. Однажды зимою он неожиданно подкатил к нашей школе в кибитке, на паре лошадей с колокольчиками, и я испугался его до замирания сердца, потому что побледнела от робости и Елена Григорьевна. Но он шагал по классу странно зыбкими и мягкими шагами. И когда он сказал ей что-то бархатным голосом и улыбнулся, блеснув крупными зубами, она звонко засмеялась и оглядела нас весело и шаловливо. Отвечали мы на его вопросы бойко и смело. Вот и сейчас она кивает нам головой и смеётся. Мы тоже беспричинно заливаемся хохотом. До большого села Славкина считалось вёрст семь, и в

каждый праздник оттуда через чёрный бор и кудрявые перелески глухо гудел церковный колокол.

Это горячее весеннее утро в блистающих волнах марева, с ликующими переливами жаворонков в мягкой и прозрачно-чистой лазури, было живое: оно играло и смеялось вместе с нами.

Лошадь бсжала по гладкой пепельной дороге бойко, а для того, чтобы взбодрить коня, Миколька взнуздal его и вожжами задирал его голову к самой дуге, визгливо покрикивая, как лихой ямщик. И нам казалось, что мы летим на ретивом рысаке, а мимо нас позёмкой вьюжатся и молодые хлеба, и яровые зелены, и чёрные плисовые пашни, а по краям дороги цыплятами разбегаются жёлтые одуванчики. С порывистой торопливостью пролетали сизые голуби и стаи неуклюжих, растрёпанных галок, и в голубой вышине величаво кружились на распластанных крыльях беркуты. И от этого просторы полей казались необъятными; пологие косогоры, бархатно-зелёные, изрезанные чёрными полосами пашен, и синие перелески на большой дороге в Пензу трепетали в знойных струях, словно плавали в воздухе. Длинное село Ключи с белой каменной колокольней утопало в зелёных копнах садов. А налево пологими увалами расстилались до горизонта ключёвские и даниловские поля с одинокими ветрянками. И высокая старая сосна над синим бором перед столбовой дорогой, таинственная, печально-задумчивая, стояла одиноко, увенчанная трёхкрылой короной.

Было хорошо, привольно, хотелось кричать, петь и реять в воздухе вместе с птицами. Только в детстве и отрочестве, в годы бурного роста, душа купается в солнце, в голубом воздухе, хмельном от весеннего дыхания цветов и зелёного ликования жизни, звенящей переливами жаворонков и зовущим шёлканьем перепёлок. Только в эти дни душа подростка переживает неизъяснимое счастье жизни вместе с могучим пробуждением земли. И всем своим телом я чувствовал, как живёт, как дышит она и улыбается и солнцу и мне. Я видел, что и мои товарищи переживали это счастье: они беспричинно смеялись, кричали, лица их раскраснелись и глаза горячо блестели и переливались небом и цветами. Я любил их всем своим маленьким сердцем и знал, что и они любят меня.

— Эх, ребята! — лихо кричал Кузьярь, вскакивая на ноги. — Дуга-то какая! Только колокольчиков нет. Вон даже жаворонки звенят с перепёлками... Давайте и мы запоём!..

И он закричал звенящим голосом:

И колокольчик — дар Валдая —
Гремит удало под дугой...

Несколько голосов, таких же звонких и ликующих, подхватило напев. Но в этот момент Шустёнок встряхнул кулаком и угрожающе крикнул:

— Из песни слова не выкинешь, Кузьярь, а ты песню-то на свой лад кроишь! Этак ты и любую молитву потехой для чёрта сделаешь. Это вон тебя Федька мутит!

Кузьярь сразу же осекся и озверел. Он побледнел и опять упал на солому. Оскалив острые, как гвоздики, зубишки, он рванулся к Шустёнку и надсадно заорал:

— Это как так мутит?.. Сыщик ты. что ли?

Шустёнок ехидно ухмыльнулся и нахально уткнулся мутными глазами в лицо Кузьяря.

— Я всё вижу, всё знаю. Ты у Федьки на поводу скачешь: он на стороне-то, на ватаге-то, извольничался. Бабам соблазнительные письма пишет и тётку свою от живого мужа с барским конторщиком свёл. А батюшка про него гсворит, что он для староверов на всё ходок. Учи-

тельница вас обоих под крылышком держит, у себя на дому привечает. И всякие сторонние к ней приезжают... безбожники... и спроть царя...

— А ты кто, елёшка-вошка? — яростно крикнул Кузьярь. — Ты сам поповская собачка. Ты на кого хошь наврешь!

Я всего ожидал от этого гадёныша: ведь наклепал же он на меня, что я украл книжку у Елены Григорьевны. Хорошо, что за меня горой стояли ребяташки, что Елена Григорьевна не поверила ему и изблщила его в клевете. Если бы он сейчас затронул только меня с Кузьярем, я пропустил бы его бормотание мимо ушей. Но когда он стал порочить учительницу, я взбесился до помрачения и не помнил, как бросился на него и начал колотить куда попало. Смутно слышал я, как кричала Елена Григорьевна, как Миколька, натягивая вожжи, притворно ругался:

— Цыц, сатанята! Из телеги выброшу... Аль за зиму не нагрызлись?

Очнулся я под Кузьярем, а руки мне сковал Гараська. Я задыхался и хрипел:

— Пускай не бесславит... пускай поклёпов не наводит... Пускай Елену Григорьевну не охалит... За себя мы стоим... а за учительницу себя не пожалею...

— Дурак ты... — ругался Кузьярь. — Аль не чуешь, что он нарочно тебя на драку вызывает? Чтоб при свидетелях?..

Ребята глядели в сторону и украдкой пересмеивались.

А Шустёнок всхлипывал и мычал мстительно:

— Я это попомню... Покаешься, Федька... Покаешься да локти кусать будешь... А тебе, Кузьярь, тоже добра не ждть...

Я ненавидал этого гадёныша до отчаяния и никак не мог успокоиться: я задыхался, и сердце больно колотилось в груди. Но я переживал и злую радость: всё-таки я наказал его и угрозу ему не боюсь, я сам для него — угроза. Как трусливый и коварный враг, он сидел, съёжившись, спрятав голову с галчиным носом в плечи, всхлипывал и сморкался. Я уселся на своё место и победоносно оглядел всех парнишек. Они улыбаались мне и одобрительно подмигивали: здорово, мол, проучил Шустёнка, так ему и надо! Теперь, мол, он будет знать, какая кара ожидает его за коварства. Я вдруг почувствовал себя героем и как будто впервые узнал себя по-настоящему: с иудами, с клеветниками и наушниками я могу бурно, без оглядки расправляться, и мне не страшны никакие угрозы. Я силен был правдой и защищал бесценного для меня человека — Елену Григорьевну. Шустёнок сморкался кровью, а нижняя губа у него распухла и тоже была в крови. Это сразу отрезвило меня, и я тут же заметил, что он нарочно размазывает кровь ладонями по лицу. И уже не возмущение и злобу вызвал он у меня, а презрение и гадливость. Я догадался, что он пачкает кровью щёки для того, чтобы показать учительнице, как я его больно избил, и вызвать у ребяташек сочувствие к себе. Кузьярь стоял против меня на коленях и, поглядывая на Шустёнка, притворно растирал лицо ладошками, выдавливал пальцами слёзы и бросал их за телегу. Парнишки фыркали и давились смехом. Миколька играл вожжами, подбадривая лошадей, скалил щербатые зубы, морщился от хитрой улыбки и вкрадчивым голосом дразнил и меня и Шустёнка:

— Ты, Федя, как Егорий храбрый, на змея налетел... Ты не гляди, что Иван Шустов клопёнком в щёлке таится. Он сильнее да страшнее всех нас и всего села. Аль не правда? Так ты бы, Иван Шустов, не обижался, а на чужой кулак свой показал бы. Это чего ты рожу-то под лак раскрасил? Чай, ты не пугало... От тебя, как от чёрта, все на экзаменах-то разбегутся.

Шустёнок мстительно огрызнулся:

— А я напоказ всем пойду: вот, мол, как меня Федька-кулугур избил. За что избил? За то... за кулугуров, за то, что батюшка им житья

не даёт... А за что учительница его привечает? За то, что он у неё барбосик...

Я опять рванулся к нему с кулаками.

— Аль мало я тебе рожу бил?! — крикнул я до боли в горле. — Не трог Елену Григорьевну, мскрица!

Меня оттолкнул назад Кузьяр, повалил на солому и зашептал надсадно:

— Брось, дурак, кипятиться. Отколотил его — и хватит.

Мне уже не мило были и зелёные пахучие поля, и жаворонки в голубом небе, и хрустальные волны марева. Весёлая возня, крики и смех парнишек оборвались.

Славкино — базарное село, окружённое со всех сторон берёзовыми рошицами, зарослями орешника и молодого дубняка. Избы по широкой и длинной улице — старинные, сосновые, крытые тёсом, с резными карнизами и наличниками. Каждое воскресенье здесь, на площади, открывался базар, на который съезжались мужики со всей округи, а весной и осенью устраивалась большая и нарядная ярмарка с балаганами, каруселями, петрушками и райками. Сюда привозили из города и из разных сёл всякие товары: скобяные, мануфактурные, бакалейные, кустарные — колёса, решёта, лопаты, расписные дуги, верёвки, сбрую, кожевенные изделия. Я был здесь на осенней ярмарке с отцом, и она осталась у меня в памяти навсегда. Долго мне мерещились задранные кверху густой щетиной оглобли, вихри разноцветных ситцев, платков и лент, сверкающий полёт каруселей, намазанные лица рыжих клюунов в пёстрых штанах и рубашках пузырями, с войлочными колпаками на затылке, пряные запахи сапожной кожи, дешёвых конфет и конского навоза. Тут же впервые я увидел мордочек в белых шушпанах с красным тканём на рукавах и на груди и в странных фогатых кичках, украшенных узорчатой выкладью. Говорили они на певучем языке, который похож был на детский лепет. Назойливо и долго держалась в голове крикливая песня мордочек:

Перикала кудыня,
Кудыписень бабиня...

Мы остановились на широкой площади, у церковной ограды, против деревянной школы с большими окнами. В разных местах на примятой луке стояло ещё несколько телег, а около них толпились парнишки и девчонки, которые тоже, должно быть, приехали на экзамен. Одни из них были в домотканых рубашках, в лаптях, а другие, как мы, одеты в фабричный ситец и сарпинку и в сапогах. Я уже по этой одежде знал, что лапотники крикливо акали, а те, кто форсил в сапогах и сарпинке, сочно окали.

Елена Григорьевна слетела с телеги и подбежала к нам с широко открытыми от изумления и гнева глазами. Она сразу же схватила меня за руки.

— За что ты Шустова бил, Федя? Что с тобой случилось? Совсем от тебя этого нельзя было ожидать.

Я встретил холодные, строгие глаза Елены Григорьевны и с обидой надулся.

— Ну, говори же, Федя! Чего же ты молчишь? Как же не стыдно бить товарища, да ещё в такой день, по дороге на экзамен! Боже мой! Да у Шустова всё лицо в крови!

Кузьяр лукаво смотрел и на учительницу и на меня и посмеивался.

— Да уж винись, Федюк, куда ни шло! Чай, мы все знаем, за что ты Шустёнку нос расквасил... — поддразнивал он меня, и в его смеющемся голосе я слышал прощрение: валяй, мол, режь правду-матку, а мы за

тебя горой. Но я молчал, низко опустив голову: я не хотел ябедничать, моя мальчишечья гордость не позволяла мне оправдываться. Я не раскаивался в своей расправе над Шустёнком, и мне не было стыдно за этот свой поступок: я чувствовал, что доблестно защитил Елену Григорьевну, и, если бы Шустёнок и сейчас стал оскорблять её, я бросился бы на него с таким же бурным негодованием. Шустёнок стоял, опираясь о телегу, с чёрными мазками высохшей крови на щеках и на руках. Он, как затравленный, жалобно смотрел на круглую каменную колокольню, притворяясь несчастеньким. Ясно было, что он старался обратить на себя внимание сторонних ребятшек, которые действительно подходили к нашей телеге и с удивлённым состраданием пристально глядели на него.

Кузьяр не вытерпел и, помогая себе руками, стал рассказывать, из-за чего и как у нас произошла драка. Он загорелся, глаза его вспыхивали возмущением и смехом, а худенькое тело его порывисто бросалось в разные стороны, изображая, как я тузил Шустёнка.

— Как Шустёнок-то начал охалить вас, тут Федяшка и напал на него... «Не моги,— говорит,— Елену Григорьевну бесславить!»

— Ну, Федя!.. Разве так можно?..— засовестила меня Елена Григорьевна, качая головой.— Надо было пристыдить его, доказать, что он оскорбляет нас, а ты вместо этого полез на товарища с кулаками. А в кулаках ведь правды нет.

— Он — не товарищ мне,— с ненавистью огрызнулся я.— Ежели у него отец сотский да у попа он наушник, так думает, что на него и управы нет? Пускай помнит, что за дурную славу про вас сразу на кулаки напорется.

Елена Григорьевна смотрела на меня с сердитым любопытством и молча прощупывала изумлёнными глазами и голову мою, и лицо, и плечи, словно впервые обнаружила во мне что-то неожиданно новое.

— Бороться за честь и правду — прекрасно. Но нельзя бороться во вред себе и другим.

Она мягко взяла меня за плечи и повернула к себе.

— Ну-ка, взгляни на меня, Федя.— И она тихонько, как будто стыдливо, засмеялась. На её бархатной безрукавке переливался искрами бисер, словно и он смеялся вместе с нею.

Я поднял лицо и храбро уставился на неё, но не утерпел — схватил её бледную руку в синих жилках и приложился к ней щекою.

Елена Григорьевна прошла к Шустёнку, строго сказала ему что-то, показывая на сторонних парнишек, взяла его за плечо и повела к школе.

XXXVI

В просторном и светлом классе с географическими картами на белых стенах и такими же картинами, как и у нас в школе,— огнедышащая гора и песчаная пустыня с верблюдами — на партах расселись пошкольно человек тридцать. Перед каждым из нас лежал лист разлинованной бумаги.

К моему удивлению, рядом со мной сел Шустёнок, умытый и причёсанный. Я забунтовал и толчками сбросил его с парты. Он заскулил и трусливо попятился назад.

— А где я сидеть-то буду? И так меня все прогсняют...

Кузьяр сидел позади меня с Гараськой и озорно смеялся:

— Это он нарочно пристроился к тебе, чтобы сдуть...

Я озлился на него:

— А ты чего от меня удрал? Это по-товарищески?

Он притворился обиженным, но глаза его сверкали от смеха.

— Да я думал, что ты с ним помирился и сам с ним сел. Ну, мы и стакнулись с Гараськой.

А Гараська наклонился над партией и задышался от хохота.

Я хотел позвать на помощь Елену Григорьевну, но она стояла с учителями у стола и взволнованно разговаривала с ними, не оглядываясь на нас. Миколька сидел вместе с Петькой-кузнецом, серьёзный, озабоченный, и как будто не замечал моего бунта. Петька недовольно хмурился: ему не нравилась наша возня. Я подвинулся к краю парты, где в проходе стоял Шустёнок, и яростно гнал его:

— Пошёл отсюда к чёрту! Всё равно не пушу. Выродок ты и недруг. Я подлещов только бью.

Сторонние парнишки в другом ряду и впереди нас испуганно и сердито грозили нам пальцами и шептали:

— Смирно сидите!.. Не бесчинничайте!..

Шустёнок вдруг заныл среди общей тишины:

— Да вот он не пускает... А где мне сидеть-то?.. Места-то нигде нет...

Учителя повернулись в нашу сторону, а Елена Григорьевна в тревоге бросилась к нам, красная от смущения.

— Что с вами происходит, ребята? Почему вы сидите не так, как у себя в школе?

— Федька не пускает меня, вытолкнул...— захныкал Шустёнок.— И все гонят... Чай, мне не на полу сидеть...

Я с ненавистью вскрикнул:

— Не буду сидеть с ним, с выродком... Лучше с чужими сяду.

— Но почему вышла такая путаница?.. Ах, какая досада! Не досмотрела, надеялась... Разве можно в такой день и такой час озоровать? Ну-ка, живо! Пересядьте, как у себя в школе...

Но она не успела навести порядок: в этот момент позвали её к инспектору. К нам подошёл Мил Милыч и молча положил руку на плечо Шустёнка, а другой рукой отодвинул меня от края парты. Шустёнок впрыгнул в парту и впился в неё обеими руками.

А когда отошёл Мил Милыч, я обернулся к Кузярю и потребовал, чтобы он сел со мною, но он сердито оборвал меня:

— Сиди, не шуми, а то выпроводят из класса...

Я в отчаянии выпалил:

— Ну, значит ты — не товарищ, а изменщик.

— Я — изменщик? — прошипел он угрожающе.— Погоди, мы с тобой на перемене посчитаемся...— И неожиданно для меня засмеялся.— Так посчитаемся, что вволю нахочемся...

Сначала я не мог понять, почему мы все перемешались, потом уже, в перерыве, Кузярь, похотывая, сообщил мне, что Миколька сговорился с ним и с Гараськой пошутить надо мною и Шустёнком: что выйдет, если Шустёнка заставить сесть на одну парту со мною? Они, конечно, ожидали, что я забushую и вытолкну Шустёнка, а он будет метаться, как нефриканный, и в эти минуты почувствует, что он — гадёныш и ему нет места среди нас. Но эта дурацкая шутка так обидела меня, что я отшатнулся и от Кузяря и от Микольки. Я всё время мучительно переживал озорную проделку моих друзей и очень боялся, как бы не ударить лицом в грязь на экзамене. Только Петька подошёл ко мне на перемене и ободрил меня:

— Не робь, Федюк! Плюнь на дураков, делай своё дело. Бездельники! Выбрали времечко для озорства...

За столом сидел сухощавый инспектор с клочком бородки без усов, в мундире с золотыми наплечниками, и что-то разъяснял Елене Григорьевне по книжке. По обе стороны от него благочестиво сидели два попа — наш и, должно быть, здешний, краснолицый старик с седой бородой

и с ласковыми, улыбающимися глазами. Дальше от них уселись учителя. Один из них, молоденький, кругленький, безбородый, весело перешёлтылся с чахоточным, чернородым, очень печальным учителем, который как будто не слушал его, а занят был своими мыслями. Инспектор наклонился к старичку-попу и пошевелил губами. Старик поднялся, провёл рукой по груди и сказал добрым голосом:

— Встаньте, детки, помолимся, чтобы господь помог вам провести испытания хорошо.

Все шумно встали, а учителя и попы с инспектором прошли к переднему углу, где стоял золотой киот с иконой Христа, перед которой горела лампадка.

— Вася Стуколов, — кротко сказал старик, — читай, милоч, молитву!

Беловолосый парнишка на передней скамье вскинул голову и звонко начал читать молитву перед учением. После молитвы все опять сели, а инспектор опять позвал Елену Григорьевну и протянул ей книжку. Мне понравилось, что инспектор обратился к нашей учительнице и поручил ей провести диктант, но я ещё больше обрадовался, когда она без робости, с весёлой улыбкой проговорила:

— Я буду диктовать вам, ребятки, а вы внимательно слушайте и пишете на своих листочках вдумчиво, правильно, красиво, без помарок. Не волнуйтесь, работайте спокойно, как в своей школе. Только помните: каждый отвечает сам за себя — друг другу не мешайте.

Она хорошо, с обычным удовольствием, прочитала нам маленький рассказ из «Родного слова», оглядела нас с подбадривающим смехом в голубых глазах и взмахнула книжкой.

— Начинаем!

И стала медленно и певуче читать, повторяя каждое слово. Писал я всегда правильно и уверенно и теперь знакомый рассказ легко, без запинки строчил на бумаге.

Шустёнок сопел и похрапывал около моего уха, и я чувствовал, что он через моё плечо подсматривает, как я пишу продиктованные слова. Я отворачивался от него, а он кланчил хриплым шёпотом:

— Не заслоняй, бай!.. Аль тебе жалко?.. Чай, это не деньги — в карман не спрячешь. Какой тебе убыток-то?

И требовательно толкал меня в локоть. Мимо проходила Елена Григорьевна и лукаво упрекала:

— Разве тебе, Федя, удобнее писать на краю парты? Сядь прямо, свободно.

И с усмешливой догадкой в глазах вглядывалась в Шустёнка.

— Ты бы, Ваня Шустов, отодвинулся немного от Феде, чтобы не мешать ему.

Я поднял голову и в короткой переглядке с Еленой Григорьевной почувствовал, что мне недостойно прятаться от Шустёнка. Я выпрямился и нарочно распахнулся перед ним и даже подвинул в его сторону свой лист. Он сразу же уткнулся в него и дрожащей рукой стал зачёркивать и надписывать буквы над словами. Широкая тень заслонила свет — около Шустёнка стоял Мил Милыч, и рука его уткнулась в чёрную доску парты между мною и Шустёнком.

— Своим умом живи, паренёк. Это только месяц чужим светом светит.

Шустёнок съёжился, спрятал голову в плечи и засопел так, словно его душили. Потом молоденький учитель диктовал арифметическую задачку, которая показалась мне очень запутанной. Я всегда испытывал страх перед цифровыми загадками и в рассказах о купле и продаже, о ямщиках, которые скачут друг другу навстречу, о взвешивании каких-то цыбиков берковцами и пудами, чего я никогда не видел, чувствовал коварную ловушку, обман, словно меня заставляли искать что-то с завязанными

глазами или расплетать запутанные мотушки. Принялся я за решение этой задачки с холодным замиранием в животе. Вероятно, моё лицо помертвело, потому что ко мне подошла Елена Григорьевна и испуганно спросила:

— Никак тебе дурно, Федя? Я попрошу инспектора разрешить тебе выйти на улицу.

Но она, должно быть, догадалась, что я потрясён задачей, и с ласковым смехом погладила меня по волосам и по спине.

— Не робей, милый! Успокойся, вдумайся, не спеш. Задача-то ведь лёгонькая.

Я прочитывал эту задачу раз за разом, но она становилась ещё труднее и сложнее. И, как нарочно, Шустёнок бойко царапал пером по бумаге, нагромождая столбики цифр, множил, делил и отворачивался от меня. Я невольно встал и задохнулся от волнения. Ручка с треском упала на пол. И, когда я наклонился, чтобы поднять её, вдруг вся задача ярко развернулась передо мною, как лента, и все действия чётко расположились в моём воображении красивыми группами под пояснительными строчками. Я видел, как встревоженно посмотрела на меня Елена Григорьевна, но сразу же улыбнулась. Писал я уверенно и быстро, цифры располагались сами собою, и, когда проверил работу и положил перо, увидел перед собою Елену Григорьевну.

— Ты уже закончил задачку, Федя? Вижу, вижу. Я очень боялась за тебя, а ты, оказывается, справился с работой один из первых.

Шустёнок кряхтел над своим листом, испачкал его сверху донизу и злыми глазами крысы впился в мой лист.

К столу вызывали ребят вразбивку, из каждой школы по одному. Инспектор уже не подавлял меня своим мундиром и странной бородкой без усов. Он улыбался каждому парнишке и говорил с ним с мягкой лаской и как-то бережно. И если парнишка отвечал охотно и без запинки, у него свежили глаза, а брови шевелились от удовольствия. Он кивал головой и певуче хвалил:

— Молодец, молодец! Хорошо.

По закону божьему спрашивали тупы. Учителя ободряюще улыбались, когда вызывали их учеников. Елена Григорьевна волновалась, судорожно вздыхала, и лицо её то бледнело, то ярко румянилось. Сначала в классе стояла боязливая тишина и гнетущее ожидание, и первые ученики, вызванные к столу, говорили дрожащим голосом и от вопросов ёжились, словно на них замахивались, чтобы ударить. Но потом незаметно стали все привыкать и оживились, словно от стола излучалась приветливая теплота. И когда кто-то из парнишек сморозил какую-то вольность и смело заспорил, что косить надо грабелями, а не просто косой, инспектор блеснул белыми зубами и серые глаза его стали задорно-прозрачными. Старичок-священник ласково засмеялся и, поглаживая седую бороду, подбодрил парнишку:

— Так, милый, так!.. Вот ты какой опытный работник!

По тесным рядам ребят прошла весёлая волна.

К столу я вышел с бойкой готовностью отвечать на всякие вопросы: прочитать и рассказать своими словами прочитанное, ответить по грамматике. Невольно хвастаясь своей грамотностью, я читал бойко, а по грамматике разобрал целое предложение, не ожидая вопросов. Инспектор даже потянулся ко мне и, поплёскивая зубами, вскинул длиннопалую руку с золотым кольцом на указательном пальце.

— Постой, постой, пострелёнок! Ты уж больно несёшься во всю прыть. Очень хорошо! Вот ты мне лучше правило скажи, где пишется мягкий знак в глаголах.

И я быстро, но чётко отбарабанил ему это правило и привёл примеры. Елена Григорьевна смотрела на меня растроганно, и я чувствовал, что она гордилась мною.

Но тут произошло событие, которое потрясло меня до слёз. Наш поп указал на меня толстым пальцем и, прищурившись, ехидно усмехнулся.

— Это раскольничий грамотей, будущий начётчик. Дока! У нас он всех солдаток в соблазн вводит: письма им пишет этакие красноречивые — и по надобности и без надобности.

Я замер, и в глазах у меня потемнело. Должно быть, мне стало дурно, потому что инспектор встал с гневом в лице и, склонившись над столом, протянул ко мне руку и положил её на моё плечо. Меня обнимала Елена Григорьевна и, задыхаясь от волнения, шептала:

— Успокойся, Федя! Ничего, ничего. Батюшка шутит.

Я смутно услышал строгий голос инспектора, и голос этот показался далёким:

— Тут экзамен, батюшка, а не церковный суд. И сводить вам счёты с ребёнком непозволительно.

Елена Григорьевна с надрывом в голосе негодуяще проговорила:

— Всё, что вы сказали, батюшка, это неверно, это сплетня. Я Федю знаю очень хорошо. Это чистый и любознательный мальчик.

А старик-священник сокрушённо вздыхал:

— Эх, отец Иван, отец Иван!..

Я расплакался, и Елена Григорьевна повела меня на мою скамью. Сквозь слёзы я увидел, как Шустёнок скалил острые зубёшки и смотрел на меня злорадно.

Но голос нашего попа гудел непримиримо:

— Ребёнок... Этому ребёнку — двенадцать годов. Грамотейство его служит только раскольничьей общине.

Инспектор, видимо, очень рассердился, его голос глухо, но повелительно оборвал ворчание попа:

— Давайте не отвлекаться, отец Иван. Не будем волновать детей.

Когда я пришёл в себя и успокоился немного, инспектор назвал мою фамилию и поманил меня рукой. Я подошёл к столу с оторопью, и меня встретил добродушный смешок нашего попа. Он расчёсывал пальцами свою бороду, и лучи морщинок от глаз к вискам приветливо шевелились. В острых зрачках его играл лукавый огонёк.

— Ты чего же так струсил-то, Фёдор? А ещё на море с ватажниками жил! Мы ведь с тобой — друзья, а ученик ты у меня был отменный. Спрашивай его, отец Сергей.

Но у меня дрожали руки и ноги: его глаза обжигали и душили меня, и мне было страшно. Так, вероятно, чувствует себя мышонок, когда на него смотрит кот, играя с ним.

Я не помню, как отвечал на кроткие вопросы старичка. Остался в памяти один момент: отец Сергей, как добрый дедушка, почему-то вышел из-за стола, погладил меня по голове, проводил на место и прошептал мне в ухо, щекоча мою шею бородой:

— Учись, учись, дружок! Знание — сила. И паче всего возлюби истину. А правда в душе живёт. И никогда не гаси этого светильника. Успокойся, милый!

XXXVII

После экзаменов я почувствовал себя старше и зрелее, словно выдержал трудную борьбу и добился победы. Я впервые переживал огромную радость этой победы и ощущение свободы, которая была завоёвана мною и работой в школе и в общении с людьми, прибывшими из другого мира.

Каждый день после работы по двору — надо было проводить корову в стадо, нарубить хворосту на топливо, сходить к колодцу за водой — я бежал к Петьке в кузницу и становился к мехам.

Когда я заходил к Елене Григорьевне, она встречала меня в своей горенке с радостной приветливостью:

— А-а, Федя пришёл!..

Мне было больно думать о том, что она скоро уедет домой и я больше никогда не увижу её. Я отводил глаза в сторону и едва сдерживал слёзы.

— Без вас меня съедят здесь... — горестно лепетал я, и у меня дрожали губы. — Мы бы тоже с мамой уехали, да денег отец не высылает. А избу никто не купит, корову хоть даром отдавай — безденежье у всех.

Она подходила к раскрытому окну, за которым горел солнечный день и ослепительно белели тугие облачка на бархатной синеве неба, и ободряла меня:

— Вот переедешь в город и там заживёшь свободнее. Хорошо было бы, если бы ты смог учиться дальше: кончил бы гимназию, пошёл бы в университет.

Однажды явился к ней отец Иван. Он прошёл на середину комнаты, три раза перекрестился широким старообрядческим размахом и сделал три поясных поклона в передний угол. Отечески улыбаясь, он покровительственно пошутил:

— Ну, милая барышня... Не ждали меня. — знаю, а я вот посетил вас. Решил поздравить вас с хорошими успехами, благополучным окончанием учебного года. Оно следовало бы учительнице, молодой девице, первой удостоить священника своим визитом и принять от него благословение, но снисхожу к вашей юности.

Поправляя над ушами косицы, поглаживая левой рукой рясу на животе, он собирал и распускал лучистые морщинки около глаз и, как власть имущий, медленным, важным шагом прошёл по комнате, зорко всматриваясь в стены, где кнопками пришпилены были фотографии и картинки, и в разбросанные книжки, и в бумаги на столе.

Елена Григорьевна, покрасневшая, смущённая, стояла у окна, около стола, и растерянно улыбалась, но в прозрачных глазах её трепетало беспокойство.

— Садитесь, батюшка! Извините, пожалуйста, что я не зашла к вам: все дни готовила отчёт инспектору народных училищ.

Отец Иван не сел, а продолжал медленно ходить по комнате, шурша своей длинной рясой.

— Для прогулочек время находится, барышня, да и сейчас вот, как вижу, делом не заняты, а забавляетесь с нашим дошлым раскольничком. Привечать же и потворствовать ему не надо бы, чтобы не мешать мне вести борьбу со старообрядчеством. А борьбу эту необходимо вести нам сообща, ведь учительство-то служит у нас церкви и отечеству на пользу.

Елена Григорьевна схватила со стола исписанные листы бумаги и дрожащими руками свернула их в трубку. Ухо и щека у неё были красные от прилива крови, а на розовой шее билась какая-то жилка. Срывающим-ся голосом, но сдерживая гнев, Елена Григорьевна возразила:

— Я работаю, батюшка, в светской, земской школе. Ребят я учу грамоте, воспитываю любовь к книге, к знанию. Я стараюсь, чтобы каждый из детей был чист, честен и трудолюбив.

Поп строго улыбнулся, слушая Елену Григорьевну, и гулко оборвал её.

— Без слова божия нет душевного целомудрия. Только свет христов просвещает всех.

Елена Григорьевна смело и твёрдо проговорила:

— Учительская интеллигенция идёт в деревню не для религиозной борьбы, а для просвещения народа — для того, чтобы воспитать человека.

Отец Иван остановился и, отразив взмахом руки её слова, обличительно провозгласил:

— В ваших словах — тоже раскол, только безбожный.

Елена Григорьевна возмущённо запротестовала:

— Вы — священник и должны дорожить правдой и совестью.

Поп заулыбался добродушно, и в глазах его заиграло лукавство.

— Не обижайтесь на меня, барышня. К вам у меня нет никакого взыскательства. Мне, любопытствующему человеку, интересно видеть молодых людей нашего времени, особенно женщин. И вижу, наблюдая не только вас, что девушки, получая образование, свободно становятся на свои ноги. Для семейной жизни они уже не пригодны, стремятся к равноправию с мужчинами и заражаются отнюдь не женскими мыслями. Горестно, что они убивают в себе мать.

Елена Григорьевна засмеялась и начала с особой заботой и внимательностью расчёсывать и разбирать мои кудри.

— Откуда это видно, отец Иван? Выводы ваши ни на чём не основаны.

Я чувствовал себя нехорошо. Поп как будто заполнял собою всю комнату, и мне было тесно. Что-то гнетущее, как ужас, давило мне сердце. Хотелось юркнуть в дверь и опрометью убежать домой. Но я был словно без памяти, парализованный какой-то зловещей силой, которая вошла сюда вместе с этим человеком в рясе.

Он остановился перед столом и стал перебирать книги. Одну из них он осмотрел со всех сторон, взвесил в руке и усмехнулся.

— Вот сно что!... Писарев... Белинский... Враги церкви божией у вас в почёте... И вы стоите преградой в борьбе моей с расколом. Недаром так дружно сходились у вас крамольные люди... Одного из них уже изгнали...

Елена Григорьевна молча подошла к нему, вырвала у него из рук книгу, положила её к другим и всю стопку отнесла к себе на подоконник.

— Я вижу, батюшка, — с холодной сдержанностью проговорила она, — что мои книги вас раздражают, хотя вы их, похоже, не читали. А рýtься на чужом столе с целью сыска как будто неприлично.

Этот упрёк Елены Григорьевны не смутил попа. Он опять заходил по комнате и с благочестивым восторгом стал говорить о каком-то Неплюеве, о беспримерной его книге, полной дивной красоты и премудрости. Говорил он красноречиво, искусно играя голосом и лицом, вдохновенно поднимал голову и вскидывал руки в широких рукавах. Он так увлёкся и залюбовался своей речью, прислушиваясь к ней, что даже я почувствовал обаяние его проникновенного голоса и музыкальный узор его слов, которые выливались плавно, непрерывно и как будто вихрились над его апостольской головой. Он напомнил мне Митрия Стоднева, но у настоятеля не было этого властного величия и проповеднической внушительности.

Елена Григорьевна подняла меня за руку со стула и шепнула:

— Уходи, Федя! Я боюсь за тебя. Только ты уж попрощайся с ним. Я облегчённо вздохнул и робко пролепетал:

— До свидания, батюшка.

Он как будто не слышал меня и продолжал говорить и ходить по комнате, размахивая широкими рукавами.

На улице, перед крыльцом, у зелёной оградки палисадника, я столкнулся с Кузярём. Надорванным голосом он обжёг меня негодующими упрёками.

— Какого чёрта ты здесь не видал? Нарезался на попа-то?.. А он только и рыщет, кого бы поддеть да обличить. Нынче тоже вот... Вышли из церкви вместе с Максимом-кривым, с сотским да старостой, и Шустёнок с ними. Пошли к моленной и выгнали всех. Паруша на попа-то — как

медведица: «Ты что это, отступник, гонишь людей-то с божьего стояния? Ты, как иуда-предатель, привёл с собой и полицию... У тебя, говорят, бог-то твой даже без сотского и старосты не обходится». А он, как святой, крестит её и приказывает: «Забери, — говорит, — её, сотский, и запри, богохульницу, в жигулёвку для покаяния!» Народ окружил её — не даёт. Суета, смута... И мирские — за неё: «Неправедное дело, батюшка! Нашу Парушу не дадим в обиду...» Так и повели её в арестантскую...

Мы со всех ног пустились вверх на луку. У моленной стояли седебородые старики, опираясь на клюшки, и старухи в китайках и о чём-то угрюмо гомонили. Мы пробежали мимо, и я услышал стонущий крик бабушки Анны:

— Федянька, не ходи туда! Беги домой от греха! Они и парнишек не щадят.

Но я даже не обернулся на этот её испуганный голос. Вспомнил я, как пьяный сотский арестовал когда-то бабушку Наталью, как терзал её, смертельно больную, по дороге, пока не отняли её Архип и Потап. Вот и теперь этот же самый сотский, которого все ненавидели в деревне, по воле нового попа схватил бабушку Парушу и запер её в этой жигулёвке. Странно было, что эта могучая старуха не отшвырнула от себя Елёху-воху, а покорно подчинилась ему. На бегу я высказал своё недоумение Кузюрю, но он с яростным отчаянием, сквозь слёзы, крикнул визгливо:

— Я сам бы набил ему пьяную морду!.. Да поди-ка!

Он вдруг остановился, упал на траву и раза два яростно ударил кулаком по земле. Потом встал, оглядел всю площадь и зашагал странными порывами, словно его кто-то толкал сзади, а он артачился.

— Чай, она, Паруша-то, не дура. Он, поп-то, сразу бы свою шайку на неё натравил и её избил бы да ещё связали бы верёвками. Это ещё ничего... Драка разразилась бы... может, и попа с Елёхой помяли бы... Поп-то ведь отступник: он — хуже станового, злее зверя. Вспомни-ка, как он выдумывал всякие небылицы да наговоры... Ну, да на весь век zapomню.

Около старенькой жигулёвки, почерневшей, покрытой серо-зелёной плесенью, стояла жиденская толпа старух и стариков. Старухи теснились отдельно от стариков и плакали, вытирая слёзы концами платков, а старики с клюшками да падогами в руках стояли хмуро и бормотали глухо и невнятно, не слушая друг друга. У маленькой отдушины стояла наша Катя, а голова в голову с ней — мать и о чём-то оживлённо и как будто даже весело, наперебой, покрикивали в окошечко. Невестки Паруши — высокая Лёсынька и маленькая Малаша, — прижимаясь к стене, стояли в обнимку с заплаканными лицами и горестно смотрели куда-то вдаль. А бородатый Терентий что-то внушал Якову и стучал пальцем в его грудь.

Мы с Кузюрем продрались к окошечку и, перебивая друг друга, крикнули:

— Бабушка Паруша!.. Ты не плачь и не кайся! За тебя — всё село...

Катя сердито оборвала нас:

— Чего вы знаете?.. Всё село!.. Народ-то друг на дружку лезет... Ты бы, Федянька, не толкался здесь с Кузюрёнком-то: и так на тебя, парнишку, ненавистники наговоры плетут.

Мать с тревогой в глазах отталкивала меня от оконца и настойчиво шептала:

— Сейчас же... Сейчас же беги!..

Ласковый парущин басок глухо гудел в чёрной дыре отдушины:

— Колосочки вы мои золотые!.. Не забыли старуху-то. Нету, нету, милые! Не покаюсь — души не убью. Как жила по правде, по совести, так и в могилу сойду. Поп-то сам придёт ко мне да ещё поклонится. Сам передо мной покается.

И она засмеялась тяжёлым старческим смехом.

Мы пошли к пожарной, где стоял Миколька и бросал в рот семечки, не отрывая глаз от жигулёвки. Кузьяр толкнул его плечом и, задыхаясь от нетерпения, повелительно позвал взмахом руки в пожарный сарай. Глаза у него озорно вспыхнули, а ото рта к острому подбородку прорезались злые морщинки. Я уже знал, что в такие моменты Кузьяр готов был на всякие дерзкие поступки. А Миколька ради потехи часто разжигал его порывы: поддакивал, сам подсказывал всякую ерунду, а потом трунил над ним и доводил до бешенства. Вот и сейчас он жуликовато подмигнул мне и с притворной живостью по-мальчишески крикнул:

— Я сейчас, Ванёк. Только отца поманю.

Я подбежал к Кузьяру уже в пожарной и успел шепнуть ему:

— Ты гляди, не забывайся. Он — и нашим и вашим.

— Ни черта! Меня не подведёшь. Я сразу ошарашу его. Только ты мне не перечь.

Я не догадывался, чем он взволнован, какая мысль обуяла его, но верил ему.

Миколька, не переставая бросать семечки в рот, вошёл в пожарную с обычной усмешкой лукавца и с ужимками скомороха, которому всегда охота потешиться над людьми.

— Какой у нас поп-то лихой! А? Федя! Взял да и разогнал всех из вашей моленной. До этого и начальство не додумалось. Все, как овцы, разбежались. На него хоть Паруша поднялась — не побоялась, а вы-то чего трусили, не отбили её?

Я напомнил ему, что в моленную давно уже не хожу и смешался с мирскими.

— А я-то хожу, что ли? — набросился Кузьяр на Микольку. — И в церковь не пойдём! Палками только скотину в загон турят. А тут поп-то с полицией старух в жигулёвку под замок тащит. Эка, благодать какая, ежели жандар с попом да старостой душу на аркане в рай тянут! А выходит, рай-то в жигулёвке... То-то, Миколай Мосеич. Это ты под попом да старостой ходишь. Значит, и ты нас предашь да заушишь.

Миколька весь встряхнулся и даже перестал бросать семечки в рот. Лицо его стало злым от обиды, но, как всегда в таких случаях, он притворился простачком, чтобы поддразнить нас:

— Да ведь дураку закон не писан. Моё дело подневольное: разве перед крестом-то устоишь? Перед крестом-то и чёрт на брюхе ползает. Только одна учительница супротивничает. Ну, да батюшка-то препоручил мне написать ему и благословение дал, как она нас безбожью учила и как вы её с еретиком Яковом свели да с бунтарём Тихоном. А они одного поля ягоды.

Я не выдержал и наскочил на него с таким негодованием, что задохнулся.

— Значит, и ты подлец и иуда!

Но Кузьяр схватил меня за пояс и оттащил от Микольки.

— Погоди ты, стой! Чего горячку порешь? Я знаю, зачем он дурака валяет: это чтобы мы Елене Григорьевне знак дали. Аль ты не раскусил его? Он нам до зарезу нужен. Надо, Миколя, баушку Парушу из жигулёвки выручать.

Миколька совсем не удивился, словно он уж заранее знал, зачем мы прибежали к нему.

— А как же вызволять-то её? Замок, что ли, будем ломать? И лом есть и топоры есть... Только ведь вместо Паруши мы в жигулёвку попадём, а чего мы там делать-то будем? Аль плясать да песни петь? Может, шашки с собой заберём?

— А кто узнает? — горячо заспорил Кузьярь. — Мы ночью на крышу залезем, отошьём тёс, поднимем ломом доску на потолке, возьмём лестницу, и по лестнице Паруша вылезет, а потом спустится. После забьём и зашьём всё, как ничего и не было. Помнишь, как с моленой было?

Картина, нарисованная Кузьярём, захватила меня своей простотой и смелостью. Но бабушку Парушу я знал хорошо и был уверен, что она не согласится вылезти из жигулёвки. Я хотел это разъяснить Кузьярю, но помнил его просьбу не перечить ему. Засунув руки в карманы брюк, Миколька выставил одну ногу, потом другую, и в хитрых его глазах разгорались лукавые искорки. Я видел, что он весело соображал что-то и поглядывал на Кузьяря и на меня с коварством забавника, которому хочется подогреть нас на дерзкий подвиг, чтобы ахнула вся деревня. Он вынул руки из карманов и шлёпнул ладонями.

— Ну, и ловкачи вы, ребята, на выдумки! Мне бы и в голову это не пришло. Валяйте! Приходите ночью — всё вам приготовлю: и лом, и топор, и лестницу. Спроть таких смельчаков и Паруша не устоит.

Кузьярь подпрыгнул от радости и защёлкал пальцами.

— Только и ты, Миколька, с нами пойдёшь: без тебя мы не справимся.

Миколька сделал серьёзное лицо и строго возразил:

— Мне нельзя, Ванёк: сам знаешь, что пожарную оставлять и на минуту нет возможности. Меня и по ночам бесперечь проверяют. Я вам только помогать буду.

Я чувствовал, куда гнёт Миколька: ему нужно было устроить потеху и взбудоражить всё село. Освободить же Парушу у него действительно в мыслях не было, да ему, как мирскому, нелепо было вмешиваться в наше дело и выступать наперекор попу. Его шутовское коварство возмутило меня, я не утерпел и обличил его:

— Я знаю, какой тебя бес щекочет. Мы тебе не дураки. Нас растравить хочешь, а сам — в кусты.

Нежданно-негаданно в пожарную вошёл Максим Сусин, заросший серыми волосами, в лёгкой суконной бекешке, в картузе, надвинутом на лоб. Красноносый, с жирными мешками под глазами, он оглядел пожарную, по-птичьи скривил голову и остановил на мне зрячий хищный глаз. Я застыл на месте, пригвождённый этим неотразимым взглядом, и у меня замерло сердце. Раньше, при случайных встречах, он не замечал меня или провожал издали усмешливым взглядом, останавливаясь на минутку и что-то бормоча в бороду. Я не видел ни Микольки, ни Кузьяря и стоял, будто на краю крутого обрыва. Откуда-то издали я услышал вкрадчивый, дряблый голос:

— А-а, грамотей... для всех статей! Ты чего же это, сваток, в гости не приходишь? Ведь чай, по Машарке-то мы рёднёй приходимся.

Я молчал и чувствовал, как по спине и по ногам расползались колючие мурашки. Мне мучительно хотелось сорваться с места и убежать из пожарной, но кривой старик словно заморозил меня и приковал к месту. Кузьярь сжал мои пальцы и потянул в сторону.

— Чего молчишь-то, как пенёк? Чай, не съем. С солдатками да со старухами, как воробей, прыгаешь да верещишь. Почтальоном-то, как жеребёнок, носился на барский двор.

Его голос задрезжал язвительно и оборвался притворно-добродушным смехом.

— Ну, да чего с тебя взять-то!.. Родители грешат, дети — не в ответе. Баб вот надо смолоду за косы на перекладах вешать да пороть — беса из них выгонять: они все бешеные.

Он шагнул ко мне, странно выщелкнул колени и, уткнув в меня туго сбитую бороду, внезапно спросил:

— Где это сейчас проживает Маша-то?

Я молчал, пришитый к месту его хищным глазом, словно заколдованный. Кузьярь опять крепко сжал мне пальцы, а Миколька с притворной робостью сказал:

— Да рази он знает? Чай, большие-то о своих делах с маленькими не советуются.

— Аль я тебя спрашиваю, болван! — огрызнулся на него Максим. — Чего ты лезешь не в своё дело? Маленький... Он хоть и маленький, да удаленький.

И по его мохнатому лицу с глазом зверя холодным раздутым слизняком проползла хитрая улыбка.

— Чай, она, тётка-то Маша, и письма вам посылает. И вы, чай, отписываете. Может, бедствует на чужой стороне без сродников?

Я очухался немного, попятился назад и угрюмо ответил:

— Не знаю я. Чего выпытываешь-то!..

В этот момент в пожарную вбежала мать, бледная, растерянная, с ужасом в глазах, и схватила меня за руку.

— Иди сейчас же, беги, Федя! А тебе, сват Максим, совестно на старости лет парнишку терзать.

Вместе с нею мы выбежали на луку. Не оглядываясь, я чувствовал, что за нами бежит и Кузьярь. Не выпуская моей руки, мать, тяжело дыша не то от волнения, не то от беготни, спросила тревожно:

— Чего он у тебя спрашивал? Аль дспытывался, где Маша скрывается? И не моги говорить... никому не моги!..

— Аль я не знаю... — обиделся я и вырвал свою руку. — Маленький я, что ли? Прибежала, словно меня бьют...

Мать остановилась, озираясь, и упавшим голосом проговорила:

— Житья нам от него не будет. На своём веку он не одного человека в могилу свёл. Неспроста народ толкует, что он грозитя нас с тобой казни предать.

У меня заняло сердце от смутного страха, и я крикнул в отчаянии:

— А чего мы торчим здесь? Сорвались бы с места и уехали. Брось всё, и завтра же — в Петровск, на чугунку...

Мать вздохнула и медленно пошла мимо жигулёвки, поодаль от людей, по дорожке к вётлам вниз.

Кузьярь недовольно крикнул сзади:

— Приходи вечером к нам на гору, к хороводу! Мы ещё по нашему делу толковать будем, а потом к бабушке Паруше пойдём.

Я оглянулся и помахал Кузьярю рукой.

— Это чего вы задумали-то? — забеспокоилась мать, взглянув через плечо на Кузьяря. — Гляди, как бы он не сманил тебя на какое-нибудь озорство. Не забывай: мы на волоске висим.

XXXVIII

Вечером мать пошла на гору — в хоровод. Там за амбаром уже собирались девчата и молодухи и пели песни. Девичьи голоса казались очень далёкими, и песня звучала задумчиво и красиво. Кое-где и на той и на этой стороне тускло мигали огоньки в окошках. Всюду было по-вечернему тихо и сонно, по-вечернему грустно, и чудилось, что земля потягивается и дремлет. С речки наплывала сырая прохлада в запахах ила и травы, и там едва слышно лепетали под обрывами гремучие роднички. Где-то на дальнем высоком порядке послышались переборы гармоники и визгливо запели девки, словно заплакали.

В сумерках беззвучно и порывисто носились вокруг меня летучие мыши, а где-то наверху и на той стороне пронзительно и жутко вскрики-

вали сычи: ку-ку-квяу!.. И очень далеко налено, за околицей, в полях щёлкали перепёлки, а ближе, перед гумнами, скрипели дергачи.

В этой безлюдной ночной тишине мне стало почему-то страшно, и сердце заныло от непонятной и смутной тоски. Ийти на ту сторону мне не хотелось, и наше решение освободить Парушу казалось уже дурацким озорством. Не то мне нездоровилось, не то предчувствовал я какую-то беду, но меня томила такая усталость, что тянуло сесть тут же, на взгорочке, и слушать себя и безлюдную, пустую тьму. И я негодовал на мать: зачем она ушла наверх, в хоровод? Неужели ей хочется плясать и петь песни с девушками, когда мне тяжело и тревожно на душе? Разве она не слышит, как зловеще кричит сыч и как глухо, по-бычьи, мычит в низине у барской мельницы какая-то странная птица, словно домовою?

И всё-таки я шёл, преодолевая усталость и непонятную тоску: по уговору с Кузярём мы обязательно должны были встретиться у его амбара, на полянке, где собираются на гульбище девки и парни. Я перебрался по переходу через речку, слушая, как она плещется и играет на камешках, и поднялся по крутой дорожке на взгорбок мимо курных бань, пахнущих гарью и вениками.

На покатою полянке толпились дёвки, а отдельно от них — парни. Девки, тесно сбитые в кучу, невнятно щебетали, а парни говорили все вместе и дружно смеялись. Кое-кто из них подходил к девушкам, выхватывал из тесного круга свою суженую и тянул её в сторону. Она притворно отбивалась, повизгивала, а потом послушно уходила в обнимку с ним подалее, к амбарам.

Я шел на траву поодаль от парней и стал ждать Кузяря. Мерцали редкие звёзды, очень далёкие и прозрачные, как искорки. Щербатый ломоть луны лежал на самом коньке парушиной избы и, тусклый, остывающий, потухал, покрываясь пеплом.

Я любил толкаться по вечерам в весёлой и говорливой толпе парней и девок и играть с Кузярём и с шабровыми ребятами. Но сейчас я томился от какого-то тяжёлого предчувствия — болело сердце и хотелось плакать от беспричинной скорби.

Девки в хороводном круге начали плясать под песенную скороговорку, а вокруг них бегали, играя, девчушки, мои одноклассники. Парни не подходили к девушкам, а сгрудились в кучу и о чём-то сторожко разговаривали.

Кузьярь появился внезапно, словно выскользнул из-под земли.

— Мамка задержала, чего-то ей неважно стало. Насилу уговорил. Да Карьку к кому задал. Делов до чёрта! Ну, пойдём. Ты чего такой кво-лький? Сидишь, как мокрая курица, словно без костей. Разве так на храброе дело идут?

С неугасающим томлением в сердце я побежал вместе с ним к пожарной.

Около жигулёвки никого не было, но я чувствовал, что эта вросшая в землю хибарка — живая: всю её заполняла могучая Паруша, и мне чудилось, что я слышу её дыхание и вижу мерцающую приветливую её улыбку и твёрдое лицо непреклонной старухи.

Миколька бродил перед пожарной сараем и глухо напевал какую-то песенку. Он подхватил нас под руки и подвёл к роспускам, где лежали длинные багры.

— Вот вам все причиндалы, друзья-ратники! И лестница, и топор, и два лома.

Кузьярь со злостью оборвал его:

— Нечего дурить, Миколька: от нас не отбояришься. Ты с нами пойдёшь и первый на крышу залезешь.

Миколька испугался и отшагнул назад.

— Чай, это не пожар. Поди-ка у меня не две головы.

— А товарищей под топор подводить — это тебе по сердцу? Любишь смутьянить — будь готов и шею подставить. Ради потехи ты и расславишь нас завтра по всему селу.

Миколька начал божиться и клясться, что он будет молчать, как могила: ведь нам он всегда был верным товарищем.

— Неси, помогай! — приказал ему Кузьярь, указывая на лестницу.

Сам он взял тяжёлый лом, а я — топор.

Миколька отступил ещё на шаг и засунул руки в карманы брюк.

— Моё дело — сторона, а от пожарной я ни шагу не отойду. Да и вам, ребята, сподручнее: я караулить буду. А кто покажется — сейчас же знак вам подам.

Но я видел, что он растерялся и не знает, как выпутаться из этой затен. Мы с Иванкой смотрели на это предприятие, как на доблесть, а он — как на забаву и потеху от скуки. Он думал, что мы будем игрушкой в его руках и он, в конце концов, спугнёт нас в самый разгар нашей работы и нахохочется над нашей глупостью. Но он сам оказался в постыдном положении — попал в собственную ловушку. Кузьярь был умнее и опытнее, от его пронырливости не ускользнуло коварство Микольки. В таких случаях Кузьярь вскипал от негодования и сразу же дерзко напал на него: разоблачал его двоедушие, обличал в трусости и издевался над его недалёковидностью.

Кузьярь, хоть и маленький ростом и щедушный, смело схватил его за грудки.

— Бери лестницу и шагай. Мы первого тебя, дылду, завиним.

Миколька сразу повял и виновато ухмыльнулся.

— Аль я против?.. Я думал, это просто так... для игры... а вы по-сурьёзному... Только это не шутка, ребята: за такие дела свяжут и на съезжей высекут.

— Ну, неси, неси, не разговаривай! Раз затеял с нами дело — не выпутаешься.

Миколька подхватил на плечо лестницу и пошёл к жигулёвке. Мучительная тоска угнетала мою душу, и мне хотелось бросить всё и убежать домой. Но меня удерживала какая-то необоримая сила, похожая на товарищеский долг и на суровое веление совести.

Миколька подошёл к жигулёвке и приставил лестницу к тесовой ветхой крыше. Доски были, очевидно, гнилые, потому что они захрустели, затрещали и на землю посыпалась труха. Внутри жигулёвки глухо загудел басовитый голос Паруши:

— Кто это там озорует? Тут ночью крысы покоя не дают, а снаружи и озорники норвят пугать меня, старуху.

Я бросил топор и подбежал к отдушине.

— Бабушка Паруша, не пугайся! — сдавленным голосом утешил я её. — Это мы с Иванкой и Миколькой... Вытащить тебя порешили... через потолок и через крышу. И лестницу приставили... Только как ты... хочешь вылезти аль нет?

В пустоте окошечка показалось мутное пятно — едва различимое лицо Паруши. Она ошумлённо захохала, задохнулась от смеха и закашляла.

— Ах, вы, греховодники!.. Милые вы мои ребятишки!.. Кто это надумил вас, золотые колосочки? Ах ты, лён-зелён!.. Идите, идите по домам, дети богovy! Ещё беду на себя накличете. Не спросивши меня, распрыжаться мной вздумали. Да ежели бы я захотела, сама бы вышла с божьей помощью. А я вот не хочу. Кто меня заушил, тот и выпустит, да ещё сам передо мной голову склонит. Не он меня, враг мой, страхом укротит, а я перед ним горой встану. Меня не утешит жигулёвкой-то: я перед правдой своей — не изменница. Я выйду отсюда светлой праведницей, а перед народом — мощью препоясанная. Идите, идите! Сейчас

же убегайте, чтоб я больше вас и не видала! — строго забасила она, но не удержалась и опять засмеялась. — Ах вы, подсолнышки золотые!.. Узнают поп да староста — самих вас в эту жигулёвку запрут, а то и в волость угонят.

Только в этот момент я почувствовал, что за моей спиной стоит Кузьярь и молча слушает Парушу. Он задышал с хрипом в горле, в отчаянии отмахнулся и убежал обратно. А когда я подошёл к тому месту на противоположной стороне, где стояла лестница, ни Микольки, ни Кузьяря там уже не было.

Мне стало невыносимо от мучительного томления в сердце, и я как-то странно перестал ощущать себя: шёл я бессознательно и чувствовал свои шаги, как чужие, и весь был какой-то посторонний.

Неудержимо хотелось найти мать, прижаться к ней, как в детстве, и увести домой, чтобы остаться только с ней наедине.

Как в кошмарном сне, я поднялся на гору и сразу же забыл, где и как я шёл. Вспыхивали и угасали призрачные тени, обрывки событий, старческий смех Паруши из чёрной отдушины жигулёвки, горячие вскрики Кузьяря.

У чёрных копёшек амбаров, на широкой поляне, шевелилась мутная толпа девок и молодых баб, говор и смех переплетались с пригудками и гармошкой. Играли в перегонышки ребяташки. Мать стояла в сторонке с Ульяной и двумя молодухами и о чём-то тихо и грустно говорила им вздыхая. Она не удивилась, словно знала, что в эту минуту я подбегу к ней и схвачу её за руку. Она торопливо пошла со мною между амбарами вниз, под гору.

XXXIX

Как только мы вошли в избу, я в изнеможении свалился на лавку и сразу же утонул в глубоком сне. Вероятно, пережитые мной гнетущие встречи, и неизвестно почему нахлынувшая вечером тоска, и ожидание чего-то страшного и неведомого совсем измучили меня. Этот сон похож был на обморок: я не чувствовал, как подняла меня мать со скамьи и перевела на пол, на кошму, как снимала праздничную рубашку и надевала будничную, но проснулся я от какого-то необъятного гула и волчьего воя. Надсадный крик оглушил меня, и я ослеп от падающих сверху огненных языков и ливня искр.

— Горим, Федя! — безумно кричала мать. — Горим!.. Окошки-то забили... Не выйти нам..:

Она распахнула дверь, но в сенях бушевало пламя. Мать раздирающе закричала и захлопнула её. Помню, что я изо всех сил колотил чем-то по гнилушкам рамы, но какой-то заслон снаружи туго давил на окно. Почудилось, что где-то ревёт корова и гулко грохочет буря. Я всем телом навалился на тяжёлый заслон в окошке и стал толкать его то в одну, то в другую сторону. Внезапно я вылетел из окна вместе с заслоном, и на меня посыпались клочья горящей соломы. Кто-то подхватил меня подмышки и отбросил в сторону. Мельком заметил я, что кричу хрипло, с занозами в горле. Изба и двор пылали вихрями пламени, и огромные взлёты огня с гулом и треском улетали вверх в густых облаках красного дыма. Со всех сторон — и с горы и с той стороны — бежали мужики и бабы, освещённые пожаром. Набатно бил на колокольне большой колокол. Двое мужиков подбежали к окнам и пинком отшибли толстые слуги, которые подпирали широкие обломки досок на окошках. Из чёрной оконной дыры вылетали охапки тряпья, овчинные шубы, сапоги, кувырнулся небольшой сундук. Это мать спасала наше имущество. Она истерически кричала из избы:

— Корову-то выпустите!.. Сгорит корова-то!..

Кто-то с весёлой насмешкой откликнулся:

— Сама-то вылезай!.. Корова уж сгореть успела.

И другим, спокойным голосом сказал кому-то:

— А ведь сукин сын хотел и Настёнку с сынишкой сжечь.

Пршла Ульяна и злобно ответила:

— Максимова дело.. За Машарку мстит..

Мужик строго одёрнул её:

— Это откуда ты знаешь? Притянут к ответу — язык проглотишь..

Народу сбежалось много, он широким полукругом толпился вдали от бушующего огня. Только какие-то двое парней в рубахах без пояса суе-тились около окошек и отбрасывали рухлядь, которую выкидывала мать из окна. Двора уже не было — на месте его догорали кучи какого-то мусора и упавшие стропила и следи. На избе с грохотом обрушилась крыша, и вихрь пламени и искр рванулся в дымное небо.

Из толпы истошно закричали и мужики и бабы:

— Настя! Настёнка! Вылезай! Спасайся!..

Я побежал к избе, чтобы вытащить из окошка мать. Из выбитого окна валил густой дым, а сверху сыпались искры и раскалённые угли. Кто-то подхватил меня под руки и потащил назад, а я дрыгался и кричал хрипло, без голоса:

— Пусти меня!.. Пусти!.. Мама сгорит!.. Я вытащу её!..

— Эка, какой богатырь!.. Сам-то насилу выскочил... Да и обжётся весь..

И только в этот миг я ощутил саднящую боль и на руках, и на шее, и на спине.

К окну подбежала Ульяна и схватилась за косяки, чтобы впрыгнуть в избу. Она кричала сердито:

— Давай руки, Настя! Скорее! Потолок упадёт... Сгоришь, Настя!.. Вылезай!..

К ней подскочил Яков, оттолкнул её и юркнул в дымную дыру. На Ульяне загорелся платок. В толпе ахнули и завизжали женщины, но Ульяна сорвала его с головы и отбросила от себя, а от окна не отошла.

— Толкай её сюда, Яша! Я приму её. Где ты там?

Яков вылез задом и потащил за собою мать. Оба они отнесли её на траву.

— Взлез в избу-то... — почему-то весело кричал он. — Зову, зову... ищу, ищу — нет её. Через неё спотыкнулся. Лежит на полу, как мертвец. Ежели бы не я — капут бы ей сейчас...

Словно в ответ ему, изба с грохотом куда-то провалилась и выбросила вверх целое облако искр, горящих галок, чёрного дыма и взметов пламени. Я подбежал к матери и не узнал её: она лежала без памяти, с чёрным лицом и руками. Перед нею на коленях стояла Ульяна и гладила её по лбу, по груди и ласково уговаривала:

— Ничего, Настенька... Бог помиловал... Очнись, голубушка!.. Вот и сыночек около тебя...

Я сидел рядом на траве и плакал. Нас тесным кольцом окружили бабы и кричали горестно. Позади переговаривались мужики:

— У нас сроду в селе никто не горел. О пожарах и старики не баяли... А вот гляди, какая беда...

— Табашников никогда не было — вот и пожаров не случалось...

— А это что?.. Табашников и сейчас нет, а вот...

Кто-то язвительно пояснил:

— Зато спички есть... Раньше-то спичек не было... Они, пожары-то, видишь, и без цыгарок вспыхивают: месь-то сама горит... а злоба-то в сердце — как сера горяча...

— Ну и злодей!..— изумлялся кто-то с гневной скорбью.— Живьём хотел бабёнку-то с парнишкой сжечь... А скотина-то чем виновата?.. Вот и корова лежит... Эх, казнить бы этого супостата!..

— Казнить, казнить...— угрюмо отвечал другой голос.— Тут, голова, думать надо: это для всего села знаменье. Помяните моё слово: теперь гореть будем каждый год.

Кто-то враждебно обещал ему:

— Вот тебя при первом же пожаре и свяжем как поджигателя.

— А я что?..

— А то... поджог посулил... Пожары без поджога не бывают...

Кто-то с весёлым удивлением закричал:

— Глядите-ка, чудо какое: насос прискакал, с бочками... Робята, валяй к коромыслам!.. Кишку разворачивай!

— Да чего с этой кишкой делать-то? Чай, изба-то вся сгорела...

— Курам на смех! Это из соски-то!.. Любит народ почудить...

На месте нашей избы громоздилась куча горящих брёвен, раскалённой золы. Огонь полыхал и хищно грыз дерево, покрытое ослепительными волдырями, и, как густые рои сияющих птиц, летал по всему пожарищу. Было жарко, сухо, смердило дымом. Гора тоже как будто горела, низина до самой реки клубилась дымом, ярко зеленела травой и как будто корчилась в судорогах от полыхающего пламени, а над рекой крутые обрывы краснели в осыпях, как осыпающиеся угли.

Несколько парней и бородатых мужиков живо хлопотали около красного насоса. Несколько человек возились с кишкой и орали:

— Давай, робята! Качай! Нааривай!

Мужики на насосе словно ждали этих криков: они размашисто и напористо стали раскачивать коромысло. Струя пепельной воды дугой, с треском полетела в огонь и рассыпалась там брызгами. И мне показалось, что языки пламени стали взлетать ещё ярче и выше.

Мать как будто проснулась. Широко открыла глаза, в ужасе вскочила на колени и протянула руки к пожарищу, потом опять упала, свернулась калачиком.

Мягкие, очень лёгкие руки обняли меня, и я услышал радостный голос Елены Григорьевны:

— Милый Федя!.. Счастье-то какое!.. Живы! Не погибли!

Я закричал, но голоса у меня не было:

— Нас хотели живыми сжечь — окна заслонили.

— Боже мой, какое дикое преступление!..

Утешая меня, Сёма радостно говорил, что теперь мы опять вместе будем жить и вместе мастерить всякие чудеса, а Кузьяр ободрял беззаботно:

— Ни черта, брат!.. Чего тебе ещё надо? Жив, здоров и — наплевать...

Помню, что я с Сёмой и Кузьярём шёл вниз к реке, и у меня было такое ощущение, что будто не я шёл, а кто-то посторонний. Помню, что на дорожке к колодцу встретила нас бабушка Анна и заплакала со стонами и причитаниями.

Избушка наша уже догорала. Пылали в разных концах жаркие костры, а над ними кружились искры и дым.

Сутились люди, бегали ребятишки, кучками стояли бабы и старики с падогами, и от них по багровой земле тянулись размытые тени. Крутые взгорья, глинистые обрывы и избы над обрывами багрово вспыхивали и погасали в последних отблесках догорающих головешек.

Мать привели только утром.

XL

Мы опять живём в дедушкиной избе. Мне здесь было всё родное с младенчества, и даже тараканы после разлуки с ними казались старыми друзьями. Сёма, довольный нашим возвращением, напевал песенки без слов. Бабушка хлопотала около печи и, красная от жара, с ухватом в руках, улыбалась в дверях чулана и стонала, как больная:

— Вот и опять вы в своей семье. Оторвались, отделились, своим норовом отец-то с матерью захотели жить, а вот испытание господь и послал. Благодать да радость — в тесной семье.

Так она добросердечно ворчала каждый день, внушая мне и матери свою житейскую мудрость. Она умела плотно сложившиеся истины деревенского уклада украшать задушевными словами, словно песню пела или былину рассказывала. А мать, с её поэтической душой, задумчиво улыбалась и как будто сама мечтательно пела свою тайную песенку.

Мы с матерью ютились в кладовой напротив избы, через дорогу. Вещишки наши несколько дней смердили дымом и особым, противным запахом пожарища. Я написал отцу короткое письмо без всяких словесных украшений, какие обычно нанизывал в письмах солдаток и старух. Я сообщил ему, что нас подожгли, что изба с коровой и курами сгорела, что жить нам у дедушки в деревне трудно: ведь мы — отрезанный ломоть да и лиходеев страшимся. Мы выехали бы из деревни сейчас же, ежели бы были деньги. Мы ждём от него денежного письма с нетерпением.

Дедушка уже не проявлял своей деспотической власти — не грозил ни кнутом, ни вожжами, не самодурствовал, не нагонял на всех страху, уж перед ним не ходили на цыпочках. Хоть бабушка Анна и величала патриархальную семью, но такой семьи в доме уже не было — она расползлась: мы до сих пор жили отдельно, Сыгней и раньше бегал из дому, а сейчас — в солдатах, Катя была замужем. Остались в избе только неженатый Тит и Сёма. Властный дед вместе с бабушкой в опустевшей избе с пустыми углами стал сохнуть, как дуб на корню. Он часто уходил на гумно, заросшее травой, или вместе с такими же стариками грелся на солнышке где-нибудь у амбаров и толковал с ними неизвестно о чём — вероятно, о старых блаженных временах и о теперешних чёрных днях, когда своевольные люди рушат вековой уклад.

Он как-то не замечал меня, а мать презирал и брезговал садиться с нею за стол.

И мне было приятно видеть, как мать, не обращая на него внимания, без всякого смущения и страха ставила свою «мирскую» чашку на дальний угол стола, резала свой хлеб, и мы ели свою кашу.

Дедушка оглядывал всех за столом, словно не узнавал никого, и дрябло, с суровым смирением говорил:

— Вот, Анна... по грехам нашим... до чего дожили... Вон...— И дед тыкал пальцем в нашу сторону. — Вон они... как сор на ветру... И образ свой потеряли, и обвалялись, как в мусоре, и одёжа чужая, и слова чужие, как у отступников. Астраканцы!.. Чаёвники!.. Дворяне!.. А нет, чтобы в ноги поклониться... да не раз и не два... Да чтобы покаяться, да чтобы епитемью отстоять... А как пришла нелёгкая — так к отцу в голодный да холерный год. Господь-то вот и покарал — сгорели. А куда опять приползли? Ко мне же со своим басурманским смрадом...

— Да буд-ет тебе судить-то, отец! — скорбно ныла бабушка. — Чай, невестка-то да Федянька-то — своя кровь. Какое они тебе зло сделали? Какой разор да обиду принесли?

— Твоё дело — молчать, потатчица!

Но бабушка кротко и жалостливо упрекала его:

— Совесть-то не молчит, отец, а ты злобишься да грешишь: сам же несогласье сеешь да гонишь беззащитных.

Однажды мать не вытерпела: встала из-за стола и с трепетом в глазах, с судорожной улыбкой оскорблённой гордости поклонилась деду и надломленным голосом сказала:

— Ежели я с парнишкой стеснила вас или семью обесславил, откажи нам, батюшка, в приюте: в нашем несчастье, в злом гонении мы пойдём с докукой к добрым людям. Я только жду со дня на день денег от Фомича. Получу деньги — в тот же день уедем к нему.

Я тоже выскочил из-за стола и стал рядом с матерью, с ликующей гордостью за её смелое, полное достоинства поведение. Хотя она и старалась соблести деревенскую и старообрядческую статью и говорила напевные и пристойные слова, но за этой кроткой напевностью я чувствовал, что мать сильна сознанием своей независимости. Должно быть, она в эту минуту испытывала наслаждение от своей смелости. Я видел, что дедушка опешил: он озирался, растерянно хватался за бороду. А бабушка заплакала и застонала:

— Да чего это ты, невестка?.. Рази отец-то без сердца, без чести? Негоже на него жаловаться: сколь ведь горя-то испытано, сколь разоренья!.. Совсем он надломился от бед да напастей на старости лет. Чего это ты непутёвые речи баешь? Рази мы допустим, чтобы ты с внучком под чужой кров пошла?

Мать быстро подбежала к бабушке и бросилась ей на шею. У дедушки задрожала борода, и он сердито забормотал, вставая и толкая бабушку в плечо:

— Ну-ка, пусти-ка, Анна!.. Бабы слёзы!.. Бабы охи!.. Эх вы... овцы безмозглые!.. Вставайте, бай,— молиться надо!..

Тит хозяйствовал по двору замкнуто и так же, как и раньше, искал что-то под ногами, озираясь, как вор. Когда дед по привычке бродил по двору и ворчал себе в бороду, Тит с почтительной настойчивостью уговаривал его:

— Я, тятенька, сам со всем делом справлюсь. Ты не заботься, не тужи. Я ведь всё по твоей воле делаю.

Речи Тита и покорность его были приятны деду, и он действительно устранился от хлопот. А Сёма посмеивался недружелюбно и жаловался мне:

— Такого хитрягу да обманщика, как Титка, искать не сыскать. Ох, и коварный! Тятеньку-то обдерёт, как липку.

О себе он не говорил, но я чувствовал, что он ненавидел Тита. По влечению своему к мастерству и, может быть, из-за этой нестерпимой ненависти к Титу он однажды отпросился у деда пойти с Архимом Уколовым и с Мосеем в Петровск плотничать у Митрия Стоднева, который строил крепкие, большие амбары для хлеба и возводил новый дом с богатой резьбой, балкончиками, теремками и фигурными крылечками. Отпустил его дедушка только тогда, когда пришёл к нему на своей скрипучей деревяшке Архип и обещал обучить Сёму плотничному и столярному ремеслу и вручить ему весь заработок Сёмы. Дед был очень доволен этой сделкой и не видел уже в уходе Сёмы из деревни со старыми мастерами бродяжества. Безденежье и нужда заставили его нарушить стародавние заветы. Он не напутствовал Сёму даже внушением не «смешиваться» и не «мирщиться». Рублишко для него оказался дорожке поморских запо-ведей.

— Не бойся, Фома Селивёрстыч, — предупредил его Архип. — Семашка не избалуется: парень он к ремеслу привязчивый. У него рука и умишко дошлые. Люблю я таких пареньков: с ними сердце песни поёт. Такие, как Семашка, нигде не заплутаются.

Дедушка вздохнул и усмехнулся, хватаясь за бороду, словно стараясь удержать себя от грешных мыслей.

— Чего же сделаешь! Сейчас на копейке вся жизнь наша катится. Без копейки и молитвы не сотворишь: голым, босым останешься. Из земли нашей и могилу не выкроишь, не то ли что прокормиться на ней. Сейчас и человек-то деньгой ценится. Пускай уж Сёмка свой хлеб зарабатывает у чужих людей и семье помогает.

Уходил Сёма из села с котомкой на спине радостно, словно сидел долго взаперти и вырвался на волю. Я провожал его до гумна и с завистью смотрел, как он по-взрослому шагал по дороге, догоняя Архипа, взмахивающего деревяшкой, и сутулого Мосея, который, вероятно, и в этот час не переставал изображать из себя юродивого.

От полосатого межевого столба отошёл Тихон и пошагал вместе с ними. У него тоже торчал мешок за плечами. После острога ему здесь уже приходилось жить с опаской: на него точили зубы и поп, и Гришка Шустов, и мироеды. Каждый день его могли отправить в стан и опять посадить в острог.

Когда я возвращался с гумна и вышел на улицу длинного порядка, мимо промчалась тройка с барского двора, а в плетёном тарантасе сидел старый барин Измайлов, подняв свою стриженую строгую бородку, и рядом с ним — Елена Григорьевна в жёлтой соломенной шляпке, в клетчатой шали, накинутой на плечи. Я, поражённый, остановился, и у меня замерло сердце, словно на меня внезапно обрушилась страшная беда. Елена Григорьевна что-то закричала, прощально махнула мне рукой, рванулась к кучеру, но барин усадил её обратно. Тройка быстро промчалась, поднимая пыль на дороге, словно сердитый старик похитил учительницу, как злой Кашей. Не помня себя, я побежал вслед за тарантасом и задохнулся от плача. Тройка исчезла в пыли и утонула в моих слезах. Жизнь моя как будто оборвалась нестерпимо больно, и мне показалось, что потухло солнце, а я очутился один на дне жуткого буерака.

На улице было пусто, только около изб бродили куры и клушки с цыплятами. Пыль упыла с дороги к амбарам и таяла там, оседа на траву. Безлюдная тишина была сонной и тоскливо-скудной. Ушёл из деревни Сёма, ушёл и Тихон, ускакала на тройке Елена Григорьевна — умчалась навсегда, чтобы не видеть больше ни попа, ни сотского, ни старосты, которые не давали ей покоя. А я, двенадцатилетний парнишка, чувствую себя, как заяц, который сидит под кустом и которого преследуют собаки. Мерещился другой мир — море, ватаги, Волга... Уехать бы сейчас без оглядки на Кубань, к отцу, и никогда сюда не возвращаться...

Я прошёл к Иванке Кузью, но во дворе и в избе у него было пусто: должно быть, он с матерью уехал в поле. Домой идти было противно: в избе полно мух, в кладовой — тесно от всякого хлама, да и матери там не было — она ушла ещё утром на полатье. В пожарной Миколька храпел на голых досках, а когда я разбудил его куриным пёрышком, которое я поднял по дороге на луке, он одурело уставился на меня и заругался:

— И поспать-то не дадут... Чего ты шляешься — людей беспокоишь?

— Да тебе, Миколька, спать-то нельзя: вдруг ежели пожар...

— Хватит одного пожара — вы сгорели, а теперь опять на сто лет **отдых**.

— Продрыхал и отца и учительницу, — зло поддразнил я его. — И не простился. А она все глаза проглядела...

— Они и без меня дорогу знают — и родитель и она.

— Я тоже с ней не простился, — горестно признался я и насилу сдержался, чтобы не заплакать. — Её Измайлов увёз — проскакал мимо и не остановился.

— Ну, вот мы и квиты. Садись, в шапки сыграем.

Но я махнул на него рукой и выбежал на луку. Школа стояла, как слепая: окна были заперты железными ставнями — теми же, что были на окнах моленной. И я думал, как учительница с бариним Измайловым скачет на тройке по столбовой дороге в Петровск и как радуется своей свободе...

На спуске в низинку я остановился на том месте, где мы сидели с бабушкой: я вспомнил о Ромаше, которого палач барин зарыл здесь по горло, замученного до полусмерти. Мне даже почудилось, что вижу ямку, и ямка эта, подумалось мне, никогда не заровняется. Может быть, каждую ночь приходит сюда Паруша, а к ней является Ромаша, такой же молодой и пригожий, как раньше.

Я спустился к речке, чтобы через мостик в две слегги перейти на ту сторону и побарахтаться в снежно-белом песке. Эти ослепительные сугробики, разрисованные кружевной рябью, всегда манили меня своей плюсовой россыпью, и я часто зарывался в мягкую, щекочущую пелену. Под чернозёмным обрывчиком я увидел Шустёнка, который на корточках возился у родничка. Он испуганно вскочил на ноги и трусливо бросился к мостику. Бледный, с плаксивой судорогой в лице, он вцепился грязными руками в поручень и застыл от страха. Должно быть, он ожидал, что я кинусь на него с кулаками и буду бить его мстительно и жестоко. Он скорчился и, втягивая маленькую, безлобую голову в плечи, щурился, готовый к расправе. Но я стоял на краю обрывчика и смотрел на него с безгловым презрением.

Его трусливо-виноватый вид и ужас в воробьином личишке вызвали у меня желание сбросить его в речку. Но я стоял неподвижно и чувствовал, что раздавил этого гадёныша. Должно быть, я казался ему страшным и грозным силачом, который пришёл наказать его.

— Не замай меня... — просипел он жалобно. — Я к батюшке иду...

— Наушничать к батюшке? — насмешливо обличил я его. — Ты ведь холуёк его. Иди, не трону! Не хочется руки марать. Ведь ты только в подлостях и елозишь, а отец добру не учит. А тут и батюшка из тебя пёсика делает. Помнишь, как учительница пожалела тебя: «Несчастный ребёнок!» Это когда ты книжку у неё стащил и мне подбросил.

Он украдкой взметнул на меня мышиные глазишки и засопел, как во-ришка, которого схватили за шиворот. Он не верил, что я пропущу его без того, чтобы не поколотить. Назад, на ту сторону, он тоже не в силах был тронуться: его пригвоздило к месту одно моё появление. Чтобы обезоружить меня, он льстиво просипел, жалко улыбаясь:

— Я ведь тогда же покаялся, Федя. А когда ты меня на телеге бил, я у учительницы прощенья просил. Ты ведь у нас лучше всех в селе-то — кого хошь спроси. Меня только тятяша лупцует — учит, как служить ему по-собачьи. И при батюшке меня пристроил, а батюшка тоже делает со мной, что хочет. Мне с тобой да с Ваняткой водиться хочется.

В его жалобах и покаянии мне почудилась искренность забитого парнишки, который тоскует по хорошей дружбе. Но злой и проверяющий взгляд его потушил это ощущение.

— Я скоро уезжаю, а дружить с тобой и Иванка не будет. Иди, чего торчишь! Таскай попу новоску!

Я отвернулся от него и пошёл обратно, по дорожке на взгорье. Шустёнок бегом припустился по бурьяну и уже издали прохрипел:

— Обманули дурака на четыре кулака... А на пятый на кулак кувырнёшься в буерак... Помни, кулугур!.. А Кузырёнку — тоже не житьё: вместе с крамольниками прошьют его и пристукнут.

И, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге, он побежал к поповскому дому.

Его угрозы не встревожили меня: ведь он всегда издали трусливо страшал нас с Кузярём всякими карами. Презирая его, я совсем не думал, что он не просто болтал чепуху, а выбалтывал злодейские замыслы попа и своего тятяши. Эти замыслы против поморцев и «крамольников» они обдумывали вместе с Максимом-кривым и другими мироедами, должно быть, исподволь, потому что злое своё дело провели они внезапно и умело, и это едва не стоило мне жизни.

Не зная, что делать с собою, я прошёл в приусадебные заросли черёмухи, чтобы оттуда, через гумна, пойти в Ключи, на почту: ведь отец уже должен был прислать нам деньги на выезд. В гуще этих зарослей я встретил Кузяря. Он тоже был не в себе: разлука с учительницей потрясла его до слёз. Он лежал на траве, заложив руки за голову, и смотрел на зелёный шатёр густо сплетённых ветвей.

— Вот и нет Елены Григорьевны... — сказал он почему-то со злой обидой. — За ней барин заехал, подхватил её и поскакал. Даже на горку тройка стрелой взлетела. Не успел я до амбара добежать, а тройка уж по дороге пыль подняла. Так я и не попрощался.

— И я тоже... Тройка-то мимо меня пронеслась, а Елена Григорьевна только мне рукой махнула.

— То-то и есть, что махнула... Словно звезда скатилась и погасла.

— Ничего не погасла! — вскрикнул я. — Это метеоры гаснут, а не звёзды. Она всегда в нас гореть будет.

— А толк-то какой? После неё и думать ни о чём не хочется...

Он сел и, обняв руками колени, страдальчески уставился вдаль.

— Зависть меня гложет, на тебя глядя, — угрюмо пробурчал он. — И хочется мне подраться с тобой... Ты — вольный казак: в путь-дорогу собираешься. А у меня одна песня: двор, одёр, соха-борона да подати. Куда пойдёшь, с кого горе сорвёшь?.. Всё как будто сгорело вместе с твоей избой. Ушёл и Тихон, а Костя чуть дышит. Один Яков попусту бушует. Гляди, и его поп засупонит. Разве вот только Паруша всех, как клушка, собирает: поп-то всех разогнал и моленную закрыл, а она у себя собранье-то тайком приютила. Старуха — старуха, а никого не боится.

— Она с молодости, с девок такая, — пояснил я, вспомнив рассказ бабушки Анны. — Она ещё при крепости зверя барина в дураках оставила: жениха своего от смерти спасла и на волку его выпустила.

— Я давно об этом знаю, — усмехнулся Иванка, довольный тем, что он раньше меня узнал её тайну. — И я у неё — как за пазухой. Она никого и ничего не боится. А всё-таки, брат, скучно без тебя будет... Бунтовать мне охота...

— Чай, не навсегда это... — ободрил я его. — Подрасти немножко и валяй на сторону. К нам, на Кавказ, приезжай! Мы письма друг другу будем писать.

Он так был взбудоражен моими словами, что вскочил на ноги и заплясал от радости.

— Э-эх ты-ы!.. Вот гоже-то!.. А у меня и думки об этом не было. Ну, теперь я покоя не буду знать... Так всё было не мило, ни к чему душа не лежала, и мерещились какие-то оборотни. А сейчас я, как Руслан, выпил живой и мёртвой воды. Бежим на гумно — чехардой, без передышки: выдержим — сбудется, а не выдержим... тоже сбудется, — всё равно своего добьюсь.

Так мы, перескакивая один через другого, добежали до самого гумна. Мы задыхались от утомления, но были очень довольны, что ни он, ни я не сели на спину друг другу, а прыгали, как зайцы, легко и быстро. На гумне мы бросились на мягкий, золотисто-зелёный ковёр озими — на проросшие остатки старого обмолота.

— Сбудется!.. — выдохнул Иванка с убеждённой уверенностью, а я охотно подтвердил:

— Исполнится!

Но он, чтобы поддразнить меня, лукаво прищурился.

— А вдруг не сбудется?..

Я запальчиво отразил его сомнение:

— Всё равно на этих днях мы уедем — только нас и видели. А сейчас давай в Ключи пойдём: может, уж на почте деньги лежат.

— Да, брат... веришь ты здорово! Ни черта! И я буду верить. А сейчас мне песни петь хочется али стихи читать...

И, задрав голову, он крикнул во весь голос:

Тучки небесные, вечные странники!..

У меня вдруг замерло сердце, и я, задыхаясь от восторга, перебил его:

— Ну-ка, Ванёк!.. Давай с тобой сами стихи сочиним...

Он осовело уставился на меня, как на безумного. А я вынул из кармана измятый листик бумаги и карандашик и лёг на живот.

— И то... — неуверенно согласился он. — Чем чёрт не шутит... О чём бы это?..

— А о том, что видим... о чём думаем... Видишь, как солнышко светит и как кругом хорошо...

И будто не я, а кто-то другой за меня проговорил:

Воздух горит, как огонь,
Облачка, как ковры-самолёты...

Я остановился и онемел, словно горло сжала судорога. Целый ряд ярких образов погас, и я бессильно погрузился в мутную пустоту. А Иванка вдруг загорелся, высоко вскинув руки:

— А дальше — я...

На усадьбе растёт посконь...

Я возмутился этими грубыми словами: они испортили бы любую песню. Не всякие слова можно петь, сами слова должны петь, как песня.

— На кой чёрт тебе, Ванёк, эта посконь? Надо, чтобы сердце закаты валось... Надо бы так...

И опять у меня перед глазами зареяли красивые видения.

По чистому полю летит борзый конь...

Кузьярь впился в меня дьявольскими глазами.

— Это у нас-то с тобой борзый конь? Ну, и сморозил!.. В любом дворе только одни одры, да и стоят-то раскорякой.

— А на барском дворе? Там — рысаки в яблоках.

— Да я терпеть не могу бар-то! У нас с тобой ведь о себе стихи-то. Ну, да пускай... пускай для красоты летит барский конь. А дальше что будет? Хо, я придумал... Вот!

А на нём бултыхаются барчаты-шарлоты...

И он залился ликующим хохотом.

— Вот как я их, благородных-то, напоказ выставил!

Я спрятал бумажку с карандашиком в карман и вскочил на ноги.

— Пошли, Ваня! Ничего у нас не вышло. Я — про Фому, а ты — про Ерёму...

Но он с восторженной злостью заспорил со мною:

— Да на кой чёрт мне твои ковры-самолёты да огонь? Тебе ещё мерещится твой пожар да хочется скорее ударить из села. А меня тянет сорвать горе на барах да на мироедах, на попе да сотском... Мстить им больно охота не мытьём, так катаньем. Аль негоже, как я их дураками показал? «А на нём — на коне-то — бултыхаются барчаты-шарлоты...» Прямо не в бровь, а в глаз. Я теперь обязательно про всех супостатов сочинять буду — обохалю да обсмею их при всём честном народе.

Он похохатывал и шлёпал сухими ладошками.

До Ключей считалось две версты, а от наших гумен длинное село на большой дороге казалось совсем рядом. Оба его конца полого спускались к речке, и центральная часть исчезала за ближним увалом. Все избы прятались за гумнами, в приусадебных садах. Только на левом конце высоко взлетала каменная белая колокольня, а рядом с нею громоздилась барская хоромина, надворные постройки и жёлтые омёты соломы. Мы дошли до межевого полосатого столба и свернули направо. Отсюда широким размахом расстилался волнистый барский выгон — яркозелёный, усыпанный полевым разноцветьем. Низкими струнами гудели шмели, а жаворонки звенели всюду.

Когда мы спустились в ложину, заросшую тёрном и охавками ежевики, навстречу нам по узенькой тропинке шла с палкой в руке величавая Паруша.

— Ну, колосочки золотые, куда это вы бежите?

Она обняла меня своей мягкой, тяжёлой рукой и прижала к себе.

— Чую, лён-зелён: на поштву бежишь... Когда вы горели, я ночку-то в жигулёвке под замком маялась. До бела дня у продуха билась, как зверь в капкане. Тут словно нарочно одно к одному пришлось...

Мы стояли в низинке, в зарослях кудрявых кустарников, окропленных белыми цветочками, у прозрачного родничка, на дне которого шевелился и вскипал жемчужный песок, а маленький ручеёк сверкал на солнце пронзительными вспышками.

— Нас подожгли, — крикнул я горестно и зло, — а тебя заушили, и никто тебя не отбил! Поп-то не знай откуда, а все перед ним ползают. До него-то никто тебя обижать не мог. А разве он не знал, что Максим-то нас поджёт? Они — заодно.

Паруша ласково оттолкнула меня от себя и затряслась от смеха.

— А он сам пришёл ко мне да из жигулёвки выпустил. Христосиком притворился: «Прости, — бает, — меня, христа ради! Не я тебя, — бает, — в узилище бросил, а святая православная церковь за твою еретическую строптивость, чтобы ты одумалась. Несть, — бает, — такого дара и благостыни, какими обсыплет тебя церковь, ежели войдёшь в её лоно». А я ему смеюсь в бороду и бью словами: «У тебя, мол, лоно-то церковное в утробе. Начальство-то знает, мол, что самые лютые гонители — отступники. Дай, мол, срок, народ-то с тебя сторицей взыщет». И пошла мимо него домой. А меня мои милые невестушки под руки подхватили. Плачут-рыдают, а я смеюсь: «Радоваться, мол, дочки, надо. Дьявол-то от меня отринул и сам себя очернил своими нюдинами соблазнами». А нынче приспичило мне к барыне Ермолаевой пойти. Рассказала ей, чего у нас поп-то делает. А она такая же сырая, как я: ахает, плещет руками и барина зовёт: «Михайло Сергеич, послушай, какие безобразия чернавский поп творит!» Ну, и сам барин, тошой такой, добросердый, прослушал меня. «Я, — бает, — через архиерея в Саратове укрошу его». А нам, золотые колосочки, на себя надеяться надо, самим не плошать, а на архиерея уповать нечего: архиерей-то сам этого супостата на нас натравил. Ну, а сейчас домой воротимся, на поштве-то делать вам нечего. Я сама туда наведалься и вот тебе

с матерью повестку несущее — денежное письмецо от отца пришло. Нынче же сходите за деньжонками и уезжайте с богом.

Она развернула платок и подала мне печатную бумажку, а я, не помня себя, схватил эту бумажку и что есть силы бросился к нашему селу. Что-то кричал мне, похохатывая, Иванка, басовито ворчала Паруша, но я не обернулся и не слушал их. Я сжимал в руке волшебную повестку — желанный талисман, который открывал нам с матерью свободный путь в полуденный край.

ХЛІ

Пока мы искали подводу, которой, как на грех, не было, — у Паруши Терентий уехал куда-то с кладью, а у Якова лошадь хромала, дедушка же своего дряхлого гнедка и со двора не выпускал, — в первое же воскресенье разразилась страшная беда.

Мы сидели в холодке, на завалинке избы, у глухой стены, обращённой к луке. Бабушка с дедом, одетые по-праздничному, калякали с Парушей, что жить стало совсем невмоготу: барин землю распродаёт по частям разным мироедам, а в аренду уж и клочка нельзя достать. Новые же помещики землю сами обрабатывают машинами, а работников пригоняют со стороны за кусок хлеба. Поп сеет раздор, междоусобие клеветой и наговорами, и не только поморцы, но и многие мирские у него в гонении. А такие злыдни, как Максим да Гришка Шустов, его приспешники, редкую неделю не обижают людей. Мужики заколачивают избы и разбегаются. Семьи разваливаются, дворы пустуют. И земля совсем перестала родить. Только жиреют помещики да кулаки. Раньше бабы холсты ткали, а сейчас коноплю да лён только на усадьбных полосках сеют, да и то кое-как, но и эти полоски год от году под картошку да под горох отходят. Вот и в извоз уж не приходится ездить: у купцов да кулаков свои лошади. На старости лет привёл бог с голоду помирать. Жалобы дедушки и бабушки не нравились Паруше, и она сурово гудела:

— Не грехи, Фома! С себя больше взыскивай. При малом наделе о земле надо было радеть: и навозцем её питать, и отдых ей давать, и пахать поглубже. А у нас мужики последние соки из неё тянули. Мир-то миром, а друг другу — недруги. Заботился бы каждый о своём наделе — и всем бы лишний кусок хлеба доставался. А земля-матушка за зло дурных работников караег. Мы вон не ленились — только о ней и думали. Вы с шабрами на смех нас поднимали, а мы больше вас даров-то от земли получали. При переделах наша полоса через год у нерадивых только половину давала, да и то с бурьяном.

Эти разговоры мне давно надоели: они и к делу и не к делу возобновлялись каждый день, как только соседи приходили в избу или собирались в праздники у амбаров. Мужики вздыхали, жаловались, чесали затылки и бока и расходились по домам тяжело, вперевалку, как недужные.

Но Паруша никогда не жаловалась, а сердито изобличала мужиков, как и сейчас деда, в нерадении, в безрассудном истощении земли, в недоброжелательности друг к другу, в нищенской жадности. Земля требует, чтобы её любили и заботились о ней постоянно и не поодиночке, а всем сообща, потому что земля — общественная: без согласия и без взаимности, без дружного сотрудничества каждый год будет и голод и мор да и мироеды с начальством поедом съедят. Вот приехал поп из отступников и начал всех по одному сталкивать лбами, вражду сеять, разогнал стародавнюю общину поморцев. Вспомнешь добрым словом праведника Микитушку. Знал он, в чём сила и благодать наша: призывал к братской жизни, а его сами же мы в руки ворогов отдали. А когда она, Паруша, без боязни выступила против попа, её заушили в жигулёвку. Кто за неё заступился? Все трусливо разбрелись по домам. Только парнишки надумали

вытащить её из узилища. Хоть она и потешалась над ними, но ей дорого было их бескорыстное хотение вырвать её из лап долгогривого супостата. Ежели бы все так ополчились на него, как эти парнишки, злой волк не хозяйничал бы в нашем стаде.

Дед угрюмо ворчал:

— За это баловствокнутом надо было настегать. Узнал бы поп — беды не обобрались бы.

Паруша гневно гудела:

— Эх, Фома, Фома! Вот и собираем мы, что посеяли. А парнишки-то эти вырастут — не по-твоему будут жить да думать. Не баловство это, а праведный подвиг.

Мать стояла рядом с бабушкой и раздумчиво молчала. А когда Паруша говорила о нашей попытке освободить её из жигулёвки, она с тревожной догадкой в широко открытых глазах пристально смотрела на меня и удивлённо качала головой.

Широкая и ровная лука перед церковью бархатно зеленела на солнце и мерцала золотыми переливами. Всюду рассыпаны были жёлтые одуванчики и узорчатой пеной кипели белые цветочки клевера. Несколько костлявых, спутанных лошадей щипали траву, не поднимая голов, и лениво бродили сизые галки. Стрелами носились низко над травой белогрудые ласточки. Хотелось что есть духу бегать по этой мягкой раздольной луке и радостно кричать навстречу солнышку и голубому небу.

В церковной ограде, перед папертью, толпился народ, а на высоком крыльце крестились и кланялись старики и старухи. Вдруг на колокольне весело затрезвонили колокола. Этот разливный трезвон как будто взволновал всю луку и взбодоражил деревню. Мне почудилось, что избы на высокой горе той стороны вздрогнули, встряхнулись и вспыхнули окнами. Галки стаяй поднялись с луки и с испуганным криком полетели на реку, к вёслам. Лошади подняли головы, огляделись и, успокоившись, опять стали щипать траву.

Из церкви густо повалил народ, но почему-то стал толпиться в ограде, расцветая пёстрыми нарядами. Мужики без картузов и седоволосые старики гуртом пошли вдоль серой стены церкви и сбились в густую кучу неподалёку от алтарной пристройки. Все начали о чём-то оживлённо спорить, размахивать руками, многие глядели в нашу сторону и качали головами. Старухи и молодые бабы строптиво нападали на мужиков.

— Чего-то там стряслось у них... — забеспокоилась Паруша. — Неспросга скандалят. Должно, чего-то поп набедокурил.

Бабушка смотрела на церковь с безразличием недужной и мирно стояла. А мать даже встала от беспокойного любопытства.

— Я так уж привыкла ко всякой невзгоде, тётушка Паруша, — сказала она с дрожью в голосе, — что после пожара каждый день жду какой-нибудь беды.

На паперть вышел поп вместе с сотским и с каким-то усатым человеком в белой куртке и со шнуром на груди. Они по-хозяйски властно прошли к толпе у стены церкви и утонули в ней, а толпа сдвинулась тоже и стала прислушиваться. Должно быть, поп чем-то ошеломил людей и вызвал смятение: толпа заворошилась и, как на сходе, все заспорили, загорячились, замахали руками, словно норовили схватить друг друга за грудки. А колокола трезвонили весело, залиvisto, как будто разудало отбивали плясовую.

Поп в шляпе важно вышел из толпы вместе с человеком в белой курточке и сотским, а за ними хлынула вся толпа. Из открытых ворот ограды поп, с длинной тростью в руке, величаво пошагал в нашу сторону, а рядом с ним, как телохранители, по-солдатски браво, с угрожающей уверенностью шёл и длинноногий сотский Гришка Шустов, кривоногий староста

и усатый человек в белом картузе с блестящей бляхой на околыше. Это был урядник из волости, которого я видел на другой день после пожара: он допрашивал мать и кое-кого из мужиков и парней и добивался, кто совершил поджог. За ними тянулась длинная толпа мужиков и баб и, спотыкаясь, отставая, торопились, опираясь на костыли, старики и старухи. Но позади люди отставали и расходились в разные стороны.

Я чувствовал, что на нас, как грозная туча, надвигается какая-то тяжёлая беда, и у меня похолодело внутри и больно забилося сердце. Мать, бледная, помертвевшая, стояла неподвижно и смотрела на толпу во главе с попом и урядником застывшими глазами. Дедушка с бабушкой сидели, одряхлевшие, с тупой покорностью ждали обвала на них этой страшной толпы. А Паруша медленно поднялась с завалины, опираясь на палку, и даже шагнула навстречу этому грозному шествию. Лицо её окаменело в суровой готовности встретить попа с полицией и людей, с которыми она вместе прожила всю свою жизнь в мире и согласии.

С кроткой улыбочкой доброго пастыря поп снял шляпу и поклонился. — Мир вам в беседе, Фома Селивёрстыч! Я и православные прихожане пришли к тебе с гневом и строгим взыском за тяжёлое оскорбление нашей святыни — храма божия. Вы, раскольники, в своей слепой вражде к православию готовы на всякие мерзости, чтобы осквернить наш дом молитвы. И внук твой, грамотей, по наущению употребил во зло свою грамоту и написал на храме похабные, святотатственные слова.

Паруша ударила палкой о землю и неслыханно строптивым голосом крикнула:

— Врёшь, поп! Поклёп наводишь на парнишку: у него и рука не поднимется на дурное дело. Ни одна совестливая душа в селе не упрекнёт его в злом озорстве.

Старухи и молодые бабы, которым я писал письма к сыновьям и мужьям, наперебой закликали — одни робко, другие пылко:

— Не он это... Да рази такой паренёк на это пойдёт?.. Зря ты, батюшка, на него наговариваешь... Мы про него ничего плохого не слыхали и не знаем...

Добрые морщинки на лице попа от глаз к вискам шевелились от кроткой улыбки.

— Мне самому горестно обижать ребёнка, и я не решился бы тронуть и волосок на его головке. Но не по своей воле пришёл сюда: свидетели указали на него — сами видели, как он пучками травы выводил эти святотатственные слова.

Я, надрываясь от отчаяния, крикнул визгливо:

— Это не я!.. Я и к церкви-то боюсь подходить... Наврали на меня... Я знаю, кто наврал, — Шустёнок наврал...

Мать бросилась к попу и, задыхаясь от ужаса, странно тихим, но неотразимо гневным голосом сказала:

— И как тебе не стыдно и не совестно, батюшка, моего парнишку губить? Что он тебе плохого сделал?

И вся напряглась в отчаянном порыве к толпе.

— Люди добрые, соседуски, не дайте в обиду нас, беззащитных! Спасите Федю-то моего от злых наветов!

И опять и бабы, и старухи, и кое-кто из мужиков закричали:

— И в жизнь не поверим, что это он... От него и чёрного слова не слышать, не то ли что озорство какое... Лучше его никто письма от сердца не напишет...

Но в ответ им в разных местах раздражённо орали:

— Такие-то письмописцы и горазды на всякие пакости. Кулугуры на всё готовы... Гонят их, а они по злобе и церковь подожгут...

Я услышал скрипучий визг Максима Сусина:

— Этот грамотей чужих жён с любовниками сводит. Тоже письма им пишет да почтальоном бегаёт...

Бабушка тряслась от рыданий и не могла выговорить слова, а дед стоял, и лицо его искажалось от плачущей улыбки.

Паруша наступала на попа:

— Ну, так кто же у тебя, отец Иван, свидетели-то? Укажи их, где они?

Урядник дёрнул себя за усы и строго оборвал её:

— Это не твоё дело, бабка. Мы это всё расследуем.

Паруша, не обращая на него внимания, гневным басом обличала попа:

— Не грехи, дурной пастырь! Ты злодейское дело задумал — натравить на нас народ... погром устроить... Ты и меня уж один раз под замком держал. А сколь раз ты наветы на людей возводил? Все это знают. А сейчас парнишку в жертву приносишь. Не потерпит этого господь! Правду лжой не убьёшь. Казниться будешь.

Урядник поправил картуз на голове, натянул красный шнур искомандовал:

— Ну, хватит болты болтать! Мальчишку я арестую и произведу дознание! Водвори порядок, сотский!

Он шагнул ко мне и схватил меня за руку, и рука показалась мне такой убийственной, что я рванулся от него и пронзительно закричал. Мать тоже закричала надрывно, защищая меня от урядника. Но её отбросил от меня Гришка Шустов так сильно, что она упала на землю.

Паруша подняла палку и властно накинулась на него.

— Ты что это, дурак, делаешь? Как ты посмел, пёс, руку поднять на бабёнку?

Гришка трусливо, но нахально осадил её:

— Ты, тётка Паруша, не мешайся! Это дело сурьёзное.

— То-то сурьёзное... Я тебя, кобеля, давно знаю: ты и Наталью добил, и Петрушу Стоднева доконал, и совесть за копейку продаёшь... Этому отступнику-супостату ты как раз под стать...

Поп с прежним горестным смирением обратился к толпе:

— Вот вы сами видите, православные, какая злоба у этих людей. Старушке надо бы о грехах думать, а она, как волчица, бросается. Не на добро они и детей наставляют. Ванятка! — позвал он Шустёнка. — Иди-ка сюда!

Но Шустёнок не вышел — прятался в толпе.

— Тебе говорю, Ванятка! — властно приказал поп. — Выйди сюда! Где он там, православные?

Кто-то из баб крикнул брезгливо:

— Вот он, выродок!

Гришка-сотский по-солдатски крикнул:

— Марш ко мне, Ванька!

Шустёнка вывели из толпы, и он, пугливо озираясь, как зверёныш, хлюпал носом.

— Вот и скажи, Ванятка, что ты видел...

Шустёнок уткнулся в землю и простудно просипел:

— Федьку видел. Стоит перед стеной и пачкает травой настилку жестяную... Потом из ограды побежал. Я подошёл, а там брань ещё сырая...

Я с бурным отчаянием крикнул ему:

— Врёшь ты, подлюка! Это ты сам намазал, а на меня свалил. Кто украл книжку у учительницы, а мне подбросил и тоже меня вором назвал? Кого тогда на чистую воду вывели? Вот и сейчас тоже...

Поп с горестным смирением качал головой и вздыхал:

— Вот, православные... Слыхали? Свидетель налицо. А преступник всегда отрицает вину. Раскольники — народ коварный, подпольный. Я сам был в этой их адовой обители. Знаю их. Ну, да теперь власть разберёт.

Урядник вцепился в мою руку и потащил меня через дорогу, к амбарам. Я догадался, что он повёл меня на съезжую, в избу старосты.

Колокола разливались своим трезвоном, словно ликовали, что усатый урядник ведёт меня на расправу, как преступника. Мать шла рядом со мною и, рыдая, старалась вырвать мою руку из цепкой лапы урядника.

Он сделал свирепое лицо и матерно заругался.

— Сотский! Турни её к чёрту в зад!

Гришка подхватил мать подмышки и грубо отбросил её в сторону.

За нами шли бабы и старухи, а я, отбиваясь от урядника, плакал и кричал, не помня себя, но чувствовал, что все эти женщины жалеют меня и не верят поповской клевете. Одни плакали, другие озлобленно ругали и попа, и урядника, и сотского. На мгновение я увидел поодаль бабушку с дедушкой и Парушей, а мать подхватили под руки молодухи и утешали её.

Колокола вдруг замолчали, а урядник остановился и гаркнул во всё горло:

— Это куда вы, чёртово бабьё, плетётесь? Марш обратно, пока я вас не отстегал нагайкой! Сотский, гони!

Гришка раскинул руки, преграждая дорогу толпе, и угрожающе заорал, как на стадо:

— Долой, народ! Прочь по домам! Вам тут делать нечего, елёха-воха! Обедня кончилась — идите мужьям обедать собирать!

Но мать пробежала мимо него и опять обхватила меня и, рыдая, стала бить по руке урядника. Он свирепо оскалил зубы и ударил её сапогом. Она раздирающе закричала и грохнулась на траву.

Парнишки и девчонки испуганно выглядывали из-за амбаров и сразу разбежались, как зайцы.

Люди группами расходились по луке в разные стороны, оглядываясь, и горячо спорили о чём-то.

Но по улице с обеих сторон торопливо шагали и бежали мужики и парни. Они с удивлением смотрели на нас и тревожно переговаривались. Тут были и мирские и поморцы вместе, и видно было, что они ничего не понимали и растерянно провожали меня пристальными взглядами.

Когда урядник тащил меня через улицу длинного порядка, я увидел Кузяря, который бежал ко мне с пепельным лицом, с осовелыми от потрясения глазами.

— Дядя урядник!.. — закричал он со слезами в голосе. — Ой, не волоки Федяшку-то! Это не он на церкви-то намазал, а Ванька Шустов... Голову даю на отсечение... Поп его подговорил да Максим Сусин... В свидетели пойду...

Он подбежал к уряднику и завертелся перед ним со злостью отчаяния. Урядник погрозил ему нагайкой и цыкнул на него, как на собачонку. Но Кузярь не испугался и, задыхаясь от яростных слёз, кидался на урядника, как петушишка.

— Не виноват он... Отпусти его!.. Чего ты его тащишь? Не знаешь, а тащишь... Ты Шустёнка таши, таракан усатый!..

Урядник рванулся к нему и взмахнул нагайкой. Он так больно дёрнул меня за руку, что я шлёпнулся на пыльную дорогу. Урядник швырнул меня к себе, но я не мог встать на ноги и бился в пыли.

Я не помню, как урядник втащил меня в просторную избу, не помню, что он делал со мною, очнулся на полу от обжигающей боли на спине и увидел над собою красноусого урядника с нагайкой в руке, который хищно впивался в меня дикими глазами.

— Ну, очухался, сволочонок? А теперь вставай! Кому говорят! Аль ещё захотел горячих?..

Он схватил меня за волосы и поднял на ноги. Как в кошмаре, я видел перед собою огромное страшилище, которое заполняло всю горницу. Я не плакал, а только задыхался и хрипел в полусознании. Ощущал я только одно — невыносимую боль на спине, словно меня разрезали пополам.

— Говори, кто тебя подучил написать на церкви похабные слова? — рычал урядник, взмахивая нагайкой.

Но у меня отнялся язык, и я чувствовал, что весь дрожу и никак не могу сладить с головой, которая тряслась неудержимо и мучительно.

Урядник сел на лавку у края стола, положил нагайку около листа чистой бумаги и пузырька с чернилами и стал писать что-то с малограмотной неустойчивостью в руке.

— Ну, так вот... Ладно!.. Больше стегать не буду, не бойся. Говори, кто подучил тебя на церкви писать?

И словно не я, а кто другой за меня пролепетал:

— Не писал я... Никто меня не подучал... Не я это... Я ничего не знаю...

— Ага, не знаешь... Не ты писал... А вот люди видели, как ты писал. Что же, по-твоему, батюшка-то врёт?

А я бормотал, как в бреду, захлёбываясь слезами:

— Не знаю я... Не я это... Я и к церкви-то не подхожу. И сроду... похабщиной не ругаюсь...

Урядник ехидно зашевелил усами и зловеще прищурился.

— Так, так... Значит, не ты эти пакости марал, хоть тебя и застали люди у подножия церкви. Выходит, что батюшка нарочно всё подстроил? Говори, собачий сын, винись, а то сейчас опять пороть буду. Запорю, а язык тебе развяжу! Ну? Говори!

И опять словно не я, а кто-то другой во мне невнятно бредил:

— Может, и нарочно... Поп-то злой на поморцев... Он гонит их... и даже бабушку Парушу в жигулёвку сажал... А нас и Максим Сусин сжёг по злости... Они чего хошь наговорят...

— Ого, вот как ты заговорил! — обрадовался урядник и хищно нацелился на меня пьяными глазами. — Ты, оказывается, не такой вахлак и олух, как другие деревенские дураки. На ватагах был, по стороне шлялся с матерью, знаю. Другой бы на твоём месте не додумался до таких разговоров. Кто же, кроме тебя, смог на такое святотатство пойти? Ну, после этого тебе только один шаг сделать — рассказать, какой негодяй из староверов толкнул тебя на такое злодейство.

Меня вдруг охватило такое безнадежное отчаяние, что я закорчился от рыданий и взвизгнул:

— Не я это... Не писал я... Нечего мне говорить...

За окном, должно быть, собралась толпа мужиков и баб: там шумели голоса, возмущённо вскрикивали женщины. Среди общего гула я слышал гневный голос Якова, рыдающие вскрики женщин. Но ни раздора, ни драки не было. Кто-то подошёл близко к окну, ударил кулаком в раму и требовательно крикнул:

— Эй ты, урядник! Парнишку-то не терзай!.. Такого закона нет, чтобы детей калечить...

Урядник бросился к окну и погрозил кулаком, потом широкими шагами подошёл к двери, распахнул её и рывкнул:

— Сотский! Гони от избы всех дураков! Дежурить надо, а не сидеть под навесом.

В этот момент на пороге с робкой стариковской улыбкой появился делушка.

— Чего тебе тут надо, борода? — зарычал на него урядник. — Вон! Душу выну!

Дедушка плаксиво улыбался и мял дрожащими руками картуз.

— Господин урядник... парнишка-то — внучек мой... Отпусти его, Христа ради... Напраслина на него...

Урядник всхрипнул и ударил деда кулаком по седой голове. Дед исчез за косяком двери, а урядник ещё раз ударил его сапогом и захлопнул дверь. Толстый его нос раздувался от бешенства, а угрюмо-пьяные глаза выпирали из век. Рыжий солдатский ёршик шевелился, как шерсть злой собаки на загривке, и я, замирая, ждал, что это чудовище сейчас обрушит на меня крепко сжатый кулак. Широкими шагами он подошёл к столу и оглушительно брякнул этим своим убийственным кулаком по столешнице. Пузырёк с чернилами подпрыгнул, перевернулся, и чернила жирными кляксами обрызгали бумагу.

— Ну? Долго ты меня, гадёнок, за нос водить будешь? Я возиться с тобой не хочу. Признавайся!

— Я ничего не знаю... — заплакал я, прикованный его криком. — За что дедушку побил?..

Что произошло дальше — я ничего не помню. Осталось в памяти только ошеломительное ощущение обвала, и этот обвал расколол мне голову.

Очнулся я на полу, словно проснулся от страшного кошмара. Во рту была какая-то солёная слизь. Я понял, что урядник оглушил меня кулаком и разбил мне нос и губы. Я лежал так же в полузабытьи, без движения, как когда-то в избе после того, как меня раздавила телега.

Откуда-то издалека доносились бунтующие крики толпы, рыдающие взвизги женщин и чьё-то бешеное гавканье. Я с мучительным усилием поднял голову и со стоном опять уронил её на пол. Урядника в избе не было, и я догадался, что это он лаял на улице, — должно быть, разогнал толпу вместе с сотским.

Я поднялся на ноги и, пошатываясь, пошёл к двери. Бессознательно я распахнул её и перешагнул высокий порог. В сенях тоже никого не было. Дверь на двор была открыта настежь. Навстречу мне влетел на крыльцо Кузьяр и с буйным нетерпением в лице, насторожённо оглядываясь, подхватил меня под руку и стащил вниз по ступенькам.

— Скорей!.. Скорей бежим!.. Через задний двор бежим... На гумно!.. Тебя сейчас этот чёрт не хватится: его народ взял в работу... Весь наш порядок сбрался — за грудки его хватают, из-за тебя всё... Здорово ты срал, когда он колошматил тебя... Ну, народ и взбунтовался: не могли парнишку бить! От твоего, говорят, кулака и лошадь упадёт... Грозят ему, что барин Ермолаев сейчас приедет. К нему тётка Настя побежала.

Он торопливо выволок меня на усадьбу старосты и потащил в густые заросли черёмухи. Эти заросли непрерывно тянулись по усадьбам вдоль задних дворов. Мы ныряли в эти заросли, прятались в них, отдыхая, потому что я не мог бежать быстро, — должно быть, сильно избитый урядником, а может быть, и раздавленный его сапогами. Меня тошнило, и сильно кружилась голова.

Когда мы останавливались отдохнуть в кустах, Иванка глядел на меня с болью в лице.

— Ну и помолотил он тебя, сволочь окаянная! Весь в кровище... Зубы-то не выбил?.. О, вот так коленкор! Рубашка-то у тебя на спине вся в крови. Это что такое? Значит, он и нагайкой тебя порол? Ну, теперь, брат, Шустёнок и света не взвидит, а Гришке в селе — не житьё. Как пить дать, ему печёнки отобьют. Это поп с ним да с кривым Максимом подстроили, чтобы всех поморцев в церковь загнать да и не бунтовали чтобы. Слышишь, как народ бушует?

Только сейчас я услышал многолюдный гул, словно там происходила свалка. Через кусты мы добрались до усадьбы Паруши, свернули на узенькую межу и, сгорбившись, побежали к гумнам.

XII

Мне недолго пришлось скрываться на гумне, под ометом прошлогодней соломы. Прибежал Кузьярь и ещё издали победоносно закричал:

— Эй, Федяк! Вылезай — пойдём в село! Приехал горбатенький барин Ермолаев. Урядника прямо на месте пригвоздил. Велел тебя разыскать и к нему привести. «Я хочу, — говорит, — сам осмотреть его» — это тебя-то. Не бойся, брат: так и явись ему во всей красе. А на улице — ой-ой-ой! — народищу — тьма. Сдавили урядника-то с сотским. и — за грудки его... Осатанели все, а бабы словно с цепи сорвались. Он и так и этак — огрызается, как барбос, а ему и ходу нет: увяз, как в тине. А Гришку совсем замордовали: хоть и дылда, а серый стал и мычит, как поротый. Ежели бы не прискакал горбатенький мировой, уряднику с Гришкой не сдобровать бы...

Всё это торопливо, захлёбываясь, успел рассказать Кузьярь в те короткие минуты, когда я выползал из гнилой норы под ометом. Он подхватил меня подмышку и помог встать на ноги. Я весь покрыт был перегнившим сором, а в волосы набилась всякая дрянь. Он хотел сбить ладонями этот сор со спины, но жгучая боль пронизала меня насквозь. Я заорал и упал на колени. Кузьярь испугался и отскочил в сторону. Он смотрел на меня растерянно, с мучительной гримасой.

— Аль больно? Рубашка-то и сейчас мокрая.

— Я этого попа да Шустёнка зарезал бы сейчас... — прохрипел я со стоном. — Чего они со мной сделали!..

— Это ты за всех страдаешь... — разъярился Кузьярь и, оскалив зубы, взмахнул кулачишками. — Тебя-то заарканили, а наши правверные, как тараканы, спрятались. А поп-то в церкви взбунтовал всех. Только маленько погодя люди начали сбегаться, когда услышали, как ты на съезжей визжал. Да и я без ума метался по улице и с надсадой орал: Федяшку, мол, урядник убивает.

Мне было трудно итти: рубашка присохла к спине, и при каждом шаге невыносимая боль рвала кожу. Ломило голову, как в угаре, а руки и ноги мозжило, словно их колесом переехало. Раньше, сгоряча, я не чувствовал боли, а сейчас она набухла во всём теле, как опухоль.

— Ты не робей, Федяха, — утешал он меня. — Оклемаешься маленько, мы Шустёнку отомстим: живого места у него не оставим. Максиму я много насолил, а сейчас придумаю такую казнь, что он и места не найдёт.

Мы вышли на улицу от прясла Паруши, и мне вдруг стало страшно. Я остановился и попятился, когда увидел густую толпу мужиков и баб у съезжей, которые галдели, как на сходе. Поодаль, у входа, стояла стройная гнедая лошадка, а на козлах таратайки с гнутыми чёрными оглоблями сидел молодой кучер в кафтане без рукавов. На горбатой насыпи выхода толпились ребятишки и девчонки.

Не успел я оглядеться и очухаться, как передо мной рухнула на колени мать и, рыдая, прижала меня к себе. Я вскрикнул от боли, вырываясь из её рук. Иванка закричал ей в ухо, словно она была глухая:

— Тётя Настя, не бреди его, он весь избитый.

Мать вскочила и вместе с Кузьярем повела меня к толпе. Мужики хмуро смотрели мне навстречу, а молодухи и девки — со скорбным и гневным любопытством. Стремительными шагами, с локтями на отлёт, всклокоченный, злой, подбежал к нам чернобородый Филарет-чеботарь.

Он оттолкнул в сторону Кузяря и мать, подхватил меня подмышки и понёс в толпу.

— Вот вам! — крикнул он надсадно, тяжко дыша от волнения. — Смотрите, как наших детей всякая сволочь калечит... До кого ни доведись!.. Чай, кулаки-то у этого дуболома по луду... Чего парнишке надо-то? Да ещё плёткой порол... Видите, как разукрасил? Господин мировой, где такой закон, чтобы детишек терзать?

После всех событий в деревне он словно ошалел: порывистый, взвинченный, он весь горел от ненависти к начальству, к мироедам, к попу. Тогда он отделался побоями в стане и возвратился домой истерзанный, с переломом ребра. Он был «мирской», но со староверами жил дружно. Попа к себе и на порог не пускал, а встречал его со шпандырем в руке. Вот и сейчас он совал меня направо и налево.

— Смотрите, нате вам!.. В кровище весь парнишка-то... На кого напали с наветами!.. Кого мукам предали!..

Нас сдавили со всех сторон, но Филарет расталкивал локтями людей и нёс меня легко, как малыша. Яков горячо внушал что-то горбатенькому, а Катя зычно и гневно кричала в толпе. Горбатенький пристально оглядел меня и резким голосом спросил:

— Кто из вас может сказать, что этот мальчуган способен на преступное озорство?

Толпа сразу замолчала, как будто этот голос избил её в какой-то несправедливости. Филарет рванулся и к горбуну и к толпе и, задыхаясь от злости, заорал:

— Никто из нас, господин мировой, души не убьёт. Парнишку-то зазря, по наговору да по злобе терзали... Из правильной семьи парнишка-то... А поп со староверами воюет... Вот парнишку и выбрал, чтобы через него всех обесславить да завинить. Аль не правда? Эй вы, народ?

Он как будто обжигал людей своими выкриками, хотя толпа и без этого кипела и волновалась. Передо мною кишели и злые, и жалостные, и дикие глаза и раскрытые рты. Кричали и мужики и бабы все вместе — кричали гневно и требовательно. Горбатенький вместе с молодым парнем в деревенской рубахе и в картузе с голубым околышем стоял с закинутой назад головой и вслушивался в оглушительные крики толпы с недобрым лицом. Когда крики немного затихли, сзади толпы взъерепенился какой-то мужик:

— У нас в селе, слава богу, грамотеев мало... А Федька — гораздый на письменность, он и наваракал, окаянный!..

Горбатенький резко ответил на этот голос:

— На гадости грамотея не надо. На подлости и преступления только подлые души готовы.

Кузярь звонко, с дрожью в голосе, закричал:

— Это поповский да максимов прихвостень орёт... А напакостил Шустёнок, он не раз грозился... Его поп с отцом-сотским подослал... Он же и свидетелем вызвался... И урядника заранее зывали...

Яков оттащил его за плечо и строго приказал:

— Ты, Ванятка, много-то не болтай, а то и тебя заарканят.

Но Кузярь озлился и взвизгнул:

— Я не вру, а истинную правду говорю. Я все их коварства знаю... Разве не Шустёнок зимой у учительницы книжку украл да Федяшке подбросил, чтобы нас с ним обесчестить?..

Молодой парень в студенческой фуражке взял меня из рук Филарета и хотел поднять рубашку, но я завизжал от боли.

Горбатенький тихо посоветовал ему:

— Составь актик, Валерьян. Это вопиющий материал.

Надсадно взывал, бросаясь в разные стороны, Исай:

— Это они мстят... Не парнишка им досадила, а всех нас, бездельных, хотят оглушить да связать. Видали? Народ-то гневается, бунтует, а где староста да сотский скрылись?.. Уряднику-то досталось бы, да вырвался и ускакал. К попу всем народом пойдём!.. Нагрянем на него и велим с парнишки снять поклёп-то... Как же их, недругов, не громить?.. Ведь они нас в бараний рог согнут... Этого долгогривого из другого села вытурили за такие дела...

Яков сердито осадил его:

— Дурость несёшь, Исая!.. Аль тебя ещё не выучили?.. Поп да полиция того и ждут, чтобы народ побесчинствовал, — они тогда солдат пригонят...

Паруша с падогом в руке гневно подошла к горбатенькому.

— Вот ты, баринок, и рассуди: парнишку-то урядник изуродовал, а дедушку его, старичка, чуть не убил. Защиты нам нет и суда правого нет — только на себя надейся. Ужили мы в селе содружно, а вломился этот поп — пошли раздоры, подвохи, не приветы, а наветы. Раньше драл барин, а сейчас — супостат-татарин. Парнишку-то, колосочка золотого, надо бы дохтуру общупать: не повредил ли его этот злой губитель.

Горбатенький улыбнулся и утешил её:

— Вот этот молодой человек — врач. Он останется здесь и сделает всё, что нужно, а я пришлю лекарство.

Он взял мать под руку и заставил её наклониться к нему.

— Вот что, молодка: немедленно из деревни вон. Беги, куда хочешь, и как можно дальше. А то мальчишку могут отнять у тебя, и ты больше его не увидишь.

Мать тряслась от лихорадочной дрожи.

— Мы бы уж уехали, да лошадей ни у кого нет, чтобы далеко ехать. Спасите нас, Христа ради, барин! Может, вы прикажете отвезти нас с парнишкой-то?

— Хорошо, прикажу. Вечерком уедете. Жди!

И резким своим голосом потребовал:

— Где староста? Найдите и приведите сюда!

Кто-то злорадно откликнулся:

— Сотский-то удрал, едва ноги унёс, а без сотского наш староста не иначе на гумне спрятался али у попа сидит. Рази его найдёшь!

Горбатенький с улыбкой уважительно попросил Парушу:

— Я тебя давно знаю, бабушка, и почитаю. Скажи, сделай милость, народу, чтобы все разошлись. Тебя они послушают.

Паруша басовито и властно распорядилась:

— Ну, мужики, бабы, — по домам. А то скотина да чуланы ждут. Дайте дорожку барину! При напасти мы к нему с докукой пойдём. Душа у него праведная. Не обесудь уж, баринок: добром это дело не кончится.

Горбатенького проводили молча, но благожелательно. Он легко, как парнишка, вскочил на свою таратайку и снял белый картуз на прощание. А доктор взял меня под руку и вместе с матерью пошёл домой. Но толпа не расходилась: голоса Якова, Филарета и Исая всё ещё кричали позади нас.

Кузьяр шёл за нами вместе с Парушей, заодно подняв шершавую голову и размахивая руками.

В избе студент уложил меня вниз животом на лавку, приказал подать тёплой воды. Мать со свойственной ей хлопотливостью побежала в чулан, вынула из печи чугунок с водой и вылила её в ведро.

— Матушки мои! — горячо поразилась она. — Да тут и мужик бы омертвел от такого терзания, а не то что парнишка. И как ты только, Фёденька, вытерпел?

Студент с недоброй насмешкой в молодом баске проворчал:

— На то и урядники и исправники, чтобы мужика пороть да морды бить. А мужику положено перед начальством спину гнуть и благодарить за милость. Поучат побольше мужика, может быть, и он очухается да за дубинку схватится. Ну-ка, Настей тебя зовут-то? Бери-ка ковш и лей понемножку. Я сам займусь этой операцией.

Студент ласково и бережно смочил мне спину тёплой водой и пошлёпал лёгкими ладонями. Мне было приятно чувствовать его руки, хотя режущая боль и пронизывала спину. Мать промыла мне лицо и руки.

Дедушки с бабушкой в избе не было: они, должно быть, занедужили от потрясений. Паруша стояла поодаль, опираясь на падох, и сурово молчала. А Кузьяр переходил с места на место и с лихорадочным любопытством следил за руками студента.

— Эх, вот как тебе, Федяха, шкуру-то содрали, — с оторопью изумлялся он. — А я уж этого вовек не забуду.

Студент повернулся к нему и спросил:

— А ты, молодой человек, почему здесь околачиваешься?

Кузьяр доблестно отразил его недружелюбный вопрос:

— Чай, он мне задумешный товарищ. Из съезжей-то, из-под кнута урядника я его выволок, когда тот выбежал народ разгонять. На гумно-то кто его увёл да под омёт в нору спрятал? Никто, как я.

Студент похвалил его:

— Вот это другое дело. Смелость и верность в дружбе — самое ценное в человеке. Молодец!

— А у нас содружье-то наше поп вон кадиллом своим да коварством во вражду, в собачью драку обратил, — с суровым сокрушением сказала Паруша. — Был у нас наставник, богослов, Митрий Стоднев, мироед. Тот, ради души спасенья, хороших людей в железы заковал и в Сибирь угнал. Брательника своего родного съел. А сейчас другой волк заявился. В народе злобу да раздор посеял. На церкви какие-то чёрные слова подговорил кого-то намазать, а может, и сам напачкал, а указал на Федю. Урядника заранее успел вызвать. И гляди, какое истязанье малолеток-то претерпел. Я уж тут сама, хоть и старуха, хоть и сырой человек, а побежала по избам и караул закричала. И вот Ванятка, дай бог ему здоровья, людей тоже побулгачил. А то бы Федяньке-то не сдобрать: затерзал бы его урядник-то до смерти.

Студент легко отлепил мне рубашку со спины, а мать сняла её через голову. Даже Паруша встала и подошла ко мне близко, чтобы посмотреть на израненную спину мою.

— Вот они как с народом-то обращаются, — гневно вздохнула она.

— Да, бабушка Паруша, — с той же недоброй усмешкой согласился студент. — У народа спина крепкая — выдюжит. Терпение — тоже сила, да не впрок. А вот поп у вас вашим терпением вас же и бьёт. Он, как видно, даром время не теряет. У него, бабушка, другие виды — недовольных да бунтарей властям предавать.

Паруша с суровым убеждением прикрикнула на студента:

— Ты, господин выюнош, нашу душу не ведаешь. Мы и терпеть умеем и за правду пострадать не страшимся. Нечестивые дела да наветы — у лихоимцев, у супостатов да захребетников. Нам защита и прибежище — праведный труд да мирская помощь.

Студент уважительно возразил ей:

— Мирская-то помощь у вас против супостатов — непрочная, тётушка Паруша. А тут бороться надо плечом к плечу. У вас же каждый смотрит из-за своего плетня. Вот мальчик-то пострадал, а мирская помощь-то пряталась от греха. Отдельные люди — не в счёт.

Мать неожиданно поддержала доктора:

— Тебя, тётушка Паруша, тоже, чай, в жигулёвку заушали, целую ночь сидела, а мирская-то помочь так и не пришла.

— Как это не пришла? — шутливо запротестовала Паруша. — А кто меня тёмным вечером из жигулёвки-то вызволить хотел? Вот они, эти удалцы, — Иванка да Федя.

— Без артели, тётушка Паруша, без общей воли человек — сирота. Здесь волкам раздолье. Сама же ты говоришь, что в содружье-то поспустат раздор сеет. Вот он, Федя-то мой, за этот раздор и поплатился.

В избу вошёл тот молодой кучер, который сидел на таратайке, и подал доктору кожаный саквояж. Пока студент мазал мне спину какой-то липкой мазью, обкладывал ватой и пеленал меня, кучер отозвал мать в сторону и что-то приказал ей.

Студент по-свойски предупредил его:

— Я сейчас выхожу, Миша.

Он поднял меня на руки и перенёс на кровать.

— Ну, прощай, кудряш! Немножко полежи, успокойся, приди в себя. — Он одобрительно улынулся и протянул мне руку. — Выдержал испытание — крепись дальше. Несправедливостей и ударов ещё много будет в жизни. Но духом не падай!..

Он всем пожал руки, а Иванку даже потрепал по плечу.

— А ты мне, дружок, очень понравился. Держись и дальше молодцом.

И для Паруши нашлось у него доброе слово:

— Не напрасно ты жизнь прожила, бабушка Паруша: в таких, как ты, народ хранит силу свою и гордость.

Паруша поклонилась и с достоинством ответила:

— Не обессудь, милый вьюнош! В труде мы живём, в труде и богу душу отдадим. Я чести своей и смолоду за копейку не продавала. А спроть анафемы да лиходеев небоязно, с открытой душой стояла. Правда-то всегда к солнышку ведёт, а кривда с нагайкой да в чёрной рясе рыщет, чтобы распять её. А правда-то страха не боится.

Она опять поклонилась ему и кротко попросила:

— Не откажи в милости, вьюнош: погляди на старичка, на дедушку Феденьки. Урядник-то больно его удостоил: на пол его кулачищем своим свалил. Много ли старичку надо-то...

Они вышли из избы, а Иванка наклонился ко мне и прошептал:

— Я вечером буду ждать тебя на прощание у межевого столба. Не забывай, письма друг дружке писать будем.

Едва сдерживая слёзы, он оторвался от меня и выбежал из избы.

XLIII

А вечером к избе подъехал тарантас. Бабушка стонала и плакала, а дедушка простился истоиво и только сказал через силу:

— Ну, мир дорогой! Не избаловайтесь там... Родителей не забывайте. Пускай Васенька-то хоть рублишка два пришлёт...

Так мы и уехали из деревни украдкой — не просёлочным трактом, а полевыми межами и малопроезжими дорогами. Кузьяр ждал нас на Ключёвской грани, а мы ускакали в другую сторону. И мне было очень горестно: он, должно быть, ждал долго и терпеливо — ждал один в ночной звенящей тишине до петухов и ушёл домой, словно обманутый, с тяжёлой обидой в душе и с болью разлуки без расставанья — без последнего слова и объятия.

Поля вокруг пропадали во тьме и сами превращались в ночь, а у дороги рожь струилась и мерцала застывшими дымками и уплывала назад, растворяясь в ночной мгле. Впереди и по сторонам очень далеко

чёрными тучами клубились перелески. И небо было бездонно-синее с реденькими искорками звёзд. Близко и далеко щёлкали перепёлки и тревожно крикали дергачи, словно им было жутко одним в безжизненной ночной пустоте. и они перекликались, чтобы не чувствовать себя одинокими и беззащитными. Дергачи беспокойно хрипели: «Бер-регись, бер-регись», а перепёлки храбрились: «Без переполоха, без переполоха!..» Но мне чудилось, что они предупредительно кричали мне, как будто знали, что мы бежим из деревни, что за нами урядник может верхом поскакать в погоню.

Мать часто оглядывалась и боязливо вздыхала, прислушивался и я и взглядывался назад, где исчезла в далёкой тьме наша деревня. В этой тревожной насторожённости и мучительном страхе стук колёс и топот копыт нашей ходкой лошадки казались далёким грохотом наступающего нас целого табуна лошадей. В эти минуты я совсем не чувствовал боли на спине и не ощущал толстой и тугой поязки на теле. Один раз я замер от ужаса, когда впереди вдруг зачернели на дороге сбитые в кучу тени верховых, которые шевелились и как будто молча подстерегали нас. Испугалась и мать, и мы невольно прижались друг к другу. Но кучер спокойно сидел на козлах, покуривал цыгарочку и подбодрял лошадь вожжами. Страшные тени оказались высокими зарослями кустарника на широкой меже.

А кучер, вероятно, догадался, что мы всё время были в тревоге, в нервном ожидании погони, — он обернулся к нам и засмеялся:

— Вы чего это съёжились-то? Аль боитесь, что догонят да свяжут вас? Не бойтесь. Эта образаина, урядник-то, сам дал лататы: перед нашим мировым он и все барбосы глистами ползают. Он за ихнее живодёрство их под ножом держит. А дай срок, эти шкуродёры вместе с вашим попом и нынешний ваш скандал перед архиереем да губернатором обыграют. Только ведь наших бар голыми руками не возьмёшь: они в Петербурге — как дома. Спи спокойно, паренёк, тебе больше всех досталось.

Он опять засмеялся, повернулся к лошади и чмокнул на неё губами. Потом опять наклонился к нам и вполголоса сообщил:

— Молодой доктор-то — из студентов. Сродственник ихний, тоже из Петербурга. Он ещё больше к народу льнёт: по домам ходит — больных лечит. А по вечерам с парнями, как с ровней, валандается. Дружок мой. А я тут недавно: не здешний. С ним, со студентом, приехал. Рабочий я — с завода. Выкинули меня с волчьим билетом. Против капиталистов шёл с товарищами. Нас несколько человек таким манером выбросили. В столицах нам места нет. А тут работа большая: надолго хватит. И студент, само собой, помогает. Горбатенький-то сквозь пальцы смотрит: они с братом-то, с Михайлом Сергеичем, и в Питере считаются друзьями рабочих. Меня они и приняли поэтому.

И уже совсем тихо, полушёпотом, с оглядкой, быстро проговорил:

— Знаю, интересовался вашим положением: к отцу едете, к рабочему. Поэтому с охотой еду с вами и не таюсь. Мы, рабочие, — одна семья. А вашу беду, которую наши враги уготовали вам, мы обсудим и врагов на чистую воду выведем. И кой-кого из ваших в союз возьмём. Вы не знаете, какая большущая смута идёт: драка огромная будет. Рабочий класс — сила великая: он железный кулак готовит. Он всё по-своему устроит. Капиталистам да помещикам не властвовать.

Мать тоже тихо сообщила:

— Мы ведь с Федей тоже в рабочей артели жили: на ватаге работала я.

— Ну вот! — обрадовался кучер. — Так ты меня должна с полслова понимать.

Он погрозил во тьму кнутом и уверенно пообещал:

— А собаки эти — полицейские зверюги — в урез достукаются, им первым будем башки рвать.

Мать слушала его с живым любопытством: я чувствовал, что она сразу поверила ему и успокоилась. Мне тоже этот рабочий понравился: он расположил к себе и дружеским голосом, и уверенностью в нашей безопасности, и презрением к уряднику. Но особенно он покори́л меня своей ненавистью к полиции, к попам, к богачам и своим вдумчивым участием к моим испытаниям.

Он напоминал мне чем-то моих ватажных друзей — Гришу и Харитона. Я уже научился чувствовать и разгадывать таких людей и узнавать в них родные души. Такие люди сразу пленяли меня своей внутренней силой, и я всем сердцем тянулся к ним, как к верным защитникам.

— Больно уж народ-то у нас несогласный... — с обидой пожаловалась мать. — Каждый за свой плетень прячется да за лошадиный аль коровий хвост держится.

Миша засмеялся, подумал и обернулся.

— В том-то и беда, что у мужика борода — узда. На такие поговорочки сам мужик — мастак. Лучше его никто сам себя на смех не подымет. А то другая есть у него поговорка: у мужика одна утеха — дыра да прореха. Да ещё прибавит: только мухи живут без голодухи. Вот власть-то за бороду мужика и держит.

Он опять наклонился к нам и так же секретно сообщил:

— И у нас, в Ключах, и в других экономиях по одному, по два рабочие собираются. Такие же, как я. Везде экономии-то машинами хлеб обрабатывают. И слесаря, и машинисты, и всякие мастера нужны. У нас вот Ермолаевы паровую мельницу хотят строить, а рядом с ней спиртогонный да сахарный завод. А мы, пока суд да дело, свою работу ведём.

Так ехали мы долго среди ночных запахов травы и молодых колосьев и выбрались на столбовую дорогу за очень длинным селом. Я уже не думал о погоне: дружелюбие парня и его бодрая уверенность, что нас ночью никто не хватится, а урядник опамятуется, может быть, только завтра, да и то без станového не решится нагрянуть в село, успокаивали меня. Да и мать повеселела и как будто отудобила от пережитых ужасов: она уже не прижималась ко мне, замирая от страха, а выпрямилась и смотрела вперёд с радостным волнением. Она даже спустила платок с головы на плечи, и я в темноте видел, как светилась улыбка на её лице.

Страшные потрясения этого дня так надломили меня, что я обморочно заснул и не ощущал уже никаких болей в теле.

Разбудила меня мать только на вокзале, и первым впечатлением моим был гудок паровоза.

Так закончилась бегством наша жизнь в деревне. Перед нами открывалась неведомая даль, полная невнятных обещаний и надежд.

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

Академик А. ВИНТЕР
Инженер А. МАРКИН

★

ЭНЕРГЕТИКА В БОРЬБЕ ЗА ИЗОБИЛИЕ

Сегодняшний день советских людей полон творческих забот. Учёного и литератора, инженера и деятеля искусств, рабочего, колхозника, механизатора МТС — всех волнует мысль о том, что ещё необходимо сделать, чтобы добиться крутого подъёма производства предметов народного потребления, обеспечить ускоренное развитие всех отраслей сельского хозяйства, лёгкой и пищевой промышленности.

Условия решения этой задачи разработаны партией и правительством, одобрены и приняты всем народом. Но, чтобы лучше и в более короткие сроки реализовать их, нужно энергично искать и находить новые, ещё не вскрытые резервы и ресурсы, новые источники увеличения производства продовольственных и промышленных товаров для населения.

Коммунистическая партия в своей политике исходит из того, что чем выше поднимет советский народ производительные силы страны, чем больше продукции будут давать промышленность и сельское хозяйство, тем скорее будет решена величественная задача создания изобилия продуктов и обеспечена победа коммунизма в нашей стране.

Одним из важнейших средств нового повышения производительных сил Советской страны, создания изобилия продуктов является энергетика, дальнейшее развитие электрификации в промышленности и сельском хозяйстве.

Электрификация лежит в основе технического прогресса всех отраслей народного хозяйства. Коммунистическая партия и Советское правительство всегда заботились о росте энергетической базы страны. За годы советской власти объём всего промышленного производства в СССР увеличился в 39 раз, а выработка электроэнергии выросла в 70 раз.

В минувшем, 1953 году наши электростанции произвели 133 миллиарда киловатт-часов электроэнергии — почти в три раза больше, чем в 1940 году, и в 266 раз больше по сравнению с тем временем, когда советский народ по призыву В. И. Ленина приступил к электрификации страны. Теперь у нас в каждые полтора дня производится электроэнергии больше, чем выработали в стране все электростанции в 1921 году — первом году осуществления плана ГОЭЛРО.

Вопросы механизации, автоматизации и электрификации ещё никогда не стояли так широко, как в пятой пятилетке. Вся отечественная энергетика привлекается для решения этих задач. Чтобы наглядно представить себе размах машинного производства в СССР, приведём такой пример. Если бы те материальные ценности, которые ныне получает ежегодно советский народ при помощи машин, производить при помощи мускульной энергии людей, то нашей стране нужно было бы увеличить население более чем в 50 раз.

И всё-таки достигнутые нами успехи в электрификации — это пока, так сказать, пролог, подготовляющий более решительные сдвиги в этой области. Ведущей тенден-

дней советской электрификации является постепенный охват электротехнологией всех отраслей народного хозяйства. Множество типов электромашин и аппаратов ещё предстоит внедрить в социалистическое производство.

Время распространения отдельных машин-автоматов сменяется началом эпохи использования сложных систем в виде автоматических линий и целых заводов-автоматов. Но и этого ещё недостаточно. Дело в том, что электрификация позволяет устанавливать технологические связи между разобщёнными производствами. Следовательно, система электромашин уже выходит за пределы отдельного предприятия и охватывает целый комплекс разнородных, но технологически связанных производств. Эта высокая форма организации подводит нас к тому знаменательному этапу, когда, по мысли академика Г. М. Кржижановского, советские люди начнут господствовать над трансформацией вещества и над трансформацией энергии.

О большой и малой энергетике в сельском хозяйстве.

В постановлении сентябрьского Пленума ЦК КПСС и в последовавших затем решениях Центрального Комитета партии и Советского правительства разработана конкретная программа борьбы за создание обилия предметов народного потребления. В ближайшие два-три года мы должны иметь в стране достаточное количество продовольствия и промышленных товаров, чтобы в каждом городе, в каждом сельском районе можно было купить всё, что необходимо советскому человеку.

Успешное осуществление этой задачи требует коренного улучшения всего сельскохозяйственного производства, снабжающего население продуктами питания, а соответствующие отрасли промышленности — сырьём. Нужна также серьёзная перестройка многих действующих предприятий лёгкой и пищевой промышленности, быстрый ввод в строй новых производственных мощностей, улучшение торговли. Чем же может помочь здесь электрификация?

Электроэнергия широко и с большим эффектом используется теперь во многих процессах сельскохозяйственного производства и служит целям комплексной механизации всех работ. Сентябрьский Пленум ЦК КПСС в своём решении подчеркнул, что для дальнейшего укрепления материально-технической базы сельского хозяйства важное значение имеет электрификация МТС, колхозов и совхозов.

В настоящее время мощность всех сельских электростанций нашей страны составляет более полутора миллионов киловатт. Электрифицирована пятая часть колхозов, 90 процентов совхозов и 95 процентов МТС.

Применение электродвигателей в колхозном и совхозном производстве повышает производительность труда, по сравнению с ручным, в очень широких пределах — от 10 до 160 раз. Каждый киловатт электрической мощности, используемый в сельском хозяйстве, высвобождает по меньшей мере восемь работников, занятых физическим трудом. Из этого видно, какое серьёзное значение имеет дальнейшая электрификация для крутого подъёма сельского хозяйства.

Основой сельскохозяйственной энергетики сейчас является трактор, двигатель внутреннего сгорания. Это главная и решающая сила земледелия. Проблема создания подвижных электромашин для полеводства, несмотря на многолетние работы учёных и инженеров, пока ещё не решена.

Недостатки теплового трактора известны. Имеющаяся в сельском хозяйстве масса тракторов потребляет ежегодно огромное количество жидкого топлива. Добычей, переработкой, транспортировкой и хранением этого топлива заняты миллионы людей. Обслуживающий персонал МТС велик. Всё это находит своё отражение в высокой себестоимости продукции сельского хозяйства. Несомненно, что пути радикального преобразования энергетической базы и всей техники полеводства лежат в направлении электрификации.

Вспомним, с каким пристальным вниманием В. И. Ленин следил за первыми опытами электропахоты. В 1921 году он сам побывал на Бутырском хуторе, когда проходило испытание первого в мире электроплуга, сконструированного советскими инженерами. С тех пор дело продвинулось далеко, хотя и в настоящее время нам ещё

рано говорить о том, чтобы выйти из опытной стадии и начать массовое производство и внедрение электротракторов, электрокомбайнов и других новых электромашин для сельского хозяйства. В чём же главная трудность?

Самый электротрактор представляет собой сильную и легкоуправляемую машину. Однако уязвимым звеном электротракторного агрегата является кабельное электропитание и необходимость сооружения электросетей практически на громадных площадях. Это очень сложное дело. Советские учёные продолжают упорно работать как над совершенствованием конструкции самого электротрактора, так и главным образом над системами его электроснабжения. Изыскиваются новые виды особо прочного кабеля, улучшаются способы автоматической укладки и разматывания кабеля на электротракторе, разрабатываются новые виды опор для полевых сетей, типы передвижных полевых электроподстанций. Перспективной представляется идея бескабельного электропитания. Требуется создание специальных электрифицированных машин с применением многомоторного электропривода и автоматическим управлением.

Если здесь не говорить об этих и многих других поисковых и опытных работах, то в числе очередных вопросов развития электрификации сельского хозяйства есть немало таких, которые на первый взгляд могут показаться «мелкими», менее существенными, но на самом деле требуют к себе пристального внимания.

Достаточно ли широко, в соответствии с возможностями, применяется электроэнергия, например, при очистке, сортировке и протравливании зерна, при его сушке? Конечно, нет. Работы эти очень трудоёмки, и электрификация здесь должна быть неотложной. К тому же надо иметь в виду совпадение такого рода работ с самыми напряжёнными сезонными периодами колхозного труда. Во многих колхозах и совхозах не все звенья производства охвачены механизацией в равной степени. В результате бывает так, что отличная проведённая уборка зерновых не даёт должного эффекта в связи с тем, что последующие этапы обработки зерна механизированы слабо. А именно на этих-то операциях в большинстве колхозов используется ручной труд. Вручную очищают, сортируют, взвешивают, погружают и разгружают зерно. Ясю, что электрификация принесла бы здесь огромную пользу.

Перед энергетиками стоят особо серьёзные задачи по механизации основных трудоёмких работ на животноводческих фермах. Это прежде всего автоматизация водоснабжения, электрификация и кнопочное управление транспортом на ферме, уборка и электрооткачка навозной жижи, распространение электрифицированных приборов для чистки и мойки живстных, усовершенствование электрооильных аппаратов.

Очень остро ощущается недостаточность механизации транспортировки кормов и кормоприготовления. Известно, что высокопродуктивная корова в течение года требует до 20 тонн кормов. Можно себе представить, как велик объём работ по подготовке кормов для скота на крупной ферме и какую важную роль сыграло бы и в этом деле использование электроэнергии!

Ещё одна проблема, за решение которой надо взяться по-настоящему. В энергетическом балансе колхозных ферм на долю силовой энергии для привода механизмов приходится только 15—20 процентов, а на долю тепловой энергии, идущей на запарку кормов, подогрев воды, пастеризацию молока, отопление некоторых помещений,— до 80—85 процентов. Очевидно, что в тех случаях, когда нет дешёвой гидроэнергии, покрывать потребности фермы в тепле за счёт электроэнергии нецелесообразно. Значит, надо разработать новые типы экономичных тепловых электростанций на местном топливе с применением теплофикационных агрегатов. Теплом этих установок можно снабжать также теплично-парниковое хозяйство.

Некоторые товарищи считают, что мы уже вступили в эру изобилия электроэнергии. Они и слышать не хотят, скажем, о лошадях и волах, о мелких механических мельницах, о ветродвигателях — без электромотора, мол, никак не обойдёшься в любом колхозном производстве. Конечно, со временем это так и будет. Однако должно заметить, что иногда любовь к новой машине из добродетели превращается в свою противоположность. Не без участия гигантоманов в технике колхозы лишились сотен тысяч ветряков-мельниц, лесопилок, простых оросительных двигателей, было разрушено множество водяных мельниц.

Никто не будет оспаривать того, что лучшие наши энергетики — это подлинные энтузиасты электрификации. Но они всегда стояли и стоят за максимальное использование в большом советском хозяйстве так называемой малой энергетики. Они исходят из того, что мы ещё не можем полностью удовлетворить огромный спрос на электроэнергию. Распределять электроэнергию следует разумно, снабжая в первую очередь наиболее важных — с точки зрения народнохозяйственного значения — потребителей. Отсюда логический вывод: не следует гнущаться другими видами энергии там, где есть возможности их применить.

Между тем получилось так, что, например, ветроэнергетика остаётся у нас всё ещё наиболее отсталым участком. Строительство новых ветроустановок идёт исключительно слабыми темпами. С игнорированием использования энергии ветра в сельском хозяйстве пора покончить. Ведь даже самая простая ветроносная установка с подачей воды на ферму сокращает затраты труда более чем в 40 раз.

Откладывать в долгий ящик все эти дела было бы неразумно. Источники повышения энерговооружённости нашего сельского хозяйства надо изыскивать повсюду.

Для выполнения поставленной партией и правительством задачи — достижения крутого подъёма производства предметов народного потребления — особо важное значение имеет дальнейшее развитие зернового хозяйства как основы всего сельскохозяйственного производства.

Намеченная февральским Пленумом ЦК КПСС программа резкого увеличения производства зерна предусматривает расширение в 1954—1955 годах посевов зерновых культур за счёт освоения залежных и целинных земель не менее чем на 13 миллионах гектаров и получение в 1955 году с этих земель 1 100—1 200 миллионов пудов зерна.

Наша страна располагает огромными богатствами залежных и целинных земель в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и частично — Северного Кавказа. Работа по освоению этих земель уже начата. Советским энергетикам предстоит создать энергетическую базу на новом обширном поле труда; обеспечить новые районы земледелия электроэнергией для освещения и радиофикации жилищ; электрифицировать машинно-тракторные станции, механизировать водоснабжение, животноводческие фермы и т. д. Для этого нужно двинуть в осваиваемые районы земледелия передвижные электростанции, приступить к строительству, где это возможно, электростанций на местных энергоресурсах, строить новые электропередачи. Кроме того, необходимо распространить на новых землях хорошие ветродвигатели. Простые и нетребовательные в эксплуатации, они могут принести огромную пользу в обслуживании производственных и культурно-бытовых нужд.

Следует подчеркнуть, что успехи дальнейшего развития зернового хозяйства неразрывно связаны с электрификацией. Обилие электроэнергии даст возможность в громадных количествах увеличить производство минеральных удобрений и добиться повышения урожайности зерна на старых и новых землях.

Широкое использование наших колоссальных энергоресурсов — одно из важнейших условий для увеличения производства зерна, мяса, молока, овощей, технических культур.

Электрификация и производство товаров для населения.

Технический прогресс лёгкой и пищевой промышленности непосредственно связан с электрификацией. Большое значение здесь имеет внедрение одиночного и многомоторного электропривода.

Раньше станки приводились в действие от трансмиссий, вращаемых через канатные и ремённые передачи от паровых машин или двигателей внутреннего сгорания. С развитием электрификации центральный привод стал заменяться мелкогрупповым, который лишь ослабил, но не устранил все недостатки этой системы. Дело в том, что при таком способе нельзя, например, более рационально использовать производственные

помещения, здания требуют особой конструкции с учётом наличия тяжёлых трансмиссий. Достаточно сказать, что при трансмиссионном приводе мельница производительностью 150 тонн продукции в сутки имеет до 30 тонн одних только трансмиссионных валов. Далее, расположение машин находится в зависимости от размещения трансмиссий и приводов, то есть не всегда соответствует требованиям технологического процесса. При этом огромны потери энергии, невозможно достичь постоянства скорости и есть ещё много других неудобств и дефектов, для устранения которых требовалось найти другие пути улучшения работы предприятий.

Рассмотрим теперь достоинства применения одиночного электропривода. При таком способе производительность машин значительно повышается. Кроме того, постоянство скорости обеспечивает, например, в текстильной промышленности сокращение случаев обрывов в прядении. Качество ткани улучшается. Применение одиночного электропривода экономит производственные площади. Хотелось привести такое сравнение. Двухцилиндровая паровая машина Ползунова мощностью в 40 лошадиных сил достигала высоты трёхэтажного здания. Теперь мотор такой мощности не превышает объёма небольшого стола. В одном из крупных цехов Московского комбината имени Щербакова перевод оборудования на одиночный электропривод позволил на той же площади дополнительно установить 125 высокопроизводительных ткацких станков. Это обеспечило дополнительный выпуск 1 800 тысяч метров шёлковых тканей в год.

В последнее время конструкторская мысль работает над созданием новых высокопроизводительных машин-автоматов. Большой интерес представляет конструкция агрегата, в котором электродвигатель срачивается с рабочим механизмом в одно органическое целое. Такова, например, электрическая чесальная машина Фридкина, электроцентрифугальная прядильная машина Петрова и Шетлера, электропила Осипова, винтовой электропресс Голована.

Работники лёгкой и пищевой промышленности, стремясь обеспечить высокое качество своей продукции, предъявляют к электроприводу более высокие требования. Одно из них сводится к возможности регулировки скорости для качественного улучшения обработки продукции. Вместе с тем растёт спрос на высокоскоростной электропривод. В этом нуждаются современные станки и машины деревообрабатывающей, прядильной, обувной и других отраслей промышленности. Высокооборотные двигатели упрощают и удешевляют электропривод, позволяя обходиться без промежуточных ускорительных передач. Решение этой серьёзной проблемы связано с предложениями о повышении частоты тока.

Существенное значение для мобилизации резервов, имеющихся в производстве, приобретает поточный метод. Новые методы поточного производства — одно из важных средств дальнейшего подъёма лёгкой и пищевой промышленности. Уже невозможно представить себе передовую обувную или швейную фабрику без поточной линии, без конвейера. В обувной промышленности число конвейеров возросло с 1950 года по 1952 год на 40 процентов. Всюду, где внедрён поток, резко возрастает производительность труда, достигается равномерный выпуск продукции, лучше используется производственная площадь.

В директивах XIX съезда партии подчёркивается необходимость обеспечить значительный рост автоматического оборудования для отраслей лёгкой и пищевой промышленности и широкого внедрения автоматизации и механизации процессов производства продовольственных и промышленных товаров.

Автоматические машины и линии, выполняющие несколько операций и совмещающие их, весьма эффективны. Они позволяют организовать массовый выпуск продукции, облегчить условия труда и в то же время получить больше продукции с каждой единицы оборудования.

Благодаря электрификации мы можем создавать новые производства и расширять ассортимент товаров. Она является одним из важных условий дальнейшего широкого развития промышленности искусственного волокна, пластмасс, красителей, фармацевтических товаров и т. д. А ведь это имеет огромное народнохозяйственное значение. Известно, например, что каждая тонна пластических масс заменяет в среднем около

трёх тонн цветных металлов. При этом размер капиталовложений на тонну готовой продукции в промышленности пластических масс во много раз меньше, чем в цветной металлургии, а сроки окупаемости первоначальных затрат значительно короче.

Промышленность продовольственных товаров имеет существенные достижения в деле внедрения передовой техники и электрификации. Однако современным электрифицированным оборудованием оснащены преимущественно крупные предприятия союзного подчинения. На многих же менее мощных заводах и фабриках ещё немало устарелого и изношенного оборудования, низок уровень автоматизации, высок удельный вес операций, выполняемых вручную. Перед машиностроителями стоят большие и ответственные задачи, связанные с необходимостью увеличить производство электрифицированных высокопроизводительных машин и автоматов. Это обеспечит быстрейшую механизацию и автоматизацию технологических процессов на предприятиях, занятых выпуском продовольственной продукции для населения.

Электрoавтоматизация производства сильно помогла развитию пищевой промышленности. Только за последние полтора года пищевые предприятия страны получили свыше тысячи новых автоматов, полуавтоматов, поточных линий.

На хлебозаводах применяются агрегаты, механизрующие процессы приготовления теста. Сдан в эксплуатацию первый хлебозавод-автомат, состоящий из новых оригинальных машин. Все процессы, начиная с подачи муки и кончая выходом готовой продукции, выполняются на этом заводе механизмами.

В сахарной промышленности сконструированы непрерывно действующие автоматические аппараты. Они позволяют извлекать из свёклы максимальное количество сахара. В маслодельной промышленности машины дают возможность организовать производство сливочного масла непрерывно-поточным способом. Это означает не только увеличение мощности действующих предприятий, но и улучшение качества масла.

Внедрение автоматических поточных линий в пищевой промышленности имеет особое значение. Сокращается время переработки сырья и, следовательно, можно лучше сохранять ценные питательные компоненты свежего сырья, например, витамины. Стойкость продукции повышается, так как переработка ведётся в закрытой системе, при самых благоприятных санитарно-гигиенических условиях производства.

На пищевых комбинатах большое распространение находят брикетно-завёрточные автоматы и расфасовочные машины. Решающая роль и здесь принадлежит электроэнергии.

Производство продовольственных товаров в расфасованном, готовом и подготовленном виде имеет много преимуществ. Прежде всего это способствует сохранению качества продуктов, кроме того освобождает хозяйку от лишних хлопот по приготовлению пищи, наконец, повышает культуру торговли и улучшает обслуживание покупателей. Товары, взвешенные и упакованные заранее, и штучные изделия отпускаются в четыре — шесть раз быстрее.

Автомат для расфасовки и завёртки маргарина выпускает в минуту более 50 пакетов, аккуратно упакованных в пергаментную бумагу. Раньше для этих операций требовалось 12 рабочих.

Электрoавтоматические высокопроизводительные линии начинают всё более широко использоваться при изготовлении мясных котлет, пельменей, сливочного масла, сосисок. Производительность автомата для выработки котлет — миллион штук в смену, машина заменяет труд более 70 человек. На мясокомбинате имени Микояна установлены автоматы для изготовления пельменей. Каждая такая машина выпускает до тонны пельменей в час.

Полностью оправдали себя автоматические линии для разлива пищевых жидкостей массового потребления — молока, пива, вина, фруктовых и минеральных вод. Мойку посуды, разлив, укупорку и этикировку заполненных бутылок целиком выполняют машины. Автоматические линии, работающие на пивоваренных заводах Москвы и Ленинграда, дают очень высокую производительность — 6 тысяч бутылок в час.

К числу технических новинок можно отнести оригинальное устройство для автоматического изготовления бумажных бутылок, наполнения их молоком и укупорки. Такую линию построил ленинградский завод «Красная вагранка». Она состоит из одиннадцати различных машин. Управление ими сосредоточено на центральном пульте. Агрегат выпускает в час до 2 500 бутылок молока.

На кондитерских фабриках автоматические линии позволяют почти полностью автоматизировать весь процесс производства конфет — вплоть до завёртки. Автомат буквально «выстреливает» до 450 штук ириса в минуту. На московской фабрике «Красный Октябрь» каждая линия за восемь часов работы производит 500—600 килограммов «Золотого ключика». Электрификация производства увеличила выпуск продукции.

В 1952 году на наших кондитерских фабриках действовало 10 автоматических линий, в 1953 — уже 125 линий, а в 1954 году число их увеличивается до двухсот.

Электрифицируя основное производство предприятий, нередко забывают об очень важном деле: механизации подсобных и трудоёмких работ. На предприятиях лёгкой и пищевой промышленности всё ещё непомерно велик штат вспомогательных рабочих. Погрузочно-разгрузочные работы, занимающие большой удельный вес в общем объёме производства, в большинстве случаев выполняются вручную или при помощи самых примитивных средств.

В текстильной промышленности, например, широко распространены ручные тележки для транспортировки грузов. Этим малопродуктивным трудом в общей сложности занято несколько десятков тысяч человек. Их годовая заработная плата превышает 150 миллионов рублей. На крупном текстильном комбинате количество ручных тележек доходит до 2 500, а стоимость их составляет миллионы рублей, причём 30—50 процентов тележек ежегодно обновляется.

Совершенно очевидно, что на текстильных предприятиях необходимо настойчиво внедрять лёгкие типы подвесных конвейеров, лёгкие электротали, кранбалки и краны, электрокары или троллейкары, автопогрузчики. Лишь некоторые предприятия, и то в последнее время, развернули работы в этом направлении. На комбинате «Красная Роза» ткацкие навои транспортируются уже по подвесной однорельсовой дороге на тележке с электрическим приводом механизма подъёма. На ленинградской прядильно-ткацкой фабрике «Рабочий» тоже оборудовали однорельсовую электрическую дорожку. Эффект получился весьма разительный. Почему же отстают в этом деле многие другие предприятия?

Исключительно важное значение имеет механизация погрузочно-разгрузочных работ, особенно по таким массовым видам сырья, как сахарная свёкла, картофель, зерно, мука. И это понятно: чем меньше времени будет затрачиваться на эти операции, тем больше гарантии сохранения качества сырья. Ведь, например, каждый сахарный завод средней мощности должен непрерывно в течение всего сезона производства (осенне-зимний период) получать для переработки полторы тысячи тонн свёклы в сутки, а некоторые заводы — по три и более тысяч тонн.

В хлебопекарной промышленности процессы хлебопечения в значительной степени механизированы и автоматизированы. А вот так называемые внешние работы по транспортированию и хранению муки до сих пор в основном выполняются со значительными затратами тяжёлого физического труда.

Вопросы использования в лёгкой и пищевой промышленности новых средств механизации с широким применением электропривода приобретают сейчас самое актуальное значение. Решать эти вопросы надо безотлагательно.

Неотложные задачи.

Электрификация производства в нашей стране непрерывно расширяется. Она всё более охватывает различные отрасли промышленности, и дело идёт к тому, чтобы превратить большинство технологических процессов в электротехнологические.

Реконструкция существующих и строительство новых предприятий, выпускающих товары для населения, осуществляются исключительно на базе электрификации. Уста-

новленная партией и правительством программа резкого увеличения в ближайшие годы выпуска промышленных и продовольственных товаров вызовет соответствующий рост электропотребления. Перед энергетическим хозяйством стоит поэтому очень серьёзная задача — бесперебойно снабжать значительно возросшее число потребителей электроэнергией.

Трудно теперь назвать какой-либо вид продукции лёгкой промышленности, изготовление которой не требовало бы довольно значительного количества электроэнергии. То, что раньше производилось путём кропотливого и утомительного ручного труда, теперь становится предметом электрифицированного производства. Для изготовления, например, одного миллиона разнообразных специальных иголок необходимо до тысячи киловатт-часов электроэнергии. Немало электроэнергии требуется для выработки разной фурнитуры, мелких металлических изделий. Один киловатт-час идёт на производство 5 квадратных метров стекла. Чтобы прокатать тонну металлоизделий, необходимо затратить до 30 и более киловатт-часов электроэнергии; на изготовление тонны эмалированной посуды тратится около 200 киловатт-часов.

Растёт также электроёмкость продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности. Так, для варки и расфасовки тонны сахара необходимо около 25 киловатт-часов электроэнергии. Эта цифра значительно повысится, если учесть все прямые и косвенные расходы электроэнергии, связанные с транспортом и обработкой свёклы. Чтобы выпечь тонну хлебо-булочных изделий, необходимо, кроме топлива, около 12 киловатт-часов электроэнергии.

Огромный спрос на электроэнергию предъявляет торговля.

Торговая сеть расширяется непрерывно. В течение 1954—1956 годов в городах и сельских местностях страны будет построено дополнительно ещё 40 тысяч магазинов. За это же время намечено открыть 11 тысяч ресторанов, столовых, закусочных, кафе, чайных и буфетов.

Современное торговое предприятие должно быть электрифицировано. В магазинах и складах необходимо механизировать трудоёмкие работы. Нужна хорошая вентиляция и отличное освещение.

В пищевой промышленности и на предприятиях советской торговли очень важное место занимает холодильное хозяйство. Холодильная техника обеспечивает сохранение огромных масс продуктов и даёт возможность организовать равномерное снабжение ими населения в течение всего года. В 1954—1965 годах будут построены холодильники общей ёмкостью 575 тысяч тонн. Это также увеличит расход электроэнергии. Ведь для того, чтобы охладить, например, тонну мяса с $+4^{\circ}$ до -10° , необходимо 50 киловатт-часов электроэнергии.

Наряду с развитием крупного холодильного хозяйства в нашей стране быстро растёт парк различных типов более мелких электрохолодильников. Они становятся необходимой принадлежностью продуктовых магазинов, ресторанов, столовых, закусочных, кафе, чайных и буфетов, санаториев, домов отдыха. Возрастает и спрос населения на электрохолодильники. Так всё больше и больше увеличивается число потребителей электроэнергии.

Увеличение выпуска товаров народного потребления требует значительного роста производственных мощностей лёгкой и пищевой промышленности. Все новые предприятия оснащаются современным оборудованием и полностью электрифицируются.

О расширении масштабов электрификации только одного звена хлебного производства — хлебопекарной промышленности — дают представление следующие данные. Если в настоящее время в системе Министерства промышленности продовольственных товаров действует около 800 хлебозаводов и 1100 механизированных хлебопекарен, построенных за десятки лет, то уже в ближайшие три года должно быть построено ещё 372 хлебопекарных предприятия с внедрением новейшей техники, а следовательно, и электрификации, во всех процессах выпечки хлеба.

Большие строительные работы будут осуществлены в пищевой промышленности. В течение 1954—1956 годов должны быть построены и введены в эксплуатацию 144 предприятия по переработке мяса. В строй действующих войдёт ещё 25 сахаропесочных

заводов, 720 маслодельных и сыродельных заводов, 50 консервных и плодоовощных заводов и много других.

Новое капитальное строительство планируется с таким расчётом, чтобы приблизить промышленность к сырьевым ресурсам и районам потребления, а также к источникам энергии — электростанциям и высоковольтным сетям.

В широком патриотическом движении трудящихся за увеличение выпуска продукции инженеры, техники и передовые рабочие всё больше используют возможности электрификации. Наибольших успехов добиваются именно те предприятия, которые широко пользуются всеми средствами энергетической техники для увеличения выпуска продукции с каждого метра производственной площади, с каждой единицы оборудования.

Однако неиспользованных резервов ещё, как говорится, непочатый край. Мы далеко не исчерпали всех возможностей применения одиночного электропривода. По существу начали только развёртываться работы по внедрению много моторного электропривода. Созданы первые десятки автоматических линий, но их должно быть значительно больше. Надо расширить работы по использованию для автоматизации электромашинных усилителей и ионно-электронных аппаратов, например, тиратронов, электронных ламп, фотореле. На очереди сооружение в лёгкой и пищевой промышленности предприятий-автоматов по типу тех заводов, которые уже действуют в тяжёлой индустрии.

Особенно заманчивые перспективы намечаются в связи с применением токов высокой частоты.

Закалка с помощью этих токов производится во много раз быстрее, чем обычным нагревом, и всегда даёт отличное качество продукции. В лёгкой промышленности новым способом можно производить закалку огромного количества разнообразных металлических изделий повседневного народного потребления, например, таких предметов, как швейные иглы, иглы для патефонов, перья, разнообразные инструменты, металлические детали сложной конфигурации.

Большие возможности имеют токи высокой частоты для нагрева полупроводников и диэлектриков. Такими токами можно нагревать пластмассы при их штамповке. Высококачественный нагрев обладает непревзойдёнными преимуществами в области сушки текстиля, шерсти, древесины, бумаги, керамики.

Техника тсков высокой частоты открывает новую страницу в развитии советской пищевой промышленности. Она ломает наши обычные представления о темпах и методах массового производства продуктов, о нормах их качества.

В консервной промышленности токи высокой частоты могут быть широко использованы для стерилизации консервов. Поток ускоренных электронов пронизывает стеклянные, металлические или какие-либо другие банки с консервами и убивает находящиеся там бактерии, споры и вирусы. Этот процесс измеряется секундами. При помощи электронного потока мощностью всего в один киловатт можно стерилизовать несколько тонн продукции в смену.

Уже создан высокопроизводительный автомат-стерилизатор для выработки высококачественных фруктовых консервов. Электронное облучение продуктов протекает так быстро, что представилась возможность производить совершенно новые, исключительно высокого качества консервы, предохранить от порчи свежие фрукты, ягоды, плоды, овощи. Можно выработывать компоты из таких нежных ягод, как малина и клубника. К этому следует ещё добавить дешёвизну подобного рода «холодной стерилизации». Нетрудно себе представить, как обогатится стол советской семьи, когда в практику пищевой промышленности будет широко внедрено электронное облучение продуктов.

Токи высокой частоты должны найти широкое применение в мясной промышленности. С их помощью, например, можно варить окорока. Для этого требуется всего 15—20 минут. Варка же в пару длится два-три часа, причём обычно наружные слои оказываются переваренными, а внутренние — недоваренными. Этого не случается при электротоварке. Велики преимущества применения токов высокой частоты при размораживании мяса. Обычно оттаивание происходит в тёплом воздухе и длится до двух суток. При этом внешняя часть туши недопустимо долго находится под действием тёп-

лого воздуха. Высокочастотная установка позволяет разморозить тушу за несколько минут.

Нередко бывает так, что учёные открывают перспективы технического прогресса для производства, которое весьма далеко стоит от их специальности. Примером могут служить акустики, разработавшие методы использования ультразвука в пищевой промышленности. Звуковые колебания очень большой частоты убивают бактерии, ускоряют различные биохимические процессы. Это свойство ультразвука с успехом может быть использовано для стерилизации пищевых продуктов, убыстрения (в сотни раз!) производства копчёных колбас и т. д.

Лёгкая и пищевая промышленность имеет много проверенных в практических условиях предложений, идущих со стороны деятелей передовой энергетической техники. К сожалению, приходится отметить, что есть ещё немало хозяйственников и производителей, которые не всегда с должным вниманием и заинтересованностью относятся к этим предложениям, явно недооценивают их экономическую эффективность. Нам представляется, что именно сейчас, может быть больше, чем когда-либо раньше, нужно, чтобы учёные, специалисты, новаторы-практики установили необходимый контакт, обеспечивающий совместную работу по широкому внедрению научных достижений в производство товаров народного потребления, как это предусмотрено в решениях партии и правительства.

Значение электрификации в деле создания у нас изобилия товаров для населения — очевидно. Отсюда вытекает насущная обязанность научных учреждений с большей активностью взяться за обобщение богатейшего опыта электрификации.

Десятки институтов занимаются вопросами проектирования, строительства и эксплуатации электростанций и энергосистем. В этой области имеются крупные достижения, созданы квалифицированные кадры.

Но можно ли сказать, что столь же благополучно положение в области электрификации производственных процессов, в частности, в лёгкой и пищевой промышленности?

Советская техника стремительно идёт всё дальше вперёд, требуя от энергетики таких же темпов и размаха. В каждой отрасли народного хозяйства ведущим началом является электромашинна — непосредственное орудие производственного прогресса, наиболее революционной фактор всей новой технологии массового производства. Особое значение имеет проблема автоматизации, которая в СССР благодаря плановой социалистической экономике находит своё самое широкое развитие.

Однако вся наука по электрификации сейчас сосредоточена только в стенах двух отраслевых институтов, а также на кафедрах нескольких учебных институтов. Существующие конструкторские бюро буквально захлёстываются текущей производственной работой. Потребность в электрификаторах в различных отраслях народного хозяйства всё время растёт, а подготовка их отстаёт от спроса.

Было бы ошибочно рассматривать электрификацию как часть или отрасль промышленности. Электрификация — это энергетическая база современного массового машинного производства, это качественная характеристика производительных сил нашего общества. И для неё не может существовать отраслевых и ведомственных перегородок. Вот почему, развивая и дальше область производства и передачи электроэнергии, необходимо подтянуть и выправить весь фронт электрификации отраслей народного хозяйства.

Для этого нужно разработать сотни новых типов электропривода, тысячи типов новых аппаратов и машин, использующих до дна замечательные свойства электрического тока. Надо помочь нашему машиностроению выпускать миллионы электродвигателей в широком диапазоне мощностей для механизации трудоёмких процессов, достаточное количество аппаратуры автоматического и телемеханического управления.

Академия наук СССР стоит до сих пор в стороне от этих важнейших проблем, решение которых содействовало бы мощному подъёму производства товаров народного потребления. Работы Академии наук в этой области так запущены, что специальные отраслевые институты и кафедры не могут получить здесь какой-либо научной помощи.

Известно, что современный технический прогресс идёт под знаменем синтеза машины. Создание высокопроизводительной машины требует самого тесного содружества учёных, работающих в области машиноведения, электромеханики, автоматики, электроники. В действительности все они работают разобщённо, и делается пока очень мало для того, чтобы направить их исследования по единому руслу.

На заводах и фабриках возникает много существенных вопросов. Возьмём для примера такой случай. Допустим, что новый завод проектировался два года, затем строился четыре года и наконец пущен в эксплуатацию. Неужели это предприятие должно и сейчас работать по проектам шестилетней давности, игнорируя новые возможности механизации и автоматизации? Нужно сделать так, чтобы на местах своевременно и безотказно получали необходимую техническую помощь в этом важном деле.

Внедрение электрификации и автоматизации производства в огромной мере зависит от заводских конструкторов-технологов и конструкторов-электриков, а также от работников МТС. Они могут сделать многое, чтобы открыть простор широкой механизации и электрификации производственных процессов.

Жизнь настоятельно требует, чтобы учёные и конструкторы помогли росту технического уровня многих тысяч механизаторов и электрификаторов-технологов. Необходимо обобщение опыта механизации и электрификации в разных отраслях народного хозяйства. Очень полезно было бы классифицировать все схемы механизации, все машины-автоматы в зависимости от специальных операций.

Производственникам надо дать в руки все необходимые материалы, чтобы они, применительно к конкретному технологическому процессу, характеру и последовательности операций, могли сами конструировать схемы механизации и автоматизации, сообразуясь с местными условиями. На большинстве наших предприятий есть все возможности для экспериментирования. Очень важно добиться такого положения, когда конструированием будут заниматься не только избранные одиночки и не только отдельные ведомства, а непосредственно инженеры, техники, рабочие-новаторы на производстве.

Много есть у нас, в стране социализма, материальных средств и сил, которые пока что используются не на полную мощь или существуют в потенции. Много срочных вопросов и проблем ждёт своего разрешения. Очевидно, однако, что одним из важнейших средств быстрого повышения производительности труда является дальнейшее развитие электрификации производства.

Именно в этом направлении должна сейчас работать творческая мысль советских энергетиков, помогая партии и правительству создать в нашей стране обилие товаров народного потребления. Полностью использовать все те реальные резервы, которые у нас имеются, но мимо которых по инерции привычки мы подчас проходим, искать и находить всё необходимое для развёртывания фронта работ — этого требует от наших учёных, специалистов Коммунистическая партия.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

Д. КРАМИНОВ

★

АМЕРИКАНСКИЕ ВСТРЕЧИ*

6. В роли „избранников народа“...

„Демократия“ в действии.

В верхней части Вашингтона, на холме, с которого хорошо видны Белый дом, окружающие его здания министерств, гигантский «карандаш» — памятник Вашингтону, а за ним лагуна реки Потомак, огромными каменными горами расположились здания американского конгресса. На самой вершине холма — Капитолий, в котором размещается сенат, справа от него — продолговатое серое здание палаты представителей, а немного поодаль — библиотека конгресса.

Капитолий по внешнему виду напоминает большой вокзал; он внушителен, но однообразен. Примерно так же выглядит он и изнутри. По его гулким темноватым коридорам снуют спешащие куда-то люди; в главном зале, под куполом, покрытым фресками, гудит толпа, словно в ожидании посадки; у дверей, подобно контролёрам, стоят швейцары в форме. То, что рядом с залом находится билетная касса с яркими плакатами и расписанием поездов, отделение телеграфа, почты и радио, ещё более подчёркивает это сходство.

С группой экскурсантов я двигался по длинному коридору. По обе стороны его тянулись двери с названиями различных служб, комитетов, комиссий и подкомиссий сената. Изредка мы останавливались перед портретами давно умерших политических деятелей. Наш гид — сухонький, благообразный старичок с мелким, морщинистым лицом — рассказывал о людях, изображённых на портретах, о картинах на стенах, о выбоинах на полу и трещинах в потолке. Он водит здесь экскурсантов уже более тридцати лет, он до мелочей знает жизнь сената и сенаторов, их склонности и причуды и рассказывает об этом со старческим умилением.

— Вы, конечно, знаете сенатора Вэйна Морса? — вдруг спросил он экскурсантов, останавливаясь перед какой-то замысловатой картиной.

Все молчали: они не знали сенатора Вэйна Морса.

— Сенатор от Орегона, — сам же ответил старичок. — Перед выборами президента в прошлом году он переметнулся было от республиканцев к демократам, ругал Эйзенхауэра и хвалил Стивенсона. Но оказалось, что Морс сделал ставку не на ту лошадь. Когда открылась новая сессия сената, он не решился сесть на скамью республиканцев, но и не захотел примкнуть к демократам. И знаете, что он придумал?

Экскурсанты дружно уставились в лицо старичку. Они не знали сенатора Морса и не могли знать, что он придумал, чтобы выйти из щекотливого положения.

— Сенатор Морс, — продолжал старичок, — принёс с собой раскладной стул и сел в проходе между республиканцами и демократами. Здорово придумал?

Старичок залился хрипловатым смехом. Слушатели неуверенно улыбнулись. Но это не очень смутило нашего гида, и он повёл нас дальше, объясняя по пути, что сам

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 3 с. г.

не интересуется политикой и не видит никакой разницы между республиканцами и демократами.

По крутой узкой лестнице мы поднялись на второй этаж и, ступая на носки, осторожно подошли к дверям галереи, откуда можно наблюдать за ходом заседаний сената. Приложив палец к губам в знак тишины и молчания, старичок торжественно ввёл нас на галерею. Там мы уселись и начали осматриваться.

Внизу, в небольшом зале, уставленном скамейками, очень похожими на обычные школьные парты, виднелись десятка два лысых, полублondых, седых и полуседых голов. Из 96 сенаторов три четверти не присутствовали на заседании. Как объяснил мне мой сосед, сенаторы предпочитают использовать своё время для устройства в министерствах и правительственных учреждениях дел тех или иных корпораций и фирм. Он считал, что многие сенаторы настолько тесно связаны с «деловым миром», что их правильнее было бы называть не «избранныками народа», как они любят именовать себя, а просто «агентами монополий в конгрессе». Звучит это, конечно, не очень возвышенно, но зато больше отвечает истине. 58 процентов конгрессменов — это юристы, находящиеся на службе корпораций, 30 процентов сенаторов и 34 процента членов палаты представителей — сами крупные дельцы и банкиры, остальные — крупные фермеры-помещики, владельцы латифундий.

Один из сенаторов ровным, монотонным голосом произносил с трибуны речь. Его голос едва долетал до галереи, и понять, что он говорил, было совершенно невозможно. Сенаторы не обращали на оратора ни малейшего внимания. Они разговаривали между собой, читали газеты, листали и рассматривали иллюстрированные журналы. Председатель часто зевал, прикрывая рот рукой. Он даже не поворачивал головы в сторону оратора.

Мы вышли из зала заседаний сената. Под большим, высоким окном гид собрал нас и с нескрываемым восхищением спросил:

— Видели?

— Видели, — уныло отозвался кто-то.

— Вот она — наша демократия в действии!

— Уж очень скучно здесь, — заметил унылый голос.

— Скучно? — живо переспросил мой сосед, видимо хорошо знавший здешние парламентские порядки и старавшийся воспользоваться всякой возможностью, чтобы показать свою осведомлённость. — Вы настоящей скуки не видели. Тут иногда бывает так, что в зале два-три человека сидят или даже только один председатель, а сенатор — не поймёшь, то ли старую газету, то ли библию вслух читает, иногда целые сутки или больше читает!

Все оживились. «Демократия в действии», при которой человек может сутки читать неизвестно что в высшем законодательном органе страны, вызвала явный интерес. Гид подтвердил, что сенатор имеет право говорить столько, сколько ему заблагорассудится, — хоть несколько суток подряд. Он рассказал, что несколько крепконогих сенаторов — важны именно ноги: оратор может говорить в конгрессе сколько угодно при условии, что не будет садиться, — неоднократно срывали принятия законов, которые им не нравились. Только обморок или смерть оратора может спасти законопроект, который флибустьеры — так называют конгрессменов, использующих подобный метод обструкции, — хотят сорвать. Так было, например, с пресловутым «актом безопасности», который удалось принять только потому, что сенатор Лангер, выступавший в роли флибустьера, упал от истощения в обморок. Гид, вспомнив об этом законе, заметил как бы мимоходом, что ныне именно Лангер возглавляет ту самую юридическую комиссию сената, против создания которой он так рьяно боролся в 1950 году.

— Странно! — бросил кто-то из слушателей.

— А что же тут странного? — возразил гид. — Одно дело, когда партия находится в оппозиции, другое дело, когда она стоит у власти...

Смекнув, что сболтнул лишнее, старичок-гид нахмурился и торопливо повёл нас дальше.

Парламентская ширма.

Возвращаясь после посещения Капитолийского холма к себе в отель, я повстречал трёх американцев, с которыми познакомился накануне на одном дипломатическом приёме. Я рассказал им, что побывал в сенате, в палате представителей, в библиотеке конгресса, но они даже не поинтересовались, какое впечатление произвёл на меня американский парламент, а тут же стали острить насчёт конгресса и конгрессменов. Один из них не преминул рассказать, как он уверял, «самый свежий» анекдот. Сенатор, по фамилии Стрэндж (что в переводе означает «странно»), завещал перед смертью своему сыну поставить на могиле камень, а на камне написать: «Здесь лежит честный сенатор». Сын захотел обязательно добавить фамилию. «Этого как раз не надо делать,— сказал умирающий,— никто не поверит, что был честный сенатор. Если же оставить надпись без имени, то все проходящие, читая слова о честном сенаторе, будут поминая меня, говоря: «Ит из Стрэндж!» — «Это странно!»

Я уже не раз замечал, что многие американцы относятся к своему конгрессу без должного уважения. Почему? — стал допытываться я у своих знакомых. Это были люди передовые, самостоятельно мыслящие, одному из них уже довелось побывать перед комиссией сенатора Маккарти, другой привлекался к суду за «неуважение к конгрессу», которое выразилось в том, что он, сославшись на конституцию страны, отказался отвечать на провокационные вопросы конгрессменов. Третий был даже осуждён за это. Их ответы были резки, но, насколько я мог проверить, совершенно справедливы.

— Надо знать, что такое наш конгресс, чтобы понять, почему простые американцы относятся к нему без уважения,— заметил один. — Наш конгресс, дружище, — это сборище стариков.

Оказывается, средний возраст конгрессменов нового состава переваливает за 53 года. Ведущие роли принадлежат только дряхлым старцам. По словам моих знакомых, это люди в высшей степени отсталые и политически невежественные, они смотрят не вперёд, а назад, ко всему подходят с меркой старых колонизаторов или плантаторов-рабовладельцев. Желая угодить своим боссам, они порою выступают с совершенно нелепыми воинственными речами, предлагают совершенно несуразные меры, даже не осознавая того, что очень многое, особенно в международных делах, от них не зависит.

— Ну, это далеко не самое главное. Важнее всего то, что это гнездо взяточников, — заявил другой и стал перечислять многочисленные скандалы, связанные с финансовыми махинациями и взятками конгрессменов.

Конгрессмены принимают самое живейшее участие в закулисных махинациях представителей монополий и государственных чиновников. Они не только главные связные между мздоимцами и мздомцами, но и сами часто выступают то как первые, то как вторые.

— Наш конгресс — ширма, за которой скрывается самоуправство и самодержавие кучки миллиардеров — фактических хозяев страны, — сказал третий.

Он доказал, что конгресс с давних пор выполняет роль одного из основных орудий угнетения народа. Через него владельцы монополий предпочитали иногда проводить наиболее реакционные свои мероприятия. В комиссиях конгресса были разработаны антирабочий закон Тафта — Хартли, профашистские законы Смита, Маккарэна — Уолтера и другие реакционные акты.

Среди всех конгрессов, никогда не отличавшихся прогрессивностью, нынешний — 83-й конгресс — является самым реакционным. Даже правая буржуазная газета «Нью-Йорк таймс» вынуждена была отметить на второй день после созыва нового конгресса, что он «консервативен более обычного». По её словам, 75 процентов республиканских конгрессменов открыто примыкают к консервативному крылу партии. Среди демократов тон задают представители южных штатов, которые во внутренних вопросах стоят правее самых правых реакционеров.

Совершенно естественно, что этот конгресс, призванный по конституции охранять права и интересы народа, проявил особую заинтересованность и какую-то лихорадочную нервность и поспешность, когда речь зашла о передаче народных богатств — государственных запасов нефти, руд, лесов, электростанций — монополиям.

И в то же время в американском парламенте, чтобы показать избирателям, что конгресс якобы стоит на защите их интересов, разыгрываются иногда лицемерные представления. Наиболее характерным из них было так называемое «очищение» в сенате министра обороны Вилсона.

Связи Вилсона, долголетнего президента и совладельца «Дженерал моторс», с этим военно-промышленным концерном были настолько очевидны, что любой шаг министерства обороны в пользу концерна и Дюпонов вообще не мог не вызывать раздражённых замечаний и разговоров в стране. Кому-то пришла в голову мысль произвести «очищение» Вилсона от связей с «Дженерал моторс». Это понравилось. Конгрессмены решили, что они могут нажать на этом большой политический капитал. Правительство нашло, что это избавит его от неизбежных упреков о том, что министерство обороны стало филиалом крупнейшего военно-промышленного концерна страны. Буржуазная печать ухватилась за это, как за возможность показать читателям, насколько могуча и действительна американская демократия. Сам Вилсон, конечно, не отказался от возможности заработать популярность «жертвы» и «благотетеля», не потеряв при этом и цента. Представление было разыграно со всем необходимым оформлением: шумом в печати, съёмками для кино и телевидения, долгими речами, которые позволили всем действующим лицам блеснуть остроумием, находчивостью, великодушием и прочим.

Происходило это так: члены сенатской комиссии по военным делам перед утверждением Вилсона министром обороны потребовали, чтобы он порвал свои связи с «Дженерал моторс» и тем самым избавился от влияния этого концерна при заключении контрактов с ним. Вилсон спросил, что он должен сделать. Ему ответили, что он должен отказаться от своих акций «Дженерал моторс».

Вилсон не торопился с ответом. Этим воспользовались сенаторы, чтобы произнести много длинных речей, смысл которых сводился к тому, что Чарльз Вилсон, конечно, великий организатор и администратор, но что слишком явные связи его с «Дженерал моторс» будут мешать ему же самому отдать этому концерну львиную долю военных заказов. Доводы «подействовали» на министра. Он согласился пойти на «жертвы» и избавиться от акций «Дженерал моторс». Некоторые корпорации тут же предложили купить эти акции, но они на бирже так и не появились. Как Вилсон «избавился» от них — осталось тайной. Предполагали тогда, что он передал их жене и детям.

Со своей стороны, сенаторы пошли на уступку министру. Они согласились, чтобы он получал от «Дженерал моторс» большую сумму премиальных за выслугу лет, хотя эти премиальные, согласно уставу корпорации, выдаются только тем, кто действует в интересах корпорации.

Этот наивный спектакль не мог обмануть ни одного здравомыслящего человека. Тем не менее, сенаторы, выпячивая грудь, произносили речи о том, что частные монополии теперь не будут влиять на правительство, что, отказавшись от своих акций в корпорациях, банках и компаниях, министры-миллионеры избавляются от влияния частных интересов и т. д. и т. п. Поддерживая болтовню конгрессменов, печать стала прославлять «великодушных и самоотверженных министров», которые, «стремясь верой и правдой послужить народу», не остановились перед «великими личными жертвами».

Но газеты, которые читаются преимущественно дельцами, решили осветить это более трезво. Постоянный обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» писал в начале февраля 1953 года: «Однако сенаторы, люди все проникательные, должны знать не хуже других, что всё это не больше, как игра. Крепкий и растущий союз между правительством и крупной военной промышленностью вызывается серьёзными интересами и даже создаёт взаимозависимость их. Эта взаимозависимость так велика, что факт, когда тот или иной делец держит в своих руках какие-то акции, не может серьёзно отразиться на деле ни в хорошую, ни в дурную сторону».

Сеятели страха.

В одно из посещений Вашингтона я пытался найти своего старого знакомого Билла Дэнилла — корреспондента одной из крупных американских газет. Познакомился я с ним летом 1944 года в Байо, в Нормандии, нас поселили в одной комнате в гости-

нице. Света в городе тогда не было — отступая, немцы повредили электростанцию, — поэтому по вечерам мы сидели обычно перед открытым окном, смотрели на поблэскивавшие под луной крыши маленького французского городка и вели беседу. Думы наши чаще всего обращались к родному дому, поэтому и разговор больше всего был о доме. Билл восхищался своей страной, её городами, её природой, хотя и находил, что летом слишком жарко, особенно хвалил свой народ — энергичный, напористый, беспоконный.

— Как только кончится эта проклятая война, — говорил он, — немедленно поеду домой, брошу политику, поселюсь в каком-нибудь небольшом городке, буду писать рассказы, романы.

После окончания войны он не сразу уехал домой, а остался работать для своей газеты в Лондоне. Лишь года три спустя Билл вернулся в США, проработал некоторое время в Нью-Йорке, затем отправился в Вашингтон. Из газеты он так и не ушёл и, несмотря на своё отвращение к политике, оказался в центре политической кухни Америки.

Когда я позвонил ему, он удивился и, как мне показалось, даже растерялся, но после некоторого колебания всё же предложил встретиться. Я поехал по указанному им адресу и через час оказался в маленьком ресторанчике в торговой части города, где журналисты, насколько мне было известно, не собирались. Но я вначале не обратил на это внимания. Усевшись за столик в углу, мы с минуту уверяли друг друга, что мы не постарели, хотя я про себя думал: «Эге, брат, время-то здорово тебя отделало», — и предполагал, что он думает обо мне то же самое. После неизбежных отступлений в прошлое и рассказов о том, что случилось в последние годы, мы оба замолчали. Я не знал, как подойти к интересующей меня теме, он же, по всей видимости, опасался именно моих расспросов. Я попросил его показать мне вашингтонские верхи — конгресс, правительство, Белый дом. Он смутился, даже покраснел.

— Я прошу простить меня, — сказал он тихо, — но я не могу этого сделать, хотя очень хотел бы быть полезным вам.

— Почему?

— Я не хотел бы, чтобы меня видели там с советским корреспондентом. Это может мне повредить.

Теперь в свою очередь смутился я. Трудно было представить, что этот известный в стране своими более чем лойяльными взглядами корреспондент крупной буржуазной газеты боится появиться со своим советским коллегой в публичном месте.

— Боятесь репрессий босса? — спросил я.

— Нет, я не боюсь репрессий босса, — унылым голосом ответил он. — Тут дело гораздо сложнее, чем просто репрессии. С репрессией можно как-то бороться, можно и к кому-то апеллировать, кому-то доказать, что в поездке в конгресс с советским корреспондентом нет ничего худого...

— Тогда что же пугает вас? — продолжал наседавать я.

— Я могу оказаться на подозрении — понимаете? — сказал Дэнвилл, сильно покраснев.

Поскольку я с недоумением уставился на него, Дэнвилл решил пояснить.

— Ныне у нас оказаться на подозрении страшнее, чем попасть под суд. Подсудимый может оправдываться, доказывать свою правоту, нанять защитника, выставить свидетелей. Суд вынужден считаться с определёнными законами и процессуальными нормами. Подозреваемый же не может защищать себя ни сам, ни с помощью защитников или свидетелей. В отношении его не действуют никакие законы или установленные правила. Он оказывается на милости людей, которые могут позволить ему жить спокойно, а могут исковеркать ему жизнь до конца его дней.

— Ничего не понимаю, — прервал его я. — Кто может испортить жизнь человеку, если он ни в чём не виноват?

— О, вы ошибаетесь! Очень многие могут испортить жизнь безвинному человеку, если он оказался на подозрении: ФБР, Бюро по проверке лойяльности, босс, расследовательские комиссии конгресса. Стоит кому-нибудь из них заподозрить в чём-нибудь человека — и песенка его сглет. Ои, как больной раком, долго не протянет. А чтобы ока-

заться на подозрени, достаточно какому-нибудь врагу его сказать, что он коммунист или ещё что-нибудь в этом роде. Тогда какая-нибудь расследовательская комиссия или подкомиссия конгресса — их теперь у нас много — немедленно вызовет его и станет выворачивать наизнанку. Если им не удастся вырвать у человека компрометирующее признание, они всё равно привлекут его к суду по обвинению в нарушении клятвы. Суд может оправдать его, но это обойдётся в такую копеечку, что даже самое тяжёлое стихийное бедствие покажется лёгкой неудачей в жизни...

— Это кажется просто невероятным.

— Но это так, — подтвердил Дэнвилл. — Всем известен случай с профессором Оуэном Латтимером или дипломатом Джоном Картером Винсентом. Обоих оклеветал Буденц — подлейший человек среди ныне живущих. Хотя всем, кто знал их, было ясно, что оба так же далеки от коммунизма, как сами Рокфеллеры, тем не менее комиссия Маккарти вызвала Латтимера и подвергла его издевательскому допросу. Ничего не добившись от Латтимера, комиссия сумела всё же отдать его под суд. Обвинения против Винсента проверял сам новый государственный секретарь Даллес. Он не нашёл за чим ничего компрометирующего. Винсент был одно время руководителем американской разведывательной сети в Северной Африке, которая подготовила высадку там союзников. Не найдя ничего прогив Винсента, Даллес всё-таки решил освободить его от работы в государственном департаменте.

— Неужели Даллес не мог отстоять своего дипломата? — спросил я.

— А что он мог сделать? — ответил вопросом Дэнвилл. — Эти комиссии находят поддержку сейчас у таких сил, что с ними вынуждены считаться даже министры.

— Ну, это вы уж преувеличиваете! — скептически заметил я.

— Нет, нисколько! Совсем недавно комиссии сената подвергли уничтожающему допросу видного нашего дипломата перед назначением его на крупнейший пост за границей. Они не стали интересоваться его взглядами — эти взгляды были всем хорошо известны. Чтобы унижить дипломата, они более всего интересовались его моралью, ставили вопросы, нормален ли он в физиологическом отношении, нет ли у него серьёзных отклонений в половой жизни. Когда дипломат — пятидесятилетний мужчина, отец семейства — стал уверять, что он совершенно нормален во всех отношениях, Маккарти потребовал применить к нему «детектор лжи» — недавнее изобретение, будто бы изобличающее в ложных показаниях.

— Вряд ли правительство, если бы оно захотело, не могло призвать распоясавшихся конгрессменов к порядку. Видимо, все эти сцены разыгрываются с согласия министров...

— Да, но так было не только с Даллесом, — возразил Дэнвилл, — Маккарти указал даже Стассену — руководителю Администрации по обеспечению взаимной безопасности, — как ему вести себя. Когда Стассен заявил, что он намерен управляться со своими делами без советов и указаний Маккарти, президент немедленно встал на сторону Маккарти. Стассену, а он ведь приравнен к министру, пришлось извиняться перед Маккарти и сделать заявление, которое можно выразить одним словом: «Слушаюсь!» Как видите, Маккарти боятся все...

И до встречи с Дэнвиллом я знал, что для травли прогрессивных элементов реакционные представители монополий в конгрессе объединились с самыми грязными подонками — провокаторами, ренегатами, предателями, просто уголовниками. С их помощью конгрессмены обливали грязью, шельмовали, подвергали преследованиям тех представителей американской интеллигенции, которые не хотели безоговорочно принимать и прославлять реакционную политику правящей клики внутри страны и её агрессивную политику за рубежом Соединённых Штатов. Это шельмование производилось с невероятным шумом и, по моему убеждению, преднамеренно, для того чтобы запугать всю буржуазную и мелкобуржуазную интеллигенцию страны и заставить её беспрекословно служить монополистам. Ясно было, что шумными и беспощадными преследованиями передовых, самостоятельно мыслящих интеллигентов правящие круги в США рассчитывают удержать колеблющиеся слои интеллигенции от перехода на сторону прогрессивных сил страны, которые ныне поднимаются на защиту гражданских свобод, на защиту мира. Но мне было непонятно, почему эти расследовательские комиссии кон-

гресса время от времени используются и против верных слуг монополий, каким, несомненно, является Стассен или тот самый видный дипломат, которого Маккарти подверг такому унижительному и оскорбительному допросу. Я не рассчитывал, что запуганный Дэнвилл поможет мне разгадать эту загадку. Однако он, словно отвечая на мои мысли, вдруг сказал:

— До того, как Маккарти вызвал этого дипломата и обрушился на Стассена, многие люди с положением в правительстве или со связями в политических кругах были уверены, что их не посмеют тронуть. После же этого, а особенно после того, когда президент безоговорочно поддержал Маккарти, все стали бояться расследователей. Эти конгрессмены посеяли в Вашингтоне и во всей стране такой страх, что многие правительственные чиновники, несмотря на свои высокие посты, многие вполне лояльные журналисты и публицисты, писатели, художники, кинорежиссёры, профессора ходят теперь по струнке. Кому же хочется подвергаться унижительному шельмованию на глазах у всей страны?!

— Значит, и вы ходите по струнке? — заключил я.

Вместо ответа Дэнвилл опустил голову.

Мошенники-„расследователи“.

Наступило сравнительно долгое молчание. Дэнвилл, видимо, не знал, что сказать. Я не хотел облегчать ему переход от этой неприятной для него темы. Было стыдно за него — видный журналист, имя которого нередко встречалось в международной буржуазной прессе, вдруг оказался запуганным демагогами-расследователями! К тому же буржуазные газеты сами создали этим «расследователям» славу патриотов, оберегающих безопасность страны, блюстителей американской демократии. Расписывая допросы, которые учиняют эти комиссии, газеты сознательно стремились запугать читателей: остерегайтесь совершить или сказать что-нибудь, что может привести вас в такую комиссию! «Тогда поделом вам! — думал я. — Хотели запугать народ, а пугаетесь прежде всего сами». Но я не высказал этого вслух, а лишь спросил:

— Ведь, кажется, немало журналистов и публицистов приложило руку, чтобы сделать этих «расследователей» тем, чем они стали теперь?

— А разве мы это делали по своей воле? — попробовал оправдаться Дэнвилл. — Была б наша воля, мы разделали бы их не хуже, чем их разделяет «Дэйли уоркер», «Нэйшнл гардиэн» и некоторые другие. Мы же знаем всю подноготную этих «расследователей».

— Что же мешает вам сделать это?

— Хозяева, конечно...

— А верно ли, что у этих «расследователей» руки не совсем чисты? — спросил я, хотя уже не раз из многих уст слышал, что немало «расследователей» замешано в грязных финансовых аферах.

— Разве только руки! Они по уши в грязи.

С раздражением человека, долго сдерживающего своё озлобление на людей, которые заставили его бояться каждого своего шага, каждого слова, заставили тревожиться за своё будущее, за будущее детей, Дэнвилл рассказал мне кое-что о преступных махинациях «расследователей».

В Вашингтоне давно известно, что «главный расследователь» — председатель сенатской Постоянной комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Джозеф Маккарти — занимается спекуляцией на чёрной бирже, берёт взятки, тратит государственные деньги на себя. Это приняло настолько скандальный характер, что даже сенат постановил создать специальную комиссию — комиссию Хеннингса — для проверки финансовых операций Маккарти. Комиссия работала шесть месяцев и подготовила доклад, опубликованный накануне открытия сената нового созыва: он занимал пятьдесят две страницы, а приложения — четыреста страниц. Доклад недвусмысленно отвечал на небезинтересный вопрос: каким образом Маккарти, получая в год пятнадцать тысяч долларов, ухитрился за четыре года отложить в банк сто семьдесят тысяч долларов, то есть сумму, которая почти в три раза превышала его заработок за эти годы.

Комиссия документально доказала, что Маккарти брал взятки направо и налево: тридцать пять тысяч долларов от компании «Сиборд эйрлайн рейлроудс» за то, что помог ей получить от прайвильственной Реконструктивной финансовой корпорации пятнадцать миллионов долларов кредита на «реконструкцию»; двадцать тысяч долларов от компании «Пенси-Кола» за то же самое, семнадцать тысяч долларов от агентов Чан Кай-ши за поддержку их происков в Вашингтоне. Деньги, полученные им от казны для так называемой антикоммунистической деятельности, он использовал для спекуляции на чикагской бирже. К тому же, чтобы избежать налогов, он скрыл свои финансовые доходы от агентов налогового бюро министерства финансов.

Когда над Маккарти собрались тучи и появилась явная угроза, что он провалится на выборах, группа крупных бизнесменов поспешила ему на выручку. На его переизбрание в сенат они не пожалели денег. Миллиардеры даже заставили республиканского кандидата в президенты отправиться в штат Висконсин, чтобы отстоять Маккарти, шансы которого на избрание были ничтожны. Протасив Маккарти снова в сенат, хозяева монополий приказали своим агентам в конгрессе не создавать ему осложнений. Именно поэтому на другой день после опубликования доклада комиссии Хеннингса (впрочем, он был опубликован только в документах конгресса — буржуазная печать, обычно падкая до скандальных разоблачений, замолчала его) Маккарти появился в конгрессе как ни в чём не бывало. Он ходил по залу заседаний сената, похлопывая сенаторов по плечу, смеялся и, когда пришло время принимать присягу, смело двинулся к месту председателя, видимо, твёрдо зная, что никто не посмеет помешать его утверждению. И действительно, никто не крикнул: «Я возражаю!» — чего было бы достаточно, чтобы сенат обсудил не только право Маккарти быть сенатором, но и доклад комиссии Хеннингса.

Моральный облик других «расследователей» не лучше. Замешанный во многих грязных сделках, председатель юридической комиссии сената Лангер, прозванный «Диким Биллом», пролез в сенат с помощью жульнической сделки местных партийных боссов с крупными бизнесменами. Местные организации демократической партии стали оспаривать его право представлять в сенате штат Северная Дакота. В сенатскую комиссию по проверке правильности избрания сенаторов поступили серьёзные, компрометирующие Лангера материалы. Тогда Лангер предложил председателю этой комиссии Дженнеру сделку: если Дженнер положит под сукно эти материалы, то Лангер назначит его председателем сенатской подкомиссии по расследованиям, которая является частью юридической комиссии. Дженнер согласился.

Новоиспечённый же «расследователь» Дженнер очень нуждался именно в такой работе, потому что ему нужно было «искупить» скандальные «погрешности», которые обычно именуется уголовным преступлением. В 1944 году Дженнер уволился из армии по слабости зрения. И хотя это слабое зрение было наследственным и не имело никакого отношения к воинской службе, Дженнер выхлопотал себе пенсию по военной инвалидности. В течение восьми лет он получал ежемесячно по 179 долларов. Когда главный контролёр казначейства обнаружил незаконное получение Дженнером пенсии, сенатор разыграл оскорблённую невинность и выступил с демагогической речью, в которой начал поносить казну, которая «так наплевательски относилась к деньгам налогоплательщиков», что незаконно выдавала ему деньги в течение восьми лет.

— Многие мошенники и пройдохи тянутся к расследовательским комиссиям, потому что ищут рекламы и хотят укрепить свои пошатнувшиеся позиции, — продолжал Дэнвилл. — Выступления «расследователей» печатают во всех газетах, передают по всем радиовещательным и телевизионным станциям. Они очень быстро становятся крупными фигурами в своих партиях и даже в стране. С ними считаются партийные боссы, министры и даже сам президент. Их расположения добиваются агенты монополий в Вашингтоне, потому что через них легче оказывать давление на чиновников министерства и устраивать выгодные для корпорации и фирм дела. Поэтому-то деятельность «расследователей» стала среди конгрессменов самой популярной и притягательной. Когда в комиссии конгресса по расследованию оказалось два свободных места, то на них претендовало 190 конгрессменов-республиканцев, то есть вся республиканская часть палаты представителей.

Чтобы быть «расследователем», не нужно ничего, кроме усердия: совесть, честь, беспристрастность просто излишни. Это особенно ярко проявилось в характерном деле председателя комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, бывшего агента ФБР Велде. Готовя поход против американских учителей, Велде решил нанести удар по их профессиональной организации — Американской ассоциации школьных администраторов. Он обвинил одну из видных деятельниц этой ассоциации, жену издателя крупной буржуазной газеты «Вашингтон пост» — Агнес Мейер, что якобы, согласно сообщению «Правды» от 30 апреля 1947 года, она опубликовала в американском журнале «Совет раша тудэй» письмо, призывающее к дружбе американского и советского народов. Выступая на собрании ассоциации, Мейер — она жена миллионера, поэтому может говорить смело — обозвала Велде «сознательным лжецом». Она указала, что в «Правде» за это число нет никакого сообщения о журнале «Совет раша тудэй» и, следовательно, нет ничего и о письме Мейер. Проверка самого журнала показала, что в его октябрьском номере было опубликовано письмо Г. М. Мейер из Порт-Клементиса. Мейер сообщила, что она передала эти справки Велде, тот удостоверился в их правильности, однако решительно отказался делать поправку. Когда же корреспонденты обратились к Велде с вопросом, намерен ли он исправить свою «ошибку», главный «расследователь» палаты представителей решительно заявил:

— Нет, пока она не возьмёт своих слов обратно, я буду настаивать на правильности своего обвинения...

Тогда корреспонденты обратились к главному «расследователю» сената — Маккарти — с вопросом, что он думает о заявлении Мейер, но тот пренебрежительно ответил:

— Я не стану тратить время на чтение речей владельцев вашингтонской «Дэйли уоркер»...

Так он именовал «Вашингтон пост», хотя эта газета первой выступала в поддержку кандидатуры Эйзенхауэра в президенты, положила немало стараний для его популярности и сейчас ревностно поддерживает каждый шаг его правительства.

— Как же это им всё сходит с рук? — спросил я.

— Кто их знает! Видите, как они держатся друг за дружку. Дженнер помешал сенату обсудить доклад комиссии Хеннингса о финансовых махинациях Маккарти и даже уволил тех служащих сената, которые помогали комиссии Хеннингса. Маккарти поддерживает Дженнера, Дженнер — Лангера, Лангер — его и т. д. Ну, и на стороне они тоже получают поддержку. Самым зловещим «расследователем» до недавнего времени был Никсон. Когда он запутался в своих махинациях, западные дельцы собрали для него специальный фонд. Затем, как вы знаете, его сделали вице-президентом. Маккарти теперь сам поговаривает, что хочет стать президентом США, и многие верят, что это ему удастся.

— А вы-то сами верите в это?

— Нет, не верю, — ответил Дэнвилл.

— Но вы же знаете, что те, кто решает исход ваших выборов, обладают огромными возможностями, чтобы навязать избирателям удобных им людей. Они навяжут и Маккарти, если захотят.

— Да, конечно, если захотят, то они могут навязать и Маккарти... — вяло согласился после некоторого молчания Дэнвилл.

Вскоре он поднялся и стал прощаться, обещая ещё раз встретиться со мной и помочь мне разобраться, как он выразился, «в вашингтонских дебрях», но встретиться так и не пришлось: он был слишком занят, или нездоров, или ег. не оказывалось на месте. Он явно избегал меня.

7. Массовая отравка

„Враг народа № 1“.

Встреча с Биллом Дэнвиллом произвела на меня тягостное впечатление. Он был жалок, хотя и не заслуживал жалости. Я внимательно следил в последнее время за его статьями, которые появлялись регулярно через каждые два-три дня. Писал он преиму-

шественно о международных делах, но нередко затрагивал и вашингтонских политиков — рассказывал о трениях между отдельными группами в конгрессе или между отдельными министрами и конгрессменами. Однако он ни разу даже намёком не коснулся деятельности расследовательских комиссий конгресса, сознательно и злонамеренно превращавшихся в пугало для всей страны, ни разу ни звуком не обмолвился о том, что с ведома и одобрения «власть имущих» заседавшие в них мошенники и проходимцы травят и шельмуют честных людей. Характерно, что, когда комиссия сенатора Хеннингса представила свой доклад о преступных финансовых махинациях Маккарти, газета, в которой работал Дэнвилл, лишь мельком упомянула об этом докладе. Зато рядом с передовой она напечатала письмо Маккарти, в котором тот обвинял Трумэна и верхушку демократической партии во взяточничестве. Иными словами, газета выставляла перед своими читателями Маккарти не как мошенника, а как борца с мошенничеством. И она не была исключением.

Американская буржуазная печать всячески прославляет конгрессменов-«расследователей» и травит честных людей. Она беззастенчиво измышляет и распространяет о прогрессивных деятелях самые чудовищные и клеветнические истории. Изо дня в день на протяжении десятилетий пресса обманывала и обманывает рядовых американцев. Она рисует перед ними фальшивые картины внутренней жизни страны, она сознательно искажает международную обстановку, сознательно, настойчиво и постоянно воспитывает их в духе расизма и презрения к другим народам.

В течение шести месяцев, которые я провёл в США, мне приходилось ежедневно просматривать до десятка американских газет. Они огромны — от 32 до 64 страниц, а воскресные издания доходят до 140—160 страниц, — пестры, крикливы.

Основное в американских газетах всегда выносится в заголовок — «шапку», — который обычно занимает всю страницу и набирается крупным шрифтом. Наиболее существенное с точки зрения редакторов набирается в несколько строк тоже крупным шрифтом и помещается тут же, под «шапкой». Остальное же — факты, сообщения, телеграммы, особенно те, которые противоположны сенсационно выделенным заголовкам, — набирается мельчайшим шрифтом и загоняется куда-нибудь подальше, на страницы, куда обычно никто не заглядывает. В заголовки и в те кусочки, которые набраны крупным шрифтом и вынесены на первые страницы, втискивается только то, что угодно хозяевам газеты. Читателя, таким образом, приучают только усваивать кричащие выводы, сделанные за него, а не воспринимать и взвешивать факты.

От трёх четвертей до девяти десятых газеты обычно занято объявлениями и рекламой, перемежающимися со снимками весьма сомнительного содержания. Именно объявления и реклама приносят владельцам газет прибыль, тогда как подписная плата не окупает даже расходов на бумагу. Чтение той одной четвёртой или даже одной десятой (в большой газете), которая делается не отделами рекламы корпораций и фирм, а самой редакцией, без известной «моральной подготовки» почти невозможно. Тут так много явной лжи, заведомых искажений, столько обывательской пошлости и грязи, столько клеветнических выпадов и просто непристойностей и гнусностей, что советский человек, впервые познакомившийся с американскими газетами, просто не верит своим глазам.

Если поверить тому, что пишут американские газеты, то можно подумать, что во всём мире, за пределами США, действуют только злонамеренные «красные». Они поднимают восстания в колониальных странах Азии, организуют террористические акты в Центральной Африке, направляют прения в английском парламенте, заседают во всех правительствах, осмеливающихся проявлять хоть какую-нибудь самостоятельность, стоят за спиной президента Аргентины, портят американские самолёты, которые довольно часто падают, свергают правительства во Франции и т. д. и т. п. Любое негодное американским миллионерам событие, где бы оно ни произошло, обязательно приписывается козням «красных».

До недавнего времени бандиты и провокаторы были в основном объектами писаний. Теперь они всё чаще становятся постоянными авторами газет. Они расписывают свои похождения, расхваливают свою «технику» взлома, убийств, насилий, свои отвратитель-

ные ненормальности и пороки. Их излияния печатаются из номера в номер с продолжениями. Провокаторы стали штатными «публицистами» крупнейших американских газет. Их гнусная «служба» высоко ценится хозяевами монополий, они стали ныне звёздами первой величины среди американских публицистов, а их доходы намного превышают доходы остальной газетной братии.

Бандиты, провокаторы и патологические субъекты не случайно заняли сейчас центральное место в американской печати и задают в ней тон — сама она давно уже опустилась до морального уровня своих нынешних авторов и всячески тянет на дно своих читателей. Она преднамеренно вводит их в такой круг событий и явлений, которые содействуют не духовному росту человека, а его моральной деградации и растлению.

В течение зимы 1952/53 года вся американская печать, например, изо дня в день занималась двумя «необыкновенно важными» событиями: историей психически больного солдата Дж. Йоргенсена, который возомнил себя женщиной, и процессом сына «маргаритового короля» Джелки, который продавал своих любовниц богатым старикам.

Всё это на протяжении месяцев подносилось читателям как самое важное и интересное событие. И так от одной скандально-сенсационной истории к другой. Делается это, конечно, неспроста: таким путём американская пресса не только отвлекает внимание читателей от серьёзных внутренних и международных проблем, но развращает и оболванивает их. Среднего американца приучили следить за скандалами, знать их подробности и действующих лиц. Многие американцы не знают самых элементарных вещей — наименований столиц крупнейших стран мира, политических деятелей собственной страны, зато они знают имена всех гангстеров, крупных убийц, психопатов. Они не знают обстоятельств принятия важных законов, чаще всего направленных против них самих, против их интересов и прав, но они на память знают подробности крупных светских скандалов, сексуальных преступлений.

В моральном разложении американского общества, в низком политическом сознании многих американцев, в их культурной ограниченности американская печать играет исключительно большую роль. Недаром мыслящие американцы называют свою печать «враг народа № 1».

Разбойники пера.

С людьми, делающими американские газеты, то есть журналистами, я встречался в Америке больше и чаще всего. Мы сидели рядом на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и её комитетов, мы собирали свои материалы на одних и тех же полочках в отделе информации ООН, коротали свободное время и судачили в одном и том же баре, в который всем остальным — не журналистам — даже вход закрыт. Ежедневно мы делились новостями и обменивались мнениями по важнейшим событиям Ассамблеи и международной жизни.

Некоторых журналистов я, как уже упоминалось, знал ещё со времени войны. Находясь тогда с войсками союзников в Западной Европе, я неделями жил под одной крышей с американскими корреспондентами и офицерами, питался с ними из одного котла. Мы находили много общего в характерах русского и американского народов, американцы восхищались культурными достижениями русских, я искренне хвалил Твена, Драйзера. Мне нравилась деловая хватка и работоспособность американских журналистов. Они старательно собирали факты, выписывали цифры, фиксировали все заявления и сообщения, показывая профессиональное усердие и добросовестность.

После войны — в Лондоне, в Нюрнберге, в Берлине — я продолжал встречаться с американскими корреспондентами. Среди них появилось много новых лиц. Они казались заносчивыми. По отношению к себе я чувствовал с их стороны неприязнь, а иногда просто враждебность. Они уже не говорили о близости характеров американского и русского народов, не восхищались Чайковским, Толстым, Павловым, они задавали вопросы, в которых сквозило ехидство, порой даже издёвка. В их присутствии знакомые по фронту корреспонденты старались тоже выказывать ко мне равнодушные или неприязненные взгляды. Антисоветский курс американского правительства сразу же стал отражаться на поведении журналистов.

Разумеется, я никогда не верил в «свободу» американской печати и знал, что как антисоветская политика правительства США, так и антисоветская позиция американской печати вдохновляются одним и тем же источником. Меня интересовал только вопрос: пленники ли хозяев газет американские журналисты или добровольные проводники их преступной политики в отношении собственного народа? Вопрос этот не казался мне праздным, потому что многие американские журналисты, находясь за пределами США, довольно открыто осуждают своих хозяев, высмеивают своё правительство и клянут кучку миллиардеров, которая хозяйничает в их стране.

Когда я задал этот вопрос моему знакомому Ральфу Коффу — левому публицисту, который, как я знал, работал над книгой об американской печати, — он сказал мне после некоторого раздумья:

— Конечно, это наёмники, и, как все наёмники, они имеют свои претензии к хозяевам. Их жалобы на издателей, возможно, вполне искренни. И когда они брюзжат по адресу миллиардеров, они тоже, наверно, искренни...

Он подошёл к полке, где лежали подшивки газет, — разговор происходил в редакции журнала — и достал подшивку недавно закрывшейся «Дейли компас». Полистав газеты, он хлопнул по ним ладонью и воскликнул:

— Ага. Ну вот! Как-то «Дейли компас» опубликовала высказывание бывшего редактора «Нью-Йорк таймс» Джона Суинтона об американских журналистах. Мне оно настолько понравилось, что я подчеркнул в нём ряд мест в надежде, что они когда-нибудь мне пригодятся. Вот послушайте, что говорил Суинтон, а он хорошо знал наших журналистов! «Нью-Йоркский журналист, — стал читать Кофф, — должен искажать правду, открыто лгать, извращать факты, поносить людей, валяться в ногах у Маммоны... Мы — орудие и вассалы богачей, действующих за кулисами. Мы — марионетки: они потянут за верёвочку, и мы танцуем. Наши таланты, наши возможности и наша жизнь — всё это является собственностью других людей. Мы — интеллектуальные проститутки...» Как видите, жалобы на хозяев, которые заставляют американских журналистов плясать под свою дудку, можно услышать и в Штатах. Однако, если разобратся в этих жалобах, то они наверняка продиктованы в большинстве случаев обидой на то, что босс недостаточно оценил их холуйское усердие.

— Так вы исключаете возможность роста гражданского сознания журналиста, его разочарования в политике своих хозяев?

— Нет, теоретически я не исключаю такую возможность. Как вы сами знаете, журналист почти всегда находится на политической кухне, хотя сам и не принимает прямого участия в политической стряпне. Он знает закулисную сторону всех политических манёвров и комбинаций, видит обманные шаги и фальшивые заявления политиканов, и тем не менее он прилагает все усилия, мобилизует все свои способности и талант, чтобы изобразить события в извращённом виде и обмануть читателя. Он из всего делает сенсацию, охотится за скандальными происшествиями, интервьюирует убийц, насильников и грабителей, откапывает самые грязные и гнусные подробности и старательно расписывает их.

— Но не все же они так низкопробны, — заметил я, стараясь быть объективным. — Есть ведь между ними какое-то различие?

— Различие, конечно, есть, — согласился с улыбкой Кофф. — Приблизительно такое же, как между вором — специалистом по ограблению банков и простым карманником. Политические обозреватели — такие, как братья Олсон, Липпман, Лоуренс, Пирсон, Уинчелл, Пеглер, Мартин, Рестон, — конечно, не признают своими собратьями проницательных репортёров, снабжающих газеты уголовной информацией, скандальными историями о грабежах, насилиях и тому подобном. Но все они служат одному хозяину и добиваются одной цели: обмануть американца, сбить его с толку, заглушить его совесть, притупить сознание, отвлечь его внимание от жизненно важных проблем. Все они — профессиональные, платные обманщики. Они не помогают американцам подняться к светлым идеалам, достойным великого народа, они тянут их в омут стяжательства, преступности, порнографии, патологических извращений, толкают к войне против других народов.

— Но чего же они рассчитывают добиться этим для себя? Личных выгод? Известности? Славы?

— И того, и другого, и третьего. Работа журналистов у нас хорошо оплачивается, хотя, в отличие от Европы, тут нет гонорара, а существуют только ставки. Ставки эти очень высоки, и они растут из года в год, если журналист показывает достаточно старания услужить издателю. Журналисты из кожи лезут вон, чтобы прослыть в глазах хозяев способными, острыми, смелыми. Чем больше изобретательности, находчивости и ловкости проявят они, тем выше будет их заработок в следующем году, тем прочнее их положение в газете или в журнале. Наиболее энергичные становятся редакторами газет. Редактор же, заслуживший особое расположение издательских концернов, — вы, конечно, знаете, что вся наша печать находится в руках нескольких крупных газетных трестов и издательских концернов, — может стать даже пайщиком издательской компании, то есть собственником. К этой отдалённой, но притягательной цели направлены все помыслы наших журналистов. Они полагают, что для достижения её все средства хороши...

Уничтожающая характеристика, данная Коффом американским журналистам, оказалась мне резковатой. Однако, чем больше знакомился я с ними, тем больше признавал я справедливость этой характеристики. Их постоянная ложь о Советском Союзе, их повседневные клеветнические выпады против Китайской Народной Республики и стран народной демократии, их грязная травля движения народов за мир убедительно подтверждали, что у этих людей нет за душой и капли совести, что понятия чести и честности им чужды.

Секрет производства „послушных“.

Когда одного знатного иностранца, гостившего в США, спросили, что он считает главной причиной быстрого подъёма американской промышленности, тот ответил:

— Послушание потребителей... Если бы американские потребители были более разборчивы и не так легко поддавались действию рекламы, то американским предпринимателям пришлось бы выпускать товаров значительно меньше, но лучше.

В США на рекламу тратится ежегодно более шести миллиардов долларов, то есть намного больше, чем расходуется на здравоохранение и просвещение, вместе взятые. Реклама шествует здесь рядом с прессой, кино, телевидением. Она настолько переплелась с ними, что порою почти невозможно отличить, где кончается реклама и начинается газета, журнал, кинофильм, театральное или телевизионное представление. В печати, как уже говорилось, реклама занимает от трёх четвертей до девяти десятых всей площади. О солидности газеты здесь судят не по тому, сколько корреспондентов в стране или за границей она имеет, а по тому, сколь богаты и мощны корпорации, которые доверяют ей свою рекламу. Реклама занимает приблизительно 90—95 процентов всего времени вещания радиостанций. В кино её доля несколько меньше, но реклама включивается и в фильмы всё настойчивее и энергичнее. В телевидении она главенствует: всем временем телепередач распоряжаются различные фирмы, корпорации и компании.

Сначала мне казалось, что американская реклама с её истеричностью, назойливостью, с грубым стремлением воздействовать на примитивные инстинкты и желания человека способна только оттолкнуть, а не привлечь людей. Однако, понаблюдав некоторое время, я убедился, что реклама оказывает огромное влияние на американцев. Она всеобъемлюща, многостороння. Она сопутствует человеку от пелёнок до гроба. Она навязывает ему вкусы, склонности, предписывает ему запросы и потребности, определяет его культурный уровень, влияет на его взгляды, на его мораль, словом, всю жизнь тащит его за собой.

Проснувшись утром и включив радио, чтобы послушать последние новости, американец услышит прежде всего... рекламу. Голос диктора сообщит ему, что получены важные известия, предположим, из Лондона. Но диктор не расскажет о них. Нет, он сначала объявит, что лучшая в мире зубная паста — это «чертовски хорошая паста Колгэйт», а уж затем прочитает телеграмму из Лондона. Потом он сообщит, что

в Париже, к примеру, возник новый правительственный кризис, однако не скажет о нём ничего, пока не расхвалит на все лады какое-нибудь снадобье, замечательно очищающее желудок и кишечник. Реклама прославляет все политические новости от начала до конца.

Взяв в руки утреннюю газету, чтобы узнать, что произошло на белом свете, американец натывается прежде всего на рекламу. Она занимает самые видные места газетных страниц. Новости, политические статьи и обзоры, театральные рецензии и книжные обозрения ему придётся искать, реклама расположена так, чтобы она бросалась в глаза. Вместе с газетой ему принесут несколько писем, где будут рекламные открытки, проспекты, мелкие брошюры, доказывающие, что именно нужно ему есть, пить, носить, курить, читать, смотреть в кино.

Когда американец отправляется на работу, реклама сопутствует ему повсюду, куда бы он ни бросил свой взор, и у него нет никакой возможности избавиться от её воздействия. Когда жители Вашингтона попытались было возражать против того, чтобы в городских автобусах стояли громкоговорители, непрерывно передающие рекламу, компания, владеющая автобусными линиями, отказалась убрать их: она получала за это от фирм и корпораций солидную мзду. Городу пришлось обратиться в суд. Суд первой инстанции отказался удовлетворить просьбу граждан убрать громкоговорители, объявив, что запрет передавать рекламу был бы нарушением свободы слова. Дело дошло до верховного суда. Когда суд наконец вынес решение запретить радиорекламу в автобусах, это было воспринято во всей стране как величайшее событие.

Вечером, отдыхая, американец снова оказывается во власти рекламы. Включит ли он радиоприёмник или телевизор, пойдёт ли он в кино или мюзик-холл, она и тут подстерегает его. Правда, это будет «театрализованная реклама» — американцы называют её «мыльной оперой», — но всё же реклама.

Реклама по радио и особенно по телевидению не только прославляет новости, музыкальные и литературные передачи, но и сама является предметом «художественных передач» — инсценировок, расхваливающих тот или иной товар. В течение многих месяцев телевизионные станции передают, например, выступления известного комика Годфри, нанятого крупной компанией продовольственных товаров Липтон. Годфри сидит за столом, перед ним мешочки с этикеткой: «Чай Липтона» или «Суп Липтона». К нему приходят гости, обычно красивые молодые женщины, Годфри угощает их чаем: «Попробуйте, чудесный чай! Рекомендую пить всегда», шутит, острит. Реплики Годфри часто бывают остроумными, вызывают смех зрителей. Его совет пить чай Липтона — единственно серьёзный момент всей передачи. Эту фразу он повторяет в течение пятнадцатиминутной передачи несколько раз. Компания Липтон платит Годфри большие деньги — благодаря ему товары её стали самыми популярными в США.

Одна крупная табачно-папиросная компания приспособила для рекламы своих сигарет «Лаки страйк» целое мюзик-холльное представление, идущее многие месяцы. В этих представлениях участвуют знаменитые певцы, вроде Пинза, Эдди, и многие кинозвёзды.

Реклама отучает американца самостоятельно думать и разбираться в своих желаниях и вкусах, он принимает её советы, поучения и требования, как должное. Она во многом определяет расходы среднего американца. Реклама, например, навязала ему автомобиль, которым он часто, особенно в больших городах, пользоваться не может: движутся машины нередко не быстрее пешехода, ставить их негде. Реклама заставляет сейчас американца покупать телевизор. Чтобы купить его, он влезает в долги, но пользоваться телевизором в своё удовольствие он не может, так как ему показывают только то, что выгодно и полезно торговым фирмам и корпорациям, то есть опять-таки рекламу.

Порнография как бизнес.

В самый канун Нового года «Нью-Йорк пост» — газета, именующая себя либеральной, — поместила рядом два сообщения. Одно о том, что специальный комитет палаты представителей опубликовал доклад об угрожающем росте порнографических изданий — книжек, журналов, открыток и т. п. «Порнография, — говорилось в этом докла-

де, — является большим бизнесом. Те масштабы, в которых мотивы прибыли заставили отбросить в сторону общепринятые нормы порядочности и хорошего вкуса и заменили их низким моральным стандартом, стали не только национальным позором, но и угрозой нашему гражданскому благосостоянию».

В подтверждение этой уничтожающей характеристики в докладе приводились слова писательницы М. Бэннинг, которая утверждала, что около 1 100 журналов, издающихся в США, не имеют никакой иной цели, кроме изображения проституции. Из 1 231 журнала, выходящих в США, только сто не печатают регулярно снимков полураздетых или почти раздетых девушек. Ежегодно в стране продаётся более двух миллиардов экземпляров журналов, полностью посвящённых порнографии. «Газетные киоски в Америке, — говорила Бэннинг, — являются собой столь отвратительное зрелище, возбуждающее нездоровую сексуальность, какого не встретишь нигде в мире. Эти журналы издаются не для развлечения, не для игры, не для эстетического удовлетворения, а просто для того, чтобы вызвать сексуальное возбуждение».

В другом сообщении говорилось, что Голливуд потрясён утверждением какой-то газеты, заявившей, что у известной киноартистки Марлин Монро — искусственный бюст. Корреспондент «Нью-Йорк пост» с серьёзным видом докладывал американской общественности, что Монро решительно опровергает это утверждение как клеветническое. Монро ссылалась при этом на фотографов: они, мол, могут подтвердить, что газета клеветает на неё. Не ограничившись этим, корреспондент пустился в рассуждения, почему, по его мнению, газета не права, а права артистка. Тут же была помещена фотография Монро во весь рост, причём одетой только на одну десятую, — американец должен был убедиться, что об искусственности бюста не может быть и речи.

Редакторы «Нью-Йорк пост», конечно, отвергнут обвинение в том, что они занимаются порнографией. Изображение женского тела стало настолько обычным и обязательным, что в Америке почти невозможно найти издание, которое избегало бы этого. Подобные снимки встречаются ежедневно даже в самых солидных изданиях — то в виде сопровождения к рекламе, то в виде репродукции с новой картины, то в виде иллюстрации к статье.

Женское тело, обнажённое до предела, сопровождает в Америке всё: рекламу, печать, оно занимает почти центральное место в кино, в театре, в мюзик-холле. Я не говорю о бурлесках — этом чисто американском «искусстве» похоти. В самом обычном театре, в самом обычном мюзик-холле показ женского тела составляет основу и гвоздь каждой программы. В крупнейшем мюзик-холле Нью-Йорка — Радиосити — центральной частью каждой программы уже многие годы является выступление сорока сильно раздетых девушек. Они выступают то под видом гаваек, то испанок, то турчанок, то пастушек, то курьерш, но они всегда появляются на ярко освещённой сцене в таких костюмах, которые позволяют видеть, по меньшей мере, четыре пятых их тела.

В других мюзик-холлах число девушек меньше, но цель их выступления та же: показать своё тело. Чем меньше театр, тем непристойнее этот показ. В этом смысле разницы между театром и бурлеском нет почти никакой. Эта разница заметна больше в поведении зрителей — в мюзик-холле публике не подают пива и не разрешается реветь: «Снимай дальше!»

В кино показ женского тела давно стал основным моментом. Красивая женская фигура оттеснила на задний план талант, голос, ловкость. Известно, например, что артистка Бэтти Грэйбл, обладающая самыми красивыми, по мнению американских знатоков, ногами, заработала в последнем году больше, чем кто-нибудь другой. Артистка Лана Тэрнер, славящаяся красивой фигурой, получила роль Аиды, хотя не имеет голоса. Вся «Аида» превратилась в связи с этим в сплошное переодевание актрисы перед зрителями.

Разумеется, такое многолетнее, массовое, назойливое и грубое разжигание похоти не могло не сказаться на поведении и морали американца, особенно молодёжи. В США колоссально возросло число преступлений на половой почве. Женщине, девушке совершенно невозможно показаться ночью на пустынной улице. В некоторых районах Нью-Йорка — в Китайском городе, во многих частях Бруклина — это нельзя делать и днём. В одиночку женщины, девушки, девочки-подростки и девочки-дети не могут появляться даже в Центральном парке, расположенном почти в центре Манхэттена.

8. Плоды „американизма“

„Охота на ведьм“.

В марте 1953 года я заехал как-то к знакомой чете американцев, жившей в окрестностях Нью-Йорка. Хозяин и хозяйка, с которыми я познакомился ещё осенью, встретили меня, как всегда, приветливой улыбкой. Мы обменялись обычным приветствием: «Как поживаете?» — и улыбка исчезла с их лиц. Меня усадили в кресло, но разговор что-то не клеился. Уже привыкший к тому, что некоторые американцы, опасаясь репрессий, избегают встреч с советским журналистом, я поднялся и прямо спросил, не лучше ли мне сразу же покинуть их дом и вернуться в город. Они серьёзно и сердечно заверили меня, что я для них желанный гость, что их мрачное настроение не следует принимать на свой счёт.

Я понял, что семья чем-то удручена и подавлена. Правда, я знал, что Дэвиса (так звали хозяина дома) около месяца назад вызывала в Вашингтон расследовательская комиссия сенатора Маккарти. Его потащили туда потому, что в библиотеках американских посольств за границей «расследователи» обнаружили его книги, которые пришлись им не по вкусу. Поскольку автор не мог отвечать за чиновников государственного департамента США, он довольно легко отразил злобные, но глупые атаки сенаторов. Я встречался с ним после этого раза два-три и видел, что он настроен очень хорошо, решительно и даже задорно. Поэтому нынешнее уныние Дэвисов было мне непонятно. Я стал допытываться, что случилось.

— А-а, обычная история, — ответил Дэвис, устало махнув рукой.

— Они стали травить наших детей, — тихо произнесла миссис Дэвис.

— Да, да, это обычная история, — повторил Дэвис. — Они стараются нанести удар по самому чувствительному месту всякой семьи — детям. Не сумев запугать родителей, они пытаются теперь создать невыносимые условия для детей. Они издеваются над ними, сбывают их шпионами, иностранными агентами. Дети приходят домой в слезах, а наутро отправляются в школу, как на истязание...

— Кто же делает это?

— Делают, конечно, тоже дети, но, безусловно, по наущению взрослых.

— Может быть, кто-нибудь сводит с вами таким образом личные счёты? — неуверенно предположил я.

Хозяйка отрицательно покачала головой.

— Едва ли... Ведь мы живём здесь так недавно и почти ни с кем не общаемся.

— Нет, это, несомненно, последствия антикоммунистической истерии, — уверенно определил Дэвис. — Это та самая «охота на ведьм», которой так долго и так усердно добивалась наша правящая верхушка. Долголетняя пропаганда и травля всего прогрессивного как антиамериканского, непатриотического, чуждого и враждебного даёт свои плоды. Часть средней и мелкой буржуазии поддаётся этой пропаганде. «Кампания против красных» нередко приобретает совершенно дикие формы. Ведь вы знаете, что произошло недавно в Харрисоне?..

О том, что произошло в маленьком городке Харрисон, расположенном в окрестностях Нью-Йорка, узнать было немудрено, так как буржуазные газеты столь усердно расписывали «патриотический подвиг» группы жителей этого города, что буквально прожужжали всем уши.

Началось с того, что власти Нью-Йорка, в прямое нарушение конституции, обязали всех учителей штата приносить «клятву в лояльности». Каждый учитель и учительница должны были собственноручно написать клятву в том, что они не состоят ни в коммунистической партии, ни «родственных» ей организациях, ни в «других подрывных обществах». Поскольку список этих «родственных» и «подрывных» организаций весьма велик, то большое число учителей так или иначе попадало в число «сомнительных». Их ставили перед выбором: либо покинуть свои организации, либо оставить школу.

Действия нью-йоркских властей были грубым нарушением гражданских прав учителей. Они вызвали бурю негодования не только среди учителей, но и среди всех тех американцев, которые ещё пытаются отстаивать свои гражданские свободы и права. Нару-

шение конституции было настолько грубым, что даже верховный суд, который довольно часто допускает судебный произвол, оказался вынужденным объявить действия нью-йоркских властей неконституционными.

Тогда, невзирая на это, совет школы маленького городка Харрисон, состоящий из местных лавочников, директора школы, священника и ещё нескольких лиц, постановил потребовать клятву в лояльности от всех служащих школы, членов родительско-учительской ассоциации, от всех бой-скаутов и герл-скаутов (детские организации), от членов Лиги женщин-избирательниц, которые время от времени пользовались помещением школы, так как других общественных зданий в городке нет. Когда выяснилось, что восьми-девятилетние малыши не в состоянии составить подобный документ, их освободили от этого. Остальные же вынуждены были принести свою клятву публично, в присутствии почти всего населения городка.

Однако часть тех, кого обязали подвергнуться этой глупой и унижительной процедуре, отказалась. Тогда сторонники клятв попытались принудить их силой. Возникли схватки и драки. Городок подверг отказавшихся от клятв настоящему бойкоту. С ними перестали разговаривать, лавочники не продавали им ничего, детей их не пускали в школу. Власти графства и штата, видя грубейшее беззаконие, не только не одёргивали распоясавшихся черносотенцев, а, наоборот, решительно поддерживали их. Буржуазная печать захлёбывалась от восторга, описывая «подвиг патриотов» Харрисона. Их изображали как героев, бросивших вызов верховному суду, их поднимали на щит как подлинных сынов отечества, заботящихся о его безопасности и благополучии американской семьи. Противники клятв были заклеены как «нелояльные» и даже «опасные» для безопасности Америки люди, как «красные» и «агенты иностранной державы».

Нужно было иметь огромное мужество, чтобы выдержать всё это. У многих его не хватило. Но некоторые всё же не сдались. Одни предпочли продать в Харрисоне свой дом и участки и переехать в другой город, другие остались там, продолжая неравную борьбу против «охотников на ведьм».

— И знаете, кто стоял за всей этой скандальной историей? «Американский легион» и «Рыцари Колумба».

— Сколько я могу судить, эти организации заметно активизировались в последнее время, — заметил я.

— Несомненно, — подтвердил Дэвис. — Травля всего прогрессивного «сверху» сливается с деятельностью таких организаций, как «Американский легион», «Рыцари Колумба», «Дочери революции», «Ку-клукс-клан»¹ и другие. Все эти организации, как вы знаете, финансируются нашими монополиями, которые, по всей видимости, и поручили им изобразить «поддержку народа». В своём усердии главари этих организаций иногда перехватывают через край, но им прощается всё.

Вожаки «Американского легиона» сами назначили себя цензорами в области искусства. Они решают, какую картину должен смотреть американский зритель, а какую — нет. Они, например, помешали показу последней картины Чарли Чаплина «Свет рампы» в нескольких центральных штатах и по всему западному побережью страны. Легионеры просто не давали публике входить в кинотеатры, где показывали этот фильм. Под давлением легиона две крупнейшие кинокомпании, владеющие тысячами кинотеатров, вообще отказались от этой картины.

«Американский легион» выступил против чаплинской картины не потому, что она критиковала американские порядки или проповедовала прогрессивные взгляды. Совсем нет. В этой картине Чаплин не затрагивал социальных проблем и ограничился чисто бытовой, простенькой человеческой историей, рассказанной с обычной грустной чаплинской улыбкой. Правда, на фоне человеконенавистничества и культа жестокости, господствующих в американском кино, человечность Чаплина прозвучала резким диссонансом. Но это едва ли могло дойти до сознания туго соображающих легионеров — они сорвали показ этой картины только потому, что она была чаплинской.

¹ Фашистские и полуфашистские организации.

Впрочем, они выступают не только против Чаплина. «Американский легион» предъявил владельцам киностудий в Голливуде своего рода ультиматум: не допускать участия в картинах артистов, которые отказались сотрудничать с комиссией Маккарти, то есть отказались стать доносчиками и шпионами. Легион передал им «чёрный список» артистов, сценаристов, художников, которых вожаки легиона считают «сомнительными». Владельцы киностудий охотно приняли этот «ультиматум».

Теперь для многих американских артистов путь в картину лежит либо через комиссию Маккарти, где они должны чем-нибудь замарать кого-то из своих товарищей по профессии, либо через приёмную вожаков «Американского легиона». Маккарти и легионеры требуют от них «немногого»: «грешники» должны опубликовать заявление, что они стали жертвой коммунистов, но признают свои заблуждения и «разоблачают» двух-трёх своих друзей или коллег. После этого их объявляют «очищенными».

Последний такой случай произошёл с артистом и режиссёром Хозе Феррером, который слыл в своё время «прогрессивным деятелем искусства», «Американский легион», вспомнив либеральные «грехи» Феррера, объявил, что легионеры будут пикетировать только что вышедшую картину Феррера «Мулен Руж». Феррер послал национальному командору «Американского легиона» телеграмму, что он готов «драться вместе с легионом против коммунизма». Командор легиона предложил Ферреру прибыть в городок Сэнт-Реджис для встречи с представителями легиона. Феррер отправился с повинной головой в Сэнт-Реджис, устроил для легионеров пышный обед, после которого они вместе со счётом за съеденное предъявили требование немедленно выступить с резким заявлением против Поля Робсона (Феррер и Робсон работали одно время вместе). Феррер принял это требование. Через несколько дней он опубликовал гнусное заявление о Поле Робсоне, а ещё через несколько дней «Американский легион» объявил, что он благословляет показ картины «Мулен Руж».

Наступление реакции в США стало всеобъемлющим. Дэвис заметил, что на это дело бросаются огромные деньги и мобилируются большие силы. Он напомнил о недавней встрече Эйзенхауэра с руководителями так называемого Комитета современной опасности, в который вошли пятьдесят наиболее видных представителей банковского, промышленного и торгового мира, адвокатов-миллионеров, вроде Джона Фостера Даллеса и Браунелла, и видных учёных, тесно связанных с крупнейшими монополиями. Этот комитет был создан для того, чтобы, как писала «Нью-Йорк таймс» в те дни, «придать антикоммунизму в США респектабельность и авторитет, которого он заслуживает и которого ему не хватает».

— Иными словами, — заключил Дэвис, — миллиардеры и миллионеры резко активизируют руководство всеми реакционными, фашистскими и полуфашистскими организациями.

Путь к „счастью“.

В самом конце марта 1953 года даже привычные к преступлениям, убийствам и грабёжам граждане Соединённых Штатов были потрясены цепью убийств, которые за короткий срок совершил, по всем признакам, один человек. В ночь на 28 марта преступник убил и ограбил студента Брэйвермэна недалеко от города Рочестера, в штате Нью-Йорк. На следующую ночь он убил и ограбил супругов-стариков Джорджа и Флоренс Блумберг около города Кинейвилла, в штате Иллинойс. В ночь на 30 марта он же убил и ограбил двух пожилых женщин — Гарриет Хорсман и Агнес Бистон — в городе Спринг-Волей, в штате Миннесота.

Вору или отнимая автомобили и часто меняя их, преступник с огромной скоростью нёсся на запад. Он убивал молодых и старых, мужчин и женщин. Полиция всех городов, расположенных западнее Спринг-Волей, была поставлена на ноги. Детективы трёх штатов гнались за преступником, готовые к жестокой схватке. Гангстеры в США обычно не сдаются полиции без боя. Между ними происходят иногда настоящие сражения.

Каково же было удивление полицейских и детективов, когда они, окружив в маленьком городке Дюбак (штат Айова) машину преступника и взяв её на прицел, увидели, что из машины вылезли высокий, красивый юноша и тоненькая, в тёмных куртках, со вздёрнутым носиком девушка, почти девочка. Заставив молодую пару поднять руки, полицейские обыскали машину, ожидая обнаружить в ней страшного убийцу. Там никого не оказалось. У юноши нашли пистолет того же калибра, которым были убиты в трёх штатах пять человек. По документам юноша значился Фредом Макманусом, солдатом морской пехоты, 18 лет. Девушка назвала себя Дианой Веггелэнд, 16 лет.

Макманус не стал долго упираться. «Сегодня он сел хладнокровно к машинке, — сообщил 1 апреля корреспондент херстовской газеты «Нью-Йорк джорнэл америкэн», — и сам напечатал собственное признание в пяти убийствах... Вот что он писал: «Я, Фред Макманус, в ночь на 29 марта убил двух человек, которых я не знаю, с целью приобретения денег. В ночь на 30 марта я убил ещё двух человек, которых я также не знаю, с той же целью. В ночь на 28 марта я задержал и отнял красно-чёрный автомобиль марки «плимут». Я застрелил владельца, когда он отказался отдать мне автомобиль. Все эти убийства были сделаны без ведома моей жены или человека, которого я считаю своей женой. Я совершил эти убийства, когда она спала».

На вопрос следователя, зачем он это сделал, Макманус ответил: «Я хотел добыть деньги, чтобы поселиться с Дианой в Калифорнии и зажить там счастливой жизнью...»

Пять убийств принесли ему... 58 долларов.

Дальнейшее следствие показало, что Макманус добровольно поступил в морскую пехоту, надеясь отправиться в Корею и заслужить там славу и деньги. Однако его задержали почти на год в лагере на канцелярской работе. Перед отправкой в Корею ему дали отпуск, во время которого Макманус решил в армию больше не возвращаться. По его словам, солдаты, вернувшиеся из Кореи, убедили его, что ничего героического или доходного там нет. Решив дезертировать, Макманус уговорил знакомую шестнадцатилетнюю девушку отправиться с ним. Он говорил ей, что купит в Калифорнии домик и что они будут обеспечены и счастливы. Однако без денег он не мог выполнить своих обещаний о «счастливом семейном очаге». Он решил «добыть эти проклятые деньги». Когда же его спросили, почему он избрал такой способ добычи денег, Макманус философски заявил: «Счастье даётся только тем, кто умеет рисковать, оно даётся только смелым. Всё остальное не имеет никакого значения».

Когда его отец прилетел в Дюбак, чтобы нанять опытного адвоката, молодой убийца отказался от помощи и от адвоката, ответив коротко в стиле азартного игрока: — Я сделал крупную ставку и проиграл, переигрывать поздно...

Он не жалел об убитых, его угнетало только то, что эти убийства принесли ему всего 58 долларов.

«Философия» Макмануса весьма характерна. Вера в то, что «счастье даётся только беспощадным, готовым использовать любые средства», проповедуется десятилетиями всей американской печатью, литературой, театром, кино, всем искусством. Она составляет основу американского «менталитета» (образ мышления). Конечно, часто на преступления толкает нужда. Но в большинстве случаев американские преступники вдохновляются мыслью, что для обогащения все средства хороши.

Массовая преступность в США в определённой степени является отражением деятельности хозяев Америки, которые нажили колоссальные состояния и добились власти и могущества преступными средствами. Американцы знают, что их миллиардеры и миллионеры, которым ныне прислуживают правительство и конгресс, которых воспевают поэты и музыканты, превозносят епископы и проповедники, перед которыми преклоняются обнищавшие аристократы Западной Европы, добыли свои миллиарды далеко не безгрешными путями. История каждой династии миллиардеров — Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов и других — это история массового грабежа, массовых убийств, массовых насилий.

Преступность в Америке приняла характер страшной эпидемии. В конце прошлого года министерство юстиции США опубликовало доклад о росте преступности в стране. Из него следует, что в обычный средний день в США «одно воровство совершается

каждые 26 секунд, кража автомобиля — каждые 2,45 минуты, изнасилование — каждые полчаса. Каждые 4,6 минуты совершается убийство, непреднамеренное убийство и изнасилование или попытка убить». За первые шесть месяцев 1952 года, например, было 6 430 убийств, 8 320 изнасилований, 29 190 ограблений, 42 090 нападений, 604 210 краж.

В докладе подчёркивалось, что преступность особенно широко распространена среди молодёжи. Молодые люди до 21 года составляют почти треть всех преступников. Среди них самую многочисленную группу составляют восемнадцатилетние.

Склонности к гангстерству появляются ещё у детей — результат постоянного воздействия кино, радио, телевидения, детской «литературы» и «комиксов», прославляющих смелых гангстеров, воров, убийц. Нередко с двенадцати-тринадцати лет дети объединяются в шайки, которые возглавляются вожаками-головорезами, обычно связанными с уголовным миром взрослых. Эти шайки совершают вооружённые нападения, грабят, убивают подростков — своих противников, часто воюют между собой. В мае 1953 года, например, полиция раскрыла в Бруклине две шайки, которые готовились к баррикадной войне друг с другом. Обе они имели гранаты, бутылки с горючей смесью, автоматы.

Часто подростков принуждают вступать в эти шайки силой. Попытки подростков вырваться из шайки кончаются обычно кровавой расправой. В начале апреля 1952 года по всей стране прогремело совершенно чудовищное преступление. Девятнадцатилетний Роберт Рэнсом, возглавлявший одну из шайк подростков, узнав, что его парни недовольны им, вызвал их к себе, поставил в ряд и стал хладнокровно расстреливать их.

Недавно министерство юстиции с сокрушением сообщало, что оно не знает, как бороться с быстрым ростом преступности среди молодёжи. Оно не жалеет средств на борьбу с детской преступностью: строит новые тюрьмы для подростков, специальные школы для осуждённых детей, увеличивает число полицейских. Журнал «Лук» даже подсчитал в начале этого года, что ныне в США на каждый доллар, затраченный на образование, тратится 4 доллара 87 центов на тюрьмы, полицию, детские суды и другие средства борьбы с преступностью детей.

Но всё это делается, конечно, с расчётом. Правящие круги США предпочитают тратить почти в пять раз больше средств на борьбу с детской преступностью, чем на действительно правильное воспитание и образование детей. Они прекрасно понимают, что преступники могут потревожить сейф одного банкира, образованные же люди могут скорее найти путь к тому, чтобы подорвать самую основу господства и процветания всего мира банкиров и промышленников, положить конец самодержавию миллиардеров и миллионеров. Они понимают также, что, приковывая внимание населения к отдельным преступникам, естественно, отвлекают его от грабительской политики и более страшных, хотя и менее кричащих преступлений правящего класса.

„Трёхпалый Браун“ и прокурор Лэйн.

В середине прошлой зимы в Нью-Йорке произошло необычное событие: пропал «король» нью-йоркского подпольного мира Томас Лючезе, по прозвищу «Трёхпалый Браун». Только накануне он давал показания в комиссии по расследованию преступлений штата Нью-Йорк, беседовал с корреспондентами, позировал перед объективами фото-, кино- и телевизионных аппаратов. Его показания заняли первые страницы больших газет, его изображения — толстый, полупысый человек с мышиными глазками под густыми бровями — красовались рядом. И вдруг он исчез.

На поиски Трёхпалого Брауна были мобилизованы все силы полиции Нью-Йорка, затем к ней примкнули полицейские всех штатов Америки. Прокурор Нью-Йорка Майлс Лэйн, получивший скандальную известность провокационным допросом и речами на процессе руководящих деятелей Коммунистической партии США, сам возглавил этот всеамериканский поиск. Он обратился к тогдашнему министру юстиции Макгрэннери с просьбой дать указание Федеральному бюро расследований разыскать пропавшего. Директор ФБР Эдгар Гувер, вообще привыкший рекламировать каждый шаг возглавляемой им тайной полиции, почти немедленно принял корреспондентов и объявил им, что Трёхпалый Браун будет найден в несколько дней.

Однако прошло несколько дней, затем недель, а Трѣхпалый Браун так и не был обнаружен. Полиция и ФБР признали своё поражение, хотя многим корреспондентам было известно, что Лючезе, как выразилась одна газета, «скитается где-то в Майами» (крупнейший курорт во Флориде).

Как это могло случиться? Тут уж было от чего недоумевать.

— Нужно полагать, что именно прокурор Лэйи, проявивший столько шумного усердия в розысках «короля» нью-йоркских преступников, и посоветовал Лючезе «затеряться» на этом фешенебельном курорте, — ответил на мой вопрос журналист Уитни.

— Но для чего это ему понадобилось?

— Видимо, Лэйиу было нежелательно, чтобы комиссия по расследованию преступлений увидела, что делается у него за спиной. Во-первых, она обнаружила бы, что между руководителями демократической партии в Нью-Йорке и главарями преступного мира существует давняя и тесная, почти семейная связь. Те, кто захотел бы поглядеть повнимательнее, увидели бы, что почти такая же давняя и тесная, почти семейная связь существует между главарями подпольного мира и руководителями республиканской партии штата Нью-Йорк.

— Преступники, видимо, не желают уступать на этом поприще вашим миллиардерам.

— Совершенно верно, — подхватил мой собеседник. — Только миллиардеры финансируют партии для того, чтобы любое правительство, пришедшее к власти, служило им, а преступники финансируют обе партии для того, чтобы ставленники этих партий на государственных постах не замечали расхождений между деяниями преступников и законами.

— Да, но что же выяснила комиссия по расследованию преступлений? — вернулся я к началу рассказа моего собеседника о прокуроре Лэйи и Трѣхпалом Брауне.

— Довольно много интересного, — ответил Уитни. — Прежде всего то, что главарь нью-йоркских преступников Томас Лючезе не просто знаком, а является интимным другом мэра города Нью-Йорка Винсента Импеллитери, а также бывшего мэра этого города и посла США в Мексике Уильяма О'Двайера. Он был постоянным и частым гостем в доме судьи штата Нью-Йорк Ирвина Сайрола и федерального судьи Томаса Мэрфи. С прокурором Лэйиом у Трѣхпалого Брауна связь была особенно тесной. Даже близкие приятели главаря преступников и прокурора не могли сказать, кто из них кому покровительствует. Все, однако, сходятся на том, что Трѣхпалый Браун помогает прокурору своей мощной, прокурор помогает «королю» преступного мира своим содействием, которое весьма многообразно и сложно. Комиссия, к сожалению, прервала Трѣхпалого Брауна, когда он заговорил о своих связях с губернатором штата Нью-Йорк Томасом Дьюи, — продолжал журналист. — Ему сказали, что он отходит от темы и говорит не по существу.

— Значит, об отношениях между Лючезе и Дьюи так ничего и не стало известно?

— Через комиссию — нет. Однако все, у кого не отшибло память, помнят, что по настоянию Дьюи Томас Лючезе получил в 1950 году полные права гражданства. Трѣхпалый Браун известен всем как главарь преступного мира, однако привлечь его к ответственности до сих пор не могли. Судьи говорят, что его преступления не доказаны. Однако его скандальная известность была так широка, что власти вынуждены были несколько ограничить его свободу, — он не был гражданином США. Тогда-то на защиту Трѣхпалого Брауна выступил Дьюи. Он собственноручно выдал Лючезе удостоверение, в котором заверял, что он, Дьюи, губернатор штата Нью-Йорк, ручается за хорошее и честное поведение Лючезе...

— Странное отношение к преступникам... Неужели Дьюи, Лэйи и другие так их боятся?

— Нет, тут другое. — Уитни сделал жест, означающий взятку. — Видите ли, у нас почти все должности покупаются и продаются. Официально известно, например, что должности в муниципалитете Нью-Йорка продаются в штаб-квартире демократической партии Нью-Йорка — Таммани-холл — за цену от 500 до 25 тысяч долларов. Должность судьи штата оценивается в 100 тысяч долларов.

— Неужели эта должность так доходна?

— Конечно. Судья в штате получает 28 тысяч в год. Это не так уж много, хотя и немало. Однако у судей имеются кое-какие другие источники доходов. Судья Леви, например, за пять лет — с 1946 по 1951 год, — получая эти 28 тысяч долларов, ухитрился отложить в банк 406 тысяч долларов, что в три раза превышает его открытый заработок. А ведь судьям тоже приходится есть, пить, одеваться, содержать семью и т. п. Сколько же притекло к нему по скрытым каналам? Хранители законности у нас тесно переплелись с её нарушителями. Жажда наживы толкает судей и гангстеров, прокуроров и взломщиков, сыщиков и убийц, следователей и воров навстречу другу другу. Когда же их пути перекрещиваются, они порой вступают в борьбу, но чаще всего приходят к полюбовным сделкам.

Перед выборами республиканская печать подняла большой шум относительно продажности крупных правительственных чиновников и администрации демократической партии. Республиканская партия даже шла на выборы под лозунгом: «Очистить авгиевы конюшни Вашингтона!» Это, конечно, не значило, что республиканцы чище своих демократических собратьев, вовсе нет: они воруют и берут взятки не хуже демократов. Республиканцы кричали об очистке авгиевых конюшен потому, что воровство и взяточничество в Вашингтоне приняли скандальный характер.

В первые месяцы моего пребывания в США правительство решило проверить государственные запасы зерна. Поездки инспекторов министерства земледелия по штатам вызвали настоящую эпидемию убийств, самоубийств, поджогов элеваторов и всяких других происшествий. В течение короткого времени был найден убитым владелец склада зерна в Эдисоне (штат Огайо) Гарри Мертин. В отеле «Мэйфлауэр» в Лос-Анжелесе застрелился владелец элеватора Эдвин Смит. Владелец большого склада зерна в Кэммене (штат Огайо) Джордж Бэйтес погиб при подозрительной автомобильной катастрофе.

Инспекторы выяснили, что на складах убитых и погибших владельцев элеваторов недоставало огромного количества принадлежащего государству зерна. Хищения были так велики, что даже приблизительный подсчёт составил около семи миллионов долларов. Нити преступлений почти во всех случаях вели к видным правительственным чиновникам, оптовым торговцам, крупным партийным боссам. Никто из них, однако, не был привлечён к уголовной ответственности — ведь у каждого Трёхпалого Брауна здесь имеется свой прокурор Лэйн, который помогает ему прятать концы в воду.

Больные нервы.

Недели через три после моего приезда в Нью-Йорк мне пришлось ехать в метро. В вагоне преобладали мужчины. Почти все они сидели, повернув голову к выходу, где у двери стояла молоденькая, очень красивая, элегантно одетая девушка. Её большие синие глаза понимающе и плутовато посматривали на мужчин, словно говорили: «Любуетесь? Ну что ж, любуйтесь, я не возражаю».

На одной из остановок в вагон в самый последний момент вскочил пожилой полный мужчина. Не удержавшись во время толчка, он слегка толкнул девушку. В одно мгновение её рекламно-красивое лицо исказилось, полные, подкрашенные губы переёрнулись в уродливой гримасе.

— Эй, вы!.. Старый жирный мешок! Держитесь на своих кривых подставках как следует!.. — захлёбываясь от злости, прокричала она в лицо пожилому пассажиру.

Это было отвратительно. Не произошло ничего, что могло бы вызвать такое резкое раздражение и такую недостойную грубость девушки. Она уже не казалась мне красивой и привлекательной. На неё стало неприятно, даже как-то стыдно глядеть. Однако пассажиры-американцы с прежним интересом продолжали рассматривать её, а она как ни в чём не бывало попрежнему снова милостиво разрешала любоваться собой.

— Откуда такая грубость у этой девушки? — спросил я своего спутника-американца.

— Это не грубость, — поправил он, — это истеричность. Вы заметили, как исказилось её лицо? Это истерия. Она могла заплакать, но предпочла обругать.

— Я что-то не видел плачущих американцев или американок,— заметил я. — Может быть, они хотят плакать, но предпочитают грубить?

Приняв мою реплику за насмешку, мой спутник укоризненно взглянул на меня и тем же убеждающим тоном повторил:

— Это именно истеричность. Люди наши возбуждаются невероятно быстро, реагируют на всё с исключительной болезненностью.

— Почему же?

— Нервы больные. У нас в психиатрических больницах лечится более семисот тысяч психических больных — наивысшее число в истории страны. А сколько ещё не решилось лечиться! А сколько не знает того, что им надо лечиться! А сколько таких, у которых только расстроены нервы! Жизнь в нашей стране настолько напряжённая, погоня за деньгами — ведь без них нет жизни! — настолько велика, а положение большинства людей настолько непрочно, что нервы снашиваются у наших людей прежде всего. Этому способствует, кроме того, ещё и наша печать, и кино, и телевидение. Нет, страна наша не для слабонервных...

С этим я должен был согласиться. Люди со слабыми нервами уходили из жизни. Самоубийства в Америке весьма часты. Кончают с собой не только потому, что находят жизнь слишком жестокой, грубой и невыносимой вообще. Кончают из-за мелких семейных или деловых неприятностей, иногда из-за пустяков. В начале этого года покончил с собой, предварительно убив свою жену и двух детей, профессор Колумбийского университета. Он не оставил никакой записки. Однако следствие установило, что в день самоубийства он получил от руководителя факультета словесный выговор. Студентка того же университета отравилась газом из-за того, что не сдала в тот день один из многих экзаменов. Шестнадцатилетний парень повесился потому, что родители сказали, что ему рано жениться. Парнишка четырнадцати лет застрелился потому, что его не пустили в кино, тогда как у него там было назначено свидание с девочкой.

Самоубийства настолько часты, а поводы к ним зачастую настолько обыденны, что привыкшая к сенсациям американская печать просто не удостоивает их вниманием. К тому же это вынудило бы поднимать серьёзный вопрос о моральном состоянии широких слоёв населения, о самой социальной системе, которая порождает такое моральное состояние и толкает людей на самоубийства.

Мне пришлось быть свидетелем нескольких драк между американцами; они возникали из-за пустяков. Жестокость, с которой дерутся американцы, поразила меня. Драчуны очень скоро приходят в состояние такого возбуждения, когда уже ничто, кроме крови и жизни противника, не может удовлетворить их. Они хватаются за ножи, стулья, топоры — словом, за всё, что превращает драку в убийство. Зрители не мешают драчунам, и их стычки нередко кончаются смертью или серьёзными увечьями одного из противников.

Убийством нередко кончаются обычные семейные споры. В Нью-Джерси шестнадцатилетнему парню не понравился совет родителей оставить школу, в которой он привык сидеть в каждом классе по два года, и заняться делом. Сын не стал особенно возражать им. Дождавшись, когда родители улеглись спать, сын вытащил отцовское ружьё, подкрался к спящим и застрелил их. Затем, очистив отцовский бумажник, он вывел его автомобиль и отправился во Флориду. В Нью-Йорке братья — десяти и шести лет — застрелили свою восьмилетнюю сестрёнку за то, что она отказалась быть их пленницей: они играли в «корейскую войну».

Так отравляет и уродует человеческие отношения прославляемый печатью, кино, театром и телевидением дух гангстеризма.

Жажда жизни.

Мой квартирновладелец, высокий широкоплечий мужчина с совершенно лысой головой и с такой густой чёрной растительностью на лице, что его щёки после бритья казались синими, частенько заходил к нам поговорить о том, о сём и никогда не упускал случая хвастливо заявить:

— Я пока ещё не миллионер, но обязательно буду им. Я уж как ухвачу что-нибудь, то не выпущу...

Действительно, хватка у него была поразительная. Он не упускал ничего из того, что попадало ему под руку, он покупал, перепродавал, обменивал, обманывал, мошенничал. Единственное, к чему он стремился, по его собственному уверению, было — разбогатеть, разбогатеть во что бы то ни стало. Квартиру, в которой мы жили, он снял для себя. Но, увидев, что на ней можно немного заработать, он сдал её нам, сам переехал в другую, подешевле, затем и ту пристроил за более высокую плату, чем снял сам. Он считал, что если появляется возможность хватануть сколько-нибудь, то не стоит останавливаться ни перед чем. Когда мы осторожно указывали ему, что он рискует таким образом нажать серьёзные неприятности, он только отмахивался.

— Без риска нельзя,— говорил он.— Капитал только так наживается.

До чего ж просто смотрят многие американцы на любые средства обогащения! Ловкость и неразборчивость в использовании этих средств рассматриваются как своего рода искусство и прославляются общественным мнением. Обман именуется соревнованием ума. Обманутому не сочувствуют, а, наоборот, ругают его и презирают: зачем позволил обмануть себя. Если торговец сумеет сбыть гнильё за добротный материал, фальшивку за настоящую вещь, перелицованный костюм за новый и т. п., то опять-таки винят не торговца (бизнес есть бизнес!), а одураченного покупателя.

Почти все мелкие лавчонки на Бродвее и особенно на 42-й улице существуют только тем, что их владельцы обманывают простаков-провинциалов и иностранцев. Доходы их настолько ничтожны, что если бы они частенько не прибегали к жульничеству, то должны были бы давно итти по миру. Чем хуже дела владельцев этих лавчонок, чем реже заглядывают к ним покупатели, тем с большим ожесточением набрасываются они на случайного посетителя. Они покажут ему хорший материал, а сунут в пакет другой, дрянной. Они обязательно обсчитают его. Они сбудут ему гнильё, уверяя, что это самый модный и самый дорогой товар. Обманув человека на несколько долларов, они страшно довольны: вот это настоящий бизнес!

И человек, мечтающий стать миллионером, и мелкий торговец, стремящийся положить в банк хотя бы тысячу долларов, действуют в полной уверенности, что для достижения этой цели всё дозволено и все средства хороши. Жажда наживы давит на них с такой силой, что у них не остаётся ничего человеческого. Во имя наживы они готовы угодничать, заискивать, готовы обмануть, оклеветать, стереть в порошок, затоптать ногами. Жажда наживы определяет их поведение, образ их мыслей, мораль, образ жизни. Мне приходилось встречать и стариков, потерявших жизнь в погоне за наживой, и молодых, начинающих свою жизнь с этой погони.

В здании Ассошиэйтед Пресс мне показывали старика — чистильщика сапог, историю которого знали, видимо, все журналисты, бывавшие там. Ещё в ранней молодости он решил разбогатеть. Он стал экономить на еде, на одежде, не ходил в кино, не курил, не тратил даже нескольких центов на газеты. Этот аскетический образ существования позволил ему скопить к сорока годам сумму, которую он наметил как цель жизни — 10 тысяч долларов. Однако в сорок лет он сделал неосторожный шаг — женился. Его семейное счастье продолжалось недолго. После неудачных родов жена серьёзно заболела. На её лечение он потратил все свои сбережения. Когда жена умерла, он был почти так же беден, как в начале своего жизненного пути, и он снова вернулся к своему старому занятию — стал чистить сапоги — и к своей старой мечте — разбогатеть. Только теперь он уже не намерен повторять ошибки и ни в коем случае не женится.

9. Путешествие на Юг

От Нью-Йорка до Чаттануги.

Ранним и очень туманным утром мы выехали из Нью-Йорка. Мы двигались через штат Нью-Джерси в какой-то серой гуще, скрывавшей от нас всё. Перед собой мы видели лишь 2—3 метра мскрой дороги. Иногда впереди появлялась на короткое время задняя часть какой-нибудь машины: амортизатор, чёрный квадрат номера, заплаканное

окно. Иногда слева от нас проползал высокий кожух огромного грузовика, идущего с таким сильным рёвом, что от него начинала вибрировать наша машина. Провожая его каждый раз беспokoйным взглядом, я думал: «Стоит такой махине только закрепить нас своим бортом, и мы полетим под откос». Реальность такой перспективы подкреплялась предупреждением нью-йоркской радиостанции, которая через каждые несколько минут сообщала в назидание всем путешествующим о несчастных случаях на дорогах. Оказывается, в это утро на шоссе в окрестностях Нью-Йорка уже произошло несколько автомобильных катастроф со смертельным исходом.

Но не только эти тревоги донимали меня в то утро, были у меня помимо них ещё и другие. Я отправлялся на Юг без одобрения американских властей, а это было рискованно во всех отношениях. Но иного выхода не было: американские власти ограничили передвижение советских людей пределами столицы и Нью-Йорка. Официально эти ограничения не распространялись на работников нашего представительства при ООН, хотя и им чинились препятствия, тогда как все остальные иностранные журналисты совершенно свободно разъезжали по стране. Я решил воспользоваться моим формальным правом.

Но тут встретилось другое серьёзное препятствие. Мои американские друзья, узнав, что я собираюсь ехать через южные штаты с шофёром-негром, решительно воспротивились этому. «Это немисливо, — говорили мне. — С шофёром-негром вас не пустят ни в один отель: ни для белых, ни для чёрных. Вас не будут обслуживать на ремонтных и заправочных станциях. Если вы попытаетесь сесть рядом с шофёром, вас могут вытащить из автомобиля и избить».

Поиски белого шофёра-американца долго ни к чему не приводили. Многие охотно изъявляли желание совершить поездку на Юг и заработать деньги, но, как только узнавали, что им придётся ехать с советскими людьми и даже с корреспондентом «Правды», они немедленно находили весьма уважительные причины, якобы вынуждающие их отказаться от поездки. Один безработный совсем было согласился ехать с нами, но в самый последний момент отказался: кто-то донёс об этом, и его брату пригрозили увольнением с работы.

Наконец шофёр был найден и я в сопровождении знакомого американца Джексона тронулся в путь. Мы решили ехать на Юг по малоизвестному маршруту. Я не делал из своей поездки тайны, но и не рекламировал её. Хотя ехал я по стране, оказавшей мне гостеприимство, с самыми благими намерениями, однако чувство опасения и настороженности не покидало меня не только в те несколько часов, когда мы двигались в тумане через штат Нью-Джерси, но и на всём пути через южные штаты: «несчастных случаев» на американских дорогах бывает ведь немало.

Вырвались мы из тумана на самой границе штата Нью-Джерси, где речка Делавар отделяет его от Пенсильвании. Почти вся Пенсильвания была заселена выходцами из Германии и Голландии, и у здешних городков и посёлков сохранились не только немецкие названия, но и типично немецкий вид: узкие улицы, островерхние крыши, готические церкви, усадьбы, огороженные массивными стенами.

В полдень мы приехали в город Гаррисберг — столицу штата Пенсильвания. Окружённый холмами и рощами, городок казался сонным и тихим. На его просторных улицах, засаженных из конца в конец толстыми, сейчас голыми, чёрными деревьями, было пустынно. Только у местного «Капитолия», где помещается ассамблея и власти штата, стояло несколько десятков машин, появлялись редкие пешеходы да полицейский — высокий, чёрный и важный, как грач, — расхаживал перед главным входом.

Столица Пенсильвании, как столицы других штатов да и всей страны, удалена от промышленных и торговых центров преднамеренно: хозяева страны и таким путём хотят предотвратить организованные выступления рабочего класса, устранить какое бы то ни было воздействие его на государственный аппарат. Чтобы добиться каких-либо уступок от властей штатов или страны, рабочим приходилось устраивать походы в столицы штатов, в столицу страны — Вашингтон. Эти походы в своё время сильно напугали правящую верхушку. Об одном из них — походе 1931 года — даже теперь, много лет спустя, американские буржуа и обыватели вспоминают со страхом.

В сумерки мы приблизились к горам. В долинах клубился туман, и только над чёрной грядой гор ярко алела полоса заката. Скоро скрылась и она. Нас обступила чёрная ночь. Теперь уже нельзя было различить, где горы и где поля. Изредка во мраке появлялся жёлтый огонёк одинокой фермы. Порою в стороне возникала цепочка огней — видимо, посёлок. Затем огоньки стали всё реже и реже. По узкой извилистой дороге мы начали подниматься вверх. Лес вплотную подступал к шоссе. Однако чем выше мы поднимались, тем становилось светлее — здесь всё было покрыто снегом. Изредка в лесу стали попадаться одинокие домики. Тусклый свет едва проникал сквозь их окна.

Перевалив хребет, в полной тьме мы начали спускаться в долину, усеянную далёкими огнями. Огни приближались очень медленно. Мы уже проехали несколько маленьких посёлков, тёмных, пустынных, с закрытыми ставнями, а Хагерстауна — города, в котором был намечен наш ночлег, всё не было и не было. Прошло не меньше часа, пока наконец въехали в его тихие улицы. Несмотря на седьмой час вечера, городок казался вымершим. Мы долго кружили по его тёмным улицам, пока добрались до центра. Здесь на коротком отрезке почти единственной освещённой улицы были сосредоточены две гостиницы (они же рестораны и бары), две пивные, кинотеатр и несколько магазинов. Устроившись в одной из гостиниц, мы прошлись по центру. По тротуарам стайками прогуливались девушки, за ними следовали пестро одетые молодые люди. Изредка медлительной походкой степенно проходили пожилые пары.

Я обратил внимание на то, что на улице мы не встретили ни одного негра. А ведь мы уже вступили на земли Юга, где начинались негритянские районы. В гостинице я спросил прислуживавшего нам негра, почему его собратьев не видно на улице.

— Неграм запрещено появляться на центральной улице вечером.

— А на других улицах можно появляться?

— Только до наступления темноты и только по делу. Вы, наверное, впервые у нас на Юге? — спросил он меня.

Я подтвердил. Видимо, это заставило его попытаться объяснить мне.

— Вы ведь пересекли линию Мэсона и Диксона, — сказал он.

— Линию Мэсона и Диксона? Что это значит?

— Это значит, что вы попали в Америку, где негры не должны никогда появляться без дела на центральных улицах и где они не могут с наступлением темноты оставаться на всех остальных улицах.

Негр с минуту выжидательно смотрел на меня: не спрошу ли я ещё о чём-нибудь. Но я не сразу нашёлся. Тогда он коротко пожелал мне спокойной ночи и вышел. Так я впервые познакомился с нравами Юга.

Из Хагерстауна мы выехали на рассвете. Дорога вилась меж отлогих серых холмов. На холмах были разбросаны одинокие фермы, вдоль дороги почти сплошь тянулись посёлки. Домики были по-южному легки и пестро раскрашены. Между ними часто попадались почерневшие хжины, полуразвалившиеся дворы, фермы с покосившимися стенами, дырявыми крышами. Вид их, как у всякой нищеты, был жалок.

Слева от дороги, за холмами и фермами, снова маячили синие горы. Они сопровождали нас три дня, пока мы не вырвались на равнины штата Алабама.

Следующую ночь мы ночевали в Роаноке — большом и грязном промышленном городе. Остановились в лучшем отеле, забитом богатой бездельничающей публикой. Она заполняла огромный, отделанный мрамором ресторан, сидела в баре, толпилась в вестибюле. Хорошо одетые и откормленные мужчины, сопровождаемые сильно огорлёнными тощими дамами, лениво разговаривали, курили, перелистывали иллюстрированные журналы.

Я поинтересовался, что происходит здесь.

— Ничего особенного, — ответил служащий отеля. — Просто окрестным плантаторам и дельцам наскучило сидеть дома, вот они и съехались сюда убивать время.

И в тот же вечер мы видели на улицах Роанока бедно одетых, изнурённых людей, собиравшихся небольшими группами. Это безработные. Летом и осенью они подрабатывали на фермах, а теперь перебрались в Роанок в надежде, что им удастся получить

какую-нибудь случайную работу. Ночи они проводят в дешёвой ночлежке — длинном сараеподобном здании с громким названием «отель».

На третий день путешествия мы достигли долины реки Холстон, а затем и реки Теннесси. Горы здесь сплошной стеной тянулись по обеим сторонам нашего пути; казалось, мы весь этот день ехали по какому-то бесконечному коридору.

Долина Теннесси удивила нашего шофёра. Он бывал здесь в самый канун второй мировой войны. Тогда, по его словам, это были совершенно малообжитые места. Теперь тут всюду пролегали хорошие новые дороги, мелкие посёлки разрослись в большие города. Вокруг них вздымались десятки заводских труб, извергавших в низкое серое небо клубы чёрного дыма. Должны Холстона и Теннесси превратились за последние десять лет в крупный военно-промышленный центр. Дюпоны создали здесь филиал своей военной кузницы, которая обеспечивает американскую военную машину оружием и снаряжением. Тут же, недалеко от города Ноксвилла, возник первый атомный центр США — Окридж, созданный во время войны Дюпонами, перехваченный после войны Морганам и отвоёванный в последние два-три года снова Дюпонами.

Этот город (кстати, здесь хранятся все золотые запасы США) произвёл на нас особенно мрачное впечатление. Он грязен, дымен и очень уныл. Он расположен в ложинах между холмами. На вершины холмов опустились тучи и прижали дым городских фабрик и заводов к земле. Огромная чёрная пелена его повисла прямо над крышами грязных, почерневших от копоти и времени домов. В городе было так сумрачно, что машины даже среди бела дня вынуждены были идти с зажжёнными фарами. На перекрёстках чёрных, грязных дорог — назидательные надписи: «Будь осторожен. В 1951 году здесь погибли два человека и получили увечья — 22», «Не переходи улицу, можешь потерять жизнь», «Не спеши навстречу своей смерти».

Народ вне закона.

От Чаттануги к Бирмингему дорога шла через отлогие, покрытые густым низкорослым лесом холмы штата Алабама. По обеим сторонам её время от времени появлялись редкие посёлки с узкими грязными улицами. Между ними на холмах виднелись одинокие фермы. Домики фермеров были малы и черны. Вместо стёкол в окнах часто желтела фанера, сквозь провалившиеся крыши надворных построек выглядывали стропила. Нищета выступала здесь вопиуще откровенно.

Беднее фермеров были только негры-издольщики. Их убогие дощатые хижинки, видневшиеся в стороне от дороги, казалось, хотели укрыться от постороннего взора. Они скорее похожи на ящики, в которые обычно упаковывают машины, чем на жильё человека, — в них нет ни окон, ни труб, а маленькая дверь подвешена вместо петель на верёвках. Вокруг хижинки — ни ограды, ни двора, ни сарайчика.

Я попросил шофёра остановить машину вблизи одной из таких хижин. У входа в неё стоял старик-негр и толстая, невысокая негрятянка. Увидев, что мы направляемся к ним, оба они сразу же исчезли.

— Видите, — объявил Джексон, — они спрятались...

— Но мы же не хотим им никакого зла.

— Они ведь этого не знают. Горький опыт научил их остерегаться белых. Им отлично известно, что у них почти нет и вряд ли могут быть друзья среди белых, им известно, что белый не придёт к ним с добрым намерением. Если белый повернул к негрятянской хижине — значит её обитателей ждёт какая-нибудь беда, потому что белый, имеющий дело с неграми, — это либо шериф, который может арестовать и отвести в тюрьму, либо сборщик налогов, визит которого также не обещает ничего хорошего, либо один из тех, кто готов жестоко расправиться с негром за малейшую оплошность. Белые посетители никогда не приносили этим хижинам добра, поэтому естественно, что негры избегают встречи с нами.

— Что это — только боязнь или и неприязнь к белым? — спросил я.

— И страх и неприязнь. Белые посеяли в сердцах негров столько горечи и обиды, что там не могло вырасти ничего иного, кроме неприязни и страха. И белые понимают, что им нельзя рассчитывать со стороны негров на другое отношение.

— И, понимая это, они поступают с ними всё хуже и хуже?

— Ну, я не сказал бы, что они поступают всё хуже и хуже, — возразил Джексон. — Раньше, конечно, к неграм относились хуже. А теперь даже тут, на Юге, случаи линчевания, например, стали всё-таки реже...

Действительно, жестокие убийства негров без суда несколько сократились по сравнению с тем, что было когда-то; однако условия бесправного, нечеловеческого существования сохранились повсеместно до сих пор. Мы убедились в этом во время краткого пребывания в городе Бирмингеме. Этот крупнейший промышленный центр Юга процветает в основном за счёт пота и крови негров, работающих на его металлургических и машиностроительных заводах, на мукомольных и табачных предприятиях.

Мы подъехали к Бирмингему в ясный, солнечный полдень. Высоко над холмами, которые окружают город, голубело чистое южное небо. Но над самим городом, лежащим в котловине, висела густая, почти чёрная пелена, сквозь которую едва пробивались трубы заводов, верхние этажи нескольких высоких зданий. Слева на горе, нависшей над окраинными улицами, на высокой каменной башне, сверкала огромная металлическая статуя Вулкана — бога огня и железа.

Ещё в Нью-Йорке я слышал о трущобах Бирмингема, об их нищете и грязи. Однако то, что мы увидели, оказалось значительно хуже самых мрачных описаний. Вокруг города, возле заводов, сплошными чёрными рядами стояли маленькие дощатые хижины-ящики, покрытые жёстью или толем. Многие из них не имели ни окон, ни труб. Через чёрную четырёхугольную дыру обитатели хижин проникают внутрь, через неё они получают свет и воздух. В холодные и дождливые зимние месяцы отверстие это закрывают, и обитатели хижин вынуждены жить во мраке. Но сохранять тепло в таком ящике — дело невозможное. Зимой здесь холодно почти так же, как на улице, а летом невероятно жарко.

Подавленные, бродили мы по улицам этого «ящичного города». В узких проходах меж жилищ играли чёрные курчавые ребятишки, у входа в хижины сидели пожилые женщины, старики. Дети шумели, смеялись, взвизгивали, бегали друг за другом, женщины и старики переговаривались. Обитатели трущоб настолько, казалось, свыклись с этой обстановкой, что не замечали её чудовищности. Мы побывали в так называемом негритянском деловом квартале, где дома получше, улицы пошире, но который тоже весьма похож на гетто, хотя и не окружён колючей проволокой.

Потом мы сделали два круга по центру города и примыкающим к нему районам белых. На просторных прямых улицах поднимались высокие красивые дома, мелькали таблички различных контор, отелей, пестрели витрины магазинов. На окрестных холмах, сплошь покрытых садами и парками, виднелись роскошные виллы. Контраст между Бирмингемом белых и Бирмингемом чёрных был настолько ошеломляющим, что не оставалось никаких сомнений в его преднамеренности: белые господа — хозяева заводов, плантаций, банкиры, судьи, полицейские — создавали и сохраняли эти трущобы для того, чтобы каждый негр с раннего детства привыкал к мысли, что он — не человек, что он не может претендовать на человеческие условия существования.

Пятнадцать миллионов негров в США лишены самых элементарных человеческих условий существования и человеческих прав. Они живут в безобразно скверных жилищах. Их лишают заработка. Работа, которую они получают, всегда самая тяжёлая, самая грязная и наиболее низко оплачиваемая. Их дети почти лишены школ. Они учатся либо в грязных сараях, либо не учатся вовсе. Негры лишены медицинской помощи. Белый врач не посмотрит на больного негра. «Белая» скорая помощь не подберёт на улице негра, сбитого машинёй. Негра не пустят в вагон, где едут белые, и к поезду он может пройти только через особый вход.

Но расистам Юга недостаточно и этого. Долгие годы они упорно противодействуют малейшим попыткам негров улучшить условия своего бесправного существования и жестоко расправляются со всеми, кто осмеливается поднять голос в защиту своего народа. В южных штатах существуют специальные организации, которые охотятся за неграми, убивают непокорных, линчуют тех, кто осмеливается защищать свои человеческие права. Вооружённые банды Ку-клукс-клана рыщут по южным штатам, сея ужас среди негритянского населения. Руки куклуксклановцев обгарены кровью многих

сотен негров, убитых после второй мировой войны. Среди убитых преобладают ветераны войны. Приняв участие в разгроме гитлеровского, итальянского и японского фашизма, негры — солдаты и офицеры — вернулись домой, в Америку, с решимостью добиваться изменения расистских порядков на своей родине, которые ничем не отличаются от фашистских. Ку-клукс-клан ответил на эти попытки судом Линча.

Наряду с Ку-клукс-кланом в штате Теннесси, который мы только что пересекли с севера на юг, возникла организация «Объединённые сыновья Дикси», которая заставляет своих членов принимать клятву: «Соединённые Штаты должны и останутся страной белого человека для белых людей — расы господ». На одном из собраний этой организации её главарь заявил: «Мы хотим иметь пятнадцать миллионов членов, и каждый из них должен быть с оружием и достаточным запасом патронов. В конце концов мы должны уничтожить в нашей стране всех негров».

Линчевателям и убийцам негров усердно помогает полиция. Национальный исполком Конгресса в защиту гражданских прав утверждает даже, что в последнее время верёвка линчевателей всё больше уступает место полицейской пуле. Убийство негра полицейским избавляет убийцу от каких бы то ни было судебных формальностей. Ку-клукс-клан для поощрения полицейских ввёл «премии» тем из них, которые убьют наибольшее число негров. Чтобы убийц не стесняла ханжеская, особенно в условиях современных Соединённых Штатов, христианская заповедь «Не убий!», священники-расисты обещают им полное отпущение грехов. Преподобный Харрисон, выступая на собрании Ку-клукс-клана в Атланте (штат Джорджия) с проповедью, объявил: «С точки зрения бога не грех убить негра, потому что негр — не больше, чем собака».

В Бирмингеме мы особенно ясно почувствовали ту огромную пропасть, которая разделяет белых и негров!

После поездки по южным штатам у меня создалось впечатление, что белые расисты ненавидят негров смертельной ненавистью и готовы уничтожить их.

Невольники на дорогах.

Вырвавшись из отрогов Великих дымных гор, мы оставили позади себя не только крутые подъёмы и извилистые спуски, но и тучи, дожди и туманы. Теперь над нами целыми днями голубело южное небо, а солнце, несмотря на середину зимы, палило немилосердно.

Но чем становилось жарче, тем более уныло выглядели окрестности. Лес на отлогих холмах стал редким и мелким. Зелёные холмы сменились пустынными рыжими солончаками и ржавыми болотами. Не было видно ни животных, ни птиц. И только угрожающие надписи «Не сходи с дороги! В кустах и траве змей» напоминали о том, что здесь идёт своя жизнь, с которой человеку лучше не встречаться.

Посёлки вдоль дороги попадались всё реже. Одинокие, запущенные фермы казались ещё более заброшенными, чёрные хижины негров выглядели ещё более жалкими. Ни возле редких ферм, ни возле негритянских хижин не было заметно с дороги никаких признаков жизни. Целыми часами мы ехали по дорогам штатов Алабама и Миссисипи, не встречая ни единой живой души, если не считать редких встречных автомобилей (кстати, очень старых марок и ветхих).

И вот в этом знойном краю, среди чахлых лесов и бескрайних болот, кишаших змеями, мы обнаружили то, что апологеты «американского образа жизни» стыдливо прячут от глаз мировой общественности. Мы повстречали тут невольников, самых настоящих невольников, закованных в цепи, мы увидели рабский труд в самой откровенной и грубой форме.

Первый раз мы натолкнулись на команду таких невольников в штате Алабама, недалеко от маленького городка Йорк. Человек тридцать закованных в цепи негров и мексиканцев лопатами и кирками исправляли размытую недавними дождями обочину дороги. За ними наблюдали два рослых белых стража в широкополых шляпах. Они держали свои ружья так, словно собирались сию же минуту выпустить заряд.

— Заключённые? — спросил я Джексона.

Тот внимательно всмотрелся в работающих и отрицательно покачал головой.

— Нет, это — кандалная команда. Заключённые носят полосатую одежду, а эти, как видите, в обычном тряпье.

— Кто же они?

— Я же сказал: кандалная команда. Иногда в такой команде работают и заключённые, но чаще всего это должники.

— Чьи должники?

— Вообще должники, то есть очень бедные люди, которые по тем или иным причинам не могли уплатить своих долгов кредиторам — лавочникам, богатым фермерам, плантаторам, владельцам предприятий.

— И кредиторы послали их сюда, в эти леса и болота, кишашие змеями, ядовитыми скорпионами и пауками, под это убийственно палящее солнце?

— И кредиторы послали их сюда, в эти леса и болота, под это страшное солнце, — в унисон мне ответил Джексон.

— И закон этой страны не помешал этому произволу?

— Даже помог, — возразил Джексон и пояснил: — Наша конституция запрещает сажать в тюрьму за долги, но она ничего не говорит о том, можно ли посылать должника на такие вот каторжные работы. В южных штатах кредиторы охотно пользуются этим пережитком старины и посылают должников отрабатывать их долг в кандалные команды.

Наш разговор был прерван появлением второй кандалной команды. Это были белые. В брезентовых штанах и куртках, в брезентовых шапочках, они ремонтировали длинный деревянный мост, который проложен здесь над болотами. Их изнурённые лица отливали болезненной желтизной, в глазах была обречённость и тоска. Когда наша машина, поравнявшись с ними, замедлила ход, стражник, веснушчатый верзила, заорал на нас и замахал ружьём, приказывая ехать быстрее.

— Не замедляйте хода, — сказал Джексон шофёру, — эти типы не любят церемониться. Они однажды избили даже одну американскую журналистку, которая попыталась заговорить из автомобиля с кандалниками.

Шофёр быстро перевёл машину на третью скорость, и через несколько минут кандалники скрылись с наших глаз.

— Похоже, что с этими несчастными обращаются не лучше, чем с каторжниками, — заметил я.

— Похоже, — мрачно согласился Джексон. — Стражники обычно стреляют без предупреждения при любой попытке невольника отделиться от команды. Они могут безнаказанно убить человека не только при попытке к бегству, но и при подозрении, что он замышляет бегство. Так же безнаказанно они убивают невольников, если те осмеливаются послушаться приказаний стражи. Совсем недавно именно в этих краях стражники застрелили восемь молодых негров, которые отказались лезть босиком в болото, полное змей.

Встреча с кандалными командами настолько удручающе подействовала на нас, что некоторое время мы сидели молча. Казалось просто невероятным, как это кредитор может своей волей послать на такую страшную каторгу человека, который имел несчастье задолжать ему. В то же время я не понимал и того, как люди, знающие об этих бесчеловечных порядках, решаются сами набрасывать на свою шею долговую петлю. Я поделился с Джексоном своими сомнениями.

— Да разве они сами набрасывают на себя эту петлю? Это делают другие.

— Но почему же тогда они позволяют набрасывать на себя эту петлю?

— Это совсем не так просто, как кажется на первый взгляд, — сказал он. — Видите ли, большинство наших рабочих живёт не в больших городах, а в маленьких посёлках при заводах, фабриках, угольных шахтах. Они, может быть, и хотели бы жить в больших городах, но нужда заставляет их хвататься за любую работу на любом заводе, в каком бы глухом месте он ни находился. А многие заводы находятся именно в глухих местах — поближе к сырью. Нанимаясь, рабочие попадают в полную зависимость от своего хозяина. Он предоставляет им жалкие лачуги, за которые, однако, берёт очень высокую плату; обеспечивает их скверным, но очень дорогим питанием и всем самым необходимым по ценам, которые в полтора, а иногда в два раза превышают

обычные рыночные цены. Рабочие вынуждены очень дорого платить за плохое жильё, за скверное питание и за плохие товары, потому что другого выхода у них нет. Они с первого же дня влезают в долги, надеясь, что скоро расплатятся с ними. Но хозяева заботятся о том, чтобы этот долг не уменьшался, а возрастал. Таким образом, рабочие попадают почти в пожизненную кабалу к владельцам предприятий. Попытки вырваться из этой кабалы и приводят обычно к такой вот кандалной команде. Владелец предприятия передаёт должника властям, и те после короткой судебной формальности отправляют его на принудительные работы в подобные гиблые места. Срок каторги устанавливается судьёй совершенно произвольно. Иногда он приговаривает должника отработать день за каждый доллар, который числится за ним. Но чаще всего за этот доллар он должен отработать два, три, четыре и даже десять дней.

Мы пересекли границу Алабамы и въехали в штат Миссисипи. Пейзаж был попрежнему печален и уныл, посёлки и города попадались редко.

Повстречали ещё несколько кандалных команд. В одних командах невольники были прикованы друг к другу длинной тяжёлой цепью, откуда и появилось название: «чэйн-ганг» (кандалная команда). В других люди были закованы в стальные колодки и могли двигаться, только широко расставляя ноги. Встречались, правда, команды и без кандалов и колодок. Их охраняли вооружённые стражи с лицами гангстеров. Если кто-нибудь отважился на побег, за ним велась настоящая охота.

Я спросил у Джексона, много ли таких невольников в стране.

— Точные цифры никогда не объявлялись, — ответил он. — Но по некоторым данным, число этих несчастных превышает полтора миллиона...

Ночной бизнес Нью-Орлеана.

На шестой день пути под вечер мы добрались до Нью-Орлеана. Уже с утра чухлый ландшафт Алабамы и Миссисипи уступил место роскошному тропическому пейзажу. По обеим сторонам дороги поднимались огромные деревья, перевитые лианами. Их кроны на высоте тридцати-сорока метров почти смыкались над нашими головами. При токи реки Жемчужной, казалось, текли по бесконечным коридорам — так тесно обступал их с обеих сторон лес. Ветви деревьев переплетались над тёмной водой, образуя сплошной шатёр. Предупреждающие надписи на обочинах стали ещё категоричнее: «Не сходи с дороги — смертельно опасно!»

Густой тропический лес оборвался совершенно неожиданно, и перед нами открылось большое озеро. Его перегораживала высокая насыпь, по которой шла дорога. Почти на самой середине её нас встретил большой — высотой с двухэтажный дом — рекламный щит, на котором в три человеческих роста была изображена сильно оголённая девушка. Надпись гласила, что Нью-Орлеан — город развлечений и веселья — приветствует всех приезжающих и желает им насладиться его гостеприимством. Затем такие же щиты с девушками стали встречаться на каждом километре пути.

Действительно по всей стране о Нью-Орлеане идёт слава, как о городе-кабаре, в котором богачи проводят зимние месяцы, предаваясь безделью и разврату. Такую славу, как я узнал позднее, создали этому городу дельцы, превратившие развлечения богачей в доходный бизнес. Однако Нью-Орлеан прежде всего город тружеников. У него обширные рабочие окраины, обитатели которых не интересуются роскошными кабаками.

Наша машина долго кружила по тёмным извилистым улицам, прежде чем выбралась на главную магистраль города — Канал-стрит. Попытка получить пристанище в рекомендованном нам отеле не удалась: все номера оказались занятыми. В соседнем отеле нас встретили тем же неприятным сообщением. Город был буквально забит туристами с севера. Кроме них, тут околачивались несколько тысяч членов «Американского легиона», устроивших здесь очередной съезд.

Наконец мы нашли пристанище. Это был маленький отель в так называемой французской части города. Здесь целые кварталы сплошь заняты кабаками и театриками-бурлесками. Слабо освещённые узкие улицы по вечерам и ночам буквально кишели людьми. Тут фланировали какие-то хлыщи с испитыми физиономиями, шныряли подворотки, предлагающие «провести к сестрёнке», чинно рассказывали солидные «джентль-

мены» с опухшими лицами и синими мешками под глазами. У входов в театрики представительные, одетые во фраки и крахмальные манишки, похожие на дипломатов мужчины величественно приглашали посетить их заведение. Временами они вдруг воровато нагибались к прохожим и шептали:

— Загляните к нам, вы ещё не видели таких девочек...

Из-за открытых, плотно занавешенных дверей шантанов и театриков неслась джазовая музыка — визгливая, дисгармоничная. Окна театриков прикрыты фанерными ставнями. В отверстиях, вырезанных в виде замочной скважины, освещённые боковым светом, выставлены фотোগрафии фантастически раскрашенных, завитых и почти совсем раздетых девушек. «Загляни!» — горит над этой выставкой открыток приглашение. «Зайди к нам, мы ждём тебя!» — светится под нею.

В этих театриках зрители сидят в полутёмном зале, поглощая горячительные напитки. Перед ними выступают очень плохие певицы и столь же плохие танцовщицы. Подвыпившую публику мало интересует пение и танцы. Она ждёт главного момента представления — когда певица или танцовщица начнёт раздеваться. Тогда весь зал отрывается от стаканов с виски и пивом и пляит глаза на девиц. Зал свистит, гудит от восхищения, слышатся выкрики: «Дальше! Дальше!», переходящие в сплошной вопль.

Благодаря шедрой рекламе бурлески Нью-Орлеана приобрели всеамериканскую известность. Во время зимнего сезона здесь целые ночи напролёт шатаются многочисленные поклонники этого «искусства». Супружеские пары — совсем молодые и совсем старые — посещают эти места сомнительного увеселения наравне с закоренелыми холостяками и молодыми хлыщами. Не меньшей славой пользуются и бурлески Чикаго.

Бурлеск — это чисто американское изобретение, смесь пивной, театра и публичного дома — давно стал доходнейшим бизнесом. Этим бизнесом занимается несколько гайных, но мощных трестов, в услужении которых находятся местные власти, полицейское начальство и судьи многих городов и штатов.

Утром Нью-Орлеан выглядел обычным городом. С окраин неслись призывные гудки фабрик, в порту на Миссисипи шумели транспортёры и автовозы, маленькие трамвайчики, непрерывно вызванная, ползли по улицам. На Канал-стрит открывались магазины. Их владельцы и продавцы, выстроившись перед дверями, напряжённо всматривались в проходящих, словно выискивали кого-то, — они ждали покупателя.

— Этот сезон приведёт меня к краху, — жаловался мне владелец обувного магазина, расположенного на Канал-стрит, как раз напротив квартала бурлесков. — Хорошо тем, — продолжал он, кивая головой в сторону увеселительных заведений, — у них спрос не слабеет. А у нас ведь ничего не покупают, совершенно ничего. Стыдно сказать, но за последние две недели я продал только три пары ботинок. Ну разве это не разор?

Торговля в городе действительно переживала полный упадок. Люди останавливались у заманчивых витрин, рассматривали выставленные товары и со вздохом отходили. Те, кто жил в Нью-Орлеане дневной жизнью, очень хотели бы купить выставленное в витринах, но у них не было денег. Те же, кто после ночных увеселений обращал день в ночь, не испытывали нужды в этом. Поэтому Нью-Орлеан и процветал только ночью...

Роскошь и запустение.

Дня два спустя мы покинули Нью-Орлеан. Сразу же за городом дорога шла через тропический лес, который сопровождал нас почти на всём пути вдоль северного берега Мексиканского залива. Местами она вырывалась из лесной чаши. Тогда справа от нас плескалось бирюзовое море, слева тянулись курортные посёлки с красивыми богатыми виллами, садами и парками. От домов к морю вели узенькие дорожки с неизменными надписями: «Частное владение. Держись подальше!» Эти предостерегающие надписи преследовали нас буквально по пятам, они были даже на белом песке, который лизала морская волна.

Предприимчивые спекулянты, немного потратившись на подкуп чиновников и законодателей в прибрежных штатах, в последнее время захватили в свои руки почти

весь берег Мексиканского залива. Теперь они торговали солнцем, воздухом и водой, загребая огромные барыши. Не заплатив им, тут нельзя было даже окунуться в море. Предупреждение «Частное владение. Держись подальше!» подкреплялось наёмной стражей. Во многих местах на берег залива даже выехать нельзя, если не заплатишь за пользование дорогой.

Перед городом Панама-сити весь берег на протяжении нескольких десятков километров застроен маленькими дощатыми домиками, которые сдаются по такой же несуразно высокой цене, как роскошные номера в лучших отелях крупных городов. Чтобы снять такой домик на месяц, среднему американцу надо потратить сбережения за целый год. Не заплатив за этот домик, нельзя подойти к берегу моря: весь он — частная собственность.

В Панама-сити почти на самом берегу возвышаются роскошные отели, в которых могут жить только очень богатые люди. К услугам обитателей этих отелей, хотя и за отдельную плату, — яхты, глиссеры, моторные лодки; на них они совершают прогулки по заливу, отправляются на рыбную ловлю. В их же распоряжении все виды развлечений. Весь город живёт только тем, что обслуживает богатых туристов и отдыхающих. Когда в жаркую пору лета туристы разъезжаются, город замирает.

Почти так же выглядят и другие курортные города в штатах Миссисипи, Алабама и Флорида: Мобил, Пенсакولا, Сент-Питерсберг, Тампа, Форт-Майерс, Майами, Уэст-Палм-бич, Дейтона-бич и другие. Здесь бьёт в глаза роскошь, окружающая богачей-приезжих, и нишета, в которой живут коренные жители этих городов.

Штат Флорида, который мог бы стать житницей цитрусовых и здравницей для всей Америки, фактически используется лишь как место развлечений богатых бездельников. Этот великолепный по своим природным богатствам штат грабят кто как может, но никто не заботится о разумном использовании его богатств. По пути из столицы штата Таллахаси мы видели гибнущие леса. На протяжении десятков километров по обе стороны дороги тянулись чёрные, словно обгоревшие деревья. Эти леса были уничтожены паразитом — испанским мхом. Когда мы спросили владельца придорожного рестораничка, неужели никто не может найти средство против этого губительного паразита, он недоуменно посмотрел на нас и в свою очередь спросил:

— А кому это надо? Испанский мох тут собирают и продают: им набивают матрасы, сиденья машин, кресел и тому подобное. На мхе нашлось и наживается немало людей. А кому нужен лес?

— Но ведь это же огромная национальная ценность. Без леса Флорида превратится в пустыню.

— Эка хватили! — насмешливо воскликнул хозяин рестораничка. — Когда это будет? Через тысячу лет. А тут ведь можно сегодня заработать...

10. В двойных цепях

Скованная сила.

Зимой 1953 года происходила в Атлантик-сити очередная сессия Конгресса производственных профсоюзов. Все дни над городом висел густой белёсый туман. Он закрывал верхние этажи отелей и пансионатов, в которых разместились делегаты, заполняя тихие узкие улицы. Делегаты, а вместе с ними и корреспонденты целыми днями слонялись по городу, переходили из магазина в магазин, глаза на выставленные в витринах товары, не пропускали пивных, чтобы «согреться». Потом шли на берег океана и прогуливались по прибрежному «променаду». Когда и это наскучивало, делегаты и корреспонденты плелись на Бродуок, к зданию, где заседал конгресс.

Окна огромного холла были темны, двери закрыты. Это свидетельствовало о том, что заседания конгресса, прерванные два дня назад по требованию руководителей крупнейших профсоюзов, всё ещё не возобновились. Постояв в недоумении, делегаты отходили, а всеведущие корреспонденты ухмылялись. Они знали, что тёмные окна и закрытые двери зала заседаний означают, что борьба между Уолтером Рейгером и Дэвидом Макдональдом за главенство в Конгрессе производственных профсоюзов (КПП) ещё продолжается.

Глава мощного профсоюза рабочих автомобильной промышленности Рейтер хотел захватить в свои руки пост президента КПП, оказавшийся вакантным после недавней смерти Филиппа Мэррея. Став главой столь же мощного профсоюза рабочих сталелитейной промышленности, Макдональд хотел, чтобы этот пост остался в руках нынешнего вице-президента КПП — ставленника верхушки профсоюза сталелитейщиков Аллана Хэйвуда. Рейтера, помимо мощного профсоюза авторбочих, поддерживали крупные профсоюзы нефтяников и резиновиков. Хэйвуда, помимо профсоюза сталелитейщиков, также поддерживали ещё несколько других профсоюзов, входящих в Конгресс производственных профсоюзов.

После первой же пробы сил на заседании КПП Рейтер и Макдональд предпочли избавиться от вмешательства делегатов. Заседания были прерваны, и вся борьба за пост президента была перенесена за кулисы. Главари крупнейших профсоюзов целыми днями, а иногда и ночами прятались в номерах роскошных отелей, спорили, придумывались, заключали сделки. Там шёл настоящий ожесточённый торг вокруг того, кому управлять шестимиллионным Конгрессом производственных профсоюзов.

Мне, как и многим другим иностранным корреспондентам в США, было известно, что многие американские профсоюзы управляются единолично людьми, которых так же, как и хозяев корпораций, называют «боссами», то есть хозяевами. Но я не представлял себе, чтобы профсоюзные активисты — руководители районных и заводских советов, цеховые организаторы — относились с такой равнодушной покорностью к манёврам и махинациям профсоюзных главарей.

— Что же тут удивительного? — снисходительно заметил, увидев мою неосведомлённость Сол Патрик, индустриальный корреспондент одной нью-йоркской газеты. Он уже многие годы занимался освещением профсоюзного движения и поэтому хорошо знал его закулисную сторону. — Что же тут удивительного? Вся эта армия профсоюзных чиновников живёт припеваючи только по милости руководителей профсоюзов. Те назначают их на должности, а они ходят перед ними на задних лапках.

Профсоюзы были коньком Патрика. Он мог говорить о них долго и с увлечением. Знал он о профсоюзах очень много, писал также много, но на газетные страницы всегда попадало очень мало, и Патрик, видно, пытался компенсировать себя беседами на эти темы. Его коллеги, знавшие об этом, наверное, не меньше, отмахивались от него. Я же охотно слушал гневные тирады Сола против одних профсоюзных лидеров и восторженные отзывы о других.

За время наших прогулок по туманным улицам Атлантик-сити по рассказам Патрика я сумел создать себе более полное и точное представление об американском профдвижении. Ныне организованным рабочим классом Америки правят — Патрик так и сказал «правят» — четыре человека: Джордж Мини, президент Американской федерации труда; Уолтер Рейтер, председатель профсоюза рабочих автомобильной промышленности; Дэвид Макдональд, председатель профсоюза рабочих сталелитейной промышленности, и Дэвид Бэк, председатель профсоюза шофёров грузовых машин. Все они, кроме Рейтера, формально только что возглавили эти профсоюзные организации, хотя фактически давно руководили ими. Джордж Мини был долгое время казначеем Американской федерации труда. Но её президент Уильям Грин последние годы так ослаб, что фактически только числился президентом. На последних съездах Федерации у него не было сил даже сидеть за столом президиума. Открыв съезд, он тут же валился в кресло и спал почти все заседания. Казначеем же был в профсоюзе сталелитейщиков и Макдональд. Он давно вёл подкоп под председателя профсоюза Филиппа Мэррея, намереваясь сбросить его. Незадолго до своей смерти Мэррей, почувствовав опасность, добился пересмотра устава профсоюза, который теперь сильно ограничивал права казначея и давал председателю почти неограниченные полномочия. По иронии судьбы эти поправки, направленные против Макдональда, послужили на пользу именно ему. Они сделали его ныне полноправным хозяином крупнейшего в Штатах профсоюза.

Ни один из этих руководителей профсоюзов, насчитывающих в своих рядах более миллиона членов (а у Мини в Американской федерации труда — даже девять с половиной миллионов), никогда не был рядовым рабочим. Они не знают, что такое работать у станка и как прокормить семью на заработок рабочего.

Оба профсоюзных объединения — Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов — далеко не монолитны. Американская федерация труда, например, является довольно разношерстной организацией, в которую входят 109 профсоюзов часто с совершенно различными уставными и профессиональными принципами. Одни профсоюзы ставят своей задачей вовлечение в свой состав всех работающих, другие, наоборот, добиваются ограничения приёма в профсоюз. Профсоюз строителей, например, построен наподобие средневекового цеха: вступление в него очень затруднено, приём в профсоюз производится за большую мзду или обязательство отдавать профсоюзным чиновникам часть своей зарплаты.

Конгресс производственных профсоюзов построен несколько более прочно. В него входят 33 профсоюза с 6 миллионами членов. Его возглавляет специальный исполнительный комитет, который при Мэррее был, однако, только игрушкой в руках председателя. Действуя, как настоящий диктатор, Мэррей единолично решал все вопросы, несколько не считаясь с членами комитета и даже не находя нужным советоваться с ними о чём бы то ни было.

После войны сотрудничество профсоюзных главарей с правительством и с руководителями крупнейших корпораций страны, заправлявшими в правительстве, особенно усилилось. Семьдесят видных профсоюзных «боссов» вошли в специальные правительственные органы, созданные монополистами для более удобного перекачивания средств рядовых налогоплательщиков из государственной казны в свои сейфы. Шестьдесят профсоюзных чиновников отправились за пределы страны в качестве уполномоченных так называемого Управления взаимного обеспечения безопасности со специальной задачей — преодолеть сопротивление народов западноевропейских стран американской программе подготовки войны и экономического закабаления. Хозяева корпораций неоднократно и громогласно признавали, что без помощи профсоюзных главарей им не удалось бы ни мобилизовать рабочий класс своей страны на выполнение военной программы, ни сломить сопротивление западноевропейских народов.

Патрик напомнил мне, что после войны в Штатах вышла книжка некоего профессора Райта Миллса «Новые влиятельные люди», в которой тот предсказывал неизбежность «бюрократического объединения рабочих союзов с корпорациями».

— Мы ещё не дошли до этого, — заметил Патрик, — но уже сделали большой шаг в этом направлении. Между владельцами «Дженерал моторс» Дюпонами и главарём профсоюза авторабочих Рейтером, между владельцами «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Морганом и главарём профсоюза сталелитейщиков Макдональдом ныне существует довольно тесный, постоянный контакт.

— Но как же вы тогда объясните недавнюю забастовку сталелитейщиков? — перебил его я. — Ведь владельцы сталеплавильных заводов просто вопили, что эта забастовка губит их, и всё-таки Макдональд не послал членов своего профсоюза на заводы...

Патрик громко рассмеялся.

— Вот забастовка-то как раз и доказывает наличие тесного сотрудничества. На складах этих предприятий образовались такие большие запасы стали, что сталелитейной промышленности угрожал кризис перепроизводства. Хозяева заводов стояли перед неприятным выбором: либо снизить цены, либо остановить на время заводы и выплачивать рабочим за вынужденное безделье. Поэтому забастовка, которую быстро организовали профсоюзные боссы, была просто необходима...

Признаться, я был озадачен подобным объяснением.

— В Европе существует несколько иное представление об американском профсоюзном движении, — заметил я. — Там представляют себе американские профсоюзы как огромную силу.

— Сила-то она, конечно, — согласился Патрик, — но силу эту сковали и держат в цепях, чтобы она случаем хребет кой-кому не переломила.

Я стал было просить Патрика рассказать подробнее о забастовке сталелитейщиков, но тут в окнах зала заседаний, под которыми прогуливались мы, вспыхнули люстры, и мы с гурьбой делегатов устремились к его дверям.

— Наверно, договорились,— заметил Патрик.

Мы вошли в зал заседаний. Видимо, Рейтер и Макдональд действительно договорились. Рейтер избирался президентом Конгресса производственных профсоюзов, его заместителем оставался ставленник Макдональда — Аллан Хэйвуд.

Профкороли и профгангстеры.

Сразу же после этого заседания мы выехали в Нью-Йорк. Вдоль берега океана лежал такой густой туман, что нам пришлось отказаться ехать кратчайшим путём и мы, повернув на запад, двинулись в сторону Филадельфии. Наш расчёт оправдался. Километрах в тридцати от Атлантик-сити туман заметно поредел, а перед Филадельфией совсем исчез, и машина могла развивать скорость до ста километров в час.

Сначала мы с Патриком молчали, обдумывая по профессиональной привычке, как описать заседания конгресса и закулисную борьбу вокруг избрания президента КПП, потом, когда общие контуры корреспонденции определились, мы снова вернулись к прерванному разговору. Я попытался выяснить, почему американские профсоюзы, отличающиеся большой организованностью, дисциплиной и решительностью, так бессильны в защите коренных прав своих членов. Им, правда, часто удавалось добиться повышения заработной платы на несколько центов в час, они нередко выигрывали бои за удовлетворение мелких материальных нужд, но в целом американские профсоюзы были и остаются в бесправном положении. Буржуазные политики связали их по рукам и ногам реакционными законами Смита, Тафта—Хартли, Маккарэна—Уолтера и так далее, фактически лишив рабочий класс самых элементарных политических прав.

— Тут дело в голове,— сказал Патрик,— в руководстве. В наших профсоюзах происходит почти то же, что и в государственном управлении: реальная власть находится в руках нескольких человек. Они опираются на целую армию профсоюзных чиновников. Эти чиновники не выбираются членами профсоюза, а большей частью назначаются главарями профсоюзов.

— Но сами-то главари выбираются?

— Выбираются,— подтвердил Патрик.— Но кем? Теми самыми чиновниками, которых они назначают. Профсоюзный лидер у нас выбирается почти так же, как президент корпорации: тот тоже сначала назначает сам членов правления, а потом выставляет свою кандидатуру в качестве президента. И горе тому члену правления или профсоюзному чиновнику, который осмелится голосовать против. Обратите внимание: у нас сравнительно часто меняются президенты страны, но очень редко меняются президенты корпораций и почти никогда — президенты профсоюзов. Уильям Грин пожизненно возглавлял Американскую федерацию труда, Филипп Мэррей — Конгресс производственных профсоюзов. Старый Джон Люис пожизненно стоит во главе профсоюза горняков. Рейтер также надеется до конца дней своих возглавлять Конгресс производственных профсоюзов и профсоюз автомобильных рабочих. Макдональд уверен, что он пожизненно будет стоять во главе профсоюза сталелитейщиков. Правда, эти хотя бы делают вид, что их избирают на какой-то срок. А вот главарь профсоюза столяров Хатчинсон сделал свой пост не только пожизненным, но и наследственным: назначенные им чиновники приняли решение, что после старика Хатчинсона его пост перейдёт к его сыну. Главарь профсоюза моряков Джозеф Каррэн тоже обеспечил себе пожизненное избрание. Тобин сорок пять лет возглавлял профсоюз шофёров грузовых машин, теперь на пожизненное руководство этим профсоюзом претендует Дэвид Бэк.

— Я встречал в газетах, что Джозефа Райяна — главаря профсоюза грузчиков — часто именуют «король Джо»,— заметил я.

— «Королём» именовали не только его,— отозвался Патрик.— Хатчинсона зовут «королём столяров», а Рейтера — «королём автомобильных рабочих». И это неспроста. Главари профсоюзов никому не подконтрольны и отвечают, как любят выражаться единовластные монархи, только перед богом и историей. Живут они, может быть, и не по-королевски, но всё же очень богато. Из профсоюзной кассы они получают по 30—50 тысяч долларов в год. Кроме того, все они имеют и другие доходы — проценты по вкладам в банки, по государственным займам, прибыль на акциях, которыми они

владеют. Традиция запрещает им вкладывать свои средства в акции тех отраслей промышленности, в которой работают их члены. Но с этой традицией давно перестали считаться. Ныне не только профсоюзные «короли», но и многие профсоюзные чиновники лично заинтересованы в том, чтобы отрасль промышленности, в которой работают члены их профсоюза, максимально процветала и приносила на их акции побольше прибыли. Таким образом, личные интересы профкоролей и профчиновников связаны с интересами хозяев, а не с интересами рабочих.

Я знал, конечно, что головка американских профсоюзов давно обуржуазилась, что она не выражает интересов рабочего класса, но я не представлял себе, что это приняло такие откровенно циничные формы. Выходит, что во главе организаций рабочего класса тут стоят совершенно сторонние, часто чуждые ему люди, которые своим воспитанием, социальным положением, своими личными материальными интересами тесно связаны с классовыми врагами рабочих. Когда я высказал вслух своё недоумение, Патрик сказал:

— Это нелегко объяснить. Прежде всего наш рабочий класс был и остаётся пока в политическом отношении отсталым. Наши профсоюзы возникли как чисто экономические организации. Их борьба развёртывалась и до сих пор всё ещё развёртывается вокруг жалких прибавок в несколько центов к почасовой оплате. Наибольшую популярность среди рабочих завоевывал тот, кто мог выторговать у хозяев больше этих самых центов.

— Но выторговывались-то эти центы в ущерб доходам предпринимателей?

— Иногда в ущерб, но чаще на пользу им.

— Непонятно.

— Да, именно на пользу, — повторил Патрик. — Хозяева крупных корпораций нередко шли на некоторое повышение в расчёте на то, что их конкуренты не смогут пойти на это и, столкнувшись с профсоюзом, вынуждены будут понести серьёзный ущерб. Были случаи, когда хозяева очень мощных корпораций шли на такие уступки профсоюзам именно потому, что это означало разорение для их конкурентов.

Патрик рассказал о соглашении, которое заключили как-то Рейтер с президентом крупнейшей в стране корпорации «Дженерал моторс» Вилсоном. Вилсон согласился на некоторое повышение заработка автомобильных рабочих, потому что оно не остановило роста прибылей «Дженерал моторс», имеющей колоссальные правительственные военные заказы, не нанесло оно и существенного ущерба столь же крупным корпорациям, как Форд и Крейслер, но больно задело более мелкие автомобильные компании, вроде «Студебеккер», «Нэш» и других. Недавно Рейтер с помпой объявил, что он «вырвал» у Вилсона согласие на повышение зарплаты тем рабочим, которые проработали у «Дженерал моторс» 25 лет. На самом деле, Вилсон крайне заинтересован в этом соглашении: оно приковывало рабочих к заводам «Дженерал моторс» на всю жизнь.

На мой вопрос, пытались ли рабочие избавиться от своих профсоюзных «королей», Патрик ответил:

— Пытались многократно, но из этого обычно ничего не получалось. Почему? — спросите вы. Ну, хотя бы потому, что рабочие сами непосредственно не выбирают своих лидеров. За них голосуют на съездах и конференциях профсоюзные чиновники, назначаемые в большинстве случаев самими «королями». Чтобы нанести поражение «королю», надо, чтобы местные организации находились в руках самих же рабочих, которые пошлют на эти конференции нужных людей. Такие попытки делались многократно во многих профсоюзах, но кончались они всегда провалом. Людей, которые пытались организовать рядовых членов профсоюза против их «королей», обычно убивали раньше, чем они могли что-либо сделать. Одних по ложному доносу упрятывали в тюрьму, других заставляли уходить, третьих просто убивали. Теперь неугодных изгоняют очень просто: объявляют коммунистами и, ссылаясь на закон Тафта—Хартли, устраняют из профсоюза. Убийства низовых профсоюзных активистов теперь бывают реже, но они всё же случаются. Вы, конечно, тут же спросите меня, кто это делает. Публично я на такой вопрос не ответил бы — ведь суд ещё ни разу не установил ни одного убийцы профсоюзного активиста, выступавшего против «королей». Но здесь ни

для кого не секрет, что вокруг каждого «короля» вьются гангстеры, которые не только выполняют функции его личной охраны, но и являются тайными исполнителями его приказов и устраняют неугодных ему людей. Без профсоюзных гангстеров единовластие и всеислие профсоюзных «королей» было бы, как кажется мне, совершенно невозможно...

Я попытался выпросить у Патрика ещё кое-какие подробности об этом поистине удивительном факторе американской профсоюзной «демократии», но он уклонился от прямых ответов и, кивнув головой в сторону огней нью-йоркского порта, показавшихся справа, на противоположном берегу Гудзона, сказал:

— Сходите к портовым грузчикам Нью-Йорка. Там вы обнаружите не только профгангстеров, но и подлинно гангстерский режим в профсоюзе. Не переносите этот режим на все наши профсоюзы, но имейте в виду, что очень много сходного есть и в других профсоюзах...

„Водный фронт“.

Мне не сразу удалось воспользоваться советом Патрика: одному итти в порт было невозможно, найти же надёжного провожатого оказалось нелегко. Знакомые американцы, звавшие, что в порту с давних пор хозяйничает шайка преступников, беспощадно расправляющаяся со всеми, кто пытается выведать тайны её правления, не решались отправляться туда. За последние двадцать лет в порту было совершено более ста тайнственных убийств. Было известно, что шайка беспощадно эксплуатирует и держит в рабском повиновении 42 тысячи портовых грузчиков. Пользуясь тем, что грузчиков здесь в два раза больше, чем их требуется, преступники заставляют их отдавать шайке значительную часть своего заработка за право работать. Ставленник шайки, которого называют «хайринг-босс» — хозяин по найму, — предоставляет по собственному усмотрению работу одним и лишает её других. Попытки грузчиков вырваться из кабалы до сих пор терпели неудачу. «Сеятели смуты» исчезали либо в грязносерых водах Гудзона, либо в мрачных портовых притонах. Блюстители американских законов, с таким усердием преследующие прогрессивных деятелей страны, проявляли полное равнодушие к разгулу преступников в порту.

Как-то в самом начале 1953 года я наткнулся в одной из статей в «Нью-Йорк таймс» на такое признание: «Существует тесная, видимо, многолетняя связь между видными местными (то есть нью-йоркскими. — Д. К.) политическими лидерами и подпольным миром с целью контролирования доходного водного рэкета (то есть мошенничества. — Д. К.). В этих связях замешаны десятки чиновников профсоюза грузчиков Восточного побережья, Американской федерации труда и многие видные руководители пароводных и погрузочно-разгрузочных компаний. Известно, что один из руководителей такой компании обратился к властям с просьбой отпустить в его распоряжение из тюрем двести преступников, которые работали бы для него, командуя грузчиками и терроризуя их».

Вскоре меня познакомили с человеком, который сам работал в порту и знал многое о его жизни. Это был довольно молоджавый, приятный на вид мужчина, высокий и широкоплечий. Улыбался он такой хорошей, открытой улыбкой, что сразу же располагал к себе. Но даже тогда, когда он улыбался, глаза его оставались внимательными и серьёзными, словно он изучал своего собеседника. Мой новый знакомец недавно вернулся из армии — на рукаве его куртки ещё светлели следы от сержантских нашивок. Звали его Питер.

На мой вопрос, почему он пошёл работать в порт, Питер раздумчиво ответил:

— А почему бы мне не пойти туда? Работать везде надо.

— Это верно. Но мне рассказывали, что условия работы в порту очень тяжёлые. Эта «Корпорация убийц» творит там...

— Они нигде не легки, — коротко отрезал Питер.

Разговор не клеился. Тогда хозяин дома, у которого мы оба были гостями, сел между нами и, показывая Питеру, что меня можно не опасаться, рассказал, что Питер

бывший сержант, хотя и не коммунист, пошёл работать в порт по совету компартии. После армии он пришёл к одному работнику партии, которого знал ещё со школьной скамьи, и попросил послать его на «хорошее дело». Тот сказал ему, что в Нью-Йорке есть одно очень нужное, но очень опасное дело. Питер ответил, что того, кто провёл более года в окопах, ничто не может испугать. Тогда ему сказали, что дело это — работа в порту, где хозяйничают преступники, захватившие в свои руки так называемый профсоюз портовых грузчиков Восточного побережья. Ему объяснили, что «король Джо» — председатель союза Райян — марионетка в руках хозяев порта, паровозных и погрузочно-разгрузочных компаний. Через него и его «помощников», выкупленных из тюрьмы, они заправляли профсоюзом. Честные рабочие не раз уже тщетно пытались отвоевать у них свою организацию. Правда, как-то перед войной коммунист Питер Панто сумел организовать рабочих, и они отвоевали у профсоюзных гангстеров несколько местных организаций в Бруклине. Приспешники Райяна начали террор против «мятежников» — они срывали их собрания, громили помещения, но, увидев, что средства и приёмы «профсоюзной демократии» не помогают, Райян напустил на них свою «Корпорацию убийц». Питер Панто исчез, как в воду канул. Полиция не могла найти никаких следов. Лишь несколько недель спустя тело Панто было обнаружено в соседнем штате Нью-Джерси.

Когда в начале 1953 года выяснилось, что Панто стал жертвой «Корпорации убийц», что его убийство было делом рук одного из главарей профсоюза портовых грузчиков Альберта Анастасиа, ни полиция, ни прокуратура Нью-Йорка и пальцем не повели, чтобы привлечь убийц к ответственности. Совсем недавно в порту были почти до смерти избиты несколько грузчиков, которые убеждали своих товарищей не принимать в качестве руководителя уголовного преступника, досрочно выпущенного из тюрьмы Синг-Синг по просьбе владельцев погрузочно-разгрузочной компании.

Питера не смутили трудности портовой обстановки, и он приступил к работе.

Когда наш хозяин закончил свой рассказ, я спросил Питера, что заставило его пойти к приятелю-коммунисту и предложить партии свою помощь.

— Окопы — хорошая школа, и война многому научила меня, — сухо ответил он.

По сдержанному тону, которым были произнесены эти слова, я понял, что расспрашивать больше о том, что привело Питера к партии коммунистов, не следует. Пути ведь эти различны, часто весьма сложны и так тяжело выстраданы, что людям подчас даже трудно говорить о них. Я поинтересовался, как отнеслись к нему грузчики.

— Хорошо, — коротко ответил Питер.

— Как они относятся к своему положению? Смирились или втайне негодуют?

— Нет, конечно, они не смирились, но и нельзя сказать, что они негодуют, как нельзя сказать этого про солдат, сидящих в окопах друг против друга. В порту идёт война, скрытая, ожесточённая война. Ведь не случайно же порт называют у нас «водным фронтом». Грузчики борются за то, чтобы самим управлять своим профсоюзом.

Питер рассказал, что совсем недавно удалось организовать выступление грузчиков против Райяна и его преступной шайки. Бросив работу, несколько сот грузчиков построились в колонну и отправились к штаб-квартире Райяна. Они несли плакаты, изображающие Райяна в преступлениях. Один плакат предупреждал «жирного Джо», что, ежели он покажется в порту, с него будет содрана шкура. Под окнами штаб-квартиры грузчики устроили митинг. Потрясая кулаками, они требовали, чтобы Райян вышел к ним. Но ни Райян, ни его приспешники не показались. Они испугались, и рабочие, может быть, впервые за многие годы почувствовали свою силу.

Правда, после этого Райян и его шайка попытались лишить работы, а значит и средств к существованию, участников демонстрации. Но это вызвало такое открытое возмущение грузчиков, что «боссы по найму» не отважились выполнить приказ Райяна.

Несколько дней спустя вместе с Питером я побывал в порту и был свидетелем так называемого «шэйп-ап» — найма грузчиков. Все грузчики выстроились перед воротами пристани, и «босс по найму» шёл по их рядам, тыча пальцем в грудь того, кого он нанял, и минуя тех, кого он не хотел нанять. Я провёл в порту несколько часов. Внешне тут всё было спокойно, деловито, уверенно, но по отдельным замечаниям груз-

чнков, по восклицаниям и резким словам чувствовалось, что обстановка тут накалена. Словно отвечая моим мыслям, Питер стал рассказывать мне:

— Мы хотим сделать наш профсоюз тем, чем он должен быть,— организацией рабочих. За это на нас обрушиваются главари. За это нас травит печать, тянут кответу расследовательские комиссии конгресса. Нас обзывают агентами иностранной державы, вопят в газетах, будто мы угрожаем безопасности страны, и требуют упрятать нас в тюрьму. Мы же хотим пока только одного: избавить грузчиков от засилия этих преступников, за спиной которых стоят хозяева.

— И вы думаете, вам это удастся?

— Безусловно,— решительно заявил Питер.

Гонимые профсоюзы.

Тёплым мартовским вечером на широком тротуаре Бродвея, недалеко от площади Колумба, меня остановил высокий худой человек. Вежливо коснувшись правой рукой шляпы, он извинился и спросил, не могу ли я дать ему на чашку кофе.

— Не повезло мне,— добавил он и развёл руками с такой убедительной беспомощностью, что в искренности его слов сомневаться было невозможно.

Я внимательно всмотрелся в человека, который стоял передо мной. Его лицо избороздили морщины, под глазами темнели мешки, а виски серебрились сединой. У него был прямой и крупный нос, большой тонкогубый рот и несколько тяжеловатый, властный подбородок с отчётливо темневшей ямочкой. Это был человек, несомненно, сильно потрепанный жизнью, но энергичный и целеустремлённый. Он совсем не походил на нищих, которых сравнительно много в Нью-Йорке, и это вызывало интерес к нему. Вечер был у меня свободен, и я пригласил, незнакомца зайти со мной в бар.

Мы прошли в уголок и сели за столик, покрытый стеклом. Когда незнакомец снял шляпу, я увидел, что у него высокий покатый лоб и что он не так уж стар, как мне это показалось вначале,— ему было не более сорока лет. Как все голодные, он начал поспешно поедать сэндвичи, которые я заказал для него; но, заметив, что я наблюдаю за ним, остановился, отложил оставшиеся сэндвичи с таким видом, будто насытился, и стал медленно тянуть пиво. Однако не прошло и минуты, как он снова взялся за сэндвичи и уничтожил их до последней крошки.

— Значит, вам не повезло? — спросил я, подливая ему пива.— Почему же?

— Это долгая, весьма обычная в наши времена невеселая история.

— Если вам некуда спешить, расскажите.

— Как вам угодно,— пожал плечами незнакомец.

Он выпил пиво, вытер рукой рот и стал рассказывать свою действительно невесёлую историю, из которой я привожу здесь самое существенное.

Джордж Уолкер, так звали моего собеседника, сразу же после школы стал работать на небольшом радиозаводе в окрестностях Нью-Йорка. Там он долгое время занимался тем, что подносил квалифицированным рабочим материал, готовил и подавал инструменты. Года через три ему поручили сборку простейших деталей, а ещё года через два — изготовление их. За пять лет он проделал путь, который некоторым другим рабочим давался лишь за десять-двенадцать лет. Однако рост его квалификации мало содействовал росту его благосостояния: зарплата оставалась почти на том же низком уровне. Хозяин завода действовал, как ему нравится. Когда поток заказов нарастал, он повышал рабочим зарплату; когда заказы сокращались, он сокращал зарплату. Это серьёзно осложняло и без того нелёгкую жизнь рабочих,— они ворчали, проклинали скупого и безжалостного хозяина, но ничего поделать не могли.

Лет пять назад на заводе появился представитель прогрессивного профсоюза электриков. Он посоветовал рабочим вступить в коллективом в их профсоюз. Он уверял, что профсоюз сумеет заставить хозяина платить рабочим положенную зарплату. Рабочие охотно прислушивались к его словам. Однако тогда им не удалось организовать. Нанятые хозяином гангстеры поймали профорганизатора во дворе, избili его до бесчувствия и бросили в ров. Профорганнзатор на заводе больше не показывался, но желание рабочих объединиться для борьбы с хозяином осталось. Уолкер чувствовал

это, сам хотел того же, что и его товарищи. Таясь от хозяйских доносчиков, он составил список рабочих своего цеха, желающих вступить в профсоюз, и уговорил своего старого приятеля сделать то же в соседнем цехе. Затем вместе со знакомыми ребятами из других цехов они завербовали в профсоюз почти всех рабочих завода. Тогда Уолкер отправился в профсоюз электриков. Там его тепло приняли, обещали помочь.

Рабочие избрали его своим профсоюзным организатором. Как только хозяин узнал об этом, он немедленно уволил его и объявил, что выгонит с завода каждого, кто вступит в этот профсоюз. Рабочие забастовали. Хозяин пригласил штрейкбрехеров, но рабочие пикеты не пустили их на завод. Профсоюз помог бастовавшим средствами, советом. Он сорвал попытку хозяина привлечь рабочих с других заводов. Борьба продолжалась месяца полтора и закончилась победой рабочих. Военное ведомство нуждалось в радиооборудовании и грозило передать заказы другим заводам, поэтому владелец завода согласился признать профсоюз и вернуть Уолкера на завод.

Победа окрылила рабочих. Месяца через три они потребовали повышения заработной платы. Было это в самый разгар корейской войны; заказы сыпались один за другим, и хозяин быстро согласился на повышение заработка рабочих. Однако он вызвал к себе Уолкера и недвусмысленно посоветовал ему «не зарываться». Уолкер коротко ответил, что он не зарывается, а только требует, чтобы рабочие получали то, что им надлежит получать. Хозяин ещё раз повторил свою угрозу и отпустил его.

Несколько дней спустя на Уолкера, когда он шёл вдоль заводской стены, свалилась с крыши металлическая балка. Упав на плашмя, Уолкер был бы расплюснут, но она падала вертикально и поэтому только скользнула по его спине, разорвав пальто и раскровянив шею. Подобные случаи стали повторяться довольно часто: на Уолкера падали кирпичи, в окна его комнаты влетали булыжники, на него нападали ночью хулиганы. Жалоба в полицию не помогла. Когда же он указал, что эти покушения — дело рук хозяина завода, полицейский инспектор строго спросил, может ли он доказать это перед судом. Уолкер должен был сознаться, что не может. Тогда инспектор посоветовал ему «держаться язык за зубами», чтобы не попасть самому в тюрьму за клевету на всеми уважаемого в округе человека.

Месяца три Уолкера никто не беспокоил, и он начал было думать, что хозяин «образумился». Но тот только выжидал. Однажды Уолкер задержался на заводе и вышел из ворот уже в темноте. Его стукнули по голове чем-то тяжёлым, он потерял сознание и очнулся лишь в больнице несколько часов спустя. Пролежал он там более двух месяцев, за лечение платил профсоюз: на свои сбережения он не мог бы пробыть в больнице и двух недель.

Когда Уолкер вернулся на завод, хозяин отказался принять его. Рабочие предлагали принудить хозяина забастовкой, но в профсоюзе не посоветовали бастовать. На складах завода образовался почти полугодовой запас продукции, и забастовка позволила бы хозяину сбить её, не заплатив рабочим ни цента. Радиопромышленность одной из первых стала вползать в кризис перепроизводства. Её владельцы искали возможности переложить его тяжесть на плечи рабочих.

Уолкер отправился искать работу на другие заводы. Работу вообще трудно было найти, а ему тем более. Хозяева в Америке обычно обмениваются списками «смутьянов», в которые они включают профсоюзных активистов и всех прогрессивно настроенных рабочих. Работы он так пока и не нашёл.

— Я предупреждал вас, что история не из весёлых, — извиняющимся тоном заметил он, закончив свой рассказ.

Американские промышленники ведут ожесточённую борьбу против попыток создать подлинно рабочие организации, не останавливаются ни перед какими средствами, чтобы не допустить создания профсоюзов на своих предприятиях. Поддерживаемые всей мощью полицейского и судебного аппарата, они не дают возможности 15 миллионам (из 31 миллиона) американских рабочих и служащих объединиться в профсоюзы. В последние годы принято несколько законов, направленных на изгнание прогрессивных элементов из профсоюзов. Законы Тафта — Хартли, Маккарэна — Уолтера направлены не только против коммунистов, но и нацелены на то, чтобы не позволить рабочим иметь свои, не зависящие от монополий и корпораций профсоюзы.

Какой бешеной травле подвергаются подлинные руководители рабочих, которые последовательно защищают интересы своего класса! Их клеймят как иностранных агентов, их обливают грязью, им грозят судом Линча. Изошрённые и извращённые юридические умы страны мобилизуются на то, чтобы упрятать прогрессивных руководителей профсоюзов в тюрьму или выслать из страны. Многие годы тянется судебный процесс над Гарри Бриджесом — руководителем профсоюза портовых грузчиков Западного побережья Штатов. Его пытались то посадить в тюрьму, то выслать из страны. Многократно допрашивался, привлекался к ответственности и преследовался руководитель объединённого профсоюза рабочих электро- и радиопромышленности Леон Страусс. Генеральный секретарь этого профсоюза Эмспак присуждён к тюремному заключению Травят и преследуют с давних пор руководителя профсоюза кожевников и меховщиков Бена Голда. Словом, нет ни одного честного профсоюзного руководителя, которого не травил бы и не преследовала по воле хозяев монополий полицейско-судейская машина страны. Уолкер был одной из таких жертв. Я спросил у него, есть ли надежда на изменение его положения.

— Конечно, есть, — уверенно ответил он, видимо, поняв мой вопрос несколько шире. — Профсоюзы должны стать и безусловно станут подлинными рабочими организациями, борющимися за права трудящихся.

Я хотел было заметить, что спрашивал о надеждах на перемены к лучшему в его собственной судьбе, но воздержался. Уолкер правильно связывал своё будущее с будущим всего рабочего класса страны.

11. Средний американец на распутье

Крушение мечты.

До получения телеграммы из «Правды» с просьбой дать беседу со средним американцем о его заботах и надеждах я как-то не особенно задумывался о существовании этой немаловажной личности. Телеграмма заставила меня заинтересоваться ею. Кто он, этот средний американец? Как определить, что он действительно средний?

Уже несколько месяцев я жил среди американцев. По утрам я просыпался одновременно с ними; как и они, выглядывал, отдёргнув штору, из окна, чтобы определить погоду; затем шёл по пыльной или слякотной улице в ближайший кафетерий, где, вооружившись подносом, двигался вместе с ними вдоль стойки и, получив завтрак, садился за столик, покрытый стеклом. После завтрака людские ручки уносили меня к лестнице метро. Грязная подземка принимала нас в свои неопрятные грохочущие поезда и минут десять-пятнадцать спустя выбрасывала на людных улицах Даунтауна.

Днём я встречался с американцами и беседовал в деловой обстановке, иногда обедал с ними. Вечера нередко я проводил с ними в прокуренных барах, где они обычно коротают досуг, и слушал их разговоры. Осенью они говорили преимущественно о погоде, бейзболе, боксе, который здесь очень похож на дикую смертоубийственную драку. К весне они заговорили о растущих ценах на товары, о повышении квартирной платы и платы за проезд в метро и автобусе.

Среди этих случайно встреченных американцев нелегко было определить именно среднего американца, узнать его заботы и надежды. Чтобы не ошибиться в выборе, я решил посоветоваться со своим старым приятелем Фредом Гаррисоном, американским журналистом, который часто бывал у меня.

— Найти среднего американца нетрудно, но и нелегко, — глубокомысленно изрёк Фред. — Он, этот средний американец, неуловим и в то же время вездесущ...

— Но его всё же можно отличить от других?

— А зачем его отличать? — ответил вопросом Гаррисон. — Наоборот, чем меньше он отличим от других, тем лучше.

— Не могу же я принять за него первого встречного, — возразил я. — Ведь это будет не средний американец, а человек улицы, как принято говорить у вас.

Гаррисон, задумавшись, стал прохаживаться по комнате, потом вдруг, словно его осенило, воскликнул:

— Джо Феррис! Вот настоящий средний американец. Это ваш сосед по квартире. Вы с ним ведь хорошо знакомы.

— Какой же это средний американец! — разочарованно воскликнул я. — Это одержимый какой-то. Он только и говорит о том, как бы разбогатеть, как бы стать хозяином собственного «дела». Что же касается остального, то он, мне кажется, ничем не отличается от других моих соседей.

— Совершенно верно! Он приобретает то, что приобретают они; ходит туда, куда ходят они; увлекается тем, чем увлекаются они. Он смертельно боится сделать что-нибудь такое, чего не делают они, и, наоборот, не сделать того, что они делают. Его жизнь — это сплошное подражание соседям... Но именно этим он и ценен, — стоял на своём Гаррисон. — Может быть, Феррис и не стопроцентный средний американец, но он близок к нему. Он живёт и действует по знаменитому правилу: «Как у Джонсов». «Джонсы» — это не только самая распространённая фамилия, это тип средней американской семьи, на которую пытаются равняться другие. Попробуйте поговорить с Феррисом. Это именно то, что вам нужно...

Я стал искать встречи с Феррисом. Увидев его в баре, я подсел к нему и после краткого обмена мнениями о погоде — на улице шёл мелкий холодный дождь — спросил, как идут его дела. Феррис пылливо взглянул на меня и, убедившись в серьёзности и искренности моего интереса к его делам, как-то необычно растерянно махнул рукой.

— Как ваши планы? — повторил я. — Близки к осуществлению?

Феррис повторил свой жест. Я положительно не узнавал «одержимого».

Из прежних бесед с моим соседом я знал, что он почти тридцатилетним упорным трудом скопил несколько тысяч долларов. В годы войны ему «повезло» — он ежегодно ухитрялся откладывать в банк по несколько сот долларов. Он уже давно присматривался, куда бы выгоднее и безопаснее вложить свои деньги. Приобрести какое-нибудь предприятие он не мог, заняться торговлей не решался: мелких торговцев всё беспощаднее давили крупные торговые монополии. Купить маленькую ферму Феррис тоже боялся, так как знал, что ежегодно в стране разоряются десятки тысяч мелких фермеров, становясь либо арендаторами-издольщиками у крупных землевладельцев, либо батраками. Феррис ждал какого-то нового приложения своего небольшого капиталца, которое даст возможность превратить его в состоятельного человека. Какой американец не знает, что Джон Рокфеллер начал с жалкого нефтяного колодца и кончил крупнейшей в мире нефтяной империей. И Феррис верил, что фортуна улыбнётся ему. Его уверенность в том, что он найдёт такой «бизнес», который сделает его богатым, была настолько сильна, что он не считал нужным скрывать её даже от случайных знакомых.

Мрачный, растерянный вид Ферриса удивил меня. Это было так непохоже на него. Правда, я не встречался с ним около месяца, но всё же такая резкая перемена в настроении моего соседа была непонятна, и я стал допытываться, что случилось. Феррис сначала отмахнулся, но потом, проглотив две рюмки виски, рассказал. Оказывается, в семье его произошло сразу два несчастья: заболела дочурка, тоненькая и бледная, всегда очень серьёзная девочка лет одиннадцати, а у жены выпали передние зубы. Дочку пришлось отвезти в больницу. За неё приходится платить сто долларов в неделю. И хотя серьёзность болезни не установлена, Феррису объявили, что девочка должна пробыть в больнице не меньше шести недель. Жене пришлось вставить искусственные зубы. Это обошлось не дёшево. Феррис говорил об этих непредвиденных расходах с таким раздражением, будто они совершенно разорили его и разрушили все планы. Я сказал ему об этом. Феррис выпил одним махом ещё пару рюмок виски и заметил, что дело, конечно, не только в этой тысяче долларов.

— В чём же?

— И в том, что теперь даже самому энергичному человеку нет места в американском бизнесе. Всем заправляют лишь крупные дельцы, и они не хотят делиться с нами даже крохами. Остаётся только одно — тянуть попрежнему лямку и помогать им наживать свои миллионы.

На мой вопрос, как он дошёл до такой мысли, Феррис сознался:

— Не сам дошёл, брат помог...

Оказывается, недели полторы назад к нему приехал со Среднего Запада брат, который владел небольшой мастерской и теперь вынужден был закрыть её. Едва рассчитавшись с долгами, он приехал к Джо за помощью. Джо всегда завидовал своему старшему брату, равнялся на него и намеревался следовать по его стопам. Судьба брата обескуражила его.

Я посоветовал ему не отчаиваться, но он бросил на меня такой красноречивый взгляд, что я сразу осекся. Мы просидели молча несколько минут. Он мрачно барабанил пальцами по столу, потом поднялся и с какой-то глубокой обидой произнёс:

— Я всегда всячески глушил малейшую мысль о возможности моей неудачи. Теперь я понял: удачи у меня не будет, как не будет вчерашнего дня. И впереди у меня нет ничего, на что я мог бы надеяться.

В тупике.

В Ирлвилл — маленький городишко, окружённый бескрайними серыми полями с разбросанными по ним одиночными фермами, — мы приехали во второй половине дня. Над его маленькими тёмными домиками висело низкое зимнее небо. Узкие улицы были тоскливо безлюдны. Лишь на главной улице, подпирая спинами стены домов, магазинчиков и пивного бара, стояли пестро, но бедно одетые люди. Это были фермеры, их жёны и взрослые дети. Утром они привозили на рынок плоды своего труда и, сбыв или не сбыв их, оставались здесь коротать субботу. После недели одинокой жизни на своей ферме они явно наслаждались обществом своих соседей, видом маленького городка.

Мы поставили свою машину на площади перед церковью и подошли к фермерам, чтобы послушать, о чём они говорят. Незадолго до этого я побывал у фермеров Пенсильвании, беседовал с ними об их жизни. Разговоры пенсильванских фермеров были настолько мрачны, что, написав о них очерк в «Правду», я назвал его «Люди без надежды». Гаррисон, сопровождавший меня тогда, считал, что фермеры Пенсильвании действительно находятся в безнадежном положении, но они не вполне типичны. Он предложил мне познакомиться с фермерами других штатов и сам повёз меня сюда, где бывал не раз и где у него были знакомые. Гаррисон был уверен, что в субботу мы обязательно встретим их на главной улице Ирлвилла — этом своеобразном клубе окрестного фермерства.

Мы прошли вдоль улицы из конца в конец, изредка останавливались, чтобы Гаррисон имел возможность внимательно разглядеть лица фермеров. Он спрашивал многих о Бобе Макколле, но никто ничего толком не мог сказать о нём. Нас всё время принимали за скупщиков скота и на все лады уговаривали купить коров и телят. Наконец перед пивным баром на вопрос, не показываясь ли тут Макколл, мы услышали:

— Он здесь, здесь...

Мы вошли в бар и остановились у двери, осматриваясь. Сквозь пелену густого дыма едва проступали красные лица людей. Гаррисон протёр очки, двинулся было в глубь бара, но потом резко повернул к стойке и положил руку на плечо высокого широкоплечего фермера с рыжей, но уже сильно полысевшей головой. Тот повернулся медленно и вяло откинул голову назад, чтобы лучше рассмотреть, кто это осмелился тронуть его. Узнав Гаррисона, он соскочил с высокого табурета, хлопнул своими широкими ручищами по его плечам и спросил, как он сюда попал. Гаррисон ответил, что мы приехали посмотреть, как они живут.

— Есть чего смотреть! — воскликнул Макколл. — Жизнь наше настолько дрянное, что даже нас самих тошнит...

Он забрал со стойки своё пиво и виски и, кивнув нам головой на свободный столик, двинулся к нему. Мы уселись. Объявив после знакомства со мною, что мы его гости, Макколл заказал нам пива и, не ожидая наших расспросов, повторил:

— Да, жизнь наше дряннь...

— А что случилось? — спросил Гаррисон.

— Это не случилось, — поправил Макколл, — это уже давно было. Только с каждым годом становилось всё хуже, пока наконец не дошло до нынешнего состояния.

— А что это за состояние?

— Как вам объяснить? Это очень похоже на то, когда человека подвешивают за шею, а к ногам привязывают груз...

— Нельзя ли пояснее,— перебил его Гаррисон.

— Можно и пояснее,— охотно согласился фермер.— Цены на то, что мы продаём, беспрерывно падают; а на то, что мы покупаем, столь же беспрерывно растут. Цены на нашу кукурузу — у нас тут кукурузный район — упали за последние несколько лет вдвое, а цены на товары, которые мы покупаем здесь вст, в Ирлвилле, поднялись почти в полтора раза. Сосчитайте-ка, как долго мы сможем протянуть при таком ходе дел? Недолго. Я вам скажу: я протяну год-полтора, мои соседи, Говерны, может быть, год, а многие к весне должны будут бросить свои фермы и бежать куда глаза глядят...

— Почему у вас здесь все только и говорят, что о телятах да тёлках? — спросил я, чтобы нарушить наступившее молчание.

Макколл криво усмехнулся и заметил:

— Заговоришь о них, если они тебя ко дну, как камень, тянут.

Гаррисон бросил на него удивлённый взгляд.

— Нечего удивляться. В прошлом году одна скотоводческая компания уговорила нас купить телят, посулив большой спрос на мясо в этом году. Почти все фермеры нашей округи купили телят в среднем по 35 центов за фунт живого веса. Год мы кормили их, поили, ухаживали. А теперь нам предлагают за фунт живого веса 20 центов. Ну как же тут молчать, как не ругаться, не проклинать скотоводов, мясные компании, небо и свою судьбу?

Мы согласились, что у фермеров было серьёзное основание быть недовольными.

— Но почему же вы не требуете от правительства помощи? — спросил я, зная, что здешние фермеры решительно поддерживали на выборах республиканскую партию.

— Какой? — удивился Макколл. — Поддержать цены на наши продукты?

— Ну, хотя бы.

— Ничего из этого не выйдет.

— Почему?

— Потому, что поддержание цен невыгодно крупным компаниям и тем фермерам, что побогаче. Они ждут не дождутся, когда мы — мелкие фермеры — вылетим в трубу. Тогда они скупят за бесценок наши земли, наши дворы и прогонят нас прочь отсюда, кроме тех, кто согласится стать их батраками...

Несколько дней спустя я наткнулся в газете «Уолл-стрит джорнэл», которую никак нельзя заподозрить в левых настроениях, на большую корреспонденцию, посвящённую именно Ирлвиллу. Почти одновременно с нами там побывал корреспондент этой газеты. Мы беседовали с рядовыми фермерами, а он, как и полагается корреспонденту газеты биржевиков, — с верхушкой этого района: кассиром Национального банка Даклесом, владельцем магазина Сандерсоном, директором банка Гастом и крупными фермерами Мартином и Миллером.

По словам Даклеса, доходы фермеров Ирлвилла сокращались все последние годы с такой закономерностью, что разорение их совершенно неизбежно. Банк выдал им за последнюю осень 152 займа, хотя был уверен, что все они «потеряют деньги весной». Доходы фермеров так малы, что они вынуждены влезать в долги, чтобы уплатить налоги.

Богачи Ирлвилла решительно высказались против какой бы то ни было помощи фермерам. «Я не верю в правительственные субсидии и никогда не верил, — заявил Миллер. — Это социалистические меры. Нашу страну создали индивидуалисты. Я уверен, что Бенсон (министр земледелия. — Д. К.) не будет стараться убожить всех. Экономика — это игра, и нечего орать благим матом, когда проигрываешь...»

Мы просидели тогда с Макколлом около часа. Он познакомил нас со своими соседями, которые охотно выпили с нами, но говорили совсем неохотно. «Плохо, плохо, плохо», — твердили они.

Макколл проводил нас до машины. С церковной площади открывались широкие просторы полей. Я обратил на это внимание моих спутников.

— Да, простор, — мрачно отозвался Макколл. — И тем не менее мы в тупике..

— Но выход-то должен быть! — заметил Гаррисон.

— До сих пор мы не искали его. Чувствовали, что попали в тупик, но думали, что он сам собой исчезнет или кто-нибудь укажет нам выход. А теперь всё яснее становится, что выхода нет.

Вторая жизнь учителя Хилла.

На пути в Филадельфию у нашей машины испортилось зажигание, и мы остановились на окраине маленького посёлка со странным названием: Лост, то есть Потерянный. Пока шофёр ковырялся в моторе, я пошёл размяться. Узенькая, хорошо протоптанная тропинка вела к маленькой рошице, но, не дойдя до неё, поворачивала к большому серому сараю. Пока я оглядывался вокруг, двери сарая распахнулись и передо мной оказалась целая ватага мальчишек с ранцами и портфелями. Увидев незнакомого человека, они задержались на мгновение, потом с криком и свистом ринулись к посёлку. Несомненно, это были ученики. Но что они могли делать здесь, в этом сарае? Я с недоумением смотрел вслед мальчишкам, жалея, что не поймал ни одного из них.

Скрип двери заставил меня обернуться. Из сарая вышел высокий, сутулый, опрятно, но бедно одетый пожилой человек с пачкой тетрадей подмышкой. Это, без сомнения, был учитель «Потерянного» посёлка. Обменявшись обычными приветствиями, я спросил, что он делал в этом сарае со своими учениками.

— Это не сарай, — обиженно поправил меня учитель, — это наша школа.

— Как же здесь можно заниматься, ведь тут темно и холодно?

— Всё это верно, — согласился учитель, — но теперь уже не так холодно. Вот зимой действительно приходилось трудно, а теперь заниматься можно.

— Неужели нельзя найти лучшего помещения?

— Значит, нельзя. Местные власти строить школу не хотят, а родители не в состоянии...

Учитель приподнял шляпу в знак прощания и направился вслед за ребятами. Я хотел было продолжить разговор, но он не остановился, сославшись на то, что спешит на работу. Я последовал за ним.

— Вы работаете в двух школах? — спросил я, стараясь не отставать от него.

— Нет, в ресторане, — ответил учитель.

Я не видел его лица, поэтому не мог понять, говорит он всерьёз или шутит. Добравшись до дороги, он ещё раз прикоснулся к шляпе и быстро зашагал к посёлку.

В тот же вечер случай снова свёл меня с ним. Возвращаясь в Нью-Йорк, мы решили закусить и остановились возле одного из дорожных ресторанчиков. В зале почти было посетителей. Поток машин в сторону Нью-Йорка уже прошёл, местные жители, видимо, уже разбрелись по домам. Мы заняли столик возле окна. К нам подошёл высокий, сутулый, уже пожилой официант. Лицо его показалось мне знакомым. Присмотревшись, я узнал в нём учителя, которого утром встретил у посёлка Лост. Совершенно случайно мы остановились у того же посёлка.

— Я думал, что вы пошутили, сказав мне утром, что спешите на работу в ресторан, — сказал я ему, пока он записывал наш заказ.

Учитель-официант пересел писать, посматрел на меня и горько улыбнулся.

— Как видите, я не шутил, — отозвался он.

Он ушёл на кухню и вскоре вернулся с посудой. Пока он расставлял тарелки и раскладывал салат, я успел задать ему несколько кратких вопросов, на которые он дал такие же краткие ответы.

— Что заставило вас пойти сюда?

— Голод.

— У вас большая семья?

— Нет: дочь, жена и я.

— Разве вам не хватает заработка учителя?

— Не хватает.

— И вы давно работаете так?

— Очень давно.

Он снова ушёл на кухню, пробыл там несколько минут и вернулся с подносом, на котором принёс ужин. Раскладывая еду, учитель рассказал, что очень многие его коллеги вынуждены прирабатывать на стороне. Так во всяком случае живут девять из десяти учителей, которых он знает в своей округе. Только один — старый холостяк — ухитряется как-то жить на своё жалованье. Учителя вынуждены браться почти за любую работу: один подаёт шары игрокам в загородном клубе; другой содержит киоск, где детвора может купить игрушки, а молодёжь пострелять из ружья по движущимся целям; третий выполняет ремонтные работы на федеральной дороге; четвёртый охраняет правительственный склад с зерном; пятый нанялся поваром в богатый дом. Сам он уже двенадцать лет работает официантом дорожного ресторана. Зарботок у него тут небольшой, но он всё же больше, чем жалованье учителя.

Когда официант отошёл, я обратился к своему спутнику-американцу.

— Неужели положение учителей так плохо?

— Право, я не интересовался этим, — извиняющимся тоном ответил тот. — Но думаю, что плохо. На днях я видел в «Нью-Йорк таймс» что-то похожее на обзор состояния школьного дела у нас. Обзор этот произвёл на меня гнетущее впечатление. Оказывается, что только в низших школах не хватает 70 тысяч учителей; в низших и средних школах 70 тысяч учителей не имеют должного образования. Молодые люди не хотят идти в педагогические колледжи, потому что профессия учителя оплачивается в нашей стране ниже, чем любая другая профессия. По словам газеты, только восемь процентов учителей живут на жалованье, остальные вынуждены искать дополнительный заработок. Да и самые школы находятся в тяжёлом положении. Четыре миллиона детей занимаются в помещениях, которые не отвечают элементарным требованиям...

Когда официант снова подошёл к нашему столу, я пригласил его сесть. На мой вопрос, кем же он себя считает: учителем или официантом, — он ответил после раздумья:

— Да как вам сказать? Душою я привязан, конечно, к школе, а телом... к ресторану. Бросить школу, как это делают многие из учителей, мне не хочется, отказаться от ресторана невозможно. Школьного заработка мне хватило бы как раз наполовину. Вот и приходится, как видите, вести после школы своего рода вторую жизнь.

— Видимо, это нелегко?

— Сначала было трудно, — сознался официант. — Долго не мог привыкнуть к грубому окрику. Особенно тяжело с пьяными. Теперь уж я привык, и окрик: «Эй, парень!» не оскорбляет меня — это ведь часть моей службы...

Я спросил, как его зовут. Он удивлённо посмотрел на меня, словно я спрашивал о чём-то необычном.

— Меня здесь никто не зовёт по имени, а вообще-то я Джордж Хилл, учитель Хилл...

Он проводил нас до двери ресторана, по-лакейски подал пальто и принял чаевые. Когда же я на прощание сказал ему: «До свидания, учитель Хилл», — он вдруг выпрямился и с достоинством слегка поклонился.

Конец пути.

Сент-Питерсберг прослыл в Штатах «городом стариков». Расположенный на маленьком полуострове, омываемом Мексиканским заливом и заливом Тампа, этот город славится своей дешёвизной и обилием солнца. Поэтому сюда со всех концов страны устремляются старички и старушки, чтобы провести здесь остаток жизни. Тут коротают свои дни ушедшие на покой мелкие дельцы, разные пенсионеры.

Мы приехали в Сент-Питерсберг в тот нежаркий предвечерний час, когда всё население города обычно высыпает на улицы. Старики и старушки медленно прогуливались по бульварам и скверам, по берегу залива Тампа, дремали на открытых верандах. Но особенно много было их на центральной улице, которая начиналась от знаменитой на всю Америку многоэтажной «аптеки», в которой можно купить всё, что угодно, и упиралась в залив. Они сидели на скамьях, поставленных спинка к спинке не вдоль, а поперёк тротуаров, сидели прямо и молча, глаза на тех, кто ещё имел силу двигать-

ся мимо них и рассматривать витрины. Залтная лучами заходящего солнца улица была тиха. Только шарканье старческих ног да кашель нарушали тишину предвечерья.

Так продолжалось до захода солнца. С наступлением сумерек старики и старушки стали поспешно исчезать. На короткое время в окнах домов, пансионов и гостиницы зажглись разноцветные огни, но вскоре погасли, и город погрузился в сон.

Увлёкшись осмотром города и его обитателей, мы забыли позаботиться о ночлеге, а когда добрались до гостиницы, где надеялись найти пристанище, мест в ней не оказалось. Портье дал нам адрес частного дома, где мы могли бы переночевать. Дом этот находился через несколько улиц, почти на самом берегу залива, но мы не скоро нашли его. Город освещён очень плохо, улицы совершенно пустынные.

Хозяин маленького двухэтажного домика с готовностью и даже угодливостью принял нас. Домик оказался уютным, но построен был на живую нитку. Через его дощатые стены доходили все звуки улицы. Особенно докучал шум пальм под окном. Их листья, волнуемые поднявшимся ветром, то тёрлись друг о друга, словно кто-то строгал доску, то тихо, но отчётливо постукивали. Несмотря на долгий и утомительный путь, который мы пределали в тот день, спать не хотелось, и я вышел во двор.

— Что, не спится? — раздался за спиной голос хозяина.

— Да...

— Мне тоже, — признался хозяин. — Ночи длинные, тёмные... Лежишь-лежишь, слушаешь-слушаешь, а рассвета всё нет и нет. Иногда даже страх берёт: уж не наступила ли вечная ночь...

Я не видел лица говорящего, но в голосе его слышалась застарелая тоска.

— Давно вы здесь? — спросил я.

— Почти восемь лет.

— Чем занимались раньше?

— Почти всем... Работал на заводе, потом имел свой бизнес... правда, не очень большой... одежду чистил и гладил. А потом даже торговлю небольшую имел.

— Скопили немного на старость?

— Скопить мало что удалось. Лавчонка-то подвела меня. Я рассчитывал хорошо заработать на ней, а она меня в трубу пустила.

— А на что же вы живёте?

— Страховка помогает. Ну и... изворачиваться приходится... То гостейпустишь, то с огорода что-нибудь продашь, то какая-нибудь работёнка иногда перепадёт: одному погладишь костюм, другому бельё поштопаешь...

— Не очень завидная жизнь.

— Да чего уж завидовать, — согласился хозяин.

— А мне рассказывали, что тут только обеспеченные старички свои дни коротают, — заметил я.

Хозяин засмеялся и воскликнул:

— Ну уж нашли обеспеченных старичков! Тут, наверное, из каждого десятка семеро живут впроголодь, а хуже всех живут пенсионеры. Пенсии уже многие годы не увеличивают, а цены на всё страшно выросли. Ведь то, что раньше доллар стоило, теперь более двух долларов требует...

— Как же они ухитряются жить?

— По-разному, кто как устроится.

Его сосед слева, например, промышляет рыбной ловлей. Каждый день ещё на рассвете он выходит на берег залива. Словив несколько рыб, он несёт их в соседний ресторан. Это даёт ему пару долларов в неделю. Чтобы правительственные чиновники не узнали об этом, ему приходится уверять всех, что рыбная ловля — его причуда, развлечение или, как говорят тут, «хобби». Потому что человек, способный работать, лишается пенсии. Другой сосед избрал более опасное «хобби». Старый автомобильный механик, он собрал и отремонтировал брошенный мотоцикл и теперь под видом человека, увлечённого мотоспортом, носится по городу и его окрестностям, развозя пакеты и покупки из сент-питерсбергского универсального магазина, именуемого «аптекой». Но его уже дважды подводили старческие глаза: он сваливался в кювет и попадал в больницу.

— Мы думали о Сент-Питерсберге, как о какой-то обетованной земле, где найдём все блага за страдания и неудачи нашей жизни, — покой, достаток, солнце, тепло. Но не нашли здесь ничего, кроме одиночества, тоски и полуголодного существования, — грустно заметил мой собеседник. — Я вот всё думаю. Почему это у нас все дороги ведут простого человека обязательно в какой-нибудь тупик? Какой бы долгий путь мы ни шли, в конце его обязательно — тупик... Вы не знаете?

Я промолчал. Подождав немного, хозяин тяжело вздохнул и, пожелав мне спокойной ночи, вошёл в дом.

Умиравший миф.

Весна в том году выдалась в Нью-Йорке затяжная и капризная. Ясные тёплые дни лишь изредка прерывали унылую вереницу мрачных недель с ураганными ветрами, проливными холодными дождями и даже весьма необычным здесь в это время года снегом. Снег, правда, долго не держался, но он делал скверную погоду ещё отвратительнее. Но весна всё же брала своё. В конце марта зазеленели лужайки на Риверсайте, в Центральном парке зацвели декоративные кустарники, распустилась листва на деревьях.

В погожие дни на Бродвее высыпали тысячи ньюйоркцев. Они рассаживались на скамьях, поставленных под чахлыми деревьями. Сидели они обычно густо, прямо и важно, как грачи на телеграфных проводах. Здесь, в этом открытом «клубе», где свобода слова пока не подавляется ни тайной полицией, ни расследовательскими комиссиями конгресса, рядовые американцы судачили о семейных делах, делились городскими сплетнями, обсуждали местные и международные события, кляли плохую погоду и быстро растущие цены. Мнение этих людей я рассматривал, как мнение рядовых средних американцев, и поэтому охотно подсаживался к ним и проводил иногда целые часы.

Весною 1953 года их больше всего занимали растущие цены на товары и продовольствие, резкое повышение квартирной платы и платы за проезд в метро, в автобусах, в пригородных поездах. Рост цен на товары и продовольствие был как будто бы не так уж велик. Набавили несколько центов на кофе, на папиросы, на предметы домашнего обихода и на некоторые другие товары. Несколько центов, конечно, немного. Но когда эти надбавки складывались, то получалась сумма, которая заставляла многих ломать голову над тем, за счёт чего её выкромить и как свести концы с концами.

— А сегодня снова повысили цену на кофе, — говорил кто-нибудь из женщин.

Почти немедленно в ответ нёсся тяжёлый вздох:

— О боже мой! Когда же это прекратится?

— Думаю, не скоро, — убеждённо замечал третий. — Ведь наше правительство сняло контроль над ценами не затем, чтобы цены снижались.

— Значит, — заключал четвёртый, — придётся сократить свои посещения кино и покупать газету подешевле. Раньше я ходил в кино три раза в месяц и покупал пятицентовую газету. Теперь придётся ходить два раза в кино и обходиться двухцентовой газетёчкой.

— Невелика потеря, — решительно заявляла женщина. — Без кино и газеты можно обойтись. Хуже, когда надо отказываться от белья или одежды ребятишкам...

Сначала эта болезненная реакция рядовых ньюйоркцев на потерю нескольких центов казалась мне свидетельством их скарденности, а желание возместить потерю этих центов отказом от кино, от книг, газет представлялось мне лишь как обычное проявление тяги американцев в первую очередь к материальному благополучию. Но познакомившись ближе с их нуждами и запросами, я изменил своё мнение. Эти люди жили настолько в обрез, что даже незначительное увеличение расходов нарушало их семейные бюджеты.

Факты, которые я собрал, оказались поразительными. Они начисто опровергали болтовню американской пропаганды о высоком жизненном уровне американского народа. Подавляющее большинство американцев жило и живёт в весьма тяжёлых материальных условиях. Около десяти миллионов «цветного» населения Штатов (негры, пуэр-

ториканцы, мексиканцы и другие) зарабатывают в среднем 15 долларов в месяц. Одна из каждых трёх негритянских семей зарабатывала около 80 долларов в месяц, чего не хватает даже на полугодное существование. Положение белых американцев, которые находятся в «привилегированных» условиях, несколько лучше. Но подавляющее большинство их также влачит жалкое существование. Одна из каждых девяти американских белых семей (в средней семье считается четыре человека) зарабатывала ежемесячно меньше 80 долларов. Одна из каждых четырёх семей зарабатывала меньше 160 долларов в месяц. Три из каждых четырёх семей зарабатывали меньше 400 долларов в месяц.

Три четверти американских семей (точнее 76,8 процента) живут на заработки или доходы, которые ниже суммы, обеспечивающей официальный прожиточный минимум, «необходимый для удовлетворения общепринятых социальных и биологических потребностей» средней семьи. Что же входит в этот минимум? Он предусматривает потребление семьёй мяса, яиц, молока, свежих овощей в таком количестве, которое ниже, чем фактически потреблялось в среднем на душу населения даже в годы депрессии (1935—1939). Он предусматривает приобретение главой семьи одного нового пальто в течение 6,5 лет, плаща — раз в 12,5 лет. Мать может приобрести зимнее пальто один раз в 6 лет, шерстяной костюм — один раз в 9 лет, халат — один раз в 20 лет. Возможности удовлетворения культурных потребностей ещё более ограничены. Семья может иметь одну ежедневную газету, купить 32 номера журнала в год, одну книгу в год, посетить 19 раз в год кинотеатр, купить один билет в театр и отправить одно письмо в неделю.

Однако даже эти ограниченные блага «минимума» недоступны трём четвертям американского населения. Оно вынуждено отказываться то от одного, то от другого, чтобы удовлетворить самые насущные потребности. Только ничтожное меньшинство (одна из каждых тридцати трёх семей) живёт хорошо, а подлинные богатства сосредоточены в руках совершенно ничтожной кучки миллиардеров и миллионеров.

Когда я однажды поделился этими сведениями с моими соседями по «клубу» на Бродвее, они долго подсчитывали, вдумывались в каждую цифру, взвешивали и соображали. Каждый из них знал, что ему живётся плохо, но считал себя неудачником. Читая ежедневно в газетах, в журналах, в дешёвых книжонках об успехах ловких людей, видя в кинофильмах сказочное обогащение, они верили в миф о том, что Америка — страна богатых людей. Они свыклись с мыслью, что в этой стране везёт всем, кроме них. Они проклинали свою несчастную звезду, покоряясь своей незадачливой судьбе. Цифры, приведённые мною, показали им, что в Штатах «везёт» очень немногим.

Только один пожилой человек отнёсся к моим цифрам равнодушно.

— Это давно известно, — объявил он. — Мой сын, а он работает клерком в банке, ещё года два назад подсчитал, что у нас действительно хорошо живёт лишь совсем небольшая группа людей, а подавляющее большинство американцев живёт скверно.

Он помолчал, явно довольный тем, что внимание всех сосредоточилось на нём, затем авторитетно изрёк:

— Этот миф будто Америка — страна богатых, где все имеют машины, холодильники, особняки и поместья, этот миф теперь развенчан. Когда-то он был приманкой и прогремел на весь мир, к Америке тянулись изо всех стран. Теперь ему верят всё меньше и меньше.

Соседи набросились на него, уверяя, что он слишком мрачно настроен, что его сын, видимо, неправильно подсчитал и что многим ещё удаётся стать богатыми...

Но старик настаивал на своём.

— Миф о богатстве обманывал других и отравлял жизнь нам самим, — говорил он. — Мы глазели на богачей, завидовали им, мечтали пойти по их дорожке, но ничего, кроме разочарования, не находили. Поэтому-то нам теперь, на старости лет, и вспомнить нечего и наша жизнь кажется нам прожитой зря, потерянной..

Соседи не соглашались с ним, но и возразить ничего не могли.

12. Люди надежды

Комната над лавкой.

Почти в самом центре деловой части Нью-Йорка, на одной из грязных и шумных улиц, среди бесчисленных лавчонок и небольших магазинов, находится лавка, где продают чемоданы и другие дорожные вещи. Чтобы привлечь внимание покупателей, предпринимчивый владелец выстроил в окне из чемоданов разных размеров, от самого большого до самого маленького, отлогую ступенчатую лесенку. Она и должна была служить нам ориентиром, по которому мы искали один из американских центров сторонников мира: центр этот расположен над лавкой. Никаких других примет: ни вывески, ни указателя у него не было. Лишь на втором этаже на одной из дверей мы обнаружили листок бумаги с надписью: «Американский крестовый поход за мир».

В просторной, скудно обставленной комнате мы застали человек семь-восемь, среди них трёх негров. Белые и негры оживлённо разговаривали, что уже было совсем необычно. Как правило, белые и негры всегда держатся друг от друга на известном расстоянии. Нам даже показалось, что центром внимания всей группы был высокий плечистый негр с густыми, вьющимися, совершенно седыми волосами. Увидев нас, он движением руки остановил говоривших и спросил, что нам нужно. Мы ответили, что интересуемся движением сторонников мира и что были бы благодарны за всякую информацию об этом.

После краткого взаимного знакомства мы расселись за столом, стоявшим перед окном. Нас спрашивали о движении за мир в Европе, о конференциях сторонников мира в Советском Союзе и особенно о том, знают ли советские люди, что в Штатах живут не только поджигатели войны, но и ярые её противники. Мы интересовались, насколько широко движение за мир в США. Разговор продолжался часа полтора-два. В нём принимали участие почти все присутствовавшие, потом двое или трое ушли, зато пришли другие, которые включились в беседу. Пришёл письмоносец с кипой писем, адресованных этой организации. Он прислушался к разговору — речь шла о причинах слабой активности широких слоёв американского населения в борьбе за мир — и попросил разрешения сказать «пару слов».

— Главная причина, — сказал он, — страх, простой страх за свою шкуру, а не какие-то там глубокомысленные соображения. Я хожу по многим домам почти два десятка лет, я знаю многие семьи. На моих глазах люди росли и старились, и эти люди думают и говорят почти так же, как вы, только, конечно, не так гладко и умно. Но они не приходили сюда и не придут, потому что боятся быть выброшенными из жизни...

Письмоносец протиснулся и, напивлив фуражку, вышел.

— Он прав, — заметил седой негр. — Очень многие простые люди — наши единомышленники, но они не решаются активно поддерживать нас именно из-за страха лишиться источников существования: работы, заработка, заказов, доходов и так далее. А это мы и называем быть «выброшенными из жизни». Большинство американцев с молоком матери питало в себя мечту добиться материального благополучия. Они подчиняют этому свои интересы, склонности, потребности. Поэтому они и боятся потерять всё это, если будут открыто поддерживать нас. Чтобы бороться за мир в нашей стране, ныне требуется не только мужество, но и готовность идти на личные жертвы, на притеснения и преследования, на утрату почти всех материальных благ.

— И всё же у вас имеются люди, которые готовы жертвовать всем этим?

— Имеются, и немало, — подтвердил негр.

Он рассказал нам о тех рабочих, которых лишили за их деятельность в пользу мира хорошей постоянной работы. Теперь они работают от случая к случаю, зарабатывают гроши, живут впроголодь, но попрежнему активно участвуют в движении сторонников мира. Он привёл пример двух студентов, которым стоило огромного труда попасть в университет, и всё же, когда перед ними встал вопрос, бросить университет или отказаться от участия в борьбе за мир, они предпочли сделать первое. Он рассказал о нескольких семьях, которые не только разделили бремя неприятностей, обрушив-

шихся на главу семьи за его участие в движении сторонников мира, но и примкнули после этого сами к движению. Он тут же представил нам невысокого, уже пожилого человека, семья которого пожертвовала своим благополучием во имя борьбы за мир.

Имя его было хорошо известно нам. Это был один из видных деятелей сторонников мира в Америке. Я читал его страстные выступления, полные ненависти к войне. В его речах и статьях чувствовалась огромная вера в правоту своего дела. Но моё представление о нём как-то не вязалось с внешностью человека, которого я видел теперь. Да и говорил он тихим, спокойным голосом, в котором, правда, чувствовалась большая сила. Он укоризненно посмотрел на негра и, пожав плечами, коротко бросил:

— Какие там жертвы! Мы делаем то, что обязаны делать каждый...

Лишь после его ухода мы узнали, что он потерял работу, пенсию, которую он должен был получать по старости; его дочь уволили со службы под предлогом, что она «угрожает безопасности страны». Его семья вынуждена была уехать из города: они не могли оплачивать квартиру. Отремонтировав своими силами брошенный домик за городом, семья поселилась в одной из комнат, а остальные комнаты стали сдавать одиноким, которых они за скромную плату кормят, обмывают, обшивают. На эти ничтожные доходы живёт вся семья. Все трое с увлечением, активно участвуют в движении сторонников мира. Сам он выступает с речами и статьями, разъезжает по стране, организуя митинги сторонников мира, жена собирает подписи под петициями, распространяет листовки движения сторонников мира, дочь работает в одном из его комитетов.

Затем нам показали письма, которые этот центр получает со всех концов страны. Их было много, и писались они разными людьми: профсоюзными работниками из промышленных городов Среднего Запада, домохозяйками с тихоокеанского побережья, священниками из Пенсильвании, неграми-интеллигентами из южных штатов, студентами, журналистами, учителями, фермерами, последними особенно много.

Письма содержали призывы бороться за мир, советы активистам не поддаваться травле и клевете, не бояться репрессий. В некоторых конвертах активисты центра обнаруживали сматые, побывавшие не в одних руках долларовые бумажки, иногда пятидолларовые и даже десятидолларовые. Такие письма чаще всего приходили без подписи и обратного адреса: люди хотели помочь движению сторонников мира, но боялись связать с ним свои имена.

Среди просмотренных писем мне особенно запомнилось письмо священника из Филадельфии. Очень мелким, но чётким почерком он писал о том, что никогда не был близок ни к каким левым течениям или группам, но теперь он охотно примыкает к ним, потому что только они несут знамя мира. Он писал, что позор для страны, власти которой считают преступным само слово «мир», что сторонники мира азяли на себя выполнение благородного долга — отстоять не только дело мира, но и честь страны, честь американского народа.

В другом письме фермер рассказывал, как он объехал всю свою округу, собирая подписи под петицией с требованием вернуть их сыновей из Кореи домой. Он побывал на пятидесяти фермах, только в трёх из них отказались подписать петицию: там дети были дома. Один из фермеров взял у сборщика подписей петицию, чтобы его родственники, живущие в соседнем штате, могли присоединиться к ним. Через несколько дней он вернул петицию с 14 подписями. Когда инициатор петиции спросил, неужели у него так много родственников в соседнем штате, фермер ответил: «У меня только двое, но у них оказались тоже родственники, и все они хотят вернуть своих детей домой...»

Авторы писем понимали, конечно, что они рискуют многим, обращаясь к сторонникам мира. Федеральное бюро расследований (тайная полиция) давно просматривает письма и берёт на учёт всех, кто переписывается с центрами движения. Тем не менее, они писали сюда о своей благородной работе в защиту мира, чтобы показать как друзьям, так и врагам, что борьба за мир пользуется самой широкой поддержкой простых людей Америки.

Эти письма стеклись сюда, в комнату над лавкой, меньше всего походившую на штаб «крестового похода за мир», и она незримо нитями связывала воедино стремления и желания тысяч и тысяч отдельных людей, их волю к миру.

На переломе.

На вокзале Гаррисберга — столицы штата Пенсильвания, — как на всех вокзалах мира, было шумно илюдно. Занятый своими мыслями, я не заметил, как ко мне кто-то подошёл и положил на плечо руку. Обернувшись, я увидел высокого, худого мужчину лет пятидесяти. Это был профессор Норрис, известный не только своими открытиями в области точных наук, но и тем, что он одним из первых среди американских учёных примкнул к движению сторонников мира. За это его уволили с крупного правительственного поста. Норрис стал преподавать в университете, но работы своей в пользу мира не оставил. Ректор университета предупредил его, что он может потерять работу и здесь. Но студенты горячо вступились за своего профессора, и руководителям университета пришлось отложить исполнение угрозы.

На мой вопрос, что он здесь делает, Норрис с усмешкой ответил:

— Наверное, то же, что и вы: жду поезда в Нью-Йорк.

— Откуда вы?

Вместо ответа Норрис взял меня под локоть, тихонько повернул и повёл на перрон, опустевший после ухода поезда. Там, понизив голос, он сообщил мне, что едет из Чикаго, с конференции сторонников мира, которая только что закончилась. Хотя она была открытой и на ней присутствовали очень многие корреспонденты, в буржуазных газетах не появилось о ней ни строчки, поэтому, естественно, сообщение профессора Норриса было для меня новостью, и я засыпал его вопросами. Он не заставил упрашивать себя и рассказал, что в конференции участвовали представители всех штатов. Он особенно подчеркнул участие южных штатов, потому что до недавнего времени южные штаты с их плохо организованным рабочим классом и со слабо развитыми прогрессивными организациями стояли несколько в стороне от движения сторонников мира. На конференции особенно широко были представлены рабочие центры страны; здесь были рабочие автомобильных заводов Детройта и Чикаго; сталелитейщики Питсбурга и Кливленда; нефтяники Нью-Джерси и Техаса; текстильщики из штатов Новой Англии. Были и представители большой, но до сих пор политически мало активной армии сельскохозяйственных рабочих. Норрис видел в этом знаменательный и оградный факт.

— Простые люди нашей страны, — говорил он, — начинают понимать, что неуклонное ухудшение их материального положения прямо связано с «холодной войной», с растущими военными приготовлениями. Несмотря на завесу лжи, которую поставила вокруг этих приготовлений американская буржуазная печать, простые люди сознают всё же, что гонка вооружений ведётся за их счёт в угоду небольшой кучке военных промышленников. Они теперь всё чаще заглядывают на последние страницы газет, где обычно печатаются отчёты о доходах фирм и корпораций. И, встречая название «Дженерал моторс», они видят, как много зарабатывают на военных приготовлениях Дюпони, Морганы, Меллон. Теперь они знают также, что высокие прибыли «Дженерал электрик» означают высокие доходы для Морганов. Словом, люди стремятся смотреть на то, что происходит в стране, своими глазами и пытаются разобраться в этом...

Вторым знаменательным и ещё более отрадным фактом Норрис считал то, что простые американцы хотя не только разобраться в том, что происходит в стране, но и найти выход. Медленно, с трудом, они начинают понимать, что изменить их нынешнее положение могут только они сами. Надежды на помощь со стороны, на приход какого-то выдвинутого и дальновидного политического деятеля типа Вашингтона, Линкольна или Рузвельта всё быстрее гаснут. Люди всё ближе подходят к мысли, что им нечего ждать от других, что надо действовать самим.

По мере ухудшения материального и политического положения профсоюзы начинают всё активнее выступать против подготовки войны, за мир, за ослабление международной напряжённости. Конференция профсоюза складских рабочих Америки единогласно постановила потребовать от правительства США заявления о его готовности встретиться с представителями других великих держав, чтобы договориться о решении спорных международных вопросов путём переговоров. Местная организация профсоюза рабочих корпорации «Интернэшнл харвестер» в Чикаго, формулируя весьма решительно своё требование, указала при этом, что только переговоры между пятью

великими державами и решение спорных международных вопросов могут «освободить американский народ от разорительного налогообложения и антирабочего законодательства».

— Знаменательно то, — продолжал профессор с воодушевлением, — что такие решения принимают не только профсоюзы крупных рабочих центров. Мы получили подобные же резолюции от рабочих Бессемера (штат Алабама), от рабочих Атланты — столицы штата Джорджия — и из других далёких мест.

С особым подъёмом Норрис рассказал об участии в борьбе за мир фермеров среднезападных штатов. Их движение возникло совершенно стихийно. Мать одного из солдат получила сообщение военного министерства о том, что её сын убит в Корее. Её соседки, узнав об этом, отправились к ней домой, чтобы разделить горе. После слёз и воспоминаний об убитом, матери задумались над тем, как спасти своих сыновей от такой же участи. «Надо потребовать, чтобы наших сыновей вернули домой», — предложила одна. Другие немедленно подхватили: «Потребовать возвращения сыновей домой! Потребовать возвращения сыновей домой!..»

Так возник первый среди фермеров женский комитет за возвращение сыновей из Кореи. Хотя этот комитет возник в глухом, отдалённом районе, о нём скоро узнали фермеры всего штата Иллинойс. По его примеру стали создаваться новые комитеты, которые вскоре получили название «Спасите наших сыновей!» Фермеры и особенно их жёны охотно создавали и примыкали к этим комитетам потому, что война сильнее всего ударила по мелкому фермерству. Призыв в армию большого числа сыновей фермеров не только нарушал жизнь семей, но во многих случаях приводил к развалу ферм, потому что мобилизованные чаще всего были основными рабочими руками на ферме.

Из Иллинойса это движение быстро перекинулось в соседние штаты. В течение полугода комитеты «Спасите наших сыновей!» возникли в семнадцати штатах, в которых преобладало фермерское население.

После прекращения военных действий в Корее эти комитеты выдвинули новый лозунг: «Американцы, возвращайтесь домой!», который, кстати сказать, перекликается с лозунгом европейских народов: «Американцы, уходите домой!» Тут чувства простых американцев, жаждающих возвращения своих детей домой, совпали с чувствами простых европейцев, добивающихся отозвания американских войск с континента. Американцы хотят, чтобы их сыновья, которым навязывают незавидную роль жандармов монополий США в Азии и Европе, вернулись к своим очагам и занялись собственными делами.

— Но поймите меня правильно, — вдруг заметил Норрис, прерывая свой взволнованный рассказ. — Я не хочу сказать, что широкие слои нашего населения уже вступили в борьбу за мир, за ослабление международной напряжённости. Этого, к сожалению, ещё нет. Но в их отношении к этой борьбе, к движению сторонников мира, происходит отрадный перелом. Люди с беспокойством ищут выхода из того тупика, в котором оказались, и ищут его на верном направлении...

Шум подошедшего поезда прервал наш разговор. Мы простились и разошлись по своим вагонам.

На скамье подсудимых.

В середине ноября 1952 года в одном из американских госпиталей умерла пожилая женщина Элизабет Стивенс. Хотя её уход из жизни ничем не выделялся, почти все американские газеты отметили это как событие, причём даже не скрывая своего явного удовлетворения. Со смертью Элизабет Стивенс, как выразилась херстовская газета, «исчез с лица земли один из ферментов беспокойства в Америке».

Элизабет Стивенс не была ни революционеркой, ни лидером какой-нибудь влиятельной партии. Это была простая женщина, вдова скромного труженика, обременённая семьёй и заботами. Многие годы семья аккуратно выплачивала стоимость дома и надеялась через несколько лет полностью рассчитаться за него. Однако рост налогов и цен, вызванный гошкой вооружений, настолько сократил и без того скудный доход семьи, что денег на уплату очередного взноса за дом не оказалось. Фирма, только :

ждавшая этого, решила отнять дом, чтобы продать его заново. Суд, конечно, услужливо вынес решение, лишаящее семью Стивенсов их права на дом.

Элизабет Стивенс отказалась покинуть дом. Фирма обратилась к полиции. Но соседи Стивенсов помешали полицейским выселить несчастную семью. Это было расценено как бунт. В маленький городишко Лэйпир (штат Мичиган), где разыгрывались эти события, были направлены крупные полицейские силы. Между полицейскими и обитателями Лэйпира произошло столкновение, закончившееся ожесточённой потасовкой. Полиция победила, и Стивенсы были выброшены на улицу.

Соседи приютили семью. Но Элизабет Стивенс не оставляла попыток вернуть домик; который она вполне справедливо считала своим. Лишь тяжёлая болезнь сердца, обострённая этими событиями, и наступившая через несколько недель смерть прервали эти попытки. К удовольствию хозяев нынешней Америки, «один из ферментов беспокойства» сошёл в могилу, перестав тревожить маленький городок в штате Мичиган.

Если попытка старой больной женщины отстоять свои права вызвала такое ожесточение со стороны хозяев американских монополий, их слуг в правительстве и наёмников в печати, то во сколько раз сильнее это ожесточение, когда они наталкиваются на стремление целой партии — Коммунистической партии Соединённых Штатов Америки — отстоять права всего американского народа? Борьба прогрессивных сил вызывает у хозяев Америки и их слуг бешеную, совершенно животную ненависть. И эта ненависть растёт по мере усиления борьбы коммунистов за права народа.

Все усилия огромного полицейского аппарата, располагающего почти неограниченными средствами и специальной техникой сыска, сосредоточены на преследовании коммунистов и других прогрессивных сил. Власти арестовали и посадили в тюрьму руководителей партии. Вслед за этим они арестовали и посадили в тюрьму руководителей провинциальных партийных организаций. Защитники интересов народа были осуждены на большие сроки заключения, равносильные во многих случаях пожизненному заключению. Едва партия восполнила потери, власти снова арестовали и посадили в тюрьму её руководящих деятелей. Коммунистов изгоняют не только из правительственных учреждений, но и с заводов, из магазинов, частных мастерских, из университетов, школ и так далее. Коммунистов и их семьи обрекают на голод.

Судебная расправа над ними по своему беззаконию очень мало отличается от суда Линча. Стараясь выслужиться перед хозяевами монополий, прокуроры и судьи на процессах коммунистов грубо игнорируют даже буржуазное законодательство.

Мне пришлось несколько раз быть в большом мрачном здании суда на Фолли-сквер, где многие месяцы шёл в то время процесс руководящих деятелей коммунистической партии. Процесс часто носил откровенно издевательский характер. Я присутствовал при допросе виднейшей деятельницы американского рабочего движения Элизабет Флинн, женщины лет шестидесяти, с благородными, всё ещё красивыми чертами лица.

Помощник прокурора потребовал от Флинн назвать имена коммунистов, которых она знает, то есть он требовал стать доносчицей. Флинн отказалась. Судья Димок строго постучал молоточком и объявил:

— Я предписываю вам ответить на этот вопрос.

— Я очень сожалею, — возразила Флинн, — но я не могу ответить на него.

Тогда прокурор Лэйн, тот самый Лэйн, который помог бежать от суда «королю» Нью-Йоркского преступного мира Трёхпалому Брауну, потребовал осудить её за неуважение к суду. Судью Димока не пришлось долго уговаривать. Он поднялся и не без удовольствия провозгласил, обращаясь к подсудимой:

— Вы найдены виновной в неуважении к суду и приговариваетесь к тридцати дням тюрьмы...

После этого прокурор и его помощник стали допытываться, является ли коммунистом некий Лоу Дискин. Флинн также отказалась отвечать. Лэйн и тут нашёл неуважение к суду, и Димок с той же готовностью осудил Флинн ещё на тридцать суток тюрьмы. Свой приговор Димок сопроводил провокационным выпадом, будто бы коммунисты боятся показать себя народу.

Элизабет Флинн с негодованием отразила этот выпад.

— В нормальных условиях, — сказала она, — коммунисты были бы только горды назвать свой имена кому бы то ни было. Но теперь люди, которых я назвала бы, были бы подвергнуты преследованиям со стороны Федерального бюро расследований и потеряли бы свою работу. Традиции моей семьи и рабочего движения запрещают мне быть доносчицей. Я опозорила бы моё долгое и честное служение рабочему движению, если бы я назвала этому суду имена людей, борющихся за дело рабочего класса...

Заявление Флинн вызвало очередное требование прокурора о привлечении её к ответственности за неуважение к суду и очередной приговор судьи.

Так шёл почти весь процесс. Судья и прокуроры, не имея законных оснований для судебного наказания руководящих деятелей компартии, пытались провокационными вопросами дискредитировать их. Это явно не удавалось. Тогда, срывая своё зло, судья приговаривал подсудимых за отказ отвечать, за неправильные, по его мнению, ответы, за неуместные, по его словам, политические заявления.

Но ничто не могло сломить духа подсудимых, так же как ничто — ни террор, ни преследования и травля — не может сломить волю коммунистической партии к борьбе за права американского народа, за мир, за сотрудничество между народами.

Нью-Йорк — Москва
1953—1954 гг.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ф. АБРАМОВ

★

ЛЮДИ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПРОЗЕ

(Литературные заметки)

Главная задача, которая стоит перед советским народом на современном этапе коммунистического строительства, была определена сентябрьским Пленумом ЦК КПСС. Она заключается в том, чтобы в течение двух-трёх лет, опираясь на могучий рост промышленности, добиться крутого подъёма всех отраслей сельского хозяйства, в достатке удовлетворить растущие потребности населения в продуктах и товарах широкого потребления, обеспечить сырьём лёгкую и пищевую промышленность.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС указал на недостатки в сельском хозяйстве, на отставание сельского хозяйства от роста нашей промышленности, от быстро растущих потребностей населения и принял развёрнутую программу ликвидации запущенности ряда важнейших отраслей сельского хозяйства. Для осуществления этой программы за истекшее полугодие проделана значительная работа. Проведён ряд мер для экономического поощрения колхозов и колхозников; значительно возросли кадры постоянных рабочих МТС, в деревню направлено более 100 тысяч агрономов и зоотехников, более 20 тысяч инженеров и техников, колхозы и совхозы получили много тракторов и первоклассных сельскохозяйственных машин.

Новым важнейшим вкладом в дело крутого подъёма сельского хозяйства является постановление последнего Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Пленум указал на особую важность дальнейшего развития зернового хозяйства. «От роста производ-

ства зерна,— сказано в решении Пленума,— прежде всего зависит дальнейшее всё более полное удовлетворение растущих потребностей населения в высококачественных продуктах питания».

Задача крутого подъёма сельского хозяйства — задача общегосударственная, всенародная. Мы являемся свидетелями и участниками большого прогрессивного движения. В каждой из отраслей труда советские люди на основе критики и самокритики анализируют накопленный опыт, вырабатывают такие формы деятельности, которые как можно лучше помогли бы достижению цели.

Не остаётся, конечно, в стороне от всенародного дела и наша художественная литература. Писатели — художники и критики — горячо обсуждают вопрос: как помочь народу успешно и быстро решить задачу, поставленную партией и правительством, в чём заключались недостатки их прежней работы, которые надо устранить, чтобы литература могла лучше помогать людям в их великом труде.

Деятели советской литературы неустанно борются за всё более глубокое изображение действительности, за активное вторжение литературы в жизнь. Глубина и верность отражения жизненной правды — это для нас главное мерило ценности литературного произведения. Художественность неотделима от реализма; сильно и верно воздействовать на жизнь может лишь правдивое искусство.

Наша литература по праву гордится произведениями, помогающими советским людям жить, работать и побеждать. Среди

этих произведений почётное место занимают книги, в которых изображены люди колхозной деревни. Кто не знает роли, какую сыграла и играет «Поднятая целина» М. Шолохова? Читатель помнит стихи М. Исаковского о людях колхозной деревни, написанные двадцать лет тому назад, не забыл «Брусков» Ф. Панфёрова, «Ненависти» И. Шухова, «Сыновей» В. Смирнова.

После Великой Отечественной войны, в 1946—1952 годах, появились «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землёй» С. Бабаевского, «От всего сердца» Е. Мальцева, «Жатва» Г. Николаевой, «Марья» Г. Медынского и многие другие произведения о нашей деревне. В этих книгах мы находим волевых, закалённых войною людей, пришедших так же героически, как они сражались. Так, в «Жатве» Галины Николаевой маленькая партийная организация, состоящая всего из трёх коммунистов, проводя политику партии, становится душой колхоза, вожакom колхозников в борьбе за новый подъём деревни. Послевоенная литература создала также немало запоминающихся образов советских колхозниц, вынесших на своих плечах безмерные тяготы войны и с новым энтузиазмом продолжающих трудиться в условиях мирного времени (Авдотья Бортникова у Г. Николаевой, Марья у Г. Медынского, Груня у Е. Мальцева). Писатели, воссоздавая облик современной деревни, не только показывали сегодняшний день колхозов, но и пытались раскрыть день завтрашний.

Многие из произведений о послевоенной деревне получили признание со стороны критики и приобрели свой круг читателей, ловящих каждое новое слово о современной жизни, с благодарностью принимающих всё сколько-нибудь ценное и ради этого готовых иногда простить автору ошибки. Однако это не должно скрывать от нас серьёзные недостатки послевоенной литературы о колхозной деревне. Они стали особенно очевидными в свете последних решений партии и правительства по вопросам сельского хозяйства. Мы считаем полезным остановиться на некоторых из этих недостатков. Это необходимо для того, чтобы советская литература успешнее двигалась вперёд.

Оговариваемся: читатель не найдёт в наших заметках полной характеристики послевоенной литературы о колхозной деревне.

В них нет всесторонней критической оценки даже тех произведений, о которых пойдёт речь. Но те отдельные вопросы, которые мы постараемся разобрать, представляются нам важными.

1

Романы и повести С. Бабаевского, Е. Мальцева, Г. Медынского, И. Рябокляча, Ю. Лаптева, С. Воронина, Г. Николаевой — произведения, принадлежащие столь различным писателям, — имеют много общего между собой.

Начнём хотя бы с того, что в них наблюдается очевидное сходство тем и первоначальных ситуаций: везде рассказывается о том, как после войны колхозники налаживают и преобразуют колхозное хозяйство, почти везде местом действия является самый отсталый колхоз района или даже области. С. Бабаевский сообщает в «Кавалере Золотой Звезды», что станица Усть-Невинская пострадала от фашистской оккупации больше всех станиц района. Ю. Лаптев, автор повести «Заря», на первых же страницах уведомляет нас о крайней отсталости изображаемого колхоза. Ещё более определённо говорится о том же в произведениях И. Рябокляча и Г. Николаевой. «Заря» — самый отсталый колхоз в районе», — пишет И. Рябокляч; «Самый плохой колхоз самого трудного сельсовета, в самом трудном районе области», — характеризует Г. Николаева колхоз имени Первого Мая. И в романе Г. Медынского «Марья» речь идёт о росте колхоза, захиревшего в первые месяцы войны. Наконец, роман С. Воронина «На своей земле» начинается с огромных трудностей, испытываемых переселенческим колхозом.

Борьба за то, чтобы поднять отсталые колхозы до уровня передовых, составляет характерную особенность в развитии нашей деревни. В послевоенные годы наше сельское хозяйство в короткий срок преодолело последствия войны и достигло более высокого уровня по сравнению с 1940 годом. Темы и сюжеты произведений, названных выше, были подсказаны самой жизнью и не вызывают никаких сомнений. Вызывает возражение другое...

После войны борьба за развитие колхозов происходила в особых условиях. «Война временно задержала развитие сельского хозяйства и нанесла ему большой ущерб, особенно в районах, подвергавшихся окку-

пации, где гитлеровскими захватчиками были разорены и разграблены колхозы, МТС и совхозы»¹. Для достижения победы потребовалось предельное напряжение всех сил наших людей. Из колхозов ушли на войну почти все мужчины. Оставшимся женщинам, подросткам и старикам пришлось выполнять ту работу, которая раньше выполнялась всем населением деревни. Вместо прежних квалифицированных трактористов, ушедших на фронт, пришлось сажать на трактор наскоро обученных на курсах подростков. Руководство колхозов зачастую переходило от опытных хозяйственников к людям, не имеющим организаторских навыков. Всё это и многое другое не могло не сказаться на качестве обработки земли, на урожайности.

В результате деревня после войны столкнулась с рядом трудностей. Сократилось поголовье скота, пришли в негодность многие сельскохозяйственные постройки; нуждался в пополнении тракторный парк МТС. Острый недостаток стал ощущаться в рабочей силе — ведь многие из ушедших на войну мужчин не вернулись домой... Вдобавок ко всему этому, в 1946 году по нашим полям прошла засуха. Стоимость трудодня пала, у некоторой части колхозников исчезла материальная заинтересованность в работе, участились случаи нерадивого отношения к колхозному труду.

Нечего и говорить, что в тех местах, где фашистские полчища превратили наши цветущие сёла и города в зону пустыни, трудности в восстановлении и развитии сельского хозяйства были ещё больше. Там колхозную жизнь приходилось возрождать на пепелищах.

Советский народ под руководством Коммунистической партии успешно восстановил и двинул вперёд разорённое войной сельское хозяйство. При этом он не закрывал глаза на недостатки и трудности. Если бы и писатели, изображая гигантский труд нашего народа, смотрели жизни прямо в глаза, это можно было бы им поставить лишь в заслугу. Изобразить движение нашей страны к коммунизму, показать реальные трудности и их преодоление, раскрыть

главные жизненные противоречия, возникшие на новом этапе, нарисовать живые образы, тружеников сельского хозяйства и, показывая правду, указывать путь вперёд, помогать советским людям в их борьбе — это главная задача писателей, взявшихся за разработку важнейших тем, выдвинутых действительностью. К сожалению, жизнь послевоенной колхозной деревни в ряде случаев изображалась в художественной литературе односторонне и в прикрашенном виде.

Так, в романе «От всего сердца» Е. Мальцева единственная трудность, испытываемая колхозом в годы войны, — это косность председателя колхоза, чинившего некоторые препятствия стахановской работе звеньевой Груни Васильцевой. За годы войны колхоз так шагнул вперёд, так отстроился, что вернувшиеся фронтовики с трудом узнают своё село. «Подхожу вчера вечером к родной деревне, — рассказывает Матвей Русанов, — и не узнаю: что твой город!» Такие же перемены отмечает и Родион. «— Откуда, тять, прожектор? До войны будто не было!..» — спрашивает он отца, когда они подъезжают к деревне. — «Мало ли чего до войны не было...» — отвечает отец.

Писатель не удовлетворился тем, что изобразил один колхоз, выросший за годы войны (такие колхозы встречались), — он рассказывает, что в районе, где происходит действие романа, хозяйственно поднялись все колхозы: вскоре после войны там проводился съезд передовиков сельского хозяйства, и с трибуны этого съезда мы не слышим ни слова о каких-либо недостатках и трудностях.

Быстрое развитие колхоза во время войны нарисовано и в романе Г. Медынского «Марья». Правда, в первый военный год не хватает рабочей силы и лошадей, приходится пахать на коровах: в первую осень уходит под снег не убранный с полей хлеб. Но в дальнейшем всё это никак не отражается на делах колхоза: «Три тысячи пудов сдала она (Марья. — Ф. А.) сверх плана в фонд Красной Армии и всё-таки на трудодень выдала колхозникам по два килограмма с довеском. И коров в колхозе стало больше, и свиней больше, чем до войны». Что же касается послевоенных лет, то к этому времени колхоз у Г. Медынского, как и у Е. Мальцева, не знает уже никаких трудностей и недостатков.

¹ Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 47.

Иногда писатели упоминают о существовании серьёзных недостатков в колхозах времён войны и послевоенных лет. Но только упоминают; они не пытаются реалистически изобразить ни преодоление этих недостатков, ни влияние их на судьбы людей. Так, например, С. Бабаевский устами Хохлакова замечает, что военные раны ещё не залечены «и нам ещё далеко до предвоенного уровня», что в станице «бесхозяйственность и беспорядок»; и старик Тутаринов говорит, что в колхозе имени Ворошилова хозяйство доведено «до упаду», «бурьян выбился в колено, посевы заросли. Беда, загадили землю!» Но все эти беды как будто не имеют значения. В начале романа, на пиру по случаю приезда с фронта Сергея Тутаринова, мы видим перегружённые явными яствами столы; те же ломящиеся под тяжестью блюд столы — свидетельство зажиточности, богатства колхоза — мы видим и в конце романа. Перед такими картинками изобилия и довольства теряют всякое значение лишь упоминаемые писателем (или героями произведения) беды и трудности.

Были, конечно, в литературе и такие произведения, в которых послевоенные трудности показаны вполне отчётливо. Особенно выделяется в этом отношении «Заря» Ю. Лаптева, где правдиво рассказано о тяжёлых испытаниях, перенесённых после засушливого лета 1946 года тамбовской деревней. И в романе Г. Николаевой «Жатва» показано, что хозяйство колхоза за годы войны пришло в упадок, а у части колхозников ожили собственнические тенденции.

Таким образом, нельзя сказать, чтобы жизненная картина в произведениях различных наших писателей получилась одинаковой. Нет, послевоенные трудности и недостатки в работе колхозов в каждом из романов изображены по-разному. В одних они забыты совсем (или сведены к мелочам); в других помещены где-то в стороне, не мешая ровному течению жизни; в третьих положение изображено с достаточной серьёзностью. В этом смысле между отдельными писателями и произведениями есть несомненное различие. Сходство, доходящее до однообразия, заключается в другом: может показаться, будто авторы соревнуются между собой — кто легче и бездоказательнее изобразит переход колхоза от неполного благополучия к полному процветанию.

В «Жатве» Г. Николаевой сам Василий Бортинков «не мог не удивляться чуду преобразования»; «и полгода не прошло, — думает он, — как я принял колхоз, а сколько дел понаделано за это время! Куда ни взгляни, во всём подъём и достижения!»

С завидной лёгкостью поднимает хозяйство станицы С. Бабаевский. Неожиданно для читателя, без достаточных оснований он сообщает, что самая пострадавшая от войны кубанская станица, да к тому же ещё имевшая самый отсталый колхоз, выходит на первое место в районе по выполнению хлебопоставок и получает переходящее Красное знамя... Конечно, Кубань — край богатый, но ведь и там сказывались наши общие послевоенные трудности! А послушать писателя, так в быту кубанской станицы был в то время лишь один изъян: детскую соску Савва просит Сергея привезти из Москвы, в местных магазинах её купить нельзя.

Стремительно и малоубедительно выводит колхоз из отсталых в передовые С. Ворони в романе «На своей земле». В финале этого романа сентиментальное умиление сливается с репортёрской холодностью, и уже самый этот стиль вызывает естественное желание не дочитывать ту сцену, в которой колхозников, высыпающих всем селом в поле, чтобы посмотреть на работу первого на Карельском перешейке комбайна, одаривают цветами пионеры.

Не жалеет розовой краски и Г. Николаева, хотя она рисует жизнь колхоза после ряда неблагоприятных лет, через несколько месяцев после неурожайного 1946 года. В откровенно «пейзанском» стиле написан конец романа, где его герои, собравшись на Алёшином холме, созерцают картинный «парад» животных колхоза имени Первого Мая. Редко бывает в деревне, чтобы овец, жеребят, быков и коров пастухи гоняли вместе, как изображено это в «шестви» скота у Галины Николаевой. Но для полноты и законченности этой пасторали писательница выводит ещё на сцену пастушка Володю, который, молодецково закинув голову, «наигрывал на зеленоватом отшлифованном рожке». В духе пастушеской идиллии Г. Николаева обряжает и созерцающих шествие девушек-колхозниц: «Волосы у них были перевиты рябиновыми гроздьями, на шеях алены монаста из шиповника». Салтыков-Щедрин определял такие сцены одним словом: балет!

Пусть не поймут нас ложно. Мы упрекаем наших писателей не за то, что они показывали восстановление колхозов после войны и достижения колхозов, а за то, что они игнорировали при этом трудности развития и недостатки колхозного производства и быта, не затрудняли себя убедительным изображением перехода колхозов к нарисованному ими процветанию.

Колхозную жизнь, даже в будни, некоторые писатели любят освещать праздничными фейерверками. Они преувеличивают податливость жизненного материала, из которого будто бы можно вылепить какую захочется изящную группу, — надо лишь устранить из него то, что может нарушить стройность идеальных образов.

Конкретные условия развития сельского хозяйства в первые послевоенные годы были значительно сложнее той упрощённой картины, которая нарисована некоторыми нашими писателями. К этим писателям вполне применима сталинская характеристика: они воображают, «что Советская власть «всё может», что ей «всё нипочём», что она может уничтожить законы науки, сформировать новые законы»¹. И. В. Сталин говорил это о молодых партийных кадрах. Но такого же рода настроения мы встречаем и в литературе.

Такая тенденция проявилась, например, в романе Г. Николаевой «Жатва». Василий Бортник пришел к руководству колхозом в то время, когда в нём царил беспорядок и запустение. По подсчётам председателя, кормов должно было хватить только до февраля. Правда, в дальнейшем автор сообщает, что колхозу удалось часть сена купить, а часть получить в виде помощи от государства, но, как бы там ни было, положение не стало лёгким, и едва ли при острой нужде в кормах можно было думать о том, чтобы ставить рекорды по надоем молока. Но для колхоза имени Первого Мая у Г. Николаевой эта задача оказалась легче лёгкой: «Теперь на фермах строго рассчитывали рационы, выявляли возможности животных, выделяли племенные и раздойные группы, проводили бонитировку стад, занимались подбором производителей, переоборудовали и электрифицировали кормовую кухню». Именно в это время доярка Ксюша сумела добиться не-

бывалых в истории колхоза удоев и «бойко рассказывала и соседним колхозникам и гостям из района о своей работе с Думкой», о «кормовых единицах», о «перевариваемом белке», о «поддерживающем» и «продуктивном» корме. Здесь автор игнорирует реальную жизнь, изображённую им же самим. Ни один читатель, даже не живший в деревне, не поверит, чтобы посредством подсчёта рационов и переоборудования кухни можно было превратить бескормицу в изобилие кормов.

Возможно, кое-кто из читателей нашей статьи скажет, что мы подходим к романам и повестям с ограниченной точки зрения: не как к художественным произведениям, а как к отчётам или докладам производственного характера. Мы не согласимся с этим обвинением, ибо убеждены, что при поверхностном взгляде на материальные основы жизни, на производственные процессы нельзя глубоко и верно изобразить людей колхозной деревни, понять те конкретные идейные и моральные проблемы, которые приходится решать людям, занятым колхозной работой. Другими словами, нельзя написать произведение подлинно художественное.

Мы полагаем, что ведём речь о тех типических обстоятельствах, без правдивого изображения которых не могут быть созданы и подлинно типические характеры.

При этом, знакомясь с литературой, о которой идёт речь в настоящей статье, убеждаешься, что некоторых авторов куда больше интересуют мелкие подробности производства и живописные детали, образующие «конкретный трудовой фон», чем люди, о которых пишется роман, чем жизненные заботы председателей, бригадиров, доярок, птичников, хлеборобов, пчеловодов — людей, строящих своими руками коллективное хозяйство. Духовная жизнь героев в таких произведениях имеет отпечаток явной условности; только техническая производственная сторона изображаемого кажется на первый взгляд подлинной. Присматриваясь поближе, видишь, впрочем, что отказ писателя от глубокого изображения внутреннего мира людей ради более полного освещения их производственной деятельности оказался напрасной жертвой. Писатели, избравшие такой путь, не приобретают этой ценой также возможности проникнуть в сущность хозяйственных проблем, сделать в этой области самостоятельные наблюдения и извлечь из

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 10.

них самостоятельные выводы. Ведь и для того, чтобы верно изобразить труд, надо тоже научиться трезво оценивать жизнь, взглянув на неё глазами самих тружеников.

Справедливость сказанного можно подтвердить положительными примерами, взятыми из литературы тех же лет. Приведём один из них — роман А. Кожевникова «Живая вода». Этот роман выделяется живостью персонажей, очевидным интересом и уважением автора к людям, о которых он пишет, стремлением понять их и изобразить такими, как они есть, показать, какими они хотят быть и могут быть. Интересно, что именно «Живой воде» выпала удача содействовать пропаганде важного агротехнического новшества. Об этом новшестве знали, но его не оценили специалисты, которые намного лучше, чем автор романа, изучили технику водного хозяйства, но, повидимому, меньше, чем он, сумели прислушаться к голосу рядовых наших людей.

Быть может, в художественной литературе на темы из колхозной жизни резче всего проявилась ложная дилемма, возникшая в связи с вопросом о так называемом «производственном романе»: следует ли сосредоточить главное внимание на той материальной среде, в которой живут люди, на тех производственных задачах, которые они решают, или же в первую очередь надо обращаться к внутреннему миру людей, к их мыслям и чувствам. Неудовлетворительность «производственной» литературы и её теоретического оправдания теперь уже всем ясна. Полагаем, что не может приобрести сколько-нибудь значительного числа сторонников и противоположная, «антипроизводственная» тенденция, которая обозначилась у некоторых критиков «производственного романа». Вспомним, в чём видел Салтыков-Щедрин основу подлинного реалистического искусства. «Мы включаем, — писал он, — в эту область все го человека, со всем разнообразием его определений и действительности».

Иногда писатели и критики объясняют готовность отвлечься от реальной действительности с её жёсткими требованиями и трудными задачами своим намерением дать «широкое обобщение», «заглянуть в будущее». Но эти слова, указывающие на большие задачи искусства, в данном случае лишены истинного содержания.

Спору нет, познание развивающейся действительности включает в себя выявление

её ведущих тенденций — тех элементов, которые В. И. Ленин называл «ростками будущего». Но их не увидит писатель, который пытается проникнуть в будущее, надеясь больше всего на силу умозрительных схем. Произведения, основанные на предвзятости, лишённые конкретного жизненного содержания, будут бледной тенью жизни, но не активной силой, воздействующей на неё.

Насколько «смело» подчас отвлекаются писатели от реальной действительности, показывают некоторые сцены и картины романов С. Бабаевского.

В «Кавалере Золотой Звезды» Сергей Тутаринов после первого ознакомления со станицей убеждается, что колхозы Усть-Невинской «нуждаются в каких-то организационных мерах». Наблюдение правильное. В колхозе имени Ворошилова — вопиющие бесхозяйственность и беспорядок. Председатель Артамашев разбазаривает колхозное добро; поля запущены, заросли бурьяном, урожайность крайне низка; дисциплина колхозников ослабла. Казалось бы, в этих условиях герой прежде всего возьмётся за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, поднимет людей на борьбу за урожай. Но Тутаринов начинает с другого: он выдвигает идею пятилетнего плана, в котором первое место отводится строительству электростанции.

— Правильно сделал Тутаринов, — говорили об этом некоторые критики. — Электростанция — главное звено в цепи других задач, главное условие подъёма урожайности...

Не будем спорить. Однако сам-то герой думает отнюдь не так! Соорудив станцию, Сергей Тутаринов успокаивается, почивает на лаврах и лишь позднее решает внедрить электричество в колхозное производство. Значит, приступая к электрификации станицы, Тутаринов не придавал этому значения важного средства для повышения урожайности.

Как это ни странно, в романе не затронут далеко не маловажный вопрос — откуда колхоз возьмёт средства для постройки мощной электростанции, достаточной для обслуживания нескольких станиц. Ведь главный источник доходов этого колхоза — урожай, а мы знаем из романа, что он весьма низок; даже после уборки нового урожая Сергей Тутаринов признаётся: «С урожаем у нас, дедушка, плохо».

Заметим, кстати, что нечто подобное мы встречаем и в «Заре» Ю. Лаптева: в самое трудное для деревни время, когда людям хлеба не хватало, колхоз начинает закупать оборудование для будущей электростанции. Неужели нельзя было найти более практичное применение коллективных средств в этих условиях?

Допустим, что герой романа «Кавалер Золотой Звезды» как-то, неизвестным способом, сумел изыскать необходимые средства. Допустим даже, что вообще эта сторона дела в романе несущественна. Всё равно — то, что происходит дальше, не может быть объяснено ни одним разумным доводом: первый этап строительства электростанции — сплав леса — начинается в самый разгар уборки хлебов!

Страда — это время самого большого напряжения сил, когда каждый человек в деревне на счету. Созревшее зерно не ждёт: оно может осыпаться или попасть под затяжные дожди. Во время жатвы в сельских районах привлекают к уборке всех поголовно, даже стариков и детей. Бывает и так, что на время закрывают районные учреждения: в дни уборки всякая помощь колхозам неocenима. «Страдный день год кормит».

А вот у С. Бабаевского несколько бригад, сформированных из самой работоспособной части населения станицы, из молодёжи, в самый разгар хлебоуборки уходят сплавливать лес — и не на день, не на два, а на месяц с лишком.

Может быть, колхозы Усть-Невинской справились с уборкой досрочно, до сплава? Нет, в описании того, как готовилась станица к сплаву, чёрным по белому написано, что в Усть-Невинской в одном лишь передовом колхозе имени Будённого начали косить пшеницу. «На Кубани началась массовая уборка зерновых», — слышат сплавщики известие по радио.

Но и сплавом дело не ограничивается. Пока молодёжные бригады сплавливают лес, на реке Кубани под Усть-Невинской была возведена запань. Кубань, как известно, река бурная, и для возведения на ней запани потребовалось, конечно, тоже немало людей. Откуда же взялся такой избыток рабочих рук? Ведь в колхозах после войны нужда в людях ощущалась особенно остро, а временами была прямо-таки безысходной! И сам автор вынужден это признать: «Везде нужны были люди, а их не хватало». И всё же, вопреки здравому

смыслу, автор отрывает от уборки урожая всех наиболее работоспособных людей в самые трудные дни.

Уместно вспомнить, что особенности страдной поры в колхозе гораздо больше приняла в расчёт Г. Николаева: её герой, Василий Бортников, заготавливает строительные материалы зимой. «Сейчас не поднажмём, — говорит он, — а дальше ещё трудней будет. А там, глядишь, распустье, а там, глядишь, посевная. Сейчас надо возить». Справедливость такого мнения очевидна.

Безрассудных затей Сергея Тутаринова не пресекают ни районные, ни краевые власти. И это, разумеется, отнюдь не располагает читателя в их пользу. Председатель колхоза имени Будённого Рагулин показан человеком хозяйственным, практичным; неужели такой человек не выступил бы с самым решительным протестом против бесхозяйственности Тутаринова? Психологически не оправдано и ликование сплавщиков. Строки об их безмерной радости звучат фальшиво: «По весёлым, радостно возбуждённым лицам Сергей видел, что у всех сплавщиков настроение превосходное». Чему, казалось бы, радоваться, когда дома в самом разгаре уборка, а они, лучшие работники станицы, на сплаве!

Единственный человек, возражающий против этих затей Сергея Тутаринова, — Фёдор Хохлаков. Не однажды он напоминает, что главное внимание колхозов должно быть сосредоточено на борьбе за повышение урожайности. «Урожай — вот твой главный козырь!» — говорит Хохлаков Сергею. Забегая вперёд, скажем, что и в романе «Свет над землёй» Хохлаков будет высказывать неглупые мысли: «Уборка на носу, момент политический, страна ждёт хлеба, а руководство района задумало природу переделывать да станицы обновлять». Прав Хохлаков, резко критикуя Савву Остроухова, погружённого в мечты о будущем и забывающего о самых насущных задачах дня:

«— Савва, ты к небу не взлетай, не взлетай, а держись за землю, как Антей. Понятно? А то день в день планируешь, выдумываешь, а уборку спланировать не можешь. Сколько у тебя запланировано тягла в разрезе трёх колхозов?

— Я говорю о будущем станицы, а вы меня тычете носом в тягло, — раздражённо возражает Савва. — Я не знаю, как жил

Антей, а я не могу жить одним днём, понимаєте, не могу!

— Эх, Савва, Савва,— горестно заговорил Фёдор Лукич,— славный ты казак, но когда же ты постареешь и ума наберёшься? Нам не теория твоя нужна, а подготовка к уборке и хлебосдаче. Понятно? А ты мне толкуешь о будущем».

Любому, кто знает, что борьба за урожай — главная задача колхозной деревни, трудно не встать в этом споре на сторону Хохлакова. Ведь и то будущее, о котором мечтает Савва, зависит от выполнения сегодняшних задач. И вот Хохлаков — человек, пытающийся вернуть к действительности не в меру замечтавшихся героев, выведен в романе С. Бабаевского консерватором, объявлен главным тормозом на пути стремительного развития района, заклеимён чуть ли не как враг народа. Справедливо ли это?

Возможно, что Хохлакову, человеку молодому и малообразованному, недостаёт перспективы в работе. Но он сильный практик и, в отличие от героев, иногда довольно пустых романтиков, которых одобряет автор, твёрдо знает, что главное дело — производство, борьба за хлеб.

В романах С. Бабаевского о главном деле колхозников и их руководителей говорится лишь мимоходом, главным образом в репликах героев и коротких авторских замечаниях. Так, о начале косовицы мы узнаём из сообщения Саввы Остроухова Тутаринову, а об окончании мельком упоминает сам автор, описывая поездку Тутаринова по степи: «Косовица повсюду была закончена, и степь густо рябила копнами»; о том, что станица выполнила хлебопоставки, читатель узнаёт из рассказа Семёна и т. д.

Всё, что требует везде, во всех деревнях и сёлах большой заботы, упорного труда, в станице С. Бабаевского совершается само собой.

По инициативе Сергея Тутаринова, ставшего к этому времени председателем райисполкома, предпринимается грандиозное строительство в районе. На активе обсуждается план. В каждой станице предполагено построить водопровод, канализацию и многое, многое другое, в том числе «небольшие филиалы Академии сельскохозяйственных наук» для учёных-практиков (Дом зооветеринарии, Дом агротехники и

семеноводства, Дом мичуринцев, Дом электриков и механизаторов).

План, что и говорить, хорош; но в нём нет даже и упоминания о материальной стороне дела.

На этот раз на районном активе — не в пример собранию устьевинцев, где обсуждался пятилетний план строительства в станице, — раздаются трезвые голоса: «Заманчиво, а где же всё-таки взять такой капитал?» Но и здесь собрание встречает насмешкой этот разумный деловой вопрос:

«— Кто о чём, а Гордей Афанасьевич о капитале!

— Поезжай в Комбанк да проверь свои счета...»

Наконец Тутаринов говорит:

«— Сейчас я и перехожу к самому главному — финансовому обеспечению строительных работ...»

Но именно на этом глава оборвана, и дальше к вопросу о реальной основе плана автор не возвращается. Читатель снова вынужден ломать голову над вопросом, откуда же всё-таки Тутаринов возьмёт деньги.

Мы помним ведь — в конце романа «Кавалер Золотой Звезды» Тутаринов говорил: урожай плохой. Но в начале нового романа, продолжающего первый, мы читаем самоуверенные реплики:

«— А о капитале, Гордей Афанасьевич, плакать нечего: не он нас нажил, а мы его! Вот и вся моя речь!..

Зашумели аплодисменты...»

Нашёлся только один человек, который пытается привлечь внимание колхозников к главной задаче. «— Тут все выступавшие, — заявил председатель колхоза «Дружба земледельца» Головачёв, — призывали быстрее иттить в коммунизм... а мы хлеборобское занятие забываем, а рвёмся к строительству...»

Но, не говоря уж о других, даже секретарь райкома иронически замечает, в точности повторяя слова легкомысленных участников собрания:

«— Ну, кто о чём, а Головачёв о хлеборобстве...»

Что же думают об этом сами хлеборобы? Они прерывают дельного оратора не менее недружелюбно, насмеваются над ним:

«— Запела «Дружба»!

— Ты по существу!

— Довольно прений!»

Так и не ответили Головачёву и даже выслушать его не захотели.

В дальнейшем Головачёв будет заклеимён как единомышленник и пособник Хохлакова. Такой провинности, как трезвый, деловой расчёт в ведении хозяйства, С. Бабаевский не прощает.

Любопытно отметить одно поразительное совпадение. Как и строительство электростанции в станице, второй план Тутаринова обсуждается опять-таки в самое горячее время. И правильно говорит Головачёв:

« — Да я не против стройки!.. Строить надо, а только уборка на носу, об ней тоже надо подумать... Почему нет совещаний по хлебоуборке? Ведь мы в первую голову не строители, а хлеборобы...»

Автор замечает: «Ему не дали договорить...»

Можно ли поверить, чтобы хоть где-нибудь, хоть в одной какой-нибудь станице могло случиться то, что мы узнаём от С. Бабаевского? Нет, поверить этому нельзя. Колхозники умеют по-деловому относиться к своей работе.

Почему-то у Бабаевского особенно не везёт уборке урожая. Нельзя, например, не удивиться такому факту. Колхозники и колхозницы выехали в степь, и вот там начинается усиленное изучение марксистско-ленинской теории. С трепетом ожидают колхозники секретаря райкома, приезжающего специально затем, чтобы проверить их знания. Как известно, ни «авральный метод» в партийном просвещении, ни экзамены как способ проверки знаний у нас не рекомендуются. Занятия обычно ведутся равномерно в течение десяти месяцев в году и прерываются именно на лето. Но это слишком обыденно для колхозников, созданных С. Бабаевским. И вот они, лишь выехав в поле, хватаются за книгу. На это время все хлеборобские заботы и печали отодвигаются на второй план.

Автор последователен. Он противопоставляет обычным практическим делам прекраснодушные вымыслы, как бы стираясь при этом доказать превосходство условно романтической выдумки над действительностью.

Быть может, нам возразят, что ведь социалистическому реализму не чужда романтика. Но нельзя же субъективизм, хуже того — откровенный авторский про-

избол, выдавать за романтику, свойственную социалистическому реализму! Романтика социалистического реализма, выражая пафос нашего строительства, помогает ещё глубже раскрыть действительность. Эта романтика не исключает, а предполагает отображение и реальных жизненных фактов и закономерностей, которым они подчиняются.

Основа «пасторального романтизма» — сглаженное, благодушное представление о развитии колхозной деревни, о нашем движении к коммунизму, который-де легко, без осуществления предварительных условий, чуть ли не сам собой войдёт в жизнь.

Увы, иногда в книгах наших писателей мы не находим иного понимания дела. Выражаясь словами старика Тутаринова, герои таких книг «собрались в коммунизм, как до тётки в гости».

Такой подход к действительности способен погубить любое произведение. Даже те ростки будущего, которые подмечены писателем в жизни, засыхают, лишённые необходимой для их развития почвы.

2

«Большой ребёнок нелегко и рождается» — гласит русская пословица. Эта пословица применима к любому большому делу — хотя бы к той литературе, о которой идёт речь в наших заметках. Пословица эта ещё вернее приложима к объекту изображения, выбранному литературой: к формированию и развитию коммунистического отношения к общественному производству, к общественному труду. Существование личного хозяйства, кооперативный, а не общегосударственный характер колхозной собственности, условия оплаты за труд колхозника — все эти особенности деревенской жизни не могут не отражаться в той или иной мере и форме в сознании людей, в их психологии.

Конечно, именно колхозный строй является той основой, на которой происходит развитие социалистического отношения к труду. На базе колхозного строя у советского крестьянства выросло небывалое в истории деревни сознание общегосударственных, общенародных интересов. Многие из колхозников по степени своей социалистической сознательности стоят несколько не ниже передовых промышленных рабочих. Но если говорить о классе в целом, то надо признать, что рост социалистического миро-

воззрения, преодоление пережитков капитализма в сознании людей — это процесс в деревне более трудный и медленный, чем в городе.

Между тем взгляните на наши романы последних лет из жизни рабочего класса, и вы убедитесь, что пережитки прошлого изображены в них гораздо ярче и нагляднее, чем в произведениях о людях колхозной деревни. А казалось бы, произведения о колхозной деревне должны были правдиво показать, что наряду с основной массой честных и сознательных колхозников есть ещё немало колхозников, заражённых частнособственническими пережитками, плохо работающих в колхозе, живущих различными побочными доходами, явно предпочитающих личное подсобное хозяйство общественному. Однако эти обстоятельства почти не принимались во внимание авторами книг о колхозной деревне. Например, когда писателям приходилось касаться вопроса о приусадебных участках, занимающих, как известно, значительное место в быту колхозников, они терялись и не знали, что сказать. Чаще всего они заставляли колхозников на все лады поносить личное хозяйство.

В этой связи обращает на себя внимание ещё одна характерная особенность романов и повестей, которые мы рассматриваем: ни в одном из них, за исключением «Жатвы», нет машинно-тракторной станции. Это, конечно, тоже существенное доказательство того, как поверхностен подход писателей к изображению материальной, производственной жизни колхозного крестьянства. Но есть от этого упущения ещё одно вредное последствие для литературы, ещё более существенное. Роль МТС не исчерпывается их чисто производственными, техническими и экономическими функциями. Их социально-политическое значение заключается также в том, что они являются одной из важнейших форм связи города с деревней, союза рабочего класса с крестьянством, руководства со стороны рабочего класса строительством коммунизма в деревне. МТС приходят на помощь колхозам, повышая технический уровень, культуру их труда, содействуя воспитанию колхозников в духе коммунизма. Работники МТС оказывают также немалое влияние своим участием в общественной работе и наглядным примером социалистического отношения к труду.

Авторы рассматриваемых произведений не воспользовались этим богатым и интересным материалом, потому что для них вопрос об идейном развитии колхозника, о преодолении пережитков капитализма в сознании, вопрос о социалистическом воспитании почти что не существует.

Наиболее пагубно такой подход к делу сказался на изображении положительных героев. Некоторые положительные герои послевоенных книг о колхозной деревне утратили живые черты и чёточки и превратились в фигуры, которым социалистическая сознательность и отличные деловые качества даны как бы самой природой.

Сергей Тутаринов ещё до войны, девятнадцати-двадцати лет отроду, уже был депутатом районного Совета (об этом мы узнаём из реплики Хохлакова). Спрашивается: за какие же заслуги он удостоился такой чести? По словам самого Сергея, до войны он учился в институте, а затем в танковом училище. Как он сам не усомнился в целесообразности этого избрания?

Самомнение растёт у Тутаринова год от году. К моменту своей встречи с Ириной он уже не считает возможным ставить себя в ряд с людьми обыкновенными. Он не может говорить просто и естественно, не манерничая. Он подчёркивает своё превосходство даже в объяснении с Ириной. Его сверстники говорят своим любимым: люблю. Не таков Сергей Тутаринов! Вместо признания у него приготовлен высокомерно-снихождительный вопрос: «Ты поверила бы, если бы я сказал, что люблю тебя?..» Нечего сказать, несчастлив!

Окружающие Тутаринова люди не смеются над прогрессирующим самодовольством Сергея, не осуждают его. Вокруг Тутаринова — атмосфера всеобщего восхваления и возвеличения, и он чувствует себя в ней легко и свободно.

Тутаринов — кандидат в депутаты Верховного Совета СССР — возвращается в станицу. Ещё за оклицей его встречают ликующие люди, конный разъезд с пламенеющим на ветру знаменем. Всадники в новеньких черкесках с наборами серебряных газырей, в новеньких кубанках из чёрной смушки и саженого размаха в плечах бурках, с красными, как пламя, башлыками за спиной. Они подводят Сергею ещё более картинно убранного коня «под высоким казачьим седлом и красочно расшитой попоной». И вот Сергей, сопровождаемый

конным эскортом, въезжает в Усть-Невинскую. «Навстречу им неслись приветливые возгласы. Толпа, собравшаяся за станцией, повалила следом за кошиками. Из домов с той и другой стороны улицы выбегали женщины, девушки, подростки, дети и тоже направлялись за всадниками, с любопытством поглядывая на Сергея. Кони шли шагом, а из переулков выходили люди, и когда Сергей подъезжал к площади, откуда уже доносились звуки оркестра, — вся улица была заполнена жителями станицы».

И вот старик Тутаринов преподносит сыну «хлеб с солью вместе с рушниками, свисавшими чуть ли не до земли» (хорошо ещё, что дело обходится без земных поклонов). Затем начинается торжественная процедура, устроенная для прославления героя: «Ораторы выступали один за другим, голоса их звучали необыкновенно торжественно, и каждый, кто всходил на трибуну, восхвалял Сергея».

Любопытно представить себе в этот торжественный момент его лицо, а ещё интереснее — душу. Неужели он пребывал в невозмутимом спокойствии? Почему он не прекратил всей этой противоестественной церемонии?

Хочется думать, что если в жизни нечто подобное и происходит, то очень редко и притом с людьми, не имеющими подлинной ценности и больше всего озабоченными созданием себе популярности. Вообще же торжественные встречи у нас происходят проще и скромнее, чем рисует С. Бабаевский. Советские люди не любят крикливости и показного выражения любви.

Но что поделаешь, если писатель считает самым важным для главного героя не внутреннюю содержательность, а лишь без всяких усилий, неведомым путём приобретенное превосходство над окружающими. На всём протяжении романа лишь однажды секретарь райкома Кондратьев критикует Сергея — за благодушие. Да и то разве это настоящая критика! Она скорее похожа на приятельское собеседование, чем на принципиальный разговор двух руководителей района. Не случайно разговор ведётся в семейной обстановке, за чашкой чая. Вполне понятно, что такого рода чайда-сахарные увещевания не имеют ничего общего с той весомой и действенной критикой, какой нас учит партия.

Пожалуй, ни один персонаж послевоенной литературы не может похвастать такой

сказочной лёгкостью и внешней красотой своей жизни, как Сергей Тутаринов. Правда, Тутаринов — Герой Советского Союза, а героев наш народ ценит. Но всё же это не значит, что жизнь героя — сплошное триумфальное шествие по усеянному розами пути. С. Бабаевский устами Семёна внушает Сергею именно такую мысль: «Жизнь точно сама выходит тебе навстречу, и в какую бы ты сторону ни пошёл — всюду гостеприимно раскрыты двери...»

Романы С. Бабаевского строятся как бы в развитие этой слишком оптимистической формулы. Едва сошёл Сергей с поезда на кубанскую землю, как ему попадает на глаза красавица Ирина. Впрочем, и все герои Бабаевского — писанные красавицы и красавцы. Чертами отменной красоты наделены не только главные персонажи, но и самые третьестепенные, даже эпизодические фигуры. Приведём хотя бы некоторые примеры.

«На бричке, лицом к нему, сидел худощавый паренёк с красивыми, блестяще-какими глазами...» «Коренастый мужчина... с красивыми русыми молодыми усами на свежем весёлом лице...» «Ворота открыла молодая красивая женщина в одном платье и без платка...» «Глаша Немашная, статная и ещё молодая... стройная и красивая...» Голубева — «Царица полей»: «Это была женщина статная, не старше сорока лет, с той природной деревенской красотой...» «Прокофий был мужчина статный, со светлыми усами, красиво лежавшими на полной губе...» Жена Головачёва — «красивая женщина лет тридцати...»

Надо заметить, что не только у С. Бабаевского, но и у других авторов, пишущих о колхозной деревне, в числе литературных средств такой приём портретного письма занимает далеко не последнее место.

Известно, как украшают мужское лицо густые кудри. И вот Г. Николаева награждает кудрями чуть не каждого из своих героев. Кто только не кудряв в «Жатве!» Тут и Василий Бортников, и Алексей, и диспетчер Ребров, и «мелкокудрявая» Ефросинья, и Пётр, который со времени своего «окаянства» из парня с «льняными кудрями» сумел превратиться (к моменту перековки) в парня «русокудрого». Под конец романа Г. Николаева не пощадила и секретаря райкома Андрея Стрельцова:

не желая, чтобы он отставал от окружающих людей, писательница довела и его до того, что он «вынул маленькую зелёную расчёску и принялся старательно расчёсывать кудри».

В романе Е. Мальцева кудри также являются принадлежностью большинства колхозников всех возрастов и их детей — от младенцев до подростков. Меньшинство, лишённое хорошо выраженных кудрей, снабжено «светлыми кудерьками» или хотя «нежными завитками». «Было что-то умиленное и трогательное в тёмном кудерке надо лбом», — пишет Е. Мальцев о Родионе. Читатель вряд ли растрогается, но, должно быть, охотно согласится с автором в части умиленности этого кудрявого однообразия.

Внешности героев соответствует и их одежда. Нередко писатели, отправляя своих героев на сельскую работу, просто не знают, во что их одеть. К примеру, Г. Николаева отправляет агронома Валентину бродить и ползать по заснеженным полям в беличьей шубке. Трудно писателю в большей степени скомпрометировать свою героиню в глазах колхозников. Впрочем, всем известно, что ни одна женщина, выросшая в деревне (а Валентина выросла в деревне!), не выйдет на работу в таком виде. И сама Валентина должна понимать, что беличья шубка в данном случае не только ненужная роскошь, но и непрактичная, неудобная одежда для ползанья по снегу. Для этой же героини не нашлось естественной в деревенских условиях одежды и в дальнейшем: Валентина с ног до головы затянута в хром.

Вернёмся к романам С. Бабаевского. В лицах тех персонажей, которых нельзя почему-либо назвать красавцами и красавицами, обязательно находится приятная черта, «доверительно-ласковая улыбка», «ласковые глаза» и тому подобные стандартные детали красоты и добродушия. Лишь изредка среди этой ходячей улыбки промелькнёт случайное неприятное лицо.

Вообще же автор всё время заботится о том, чтобы ни один человек не омрачал счастливого настроения героя каким-нибудь физическим или нравственным несовершенством. Все, кого встречает Сергей на своём пути, красивы и добры, все смотрят на него ласково и восторженно. Если красавица Ирина Любашева едет на быках, то у неё

не какие-нибудь рядовые быки, повседневная проза жизни, а непременно «быки-красавцы». И если уж поехал на тачанке сам Сергей Тутаринов, то ни скрипа слышать, ни тряски чувствовать ему не положено: гремела тачанка «как-то по-особенному», катилась «с таким приятным звоном, что слушать её было одно удовольствие». А кучер у Сергея Тутаринова разве может оказаться заурядным? — «Талант! Редкий мастер!»

Таков стиль жизни у Сергея Тутаринова; вернее, таков стиль письма у С. Бабаевского.

Доброе ли это дело — прикрашивать природу? Однако и природа в романах С. Бабаевского выступает в прикрашенном виде. Она не становится от этого красивее — разве что литературнее.

К примеру, луна. Многие события романа совершаются при лунном сиянии. Луна содействует объяснению Сергея с Ириной, свиданию Сергея с Соней. С той же добросовестностью выполняет луна свои несложные обязанности и в романе «Свет над землёй». В картине объяснения Татьяны Неветовой с её первым мужем свидетелем тоже была луна. Когда та же Татьяна целуется с Григорием, со вторым человеком, который, возможно, станет её мужем, «полная, краснощёкая луна, поднявшись над горами, смотрела им в лицо и смеялась...» Анфиса во время своего свиданья с Семёном Гончаренко «девичьим чутьём... угадывала, что именно теперь, в этот лунный вечер, Семён назовёт её своей невестой».

Всё это мало оригинально с художественной стороны. Вернее сказать, это можно было бы считать даже «оригинальностью» — трудно найти писателя, который решился бы в наши дни так злоупотреблять лунным светом. Этот слащавый «романтизм» накладывает известный отпечаток на обе книги.

В романе «Кавалер Золотой Звезды» есть одно знаменательное место. Сергей Тутаринов видит сон, будто бы он едет в Москву и столица встречает его как почётного гостя. На одной из улиц Москвы подъезжает к нему машина, из неё выходит «пожилой генерал».

« — Гвардии младший лейтенант, — говорит генерал, — ты впервые приехал в Москву. Скажи, чего ты желаешь? Каждое

твоеё желание будет исполнено, ибо ты заслужил его перед родиной.

— Хочу побывать на Красной площади, — отвечает Сергей.

— Хорошо! Посмотри на свою Золотую Звезду, и мы будем на Красной площади.

Сергей взглянул на свою Золотую Звезду — и вот перед ними величественная Красная площадь, вся усыпанная цветами...»

Затем герой высказывает ещё несколько желаний:

«— Хочу побывать в мавзолее Ленина, — говорит Сергей.

В ту же минуту перед ними открылись массивные двери...

— Хочу побывать в Кремле.

Сергей посмотрел на свою Золотую Звезду — и вдруг заиграли кремлёвские куранты, распахнулись Спасские ворота, и два Героя стройным шагом прошли мимо часовых...»

Все эти сказочные вещи происходят с героем во сне. Но, в сущности, так же легко исполняются его желания и наяву. Кстати, и сон этот Сергей видит по дороге в Москву, куда его вызвали на парад. Случай этот знаменателен тем, что читателю трудно решить: где начинается сновидение, ничем не превосходящее обычную для Тутаринова явь, и где кончается явь, похожая на чудесное сновидение...

Ходит ли Сергей Тутаринов по земле, как в приятном сне, или же он, убаюканный славой, спит наяву, — разобрать почти невозможно. Стоит Сергею, проходя мимо ставропольской чайной, ощутить «приятный запах шашлыка», как в дверях чайной появляется усач в белом фартуке, «восторженно говоря: «Герой! Дорогой мой! Пожалуйста, заходи!» В каждом учреждении, куда он обращается за помощью, его встречают восторженно. До того, как началась деятельность этого счастливицы, район на нужды всех станиц получал всего лишь восемь вагонов леса; но стоило Сергею съездить в Пятигорск и Ставрополь, как лес пошёл в неограниченном количестве. Есть в романе символическая сцена: один из руководящих работников Ставрополя, Николай Николаевич, при первой встрече «обнял Сергея и повёл по мягкой ковровой дорожке». Так же мягко и так же устлан коврами весь жизненный путь Сергея Тутаринова. Ни одна идея не потребовала от него каких-либо жертв. Ни с кем он по-настоя-

щему не ссорится и не воюет. Как мало всё это вяжется со здоровой и деятельной натурой молодого деревенского парня, пршедшего к тому же школу партийной работы и войны! Какой книжной и надуманной выглядит его жизнь!

Почти таким же книжным «совершенством» отмечен комсомолец Алёша в «Жатве». Похоже, что он застыл, прекратив своё развитие ещё до появления в романе. Он говорит таким нудно-поучительным, нормативно-грамотным языком, он всегда так солидно держится, что скорее похож на стародавнего старика, чем на семнадцатилетнего деревенского паренька. Высокоучёным беседам Алёши удивляемся не только мы, им дивится и сестра его Валентина: «И откуда что берётся, просто непонятно!.. Его хоть на кафедру, честнее слово...»

Действительно, откуда всё это берётся?

Нам кажется, что автор преждевременно похоронил Алёшу в повести лишь по той причине, что сам потерял всякую веру в возможность его дальнейшего совершенствования.

Так же по-книжному говорит старик Золототысячник у И. Рябокляча. Характеристику его речи предоставляем автору:

«...И Золототысячник неожиданно изложил целый трактат о способах повышения урожайности. Он ссылался на постановления партии и правительства, на указания агрономии, на опыт передовых мастеров высокой урожайности. Стало ясно, что выступал он не случайно, не для проформы, как это бывает с «очередными ораторами», а как хозяин, ревностный, заботливый хозяин земли, доверенной его колхозу...»

Такого рода безличный отрывок был бы справедливо устранён даже из текста простой корреспонденции.

Подобные персонажи и сцены, встречающиеся в непосредственной близости, в соседстве с художественно-добросовестными попытками образного воплощения жизни, не могут считаться лишь внешними, чуть ли не стилистическими погрешностями. Когда речь идёт о вопросах социалистического роста нашего крестьянства, когда речь идёт о людях, характерных для нашей колхозной деревни, топорная работа недопустима. От неё жестоко страдает реалистическая ценность произведения, в сильнейшей мере снижается его общественная роль.

Мы упоминали уже о том, как писатели рисуют (чаще всего «малоправдоподобные)

факты жертвенного отказа колхозников и от личного хозяйства и от личной материальной заинтересованности в хозяйстве колхозном.

Галина Николаева в «Жатве» заставляет Фроську, которая, по словам её матери, «из-за гривенника торгуется на базаре, как окаянная», преподнести колхозу тысячерублёвый подарок. Поводом для подарка послужила беседа о мичуринском учёиин. Фроська вела себя во время этой беседы совершенно безучастно; неожиданно она вскакивает и приносит из дома дорогие ей цельные, в человеческий рост, полосы зеркального стекла, купленные на базаре, чтобы остеклить свой дом.

В романе С. Воронина «На своей земле» старый колхозник Хромов, не моргнув глазом, сдаёт на колхозную ферму свою корову «Берёзку». Его личные интересы в представлении автора уже полностью, без остатка растворились в общественных. Объясняя свой поступок жене, Хромов говорит: «У нас ведь останется «Берёзка», только условия ей будут получше, покультурнее... Автопоилки появятся, картофелем станут кормить...» Поступок старика Хромова вызывает подражание: его примеру следуют Субботкины, Климовы, безвозмездно отдающие своих коров на ферму.

Развитие коммунистической сознательности у колхозников совершается, в изображении некоторых писателей, с необычайной лёгкостью. Борьба нового со старым носит здесь чисто условный характер. Едва, например, дед Тронько и Микита Глоба у Рябокляча попали в звено Золототысячника, как оба они осознали своё нравственное несовершенство и тут же почуствовали себя другими людьми.

Стоило Василию Бортникову сменить тон команды и окриков на вежливый и доброжелательный тон в обращении с людьми — и в тот же день дисциплина наладилась, а продуктивность труда удвоилась. Стоило комсомольцу Алёше произнести речь о том, что необходимо для колхоза заработать дополнительные средства, и вот все колхозники вечерами, в неурочное время, дружно принимаются за обработку тресты и тут же, по словам Валентины, начинают говорить «мы», «нам», «у нас». А ведь мы знаем из романа, что в этом колхозе ещё многие люди были захвачены мелкобуржуазными тенденциями!

Ещё более разительное чудо совершается

со Степанидой Бортниковой, властной собственницей, полвека простоявшей за прилавком на базаре. Уж, кажется, человека с полувековым стажем базарной торговли не скоро перевоспитаешь в коллективисты! А вот в «Жатве» её никто даже и не перевоспитывает — она проходит весь путь самостоятельно и притом самым стремительным образом: однажды на базаре она встретила с председателем передового колхоза Угаровым, к которому была издавна равнодушна, встретила и устыдилась своей жизни..

Трудно ожидать, чтобы в такой обстановке, где природа ни в чём не противодействует, а во всём покровительствует людям, где климат благоприятствует произрастанию урожаев, способных озолотить колхоз за один год, где руководители идут от удачи к удаче, не зная сколько-нибудь серьёзных трудностей, где даже самые отсталые люди только ждут случая освободиться от пережитков и предрассудков, — в такой обстановке трудно ожидать, чтобы между людьми могли возникнуть более или менее серьёзные противоречия и конфликты.

И, действительно, в некоторых «колхозных» романах недостаёт именно этой, характерной для жизни, сложности взаимоотношений между людьми. Нередко коллектив советских тружеников предстаёт перед читателем, как тихая заводь, где нет никаких страстей, никаких столкновений.

Вспомним хотя бы, как легко разрешаются трудности в личной жизни героев романа Г. Медынского «Марья». Под конец романа автор ошастливил всех, за исключением негодяя Порхачева К Марье возвращается Семён, о котором раньше пришла похоронная. Наташа, засидевшаяся за войну в девках до 30 лет и завидовавшая молодым, выходит замуж за лучшего человека колхоза, парторга Андрея, выгнавшего свою жену-изменницу. Анна Порхачева, жена отрицательного героя, на склоне лет ошастливлена любовью председателя соседнего колхоза. Герои, которым не досталось счастье в личной жизни, компенсируются автором по другой линии: Варвара, оставшаяся после войны без мужа с пятью детьми, находит удовлетворение в работе и награждается медалью; Дубков, любивший Марью, вполне удовлетворён своей дружбой с Марьей и Семёном, а также своими успехами в МТС.

Подмена напряжённого жизненного процесса картинами почти невозмутимого спокойствия неизбежно порождает бедность и однотипность ситуаций в послевоенных произведениях о деревне. В основе многих из них лежит один и тот же навязчивый конфликт: происходит столкновение между передовой женой, выросшей за годы войны, и мужем, который в лучшем случае сохраняет уровень своего довоенного развития и потому играет роль консервативной силы. Именно таков конфликт между Марьей и Семёном у Медынского, между Груней и Родионом у Мальцева, между Авдотьей и Василием у Николаевой.

Разумеется, и такой конфликт имеет право на существование в литературе, хотя сразу же возникает недоуменный вопрос: почему писатели исключают возможность роста мужчины в годы войны? Но, оставив в стороне этот вопрос, мы должны признать, что действительно за годы войны удивительно выросла советская женщина, особенно женщина в деревне, где ей в большинстве случаев пришлось возглавлять колхозное производство. Однако снова остаётся без ответа ещё один вопрос: почему духовный и политический рост колхозниц писатели пытаются раскрыть одним и тем же путём, с помощью одного и того же конфликта? Это наконец становится штампом, и неисчерпаемая в своём богатстве правда жизни подменяется литературной схемой.

Почти в каждом из этих произведений, за исключением «Жатвы» Г. Николаевой, аргументация всё того же конфликта вызывает у читателя сопротивление.

Что служит непосредственным поводом к возникновению конфликта между супругами? Расхождение по производственным вопросам. Семён ссорится с Марьей у Медынского из-за того, что она отдала Дубкову, механику МТС, колхозную лошадь. Конечно, и по этой причине супруги могли поссориться, но это была бы именно ссора, мусор, вздор, а не глубокий жизненный конфликт. В условиях, описанных Медынским, вряд ли могла произойти даже крупная ссора: ведь долгожданный Семён совсем недавно вернулся из армии. А когда автор посылает Семёна жаловаться на жену районным властям, — думаем, ни один читатель не усомнится, что это уже совсем не похоже на гордого, самоуверенного

фронтовика и противоречит всему характеру Семёна.

Ещё менее правдоподобны обстоятельства, обусловившие разлад между Груней и Родионом у Е. Мальцева. Конфликт здесь разыгрывается в первый же день возвращения Родиона из армии, после долгой разлуки в годы войны. Мы признаём важность самого предмета спора между супругами — спора о посевных площадях: Груня настаивает на том, чтобы звено обрабатывало 50 гектаров, а Родион — 8—10 гектаров. Но внезапное превращение этого разногласия в личный конфликт, без предварительного подспудного накопления недоброжелательства друг другом, без предшествующих размолвок и обид, без обоюдного нарастающего непонимания совершенно неправдоподобно.

Е. Мальцев, вероятно, полагает, что сгущение событий, форсированное развёртывание конфликта способствует «заострению» образа Груни, обнаруживает её принципиальности и высокой сознательности. А на самом деле автор этим путём просто-напросто превращает свою героиню в бездушную куклу. Родион понимает всю нелепость их схватки и предлагает мириться: «Голос Родиона звучал покорно и нежно, звал к любви и миру...» Но жена не позволит возобладать над собой чувству! И уже на следующей странице она выступает на заседании правления колхоза против назначения Родиона звеньевым.

Пусть не подумает читатель, что мы возражаем против супружеских споров по принципиальным вопросам и против того, чтобы автор доводил при случае эти споры, быть может, и до разрыва. Но мы за то, чтобы эти столкновения супругов были глубоко мотивированы, чтобы они естественно вытекали из всей их жизни и особенностей характеров.

Однажды оказывается в трудном положении и главный герой романов С. Бабаевского Сергей Тутаринов: у него произошла размолвка с женой, Ириной. Ирина ратует за то, чтобы подключить марьяновцев к Усть-Невинской ГЭС, а Сергей противится этому. Повидимому, понимая всю бесполезность подобного рода размолвок для развития действия в романе и для раскрытия их собственных характеров как героев романа, супруги вскоре примирятся — Сергей решает помочь марьяновцам и даже хочет соревноваться с ними.

Столкновения другого сорта ликвидируются у С. Бабаевского ещё проще.

Савва Остроухов однажды заявляет Сергею Тутаринову, что электростанцию, построенную в основном устьевинцами, он не согласен предоставлять в пользование другим станицам. Ну, думаешь, сейчас вспыхнет хотя бы спор (конфликта таким сырým топливсм не разожжешь!) и в характерах Сергея и Саввы откроется что-то новое. Но друзья детства уже на следующей странице примиряются.

Семён Гончаренко ощутил острый приступ тоскливого одиночества: «впервые за всю жизнь ощутил такую острую боль в сердце, что готов был расплакаться», — любимая не пришла на свидание. Этот случай заставляет его задуматься о жизни вообще, и мы, сочувствуя герою, ждём, какие человеческие черты, какие стороны своего характера откроет нам Семён, переживающий свою беду. Напрасное ожидание! Автор тут же приводит к Семёну Анфису, разгоняет его горе всенселяющим поцелуем любимой, и... «станция в лунном сиянии» оказалась «такой сказочной, что её уже нельзя было ни с чем сравнить. Семёну уже не хотелось уезжать отсюда».

Художественные произведения, в которых не преодолены, а затушваны конфликты и противоречия действительности, в которых описанием производственных процессов вытесняется изображение характеров, взглядов и судеб людей, не могут обладать не только богатством внутреннего содержания, но и сколько-нибудь органичной цельностью и литературной стройностью.

В некоторых произведениях, о которых мы говорим в этой статье, есть бросающееся в глаза несоответствие: характеры и исход основных коллизий между персонажами уже определены, но автор продолжает вытягивать своё произведение по «производственной линии». Интерес к героям, если он был, сразу же теряется, из живых действующих лиц они превращаются в фигурки, при помощи которых автор решает очередную производственную операцию. Читатель видит здесь вместо повествования хозяйственный отчёт, худо ли, хорошо ли с технико-экономической точки зрения составленный.

Описательно-отчётный характер и стиль ясно выступают в романах Г. Медынского «Марья» и С. Воронина «На своей земле». С. Бабаевский, романами которого присущ тот же недостаток, старается преодолеть

несоответствие между человеческим и производственно-техническим материалом следующим способом.

Сначала автор повествует о хозяйственных преобразованиях в пределах одной станицы; затем ареной той же самой производственной деятельности становится уже не станица, а район. Строя так повествование, можно его «развивать» воистину беспредельно! Исчерпав возможности преобразования в районе, можно повторить то же самое в более просторных масштабах области. Такая возможность уже намечена автором: из книги «Свет над землёй» мы узнаём, что Сергея Тутаринова избирают членом обкома партии.

Расширение территориальных границ повествования не связано в романах С. Бабаевского с историей взаимоотношений между героями, не связано с развитием характеров. Нельзя же всерьёз принимать за развитие характера искусственное заражение Сергея благодушием! Чисто механическое привнесение «отрицательного начала» в характер Сергея Тутаринова не имеет ничего общего с живым развитием образа.

Когда материальная и духовная жизнь народа не понята и не изображена как единый, целостный процесс, тогда и в литературном сюжете линия развития характеров трудно привести в органическое соответствие с линией развития того дела, которое изображено в произведении. В этом случае мы говорим: сюжет не удался, композиция рыхлая. Но в данном случае (а впрочем, и всегда) в недостатках формы выражается недостаток реального материала, идейного содержания. Литературная умелость писателя может лишь скрыть этот недостаток и придать произведению внешне упорядоченный и завершённый вид.

В этом отношении из названных нами произведений наиболее удачно построена «Жатва» Г. Николаевой. Писательница более строго и тщательно отбирает факты и персонажи, причём последние отличаются сравнительно большей живостью и реализмом. Кроме того, очевидна забота писательницы о том, чтобы линию личной жизни героев слить с общественно-производственной линией. К сожалению, этот принцип не до конца выдержан. В главном «личная» линия в романе заканчивается уже в главе, имеющей характерное название «Старое по-новому»; к этому времени

и характеры героев уже вполне ясны и семейная коллизия завершилась прочным, вновь обретенным в совместной работе счастьем. К этому времени исчерпывает себя, по существу, и общественно-производственная линия: колхоз из отстающих вышел в передовые. Но писательница почему-то не может остановиться; на протяжении всей третьей части тянется повествование о том, как преодолевал отсталость уже не колхоз, а весь район. На первый взгляд в этом есть своя логика: в начале романа устами секретаря райкома Андрея Стрельцова была поставлена задача — вывести в передовые не только колхоз «Первое Мая», но и весь район. Но это лишь видимость логики. Главные герои уже остановились в своём развитии, и, какой стороной ни поворачивает их в дальнейшем автор, ничего нового читателю не открывается. На передний план здесь выдвигаются, взамен Бортниковых, Андрей Стрельцов и Валентина, и только лишь потому, что, в отличие от первой пары, оба они — работники районного масштаба. Но, не говоря уж о том, что замена главных героев в ходе романа с литературной точки зрения весьма сомнительный приём, а должностной масштаб не может сойти за сколько-нибудь приемлемую мотивировку, — не говоря уж обо всём этом, Андрей Стрельцов и Валентина так невыразительны и бедны как характеры, что держать на своих плечах всё здание романа они, конечно, не могут. По этой причине вся третья часть «Жатвы» описательна, зачастую сбивается на отчёт и производит впечатление непомерно затянувшегося эпилога. Впечатление стройности и цельности исчезает.

3

Мы отметили наиболее серьёзные недостатки нескольких литературных произведений, изображающих советскую деревню. Несомненно, многие из этих недостатков уже не повторяются в новых произведениях и принадлежат прошлому. Но просто предоставить времени ликвидацию прежних заблуждений было бы неправильно. Ошибки формулировались резко, повторялись настойчиво; надо с такой же определённо-стью разъяснить их вред.

Ещё недавно С. Бабаевский в своей книге «Свет над землёй», сравнивая нашу литературу о деревне с «обширными полями чернозёма», а писателей — с хлеботорогами,

утверждал, что вся площадь этой земли вспахана: «Кажется, уже нет такого клочка земли, которого не коснулся бы плуг, хотя бы кончиком своего лемеха».

По нашему разумению, этот «рапорт» появился раньше срока. Не о завершении пахоты или степени её совершенства надо было говорить, а о широких просторах ещё не поднятой целины, о серьёзных «огрехах» в работе хлебопашцев-писателей, захватывающих чернозёмную целину чаще всего только «кончиком своего лемеха», о сорняках, разросшихся по мелкой вспашке, о зёрнах, не очищенных от плевел.

Вероятно, к таким выводам пришёл в настоящее время и сам С. Бабаевский. Во всяком случае его товарищи по перу признали серьёзные недостатки в литературе о колхозной деревне.

«Мы подходим к некоторым явлениям жизни, не вникая в их сущность, иногда грешим против правды по незнанию жизни, иногда и сознательно лакируя действительность. Мы забываем, что в центре литературного произведения должен стоять человек, и увлекаемся хозяйственными вопросами», — заявил Е. Мальцев.

О том же говорит и Г. Николаева.

«Постановления ЦК партии, — сказала она, — дают возможность проверить жизненность многих художественных произведений. Выжили те произведения, в которых писатель шёл по пути жизненной правды, не лакируя, не искажая действительности. Лакировка, сглаженность ведут к нарушению типизации и говорят о неумении писателя проникнуть в сущность той среды, о которой он пишет. Жизнь деревни сложна. Мелкособственнические пережитки не уничтожены. Писатели должны следовать той жизненной правде, которая звучит в таком произведении, как «Тихий Дон» М. Шолохова...» Г. Николаева признала, что некоторые главы её романа «Жатва» были лишены этой правды, что она сгладила наиболее острые конфликты.

Мужественная самокритика писателей, появление в 1953 году ряда реалистических художественных произведений Овечкина, Калинина, Троепольского, Тендрякова и других обещают нам большие успехи в литературе о деревне. Надеемся, что этим успехам будет содействовать литературная критика, которой для этого необходимо внимательно обдумать свои промахи, сделанные в прошлом. Новые произведения о

деревне требуют особого разговора, который выходит за пределы этой статьи.

Мы ещё вернёмся к вопросу о критике. Но предварительно считаем нужным сделать одно замечание общего порядка.

Можно себе представить писателя, который решит — для того, чтобы исправить своё прежнее невнимание к жизненным трудностям, — употребить свои лучшие силы на выискивание одних лишь тёмных сторон жизни и быта колхозной деревни. Можно, повторяем, представить себе эту картину, но она не имеет ничего общего с подлинными целями литературы.

Нельзя глубоко и верно передать картину жизни нашего общества, минуя основное и главное в этой жизни: её победоносное движение вперёд, непрерывное становление нового, процесс развития социалистического человека. «В своих произведениях, — говорит Г. М. Маленков, — наши писатели и художники должны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе, раскрывать в положительных художественных образах людей нового типа во всём великолепии их человеческого достоинства и тем самым способствовать воспитанию в людях нашего общества характеров, навыков, привычек, свободных от язв и пороков, порождённых капитализмом»¹.

Правильно выполнить эти требования, правильно решить эту задачу — значит подняться на новую ступень в художественном освоении мира. Задача состоит в том, чтобы дать живую картину жизни, картину повседневного трудового подвига колхозного крестьянства, напряжённо борющегося за реализацию исторических постановлений партии по вопросам сельского хозяйства, создать произведения, увлекательно и правдиво рассказывающие о жизни нашей деревни.

Когда задумываешься о недостатках послевоенных произведений художественной литературы о колхозной деревне, невольно задаёшь себе вопрос: какую роль сыграли здесь критики? К сожалению, без преувеличения можно сказать, что нет ни одного сколько-нибудь крупного недостатка в произведениях о деревне, не оправданного так или иначе критиками.

Некоторые критические статьи о произведениях, которые мы разбираем, поражают прежде всего хвалебным тоном, которым они написаны.

«В романах С. Бабаевского с исключительной силой раскрыта диалектика жизненного развития», — писал А. Макаров о романах «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землёй».

«...Бабаевский, как подлинный писатель-реалист, всегда «держит» руку на пульсе жизни», — вторил ему Б. Платонов.

Почти никто из критиков не потрудился сравнить литературу о колхозной деревне с жизнью, статьи критиков имели по большей части поверхностный, субъективно-оценочный характер.

Не зная деревни, критики нередко превозносили самые слабые стороны произведения. Например, Т. Трифонова, правильно отметив ряд недостатков романа С. Воронина «На своей земле», писала: «В романе есть и удачи. Когда старик Поликарп Евстигнеевич решает отдать в колхоз свою корову «Берёзку», а взамен взять одну из плохих коров с колхозного двора, возникают и споры с женой, и разлад с односельчанами, и сомнения у руководителей...» И критик заключает: «Так борьба за решение хозяйственных задач помогла раскрыть человеческие отношения».

На самом деле сцены романа, связанные со сдачей стариком Хромовым своей коровы, принадлежат к числу самых слабых. Они крайне надуманны.

Ещё большую неосведомлённость проявляет Т. Трифонова, когда пишет о книге Е. Мальцева «От всего сердца»: «В романе Мальцева... жизнь деревни показана глубоко и правдиво, во всём многообразии, со всеми трудностями, которые преодолеваются в упорном труде под руководством партийной организации».

В действительности для романа Е. Мальцева «От всего сердца» как раз и характерно поверхностное изображение трудностей военного и послевоенного времени.

«Произнесите мысленно слово «деревня», — пишет критик А. Макаров, — и перед вами возникают тракторы в поле, грузовик, пылящий по просёлку, уходящие за горизонт линии столбов с телефонными и электрическими проводами, бескрайние поля; проходят чередой люди, лица которых светятся сознанием собственного достоинства, и на груди у некоторых поблёскивают звёзды».

¹ Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 72.

ды Героя Социалистического Труда, как бы вобравшие в себя живое золото созревших хлебов».

Слов нет, в нашей деревне есть и тракторы, и грузовики, и столбы с электрическими проводами, и люди со звёздами Героя. Всё это есть! Но разве жизнь деревни исчерпывается этим? Разве в деревне нет своих серьёзных трудностей, своих недостатков и тёмных сторон? Разве в ней живут только люди, «лица которых светятся сознанием собственного достоинства»? Разве в деревне уже исчезли лодыри, люди с собственническими замашками, люди, которых надо ещё воспитывать? Если жизнь современной деревни выглядит такой безмятежной идиллией, как нарисовал А. Макаров, то можно подумать, что дальнейший подъём сельского хозяйства пойдёт в порядке самотёка. Думать же так — совершенно неправильно.

Но вот писатель решил воспроизвести жизнь во всей её сложности и противоречивости. Такого писателя критики нередко подвергали суровой «проработке»: натурализм, бытовизм, архаизация, отступление от правды жизни, отсутствие чувства нового. И это ещё не самые сильные слова, какими критики клеймили писателя, дерзнувшего понять те реальные и конкретные формы, в которых в данное время осуществляется борьба за коммунизм.

Стоило Г. Медынскому в своём романе «Марья» (о недостатках романа мы уже говорили) упомянуть о деревенском дурачке Саше, как критик Е. Дорош сразу же безапелляционно заявил: «Ну чем не картинка из дореволюционного крестьянского быта с его кликушами, юродивыми и дурачками, порождёнными идиотизмом деревенской жизни!»

Но не о дурачке и речь. Без него можно, конечно, и обойтись. Критики иной раз выступали и против изображения обыкновенных людей, если о них сказано без прикрас, и доходили иногда до курьёзнейших анекдотов. Упомянутая нами статья Е. Дороша называется «Марья или Мария Карповна?» Автор с возмущением писал, что уже имя героини — Марья — не характерно для советской деревни, что оно резко противоречит представлению о передовом человеке сегодняшней деревни:

«Григорий Медынский, называя передового человека колхозной деревни грубоватым, «бабьим» именем, заставив этого человека

разговаривать нарочито «мужичкиным» языком, тем самым обеднил, принизил свою героиню, а это, в свою очередь, в какой-то мере лишило нас веры в то, что Мария Карповна Морозова действительно передовой человек советского села, руководитель колхоза, одна из тех замечательных женщин, имена которых (с отчеством и фамилией) не сходят со страниц нашей печати».

Непонятно: чем может имя Марья принизить передовую женщину советской деревни?

Но критик уже не может задать себе этот простой вопрос. Увлечённый своей пустой догадкой, он спешит к далеко идущим выводам: «Так противоречие между формой, навеянной устаревшими представлениями о деревне, и современным содержанием лишило произведение главного — правды».

Из-за того, что женщину зовут Марьей, произведение стало неправдивым..

Марья и Семён говорят в романе простым русским языком, иногда употребляя даже местные выражения. И критик снова возмущён. Как! Замечательный организатор колхозного производства Мария Карповна и «бывший бригадир, недавно воин победоносной, самой культурной Советской Армии» — и вдруг допускают погрешности против литературного языка!

Заметим, что чистота и правильность языка в литературе и нам дороги. И мы считаем, что наш литературный язык достаточно богат, чтобы в нём можно было найти все нужные выразительные средства. Но разве отсюда следует, что в речи персонажей (а иной раз и в авторской) не могут с пользой для искусства употребляться бытовые, пусть даже местные характерные слова и обороты?

Товарищу Дорошу и дела нет до того, что Марья и Семён не кончили даже семилетки, что в их устах литературный язык, отличающийся совершенной грамматической правильностью, звучал бы более чем странно. Ведь Марья до того, как стала председателем колхоза, совсем не читала книг и газет, она была полуграмотна; именно процесс культурного роста рядовой деревенской женщины, которая в условиях колхозного строя постепенно вырастает в образованного человека, становится вожаком деревни, является одной из главных тем романа; Г. Медынский справедливо видит в этом росте показатель силы и прогрессивности колхозного строя.

Критик об этом и думать не хочет. Раз героиня — председатель колхоза, твердит он, значит она передовой человек; а раз она передовой человек — пусть изъясняется литературным языком. Вместо критики колористических излишеств, которые действительно есть в языке персонажей Медынского, Е. Дорош требует дистилляции и абсолютного обесцвечивания языка. При этом нивелировка языка персонажей ведётся, как мы видели, под флагом борьбы за отражение нового.

Во многих из рассматриваемых нами произведений внутренний мир героев небогат. Живое чувство настолько сковано скучным рассудком, что, в сущности, и жизни-то в этом чувстве почти нет — лишь изредка оно вырывается из плена и заявляет свои права. И здесь критики не помогли писателям.

Боже упаси, чтобы герой — молодой парень — совершил тот или иной поступок под влиянием внезапно вспыхнувшей любви, а не под давлением заранее обдуманного общественного, делового соображения! Можно было предсказать, что такому герою не повезёт на последних страницах журналов.

Особенно суров в своих статьях С. Иванов. По мнению этого критика, С. Бабаевский неоправданно снизил образ Виктора Грачёва: «Виктор остаётся в районе не потому, что его увлекают огромные перспективы нового строительства, а потому, что на его пути встречается женщина» (!). «Это — обеднение образа одного из героев».

Подобные же обвинения С. Иванов предъявил и Е. Мальцеву. В романе «От всего сердца», между прочим, рассказывается, что Матвей Русанов, получив на фронте известие от любимой девушки, что она согласна стать его женой, начинает воевать ещё лучше и ожесточённее. Казалось бы, чему тут удивляться? Но критик и тут узрел какую-то неестественность. «Неужели не получив письма от Фроси, Русанов воевал бы иначе, без ненависти к врагу, без дисциплины, без воли, без осторожности?»

От героев художественных произведений нередко требовали, чтобы каждый из них был образцовым представителем целого общества или целого общественного слоя и обладал всеми лучшими качествами, выражающими социалистическую культуру. И. Арамулов, следуя этому предрассудку, ополчился на Г. Медынского за то, что тот изобразил работника местного Совет-

та Иволгина бесхребетным и ограниченным: «Для чего понадобилось Г. Медынскому сгущать чёрные краски в изображении представителей низовых советских органов?.. Ошибка писателя. Главное — это неправда! Не бывает так в жизни!»

Исходя из ложного понимания жизненной правды, критики требовали от писателей, чтобы они немедленно перевоспитывали любого человека, у которого обнаружилось хотя бы единое родимое пятнышко прошлого, или, если уж этого сделать нельзя, то, по крайней мере, поставили бы его в такие жизненные условия, которые могут гарантировать его социальную безвредность.

Например, Б. Платонов был обеспокоен, когда увидел, что Евсей Нарыжный (у Бабаевского) после смерти Хохлакова, вместо того чтобы явиться в район с покаянием, по образному выражению критика, «исчезает из поля зрения читателя, как бы уходит в некую мглистую даль». Куда? — спрашивает критик. «Или ему, идущему наперкор советской жизни, осталась какая-то дорога на советской земле? Разве не закрыт ему — такому, каким он был и остаётся, — путь на Каспий и в Кабарду?..» Если руководствоваться такими «теоретическими» соображениями, исчезла бы всякая возможность всерьёз изображать отрицательных героев.

Ясно, как мало помогала критика исправлять ошибки писателей.

Приведём очень показательную полемику, возникшую по поводу одного романа.

В 1946 году был опубликован роман Е. Мальцева «Горячие ключи». Это было первое крупное по объёму произведение начинающего писателя. Е. Мальцев изобразил деревню первых двух лет войны. Ушли на фронт мужчины, не хватает рабочих рук, семян, тягла. Поднимают голозу уцелевшие антисоветские элементы, особенно в те месяцы, когда враг подходил к Сталинграду. Но колхозная деревня живёт и борется вместе с армией. Простые русские колхозники, охваченные постоянной тревогой за жизнь своих мужей и братьев, воюющих на фронтах, трудятся не покладая рук. В романе создан ряд образов деревенских тружеников, воспроизведена сложность реальной жизни.

Это произведение было не лишено серьёзных недостатков, но подкупало своей

искренностью. Как же встретила его наша критика?

Одним из первых дал свою оценку романа А. Макаров. В статье «По страницам журналов», опубликованной в №№ 4—5 «Нового мира» за 1946 год, он охарактеризовал его как произведение «серьезное и полезное». Однако, перейдя к детальному рассмотрению, он высказал целый ряд таких критических замечаний, которые, по существу, начисто отвергали эту оценку.

Критик упрекал писателя в отсутствии чувства нового. А. Макарова не удовлетворяло также и то обстоятельство, что далеко не все персонажи в романе «перековываются», не все сюжетные линии завершаются благополучными концами; на этом основании он утверждал, что классовый враг в романе будто бы недостаточно разоблачен. В общем, критик требовал от писателя приглаженного, одностороннего изображения деревни и её людей.

Именно так и поняла смысл выступления А. Макарова критик Ф. Александрова. В своей рецензии¹ она, в противовес Макарову, подчеркнула, что основное достоинство книги Е. Мальцева состоит в стремлении к правдивому изображению деревни в период войны.

Дело на этом не кончилось. Против рецензии Ф. Александровой выступил в «Новом мире» с большой статьёй под широкообъемным названием «Литература и колхозная деревня» А. Дроздов. Центром этой статьи было продолжение спора о «Горячих ключах». Развивая основные положения, высказанные ранее А. Макаровым, А. Дроздов учинил настоящую расправу над романом. Правдивое изображение трудностей, переживаемых деревней в годы войны, он заклеил как литературный анахронизм. Деревня у Мальцева, безапелляционно заявлял критик, лишена примет нового: «Похоже на то, что Отечественная война в романе Мальцева разразилась не в 1941 году, а в тридцатых годах нашего столетия». Вредительскую деятельность враждебных элементов в тылу Советской Армии в годы войны критик объявил конфликтами книжного происхождения, взятыми напрокат из литературы тридцатых годов:

«Утверждаем точно, товарищ Мальцев: Макшаковы (Макшаков — бывший кулак,

активизировавший враждебную деятельность в первые годы войны.— Ф. А.) не противостояли колхозному крестьянству во время Отечественной войны; классовый враг внутри страны не мог выступать, как сила, имеющая возможность влиять на результаты трудового подвига крестьянства. А в романе Макшаков, совершая поджог, убивая и травя активистов, вредя хозяйству, создаёт своего рода внутренний фашистский фронт за Уральским хребтом, в центре великой страны!»

Исходя из неверной трактовки типического, критик настойчиво внушал автору, что нельзя изображать в качестве отрицательных героев бывших кулаков, так как кулачество как класс было ликвидировано в тридцатые годы:

«Поскольку уничтожены самые причины классового расслоения деревни, постольку Андрон Макшаков — анахронизм и в действительной жизни и в литературе, если она хочет дать обобщённую и верную картину этой действительной жизни».

С такой же решительностью критик заявлял, что нельзя изображать колхозников с индивидуалистическими пережитками в сознании и т. п. Раз он колхозник, рассуждал критик, значит он должен быть социалистически сознательным человеком.

Как же предлагал критик изображать деревню эпохи войны? Задача писателя, обратившегося к теме деревни военного периода, по словам А. Дроздова, это «изображение расширенного воспроизводства сельского хозяйства в тыловых районах страны, что и является для художника базой, на которой можно показывать новые черты в характере наших крестьян военного времени».

Для того, чтобы придать своим требованиям характер непререкаемости, критик прибегает к предельно резким оценкам: «Политический кругозор романа, написанного Мальцевым, ограничен... сознание его как-то сковано, неторопливо, непровидчиво».

И уже совсем устрашающе звучат слова: «...автор встал спиной к сегодняшнему дню и лицом к дню прошлому».

Все эти советы могли оказать на начинающего писателя лишь нежелательное воздействие. Второй роман Е. Мальцева — «Ог всего сердца», — написанный на материале, взятом из жизни сибирской деревни того же периода, уступает первой книге в правдивости. Колхозная деревня во время вой-

¹ Журнал «Октябрь», №№ 7—8 за 1946 год.

ны здесь действительно предстаёт с точки зрения «расширенного воспроизводства сельского хозяйства».

Если первая книга характеризуется напряжёнными положениями, то вторая очень бедна в этом отношении. Если первая книга рисует некоторые характерные приметы и черты деревенских жителей, то напрасно мы стали бы искать подобных примет и черт у героев романа «От всего сердца». Резко ухудшился во втором романе язык и стиль. Уже в первой книге обращала на себя внимание склонность автора к излишне усложнённой метафоре, к искусственным, надуманным образам. Уже там нередко встречались такие стилистические красоты, как «шарили землю водянистыми щупальцами фары коюшкиного трактора», «золотая пена соломы», «чёрные мускулы земли», в небе «в голубом кипятке трепыхались белогёрые птицы» и т. п. И всё же не эти дешёвые украшения определяли стиль романа «Горячие ключи»; в основном произведение характеризовала конкретная образность. Вот, например, каким пейзажем, сразу же вводящим нас в тяжёлую обстановку осени 1941 года, открывается книга: «Тёмный, отяжелевший от влаги сноп ржи. Шагах в пяти дальше угадывает Никита чёрный островок несжатого поля, торчащие из-под снега колосья...»

Казалось бы, критика, разбирая первое произведение молодого писателя, должна была предостеречь его от дешёвых соблазнов. Но этого не случилось. А. Дроздов, например, счёл возможным из всех имеющихся в «Горячих ключах» многочисленных пейзажей отметить только один: «Дождь стихал. Пробив толщу облаков, солнце разметало их белые дымящиеся вороха, и в светлые проёмы хлынула слепящая голубизна. Степь охорашивалась, как птица,

ероша перья, изогнув под пышнозелёной своей одеждой золотисто-оранжевую шею-радугу, стяхивая в расплзающиеся лужи гроздьа капель». Приведа эти строки, критик восторженно заключал: «Приподнято, торжественно, смело... и чудесно, в самом деле чудесно!»

Нет, далеко не чудесно! Пейзаж этот вычурен, безвкусен. И вот эту очевидную надуманность, эту безвкусию критик принял за новое слово в литературе.

Было бы неосмотрительно с нашей стороны преувеличивать силу влияния критических статей на писателя. Но, как бы то ни было, своей дальнейшей работой он как бы откликнулся на призывы критики. В частности, стилистический мусор, лишь отчасти засорявший первую книгу, в романе «От всего сердца» стал уже распространённой особенностью языка.

Разумеется, в недостатках романов виновны прежде всего сами авторы: излишняя уступчивость напористым, но ошибочным советам никогда не была писательской добродетелью и признаком силы! Но надо отдать должное и критикам, толкающим писателей на ложный путь.

Только правда — прямая и нелицеприятная, страстное партийное проникновение в глубинные процессы нашей жизни, постановка насущных вопросов строительства коммунизма, изображение подлинной духовной жизни советских людей являются целью, достойной советского писателя. Теперь, когда перед нашей литературой стоит ответственная задача — помочь всенародной борьбе за быстрое развитие сельского хозяйства, — особенно важно помнить об этом. Именно этот главный вывод должны извлечь писатели и критики из последних решений партии и правительства.

Т Р И Б У Н А Ч И Т А Т Е Л Я

О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

В «Дневнике писателя» («Новый мир» за 1953 год, № 6) была опубликована статья Фёдора Гладкова «О культуре речи», вызвавшая многочисленные отклики читателей. Мы публикуем часть полученных редакцией писем с некоторыми сокращениями.

Прочитав статью писателя Фёдора Гладкова о культуре речи, не могу не выразить своего ~~личного~~ личного удовлетворения её содержанием, так как затронутый в ней вопрос — вопрос, давно наболевший, вопрос, о котором следует не только писать, но и громко кричать на всех перекрёстках.

В последние годы мне приходится жить в небольших областных городах, где состав населения несколько иной, чем в Москве, а потому у меня ещё больше поводов задумываться над вопросами, затронутыми в статье.

Я не буду писать о местных искажениях речи, присущих отдельным местностям, как, например, «л о ж и т ь» — вместо «класть», «р е з в и т» — вместо «ревёт», «д л а ч и т ь» — вместо «лакать», «м я ч и т ь» — вместо «мяукать» и т. п. (Вологодская и Новгородская области, включая и областные центры), хотя здесь так говорят подчас и представители интеллигенции.

Мне хочется только дополнить приведённые в статье примеры искажения русского языка двумя словами, а именно — «звонить» и «шофёр». За последние несколько лет я почти не встречаю человека, который, подходя к телефону, правильно говорил бы обычную, стандартную фразу: «Куда вы звоните?» Подавляющее большинство спрашивает: «Куда вы зв о н и т е?» Но

ведь никто не говорит «звóнить», все произносят правильно — «звонíть».

Мне кажется, что это ударение появилось в нашем обиходе после того, как в первую германскую войну 1914 года в центральную Россию хлынула волна беженцев из западного края и принесла с собой целый ряд искажений русского языка.

Второе слово — это «ш о ф ё р». В огромном большинстве случаев ударение делается на первом слоге, хотя причины этой ошибки, по-моему, имеют уже совершенно другие корни, чем в первом моём примере, и зависят скорее уже от общей культуры говорящего.

Мне приходит на память весьма распространённая ошибка наших ораторов Большинства из них говорит: «об этом я скажу н и ж е», забывая, что «н и ж е» можно, в крайнем случае, только написать, а с к а з а т ь можно только «п о з д н е е».

Много пишут о культуре языка и в «Литературной газете» и в журналах, но мне кажется, что основное зло здесь в том, что наша школа не приучает своих питомцев с малых лет к разговорной грамотности, не борется за искоренение «жаргона». А именно на это следовало бы обратить самое серьёзное внимание, причём не только в средней школе, но и в педагогических институтах и техникумах.

Вологда.

А. Ермолов.

★

С удовлетворением прочитал статью в шестом номере журнала «Новый мир» «О культуре речи».

Человек совершенно другой специальности, я всё же очень «болею» за родной язык. В позапрошлом году я направил в «Литературную газету» пять вопросов. Газета не

нашла возможным напечатать мои вопросы, а поручила специалистам ответить мне частным образом. Кстати сказать, некоторые ответы меня отнюдь не убедили, а на вопрос № 5 мне никто не ответил.

Я согласен со всеми положениями статьи Ф. Гладкова. Некоторое сомнение у меня

вызывает лишь требование склонять иностранные фамилии. А как быть с женщинами? Если мужчина Иванов, то его жена (обычно) — Иванова, а если Дарвин — Дарвина? А во множественном — супруги Дарвины?

Мне теперь очень часто приходится возмущаться и другими случаями неправильно употребления слов, кроме указанных в статье. Коробит, например, когда говорят (и пишут) «капает» вместо «каплет» или когда я читаю «подготавливает» вместо «подготавливает» или «приспосабливает» и т. п. Зачем эти «ивы»?

Вот вопросы, с которыми я обращался в «Литературную газету»:

1. Почему всегда пишут «дарвиновское учение», а не «дарвинское»? Была такая устаревшая форма: «дарвинова» теория. Теперь так не говорят, но производят: «дарвиновская» теория, хотя фамилия Дарвин, а не Дарвинов. Говорим же мы «дарвинизм», а не «дарвиновизм». Нужно ли «ов»? Легко показать, что «ов» ведёт к недоразумениям. Я буду говорить о «шалиновской» теории. Скажите, кого я имею в виду? Шалина или Шалинова? Человек, впервые услышавший о «дарвиновской» теории, будет в таком же затруднении.

2. От слова «анализ» строят глагол «анализировать». Почему не «анализовать»? Или специализовать и т. п.? У французов: analyser, по-английски: to analyse. Только немцы говорят: analysieren. А мы должны осложнять слова по немецкому образцу? Специфические «немецкие привычки» называются у нас во многих случаях. Почему, например, от фамилии пресловутого попа Мальтуса производят не «мальтуСианство», что как будто следовало бы естественно, а «мальтузианство»? Потому что немцы произносят «с» как «з» перед гласной?

3. Я упорно пишу «линка» и до сих пор никто не привёл мне убедительных доказательств в пользу формы «линѣка», что даже

произнести труднее. От «гонять» мы производим «гонка», от «менять» — «мѣнка». Последнее, правда, малоупотребительно, но ведь никто не скажет «меньѣка».

4. Почему русское слово «починка» усердно заменяется нелепым иностранным термином «ремонт», который, как известно, означает пополнение кавалерийской части лошаадьми? У нас пишут: «ремонт одежды и обуви», «ремонт часов» и т. п. В чём же провинилась «починка» и за что она изгоняется из языка?

5. В течение нескольких лет мне пришлось очень часто ездить из Москвы в Калинин и обратно. Между этими городами имеется одна станция — Клин. В разговорах пассажиров я часто слышал: «Еду дѣ Клину», то есть ударение на предлоге «до», а название станции произносится безударно, как будто «доклину» одно трёхсложное слово с ударением на первом слоге. Задумавшись над этим оборотом, я скоро вспомнил, что мы очень часто так говорим: «Шѣл пѣ лесу и, пройдя затем пѣ полю, вышел нѣ реку, а дойдя вдоль неѣ дѣ дому, тут же отправился пѣ воду». Или у Некрасова: «он дѣ смерти работает...»

Ударение переходит на предлог только при двусложной форме существительного. С одним слогом, например, при том же предлоге «по» этого не происходит. Помню, как во время оно по глухим переулкам окраин Москвы ездил тощий мужичонка и, сидя на возу, запряжённом такой же тощей лошадейкой, взывал: «По лѣк! По лѣк!» (Дети его боялись, думая, что он кричит: «Паук, паук!») Ударение всегда на л у к и не переходит на предлог.

Надо ли считать такой переход ударения, как в «доклину» и других примерах, вульгаризмом, искажением литературного языка, или же это, так сказать, «законный» способ выражаться?

Челябинск.

В. Боровский,
доктор биологических наук,
профессор.

★

Хорошо, что вы опубликовали статью «О культуре речи». Необходимость повышения культуры речи сейчас ощущается крайне остро.

Однако по ряду поставленных в статье вопросов хочу поспорить.

Никто, конечно, не будет оспаривать утверждение Ф. Гладкова, что пропаганда правильного произношения должна прово-

диться на научной основе, с учётом законов развития языка. Но разве можно в настоящее время серьёзно утверждать, что мы знаем эти законы достаточно хорошо, чтобы определять пути развития русского (или любого другого) языка?

Вопросы, поднятые в статье, касаются, пожалуй, двух аксиом языкознания, на которые, повидимому, и должен был бы опи-

ратся Ф. Гладков: 1) в основе русского литературного языка лежит говор жителей Москвы и Московской области (шире—центральные районы России) и язык русских писателей-классиков; 2) руководящей, имеющей будущность тенденцией развития языка являются изменения живого, современного языка, а не мёртвые факты языковой истории.

Но в статье не всегда учитываются эти общепризнанные положения.

Никак нельзя согласиться с попыткой автора установить равноправие окающего произношения и акающего, «московского» произношения. Нельзя ссылкой на произношение стихов в XIX веке (кстати, такое произношение, вероятно, и тогда встречалось уже редко) и на то, что «окали» Горький и Калинин, уничтожить бесспорный исторический факт экономического и культурного первенства Москвы как центра страны, естественно устанавливающего и языковую норму. Кроме того, равноправие окающего и акающего произношения прямо противоречит единству орфоэпических норм, которое справедливо защищает в начале статьи Ф. Гладков (между прочим, стихия современного русского языка настолько сильна, что под её влиянием даже окающий украинский язык начинает немного акать).

Очень жаль, что автор статьи считает своей заслугой внедрение склонения слова «Москва» в сочетании «Москва-река». В живой речи здесь ясно слышится энклиза слова «река», перенос ударения с него на первое слово, в результате чего по существу возникает слово «Москв^арека». Ну, а такое слово должно склоняться наподобие составного слова «паровоз» (не говорим же мы «парувозу», «на паревозе»), наподобие названий «Медведь-гора», «Сапун-гора». Послушайте коренных москвичей — они все говорят «на Москв^а-реке», над «Москв^а-рекой» и т. д. Сама необычная постановка слова «река» после названия реки указывает на особую связь между этими словами (ср. «Китай-город»). Чтобы остаться последовательным, Ф. Гладкову нужно добиваться разрушения сочетания «Москва-река»: пусть говорят просто не «Москва-река», а «река Москва». Тогда оба слова будут склоняться без всякого затруднения.

Сомнительна правота Ф. Гладкова и в отстаивании произношения «озорничать» с

ударением над «и». Он сам называет слова, по аналогии с которыми выводит такое произношение глагола «озорничать», «угасшими с частной торговлей», то есть умершими. В самом деле, «мясничать», «проводничать» теперь никто не говорит. А если так, то и слово «озорничать», уцелев в современном языке как единственное слово этой группы глаголов, не может ориентироваться в своём произношении на умершую аналогию и вполне естественно получает новое ударение («озорнич^ать»). Именно потому, что эти слова исчезли (а не «исчезают»), потерял силу и прежний «закон» их произношения. Московские театры, конечно, не виноваты в том, что меняется лексический состав русского языка.

А между тем в речи москвичей-интеллигентов, орфоэпию которых можно всё же считать наиболее правильной, почти образцовой, бытуют такие речевые небрежности, как произношение «сем», «восем» (вместо «семь», «восемь»; это, повидимому, считается модным), употребление нелепого тавтологического сочетания наречий «сколько много». (Если чего-либо «много», то не требуется несущего то же значение слова «сколько»). В крайнем случае говорят «так много», «столь много», последнее — с книжным оттенком (другое дело: «настолько много, что...»). Между тем выражение «сколько много» мне пришлось слышать даже в речи аспирантки Института языкознания Академии наук.

Широко распространены и другие речевые ошибки. В городах, как правило, нет «базаров» (торговля лишь в определённые дни на площади, специально для торговли не приспособленной), а есть «рынки» (упорядоченная торговля на специально отведённом для этого месте); в очереди нужно искать не «крайнего» («крайний» — и тот, кто стоит около продавца, первый в очереди, и тот, кто стоит сбоку, если очередь извивается), а «последнего». Неверно говорить: «сколько время», «откудава» (диалектизм) и т. д. Широко распространено выражение «л^ожить» (вместо «класть»).

Такие частные ошибки исправлять в живой речи можно и нужно. Можно бороться и с более общими, но, несомненно, порочными явлениями, как «гхаканье». Но, пока у нас нет подлинно научного знания законов развития языка, которое позволит хоть немного заглядывать в его будущее, «выдумыв-

вать новые правила по своему произволу негоже.

Украинский диалог и вообще украинскую речь из русских книг, несомненно, следует исключать или, по крайней мере, оставлять лишь в случае несомненной ясности для русского читателя. А у нас часто (особенно в рецензиях и критических статьях!) печатаются без перевода отрывки из украинских стихотворений, хотя в стихах чаще всего используются редкие слова, понятные лишь украинцу и совсем не ясные для русского.

Не имея под рукой более показательного, приведу зато совсем свежий пример. Так, вряд ли будут понятны русскому читателю подчеркнутые мною слова (особенно второе) западноукраинского поэта М. Черемшины в стихах, напечатанных в «Литературной газете» от 16 июня прошлого года:

Темряву здо лала лампа Ілліча...

Сьомірічний хлопчик в зошиті виводить.

О. Орлов,
аспирант-заочник МГПИ
им. Потёмкина.

Статья Ф. Гладкова «О культуре речи» не всегда достаточно убедительна.

Меня, например, удивило, почему слово «учёба» объявлено «вульгарным провинциализмом», «диалектным». Словообразование с суффиксом «б» распространено и закономерно в русском языке. Когда-то жили слова: «борение», «преоборение», теперь прочно укоренилось «борьба»; писали «стреляние» из лука, теперь — «стрельба»; «моление» — «мольба»; «служение» — «служба»; «прошение» — «просьба»; «резание» — «резьба»; «дружба», «злоба», «молотьба». По радио мы слышим каждое утро: «Доброе утро, товарищи, начинаем ходьбу» (а не «хождение»).

Нет никаких оснований так сурово относиться к ясному, законно русскому слову «учёба». Во многих случаях слова с суффиксом «б» — более поздние, более распространённые. Они вытесняют прежние и в смысловом отношении — они обыденнее, ближе к жизни.

Я не писатель, не знаю, можно ли в наше время говорить о формальной красоте, об эстетической ценности одного обособленного взятого слова.

По-моему, слово определяется прежде всего содержанием, которое оно несёт. Можно говорить о смысловой точности, о звуковой образности нескольких слов в поэтической строке. «Знакомым шумом шорох их вершин меня приветствовал...» (Пушкин), «Она, как гусли, многострунна» (А. К. Толстой). А вот Ф. Гладков пишет: «...чудесное по красоте слово «учение», ...прекрасное слово «иней».

Кстати, напрасна боязнь того, будто слово «иней» исчезает из нашей литературы и подменяется словом «изморозь». В разговорной культурной речи эти слова живут прочно, употребляются часто, не смешиваются друг с другом и выражают два различных понятия.

«Иней» — белый, пушистый убор деревьев, от которого иногда ломаются ветви (к несчастью для садоводов), «изморозь» — подобие мелкого дождя зимой, когда всё покрывается прозрачной коркой льда, а на дорогах — гололедица.

«Стерня» — также широко распространённое слово. И распространено оно скорее всего потому, что «живиё», «пожати» — слова обобщающие и не дают точного представления о предмете. Кому приходилось босиком или даже в охотничьих сапогах пробираться по недавно скошенному полю, по крепким, как гвозди, остаткам стеблей, тот будет стоять за то, чтобы слово «стерня», как равноправное, входило в русский литературный язык, обогащая, уточняя, а не уродуя его.

И последнее — об использовании областных говоров и о диалогах на украинском языке. Ф. Гладков упрекает Серафимовича за употребление украинского языка в речах персонажей. Правильно ли это?

Гоголь в украинских повестях в то время, когда даже язык русского народа частью общества назывался «хамским», считал возможным употребление украинских слов, песен. Л. Толстой в «Кавказах» с большим мастерством воспроизводит особенности речи терского казачества. Русские писатели признавали необходимым воспроизводить диалоги персонажей на иностранных языках. А стилизация в рассказах Лескова (Лесков был и остаётся замечательным стилистом), в сказах Бажова, в сибирских рассказах Вячеслава Шишкова? Неужели всё это грехи в отношении литературного языка? Или, может быть, это как раз и есть могучее оружие — слово-образ — из арсенала великих художников?

Шолохов на встрече с писателями в Болгарии сказал: «Употребление местных диалектов»

лектов в какой-то мере допустимо, но надо это делать умело и со вкусом». Тем более это будет справедливо в отношении исторически сложившегося богатейшего языка украинского народа, составляющего четвертую часть населения нашей страны, не считая казачества Дона и Кубани, в языке которого основой является также украинский язык.

Советский писатель, задумавший писать большое полотно о нашей современной действительности, пишет образ украинца. Должен ли автор, вопреки правде и художественности, во имя какого-то рафинированного, лабораторно взвешенного литературного языка отказаться от воспроизведения особенностей речи своего персонажа?

Всем этим я хотел сказать, что литературный язык — очень живой, сложный и ценный организм и относиться к нему следует осторожно, творчески внимательно, бе-

режно; особенно при попытке категорического определения некоторых закономерностей его развития.

Мне кажется, что писатель, опираясь на классический литературный язык, должен в совершенстве знать и разговорную речь, впитывая всё её богатство, красочность, её дух не фотографически, а «умело и со вкусом», отбрасывая слабое, случайное, искажённое.

Высокое мастерство Гоголя и Лескова, возможно, в какой-то степени объясняется также и совершенным владением украинским языком, о котором они отзывались с большой признательностью.

Сам я не писатель и не специалист-филолог, а работаю на одном большом харьковском заводе. Много читаю, люблю хорошие книги и не люблю фальшивых и бледных.

Харьков.

М. Фидлер.

КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Н. Леонтьев. Альманах «Север». — **И. Козлов.** «Когда крепости не сдаются». — **И. Трофимов.** Художник слова. — **Вл. Николаев.** Новый друг. — **А. Наревич.** Детская литература в изложении А. Гречишниковой. — **В. Лакшин.** О мастерстве драматурга. — **В. Гура,** Литература и библиография. — **Л. Лозинская,** **Е. Фрадкина.** Роман о рабочих демократической Германии.

ПОЛИТИКА И НАУКА

В. Завадский. По твёрдому курсу. — **Л. Баграмов.** Слово очевидцев. — **В. Дворцов.** Америка в прошлом и настоящем. — Кандидат экономических наук **В. Дмитриев.** Русские новаторы железнодорожной техники. — Инженер-геолог **Ф. Бублейников.** Советская наука о строении Земли. — **А. Асеев.** Основы положения: научного степного лесоразведения.

Литература и искусство

Альманах «Север»

Север!.. Социалистический строй возродил этот некогда забытый край. Вдохновлённые партией, советские люди пошли в наступление на бескрайние тундры и леса, переделывая способы хозяйствования, всё устройство жизни, самую природу.

Естественно, что, открывая литературно-художественный альманах Архангельского отделения Союза советских писателей, так и названный «Север», читатель хотел бы наряду с обычными темами найти в предлагаемых ему стихах, очерках, рассказах и повестях также и отражение многообразной жизни советских северян.

Предпоследний номер альманаха «Север» открывается циклом новых стихов архангельского поэта Владимира Жилкина. Уже по заголовкам стихов чувствуется, что мы имеем дело с добросовестной попыткой автора отобразить Север, как можно полнее охватывая все темы, которые могут быть с ним связаны. О славном прошлом напоминает картина встречи Ломоносова с земляками («В кругу земляков»). В беседе автора со старой работницей-лесопильщицей выясняется различие в судьбах старого и молодого поколений современных северян («Дарья»). Картины советского Севера с его индустрией («Стихи о бумажном комбинате»), морским транспортом и рыбными про-

мыслими («На Крайнем Севере»), авиацией («Над родными просторами»), колхозами («Перед выездом в поле»), забавами детей («Шеф из посёлка») и, наконец, с его огромным будущим («Настанет день») мы находим в десятке перечисленных стихотворений. Возрождённым народностям Крайнего Севера посвящён «Наказ», преобразованию северной природы — «Садовод».

Казалось бы, здесь всё на месте: все значительные стороны жизни родного края охвачены в цикле стихов, который, вдобавок, возглавлен стихотворением, посвящённым актуальнейшей теме борьбы за мир. Но, читая стихи, мы видим, что написаны они не на основе богатых и сильных впечатлений, а скорее порождены умозрительными, притом неточными, представлениями автора.

Результаты такого «творческого метода» сказываются в безликом образе русобородого (единственная зримая примета!) садовода, «творца растений и земли» (об уходе за землёй в стихотворении нет даже и намёка!), про которого автор говорит, что «мечтал он... не скупясь на речь».

О стиле стихотворения даёт представление хотя бы такая строфа:

Наш Север холоден и хмурен.
Суглинок — бич родных земель.
Но разве не дерзал Мичурин,
Найдя заманчивую цель?..

Обычное русское слово «хмур» не годится для автора: оно не рифмуется со словом «Мичурин». Суглинок — один из распространённых типов северных почв — объявлен «бичом» земель. Оказывается, что Мичурин не сознательно ставил перед собой величественную цель переделки природы, а «нашёл» её.

А ведь это далеко не худшее произведение цикла! В стихотворении «Наказ» читателю встретятся и «лайки нарт», и несвойственные мышлению ненца «туч холсты», и навязанные автором размышления пастуха во время выюги — «не переждать ли в меховом мешке», хотя известно, что ненцам никакие «меховые мешки» не могут понадобиться по той простой причине, что их одежда гораздо надёжнее и теплее. По причине такого же невнимания к конкретным условиям жизни и труда В. Жилкин утверждает, что владелец лесозавода «скапливал богатства в закрома», что в колхозе «ждёт не дождётся вспашки пласта», а «ручьи не вытопят в талом блеске», что «струи Волги... закрепят каспийские пески», что «с тралы рыбы сгружает страна».

Стих Владимира Жилкина остаётся в этом цикле «холоден и хмурен» даже в минуту, когда автор пытается изобразить восторг. Читателя не убеждают уверения автора:

Шепчу, волнуясь, в такт моторам:
Как ты, отчизна, хороша!.

Ты вся в лучистой позолоте,
Вся в ярких радугах, в цвету...

Север в дерзанных, в мечтах...

Теперь здесь жизнь кипит прибором,
В явь превращается мечта.
И эта явь войдёт в баллады,
В звучанье оркестровых труб...

Наша требовательность по отношению к Владимиру Жилкину продиктована уважением к его предыдущему творчеству и серьёзной тревогой за его настоящее.

Второй большой цикл стихов в том же номере альманаха принадлежит поэту В. Мусикову, автору ранее вышедшей в свет книжки стихов. Большая часть цикла (девять стихотворений) посвящена теме борьбы за мир. Наряду с эмоциональными произведениями, как, например, «Подпись», «В день Победы», «О дружбе», «Звезда

счастья», сюда включены и декларативные наброски, построенные на таких устаревших, штампованных фразах, как, например, «И вдруг загорается гневом взгляд», на повторении общих мест («Стихи о государственном бюджете»). Неравноценны стихи В. Мусикова и в цикле «Соотечественники». Лучшие из них — «Домик в Свердловске» (о декабристах); но поверхностными зарисовками выглядят «На берегу Двины» (о Ломоносове) и «Дружба» (о Гайдаре). Неплохое стихотворение о Радищеве испорчено неграмотным началом:

Рванулась долу коренная,
Клубя дорогу за спиной...

Ни «рвануться долу», ни «клубить дорогу за спиной» коренная, конечно, не могла.

Зная книгу стихов В. Мусикова, можно лишь пожалеть, что он сам недостаточно требователен к себе и что его товарищи по альманаху с недостаточным вниманием и требовательностью относятся к этому способному поэту, работающему в литературе уже полтора десятилетия.

Удивительно ли после этого, что и молодой поэт Борис Щеглов начинает бегло перечислять:

На майскую вахту
Встают лесорубы,
Почётную вахту
Несут моряки...

не заботясь о том, что в таких стихах нет поэтической мысли, нет поэзии.

Борис Щеглов — незурядное явление в литературной жизни Архангельска. Ещё недавно сторож по профессии, глухонемой, он проявил большую волю к творчеству и во имя его начал овладевать знаниями и речью. Местные газеты печатают его чаще, чем кого-либо другого из его земляков. К сожалению, он ограничивает свои творческие возможности — источником его вдохновения обычно служат праздники. Его стихи, напечатанные в альманахе, также приурочены к определённым датам: «Победитель» написан им ко Дню Победы, «Крылатое племя» — ко Дню авиации, «Утро» — ко дню Первого мая, «Слово сыну» — к Международному юношескому дню. Мы полагаем, что и в повседневной жизни поэт смог бы найти почву для своего творчества.

Стихи Олега Думанского «Закон жизни» (по объёму почти поэма) рассказывают о

спасении бедствующих в море рыбаков экипажем советского эсминца. Волнующую тему советского гуманизма поэт безуспешно пытался передать средствами одной лишь версификации. Всё, кроме описания штормующего моря, лишено поэзии:

Грядущего открыты дали...
В раздумье повторяет он
Тот, что открыл великий Сталин,—
Для счастья всех людей закон...

Глубокие и конкретные мысли, заимствуемые О. Думанским из научных и публицистических произведений и перенесённые им в стихи, не становятся поэзией.

П. Коршунову не даются интонации живой разговорной речи. В стихотворении «Яблонька» он заставляет колхозного «садовода Грунюшку» говорить о яблоне в таком стиле:

Май влюблённо дарит ей, на радость
нам,
Лепестки нежнейших белых роз...

Во втором стихотворении, «Дождь идёт», по словам автора, дождь «вполне исправно умывает» озими и травы, и он может «проводами обежать край... поднимая урожай».

Стихи архангельских поэтов редко можно встретить за пределами области. Можно с уверенностью сказать, что в двух последних номерах альманаха «Север» сосредоточено всё лучшее из двухгодичной продукции поэтов области. Почему же так бледно выглядит в этих стихах тот самый Север, который, мы уверены, любит каждый из перечисленных нами авторов?

Проза в альманахе представлена значительно богаче, чем поэзия.

В четырёх рассказах, опубликованных за два года, обнаружил себя как внимательный и зоркий наблюдатель жизни молодой прозаик Евгений Богданов. Но лишь в одном, самом маленьком рассказе—«В пути»—автор зрело рекомендовал себя художником. Проезжающая мимо села Вязовцы молодой врач Надежда во время ночлега спасает от опасного сердечного припадка председателя колхоза. Этот случай заставляет обоих вспомнить те суровые дни боёв с фашистами, когда повседневным мерилом человеческой ценности был подвиг. И вот обычные, случайно встретившиеся люди как бы вырастают на голосу в глазах читателя, становятся дороги ему.

Радуюсь этой удаче автора, читатель тем более досадует на него за то, что в остальных своих рассказах он как будто и не стремился ни к каким художественным обобщениям. Вот названная рассказом зарисовка «Щётки». Механик передвижной электростанции на заготовке леса Люба огорчена и сконфужена: остановилась её электростанция из-за того, что износились щётки. Новые будут получены только через несколько дней, запасных на соседних дебрянках также не оказалось. Электропилищикам грозит простой. Люба выходит из затруднительного положения, вспомнив, что фабричные щётки можно заменить самодельными, выточенными из угольного электрода сухого элемента. Вот и всё. Ни волнений, ни раздумий, ни даже простого интереса эта зарисовка не вызывает: мир человеческих чувств казался заслонённым технологиями.

Нечто подобное мы наблюдаем и в другой зарисовке того же автора—«Сентябрь». Две недели подряд работают вместе молодой черноглазый расторопный комбайнер Прохор Дубков и его подручная Маша, выделенная колхозом. Прохор явно нравится Маше, но тот не замечает её чувства. Если верить автору, за всё это время Прохор сказал ей лишь: «Дай ключ на девятнадцать», да ещё на вопрос об обязательстве ответил: «Выполним, тридцать гектаров осталось». И даже когда Прохор прозрел («Так вот ты какая!»), а Маша мучительно спрашивает его глазами («Ну что ж ты молчишь?»), они механически повторяют отпущенные им автором слова. «Я так привыкла к комбайну... Теперь для меня нет большего желания,— говорит Маша,— чем стать комбайнером... Мне очень хочется водить комбайн...». «Ты хочешь стать комбайнером?»—ещё раз переспрашивает Прохор. «Я буду комбайнером»,—ещё раз заверяет Маша. И в завершение этого «производственного романа» в миниатюре, когда у обоих должны бы, кажется, рваться наружу человеческие чувства и слова, по воле автора, Прохор «стал рассказывать, как любит свой комбайн». Как говорится, комментарии излишни!

После прочтения большого рассказа Е. Богданова «Сплавщики» в памяти не останется ничего, кроме некоторых сведений о специфике работы сплавщиков. Не только рассказ, даже и очерк обычно пред-

полагает решение более широких задач. Но и в узкопрофессиональной области автор неточен: невольное купание Анны и Ершоза он рисует как из ряда вон выходящее событие, в то время как на сплаве это хотя и неприятное, но привычное, повседневное явление. В рассказе нет развития событий. Ни один из персонажей не имеет определённого характера, и даже их внешние признаки ограничиваются «пышными льняными усами» парторга и «красивыми глазами» Анны.

Для большей части рассказов характерна какая-то неподвижность, отсутствие какого бы то ни было развития темы. Возьмём хотя бы «На лесном кордоне» Николая Полуянова. Двенадцатилетний герой рассказа Илюшка проводит каникулы вдалеке от своей деревни, в сторожке лесного кордона, где его отец-лесник несёт свою службу. Он пасёт коз, гоняется за лосем, загнанным мошкаркой в озеро, помогает косить пришедшим сюда колхозным косарям. От них он слышит про переделку природы, про лесозащитные полосы. После ухода косарей Илюшка зачитывается оставленной ими книжкой на ту же тему. Вскоре отец сообщает, что и вблизи кордона предполагаются лесонасаждения. Илюшка решает собрать семена и послать их в Сталинград. Впоследствии лесничий убеждает его использовать собранные семена берёзы для засева вырубленных лесных участков вблизи кордона. Автор передаёт попутно разочарования и радости его маленьких героев. Но отдельные картины, в которых есть верные и живые наблюдения, не могут слиться и образовать рассказ, потому что их не объединяет обобщающая художественная идея.

В рассказе того же автора «В дороге» изображено прощание матери с дочерью, уезжающей на учение в институт. Именно в этот трогательный момент автор переключает внимание читателя в мир производственно-агротехнический. Даже самые последние минуты мать и дочь посвящают воспоминаниям такого сорта: «Тогда ты, мама, суперфосфата без нормы положила и ещё куриного помёту добавила. А для равновесия нужен был калий».

В последнем из своих рассказов («Весной») И. Полуянов выводит старого колхозника Пахома, испытывающего на себе нечто вроде «власти земли» на новом литературном этапе. Больной, чуть не в го-

рячечном состоянии, Пахом рвётся на колхозные поля, где в это время идёт сев. Автором здесь потеряно одно из главных чувств художника — чувство меры. В довершение всего и выздоровление Пахома и решительный поворот в еле намеченной картине отношений между Фёдором и Ньюрой изображены как прямое следствие изменившейся метеорологической обстановки.

Повторяя друг друга, описывают своих героев Павел Некрасов («Старый шарабан») и Андрей Старцев («Механик Бурковский»). В обоих рассказах главный персонаж начинает с того, что решает требовать расчёта, но вместо этого продолжает работать с удвоенной энергией и добивается победы, благо кругом он видит не помехи, а поддержку. Авторы, как бы имея дело с арифметикой, самостоятельно находят одно и то же решение одной и той же задачи. Однако перед нами не постоянные величины, а люди, меняющиеся к тому же в разных условиях по-разному; одинаковый путь решения, в отличие от арифметики, не служит здесь доказательством правильности метода. В этом случае авторов не спасёт даже и точное знание материала, которое у них, несомненно, есть.

Безусловно знают свой материал и В. Костин, описывающий жизнь военных моряков (рассказы «Сквозь бурю» и «Урок»), и Иван Тихомиров, опубликовавший свои записки военного корреспондента («Защитники родины»). Но первый из них не сумел найти интересные сюжеты, которые помогли бы представить содержательный материал в живой литературной форме, а второй попытался превратить в своеобразные сюжетные новеллы материал, годный лишь для дневниковых заметок.

Редко появляющийся в печати старейший прозаик Севера П. Пунух обращается к своим старым воспоминаниям о жизни в Ненецком национальном округе. Рассказ «Уголёк» он построил на одном из старинных суеверий: если на голову женщины залетел из костра уголёк, она объявлялась неверной женой и муж бросал её одну на чумовище. Старушка-ненька Мавра Осиповна, от лица которой ведётся рассказ, радуется тому, что сейчас эти приметы отжили свой век. Но рассказа не получилось потому, что мы находим здесь лишь комментированное описание. Интерес к сообщениям автора снижается и тем, что, игнорируя полтора

десятилетия, прошедшие со времени его знакомства с ненцами, он приписывает им настолько низкий уровень развития, что допускает мысль, будто бы обычную патефонную пластинку они способны принять за живого человека.

В последней книжке альманаха имеется записанный и обработанный П. Пунухом рассказ сказительницы А. Суховерховой «Про старопрежнюю долю женскую». Здесь уже самый материал уводит читателя к прошлым временам. В этом не было бы беды, если бы неискусная стилизация под усвоенный отдельными сказителями псевдонародный язык («про старое да про бывалое», «частёхонько да смирихонько», «парнищечко», «хозяйнушко») не вносила нежелательный оттенок любования отсталостью. Кстати: «хозяйнушко» на Севере зовут не хозяина дома, а лишь домового. Все эти устарелые речения сама А. К. Суховерхова уже давно выбросила из своего лексикона.

В № 14 альманаха «Север» из 234 страниц лишь 102 страницы посвящены современности, а всё остальное — история. Главы из повести Константина Коничева о художнике Верещагине «В молодые годы» не дают читателю представления о том, как формировалось мировоззрение одного из известнейших русских художников, как развивался характер в молодые годы, как зарождались и складывались его художественные вкусы. Там, где дело касается живописи, повесть превращается в научно-популярную биографию, а подчас и в беглое перечисление основных событий. Великая, всепоглощающая страсть художника, его неодолимый порыв к творчеству и в малой доле не переданы в ничего не говорящих фразах: «И усиливалось возникшее у Верещагина желание постичь то, что другому казалось бы несбыточным», «Однако я поступлю так, как подсказывает рассудок...»

Очень странно описано начало юности художника. Пятнадцатилетний «Васятка-гардемарин» читает своему отцу, помещику-самодуру, нотации, совершенно невысказанные при его положении в семье. Автор уверяет, что Васятка «чувствовал себя в разговорах с отцом уверенно и, не стесняясь, в довольно резкой форме продолжал: — Если в тебе нет жалости, отец, то, быть может, страх присутствует? Ужель не знаешь, что разговорами о предстоящей крестьянской воле в Петербурге занимается каждая кухарка,

не говоря уже о культурных людях? Или ты думаешь, надо драть мужика, пока не поздно? А знаешь ли ты, что пишет Герцен в «Полярной звезде»? Не знаешь? Так побывай в Любцах у дяди Алёши, возьми у него «Полярную звезду» и почитай. Не хочешь? Напрасно!.. Ты думаешь, что мужик, выпоротый по твоему приказу, будет незлобив, как агнец, и против зла сотворит благо? Опомнись, отец! Плетью обуха не перешибёшь. Это мужиками сказано. И уж если появится новый Разин или Пугачёв, то он будет посильней этих двух...»

Трудно решить, кто более неумён в этой картине — сын-обличитель или отец, миролюбиво слушающий эту тираду и отвечающий «скорбным голосом»: «Твой дядя, а мой брат Алексей состоит на учёте в Третьем отделении как подозрительный тип... В тебе уже сидит тот самый злой дух, который помешает тебе выйти в люди...» И уже совсем нелепа сцена, в которой отец и сын состязаются, обрушивая друг на друга примеры из неудачных «исторических параллелей». Отец предъясняет ультиматум:

«— Или — морской офицер, или — никто!

— То есть, как это никто? — возмущённо спросил Вася.

— А вот так! — строго возразил отец. — Припомни, сын мой, как великие люди, Иван Грозный и Пётр Первый, покончили со своими неразумными враждебными сыновьями...»

— Чепуха, папа, эти примеры из истории неуместны. Но если сослаться на исторические примеры, то я могу напомнить тебе об Александре Первом, который благословил графа Зубова и других разделаться со своим отцом, российским государем!..»

(Последнее «сказано было в незлобливом, пожалуй, шутилом тоне...»)

И всё это говорит мальчком, с которым перед приездом царя отец разделяется простым пинком ноги, причём тот «кубарем покотился по лестнице!»

Стиль повести достаточно охарактеризован уже приведёнными отрывками.

Повесть Константина Коничева, судя по опубликованным главам, представляет собой показателем лишь сырой материал для произведения о великом русском художнике. Этим нерадостным замечанием приходится заключить обзор произведений художественной литературы в альманахе.

Свою новую работу «По пути Ломоносова» А. Морозов — известный исследователь и популяризатор жизни и деятельности великого учёного — посвятил трудам его учеников и последователей: академика И. Н. Лепёхина, Н. Озерецковского, В. В. Крестинина, А. И. Фомина.

П. Артюхов в работе «Горький и Чапыгин» систематизировал сведения, характеризующие более чем двадцатилетнюю дружбу этих писателей.

Молодой критик А. Михайлов дал, в общем, удачное обозрение творческого пути М. Р. Голубковой. Он обрисовал путь печорской батрачки к участию в художественном творчестве — отрадное явление, свидетельствующее о богатстве и многообразии советской культуры. Заметим лишь, что критик недостаточно чётко разграничил Голубкову — реально существующую личность, и Голубкову — литературного героя. А. Михайлов не учёл, что повествование от лица Голубковой во всех трёх повестях — литературный приём, и всё сказанное в повестях выдаёт за личные высказывания М. Р. Голубковой. Ложное впечатление могут создать оговорки автора о «повестях, написанных ею», так как известно, что её умение в области письменности чрезвычайно ограничено. Излишнее внимание уделяет критик так называемым «сказкам», которые были временным этапом в творчестве этой одарённой женщины.

На страницах альманаха напечатана также работа ленинградской фольклористки Э. Бородиной-Морозовой «Сказительница Павла Пахолова (1879—1946)».

Более четверти века фольклористка посвятила изучению так называемой «былевой традиции» семьи Крюковых из села Нижняя Золотница на Зимнем берегу Белого моря. Этот огромный труд, достаточный для создания долго ожидаемого нами «Свода русского фольклора», был положен лишь на то, чтобы запечатлеть все нюансы исполнения былины в роду Крюковых. В последние годы репертуар всех родичей М. С. Крюковой был исчерпан, и для науки о фольклоре единственную невзятую твердьню представляла лишь сестра М. С. Крюковой — Павла Семёновна Пахолова. На все просьбы фольклористки она неизменно отвечала:

«— Не буду пропевать. И Алексей Владимирович (А. В. Марков) просил, и Всеволодушко (В. П. Чужимов) просил, и все

студенты просили, а я смолоду отказывалась, а тепере вовсе всё забыла...»

И всё же наука победила. За тринадцать лет в блокнот фольклористки оказались записанными более 30 былин и один духовный стих «Про Егория Храброго», пропеты Пахоловой. Истории злоключений фольклористки, а также анализ её научных трофеев и составляют содержание опубликованного в альманахе «труда». Приведём отрывок из него:

«Чувствуя, что былинный репертуар Павлы Семёновны иссякает, старшая сестра сказала: «А тепере, Павла, другу каку старину или историю пропой, хошь небольшую!» Павла Семёновна ответила: «А я — не ты. Не могу историю перекасть на старину... А вот ты хитрой человек, Марфа, дай своей хитрости, дай своей мудрости, как тепере быть?» Марфа Семёновна рассудила: «...тепере нать большу старину разорвать да три пропеть»... П. С. Пахолова попыталась воспользоваться мудрым советом старшей сестры...»

Такого рода порчу эпического наследия наших предков Э. Бородина-Морозова называет «творческой переработкой наследия» (что сказали бы фольклористки, если бы современные греки начали «творчески перерабатывать» «Илиаду» и «Одиссею» по методу северных сказительниц-сестёр!). По мнению фольклористки, такого рода записи «позволяли глубже узнать, как живёт былина в своей естественной среде...»

Появление этой работы можно объяснить лишь чрезмерным увлечением, которому поддавалась Э. Бородина-Морозова, чей литературный вкус известен хотя бы по отлично выполненным переводам. Здесь же мы встречаемся с совершенно некритическим отношением исследователя к записанному материалу.

Что же ещё упущено нами в двухлетней продукции архангельских литераторов? Рисовки «Стерляжники» Николая Жернакова и «Международное дело» А. Беляева, названные рассказами. Очерк Д. Захарова «Учитель», звучащий как рассказ. Неплохая сказка А. Зыкова «Волк». Боевая и содержательная рецензия Бориса Пономарёва на роман Н. Никитина «Северная Аврора», в обсуждении которого участвовали ветераны борьбы против заморских оккупантов. Очерк Евгения Кожкина о Гайдаре. Обстоятельная рецензия Ф. Черняховского на

книгу А. А. Морозова «Михаил Васильевич Ломоносов».

Всё это хорошо, но как мало всего этого для тех литературных сил, которые объединяет альманах «Север»!

У архангельского Севера есть своя немалая литературная традиция. Достаточно назвать имена А. Чапыгина, М. Пришвина, А. Гайдара, Н. Никитина, И. Молчанова, А. Яшина, И. Меньшикова, творчество которых тесно связано с природой* и людьми архангельского Севера. На Севере написана лучшая книга о нашем великом земляке — талантливая и полезная работа А. А. Морозова о Ломоносове. Яркая повесть «Детство в Соломбале», пользующаяся значи-

тельным успехом в нашей стране и переведённая на языки братских демократических республик, создана соломбальцем Евгением Кожовиным. Поэтому было бы недопустимо одобрять и поощрять словами безразличия нынешний уровень творчества одарённых людей, представляющих Север.

Повышающиеся требования наших читателей должны рождать и повышенную неудовлетворённость достигнутым у писателей. Можно ли забывать о том, что литература должна отражать жизнь и удовлетворять духовные потребности советского народа?

Н. ЛЕОНТЬЕВ.

★

«Когда крепости не сдаются»

Сергей Голубов известен как автор романов «Солдатская слава» и «Багратион», беллетризованной биографии Бестужева-Марлинского. Главный герой романа «Когда крепости не сдаются» — Дмитрий Михайлович Карбышев — тоже лицо не вымышленное, а подлинное. Это советский генерал, крупный практик и теоретик военно-инженерного дела. До Великой Отечественной войны он был профессором нескольких военных академий, в первые месяцы войны попал в плен и стойчески перенёс все пытки, которым подвергали его гитлеровцы, стремясь заставить его изменить Родине. Приблизительно год спустя после поражения фашистской Германии, когда стали известны многие обстоятельства трагической судьбы Карбышева, правительство присвоило ему посмертно звание Героя Советского Союза.

В книге С. Голубова мы знакомимся с героем в канун первой мировой войны и следим за его жизнью в течение тридцати с лишним лет.

Писатель показывает Карбышева на службе и в бою, в размышлениях о той области военного дела, специалистом которой он был, в раздумьях над социальными и политическими вопросами, в быту, в личной жизни. Мы встречаемся с ним в брестской цитадели, на строительстве укреплений, под Перемышлем в период штурма крепости русскими войсками, в Карпатах.

С. Голубов. «Когда крепости не сдаются». Роман. Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, М. 1953.

в Петрограде после Февральской революции. Мы видим затем Карбышева на фронтах гражданской войны — на Волге, на Перекопе — и в штабе войск Украины, после того как молодая Советская республика отбила все походы Антанты и разгромила внутреннюю контрреволюцию. Потом Карбышев живёт в Москве, где занимается научной и педагогической работой, став доктором технических наук.

В образе Карбышева писатель стремится показать типическую судьбу одного из лучших представителей нашей военной интеллигенции того поколения, которое начинало свой путь ещё в царской армии. Карбышев был одним из тех старых офицеров, которые не остались в плену предрассудков и честно старались постигнуть смысл общественного развития своей Родины, чтобы служить народу. Это позволило им понять передовые идеи нашего времени и верно определить своё отношение к революции.

Для такого роста мировоззрения необходимы некоторые личные психологические предпосылки. Мы видим у Карбышева черты редкой честности. Он доступен каждому солдату, понимает тяжесть крестьянской и солдатской доли, у него нет и тени карьеризма, желания выслужиться перед начальством — короче, в его натуре есть прочное и естественное демократическое начало. На первых страницах романа рассказано, как солдат Романюта, хлебнув лишнего с горя и отчаяния от долгой «жизни на цыпочках», разбил свою винтов-

ку. Солдату грозил штрафной батальон, если бы его не взял под защиту Карбышев. Эта сцена, как верно взятая нота, даёт характерное звучание всему образу. Ещё далеко до того времени, когда военный инженер Карбышев проникнется идеями Коммунистической партии и вступит в её ряды. Ещё немало лет он будет руководствоваться главным образом своим чутьём в поисках верного жизненного поведения, иногда при этом ошибаясь. Но, рассказывая о Карбышеве в конце 1916 года, автор романа мог уже написать, опираясь на факты: «...Теперь настала минута, когда всё ему стало понятно и ясно... Карбышев вдруг всё понял — кто прав, кто виноват... Конечно, не стал Карбышев сразу другим. Но и прежним уже не был».

Прошёл ещё год. Без тени сожаления военный инженер снял погоны офицера царской армии и, не колеблясь, сделался красным офицером. В новой армии, дающей простор всему передовому, он мог осуществить свои идеи, связанные с развитием военно-инженерного искусства в машинный период войны.

Для уяснения мировоззрения Карбышева важно изучить его военно-инженерную деятельность. Ему, творчески мыслящему инженеру, было больно видеть, как формалисты, рутинёры царской армии замораживали инженерное дело и как за этот консерватизм командования расплачивались своей кровью солдаты. Полковник, впоследствии генерал, Азанчеев, например, говорил: «Я часто замечал: когда позиции укреплены слабо, дух войск выдвигается на первый план». Такие фарисейские рассуждения людей, не любящих народ, возмущали Карбышева до глубины души.

Однако в романе С. Голубова, на наш взгляд, военно-инженерному делу уделено непомерно большое место. Мысль о том, что «основой полевой фортификации... может и должна быть только разработанная в своих приёмах тактика пехоты», мысль о необходимости «осапёживания» пехоты переходит из главы в главу и даётся во многих случаях не в форме столкновений, которые движут развитие персонажей и общую идею произведения, а просто как высказывания Карбышева в разговорах с товарищами по профессии, в лекциях перед слушателями военных академий, в учёных диспутах. Правда, сама военно-инженерная проблема в этом изложении выявляется

полнее; однако столь скрупулёзное описание полевой фортификации, принципов строительства укрепленной полосы, эшелонирования обороны, системы укрепленных районов и прочего более уместно в специальном учебнике, чем в романе.

Военно-инженерной спецификой больше всего насыщены конец второй части и почти вся третья часть романа. И это наиболее бледные страницы произведения. Однообразие сцен утомляет. В период своего пребывания в Москве герой показан в одном или почти в одном плане; он превращается в кабинетного учёного, ничего не воспринимающего в жизни, что не относится к предмету его исследования. Природа, которая оживляла роман в первой части, исчезает совсем, и даже городской пейзаж обращается к нам своей самой строгой и единообразной стороной, напоминающей коридоры и аудитории, куда перенесено главное действие.

Как ни серьёзны эти художественно-образительные недостатки романа, читатель всё же ощущает идейную цельность героя, и, когда Карбышев попадает в плен к фашистам, мы твёрдо уверены в нём: не уронит он достоинства советского человека, не встанет перед врагом на колени! В ответ на издёвку палача: «—Отправляетесь в «неизвестность» — раздаются потрясающе спокойные слова Карбышева: «—Только не грозите мне жизнью, а смерть меня вовсе не пугает!»

Из действующих лиц, введенных в роман одновременно с Карбышевым, наибольший интерес представляют Величко, Опимахов, Заусайлов и Азанчеев — генералы и офицеры царской армии. Показывая их, писатель полнее и разностороннее изображает социальную судьбу старой военной интеллигенции в революции.

Генерал Величко, в характере которого сильны демократические тенденции, стал честным советским военспецом, не переживая большой психологической ломки. Для Опимахова такой путь был заказан. Правда, встречаясь почти на каждом шагу с мерзостями старой армейской действительности, он, бывало, в откровенную минуту высказывался вполне определённо: «Измельчал русский генерал. Да и не он лишь один. Прапорщик, и тот у нас мельчает! Хороши только солдаты: они ещё дерутся». Но, разочарованный в старом, он

оказался неспособен разглядеть пути к новому и кончил самоубийством. Заусайлов сражался в рядах белогвардейцев против советской власти и погиб под Каховкой. У генерала Азанчеева есть нечто от пронизательного Опимахова, но есть в нём и частица ненависти к новому, характерная для Заусайлова; больше же всего в этом человеке своего, азанчеевского — какой-то особой, из ряда вон выходящей подлости.

Азанчееву в романе принадлежит более сложная роль, чем Опимахову или Заусайлову: в столкновении с ним рельефнее выявляется характер основного положительного героя.

В советские годы Азанчеев становится участником подпольной контрреволюционной организации, ставящей себе целью реставрировать капитализм в нашей стране. Из отрицательных персонажей он дальше всех заходит в своей враждебной деятельности. Писателю удалось показать социальную мимикрию врага-двурушника. Прозорливый Куйбышев говорит: «От Азанчеева нет тени. Надо приглядеться». В разговоре Азанчеев всегда «снимает с лица глаза»; это сказано, может быть, несколько рискованно с точки зрения литературного вкуса, но мысль вполне ясна.

Задуман Азанчеев С. Голубовым очень интересно. Надо сказать, однако, что выполнение отстаёт от замысла. Писатель изображает Азанчеева преимущественно как антипода Карбышева и почти не даёт ему самостоятельной жизни. Рисуя Азанчеева в годы его «научной» деятельности, автор не находит необходимого разнообразия — бесчисленные лекции, споры, разговоры... Как-то внезапно, в форме простой информации, сообщается о том, к какому концу пришёл Азанчеев. Кстати, подобным же способом устранён из романа и другой персонаж — Лабунский. Писатель вправе рассчитывать на догадливость читателя; но в данном случае на читателя возложено создание существенных черт героев и сочинение картин, которые должен был написать автор.

К сожалению, сведение интересного замысла к более бедному и узкому решению мы видим и в некоторых образах положительных героев — прежде всего солдата Романюты. Вначале это образ хорошего русского человека, терпеливого и умного; когда Карбышев соприкасается с ним, мы убеждаемся, что близость Карбышева к

простому люду — не временное и преходящее настроение, а суть характера. В образе Романюты на протяжении многих глав ощущается самобытность и сила. Но впоследствии — там, где действие происходит в годы Великой Отечественной войны, — эти черты бледнеют. К тому времени, как полковник Романюта стал партизаном, его образ делается схематичным.

Может быть, из второстепенных персонажей лучше всего удался С. Голубову Юханцев — путиловский рабочий, «сплавленный» заводской администрацией на фронт, под пули, за его революционные настроения. Пройдя трудные и сложные дороги, он становится закалённым политработником Советской Армии. Твёрдость убеждений и характера Юханцева испытывается в первый месяц Великой Отечественной войны, в дни штурма гитлеровцами брестской крепости, в осаждённой врагами цитадели, где Юханцев стоит во главе группы советских героев, проявивших несравнимую стойкость.

Заметим, что сцены обороны брестской крепости — наиболее сильные и запоминающиеся из многочисленных сцен этого романа.

В четвёртой части романа мы видим концентрационные лагеря фашистской Германии, картины фашистских зверств. Выводятся тут и организаторы системы убийств и пыток — полковник СС Заммель, майор Пельтцер и другие.

Но не о них мы будем говорить — подобное уже изображалось до С. Голубова. Новое у него состоит в стремлении раскрыть жизнь «второй Германии», жизнь тех людей, которых имеет в виду Эрнст Тельман, когда говорит в романе: «Немецкая нация — смелая, гордая, стойкая нация. Я — немец». Эти люди, оставаясь на воле, пытаются объединяться в группы и даже, попадая в тюрьмы, образуют там организации. Карбышев встречается с ними в каждом лагере, куда его переводят. Во главе этих организаций — неведомая «фрау доктор». В одном случае от «фрау доктор» Карбышеву тайно передают медикаменты, чтобы поддержать его отказывающееся служить сердце, в другом случае помогают устроиться в больницу и избежать голодной смерти, в третьем — поддерживают его дух обещанием рассказать советским людям о его достойном поведе-

нии в фашистских застенках. «Фрау доктор» — вначале загадка для узника; лишь потом он узнаёт, что это конспиративное обозначение германской компартии.

Нельзя не сочувствовать желанию писателя понять тех людей, которые, не сдвываясь гитлеризму, подготовляли будущую борьбу за создание Германской Демократической Республики, тех людей, которые ведут сегодня в Западной Германии битву за объединение своей родины в едином демократическом государстве.

Автор рецензии не является знатоком истории антигитлеровской борьбы внутри Германии. Но всякий читатель, думается, усомнится в историческом правдоподобии описываемых событий: несомненна известная наивность в приёмах конспирации, о которых рассказывает автор, беглость и условность в изображении революционеров.

Построение романа, в котором главный герой — лицо не вымышленное, а подлинное, и жизнь его показана в почти точном хронологическом порядке в течение ряда десятилетий, представляет труд огромной сложности. С одной стороны, как будто всё просто: события из жизни героя, его развитие, движение основной идеи как бы сами собой образуют готовый сюжет. Но ведь есть в таком материале большая трудность: подлинные факты сдерживают вымысел, тянут к простому жизнеописанию в беллетризованной форме.

С. Голубов старался этого избежать и в ряде случаев придумал верные композиционные и сюжетные решения.

Но сюжет и композиция хороши тогда, когда они так естественны, что как бы не замечаются читателем. В романе же «Когда крепости не сдаются» сквозь жизненную ткань нет-нет да и проступят швы и скрепы.

Карбышев после империалистической войны попадает на Восточный фронт, к

Фрунзе, и туда же автор постепенно перемещает Азанчсева, Лабунского, Османьянца, Батуева, Жмуркина — почти всю кавалькаду «сквозных» героев. Затем все они — на Южном фронте; тут, кроме того, объявляются старые знакомые Карбышева — Романюта, Юханцев, Наркевич. Далее все они, без исключения, собираются в Москве. Конечно, ничто не бросает так человека из края в край, как война. Но нельзя же писателю пользоваться этим обстоятельством совсем уже бесконтрольно.

Есть в романе персонажи, которые существуют как бы для того только, чтобы скреплять сюжет. Внутреннее развитие образа давно кончилось, но время от времени такой герой ещё раз или два промелькнёт в какой-либо главе, чтобы создать впечатление прочности сюжета, но прочность эта мнимая (пример — Жмуркин в двух его мимолётных появлениях на Восточном фронте и в Москве, Наркевич после его демобилизации из армии).

В первой части романа Карбышев занимает место главного героя. Но далее, во второй части (годы гражданской войны), писатель выдвигает на первое место то рассказ о Фрунзе, то рассказ о Куйбышеве. Пространное описание жизни Котовского усиливает впечатление хроникальности, и без того создаваемое обилием публицистических отступлений, посвящённых событиям за тридцать лет, которые не могут быть изображены «в лицах».

С. Голубов рассказал нам о жизни одного из лучших сынов нашей страны — и мы благодарны ему за это. Вместе с тем эта содержательная и интересная, но в ряде мест как бы незавершённая книга ещё раз напоминает о необходимости обсудить общие проблемы биографического романа.

Но, конечно, место для такого разговора — не в рецензии.

И. КОЗЛОВ.

Художник слова

Исполнилось десять лет со дня смерти Алексея Силыча Новикова-Прибоя, выдающегося советского писателя.

Литературная деятельность Новикова-Прибоя началась задолго до Октября, но художественное дарование писателя достигло наивысшего расцвета в советское время. Вершиной его творчества является замечательная эпопея «Цусима», над которой писатель работал до последних дней своей жизни. «Цусима» — одно из самых популярных произведений советской литературы. Ещё при жизни писателя роман был издан в двух с половиной миллионах экземпляров. Нет надобности искать причин этой популярности — они всем известны. Эпопея захватывает читателя своей правдивостью, искренностью, подлинным драматизмом воссозданных в ней картин и эпизодов, исторически верным изображением событий русско-японской войны на море, живым чувством народного героизма и тем внутренним горением, которым бывают согреты творения настоящих художников.

В течение всей своей сознательной жизни писатель был страстным защитником свободы и певцом созидания. Неумимый труженик, патриот своей социалистической Родины, он всегда верил в богатые силы родного народа. Новиков-Прибой горячо любил своего читателя-друга, он отдал ему всю свою жизнь, все свои силы. И читатель ответил ему неподдельной и верной любовью.

За годы, прошедшие после смерти писателя, круг читателей Новикова-Прибоя продолжал расти. Продолжилась и работа по собранию, изданию и изучению его произведений. Пятитомное собрание сочинений, выпущенное в 1949—1950 годах, полнее прежних представляет его творчество. Во многом помогают читателю интересные и хорошо продуманные комментарии к этому собранию и послесловие «К творческой истории «Цусимы», написанные В. Красилниковым.

Немало интересных сведений содержится в критико-биографическом очерке «А. С. Новиков-Прибой» В. Щербины, изданном в 1951 году. К сожалению, в этой работе

В. Щербины мало раскрыты художественные особенности произведений Новикова-Прибоя. Между тем уже давно есть потребность в книге, которая показала бы во весь рост Новикова-Прибоя — взыскательного, умного, талантливого художника слова.

Такую монографию не может, конечно, заменить и недавно вышедшая в Военном издательстве книга А. В. Перегудова. Но ценность этого своеобразного произведения для всех, любящих Новикова-Прибоя, несомненна.

Книга А. Перегудова — не мемуары и не автобиографические заметки, хотя многие её страницы отражают долголетнюю личную и творческую дружбу писателя с автором «Цусимы».

А. Перегудов привлекает новые документально-биографические и архивные материалы, автобиографические заметки и литературную переписку Новикова-Прибоя; однако это и не систематическая биография.

Своеобразие книги А. Перегудова заключается в том, что достоверные факты биографии Новикова-Прибоя изложены здесь в живой, образной форме. Автор воссоздаёт живой облик писателя-друга. Это действительно повесть, художественное воздействие которой в значительной степени зависит от ясно ощущаемой искренности и непосредственности тона.

Эпиграф к повести взят из Демьяна Бедного:

Он навсегда войдёт в потомство,
Наш славный Новиков-Прибой.
Как поучительно знакомство
С его причудливой судьбой.

Сын тамбовского крестьянина, А. С. Новиков-Прибой прошёл тернистый путь.

«В один из летних вечеров, — рассказывает А. Перегудов, — Алёша вместе с матерью возвращался из монастыря... Потрясённый красотой реки, широким раздольем лугов и колокольным звоном, Алёша перекрестился, окинул взглядом дорогу и увидел человека, лежащего в стороне от дороги. Алёшу удивила одежда этого человека.

— Кто это? — спросил мальчик у матери.

— Матрос... Это из тех, что на кораблях плавают, — ответила мать».

Александр Перегудов. «Новиков-Прибой. Повесть о писателе-друге». Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, М. 1953.

Взволнованный встречей с необыкновенным человеком, мальчик слушал рассказы матроса с корабля «Победитель бурь» о морях, о далёких странах, о смелых и решительных людях. Случайная встреча с матросом потрясла подростка. С того времени море навсегда овладело его воображением.

«Шли годы, — пишет А. Перегудов, — впечатлительный и любознательный мальчик стал крепким и работающим парнем... Но не меркла, а с каждым годом ослепительнее и ближе виделась поставленная в детстве цель — быть моряком».

Перегудов повествует о том, как Алексей Новиков, юноша с твёрдой волей, мужественно преодолевает все трудности суровой матросской службы. Несмотря на все невзгоды и унижения, коренастый, широкоплечий новобранец навсегда сохранил беззаветную любовь к нелёгкому труду моряков.

А. Перегудов рассказывает о службе Алексея Новикова на крейсере «Минин» и броненосце «Орёл», об участии Новикова-Прибоя в Цусимском сражении, о пребывании писателя в японском плену, о возвращении на родину и о начале его революционной деятельности.

С большим интересом читаются те страницы книги, которые повествуют о мытарствах Новикова-Прибоя после поражения революции 1905 года. Он, как и многие русские революционеры, в годы кровавого разгула политической реакции был вынужден эмигрировать в Англию.

Новиков поселился в Истэнде, в районе Уайтчепля. Своими глазами он увидел потрясающие контрасты в жизни большого города. Трудно было найти работу.

После долгих поисков Новиков поступил молотобойцем в небольшое кустарное заведение и впервые познакомился с «потогонной системой» при двенадцатичасовом рабочем дне. Не лучше были и другие работы. В полутёмном сарае, рассказывает А. Перегудов, размещалось около двадцати бочек, на дне которых насыпаны опилки. В каждой бочке стоял человек и босыми ногами топтал сырые собачьи шкуры. Сухие опилки впитывали жир и сало шкур — тяков был первобытный способ обезжиривания. По четырнадцать часов в сутки топтался Новиков в бочке, каждый день ожидая, что он, как это уже случалось с другими, поранит ноги об острые собачьи когти и заразится трупным ядом.

Наконец в судьбе Алексея Новикова наступил перелом. Запоминаются страницы книги, в которых А. Перегудов рассказывает о знакомстве и многолетней дружбе Алексея Силыча с А. М. Горьким, который охотно помог начинающему писателю, только что выбравшемуся со дна лондонских трущоб. Внимательно прочёл он присланный Новиковым рассказ «По-тёмному». Вскоре Горький пригласил бывшего матроса на Капри. «И словно яркое солнце осветило дорогу: Горький зовёт его, Горький будет его руководителем на избранном пути!»

Новиков-Прибой часто встречался с Горьким, читал ему свои новые рассказы, размышлял над его критическими замечаниями и указаниями. Общение Новикова с Горьким было настоящей школой художественного мастерства. Горький руководил чтением Новикова-Прибоя, учил его анализировать художественные особенности великих произведений литературы. По несколько раз Горький заставлял начинающего писателя переделывать написанное, шлифовать каждую фразу, отбирать наиболее точные слова.

А. Перегудов прослеживает творческую историю дореволюционных рассказов писателя. Первую книгу Новикова-Прибоя царская цензура конфисковала. Это было большим ударом для писателя; он вынужден был на время оставить литературную работу и вернулся к ней лишь после Октябрьской социалистической революции — точнее, после окончания гражданской войны, которая требовала другого рода работы. Новиков-Прибой был назначен начальником поезда, посланного в Барнаул за продовольствием для рабочих Москвы; благодаря его энергии хлеб был доставлен по назначению.

А. Перегудов сообщает ряд интереснейших фактов о работе и росте Новикова-Прибоя, советского писателя. Особенно интересна творческая история «Цусимы».

Новиков-Прибой тщательно собирал материал о Цусиме ещё в японском плену, беседовал с матросами, накапливал воспоминания очевидцев сражения. Собранный материал пролежал двадцать два года; он не был достаточным для задуманного романа. Писатель много работал позднее в архивах, музеях, скупал у букинистов всё написанное о русско-японской войне. Большую помощь ему оказали цусимцы — они присы-

лали свои дневники, записки, письма, воспоминания, рисунки, стихи, фотографии.

«Собранный материал, — пишет А. Перегудов, — занял в кабинете Новикова-Прибой большой, снизу доверху набитый книжный шкаф...» Ни над одной из своих книг писатель ещё не работал с таким увлечением и страстью.

Обдумывая главы «Цусимы», он вновь переживал пережитое.

«Помню, — пишет А. Перегудов, — как однажды ночью разбудил меня крик:

— Пожар!.. Бегите к бомбовым погребам!..

Силыч с закрытыми глазами, с испуганным и страдальческим лицом что-то горячо-горячо говорил... Он спал, но и во сне «Цусима» продолжала волновать его».

Каждое новое издание «Цусимы» Новиков-Прибой дополнял новыми главами, а старые внимательно просматривал и шлифовал. «Несколько раз приходилось слышать от него после вьювь вышедшего издания:

— Ну, теперь всё написано!.. Конеч!.. Принимаюсь за другую работу».

И начинал писать роман «Два друга», а в последние годы — роман «Капитан 1-го ранга». Но попадался под руки новый цусимский материал, происходили новые встречи с офицерами и матросами царского флота, участниками боя, и снова Новиков-Прибой возвращался к «Цусиме».

«— Ну, как можно об этом не написать? Это преступление — не воспользоваться таким материалом. — И, перелистывая страницы рукописи, добавлял: — Каждую тему нужно использовать так, чтобы после тебя другому здесь нечего было делать. Вот и с «Цусимой» то же: до конца хочется использовать эту тему».

По коротким заметкам, заносимым писателем в свою записную книжку, можно судить о зоркости его глаза, о чуткости его слуха, об умении подметить детали, необходимые для создания характера, пейзажа, психологического состояния героя. В архиве Новикова-Прибоя сохранились блокноты и тетради, впервые частично публикуемые А. Перегудовым, которые говорят нам с редкой наблюдательности и о неутомимом труде писателя.

По крупницам собирал Новиков-Прибой сведения о море, о моряках, меткие слова людей, бороздящих океанские просторы:

«Примета в Архангельске: если чайки сидят на воде, значит в море разыгрывается шторм».

В тумане сигналы: один гудок — пароход идёт, два гудка — застопорить машины; три гудка — иметь ход назад.

Колокол: один удар — пароход справа; два удара — пароход слева; три удара — пароход на носу».

Образцы юмора, скрашивающего жизнь моряков, полную труда и опасностей:

«На корабле матрос молодой ищет ревизора».

— А ты на клотике был? — спрашивает его квартирмейстер.

— Никак нет.

— Ну, походи и посмотри. Он там, наверное, сидит».

«Во время империалистической войны:

Адмирал, стоя на мостике корабля, спрашивает штурмана, находящегося в рубке:

— Скажите, штурман, где мы находимся?

— Вы на мостике, а я в рубке».

Громы и молнии посыпались на голову штурмана».

«Матрос возвращается на судно с синяками под глазами».

Другие спрашивают:

— Где это тебе отличительные огни поставили?»

Фразы, подслушанные Алексеем Силычем, а иногда и придуманные им, ярко показывают характеры людей, их профессию, умственный и душевный склад:

«Вокруг глаз у него морщины — это отпечаток моря, где приходится смотреть, постоянно шурясь».

«Он был стар, и казалось, что его душа обросла ракушками».

«Много он плавал, в разных странах бывал, но, оказывается, за морем всё можно купить, кроме ума. Вернулся дураком».

Есть в блокнотах наброски морского пейзажа, как бы этюды к большому полотну, есть короткие заметки, которые послужили зерном будущего произведения. Зерном романа «Солёная купель» была короткая запись:

«Аббат, напившись, попал в матросы, и что из этого вышло».

Читатель будет благодарен А. Перегудову за то, что он помог прочитать эти краткие, умные и красочные записи.

Но не только этот материал впервые публикуется в повести А. Перегудова. Автор

использовал также отрывки из писем Новикова к его жене и другим адресатам, отрывки из очерков «Царская рекрутчина» и «За хлебом», «Эскизы о вечерней школе». А. Перегудов удачно вплетает в повествование эти неопубликованные биографические документы. Но автор, на наш взгляд, не всегда соблюдает чувство меры. Отвлечённые и рассудочные отступления иногда

сушат повесть. Иногда рассуждения Новикова-Прибоя об отдельных современных ему событиях переданы в упрощённой и общей форме.

Эти недостатки невелики. Мы уверены, что повесть А. В. Перегудова будет с интересом прочитана многочисленными читателями книг Новикова-Прибоя, одного из любимейших нами писателей.

И. ТРОФИМОВ.

★

Новый друг

Новая повесть Л. Кассиля построена на документальном материале так же, как предыдущая книга, «Улица младшего сына», написанная совместно с М. Поляновским. В основу её положены действительные события из биографии ученика средней московской художественной школы Коли Дмитриева, рисовальщика и живописца, трагически погибшего на пятнадцатом году жизни. Посмертные выставки работ показали, какой могучий талант в нём зрел. Когда читаешь эту книгу, создаётся ощущение, что она родилась из светлого источника — из искреннего преклонения перед силой человеческого дарования.

Но что же можно рассказать о мальчике, пусть обещавшем стать большим художником, если его короткая жизнь ещё не была отмечена никакими примечательными событиями? Рассказать о том, что он был необыкновенным ребёнком? Но ведь это неверно. Коля Дмитриев был обыкновенным мальчиком, жизнерадостным и озорным, и даже не отличником в школе.

Л. Кассиль сумел найти ту меру в изображении поступков и мыслей героя, которая позволила естественно сочетать необыкновенно раннюю зрелость таланта и вместе с тем присущую возрасту ребячливость, наивную непосредственность. Тем и интересен с литературной стороны образ главного героя повести «Ранний восход», что при всех выдающихся качествах, отличающих этого мальчика, перед нами живой, убедительный образ положительного героя детской книжки.

Специфическая трудность, вставшая перед Л. Кассилем в работе над этой повестью, состояла в том, что ему предстояло создать образ именно художника, находящегося в

процессе стремительного творческого роста и интеллектуального созревания. Известно, что дети больше увлекаются развитием событий, чем их анализом; поэтому так часто детские писатели все свои надежды возлагают только на занимательный сюжет. В повести Л. Кассиля нет хитроумного сюжета. Её основа — жизнеописание. И поскольку это — жизнеописание художника, центр его лежит в области творческого осмысления окружающего мира. Вот Коля Дмитриев без посторонней помощи постиг хитрый закон перспективы: перенесённые на бумагу изображения предметов вдруг приобрели глубину. Сколько новой радости приносит это открытие, должно быть, не только герою, но и читателю повести, вдруг взглянувшему на мир с новой, более верной точки зрения!

Самые сильные страницы повести это те, на которых запечатлены меткие наблюдения юного художника, показано его упорство в решении трудных творческих задач. те страницы, на которых рассказано о его замыслах и о том беспокойстве ума, которое толкает на поиски, ведёт вперёд.

Но передача наблюдений, хода мыслей, переживаний героя была не единственной трудной задачей для автора этой повести. Перед Л. Кассилем вставала и ещё одна сложная задача — добиться того, чтобы в слове ожили и зазвучали линии и краски. Очень трудно передать в литературе своеобразие произведений другого искусства. Припомним немногие книги, в которых повествуется о музыкантах, изданные в последние годы для детей и для взрослых. Почему эти книги не получили широкого отклика среди читателей, почему они так быстро забылись? Да кроме всего прочего, и потому, что в них не звучала ни одна нота и музыка использовалась главным образом гер-

минологически — как некий «производственный фон». В этом отношении книга Л. Кассиля выделяется среди многих попыток подобного рода: когда автор рассказывает о рисунках и картинах, читатель их видит.

В книге о становлении характера и мировоззрении юного художника оказался естественным и необходимым рассказ о больших событиях тех лет, когда жил герой повести. Л. Кассиль живо напоминает нам о мирном течении времени в предвоенные годы, о памятном дне 22 июня 1941 года, о раннем летнем утре, когда над страной прозвучал голос, призывавший весь народ подняться на Великую Отечественную войну. Читая повесть, мы ещё раз припомним и пасмурный рассвет 7 ноября 1941 года, когда после короткого парада, осенённые бессмертным знаменем великого Ленина, полки прямо с Красной площади уходили на фронт. Вспомнили мы и сутолоку эвакуации, и тот радостный «Последний час» по радио, в который мы узнавали о победах наших войск, и светлый День Победы, принесший нам трудное и от этого особенно дорогое счастье; наконец, писатель изображает наполненные трудом и исканиями наши послевоенные будни. Всё это было необходимо в рассказе о том, как формировался в эту эпоху одарённый художник и верный сын своего народа. Общественные события, своеобразно воспринимаемые юным героем, полнее и отчётливее позволяют нам понять подростка, юного гражданина своей страны.

Образ главного героя — основная удача Л. Кассиля в новой повести. В книге выразительно запечатлена атмосфера мальчишеской дружбы, тонко рассказано о первых увлечениях, душевных порывах, верными словами говорится о семье и школе.

Есть в повести недостатки. Как и во многих произведениях художественно-биографического жанра, события здесь уж слишком плотно «спрессованы» вокруг главного героя. Порой кажется — всё только и ждёт появления героя; все другие персонажи как бы застывают в ожидании его реплики или жеста, чтобы после этого начать действовать. Нам думается, и в произведениях биографического жанра возможно вести повествование свободнее, шире, без ежеминутной оглядки на главного героя, без боязни потерять его из виду. Л. Кассиль в данном случае следовал не лучшим образцам.

Попадают в повести блёклые страницы — например, описание празднования Дня Победы в Москве, похожее на сыроватый очерк.

Не совсем удалась автору и некоторые персонажи. Явно стилизован образ профессора Гайбурова, который во всех случаях назидательно преподносит юному герою профессорскую мудрость, притом в таких крепких, с претензией на научную весомость формулировках, что их иногда трудно принять всерьёз. Недостает убедительности и умудрённому жизнью плотнику Стриганову; порой кажется, что он написан не по живым наблюдениям, а по воспоминаниям о прочитанном.

В конце повести, где рассказывается о пребывании Коли Дмитриева в деревне, попадают страницы, испорченные дурной стилизацией под деревенский говорок. Вот как, к примеру, восхищаются работами юного художника колхозники:

«— Ай, и что же это за восхищение, спасу нет!

— Что за красота така! Гляди-ка, кума, ведь это Молога наша. Вот она, как есть.

— Живём, живём и округ себя красы не замечаем!»

Дело тут не только в том, что всё это ненатурально по языку, а в том главным образом, что во всех таких разговорах нет ни одного умного слова, ни одного меткого суждения.

Встречаются в книге салонные «изысканности» и сладковатые описания, от которых была свободна «Улица младшего сына».

Конечно, повесть много выиграла бы, если бы отмеченных недостатков в ней не было. Но в основном, новая книга Л. Кассиля удачна. У наших ребят есть хорошие друзья — честный, прямой, смелый вожак Тимур, отважный партизан Володя Дубинин, порывистый Васёк Трубочёв, верный школьный друг Витя Малеев, твёрдый перед лицом жизненных невзгод, трудолюбивый и настойчивый Саня Коншаков, хороший мастер с крепкими рабочими руками Костя Малышев. Теперь круг друзей у юных читателей расширился — в него вошёл Коля Дмитриев, художник, одарённый, наблюдательный, упорный в работе и учении. Дружба с ним обещает быть и интересной и полезной.

Вл. НИКОЛАЕВ.

Детская литература в изложении А. Гречишниковой

Книга А. Гречишниковой — учебное пособие для учительских институтов. Из этой книги студенты должны получить представление о развитии советской детской литературы, о творчестве советских писателей, пишущих для детей, об особенностях их основных произведений. По этому пособию будут учиться и студенты других учебных заведений, где ведётся такой курс.

До издания книги А. Гречишниковой печатных курсов советской детской литературы не существовало, — уже из одного этого понятна трудность работы, предпринятой автором. Известно, что наши издательства ещё недостаточно удовлетворяют потребность читателей в критико-биографических очерках, посвящённых наиболее интересным и читаемым советским писателям, что авторы курсов советской литературы находят ещё весьма недостаточную опору в критических статьях и обзорах, что библиографические указатели, хотя бы неполные, издаются крайне нерегулярно. Но если это верно для «взрослой» литературы, то ещё в худшем положении оказывается автор, приступающий к исследованию истории нашей литературы для детей: здесь критика оставляет без внимания ещё большее число авторов и произведений.

Всё это необходимо иметь в виду, приступая к разбору книги А. Гречишниковой: её смелая попытка создать курс детской советской литературы заслуживает уважения. Разбирая учебное пособие А. Гречишниковой, мы должны учитывать недостатки не только одного этого автора, но и всего раздела литературной науки, посвящённого литературе для детей.

Тем не менее приходится признать, что и своих собственных недочётов у нашего исследователя очень много.

А. Гречишникова сделала первую и очень большую ошибку, не уделив внимания определению своего предмета. Возьмите хотя бы главу «Основные особенности советской детской литературы»; если исключить из неё несколько стихотворных цитат и названий, всё содержание главы сводится к изложению некоторых общих истин, которые можно было бы встретить в любом курсе, рассматривающем литературу для взрос-

лых читателей. Конечно, различия здесь не абсолютны. «Особенности, которые отличают «детскую» литературу от «взрослой», заключаются не в том, о чём рассказывается, а в том, как рассказывается», — писал А. С. Макаренко. Но и такого отличия достаточно, чтобы нельзя было в специальном курсе этот вопрос обойти.

Правда, в книге А. Гречишниковой есть глава «Особенности книг для детей разного возраста», но ни эта глава, ни отдельные упоминания в других главах дела не улучшают. Специальная глава представляет собой растянутое изложение статьи Н. К. Крупской «К вопросу о детской книжке», напечатанной в 1926 году. А. Гречишникова не прибавляет к этой очень давней статье ничего нового. Комментарии автора сводятся к замечаниям, вроде: «В этом стихотворении ребёнок охвачен чувством радости от участия в большом празднике»; «В этом стихотворении автор показывает солидарность отца и сына, шагающих в одном строю»; «Серьёзным вопросом в книге для дошкольника является проблема забавного, смешного» (автор, очевидно, не ощущает всей противоестественности этого словосочетания); «Важным звеном в книге для дошкольника является язык» (таким неточным языком А. Гречишникова пишет о языке. Любопытно, что все цитаты взяты с одной страницы — девятой). Нанизывая цитату за цитатой, соединяя их только замечаниями, образцы которых мы привели, и не высказывая своих мыслей, автор не сводит концы с концами даже в таких важных вопросах, как, например, вопрос о роли фантастики в детской литературе.

«Неумеренное увлечение фантастикой в книге для дошкольников задерживает развитие ребёнка, пугает его, может послужить зародышем мистических настроений», — пишет автор, подтверждая своё мнение цитатой из упомянутой статьи Н. К. Крупской. После этого, как ни в чём не бывало, А. Гречишникова на странице 22 говорит, что Белинский высоко ценил фантастику в детской книге, на странице 27 упоминает о Чернышевском, находившем, что фантастические рассказы и сказки должны найти место в чтении детей и молодёжи, на страницах 75—77 — о Горьком, многократно защищавшем фантастические

сказки, а на странице 138 весьма положительно отзывается о русских народных сказках в обработке А. Толстого, хотя в них, как известно, немало ведьм.

Читателям предоставляется самим разобратся в противоречивых высказываниях авторитетов. В этом не было бы нужды, если бы автор принял во внимание литературную обстановку, сложившуюся в то время, когда писала Н. К. Крупская, и объяснил бы, что не все положения, порождённые борьбой за обновление литературы в двадцатых годах, могут быть приняты безоговорочно в настоящее время. Компилятивный метод А. Гречишниковой не учитывает конкретной истории и оставляет читателя беспомощным.

Является ли детская литература подлинным искусством? Вопрос давно разрешён расцветом советской детской литературы. А. Гречишниковой, конечно, не оспаривает этого. Но беда в том, что в её передаче даже самые талантливые произведения лучших советских писателей лишаются прелести и обаяния.

Что, например, можно узнать из книги А. Гречишниковой о творчестве С. Маршака?

«В стихотворении, написанном в 1938 г. «Рассказ о неизвестном герое» показан образ нового, советского человека» (страница 217); «С. Я. Маршак в этом стихотворении подчёркивает героизм советского человека» (страница 217); «Стихотворение «Короткая повесть», вышедшее в 1949 году, подчёркивает героические черты в характере советского человека» (страница 218); и то же дословно повторяется на странице 224. «Тема труда советского человека находит отражение в стихах С. Я. Маршака для детей» (страница 220); «Тема труда сочетается с темой природы» (страница 220); «Тема труда сливается с темой природы» (страница 222); «Уверенностью в завтрашнем дне ребёнка, живущего в СССР, дышит стихотворение С. Маршака «Дети нашего двора» (страница 220).

Всё это верно. У Маршака, как и у многих других советских поэтов, действительно есть все перечисленные А. Гречишниковой темы. Но получить представление о том, что является особенностью творчества С. Маршака, из главы, посвящённой ему в книге А. Гречишниковой, невозможно.

Говорится ли в книге о Беке или об Алигер, о Павленко или о Вигдоровой, о При-

лежаевой или о Карнауховой — всюду читатель встречается с неизбежными: «отражает», «раскрывает», «показывает», «ставит вопрос», «знакомит читателя с», «даёт яркую картину»; за этим следует более или менее беглый пересказ содержания — и всё.

Дело, разумеется, не в том, что недопустимы сами по себе эти формулы, которые можно встретить во многих дельных критических статьях и рецензиях. Плохо то, что в книге А. Гречишниковой они предваряют пересказ, которым зачастую дело и ограничивается.

Вот как информирует А. Гречишниковой читателя о повести В. Осеевой «Васёк Трубочёв и его товарищи»:

«Повесть В. Осеевой «Васёк Трубочёв и его товарищи» ч. I знакомит читателя с советским школьником, его ошибками и бедами, которые изживаются им в коллективе сверстников, под влиянием взрослых друзей, помогающих председателю совета отряда, Васюку Трубочёву, вернуть любовь и доверие товарищей. Волнующими картинами радостной жизни дышит книга В. Осеевой «Васёк Трубочёв и его товарищи», ярко показывая читателю, что в Советской стране

и жизнь хороша,
и жить хорошо!»

Не больше конкретности и в сообщениях о произведениях детской драматургии:

«В пьесе И. Попова «Семья» убедительно встаёт (? — А. Н.) перед читателем Ленин-подросток, революционер, начинающий свой путь борьбы с царским самодержавием. Дружная семья Ульяновых сочувствовала революционной борьбе Ленина, разделяла его убеждения и во всём его поддерживала.

Образ Зои Космодемьянской хорошо показан в пьесе М. Алигер «Сказка о правде».

Долг и честь пионера — тема пьесы С. В. Михалкова «Красный галстук».

Встречается в рецензируемой книге и другой приём — приём «отрицательного пересказа»: «Повести о школе этих лет (1922—1929) не дали художественного изображения растущей и крепнущей советской школы, не воспитывали юных читателей в духе коммунизма и беззаветной преданности родине. Тема патриотизма не была ведущей в произведениях о школе. Не создан был образ учителя советской школы, её детского коллектива, комсомольской и

пионерской организации, являющихся бедущими в развитии советской школы».

Нивелирующее действие метода пересказов проявляется особенно ясно, когда А. Гречишниковка касается детской биографической повести. Так как события, о которых рассказывается в книгах этого жанра, более или менее одинаковы во всех книгах, посвящённых данному великому человеку, то в передаче А. Гречишниковой все различия совсем уж стираются: везде нас информируют не о книге, а об её герое. Говорится ли о талантливых биографических произведениях, о совершенно заурядных книгах или о книгах, дающих во многом неправильное освещение деятельности героя, — везде перед нами тот же стандарт:

«О жизни А. М. Горького рассказано А. Роскиным в книге «М. Горький» (1936). Для создания биографии писателя автором использована автобиографическая трилогия М. Горького — «Детство», «В людях», «Мои университеты». Основное внимание биографа привлекают детские и юношеские годы, революционная деятельность А. М. Горького, его работа писателя».

«Книга А. Роскина «Чехов», вышедшая в 1939 г., написана, как повесть биографического характера, автору удаётся его замысел (! — А. Н.), и жизнь А. П. Чехова становится сюжетом этого произведения».

«Книга Б. Могилевского «И. И. Мечников» (1948), «повесть о трудах и днях великого русского биолога», как назвал её автор, начинается с описания школьных лет подростка Мечникова, ученика харьковской гимназии, затем вожака студенческого общества «Союз науки». Борьба за науку, страстные искания ответов на встающие перед подростком вопросы научного характера, широкий мир связей с лучшими русскими людьми — современниками И. И. Мечникова — всё это делает книгу о его жизни рассказом о замечательном подвиге, который изо дня в день творил великий русский учёный».

И т. д. и т. п.

Справедливость требует признать, что книга А. Гречишниковой содержит не только такие пересказы, но также и анализы. Однако в подавляющем большинстве эти анализы способны возбудить лишь недоумение. Так, о Н. А. Некрасове А. Гречишниковка пишет: «Некрасов усиливает эмоциональность своих стихов для детей недого-

ворённостью, незаконченностью фраз, предоставляя читателю прочувствовать, проникнуться настроением стихотворения и мысленно дополнить картину своим воображением. Этим приёмом он как будто делает читателя соучастником своего творчества, приближает своё стихотворение к нему».

Далее следует пример из «Несжатой полосы». Так как А. Гречишниковка, цитируя Некрасова, заменяет многоточием строки 5—8, то читателю действительно ничего не остаётся, как «мысленно дополнить картину своим воображением». Но если бы А. Гречишниковка не прибегала к ничем не оправданному сокращению, то нетрудно было бы убедиться, что все фразы этого стихотворения отличаются безупречной законченностью. Пример опровергает выставленный автором тезис.

Маяковский, пишет А. Гречишниковка, в детских стихах «часто использует полную рифму». Наблюдение верное, но оно, однако, нуждается в дополнении: Маяковский в детских стихах часто использует также неполную рифму.

Для дореволюционной детской литературы, сообщает нам А. Гречишниковка, было характерно «традиционное.. противопоставление разных образов детей». Думаем, что это в равной степени характерно для детской литературы всех времён и народов.

О детских биографических повестях А. Гречишниковка говорит: «Характерной особенностью этих повестей является то, что разработаны они на основе исторических материалов, подробно изученных авторами, или на основе личных воспоминаний близких людей, лично знавших тех, о ком пишется повесть. Это и создаёт в большинстве случаев яркий образ».

Поистине нетрудным делом было бы художественное творчество, если бы всё обстояло так просто! Однако и изучение исторических материалов, и использование воспоминаний, необходимое при работе над биографической повестью, сами по себе ещё бессильны создать яркий образ. Сколько существует на свете повестей, удовлетворяющих и первому и второму условиям и тем не менее тусклых и невыразительных!

О советской школьной повести говорится: «В дальнейшем советская повесть о школе развивается в направлении психологической

характеристики школьника, его роста в условиях советской школы. Наиболее удачно справляется с этой задачей в конце 30-х годов Л. А. Кассиль в повести «Черемш — брат героя».

Казалось бы, и неплохо (хотя сформулировано не слишком грамотно: «развивается в направлении психологической характеристики»). Но неожиданно оказывается, что «к этим произведениям целиком можно отнести характеристику повести о школе, данную С. Я. Маршаком»: все эти повести «умерли на другой же день после своего выхода в свет», в них не было «людей, в существование которых можно поверить», «авторы этих школьных рассказов только понаслышке знакомы с тем жанром литературы, за который они так смело и легко берутся». И в заключение: «Нет, хорошей школьной повести таким «холодным способом» не создашь».

Что могут вынести из подобной игры в самоопровержения студенты учительских институтов?

Даже о русских народных сказках, обработанных А. Толстым, — о произведениях, вполне доступных маленьким детям, — А. Гречишников судит очень странно: сказка «По щучьему веленью» показывает — что бы вы думали? — ясный ум, сказка «Царевна-лягушка» — умение трудиться.

Нет, даже скучнейшие пересказы, которых так много в книге, пожалуй, всё-таки меньшее зло по сравнению с подобными «анализами».

Много недоумений вызывает метод А. Гречишниковой. Не всё понятно и в плане книги.

Совершенно выпали из поля зрения автора такие важные жанры детской литературы, как научная фантастика и приключенческая литература.

Такой видный представитель советской детской литературы, как К. Чуковский, не упоминается вовсе (кстати, К. Чуковский не удостоился попасть и в составленную А. Гречишниковой в 1951 году программу по детской литературе для педагогических и учительских институтов). Не говорится в книге и об А. Барто.

Уделено место взглядам на детскую литературу Н. В. Шелгунова — и против этого не приходится возражать. Но следовало бы рассказать и об отношении к детской литературе Писарева, хотя и отрицавшего необ-

ходимость специальной детской литературы, но оставившего ряд интереснейших замечаний о детском чтении в статье «Школа и жизнь».

В общем, план книги А. Гречишниковой безупречным признать нельзя.

Ломоносов писал в «Российской грамматике»: «Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи».

Книга А. Гречишниковой содержит много призывов писать хорошим языком. Эти призывы подкреплены цитатами из Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Горького, но, к сожалению, не подкрепляются собственной практикой автора. Язык А. Гречишниковой далёк от точности и ясности. Запутанные, непонятные и просто малограмотные фразы сменяют одна другую.

«Труд... высоко был оценён революционными демократами, разбившими основы крепостнического воспитания Обломовых». «На основе нового отношения к человеку, человеку Советской страны, в стихотворении «Кем быть?» (1929) ведёт В. В. Маяковский разговор со своим читателем о выборе профессии». Непонятно, что это должно означать. «От нового пересказа старой итальянской книжки Коллоди «Пиноккио» у А. Н. Толстого почти ничего не осталось». (Автор хотел, очевидно, сказать, что в новом пересказе А. Толстого от старой итальянской книжки Коллоди почти ничего не осталось).

Всё это заслуживало бы осуждения даже в ученическом реферате, а перед нами учебное пособие.

В книге немало фактических ошибок и небрежностей. Рецензия Салтыкова-Шедрина на «Воздушное путешествие через Африку» Ж. Верна напечатана в «Современнике» не в 1846, а в 1864 году, Н. В. Шелгунов родился не в 1826, а в 1824 году; книга Р. Роллана «Предшественники» превратилась в «Путешественник»; сказка «Случай с Евсейкой» написана Горьким не после Великой Октябрьской социалистической революции, а в 1912 году; «Ташкент — город хлебный» создан Неверовым, конечно, не в 1925 году — спустя два года после смерти, — а в 1923 году. Едва ли обоснованно включены в книгу, да ещё в главу «Советская детская литература

в годы послевоенного строительства», книги «Грёзы о Земле и небе» К. Э. Циолковского и «Жизнь растения» К. А. Тимирязева, первые издания которых вышли ещё в XIX веке; газета «Пионерская правда» выходит не с 1924, а с 1925 года; переводческая деятельность С. Я. Маршака началась не в 1924 году, а гораздо раньше. Сообщение о том, что «в 1912 г. Б. С. Житков отправляется из Петербурга в кругосветное путешествие», находится в противоречии с приводимым далее маршрутом этого путешествия, из которого нетрудно убедиться, что кругом света Житков не объехал.

Полон неточностей небольшой раздел «Горьба с реакционной детской литературой». О борьбе в нём не говорится ни слова. Раздел сводится к случайным, бессистемным упоминаниям о нескольких писательницах, относящихся к совершенно разным периодам. Книга «В татарском захолустье» Желиховской появилась ещё в 1888 году и после 1900 года, когда вышло её 3-е издание, не переиздавалась; нет оснований считать, как это делает А. Гречишников, эту книгу характерной для предреволюционного времени. «Светлый воин» Л. Чарской издан не Вольфом, а Губинским. К повести Л. Чарской «Сестра Марина» нельзя отнести слова автора: «Т-во М. О. Вольф», издававшее книги Л. Чар-

ской, требовало, чтобы в каждой детской книге был изображён царь или высокий по тому времени сановник», так как в этом произведении царей и сановников нет.

О «Кара-Бугазе» К. Паустовского у А. Гречишниковой говорится: «С этой книгой в советскую детскую литературу пришёл автор — «бывалый человек», о каких говорил А. М. Горький». Но слова Горького о «бывалых людях» в статье «О темах» (приведённые, кстати говоря, самой А. Гречишниковой на странице 79) не оставляют сомнения в том, что А. Гречишниковой не поняла этого горьковского выражения. Горький имел в виду людей богатого жизненного опыта, которых он считал необходимым привлечь в детскую литературу «наряду с писателями, мастерами слова», тогда как К. Паустовский к моменту создания «Кара-Бугаза» был квалифицированным писателем, автором романа «Блистающие облака» и ряда других книг.

Но нечего и пытаться перечислить все неточности и ошибки, имеющиеся у А. Гречишниковой. Скажем лишь, что в книге, являющейся учебным пособием, такие ошибки нежелательны вдвойне.

В целом книгу А. Гречишниковой следует признать неудачной.

А. НАРКЕВИЧ.

★

О мастерстве драматурга

Писатель-драматург имеет дело с одной из наиболее специфических и трудных литературных форм.

Предназначенная для исполнения на театральной сцене драма отнимает у автора возможность эпически широко повествовать о своих героях. Произносимое слово, речевой, а не описательный язык и действие, возникающее на противопоставлении характеров, интересов, стремлений, составляют основу драматического искусства, диктуют его законы. Эти законы не являются, конечно, абсолютными догмами, математическими формулами. Однако они достаточно определённы и строгы, чтобы заставить драматургов, не ведающих о них или пренебрегающих ими, глубоко раскаяться впоследствии.

Овладение мастерством, тщательное изучение литературной техники особенно важно для драматурга. Поэтому все, кто любит театр, радуется его успехам и болеет за неудачи, с интересом остановятся на книге Б. Ромашова «Драматург и театр».

Вступительное обращение «от автора» предостерегает вас от преждевременных надежд.

Кстати сказать, эти «от автора» стали в книгах о литературе и искусстве стихийным бедствием. Читатель, прежде чем он приступит к первой главе, должен ознакомиться с признаниями автора, что последний «сознаёт все недостатки книги», что данная книга на что-то «не претендует», а иногда «ни на что не претендует», и тому подобное. После такого решительного самоосуждения кажется более разумным и вежливым по отношению к автору отложить его труд в сто-

Б. Ромашов. «Драматург и театр». Государственное издательство «Искусство», М. 1953.

рону и терпеливо ждать книг, которые будут претендовать на что-то, предоставив право оценки читателям и критике.

Итак, автор книги «Драматург и театр» предупреждает читателя, что он «сознаёт все недочёты этой книги», и разъясняет, что перед нами не теоретическое исследование и даже не творческая исповедь мастера-драматурга, а пока лишь очередной сборник статей, в основном появлявшихся ранее в периодической печати. Тем приятнее разочарование: расхолаживающее признание автора можно отнести лишь к части сборника. Серьёзными, интересными исследованиями представляются, на наш взгляд, такие статьи, как «Сильное оружие (Вопросы языка советской драматургии)», «О комедии», «Молодая драматургия (Об изображении центральных героев)».

Большое место уделено в книге разоблачению формализма и эстетства, принесших немало зла нашему театру и драматургии.

В ряде статей, посвящённых творчеству отдельных драматургов — Гоголя, Островского, Тренёва, Афиногенова, — выделяются очерки об А. Н. Островском, полные живых замечаний о творчестве великого драматурга, о драматургических принципах, о ходе его работы над пьесой. Из выступлений, обращённых автором к литературной молодёжи, серьёзное внимание привлекает «Открытое письмо молодому драматургу А. Кузьмичёву», где Б. Ромашов тщательно и умело анализирует пьесу своего адресата, даёт ему практические советы, имеющие не только частное, но и принципиальное значение.

В то же время ряд статей и выступлений, написанных некогда «на злобу дня», ныне в значительной мере устарел, и включение их в сборник не украсило его, тем более, что такие статьи, как «Долг писателя», состоящие преимущественно из «общих мест» и цитат, не могли быть интересными и при первом своём появлении. Некоторые выступления, помещённые в книгу, не имеют непосредственного отношения к проблемам, поднимаемым автором, и потому, например, включение в сборник статьи «Горький с нами», где лишь раз мельком упоминается о драме, естественно вызывает недоумение.

Совсем особое место занимает в книге «Драматург и театр» маленькая статья «Беседа о драматургии», в которой Б. Ромашов рассказывает о своей встрече с Горьким и передаёт высказывания Горького об

искусстве драмы. Эти воспоминания автора настолько интересны и значительны, что странно, почему не они открывают книгу. Беседа с Горьким — это как бы программа всей книги Б. Ромашова. В своём разговоре с Б. Ромашовым Горький особенно подчеркнул, что для драматурга, помимо изучения жизни, необычайно важно изучение литературной техники своего дела и превосходное знание драматургии прошлого: Шекспира, Мольера, Гоголя, Островского.

Достоинство сборника Б. Ромашова состоит в том, что эти вопросы мастерства драматурга, поднятые Горьким, не потерялись в массе разнородного материала, а, напротив, выступили как главная мысль книги. Задача создания теории драмы, удовлетворяющей современным требованиям, тесно связана с вопросом о традиции и изучением драматургической техники мастеров-классиков и лучших советских писателей.

Русская драматургия была по существу новаторской на всех этапах своего развития. Но нельзя забывать, что подлинное новаторство всегда тесно связано со следованием лучшим традициям и с преодолением худших. Только овладев в своих ранних произведениях традиционной драматической формой, Чехов, как справедливо указывает Б. Ромашов, мог прийти к новым драматургическим принципам в «Чайке» и «Дяде Ване». Только тщательно изучив и применив существующие формы драмы во «Власти тьмы», Толстой пришёл к новаторству «Живого трупа». Б. Ромашов показывает живую связь, преемственность русской классики и драматургии советских писателей. Совершенно справедливо отмечено Ромашовым, как, например, на чеховских традициях выросло новое и своеобразное в пьесах талантливого советского драматурга Афиногенова.

Автор книги «Драматург и театр» упоминает о том, что и сам он постоянно изучал и использовал опыт классики. Вот тут-то и было бы интересно узнать, как конкретно, в работе над пьесами, драматургу помогало изучение классической драмы. Однако о собственном творчестве Б. Ромашов рассказывает почему-то скупое, предпочитая иллюстрировать свои положения примерами работы других авторов, а ещё чаще оставляя теоретические посылки без практического подтверждения. Об этом нельзя не пожалеть.

Ведь одни лишь призывы учиться мастерству у классиков мало что могут дать, необходимо на конкретных примерах показать, как учиться и чему учиться. И примеров из этой области можно было бы привести немало.

Если мы возьмём такие образцовые даже для классической драматургии пьесы, как «Ревизор», «Гроза», «Живой труп», то увидим, что экономия сценического времени и художественных средств доведена здесь до предела. В первой же картине зритель не только знакомится с героями пьесы, но и получает ясное представление о том, вокруг какого конфликтного узла будет вестись действие. Драматург сразу захватывает наше внимание и не отпускает его до финального занавеса, до последней реплики.

Во многих современных пьесах завязке действия предшествует обширнейшая экспозиция, в которой автор представляет зрителю большое количество нужных, а иногда и ненужных действующих лиц, а развязка наступает задолго до окончания пьесы.

Да, необходимо учиться у классиков, изучать их мастерство создания характеров, ведения сцен, композиции драмы, анализировать их язык. Однако не лучшим способом учения у классиков представляется нам перенесение известных фабульных ситуаций и комических положений классических пьес в пьесы современных драматургов. Владение принципами классического искусства должно помочь нашему драматургу ярче выявить свою творческую индивидуальность. Знание законов искусства, обязательное для всякого драматурга, тормозится отсутствием у нас полноценных исследований по теории драмы. На этом вопросе, поднятом в книге Б. Ромашова, нам бы хотелось ещё остановиться. Единственное пособие по теории драмы, появившееся в наше время, — книга В. Волькенштейна «Драматургия» (1937 год, 3-е издание) — пугает читателя псевдоучёной схоластикой, таинственными «схемами комплексов», якобы способными объяснить содержание и форму любой драмы. Б. Ромашов справедливо расценивает эту книгу как идеалистическую и формалистическую, способную лишь запутать читателя.

В XIX веке была не только создана классическая русская драма, но были разработаны и начала её теории. Пушкин в статьях «О трагедии», «О народной драме и драме «Марфа Посадница», Гоголь в «Петер-

бургских записках 1836 года», в «Театральном разъезде» и т. д. выступили одними из первых в России и как теоретики драмы. Гоголевские мысли о комедии не потеряли своей актуальности до сих пор. Мысль Пушкина о том, что не истины костюмов, красок и т. д. должны мы требовать от драматического писателя, а «истины страстей, правдоподобия чувствований», нередко вспоминается на постановках некоторых исторических пьес, таких, как «Ломоносов» В. Иванова в Московском Художественном театре.

В статьях русских революционных демократов — Белинского, Добролюбова, Щедрина (см. статьи «Петербургские театры») — разработаны основные проблемы конфликта как определяющего начала всякого драматического произведения. В ряде статей А. Н. Островского, в статье Л. Толстого «О Шекспире и о драме» можно найти немало интереснейших положений о сюжете и композиции драмы, о её языке.

Особое значение имеет статья «О пьесах» и другие высказывания об искусстве драмы А. М. Горького — продолжателя классической русской драмы и лучшего советского драматурга.

Наряду с изучением художественного наследия русских классиков и лучших пьес советских писателей теоретические положения драматургов и передовой критики должны лечь в основу поэтики советской драмы. При этом, конечно, должны учитываться и ставшие классическими труды по теории драмы Лессинга (о котором, кстати сказать, чересчур нигилистически говорит в своей книге Б. Ромашов), работы Дидро «О драматической литературе», «Парадокс об актёре» и т. д. Вполне вероятно, что, тщательно изучив «Поэтику» Аристотеля, молодой советский драматург найдёт, что некоторые истины, открываемые им в процессе напряжённой работы, были известны ещё две тысячи лет тому назад.

К сожалению, до сих пор во многих вопросах драматургической теории — в статьях и книгах литературоведов, драматургов, критиков — наблюдается пуганица. Неясность, нечёткость ряда положений теории — в частности, в вопросе о конфликте — сказалась и в книге Б. Ромашова «Драматург и театр».

Так, критикуя так называемую «теорию бесконфликтности», автор пишет: «Главное, что отсутствовало во многих драматических

произведениях, — это настоящий жизненный конфликт. Без борьбы не может быть пьесы. Драматическая интрига — это такая же основа каждого произведения, как и ярко очерченные характеры. Но в том-то и дело, что бесконфликтность вдруг стала каким-то «законом» построения драмы.

В этом высказывании произвольно смешаны понятия драматургического конфликта и драматической интриги, благодаря чему не конфликт, а интрига стала для Б. Ромашова «основой каждого произведения».

Б. Ромашов не может не знать о том, что действенные пьесы с развитой интригой, с выстрелами, похищениями, свадьбами могут быть в то же время бесконфликтными пьесами; ведь конфликт выражает прежде всего столкновение, борьбу «двух противоположно направленных друг против друга идей» (Белинский). Очевидно, что мы имеем здесь дело не с ошибочным взглядом автора, а лишь с небрежным отношением его к терминологии. Но не менее очевидным кажется то, что подобная путаница в важнейшем вопросе о конфликте недопустима.

Огромное значение имеют в драме и вопросы языковой характеристики героев.

«Нужно сказать совершенно откровенно, — пишет Б. Ромашов, — что мы больше кланёмся нашим уважением к классическому наследию, чем изучаем его. А можно ли учиться языку, не зная того, что накоплено мастерами?»

Сухость, бедность языка, однообразие приёмов речевой характеристики — страшный бич для драматургии. В своей первой пьесе «Далеко от Сталинграда» А. Суров (на наш взгляд, излишне канонизованный в книге Б. Ромашова) вкладывает в уста секретаря горкома Купавина следующую речь: «Трус! Трус, вот ты кто! Беспокойство твоё липовое. Интересы живота своего ставишь всего превыше. Беспокойство твоё имеет цель — покой свой заштитить. За него, за свой покой ты здесь борешься. Вот за что ты борешься». Нетрудно заметить, что в этом отрывке, цитируемом как пример мастерства в книге Б. Ромашова, автор пьесы пытается разнообразить язык персонажа некоторым архаизированием, чтобы не так ел глаза откровенно назидательный тон его речи. Суров добивается этого в основном при помощи инверсии, то есть перестановки обычного порядка

слов, и только этим создаёт необычный, приподнятый тон речи, маскируя её дидактичность. Но каждый приём хорош до тех пор, пока зритель или читатель не чувствует, что это приём. Когда же автор настойчиво повторяет его, пользуясь им как единственным средством индивидуализации языка персонажа, правда на сцене рушится.

Одной из наиболее сложных форм речевого мастерства в драме является монолог. Б. Ромашов посвятил монологу несколько страниц своей книги, где справедливо говорит о его действенности и большом значении для характеристики героев и для раскрытия основных идей драмы. Хотелось бы только ещё раз подчеркнуть, что в форме монолога особенно необходимо чувство меры, художественного такта, иначе легко сбиться на навязчивое морализирование. «Учить в пьесах не надо, всё должно выражаться через деланье», — говорил Горький. Наши драматурги должны учиться мастерству монолога у классиков, где монолог оправдан не только целями автора, но и психологически мотивирован. Нельзя допускать, чтобы во время монолога зритель, по замечанию Толстого, начинал жалеть, «почему стулья не сделаны спинками к стене». А подобные мысли, должно быть, придут в голову многим зрителям во время таких монологов, как монолог «прозревшего» героя в финале пьесы А. Сурова «Порядочные люди».

Драма — это серьёзное звание, на построение которого надо положить немало сил. Именно с таким чувством приступали к работе над пьесой наши классики. Существует легенда, повторяемая, в частности, и Б. Ромашовым в его книге, что гениальная комедия Толстого «Плоды просвещения» написана, так сказать, случайно, между делом, для домашнего спектакля. Однако этот миф не имеет ничего общего с действительностью. Толстой начал писать свою комедию ещё осенью 1886 года. Затем его работа над «Плодами просвещения» была прервана, но Толстой не забывал о своём замысле. К апрелю 1889 года относятся записи Толстым отдельных фраз и выражений для будущих персонажей комедии. Осенью 1889 года Толстой снова берётся за работу над «Плодами просвещения», причём его подгоняет в этом желание близких сыграть спектакль «Плоды» в канун 1890 года. Но и после того, как спектакль

был сыгран, Толстой не оставляет работы над комедией. 21 января 1890 года в дневнике Толстого появляется знаменитая запись: «Поправлял комедию, читал... Странное дело эта забота о совершенстве формы. Не даром она. Но не даром тогда, когда содержание доброе. Напиши Гоголь свою комедию грубо, слабо, её бы не читали и одна миллионная тех, которые читали её теперь. Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло. Заострить и значит сделать его совершенным художественно— тогда оно пройдёт через равнодушие и повторением возьмёт своё».

«Плоды просвещения» были не гениально-

небрежным мазком, а результатом напряжённого труда великого художника, и, исправляя фактическую ошибку в книге Б. Ромашова, хотелось бы особенно подчеркнуть этот источник удивительного мастерства русских драматургов-классиков.

Заключая разбор некоторых проблем, поставленных в книге Б. Ромашова, необходимо сказать, что при всех отмеченных нами недостатках эта книга — одна из немногих, серьёзно ставящих вопросы драматургического мастерства, теории драмы, которые имеют самое живое, самое практическое значение.

В. ЛАКШИН.

★

Литература и библиография

После многолетнего перерыва вышли в свет два новых выпуска библиографии Н. И. Мацуева «Советская художественная литература и критика». Последний указатель содержит сведения о произведениях советской художественной литературы, критики и литературоведения, изданных на русском языке в 1949—1951 годах. В эти годы советская литература, как и на всех этапах своего развития, вела борьбу за высокую идейность и художественное мастерство. Партийная печать, поддержанная советской общественностью, выступала против различных идеологических извращений в литературе, решительно вскрывала антипатриотические и националистические ошибки в творчестве ряда писателей и критиков, призывала заботливо воспитывать молодых литераторов, особое внимание обращала на важнейшие вопросы литературной критики и советской драматургии.

Н. Мацуев стремится к возможно полному охвату появившихся в течение трёх лет произведений советской художественной литературы и критических отзывов о творчестве писателей. Этот ценный свод, казалось бы, лишь чисто регистрационных данных на самом деле является весьма убедительным библиографическим итогом работы большого отряда советских писателей за эти годы.

В вводных разделах библиографии собран материал, наглядно демонстрирующий руководящую роль партии в литературе. Наша партия, как всегда, непримиримо от-

носила к явлениям, мешающим развитию советской литературы. На страницах газеты «Правда» своевременно и остро ставились перед литературой ответственные задачи, указывались пути её развития.

За годы, охваченные справочником, 119 советских писателей, поэтов, драматургов, сценаристов и критиков удостоены Сталинских премий.

В основных разделах указателя («Художественная литература», «Критика и литературоведение») зарегистрировано около двух тысяч имён. Среди них — писатели, более чем полвека работающие в литературе, и совсем молодые авторы, первые книги которых лишь года два назад вышли из печати в Сибири или на Кавказе, в Карелии или Средней Азии. Многочисленными тиражами издавались произведения М. Горького и В. Маяковского, Д. Бедного и Ф. Гладкова. Роман Н. Островского «Как закалялась сталь» давно стал настольной книгой советской молодёжи, но жизнь требовала всё новых и новых переизданий. Книга живёт и сегодня, не утрачивая своей молодости. Только в 1949—1951 годах она выдержала двенадцать изданий. Такая же славная судьба и у «Чапаева» Д. Фурманова, «Петра I» А. Толстого, «Малахитовой шкатулки» П. Бажова и многих других книг, созданных в разные годы. «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Белая берёза» М. Бубеннова, «Малышок» И. Ликстанова, «Сталь и шлак» В. Попова, «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина, «Необыкновенное лето» К. Федина и многие другие произведения, появившиеся в послевоенное время,

Н. Мацуев. «Советская художественная литература и критика 1949—1951 гг. Библиография». «Советский писатель», М. 1953.

выдержали уже более десяти изданий за 1949—1951 годы.

Конкретные данные, собранные в книге Н. Мацуева, говорят о значительном оживлении детской литературы. Появились новые писательские имена, расширилась издательская деятельность в стране.

Среди книг, изданных большими тиражами, — произведения писателей национальных республик Советского Союза.

Справочник даёт возможность полнее познакомиться с творчеством молодых литераторов, создавших значительные произведения в послевоенные годы. В нём нашли отражение изданные в Хабаровске рассказы В. Ажаева «Золото», вышедшие в Ленинграде повести и рассказы автора романа «Журбины» В. Кочетова. К. Седых представлен не только как автор «Даурии», но и как поэт. Читатель трилогии В. Беллева «Старая крепость» может познакомиться с его повестями и рассказами, вышедшими в Москве и Киеве, Иванове и Львове. Зарегистрированы не только «По дорогам идут машины» С. Антонова, но и другие сборники этого автора, не только «Витя Малеев в школе и дома», но и более ранние произведения Н. Носова. В списке книг, характеризующих творческое лицо писателя, — рассказы В. Лациса, А. Каххара, повесть С. Тока «К большому порогу».

Внимательно просматривая справочник Н. Мацуева, лишний раз убеждаешься в том, что жанр публицистики, принятый советскими писателями на вооружение ещё в годы рождения советского искусства, и сегодня остался боевым и актуальным. Публицистическая статья или очерк — это не просто одно из средств отклика на волнующие события современности, а органическая потребность писателя выразить чувства взволнованной любви народа к своей социалистической Родине, к великой Коммунистической партии нашей страны, глгую ненависть к врагам мира и демократии. Как сегодня написанные, звучат неоднократно переиздававшиеся статьи и памфлеты М. Горького и В. Маяковского, вновь вышла из печати публицистика К. Симонова периода Великой Отечественной войны, в Ростове издан сборник статей М. Шолохова «Слово о Родине», «Советский писатель» опубликовал книгу Л. Леонова «В наши дни», продолжает свою боевую публицистическую работу И. Эренбург («За мир!», «Голос писателя», «Надежда мира»).

Усилиями советских критиков и литературоведов особенно много было сделано в области изучения творчества писателей-классиков, основоположников социалистического реализма: М. Горького, В. Маяковского. Один лишь перечень статей о М. Горьком занимает около пяти страниц справочника. Появились книги и статьи о творчестве П. Бажова, Н. Островского и других писателей. Однако, просматривая перечень работ о Горьком, убеждаешься, что фундаментальных, монографических исследований, посвящённых важнейшим проблемам творчества основоположника нашего искусства и его связи со всем развитием советской литературы, появилось чрезвычайно мало. Среди перечисленных в справочнике Н. Мацуева работ преобладают статьи комментаторского, описательного характера.

Об отставании критики и литературоведения от требований, предъявленных партией, от развития литературы говорит самый объём раздела «Критика и литературоведение». Этот раздел занимает всего лишь 22 страницы справочника. Среди зарегистрированных названий значительное место занимают стенограммы публичных лекций, статьи и книги литературно-краеведческого характера, а не монографические исследования и теоретические работы. К сожалению, критика не только не поощряла работы в сатирическом жанре, но прошла мимо двух-трёх сборников фельетонов С. Нариньяни, В. Масса и М. Червинского и других книг, вышедших в 1949—1951 годах. Бросается в глаза явное невнимание критики к вопросам драматургии. Многие пьесы остались без каких-либо оценок, отсутствуют специальные работы, посвящённые отдельным этапам развития драматургии. Забытой осталась и научно-популярная литература. Критика почти ничего не оказала о ставших широко известными без её вмешательства книгах М. Ильина, В. Обручева и других. Значительный отряд критиков и литературоведов, работающих в областных городах, оторван от центральных изданий и удовлетворяет преимущественно запросы местных издательств, не выходящих за пределы краеведческих интересов.

Внутри каждого раздела сведения о книгах приводятся Н. Мацуевым в алфавитном порядке имён писателей и критиков. Книги отдельных писателей, а также статьи и рецензии о них зарегистрированы в хроноло-

гической последовательности, по времени выхода их в свет. Кроме отдельных изданий, Н. Мацуев учитывал обильный материал 91 газет, журналов и альманахов Полнота справочника, особенно в учёте отдельных изданий, удачная в основном систематизация большого фактического материала, библиографическая тщательность — всё это делает справочник Н. Мацуева ценным пособием по советской литературе, библиографической летописью её.

Раздел «Художественная литература» составлен с наибольшей полнотой вплоть до перечня различных переизданий произведения. Правда, здесь есть пропуски (например: М. Шолохов. Поднятая целина. Кн. I. Киев, Гослитиздат Украины, 1951, 327 стр.), но их так немного, что приходится говорить не о них, а о более тщательном отборе данных, о необходимости исключения упоминаний о книгах, не представляющих интереса для советской общественности. Не следовало бы засорять справочник упоминанием халтурных «детских» стихов В. Черникова «Моя ёлка» (Вологда, 1949, 23 стр.) и подобных им случайных изданий, отказ от регистрации которых повысил бы ценность справочника, рассчитанного на долгие годы пользования.

Ещё хуже обстоит дело с учётом рецензий на областные издания. Создаётся такое впечатление, что критика обходит молчанием книги молодых (да и не только молодых!) авторов лишь только потому, что они изданы не в Москве. А это не совсем точно. Такое предположение возможно потому, что Н. Мацуев, к сожалению, отказывается хотя бы от выборочного просмотра областной печати и даже от учёта тех данных, которые приведены в «Летописи рецензий». Так, например, сборники первых стихов молодых вологодских поэтов — С. Викулова «Хозяева земли» и В. Сорокина «Счастье» — получили оценку на страницах областной газеты (Н. Сидоренко. Два поэта. «Красный Север», 1951, 11 февраля, № 29, стр. 3). Здесь же была опубликована рецензия К. Копичева на рассказы В. Гарновского «Полюсники у костра» и книгу А. Власова «Басни» («Красный Север», 1950, 11 июня, № 115, стр. 3). Регистрируя книги саратовских писателей Г. Боровикова, Б. Озерного, А. Матвеевко и других, Н. Мацуев не только проходит мимо оценки их работы на страницах областной газеты «Коммунист», но забывает и о статьях, опубликованных в

альманахе «Литературный Саратов», перечисленном в предисловии среди материалов, использованных при составлении справочника. См., например, следующие рецензии, опубликованные в этом альманахе: Е. Покусаев. «Н. Г. Чернышевский в Саратове» (рецензия на книгу Н. М. Чернышевской). «Литературный Саратов», 1950, книга 12, стр. 146—152; О. Ильин. «Стихи Б. Озерного». «Литературный Саратов», 1951, книга 13, стр. 199—206; Т. Акимова. «Интересные сказки» (рецензия на книгу А. Матвеевко «Сказки весёлого Бабая»). «Литературный Саратов», 1951, книга 13, стр. 207—208 и другие. Тщательное изучение и отбор наиболее ценных критических статей и рецензий, появившихся в областной печати, необходимы и потому, что центральная печать ещё нередко обходит молчанием творчество писателей, работающих в областях. Это случается даже тогда, когда их книги публикуются в московских изданиях. Осталась, например, забытой поэма саратовца В. Богатырёва «Хозяева земли», опубликованная в «Звезде» и вышедшая отдельным изданием в «Советском писателе» в 1950 году.

Трудно объяснить, чем руководствовался составитель, указывая журнальные публикации «Повести о детстве», «Вольницы» Ф. Гладкова, других книг и забывая опубликованную на страницах журнала «Октябрь» повесть Б. Неводова «Недра». Нет установившихся принципов и во многих других случаях. Непонятно, почему книга Г. Горбунова «Литературное Иваново», получившая резко отрицательную оценку партийной печати, расписана по статьям, вошедшим в неё, а очерки о советских писателях из книг И. Воронина «Литературные деятели и литературные места в Мордовии» и В. Климентовского «Русские писатели в Татарской АССР» не раскрыты в указателе. Публичная лекция М. Шагинян «Калевала» дана среди художественной литературы без всяких на то указаний в отделе критики, где она оказалась пропущенной.

Книги советских писателей учтены в разделе «Художественная литература» с наибольшей полнотой. Но раздел «Критика и литературоведение» составлен менее тщательно. В нём допущены значительные пропуски. Вот некоторые из них: Боброва М. — Американская «демократия» в оценке сатирика М. Твена. Саратов, 1949, 36 стр.; Евгеньев Б. — А. Радищев. «Молодая гвар-

дия», 1949, 342 стр.; Кастилин Н.—Белинский — театральный критик. «Искусство», 1950, 256 стр.; Озерова А.—Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», М., 1950, 48 стр.; Озерова А.—Н. Г. Чернышевский. Учпедгиз, М., 1951, 158 стр.; «Пушкин в школе». Сб. ст. под ред. Н. Л. Бродского и В. В. Голубкова. Изд. АПН РСФСР, М., 1951, 550 стр.; Савостьянов И.—Поэма Маяковского «В. И. Ленин». Под ред. Л. И. Тимофеева. М., 1951, 64 стр.; Эльсберг Я.—А. И. Герцен и наша современность. «Правда», М., 1950. 32 стр. и другие. Остались в стороне литературно-критические работы А. Фадеева, К. Федина, И. Эренбурга, опубликованные в периодической печати. Зарегистрированы далеко не все тома «Учёных записок» Пропущены, например, «Учёные записки Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)», вып. 7 (М., 1950), вып. 11 (М., 1951); «Учёные записки Горьковского Гос. пединститута им. А. М. Горького», вып. XIV (Горький, 1950); «Учёные записки Вологодского Гос. пединститута им. В. М. Молотова», т. VII (Вологда, 1950) и другие.

Н. Мацуев стремится к полному библиографическому описанию издания. Он последовательно сообщает фамилию автора, инициал имени его, название книги, её иллюстратора, место издания, издательство, год издания, количество страниц, тираж и цену книги.

Однако Н. Мацуев не всегда остаётся верен этому своему принципу. Нередко в описании книги отсутствует указание на переводчика её и иллюстратора. Не сообщается, как правило, имеет ли издание предисловие и каков характер его. Не указаны, например, предисловия А. Богуславского в книге А. Афиногенова «Избранное» (М., 1951), К. Зелинского к сборнику стихов С. Нерис «Избранное» (М.—Л., 1951), С. Васильева к избранным стихам П. Комарова (М., 1950), статья Л. Вольпе в книге А. Малышкина «Рассказы, очерки, киносценарии» (Иенза, 1950) и другие. Предисловие часто даёт более цельное представление о писателе, чем беглые заметки о его творческом пути, отмеченные в справочнике.

Очень скупо описаны и собрания сочинений советских писателей. А между тем из справочника интересно было бы узнать, что в первом томе последнего собрания сочинений Ф. Гладкоза, кроме фактических ком-

ментариев, дана заметка В. Красильникова «Цемент. Творческая история романа», что в сочинениях А. С. Макаренко (М., АПН РСФСР, 1950—1951) содержатся обстоятельные комментарии к произведениям писателя. Подобные сведения дали бы значительно более полное представление о характере издания и его аппарате.

Не всегда соблюден в справочнике принцип хронологической последовательности выхвоста в свет книги одноимённого названия. Очень часто Н. Мацуев пользуется выражением «То же». Несмотря на оговорку составителя, что это выражение не означает полной идентичности повторных изданий, оно чаще всего вводит в заблуждение и даёт искажённое представление об издании. Например, на странице 94 указывается: Коничев К.—Деревенская повесть. М., «Советский писатель», 1949, 247 стр., а затем: То же. Вологда. Обл. изд-во, 1950, 520 стр. Однако совпадение в названии — далеко не одно и то же: «Советским писателем» была издана лишь первая часть книги, а вологодское издание включает и вторую, ранее нигде не публиковавшуюся часть «Деревенской повести».

В отличие от ранних указателей, составленных Н. Мацуевым, в настоящем справочнике значительно упрощена техника описания статей, заимствованных из периодической печати, устранена затруднявшая пользование справочником сложная система сокращений, сохранены названия статей и рецензий. Однако в описании критической литературы нет единого принципа: рецензии на отдельные издания начинаются с указания места их опубликования, а лишь затем сообщается фамилия рецензента и название статьи, а описание критических работ, посвящённых отдельному автору, как и книг раздела «Критика и литературоведение», начинается с указания автора и названия статьи или книги. Отсутствие единообразия, крайне необходимого в библиографической работе, а тем более в работе большого объёма, значительно затрудняет пользование справочником.

Есть недостатки в техническом оформлении книги, опечатки и неточности (например, статьи саратовского критика М. Котова объединены в указателе со статьями московского М. Котова), но дело не в этих частных погрешностях.

Основные недостатки книги Н. Мацуева свидетельствуют о том, что наши биб-

лиографы не договорились о характере и принципах регистрационных справочников, о построении указателей, охватывающих большие периоды в развитии советской литературы. Отсутствие чётких и ясных положений о порядке описания статей и книг, об унификации общепринятых сокращений, о нормализации употребления знаков препинания между библиографическими сведениями — всё это создаёт недопустимый разрыв, который сказывается не только в специальных библиографических изданиях, но и в порой малограмотных библиографических справках, которые ещё встречаются в комментариях к отдельным изданиям, в журнальных ссылках на источник и т. п.

До сих пор не сделано попыток обобщить опыт, накопленный советской библиографией в методике описания изданий. Ослабление внимания к созданию библиографических пособий по советской литературе сказывается и в том, что Академия наук СССР, издавая специальные аннотации работ в области естественных наук и техники, проходит мимо библиографии советского искусства, художественной литературы, литературоведения. Отсутствие на книжных полках библиотек справочников о значительных

периодах в развитии советской литературы загроудняет работу по её изучению.

В изданных ранее справочниках Н. Мацуева «Художественная литература русская и переводная» были систематизированы данные о советской литературе и критике 1917—1937 годов. Теперь они стали малодоступными даже для специалистов-библиографов и после доработки и критического пересмотра нуждаются в переизданиях. Переиздание их необходимо и потому, что каких-либо новых попыток создать справочники по советской литературе этих лет до сих пор не делается.

Н. Мацуев посвятил библиографии советской литературы значительную часть своей жизни и внёс серьёзный вклад в советскую библиографию. Последняя работа Н. Мацуева «Советская художественная литература и критика. 1949—1951 гг.», в которой учтены некоторые недостатки его предшествующих работ, — ценное, полезное пособие. Им долгие годы будут пользоваться студенты, изучающие советскую литературу, научные и издательские работники, писатели и критики, специалисты-библиографы и работники библиотек.

В. ГУРА.

★

Роман о рабочих демократической Германии

Разговор об этой книге хочется начать с её последней главы. Это не расходится и с замыслом автора, не случайно названного эту главу: «Эпилог, который надо считать прологом».

Один из героев романа, художник Андрицкий, нарисовал портрет передовика производства, активиста Ганса Эре. Портрет удался, и «самоу Эре, когда он смотрел на него, казалось, что с его лица снята маска, что со стены на него глядит другое, настоящее лицо...» Портрет удался потому, что, не ограничиваясь внешним сходством, художник сумел показать и черты характера Эре — его активность, порывистость, нетерпимость к отсталости и лжи — и проникнуть вглубь этого человеческого образа, раскрыть то основное, что составляет его сущность — новое, немислимое в старой Герма-

нии отношение к труду, хозяйскую заинтересованность в судьбе страны.

Задача, которую после долгих поисков удачно разрешил художник Андрицкий, стояла и перед писателем Клаудиусом, автором романа «О тех, кто с нами». В этом смысле последняя глава книги символична: удача писателя Эдуарда Клаудиуса равна творческой победе художника Андрицкого. Со страниц романа на нас смотрит живой человек, сложный, с нелёгким характером, прошедший трудную жизнь, ещё не свободный от кое-каких старых предрассудков, но полный творческого горения и трудового энтузиазма, которые характеризуют строителей новой, демократической Германии.

Герой этого романа имеет реальный исторический прототип. Это широко известный в Германской Демократической Республике каменщик Ганс Гарбе, применивший новый скоростной метод ремонта печей для обжига электродов. Этот метод позволил произвести перекладку печи, не охлаждая её, не прекращая её работы.

Эдуард Клаудиус. «О тех, кто с нами». Перевод с немецкого В. Станевич и И. Татаринской. Издательство иностранной литературы. М.—Л., 1953.

Сам бывший каменщик, Эдуард Клаудиус написал сперва талантливый художественный очерк, посвященный Гарбе, — «О трудном начале», первую в немецкой демократической литературе художественную биографию рабочего-современника. Тема этого очерка — преодоление многочисленных трудностей, стоявших на пути новатора, его борьба против саботажа, бюрократизма, против неверия в силы рабочих со стороны многих руководителей производства и против косности отсталой части немецкого рабочего класса. Очерк, печатавшийся сперва в «Нейес Дейчланд», а затем вышедший отдельным изданием, вызвал оживлённые отклики. Отмечая бесспорные достоинства этого произведения, читатели и партийная печать указывали и на его недостатки — прежде всего на то, что Гарбе изображён как одинокий герой, не имевший поддержки ни со стороны хотя бы части рабочих, ни со стороны партийных товарищей.

Роман «О тех, кто с нами» — результат дальнейшей работы писателя над образом рабочего-новатора. В отличие от очерка роман широко охватывает проблемы современной немецкой действительности; герой романа Ганс Эре при всём его сходстве с прототипом — образ собирательный, выражающий главную тенденцию развития передовой части рабочих в первый год строительства Германской Демократической Республики.

Писатель раскрывает отдельные страницы биографии Ганса Эре, годы тяжёлой юности немецкого пролетария. На всю жизнь запомнил Эре хлыст в затыкнутой перчаткой руке помещика, поднятый над головой его деда-батрака. На всю жизнь запомнил он и слова деда, арестованного за участие в стачке: «Знамя всегда нужно видеть и высоко его держать». И всю свою жизнь Эре видит перед собой красное знамя, борется за него. Классовое чутьё помогает ему первым распознать врага в мастере Матшате, агенте западногерманских империалистов, раскрыть вредительство при постройке заводского Дома культуры. Политическая сознательность Эре определяет и его отношение к работе — он добивается небывалой производительности труда, руководясь прежде всего сознанием общественного долга. Писателю удаётся убедительно показать, как трудовой энтузиазм захватывает и других рабочих, которые сперва, под влия-

нием Матшата, враждебно относятся ко всем начинаниям Эре.

Но при всей горячей симпатии к своему герою автор не идеализирует Эре. Даже этот передовой рабочий не свободен от пережитков прошлого. Так, Эре долгое время не может избавиться от свойственного немецким рабочим в старое время недоверия к любой заводской администрации; не хочет он согласиться и с решением своей жены Катрин пойти работать на завод — в нём ещё силен мещанский предрассудок, будто место женщины только в семье.

Ганс Эре — художественно наиболее зрелый образ рабочего из созданных Клаудиусом.

Тема рабочего класса — ведущая тема творчества Клаудиуса. Его произведения отразили основные этапы революционной борьбы немецкого рабочего класса — борьбу антифашистов в Германии («Соль земли»), участие немецких коммунистов в антифашистской войне испанского народа за свою независимость («Зелёные оливы и голые горы»), трудовые будни Германской Демократической Республики («О тех, кто с нами»). Но если многие герои ранних произведений Клаудиуса подвержены излишней рефлексии, погружены в мир своих ощущений и чувств, то Ганс Эре раскрывается в романе прежде всего через свои поступки, через свою трудовую деятельность. Можно, пожалуй, даже упрекнуть автора в другой крайности — в чрезмерной скупости, с которой он раскрывает внутренний мир Эре. Всё же автору, безусловно, удалось написать роман о людях на производстве, а не о производственном процессе. Читатель с интересом следит, как история трудового подвига Гарбе становится стержнем художественного произведения, изображающего сложные человеческие судьбы в условиях немецкой действительности.

Эдуард Клаудиус не идеализирует жизнь Германской Демократической Республики. Тема «трудного начала» не снята в романе Клаудиуса. Перед читателем встаёт картина тех реальных трудностей роста, тех проблем, которые характерны для молодой Германской Демократической Республики.

Для творческой манеры Клаудиуса характерно, что он показывает своих основных героев в моменты, когда в их судьбе совершается перелом.

В такой ответственный момент своей жизни показаны в романе и технический директор завода старый инженер Вассерман, и бывший нацист д-р Лаутер, и рабочие бригады Эре — Рейхерт, Кербель и Бакханс.

Вассерман остался в Восточной Германии из привязанности к своему заводу, но он не понимает и не принимает нового строя. Когда в результате саботажа мастера Матшата рушится печь и Эре прибегает к старому инженеру за советом и помощью, Вассерман, покорённый трудовым энтузиазмом рабочего и убедившись в том, что и он, инженер Вассерман, сегодня нужен Германии, безоговорочно становится на сторону народа.

Удачен образ жены Эре — Катрин, спокойной, рассудительной женщины, друга, первого советчика и помощника своего мужа, женщины, которая находит в себе силы, чтобы противостоять отсталым настроениям Эре и доказать свою правоту, успешно справляясь с ответственным делом, порученным ей на заводе.

К сожалению, не все герои в романе достаточно индивидуализированы. Это относится к рабочим из бригады Эре и к художнику Андреасу Андрицкому; последний сохраняет в романе лишь то значение, о котором мы сказали в начале рецензии. Путь Андрицкого к народу ведёт его через преодоление формализма и натурализма к реализму в творчестве — проблема чрезвычайно важная для искусства демократической Германии; но писатель пытается решить её в романе чрезвычайно упрощёнными средствами.

Гораздо интереснее изображены люди, составляющие заводскую партийную организацию СЕПП, в которой происходит борьба за ликвидацию пережитков социал-демократизма, за создание партии нового типа. В образах инструктора Шадова, секретаря партийной организации, старого подпольщика Венде, а также парторга рабочего Фале, которые, как и бывший рабочий, директор Карлин, поддерживают Эре и помогают ему осуществить его предложение, реалистически показаны типы современных немецких партийных руководителей. В создании гал-

лерей живых человеческих характеров, типичных представителей немецкого трудового народа — большая заслуга Эдуарда Клаудиуса. Убедительность, жизненность этих характеров достигается, в частности, речевой характеристикой — образной, проникнутой грубоватым юмором берлинской речи. Следует отметить, однако, что переводчики злоупотребляют этой особенностью языка героев романа: простая разговорная речь героев часто подменена нарочитыми просторечиями, вульгаризмами, не имеющими соответствия в подлиннике. Переводчики пишут «морда» там, где у Клаудиуса «лицо»; «эта фря» (у автора вовсе нет эквивалента этому слову); «против него у тебя кишка тонка», когда в оригинале «тебе с ним не справиться»; «можно сдохнуть» вместо «можно умереть, пропасть» и т. п. Когда переводчики пишут «барская рожа» там, где Клаудиус говорит о «капитанских лицах», то есть о тех людях, которые вызывают у Эре ассоциацию с капитаном, который избивал его деда, они грешат против смысла. Переводчики называют каменища Эре печником, и читателю непонятно, как печник может строить заводской Дом культуры. В переводе встречаются и такие, просто нелепые фразы, как: «...у девушки было нервное, подвижное лицо, видно было, что она хорошая любовница»; или: «...она улыбалась, и эта улыбка придавала ей зрелость плода, который под дождём и солнцем провисел на ветке положенное ему время».

Весь строй фраз с их нарочитыми, неоправданными инверсиями воспринимается как стилизация под речь необразованных, «простых» людей. В романе Клаудиуса рабочие говорят несравненно более грамотно, ближе к литературному языку, чем в переводе. Исчез в переводе лиризм романа, огрубели пейзажи. Хотелось бы, чтобы при новом издании романа были устранены недостатки перевода этого талантливого произведения немецкой прогрессивной литературы, наиболее яркой книги о людях труда, созданной в послевоенной Германии.

Л. ЛОЗИНСКАЯ,
Е. ФРАДКИНА.

Политика и наука

По твёрдому курсу

Скоро исполнится десять лет с того дня, когда трудящиеся Румынии, освобождённые Советской Армией от фашистского ига, стали хозяевами своей судьбы. Они установили в стране народно-демократический строй и под руководством коммунистической партии уверенно пошли по пути к новой, счастливой жизни.

О том, как живёт сейчас и трудится на свободной земле братский румынский народ, рассказывает нам книга Вл. Пьянкова и П. Мельникова «В новой Румынии».

Авторы совершают довольно подробное путешествие по карте Румынской Народной Республики и дают краткий обзор исторического прошлого страны, на территории которой «скрещивались пути из Европы на Ближний Восток и из Византии на Север» и которая вела многовековую борьбу за свою национальную независимость. Ярко и убедительно повествует книга о событиях последних лет, наполненных пафосом строительства социализма, торжеством подлинного народовластия.

Старой Румынией правили сто буржуазно-помещичьих семейств, здесь царствовала немецкая династия Гогенцоллерн-Зигмаринген, захватившая более чем 150 тысяч гектаров земли и сосредоточившая в своих руках около четырёх миллионов акций промышленных предприятий и банков. Как указывают авторы, Гогенцоллерны «на поте и крови румынского народа... воздвигли 29 замков и 114 дворцов, набив их драгоценностями стоимостью в десятки миллиардов лей». В стране хозяйничали крупнейшие монополисты США, Англии и других капиталистических стран, такие, как Морган, Рокфеллер, Детердинг, которые, «как страшный спрут, присосались к румынской земле».

Все эти «правители» и их лакеи пытались доказывать, что Румыния якобы навсегда обречена оставаться бедной и тёмной страной, не имеющей почти никакой промышленности и вынужденной за бесценок отдавать капиталистам Запада свои сырьевые ресурсы.

Ныне трудовой народ Румынии, опираясь на бескорыстную помощь Советского Союза

и всего лагеря мира и демократии, добился больших успехов в индустриализации страны, обеспечив создание тяжёлой промышленности и её основного звена — машиностроения.

В форме живых зарисовок и бесед с людьми авторы рассказывают о том, как за короткий срок неузнаваемо изменилась экономика Румынии. Они приводят многочисленные факты и примеры, свидетельствующие о раскрепощении творческих сил трудящихся, показывают людей, выдвинувшихся из народной гущи и ставших талантливыми новаторами, передовиками, командирами производства. Народно-демократическая революция в Румынии, говорится в книге, «подняла и призвала к новой жизни широкие трудящиеся массы, провела глубочайшие борозды в политической, экономической и социальной жизни Румынии, подготовила почву для планомерного строительства социализма».

Румынские рабочие, крестьяне, интеллигенция находят неиссякаемый источник вдохновения в примере нашего народа. Вспомнивая своё первое посещение СССР, известный румынский писатель, учёный и государственный деятель Михаил Саловяну говорит: «Я испытал непередаваемое чувство глубокого восхищения и понял, что румынский народ, переживший чёрные века страданий, непременно пойдёт по пути нового, сияющего мира. Повседневный пример великого Советского Союза, его Конституция должны были стать и стали для нас путеводной звездой».

В главе «Республика строится» В. Пьянков и П. Мельников рассказывают о становлении социалистического сектора в индустриальном производстве страны, о выполнении государственных планов развития народного хозяйства, о коренной реконструкции заводов и создании новых крупных предприятий и целых отраслей промышленности. Объём промышленной продукции в народной Румынии в 1953 году почти в 2,5 раза превысил уровень довоенного 1938 года.

В одной из старых румынских песен — «Там, где по долине нефть течёт» — говорилось об огромных природных богатствах долины Прахова и с беспросветной нището

Вл. Пьянков, П. Мельников. «В новой Румынии». Издательство «Молодая гвардия», М. 1953.

румунских нефтяников. Нефть тогда шла в трюмы иностранных кораблей, а баснословные прибыли доставались монополиям Рокфеллера и «нефтяного Наполсона» — Детердинга. Ныне нефтяная промышленность республики достигла небывалого уровня добычи — свыше девяти миллионов тонн в 1953 году. Её добывают не только в Прахове, но и в Олтении, в Пнтештской области и других районах страны. Нефть, главное богатство Румынии, стала служить тем, кто её производит и перерабатывает, — румынскому народу.

Производство стали в Румынии возросло по сравнению с довоенным уровнем в четыре раза. Добыто угля в 1953 году почти в два с половиной раза больше, чем в 1938 году. Успешно осуществляется план электрификации страны. На реке Бистрице в Молдове строится крупнейшая гидроцентральный. Ей присвоено имя В. И. Ленина, чьё бессмертное учение указало народам Румынии солнечную дорогу к социализму.

Впервые за всю свою историю Румыния выпускает тракторы, экскаваторы, станки и другое оборудование. Авторы книги приводят любопытный факт. В 1946 году в Румынию приезжала американская миссия. Узнав, что румыны решили организовать производство тракторов без американской помощи, «гости» саркастически посмеялись над этой, как они думали, тщетной затеей. Один из членов миссии, некий Марк Этрич, нагло заявил: «Я брошусь под колёса первого румынского трактора, если он только вообще когда-либо появится на свет!» Конечно, бизнесмен не выполнил своего обещания, когда уже в 1947 году из цехов завода в городе Сталин вышел первый румынский трактор. На испытаниях он показал лучшие результаты, чем американский трактор.

Одновременно с тяжёлой индустрией быстрыми темпами развивается лёгкая промышленность. В стране реконструируются старые и создаются новые предприятия, производящие товары народного потребления. В 1952 году хлопчатобумажных тканей было выпущено почти вдвое, а шерстяных тканей — в два с лишним раза больше по сравнению с 1938 годом. После реконструкции обувная фабрика имени Штефана Георгиу в Бухаресте увеличила в восемь раз производство обуви. Производственная мощность вступающей в строй фабрики фруктовых консервов и соков в Рыурени будет в 3,5 раза превышать мощность всех румын-

ских предприятий такого типа, вместе взятых.

Как справедливо подчёркивается в книге, процесс индустриализации в Народной Румынии имеет свою существенную особенность. Он протекает в условиях братского сотрудничества всех стран демократического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, в условиях получения всесторонней помощи — экономической, финансовой, технической — от великой страны победившего социализма. Для народного хозяйства Румынии исключительно благоприятны результаты такой действенной формы экономического сотрудничества, как смешанные румыно-советские общества — «Совромы», созданные на основе полного равноправия их участников.

Значительны успехи и сельского хозяйства новой Румынии. Рабочая партия и народное правительство повели румынское трудовое крестьянство по пути кооперирования. Опорными базами социалистической перестройки деревни явились машинно-тракторные станции, впервые созданные в октябре 1948 года. Спустя пять лет в Румынии уже насчитывалось 218 МТС, располагающих многими тысячами тракторов и значительным количеством другой сложной сельскохозяйственной техники. С помощью растущей механизации, применяя новейшую агротехнику, трудящиеся крестьяне получают всё более высокие урожаи зерновых и технических культур.

Неузнаваемо изменилась жизнь тружеников румынской деревни. Проведённая в республике аграрная реформа ликвидировала помещичье землевладение. Свершилась вековая мечта безземельных и малоземельных крестьян — благодаря рабочему классу они получили наделы земли. Это привело к укреплению рабоче-крестьянского союза. В дальнейшем в стране на основе полной добровольности возникло около двух тысяч коллективных сельских хозяйств и столько же товариществ по совместной обработке земли. Ныне социалистический сектор занимает свыше 20 процентов всей обрабатываемой земли в Румынии.

На примере колхоза «Путь Ленина» (Мунтения) и других авторы книги показывают, как из года в год растёт зажиточность румынских крестьян, вступивших на путь социализма. «О такой жизни раньше я и не смел мечтать, — говорит колхозник Кароль Надь. — На днях, когда подводы с

продуктами, полученными на трудодни от колхозхоза, остановились у моего дома, я и не знал, куда их поместить. Ведь подумать только: 1917 килограммов пшеницы, 3940 килограммов кукурузы, 1338 килограммов картофеля, 233 килограмма ячменя, 63 килограмма чечевицы, 100 центнеров фуража и 5516 лей денег — вот сколько потянули 780 трудодней, выработанных моей семьёй».

Благодаря быстрому росту производительных сил в республике неуклонно улучшается материальное благосостояние трудящихся страны. Это результат заботы Рабочей партии и народного правительства Румынии. В стране давно нет безработицы. Неуклонно повышается реальная заработная плата рабочих и служащих. Растут доходы трудящихся крестьян. В прошлом году потребление сахара выросло в полтора раза, а растительного масла — более чем в 2,5 раза по сравнению с довоенным уровнем.

Расположенные в наиболее живописных местах республики роскошные дворцы и виллы, где ещё так недавно вели праздную жизнь и проматывали народные деньги румынские помещики и капиталисты, стали теперь местом отдыха рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. В санаториях и домах отдыха Румынской Народной Республики побывало в 1952 году 340 тысяч трудящихся, а в 1953 году — 443 тысячи.

Обращают на себя внимание следующие данные, приведённые в книге. В старой Румынии смертность, особенно детская, была рекордной для всей Европы. Из 610 тысяч новорождённых 120 тысяч ежегодно умирали в возрасте до одного года. Теперь всё это в прошлом. Народная власть проявляет неустанную заботу об охране здоровья трудящихся и достигла в этом отношении значительных успехов. К 1951 году детская смертность в Румынии снизилась вдвое по сравнению с 1938 годом.

За последние пять лет расходы на социально-культурные нужды румынского народа выросли в восемь раз. За годы народной власти три миллиона человек стали грамотными. К концу первой пятилетки, в 1955 году, неграмотность в Румынии будет ликвидирована полностью. В стране осуществлено всеобщее бесплатное обязательное начальное образование. Число средних школ увеличилось по сравнению с довоенным периодом в несколько раз. В нынешнем году

в румынских вузах обучаются студентов в 2,6 раза больше, чем пять лет назад.

Читатель с интересом узнает, как меняется облик Бухареста — обновлённой столицы молодого народно-демократического государства. Новые здания сооружены в центре города; недавно построен центральный стадион на 80 тысяч мест; целые кварталы многоэтажных благоустроенных жилых домов воздвигнуты на пустырях или на месте старых трущоб и лачуг. Заканчивается стройка мощного полиграфического комбината «Дом «Скынтейи».

До установления народной власти некоторые области Румынии — Трансильвания, Банат, Кришана, Марамуреш, Северная Добруджа — были ареной острых межнациональных раздоров, которые искусственно разжигались иностранными империалистами и их местной агентурой. Прежние хозяева Румынии издали около 400 законов, направленных против национальных меньшинств. Ныне на благодатной румынской земле, изобилующей плодородными почвами, залежами нефти, угля, различных руд, газовыми месторождениями, «зелёным золотом» — лесами и «белым углем» — гидроэнергией, бок о бок с румынами живут, трудятся, строят новую жизнь венгры, немцы, сербы, хорваты и другие национальности, составляющие вместе свыше 14 процентов населения страны.

Марксистско-ленинское учение о национальной политике, указывают авторы книги, принесло в города и сёла народной Румынии мир, братскую дружбу и взаимное сотрудничество, что не замедлило сказаться на хозяйственных успехах, на росте культуры и духовных богатств всех национальностей, населяющих страну. В Северной Трансильвании, где живёт компактное большинство венгерского населения страны, создана Венгерская автономная область. Народное правительство оказывает постоянную поддержку развитию культуры нерумынских национальностей. Сейчас существуют тысячи школ, где преподавание ведётся на венгерском, немецком, сербском, турецком, болгарском и других языках. На этих же языках издаются десятки газет и журналов.

Авторы книги правильно отмечают, что большие успехи, которыми заслуженно гордятся трудящиеся Румынии, пришли не сами собой, а были добыты народом в ожесточённой борьбе с тёмными силами реакции, упорно, хотя и безуспешно, пытавшей-

ся задержать прогрессивное развитие страны.

Великую силу, единство и сплочённость румынских трудящихся вокруг своей Рабочей партии и народного правительства снова продемонстрировали происходившие 20 декабря 1953 года выборы в местные Советы республики. Так, в выборах в сельские Советы участвовало 95,58 процента всех избирателей. За редким исключением все они отдали свои голоса за кандидатов фронта народной демократии.

Книга «В новой Румынии» написана ясным и выразительным языком и читается с интересом. Авторы сумели удачно использовать цифровой материал, и в отличие от многих других работ подобного характера он не утомляет и хорошо воспринимается читателем. Уместно приведённые примеры, любопытные высказывания трудящихся Румынской республики в значительной мере оживляют текст книги.

Однако в ней имеются и отдельные недостатки, неряшливые формулировки, спорные положения. Редактору книги Я. Киселёву следовало бы устранить некоторую разбросанность материала, когда об одном и том же, причём без особой необходимости, говорится в нескольких местах. К национальному вопросу в Румынии авторы возвращаются в ряде глав и разделов, но нигде не подчёркнуто, что правильная национальная политика румынской Рабочей партии выбила из рук империалистов и их агентов такой козырь, как пресловутый «трансильванский вопрос», в течение многих десятилетий бывший яблоком раздора в Центральной и Юго-Восточной Европе.

В главе «У карты» утверждается, что «природа... подвергла одни районы влиянию степей Украины, другие — Атлантического океана, третьи — Средиземного моря». Читатель может прийти к неправильному выводу, что в расположенных на северо-западе страны Трансильвании и Кришане, например, климат морской, а в южной части — в Банате и Олтении — средиземноморский.

В популярной (не специально географической) книге лучше было бы сказать, что расположенная вдали от Атлантического океана и отделённая от влияния Средиземного моря горами Балканского полуострова Румыния представляет вполне материковую страну и имеет континентальный климат с холодной зимой и жарким летом.

Негочно указывают авторы и на то, что «горные районы Банат и Кришана богаты полезными ископаемыми». По отношению к последней это неправильно. Следовало бы говорить о Трансильвании, Банате и Марамуреше.

Непонятно, почему авторы утверждают, что даки — древние племена, заселявшие нынешнюю Румынию, — были родственны предкам не славян вообще, а только западных славян? Очевидно также, что было бы вернее упомянуть не только монгольские, но и тюркские племена, совершавшие набег на румынские земли в средние века.

Досадно, что отдельные места в книге плохо отредактированы. Неясно читателю, что хотели сказать авторы такими, например, фразами: «Но редкими были нефтяные вышки в Молдове. Заправилам американских и английских нефтяных монополий, захватившим нефтяные богатства Румынии, не нравилась близость этого обильного нефтью района к границам Советского Союза».

Свою работу В. Пьянков и П. Мельников предназначали в первую очередь для молодёжи. Однако лишь на десяти страничках показаны героические, полные самоотверженности дела румынских юношей и девушек. Это совершенно недостаточно. Маленькая глава «Счастливая юность», посвящённая румынской молодёжи, к тому же написана относительно хуже, на ней лежит отпечаток спешки.

Все эти недостатки, естественно, несколько снижают познавательное значение этой, в общем полезной и интересной, книги.

В. ЗАВАДСКИЙ.

Слово очевидцев

„Двести свидетелей» — так называется выпущенная на украинском языке издательством «Радяньський письменник» новая книга. «Двести свидетелей» — не исследование и не монография. Это сборник документов и фактов о так называемом «американском образе жизни», столь усиленно рекламируемом империалистической пропагандой. «Двести свидетелей» — это многочисленные высказывания, выдержки из писем жителей западных областей Украины, в различные годы своей жизни побывавших в США, Канаде и Южной Америке или продолжающих там жить и по настоящее время.

Тяжела была жизнь трудящихся Западной Украины до её воссоединения с Украинской Советской Социалистической Республикой. Постоянная нужда, острый земельный голод, национальные притеснения душили крестьян Галиции, Закарпатья и Буковины, находившихся под гнётом австро-венгерской монархии, а после первой мировой войны — под властью панской Польши, боярской Румынии и хорватской Венгрии.

Начиная с 80-х годов прошлого столетия, сотни тысяч украинских крестьян, обманутых лживыми обещаниями американских вербовщиков, эмигрировали за океан. Они надеялись найти в Америке кусок хлеба, а нашли там новые лишения, тот же голод, ту же нищету.

«Я хорошо познакомился с «американским образом жизни», — рассказывает житель города Ужгорода В. Гебрян, 23 года проживший в Америке. — Если сказать об этом коротко, — это голодная смерть для миллионов и миллиарды долларов прибыли для кучки господ».

В книге приводятся убедительные факты, показывающие, какой жестокой эксплуатации подвергают рабочего американские монополисты, ненасытные в своей жажде извлечения максимальных прибылей. Чудовищная потогонная система, новейшие достижения капиталистической «рационализации» в США превращают человека в простой придаток машины, высасывают из него без остатка все силы.

«Дейсті свідків. Розповіді про Америку». Издательство «Радяньський письменник». Київ, 1953.

Колхозник артели имени Сталина, Львовской области, Степан Кривешко с ужасом вспоминает свою работу на фабрике швейных машин в Элизабете, близ Нью-Йорка: «Работали по 12 часов в сутки... Когда кончалась смена, мы падали с ног... Боясь остаться без работы, каждый трудился с нечеловеческим напряжением сил. Конвейер не только выматывал у рабочего физические силы, но и расшатывал его нервную систему. Немало людей уже в 30—35 лет выглядели стариками».

Предприниматели и не помышляют о том, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить условия труда рабочих, механизировать трудоёмкие процессы. В Соединённых Штатах Америки буржуа кичится высоким уровнем развития техники. Но они не любят говорить о том, что здесь имеется свыше пяти тысяч шахт, где все работы производятся вручную, что на всех предприятиях игнорируются элементарные правила охраны труда и техники безопасности. Не удивительно, что число несчастных случаев в стране ежегодно превышает два миллиона, а американские шахты превращаются в могилы горняков.

Вот что сообщает о работе на шахтах фирмы Блик, близ Питсбурга, Михаил Пожо, ныне колхозник артели имени Кирова в Закарпатье: «Простое кайло и обыкновенная лопата — единственные инструменты, которыми я пользовался. Так работали на шахте сотни людей».

Однажды, вскоре после моего приезда в Америку, я спросил мастера, почему на шахте нет машин. Он ответил:

— Машина стоит дороже человека, и она требует ремонта. А человека мы в любую минуту можем заменить...

Будто тяжёлый и далёкий сон, вспоминаю теперь своё пребывание в Америке, где человек ценится дешевле машины, где судьба и жизнь простого рабочего никого не интересуют и не волнуют.

Тяжко живётся трудящемуся человеку в США, но ещё более ужасна жизнь того, кто не имеет постоянной работы и обречён на медленную голодную смерть. Нельзя без содрогания читать приводимые в книге воспоминания и выдержки из писем людей, познавших участь безработного. Эти несчастные бродят по городу, отыскивая объедки в мусорных ящиках. Они мечтают

о тюрьме как единственно доступном для них месте ночлега, бросаются под автомобили в надежде получить пособие за увечье. Но никому до этого нет дела. Монополисты в интересах поддержания высоких цен на внутреннем рынке уничтожают продовольственные продукты — сжигают пшеницу в паровозных топках, закапывают картофель, выливают молоко в канавы.

«Представьте себе огромную толпу людей — несколько десятков тысяч человек, — вспоминает об Америке закарпатский колхозник В. Бодак. — В такой толпе, пыльными, бесконечно длинными дорогами я шёл в поисках работы, жилья, куска хлеба. А в это время десятки тысяч тонн пшеницы уничтожали, выбрасывали в море. И мы, безработные и голодные, видели это своими глазами.

Поистине проклятая страна, проклятый край!»

Продажные буржуазные писаки создали легенду о некоем «среднем американце», который, по их утверждениям, составляет большинство населения Соединённых Штатов. Этот мифический «средний американец» будто бы живёт в достатке и комфорте, пользуясь всеми благами современной цивилизации. Сочиняя эту шитую белыми нитками ложь, лакеи монополий «забывают» упомянуть о том, что одна треть американских семей вынуждена жить в трущобах и домах, абсолютно не пригодных для жилья.

Материалы сборника ещё раз напоминают о том, в каких нечеловеческих условиях живут американские трудящиеся. «Я немало пожил в нью-йоркских трущобах, — вспоминает И. Борнс из села Заричево. — Это не селения, даже не улицы, пусть застроенные покосившимися домишками. Нет! В районе, где живут нью-йоркские бедняки, нет улиц. Это хаотическое нагромождение ящиков, досок, колод, разных труб. В маленьких, сделанных из старых досок будках живут семьи из пяти-восьми человек. Спят все на полу. И не удивительно, что там вспыхивают страшные эпидемии».

Таков «американский образ жизни» без прикрас, такова правда об Америке, которую нельзя упрятать в банковский сейф или, как патент, положить под сукно.

В стране, где колоссальные богатства сосредоточены в руках капиталистических монополий, а уделом большинства населения является голод, нищета и безработица.

нет и не может быть действительной свободы и действительной демократии для народа. «Демократия» в США — всевластные кучки финансовых магнатов. Трудящиеся же лишены возможности участвовать в политической жизни страны, а те, кто осмеливается выступить в защиту интересов народа, немедленно попадают за тюремную решётку. «Демократия тут «широкая», — пишет из Нью-Йорка М. Межибродский своей сестре в Тарнопольскую область, — можно проповедовать слово божье, разрешается отстаивать интересы капиталистов. Но небезопасно выражать мысли народа...»

Материалы сборника разоблачают лживость и лицемерие буржуазной демократии, показывают, как путём подкупов, шантажа и прямого мошенничества во время избирательных кампаний к власти приходят ставленники крупнейших монополий.

Письма и высказывания очевидцев, напечатанные в книге, рисуют перед читателем картину зверской расовой и национальной дискриминации, составляющей неотъемлемую черту «американского образа жизни». Грубое попрание человеческих прав пятнадцатимиллионного негритянского населения, бесчисленные случаи травли и преследований негров — такова «демократия» в стране, которую великий американский писатель Марк Твен метко назвал «Соединёнными линчевыми штатами».

«Когда я теперь вспоминаю Америку, — говорит украинский колхозник Василий Юрочко, на глазах которого фашистские молодчики повесили невинного старика-негра, — перед моими глазами возникает седой негр, линчеванный безжалостной рукой палача. И вся Америка кажется мне огромной виселицей, где хищные руки капиталиста селятся как можно туже затянуть верёвку на шее трудящегося».

Дискриминации подвергаются в США не только негры, но и все те, кого «сто процентные» американцы считают людьми «низшей», «неполноценной» расы: мексиканцы, пуэрториканцы, индейцы, китайцы, славяне, итальянцы. Это люди, по отношению к которым в США существует множество жесточайших ограничений: они не могут претендовать на получение работы, пока её не получат граждане «первого сорта», им доверяется обычно лишь тяжёлый физический труд. Однако за одну и ту же работу они получают плату значительно меньшую, чем «истинные» американцы.

В декабре 1952 года в США введён в действие фашистский закон Маккарэна—Уолтера. Согласно этому закону всё население США делится на «коренных» и «некоренных» американцев и устанавливается полицейский надзор почти над третью населения Соединённых Штатов.

О грубой дискриминации и преследованиях славян в США немало рассказывают украинские переселенцы, испытывавшие прелести американской «демократии». Нельзя без возмущения читать письмо из Питсбурга, которое Иван Худа написал своим землякам в Закарпатье. «Американские паны смотрят на нас, как на каких-нибудь преступников... — пишет он. — Хотя я и не коммунист, никогда не был членом никакой демократической партии, ни на каких собраниях не выступал с антиправительственными речами, но только потому, что я русский, надо мной всюду издеваются».

Притеснениям подвергаются люди неамериканского происхождения не только в США, но и в других странах американского континента. В Канаде с её 14-миллионным населением живёт сейчас свыше 300 тысяч украинцев. Из каждых десяти украинцев семь родились и выросли в Канаде. Но здесь, так же как в США, украинцев и вообще славян лишают гражданских прав, считают «инородцами». Проживший в Канаде 20 лет Михаил Петрунь отзывается об этом так: «Над нами, выходцами с Востока, славянами, хозяева беспощадно издевались; украинцев, поляков, хорватов увольняли с работы при первом удобном случае. А место нас набирали местных жителей, у которых, как говорят канадские фашисты, «более чистая кровь».

Американские капиталисты натравливают друг на друга рабочих различных национальностей, стремятся посеять между ними вражду, чтобы помешать единству рабочего класса, росту его сознательности. Колхозник артели имени Первого Мая, Львовской области, Василий Садовой, много лет проживший в США, вспоминает: «На фабрике Шмидта работало много американцев, англичан, ирландцев, итальянцев, словаков, французов — людей разных национальностей. Для всех нас мастера находили оскорбительные клички, хотели во что бы то ни стало поссорить между собой.

Помню, я как-то пожаловался мастеру на то, что живу впроголодь, не знаю светлой минуты. Он, не долго думая, ответил:

— В этом виноваты французы. Они отбирают у вас хлеб...

Я хорошо знал своего сменщика француза. Как и я, он работал до изнеможения. Я давно понял, что хозяева и мастера натравливают рабочих друг на друга, чтобы легче было их эксплуатировать».

Не всем из украинских переселенцев удалось вернуться домой, на Советскую Украину. Многие погибли в жестокой борьбе за кусок хлеба, другие никак не могут собрать денег на дорогу, не говоря уже о том, что заокеанские власти всячески препятствуют их возвращению в СССР.

Оторванные от Родины в течение долгих лет, украинские переселенцы жадно ловят каждое слово правды о Советской Украине, о свободной и счастливой жизни советского народа.

Возвратиться на Украину, освобождённую от ига капиталистической эксплуатации, — самое сокровенное желание этих людей, где бы они ни находились: в угольной Пенсильвании, в прериях Манитобы, на плантациях Бразилии и Аргентины.

«Если бы ты знал, Никита, как надоело мне тут скитаться! — пишет из Аргентины Фаддей Сойка своему родственнику в Волинскую область. — Я был бы очень рад вернуться домой, увидеть своих земляков, зажить новой жизнью, какой живёте вы, колхозники. Согласился бы постоянно подметать колхозный двор, чтобы не думать ежедневно, где найти работу».

В нерушимом союзе с великим русским народом, со всеми народами нашей страны трудящиеся Советской Украины создают своё светлое коммунистическое завтра. Взошла заря с Востока и для рабочих, крестьян, интеллигенции Западной Украины, объединившихся со своими украинскими братьями. Навсегда исчезли для них голод, нищета и безработица — причины, некогда вынуждавшие их в поисках куска хлеба покидать родной край, бежать за океан, к американским рабовладельцам.

Не призрачное «американское», а действительное счастье свободных от эксплуатации людей обрели они в дружной семье советских народов.

Л. БАГРАМОВ.

★

Америка в прошлом и настоящем

Исследование Уильяма З. Фостера «Очерк политической истории Америки» охватывает огромный отрезок времени — от доколумбовского периода до наших дней. Автор книги — председатель Коммунистической партии США, один из виднейших деятелей американского рабочего движения — раскрывает общественный процесс, происходящий в странах Западного полушария на протяжении последних пяти веков. В книге впервые дан марксистский анализ истории всего американского континента как единого целого.

У. Фостер не ставит перед собой задачи изложить во всех подробностях историю стран Северной, Южной и Центральной Америки. Цель книги — «проанализировать в общих чертах ход экономического, политического и культурного развития и упадка этих стран и дать общий очерк истории классовой борьбы как в отдельных странах, так и в Западном полушарии в целом».

Книга У. Фостера не только восполняет пробел, существовавший в зарубежной и советской литературе по этому вопросу, но и обличает буржуазную историографию, скрывающую как «хищнический характер кровавого завоевания Америки, так и тяжёлый многовековой гнёт эксплуататоров, которым характеризуется вся её последующая история». Уже в первых главах своей работы У. Фостер решительно опровергает утверждения буржуазных историков о том, что до открытия Америки там жили дикари. Подобные фальсификаторские измышления имели своей целью оправдать варварские методы «цивилизаторов», залитых кровью коренных жителей весь американский континент.

Сразу же после высадки Колумба в 1492 году началось завоевание Нового Света алчными хищниками Европы. История Америки на протяжении последующих четырёх с лишним столетий — это долгая и страшная повесть о разграблении и расхищении богатств Западного полушария, угнетения и истреблении его народов.

На смену европейским колонизаторам, поработившим коренное население континента, в скором времени пришли предста-

вители господствующих классов американских стран. Агрессивные устремления буржуазии США нашли своё выражение в многочисленных вооружённых столкновениях. Начиная с 1775 года, Соединённые Штаты участвовали более чем в ста войнах, не считая двух мировых. Всего же США провели почти девять тысяч сражений. Американская буржуазия выдвинула так называемую «теорию явного предназначения», по которой Соединённым Штатам предназначено якобы владеть всей Северной Америкой, а также значительной частью Южной Америки.

«Эти воинствующие поборники «явного предназначения», — говорится в книге, — были непосредственными предшественниками современных империалистов США, проникнутых шовинистическими идеями превосходства англосаксонской расы; они считают, что Соединённые Штаты призваны историей управлять не только Западным полушарием, но и всем миром».

У. Фостер раскрывает позорную историю грабежа и насилий, чинимых буржуазией США. Бандитская война против Мексики, приведшая к отторжению половины мексиканской территории, «узаконенный» захват Флориды, «покупка» Луизианы и Аляски, завоевание Орегона, попытки насильственного «присоединения» стран Центральной Америки и Канады — таких далеко не полный перечень её деяний. Осуществляя политику безудержной экспансии, американская буржуазия повела наступление на индейцев, безжалостно уничтожая целые племена и отнимая их земли. «Бесчеловечное изгнание индейцев... представляет собой одну из самых позорных страниц истории Соединённых Штатов», — отмечает Фостер.

Активная экспансия на протяжении столетия после 1776 года, устранение всех соперников и присвоение чужих земель привели к тому, что со времени основания республики территория Соединённых Штатов выросла в десять раз.

«В конце прошлого века, — пишет Фостер, — американские капиталисты, становясь империалистами, начали подумывать о захвате новых территорий с целью создания своей собственной колониальной империи».

Руководствуясь лозунгом «Флаг следует за долларом», США в 1889 году завладели

островами Самоа, затем — Гавайскими островами и важным портом Гонолулу. Столкновение с одряхлевшей, потерявшей своё могущество Испанией позволило Соединённым Штатам отобрать её последние заокеанские колониальные владения.

Империалистические вождения американской буржуазии вызвали тревогу и протест широких демократических кругов США. Писатель Марк Твен остроумно выразил общественное возмущение, заявив в одной из своих статей, что на американском флаге «белые полосы следует переокрасить в чёрные, а звёзды заменить черепом со скрещёнными костями».

В то время, как Соединённые Штаты переживали период бурного развития, страны Латинской Америки находились в состоянии отсталости. Главной причиной застоя в хозяйстве Латинской Америки, по словам Фостера, являлось то, что вся эта обширная область, за небольшим исключением, находилась в тисках системы гигантских землевладений — латифундий. Эта система вела к катастрофическому обнищанию народных масс, порождала беспорядочность в сельском хозяйстве, содействовала сохранению невероятно примитивных методов земледелия.

Губительные последствия для экономического развития Латинской Америки имело проникновение в латиноамериканские страны иностранного капитала. Вторжение иностранных империалистов усилило все отрицательные стороны латифундизма и, кроме того, само по себе мешало развитию промышленности. «Систематическое удушение латиноамериканской промышленности империалистами при поддержке их союзников — землевладельцев и церкви — было и остаётся одной из главных причин страшно низкого жизненного уровня народов Латинской Америки».

В специальной главе У. Фостер раскрывает то могучее влияние, какое оказала Великая Октябрьская революция на американские страны, на развитие в них рабочего, коммунистического движения. Октябрьская революция, пишет автор, «стала лучом света и надежды для миллионов угнетённых и эксплуатируемых рабочих и крестьян во всех уголках Западного полушария от Канады до Аргентины. Пример и уроки социалистической революции в России оказали серьёзное влияние на развитие

экономической и политической борьбы угнетённых масс всего Нового Света».

Книга показывает, какая злоба и ненависть охватили американскую буржуазию, перепуганную Октябрьской революцией. Американская реакция тотчас же развернула ожесточённую антисоветскую кампанию, которая со всё возрастающей силой продолжается и поныне. «В 1918—1920 годах правительство Вильсона,— пишет Фостер,— действуя совместно с десятком других враждебных СССР стран, послало в Советский Союз войска США, пытаясь свергнуть новое, социалистическое правительство... Во время второй мировой войны они нагло саботировали сотрудничество с СССР, надеясь, что гитлеровские войска настолько обескровят Красную Армию, что после войны Советская страна будет фактически бессилой, а в настоящее время они настойчиво стремятся объединить капиталистический мир для всеобщей атомной войны против Советского Союза».

Подробно освещается в книге вторая мировая война и участие в ней стран американского континента. Вторая мировая война в гораздо большей степени, чем первая, втянула в свою орбиту страны Западного полушария и особенно США. Военные усилия Соединённых Штатов, как и других капиталистических стран, указывает Фостер, определялись действием двух основных факторов — демократическими усилиями народных масс и империалистической политикой капиталистов. Демократическая антифашистская сторона этой войны заключалась в том, что народ включился в войну против фашизма до победного конца. Империалистическая же, профашистская её сторона проявлялась в политике крупного капитала, который относился к ней главным образом как к удобному средству удовлетворения своих классовых интересов за счёт своего народа и народов других стран.

Война не только не разрешила противоречий империализма, но, наоборот, обострила их. Общей кризис капиталистической системы ещё больше углубился. У. Фостер разоблачает иллюзию, получившую широкое распространение в США, будто бы американский капитализм обладает каким-то необъяснимым коренным отличием от капитализма в других странах и не подвержен разрушительному действию внутренних противоречий. Действительно, отмечает

автор, капитализм в США развивается за счёт капитализма в остальных странах. Упадок капитализма в ряде стран Европы сопровождался значительным расширением производства в США. Однако общее загнивание капитализма неизбежно поражает и капитализм США в самой его основе. Подобно всем остальным капиталистическим странам, Соединённые Штаты безнадежно увязли в общем кризисе капитализма.

Выход из этого кризиса американские империалисты пытаются искать на путях войны и гонки вооружений. Именно это определяет послевоенную политику правящих кругов США.

Одним из первых объектов их империалистической экспансии являются страны Западного полушария. Наступление на них Уолл-стрита облегчается ослаблением позиций империалистических соперников США в странах Латинской Америки. Соединённым Штатам, пишет Фостер, удалось в значительной мере добиться власти над Латинской Америкой и Канадой. В Бразилии Уолл-стрит диктует цены на кофе, в Кубе—на сахар, в странах Центральной Америки—на бананы, в Чили—на медь. И почти во всех латиноамериканских странах США командуют правительствами. «Эта экономическая и политическая власть такого мощного капиталистического государства, каким являются Соединённые Штаты, осуществляется значительно более гибкими средствами и проникает значительно глубже, чем может казаться при поверхностном анализе конкретных взаимоотношений между США и каждой отдельной страной. Фактически Соединённые Штаты являются экономическим, политическим и военным хозяином Западного полушария. Это господство представляет собой существенную опору гегемонии Соединённых Штатов над всем капиталистическим миром».

Однако, отмечает Фостер, наступление империалистической реакции США уже наталкивается на неизбежный отпор со стороны латиноамериканских народов, среди которых медленно, но неудержимо растут революционные настроения. «Революция в странах Латинской Америки,— говорится в книге,— как и в Китае, начнётся в форме аграрного и антиимпериалистического движения, но вскоре пойдёт по соци-

алистическому пути. Таков будет неизбежный результат углубления общего кризиса мирового капитализма, нашедшего отражение в странах Латинской Америки».

Не довольствуясь господством в Западном полушарии, монополисты Уолл-стрита стремятся к достижению мирового господства. Этой цели служат такие мероприятия американского империализма, как «доктрина Трумэна», «план Маршалла», Западноевропейский союз. С этой целью ведётся лихорадочное строительство военных баз, сколачиваются антисоветские блоки и, в первую очередь, агрессивный Северо-атлантический блок. У. Фостер вскрывает всю беспочвенность этих захватнических устремлений империалистов США. Диким, неосуществимым бредом называет он военные планы Уолл-стрита и с твёрдой уверенностью говорит читателю: социализм нельзя победить ни войной, ни какими-либо другими орудиями.

Тёмным силам реакции и войны, отмечает Фостер, прогивостоят могучие силы лагеря мира и демократии, ведущего борьбу за мир, за лучшее будущее человечества.

Подробно освещаются в книге вопросы современного рабочего движения в странах Латинской Америки, Соединённых Штатах и Канаде. В завершающей главе, названной автором «Америка и будущее», Фостер пишет, что будущее американского континента лежит на пути к социализму. Замечательным оптимизмом и верой в силу рабочего класса проникнуты заключительные строки книги. «Пятьдесят лет назад капитализм торжествовал во всём мире, а коммунисты составляли лишь незначительное меньшинство среди многомиллионных масс человечества. Сейчас капитализм разлагается на глазах у всех, а коммунисты ведут 800 миллионов человек в социализм. По этому пути идёт весь мир, в том числе и народы Западного полушария. Великий исторический процесс, начавшийся более четырёх с половиной веков назад, когда Колумб высадился на берегах Вест-Индии, ведёт страны Америки не в фашистский мир, где будут господствовать янки с Уолл-стрита, а в новый, свободный, социалистический мир».

В. ДВОРЦОВ.

Русские новаторы железнодорожной техники

Без малого сто двадцать лет назад, в сентябре 1834 года, по рельсовому пути, проложенному в Нижнем Тагиле от реки Выи до горы Высокой, прошёл «пароходный дилижанец» с прицепленной к нему «приличной повозкой для всякой поклажи или для пассажиров». Так была открыта первая в России железная дорога с паровой тягой — детище замечательных русских механиков, отца и сына Черепановых.

Модель паровоза Черепановых можно видеть в музее Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта. Невдалеке, на соседних стендах — макеты и фотографии мощных советских локомотивов серий Л, ИС, ФД, СО, тепловоза ТЭ-2, шестисносного электровоза ВЛ-22М. Как много говорит это сопоставление! Здесь как бы два полюса более чем вековой истории железнодорожного транспорта.

К сожалению, имеющаяся литература даёт лишь приблизительное представление о развитии русской железнодорожной техники. Труды доктора исторических наук В. С. Виргинского о начале железнодорожного строительства в России, книга инженера Ф. И. Бойко о Черепановых, монография А. Августынюка и М. Гвоздева о Петербурго-Московской магистрали да несколько работ по истории паровозостроения исчерпывают, пожалуй, список историко-технических исследований в данной области.

Ныне этот перечень может быть существенно пополнен. Государственное транспортное железнодорожное издательство выпустило в свет сборник статей, рассказывающих о том, как зарождалась и развивалась в нашей стране железнодорожная наука и техника, о достижениях русских учёных и первенстве отечественной научной и технической мысли в важнейших отраслях транспорта.

Издательство не ставило перед собой задачи дать последовательное и связное изложение истории железнодорожного дела. Каждый очерк — вполне самостоятельная разработка определённого вопроса. Однако круг тем весьма широк. Читатель найдёт здесь сведения по истории железнодорожного строительства, мостостроения, путевого хозяйства, паровозо- и вагоностроения, авто-

тормозов. Специальные статьи посвящены электросвязи, автоматике и телемеханике на железных дорогах, советской системе организации вагонопотоков, развитию пассажирских перевозок в СССР. Авторы собрали и обобщили большой и интересный материал, который позволяет рассматривать книгу как первый в нашей историографии опыт всестороннего исследования многогранного и сложного транспортного хозяйства.

Открывающая сборник статья кандидатов технических наук Т. Онуфриева, Т. Павленко и А. Чиждова знакомит читателя с пред- историей железнодорожного транспорта — первыми рельсовыми дорогами, созданными А. С. Ярцовым и П. К. Фроловым в конце XVIII — начале XIX столетий. Авторы показывают, как складывалась и формировалась в нашей стране методика путевого строительства.

Построенная в 1842—1851 годах первая русская железнодорожная магистраль — Петербурго-Московская — в техническом отношении стояла на более высоком уровне, чем современные ей зарубежные железные дороги. Ширина колеи этой дороги была затем принята в качестве стандарта для всей железнодорожной сети России. Кстати сказать, в США размеры колеи были унифицированы только в 1886 году.

Замечательными образцами железнодорожного строительного искусства явились Закаспийская железная дорога и Великий Сибирский путь. На трассе Закаспийской дороги, проложенной в исключительно тяжёлых условиях, в безводной пустыне, впервые применён метод сборно-разборного строительства зданий. Транспортёр системы инженера М. Н. Анненкова показал высокую эффективность на путеекладочных работах. Как отмечается в статье, опыт строительства этой дороги был впоследствии использован при сооружении железных дорог в пустынных районах Северной Африки.

Русские инженеры решили и другую исключительно трудную задачу — постройку Сибирской магистрали, не имеющей себе равных по протяжённости и проложенной через мало заселённые, почти неисследованные территории. Темпы строительства (672 километра в год) значительно превзошли скорость сооружения западноевропейских железных дорог. Так, при постройке, например, Канадской тихоокеанской дороги еже-

«Очерки развития железнодорожной науки и техники». Сборник статей. Трансжелдориздат, М. 1953.

годно укладывалось в среднем лишь 469 километров пути, причём этот результат считался в конце прошлого века рекордным.

Важная заслуга принадлежит русским специалистам в совершенствовании конструкции железнодорожного пути. Об этом мы узнаём из статьи профессора Г. Шахуняца и кандидата технических наук О. Ершкова.

Ещё в 1835 году в книге П. П. Мельникова «О железных дорогах» была дана общая формула для расчёта рельсов. Методика расчёта железнодорожного пути была разработана Д. И. Журавским, И. Р. Стецевичем, Н. И. Липиным, А. Л. Васютинским. Опубликованный в 1915 году обобщающий труд Н. П. Петрова о давлении колёс на рельсы закрепил первенство отечественной науки в области сложнейших вопросов взаимодействия пути и подвижного состава.

Современный железнодорожный транспорт начинает свою историю с того момента, когда по рельсовому пути впервые прошёл состав, движимый силой пара. В статье доцента В. Сологубова подробно рассказывается о развитии паровозостроения в нашей стране. Но очень жаль, что автор не говорит о том, что привело человечество к созданию паровой тяги. Технические истоки паровозостроения остаются невыясненными. В этом очерке, как и во всей книге, не упоминается имя И. Ползунова — создателя первого в мире универсального парового двигателя. Явно не хватает в сборнике и рассказа о проекте «сухопутного парохода» Б. Гурьева.

С первых же лет своего существования русские железные дороги магистрального типа были обеспечены подвижным составом собственного производства. Массовая постройка паровозов и вагонов начата была в 1844 году на Александровском заводе в Петербурге. В дальнейшем возникли крупные центры паровозостроения и вагоностроения в Коломне, Брянске, Харькове, Луганске и некоторых других городах. Видную роль в развитии паровозостроения сыграли русские учёные А. П. Бородин, Н. П. Петров, М. В. Гололобов, Н. Л. Щукин, А. С. Раевский, Н. И. Карташов, С. П. Сыромятников.

Несмотря на выдающиеся успехи отечественной транспортной науки и техники, достижения передовых русских строителей железных дорог — механиков, мостовиков, паровозников и вагонников — в дореволюци-

онной России обычно замалчивались. Вспомним героя чеховского рассказа «Пассажир первого класса» — одного из талантливых русских инженеров, который «построил на Руси десятка два великолепных мостов, соорудил в трёх городах водопроводы», но так и остался в неизвестности.

О многих отечественных новаторах далёкого прошлого мы узнали лишь в наши дни благодаря научным работам советских историков. С новыми именами читатель познакомится в рассматриваемом сборнике, в частности в обстоятельной статье инженера Ф. Ткаченко, посвящённой истории изобретения автотормоза. Оказывается, что ещё в 1859 году русский инженер О. Мартин заявил патент на первый в мире воздушный тормоз. И только спустя десять лет аналогичное предложение сделал американец Вестингауз. В статье описывается создание советскими конструкторами таких способов остановки поездов, которые обеспечивают полную безопасность движения на железных дорогах, и детально разбираются труды изобретателей автоматических тормозов Ф. П. Казанцева, И. К. Матросова и других, чьи имена ныне хорошо известны в нашей стране.

В течение многих десятилетий учёные разных стран пытались создать новый вид тяги, более экономичный, чем паровозная. Долголетние поиски в этой области были успешно завершены и практически претворены в жизнь лишь после Октябрьской революции. Тридцать лет назад, в 1924 году, первый советский тепловоз, построенный на ленинградских заводах, совершил пробный рейс на Октябрьской железной дороге.

В статье профессора К. Шишкина «СССР — родина тепловоза» подробно рассказывается о развитии тепловозостроения и тепловозной тяги, приводятся интересные данные об экономической эффективности тепловозов и обосновывается бесспорный приоритет нашей страны в этой области. Советские инженеры создали серийные тепловозы, коэффициент полезного действия которых в три-четыре раза выше, чем у паровозов. Сегодня тепловозная тяга применяется на пяти магистральных железных дорогах. Тяга эта значительно облегчила труд железнодорожников, ликвидировала тяжёлые профессии кочегара, шлакооборщика, промывальщика котлов; работа ма-

шиниста тепловоза приближается к инженерной.

Особое место в совершенствовании советских железных дорог занимает электрификация транспорта.

Впервые электрическая энергия для перемещения грузов и людей была использована в 1838 году русским учёным — академиком Б. С. Якоби. Однако электрификация железных дорог получила широкое развитие только в советское время. Уже ленинский план ГОЭЛРО предусматривал широкое применение электрической тяги на транспорте. Помещённая в сборнике статья профессора К. Марквардта «Технический прогресс электрической тяги на железных дорогах СССР» содержит основные сведения по этому вопросу, освещает состояние электротяги в настоящее время и возможные пути дальнейшего развития этой важной отрасли транспортного хозяйства.

Электрификация транспорта получит в СССР ещё большее развитие с пуском новых источников дешёвой электрической энергии. В директивах XIX съезда КПСС по пятому пятилетнему плану предусмотрено увеличение строительства электрифицированных железных дорог в четыре раза по сравнению с прошлой пятилеткой.

Значительный интерес представляет статья профессора А. Бабичкова, в которой показано, как на основе обобщения многих теоретических и экспериментальных работ русских и зарубежных учёных в Советской стране была создана новая отрасль железнодорожной науки — тяга поездов.

Наука о тяге поездов помогает нашим специалистам успешно решать важнейшие проблемы, стоящие перед железнодорожным транспортом. Одной из них профессор А. Бабичков справедливо считает создание нового высокоэкономичного тягового агрегата. Агрегат этот должен иметь более высокий, чем у современного паровоза, коэффициент полезного действия и в то же время не нуждаться в таких дополнительных устройствах, как контактная сеть и электроподстанции, необходимые электровозам, а также в жидком топливе, как тепловозы. Подобного рода мысли высказывались в 1946 году академиком В. Н. Образцовым, поставившим вопрос о возможности создания локомотива с использованием атомной энергии. Осуществление этой идеи, несомненно, будет иметь огромное народнохозяйственное значение.

Наряду со статьями, посвящёнными развитию материально-технической базы железнодорожного транспорта, в сборнике рассмотрены вопросы эксплуатации железных дорог, в частности пути развития пассажирских перевозок в СССР.

Касаясь недостатков сборника, надо отметить прежде всего, что редакторам книги А. Третьякову и С. Минскеру, проделавшим серьёзную работу по подготовке книги, всё же не удалось добиться единообразия стиля и цельности изложения отдельных очерков. Наряду с хорошо продуманными статьями в сборнике имеются слабые, поверхностно освещающие поставленные в них проблемы. В ряде очерков описание событий и фактов даётся без необходимого анализа причинных связей, обусловивших возникновение того или иного технического явления. Между тем такой анализ является основой историко-технического исследования, конечная цель которого заключается в установлении закономерности развития данной отрасли техники и определении перспектив и путей её дальнейшего роста.

Слабо показана в «Очерках» ведущая роль тяжёлой промышленности и значение социалистической индустриализации страны для перевооружения технической базы железных дорог и её дальнейшего прогресса.

В сборнике есть и материал, не имеющий прямого отношения к транспортной технике. Например, большая статья профессора Г. Евграфова «Ведущая роль отечественных мостостроителей» рассматривает историю мостостроения безотносительно к задачам железнодорожного транспорта. Четыре из пяти приложенных к статье рисунков изображают городские мосты, вовсе не предназначенные для железнодорожного движения.

При составлении сборника использован главным образом уже опубликованный в печати материал. Вне поля зрения авторов остались богатые фонды наших архивов. Не удивительно, что составители книги прошли мимо работ пионера автоматизации железнодорожного транспорта, первого лауреата премии имени А. П. Бородина, талантливого изобретателя И. Н. Ливчака. Не освещена также деятельность известного в своё время инженера путей сообщения Н. А. Демчинского, автора многих интересных работ по теории и практике железнодорожного дела.

Изложение истории железнодорожного транспорта и его техники разделено в книге по отдельным отраслям. Метод этот, вполне допустимый при изучении отдельных технических явлений, создаёт большие затруднения для читателя, желающего ознакомиться с историей железных дорог в целом. Жаль, что в сборнике нет общей статьи по этому вопросу.

Издание сборника «Очерки развития железнодорожной науки и техники» не снимает с деятелей советской транспортной науки обязанности создать подробную и цельную монографию о развитии железнодорожного транспорта и его техники.

Кандидат экономических наук
В. ДМИТРИЕВ.

★

Советская наука о строении Земли

Твёрдое или расплавленное тело Земля? Какова температура, давление и плотность вещества земных глубин? Каковы, наконец, физические свойства нашей планеты?

Эти вопросы в течение сотен лет оставались неразрешёнными. Современная наука ответила на них. Интересующиеся достижениями геофизики в последние десятилетия могут познакомиться с ними по книге «Внутреннее строение Земли», автором которой является известный советский учёный-сейсмолог профессор В. Ф. Бончковский.

Книга В. Бончковского, вышедшая в серии научно-популярных изданий, оставаясь доступной и для неподготовленных читателей, имеет вместе с тем характер научной работы. В ней изложены последние данные науки о внутреннем состоянии Земли и некоторые идеи, принадлежащие самому автору.

Советская наука, призванная служить народу, не ограничивается решением вопросов, имеющих в данный момент лишь узкотеретическое значение. Познание внутреннего строения Земли важно для раскрытия закономерностей распределения полезных ископаемых, для решения вопроса о движениях земной коры, понимания вулканизма, землетрясений и т. д. С целью поисков руд советские геофизики разработали, например, ряд оригинальных геофизических методов, в основе которых лежат те же приёмы, которые они применяют в своих теоретических исследованиях.

На основании сейсмологических исследований в теле Земли различают земную кору (до глубины 60—70 километров), ка-

менную оболочку (до глубины 2900 километров) и ядро диаметром около 7 тысяч километров.

Верхняя зона земной коры состоит из гранитных пород, нижняя — из базальта, одевающего сплошь весь земной шар. Вещество земной коры находится в кристаллическом состоянии; глубже, под влиянием огромного давления и повышения температуры, оно переходит в аморфное состояние и становится пластичным, подобно «твёрдым жидкостям» — асфальту, сургучу и стеклу.

Ядро, повидимому, обладает свойствами жидкого тела.

Одной из задач, стоявших перед геофизикой, было установить твёрдое или расплавленное тело Земля. Над разрешением этой проблемы трудились и геологи и астрономы.

В наше время техника позволяет бурить скважины до глубины пяти-шести километров. Но это только одна тысячная часть земного радиуса. На дне таких скважин, где бы они ни были пробурены — под тропиками или в полярной зоне, — горные породы нагреты выше 100° С. На бакинских промыслах нефть, поднимающаяся даже со значительно меньших глубин, так горяча, что нельзя прикоснуться рукой к трубе.

А какова температура на глубине ста, тысячи и более километров? Не достигает ли она точки плавления всех горных пород?

Нет объективных оснований отрицать, что и глубже уровня, достигнутого буровыми скважинами, продолжается повышение температуры. Гейзеры выбрасывают перегретую кипящую воду вместе с клубами пара, вулканы извергают горячие газы, раскалённые камни и изливают лаву, температура которой около 1000° С. Огромные площади в сотни тысяч квадратных километров покрыты мощными слоями застыв-

В. Ф. Бончковский. «Внутреннее строение Земли». Издательство Академии наук СССР. (Научно-популярная серия). М. 1953.

шей лавы, изверженной древними вулканами.

Все эти явления свидетельствуют о высокой температуре внутри Земли на глубине, не превышающей нескольких десятков километров. Источник тепла внутри земного шара наука видит в распаде радиоактивных элементов, содержащихся в горных породах земной коры. Возникает вопрос: не нагревается ли теперь Земля?

Основываясь на имеющихся данных о содержании радиоактивных веществ в различных горных породах, на гипотезах о количестве тепла, выделяющегося в Земле, профессор Бончковский разделяет мнение большинства учёных, что тепло выделяется почти исключительно в земной коре. «Продолжающиеся и поныне процессы вулканизма и горообразования, — пишет он, — дают некоторое основание предполагать, что наша планета находится в стадии не охлаждения, а нагревания. Является ли преобладание нагревания над охлаждением постоянным фактором или временным — неизвестно».

Нельзя, однако, не отметить, что вопрос о накоплении тепла внутри Земли в результате радиоактивного распада ещё очень неясен.

Автор, как и большая часть геофизиков, считает, что возможные температуры внутри Земли не превышают 2000°C . Очевидно, что при такой температуре почти все горные породы расплавились бы в условиях земной поверхности. Поэтому до конца прошлого века все геологи были уверены, что только тонкая земная кора отделяет обитаемый нами мир от безбрежного подземного океана огненно-жидкой магмы. В этом убеждало их и строение кристаллических горных пород, которые носят явные следы происхождения из застывших расплавов. Но, как доказывают опыты лабораторий, на которые ссылается В. Бончковский, температура плавления горных пород при повышении давления возрастает. Поэтому даже нагретые до $1500\text{—}2000^{\circ}$, но находящиеся под огромным давлением внутри Земли, горные породы могут оставаться в состоянии, подобном «твёрдым жидкостям».

Астрономы не соглашались с мнением геологов о расплавленном состоянии планеты. Они указывали, что если бы Земля представляла собой жидкое тело, то внутри неё поднималась бы волна прилива, кото-

рой не в состоянии противостоять твёрдая земная кора толщиной 50—100 километров. В этом убеждал математический расчёт.

Учёные находились на распутье между двумя диаметрально противоположными воззрениями на состояние Земли: одни утверждали, что она внутри расплавлена, другие указывали, что она сопротивляется приливообразующим силам больше, чем твёрдая сталь, и считали её сплошь твёрдым телом.

Из этого затруднительного положения науку вывели сейсмологические исследования, получившие особенное развитие в нынешнем веке. В России они были начаты академиком Б. Б. Голицыным, основоположником современной сейсмологии — науки о распространении в Земле упругих колебаний, возникающих в момент толчка землетрясения.

Упругие колебания бывают двух родов. Одни из них могут распространяться как в твёрдых, так и в жидких и газообразных телах, другие — только в твёрдой среде. Понятно, что прохождение упругих колебаний через тело Земли позволяет судить о её внутреннем состоянии. Сейсмические исследования показали, что Земля до глубины 2900 километров несомненно твёрдое тело. Внутри же её твёрдой оболочки находится ядро, через которое, повидимому, не проникают волны колебаний, могущие распространяться только в твёрдых телах. Таким образом, ядро, повидимому, обладает свойствами жидкого тела.

Правда, некоторые видные учёные сомневаются в жидком состоянии ядра. Непроницаемость его для поперечных колебаний они объясняют высокой вязкостью вещества земного ядра. Однако, по мнению В. Бончковского, вязкость должна была бы отразиться и на прохождении продольных колебаний, чего нет в действительности. Из этого он делает определённый вывод, что на глубине 2900 километров находится поверхность жидкого ядра Земли.

Мы привели лишь один пример, когда наблюдение сейсмических колебаний позволяет судить о свойствах Земли на больших глубинах, недоступных непосредственному исследованию. Но этот недавно разработанный метод даёт возможность решить и некоторые другие вопросы о внут-

реннем состоянии и строении нашей планеты.

С помощью сейсмических наблюдений можно, например, составить приблизительное представление о том, как меняется с глубиной упругость Земли. Оказалось, что скорость распространения упругих колебаний, в общем, увеличивается с глубиной, но интенсивность её роста меняется, а на некоторых глубинах происходят резкие «скачки». Так, чуть глубже 2 900 километров эта скорость с 13,64 километра неожиданно и резко уменьшается до 8 километров в секунду. Это изменение упругих свойств характеризует физическое состояние вещества ядра Земли.

Менее резкие изменения упругих свойств Земли констатированы на глубине между 350 и 450 километрами и на 1 200 километрах.

Из работы В. Бончковского мы узнаём о последних исследованиях советских сейсмологов, в частности об открытии ими внутри жидкого ядра Земли сравнительно небольшого (диаметром около 2 600 километров) твёрдого ядра. Но свойства этого образования ещё недостаточно выяснены.

Для изучения истории образования и развития Земли большое научное значение представляет вопрос о природе её шаровых слоёв и земного ядра. Решение его представляет огромные трудности, так как единственные «лучи», освещающие внутренность планеты — сейсмические волны, — не могут дать сведений о её химическом составе.

В современной науке есть два предположения. По одному из них внешняя оболочка Земли до глубины 1 200 километров состоит из горных пород, которые, начиная с глубины 30—50 километров, очень богаты минералом оливином. Далее же быстро увеличивается примесь железа в металлическом виде, и шаровой слой, заключающий в себе земное ядро, по составу сходен с железокремнистыми метеоритами (палласитами). Само ядро состоит из чистого железа с примесью никеля.

С точки зрения этой гипотезы изменение химического состава Земли служит причиной её высокой средней плотности, а также в значительной степени и изменения её упругих свойств. Такого взгляда держался, например, академик А. Е. Ферсман.

Но есть и другое предположение, поддерживаемое геологом В. Н. Ледочнико-

вым, а именно, что по своему составу Земля однородна, то есть состоит из таких же горных пород, как и земная кора. Упругость же её и плотность возрастают с глубиной вследствие роста давления, которое постепенно увеличивается, достигая в центре Земли трёх миллионов килограммов на квадратный сантиметр.

Автор книги не считает возможным дать предпочтение тому или иному предположению. Он полагает, что наблюдаемые изменения упругих свойств Земли, очевидно, происходят в результате как роста давления, так и изменения её химического состава. Вполне вероятно, что внутри Земли происходят оба процесса.

Большое давление, которому подвергаются горные породы внутри Земли, служит причиной изменения их структуры и физических свойств. Не теряя своей твёрдости и упругости по отношению к кратковременным силам, горные породы становятся способными к пластическим деформациям под влиянием длительно действующих небольших сил.

В. Бончковский указывает на лабораторные опыты, когда под давлением 10—20 тысяч килограммов на квадратный сантиметр даже такие твёрдые и хрупкие породы, как, например, гранит, приобретают свойство пластичности. Такой величины давление достигает уже на глубине семидесяти километров. Следовательно, глубже почти все горные породы должны стать пластичными.

Это обстоятельство придаёт новый смысл устаревшему понятию о земной коре, сложившемуся тогда, когда думали, будто наша планета находится в расплавленном состоянии. Так как Земля пластична, то под действием центробежных сил она должна приплюснуться вдоль оси, хотя бы и никогда не была расплавленной. В отношении реакции на действие длительных сил её можно считать жидким телом; твёрдая земная кора не мешает деформации Земли.

Однако, несмотря на пластичность, Земля не может вести себя буквально так, как жидкий шар, потому что её вещество обладает огромной вязкостью, которая увеличивается с ростом давления. Известно, что вязкость воды под давлением в 12 тысяч килограммов на квадратный сантиметр увеличивается вдвое. Вязкость же вещества больших глубин Земли в миллион миллионов раз больше, чем, например, у

твёрдого сургуча. Вследствие этого пластическое изменение формы Земли должно происходить чрезвычайно медленно.

Из книги читатель узнаёт также о «твёрдом приливе» в земной коре, происходящем под действием притяжения Луны. «Прилив» этот немного изменяет форму Земли, которая чуть-чуть вытягивается в направлении Луны. Такое явление можно заметить по незначительному отклонению отвеса в течение суток от его среднего положения, причём конец отвеса списывает сложную кривую. В результате наблюдений доказано, что Земля сопротивляется изменению её формы больше, чем закалённая сталь.

Автор книги не ограничился изложением узкогеофизических проблем, а поставил их в связь с геологическими данными о строении земной коры, медленными вертикальными движениями материков, результатами повторных геодезических измерений, свидетельствующих об изменениях рельефа земной поверхности. Объясняя

наблюдаемые деформации земной коры, В. Бончковский отдаёт должное роли сжатия Земли, которое возможно не только вследствие её охлаждения, но и в результате уплотнения вещества глубины Земли. «Нам кажется. — говорит он, — что в жизни земной коры сжатие от охлаждения если и не является основным фактором формирования и изменения земной поверхности, то всё же имеет большое значение».

Эта точка зрения учёного, рассматривающего вопрос о деформациях земной коры с позиций механики и физики, представляет значительный интерес для выяснения причин горообразования.

Наша научно-популярная литература пока ещё очень небогата книгами на тему, избранную профессором В. Бончковским. Поэтому его новая работа принесёт большую пользу всем, кто хочет расширить свои знания о внутреннем строении Земли.

Инженер-геолог
Ф. БУБЛЕЙНИКОВ.

★

Основоположник научного степного лесоразведения

Крупнейший русский географ Г. Н. Высоцкий (1865—1940) в полном смысле слова может быть назван основоположником научной теории степного лесоразведения. Всю свою деятельность он посвятил улучшению природных условий наших южных степных районов. «Советская география, — указывает А. Исаченко в своей книге о Высоцком, — обязана ему развитием важнейших принципов докучаевской школы и появлением новых, оригинальных идей, обогативших географическую теорию».

Являясь последователем прогрессивного учения В. В. Докучаева о почве как о постоянно развивающемся естественноисторическом теле и о географической зональности, положившей начало современной географии, Г. Н. Высоцкий в своих трудах развил основные стороны этого учения. Он интересовался самыми различными вопросами — от геоботаники и гидрологии до климатологии и особенно агролесомелио-

рации. Большая часть положений, высказанных замечательным учёным, не утратила своего теоретического и практического значения до нашего времени.

Широта кругозора, огромная эрудиция и своеобразие взглядов Г. Н. Высоцкого вызывают интерес к его наследию у всё более широких кругов читателей. Именно поэтому следует признать своевременным издание книги А. Исаченко, рассчитанной на географов, специалистов других естественных дисциплин, учителей и студентов. Несмотря на небольшой объём, она достаточно полно освещает научную и общественную деятельность Г. Н. Высоцкого.

С детских лет будущий учёный полюбил природу. «Меня всегда влекло в лес, на поля, на луга, — писал он в своей автобиографии. — Я рано познал растения, не умея ещё их называть, знал их биологию, различал разные местопроизрастания и понимал некоторые взаимоотношения между ними».

Научная деятельность Г. Н. Высоцкого началась вскоре после окончания им Петровско-Разумовской (ныне Тимирязевской) академии Вместе с Н. Сибирцевым, К. Глинкой, Г. Танфильевым, ставшими впослед-

А. Г. Исаченко. «Георгий Николаевич Высоцкий — выдающийся отечественный географ». Издательство Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, Л. 1953.

ствии также виднейшими деятелями науки, он принял участие в «Особой экспедиции по испытанию и учёту различных способов и приёмов лесного и водного хозяйства в степях России», которая была организована под руководством В. В. Докучаева после страшной засухи 1891 года.

Вскоре Г. Н. Высоцкий, по его собственному желанию, был назначен в самое южное степное лесничество — Велико-Анадольское (в бывшем Мариупольском уезде). Перед ним, пишет А. Исаченко, «стояли сложнейшие задачи выработки рационального, устойчивого типа лесных посадок, создания полезащитных, приовражных и других насаждений и выяснения их влияния на прилегающие участки». Здесь учёный плодотворно работал в течение двенадцати лет. На площади размером свыше пятисот гектаров он создал прекрасные лесные насаждения; написал более сорока научных работ. Здесь же оформилась и цель всей его научной деятельности, сформулированная им позже в следующих словах: «...изучение природы степной местности и её пересоздание путём лесоразведения».

Работая затем в качестве ревизора лесоустройства, Высоцкий ведёт большую исследовательскую работу по лесоразведению в Тульских засеках, среднем Заволжье, Бузулукском бору, в Ергенях, в Молдавии. С 1909 года он руководит всеми лесоустроительными работами в степной зоне, занимаясь одновременно различными географическими исследованиями.

После Великого Октября развёртывается педагогическая деятельность Высоцкого в различных высших учебных заведениях страны, преимущественно в Белоруссии и на Украине.

Занимаясь вопросами степного лесоразведения, Высоцкий глубоко изучил природу степей, следуя завету Докучаева одинаково «читать и штудировать» все элементы единого природного комплекса, всю цельную, неразделимую природу.

Во всех смежных научных дисциплинах Г. Н. Высоцкий оставил яркий и заметный след своей творческой мысли. Это особенно относится к почвоведению. Он ввёл в науку представление об иллювиальном горизонте в почве, то есть о горизонте накопления растворимых минеральных и органических веществ, вымытых атмосферными водами из верхних почвенных покровов. Им была

составлена подробная классификация почв, основанная на особенностях водного режима последних. Он изучал связи климата и рельефа с почвообразованием, исследовал пески, интересовался деятельностью почвенных животных.

Большое место в своих исследованиях Г. Н. Высоцкий отводил микроклиматическим наблюдениям, в частности распределению минимальных температур у земной поверхности — вопросу, существенно важным для степного лесоразведения. Чрезвычайно ценным показателем, введённым Высоцким в климатологию, является критерий сухости и влажности климата. Показателем увлажнения, по его мнению, служит отношение годовой суммы осадков к испаряемости. Как подчёркивает А. Исаченко, этот показатель наиболее объективно отражает степень влажности климата по сравнению с другими попытками, сделанными в этом направлении за рубежом (В. Кеппен, Э. Мартонн).

Г. Н. Высоцкий был не только выдающимся ботаником-географом, но прекрасным знатоком систематики и морфологии растений. В соответствии с современными принципами мичуринской биологии растение всегда рассматривалось им в единстве со средой обитания. «В природе ясно выражена неизбежная связь организма с условиями его развития, со средой. Без участия среды нет также и леса. Изучать лес, его строение, его жизнь оторвано от одновременного изучения среды бесцельно. Это будет изучение чего-то нереального или уже неживого».

Много нового внёс он и в учение о типах леса, созданное выдающимся лесоводом Г. Ф. Морозовым, оказавшим большое влияние на формирование взглядов Высоцкого. Весьма плодотворными были работы Высоцкого в области одной из важнейших географических проблем — проблемы взаимоотношений леса и степи. В отличие от других исследователей Высоцкий видел причину естественного безлесья степей не в каком-либо одном факторе (в структуре или химизме почв, равнинности рельефа, конкуренции степной растительности и т. д.), а в сочетании ряда особенностей природного комплекса, называемого степью.

Учёному принадлежит и детальная разработка наиболее рационального типа лесных насаждений в степи — лесных полос. Степное лесоразведение рассматривалось им как

средство для повышения урожайности сельскохозяйственных культур. После многочисленных наблюдений за урожайностью на омытых участках, начало которым было положено при его активном участии, он писал в 1936 году: «...теперь мы уже имеем некоторые основания для покрытия наших обширных степных полей полезащитными полосами с целью повышения их урожайности».

В советский период перед Высоцким открылись невиданные возможности превращения в жизнь своих теоретических и экспериментальных выводов. До последних дней жизни он работал над проблемами преобразования природы.

Автор сумел нарисовать запоминающийся облик Г. Н. Высоцкого. Он встаёт перед читателем как учёный-патриот, проводник передовых взглядов в науке, враг догматизма и косности, требовательный к себе, вни-

мательный наблюдатель-«следопыт», сторонник здоровой критики в научной работе. Облик этого замечательного советского учёного является прекрасным примером служения своему народу.

Рассматривая многогранное научное творчество Г. Н. Высоцкого, автор критически разбирает отдельные спорные или устаревшие положения учёного, что, несомненно, повышает познавательное значение книги.

Написанная на высоком научном уровне, книга А. Исаченко обладает одним недостатком, к сожалению, довольно часто встречающимся в работах наших специалистов, — сухостью изложения. Не снижая ценности книги, сухость делает её менее доходчивой до читателей. Приходится пожалеть также и о том, что она содержит, не считая портрета Г. Н. Высоцкого, только одну иллюстрацию.

А. АСЕЕВ.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 2 марта 1954 г. по докладу тов. Н. С. Хрущёва. 40 стр. Цена 45 к.

Об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1953 году. Сообщение Центрального Статистического Управления при Совете министров СССР. 32 стр. Цена 35 к.

Обращение участников Всесоюзного совещания работников совхозов, созданного ЦК КПСС и Советом министров СССР. 16 стр. Цена 15 к.

Обращение участников Всесоюзного совещания работников МТС, созданного ЦК КПСС и Советом министров СССР. 16 стр. Цена 15 к.

Обращение участников Всероссийского совещания передовиков сельского хозяйства, созданного ЦК КПСС, Советом министров СССР и Советом министров РСФСР. 16 стр. Цена 20 к.

В. М. Молотов. Об итогах Берлинского совещания. Заявление министра иностранных дел СССР. 31 стр. Цена 25 к.

Вопросы сельского хозяйства в местных газетах. (В помощь работникам печати). 68 стр. Цена 80 к.

С. Голиков. Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. 312 стр. Цена 6 р.

А. Денисов. Конституция СССР и её международное значение. 64 стр. Цена 55 к.

В. Я. Зевин. Политические взгляды и политическая программа Н. Г. Чернышевского. 320 стр. Цена 5 р. 50 к.

В. Зотов. За крутой подъём производства продовольственных товаров. 72 стр. Цена 65 к.

А. Костин. Великая сила союза рабочих и крестьян. 72 стр. Цена 65 к.

В. Кружков. Массовая политическая работа на селе и задачи печати. (В помощь работникам печати). 32 стр. Цена 40 к.

М. Крутоголов. Как проходят выборы в странах капитала. 64 стр. Цена 55 к.

Н. Кулагин. Разорение и обнищание крестьянства в капиталистических странах. 192 стр. Цена 2 р. 30 к.

В. Д. Кульбакин. Милитаризация Германии в 1928—1930 гг. 244 стр. Цена 4 р.

О. В. Куусинен. Коммунистические партии Западной Европы в авангарде борьбы за демократические свободы. 24 стр. Цена 25 к.

П. Мстиславский. Забота о благе народа — высший закон Коммунистической партии. 88 стр. Цена 85 к.

Наша великая Родина. 516 стр. Цена 10 р.

В. Пчелин. Критика и самокритика в Коммунистической партии. (В помощь партийному работнику). 96 стр. Цена 1 р. 10 к.

Б. С. Тельпуховский. Великая победа Советской Армии под Сталинградом. 168 стр. Цена 3 р. 75 к.

Д. Шепилов. Печать в борьбе за дальнейший подъём сельского хозяйства. (В помощь работникам печати). 64 стр. Цена 80 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Иван Варавва. Ветер с Кубани. Лирика. 84 стр. Цена 1 р. 40 к.

Евгений Воробьёв. Высота. Роман. 416 стр. Цена 7 р. 55 к.

Сайфи Кудаш. Навстречу весне. Повесть. Авторизованный перевод с башкирского О. Резника. 240 стр. Цена 4 р. 30 к.

Леонид Ленч. Дорогие гости. 196 стр. Цена 3 р. 60 к.

Кирей Мэргэн. На склонах Нарыш-Тау. Роман. Авторизованный перевод с башкирского В. Васильевой. 252 стр. Цена 4 р. 50 к.

Сергей Обрадович. Избранное. Стихи и поэмы. 232 стр. Цена 3 р. 85 к.

Вера Панова. Времена года. Из летописи города Энска. Роман. 356 стр. Цена 6 р. 20 к.

Фёдор Панфёров. Большое искусство. Роман. 448 стр. Цена 7 р. 35 к.

Михайло Стельмах. Над Черемошем. Гуцульские мотивы. 256 стр. Цена 4 р. 70 к.

Николай Старшинов. В нашем общежитии. Лирика. 96 стр. Цена 1 р. 55 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. 528 стр. Цена 13 р. 15 к.

Оноре Бальзак. Собрание сочинений в 15 томах. Том IX. Человеческая комедия. Сцены парижской жизни. Блеск и нищета куртизанок. — Тайна княгини де Кадиньян. Перевод с французского. 596 стр. Цена 15 р.

Виктор Гюго. Собрание сочинений в 15 томах. Том IV. Мария Тюдор. — Анджело,

тиран Падуанский.—Рюи Блаз.—Торкве-
мада. Перевод с французского. 464 стр. Це-
на 12 р.

Теодор Драйзер. Собрание сочинений в
12 томах. Том XI. Публицистика
(1917—1935 гг.). Перевод с английского.
623 стр. Цена 15 р.

Жигмонд Мориц. Родственники. Роман.
Перевод с венгерского. 332 стр. Цена 6 р.
35 к.

Румынские народные песни и сказки.
Перевод с румынского. 180 стр. Цена 3 р.
45 к.

Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинен-
ний. (Юбилейное издание 1828—1928).
Том XIV. Война и мир. Черновики и ва-
рианты. Часть 2. 448 стр. Цена 18 р.

Святоплук Чех. Избранное. Перевод с
чешского. 606 стр. Цена 9 р. 50 к.

Бернард Шоу. Избранное. Перевод с ан-
глийского. 864 стр. Цена 16 р. 10 к.

Я. Е. Эльсберг. Салтыков-Щедрин.
Жизнь и творчество. 631 стр. Цена 13 р.
75 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

И. Белинович. Старшая вожатая. 127 стр.
Цена 1 р. 50 к.

К. Горшенин. Конституция СССР — самая
демократическая в мире. 80 стр. Цена 60 к.

Т. Ломакин. Путь штагиста. Литератур-
ная запись В. Викторова. 223 стр. Цена
3 р. 70 к.

Леонид Леонов. Взятие Великошумска.
166 стр. Цена 3 р. 10 к.

Рассказы о пограничниках. Сборник.
256 стр. Цена 6 р. 30 к.

ДЕТГИЗ

А. Батров. Завтра — океан. Повесть.
208 стр. Цена 3 р. 50 к.

В. Бянки. Рассказы и сказки. 364 стр.
Цена 10 р. 15 к.

И. Василенко. Повести и рассказы.
576 стр. Цена 9 р. 65 к.

К. Гладков. Телевидение. 256 стр. Цена
5 р. 70 к.

Е. Кокбвин. Детство в Соломбале. По-
весть. 224 стр. Цена 5 р. 60 к.

О. Кравець. Девочка из Ханьпу. Перевод
с украинского А. Кравченко. 64 стр. Цена
90 к.

Латышские рассказы. Составил В. Кау-
пуж. 323 стр. Цена 5 р. 40 к.

В. Лифшиц. Школьные товарищи. Стихи.
52 стр. Цена 75 к.

И. Новиков. Александр Сергеевич Пуш-
кин. Жизнь и творчество. 192 стр. Цена 5 р.
65 к.

М. Прилежаева. Над Волгой. Роман.
409 стр. Цена 7 р. 40 к.

А. Прокофьев. На Родине нашей. Стихи.
32 стр. Цена 1 р. 90 к.

Али Сабахаттин. Малыш Хасан. Расска-
зы. Перевод с турецкого. 136 стр. Цена 2 р.
75 к.

Е. Чарушин. Про больших и маленьких.
176 стр. Цена 4 р. 15 к.

Элляй. Чурумчуку. Сказка. Перевод
с якутского А. Кочеткова. 32 стр. Цена
55 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А. Д. Архангельский. Избранные труды.
Том II. 672 стр. Цена 42 р. 90 к.

Вопросы космогонии. Том II. 363 стр.
Цена 17 р. 35 к.

К. А. Воробьёв. Птицы Уссурийского
края. 359 стр. Цена 25 р. 70 к.

П. А. Генкель. Солеустойчивость расте-
ний и пути её направленного повышения.
83 стр. Цена 3 р. 55 к.

Корейская Народно-Демократическая
Республика. 446 стр. Цена 19 р. 25 к.

Л. М. Перельгин. Строение дрезвины.
196 стр. Цена 8 р. 75 к.

К. Ф. Рулье. Избранные биологические
произведения. 688 стр. Цена 26 р. 80 к.

Среднеазиатский этнографический сбор-
ник. 412 стр. Цена 24 р. 20 к. •

Учёные записки Института востоковедения.
Том VII. Вопросы политики и эконо-
мики современной Японии. 177 стр. Цена
8 р. 10 к.

А. Е. Ферсман. Очерки по истории кам-
ня. Том I. 371 стр. Цена 32 р.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Вишневский. Избранное. 550 стр. Це-
на 10 р. 35 к.

С. Глуховский. Герой Советского Союза
Иван Николаев. 64 стр. Цена 1 р. 10 к.

Н. Денисов. Авиация на службе у совет-
ского народа. 176 стр. Цена 5 р. 10 к.

П. Ф. Кузнецов, А. М. Иванов. Восста-
новление очага войны в Европе. 151 стр.
Цена 3 р. 40 к.

А. Ларьков. О защите социалистического
отечества. 128 стр. Цена 1 р. 65 к.

И. И. Пономарёв. Герои «Варяга». 96 стр.
Цена 1 р. 5 к.

Советский военный рассказ. Том 2.
1941—1952. 768 стр. Цена 13 р. 75 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Р. Палм Датт. Кризис Британии и Бри-
танской империи. Перевод с английского.
586 стр. Цена 21 р. 60 к.

«ИСКУССТВО»

В. Афанасьев. К. К. Костанди. 26 стр.
Цена 90 к.

А. Парамонов. Н. В. Томский. 99 стр.
Цена 8 р. 35 к.

Н. Погодин. Театр и жизнь. 216 стр. Це-
на 11 р.

Пьесы советских писателей. Том III.
454 стр. Цена 17 р. 50 к.

Советская литовская драматургия.
309 стр. Цена 10 р. 85 к.

Типичный образ на сцене. 160 стр. Це-
на 7 р. 80 к.

П. П. Чистяков. Письма, записные книж-
ки, воспоминания. 592 стр. Цена 32 р. 20 к.

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

А. Денисов. Советская демократия — демократия высшего типа. 40 стр. Цена 90 к.

А. А. Сеницын. Квадратно-гнездовая посадка картофеля. 32 стр. Цена 50 к.

В. Е. Шутый. Воссоединение Украины с Россией. 64 стр. Цена 1 р. 20 к.

ГОСЛЕСБУМИЗДАТ

В. А. Алекторов, Б. С. Беляев, П. П. Пацiora. Электростанции, подстанции и электросети на лесоразработках. 632 стр. Цена 16 р. 75 к.

П. И. Дементьев. Опыт работы Бронницкого лесничества. 48 стр. Цена 1 р. 5 к.

Е. И. Мейер. Определитель деревоокрашивающих грибов. 116 стр. Цена 3 р. 60 к.

В. Г. Нестеров. Общее лесоводство. Переработанное издание. 656 стр. Цена 16 р. 10 к.

МУЗГИЗ

В. Виноградов. Справочник-путеводитель по симфониям Н. Я. Мясковского. 204 стр. Цена 14 р. 75 к.

Б. Ярустовский. Драматургия русской оперной классики. 402 стр. Цена 14 р. 50 к.

СЕЛЬХОЗГИЗ

А. Н. Веняминов. Селекция вишни, сливы и абрикоса в условиях средней полосы СССР. 350 стр. Цена 8 р. 80 к.

Колхозы в борьбе за крутой подъём сельского хозяйства. Сборник статей председателей, агрономов и секретарей партийных организаций колхозов. 382 стр. Цена 7 р.

Е. Кудина. За повышение продуктивности лугов и пастбищ. 16 стр. Цена 20 к.

А. Потапов. Садоводство колхоза имени Ленина, Кирсановского района, Тамбовской области. 32 стр. Цена 40 к.

ТРАНСЖЕЛДОРИЗДАТ

И. И. Петрунин. Теплоизоляция паровозных котлов. 32 стр. Цена 50 к.

Г. В. Фёдоров, Л. С. Соколов. Подвижной состав метрополитена. Вагоны типа «Г». 335 стр. Цена 9 р. 45 к.

Г. А. Чибизов. Механизированные способы ликвидации пучин в земляном полотне. 44 стр. Цена 60 к.

АЙПЕТРАТ

Рачня Кочар. Дети большого дома. Роман. Авторизованный перевод с армянского А. Тадеосян. 512 стр. Цена 13 р. 40 к.

ЛАТГОСИЗДАТ

А. Имерманис. Где встретятся все корабли. Стихи. Авторизованный перевод с латышского В. Невского. 160 стр. Цена 3 р. 40 к.

Эдуард Салениек. Шаг за шагом. Роман. Авторизованный перевод с латышского Р. Трофимова. 230 стр. Цена 6 р. 95 к.

МОЛОТОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Терентьев. Повесть о солдатской дружбе. 336 стр. Цена 3 р. 65 к.

НОВОСИБИРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Ершов. Избранное. 216 стр. Цена 4 р. 95 к.

Г. Овсянников. Двухменная работа доярок. 64 стр. Цена 65 к.

И. А. Перевозчиков. Дрожжевание кормов. 64 стр. Цена 65 к.

САРАТОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. Ф. Боровиков. В пути. Рассказы. 152 стр. Цена 2 р. 25 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. Г. Никитин. Изготовление торфоперегнойных горшочков для выращивания рассады овощей. 24 стр. Цена 20 к.

И. С. Панов. На далёком севере. Повести и рассказы. 152 стр. Цена 3 р. 65 к.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

К. Пронская. Вера Лебедева. Повесть. 296 стр. Цена 6 р. 40 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**

Редакционная коллегия:

С. П. Антонов, А. Г. Дементьев (зам. главного редактора),

В. П. Катаев, С. С. Смирнов (зам. главного редактора),

С. Б. Сутоцкий, К. А. Федин, М. А. Шолохов

Редакция: Москва, 6. Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Сдано в набор 24/II-54 г. Подписано к печати 13/III-54 г.
А 01052. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 9 бум. л.—24,66 печ. л. Тираж 140.000. Заказ № 561.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 7 руб.